

Jean Jaures
HISTOIRE SOCIALISTE DE LA REVOLUTION FRANCAISE
EDITIONS SOCIALES, PARIS 1969

Жан Жорес
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

М.: Прогресс. 1976

Перевод с французского в 6-ти томах

ТОМ I
УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ (1789-1791)
книга первая

Перевод тома I, книги первой выполнен: *А.О.Зелениной, Д.Л.Каравкиной*
и *Е.В.Рубининым*

Редактор *Н.В.Рудницкая*

Вступительная статья и редакция доктора исторических наук
А.З.МАНФРЕДА

Веб-публикация: [Vive Liberta, 2013](#)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЖАН ЖОРЕС И ЕГО ТРУД ОБ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
.....
ОТ ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАТЕЛЯ

ВВЕДЕНИЕ

Дополнительные замечания

Глава первая. ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИИ

Дворянство и феодальный строй

Монархия

Церковь

Дефицит

Дух философии

Буржуазия

Экономическая жизнь

Крупная торговля

Бордо

Марсель

Нант

Развитие промышленности

Сельская промышленность

Лион

Лионские рабочие

Дофине

Барнав и экономическая теория Революции

Париж

Деловая жизнь Парижа

Чудесное превращение Парижа

Парижская буржуазия

Парижский пролетариат

Третье сословие — хозяин положения

Дополнительные замечания

Глава вторая. ВЫБОРЫ И НАКАЗЫ

Механизм выборов

Наказы третьего сословия

Привилегированные сословия

Крестьянские наказания

Аграрный капитализм и интенсивное земледелие

Интенсивное земледелие и общинные сервитуты

За и против права сбора колосьев

За и против права выпаса скота по жнивью и на лугах после первого
укоса

Борьба за общинные владения

Наказ крестьян-бедняков Вэра

Против объединения ферм

Кризис виноградарства

Жалобы крестьян прихода Фосс

Дополнительные замечания

Глава третья. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДНИ (20 ИЮНЯ, 14 ИЮЛЯ, 5 и 6 ОКТЯБРЯ)

Генеральные штаты

Конфликт между сословиями

Национальное собрание

Клятва в Зале для игры в мяч

Королевское заседание 23 июня

Призыв к солдату

14 июля

Последствия взятия Бастилии

Великий страх

Ночь 4 августа

Собственность феодальная и собственность буржуазная

«Отмена» феодального порядка

Выкуп феодальных прав

Проблема десятины

Декларация прав

Сентябрьский кризис

Король и решения 4 августа

Революционное движение в Париже

Волнения в Пале-Руаяле

Вопрос о вето

Рабочие волнения
Марат и «Ами дю пёпл»
Октябрьские события
Поход на Версаль
В Национальном собрании
«Короля — в Париж!»
Контрреволюция
План Мирабо
Партии в Собрании
Дополнительные замечания

Глава четвертая. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ЗАКОНЫ
Избирательное право
Пассивные и активные граждане
Марка серебра
Чувства революционной буржуазии
Департаментская организация
Муниципальная система
Дополнительные замечания

Материалы о Жоресе и некоторые его труды
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jnr>

Ознакомиться с содержанием остальных томов и скачать тексты
можно в нашей библиотеке
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
или в сообществе
<http://vive-liberta.diary.ru/p184637171.htm>

ЖАН ЖОРЕС И ЕГО ТРУД ОБ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Выходящее в новом переводе на русский язык издание монументального труда Жана Жореса о Великой французской революции привлечет, несомненно, внимание советской общественности, тем более, что эта книга имеет свою давнюю особую историю.

Прошло уже более 60 лет с тех пор, как Жан Жорес, знаменитый французский трибун, демократ, социалист, бесстрашный противник войны, империализма и реакции, 31 июля 1914 г., на пороге первой мировой войны, был убит выстрелом из-за угла наемной рукой Виллена, направленной силами реакции.

Свыше 70 лет миновало с того времени, когда в самом начале нынешнего столетия, в 1901 г., стали выходить в свет отдельными выпусками первые части труда Жана Жореса, носившего несколько необычное для слуха название «Социалистическая история Французской революции».

Не трудно предположить, что иной из читателей был бы вправе поставить вопрос: есть ли смысл сегодня, 70 с лишним лет спустя, переиздавать эту книгу столь давнего происхождения? Что же, такой вопрос мог бы иметь известные основания, и, по-видимому, прежде всего следует дать ответ на этот гипотетический вопрос.

Старый труд Жана Жореса уже переводился в Советской стране. Следует напомнить, что в самое тяжелое, самое трудное для молодой Республики Советов время, в 1920 г., когда едва лишь погасли огни гражданской войны, Государственное издательство молодой Советской республики, возглавляемой В. И. Лениным, выпустило в Москве большой том крупного формата, озаглавленный «История Великой французской революции» Жана Жореса. Это издание примечательно во многих отношениях. Оно

выполнено на желтой, низкого качества бумаге, со множеством типографских ошибок, на некоторых страницах печать блеклая, трудно читаемая. Тираж издания не обозначен; по всей видимости, он был невелик, так как Советское государство в ту пору испытывало недостаток не только в хлебе и самых необходимых источниках существования, но и в бумаге, типографском оборудовании и, наконец, типографских рабочих. Тем знаменательнее, что в столь невероятно трудных условиях, в годы лишений голодных, мерзнувших, частично обезлюдивших городов молодая Советская республика сочла необходимым уделить из своих скромных фондов бумагу, чтобы издать труд выдающегося французского социалиста об истории далекой революции XVIII в.

Но сочинение Жореса оказалось велико по своему объему, и у Советской республики, выше горла загруженной тысячами иных безотлагательных забот не хватило ни бумаги, ни возможностей довести до конца это издание. «История Великой французской революции» Жана Жореса осталась незавершенной; выпущенные Государственным издательством в 1920 г. первые тома давно уже превратились в библиографическую редкость: их мало теперь даже кто знает. Начатое во времена Ленина дело так и не было доведено до конца. Собственно, одного этого было бы вполне достаточно для того, чтобы оправдать предпринятое ныне издание. Мы выполняем сегодня то, что было начато и завещано нам в эпоху Ленина.

Но не только эти мотивы побудили издательство «Прогресс» предпринять новое издание капитального труда прославленного французского трибуна.

В историографии Великой французской революции труд Жана Жореса всегда занимал и продолжает занимать особое место.

Великая французская революция — классическая тема мировой истории. Прошли многие десятилетия — и в 1939 г. все прогрессивное человечество отмечало 150-летний юбилей революции. В скором времени мы все будем отмечать двухсотую годовщину Великой французской революции, а интерес к тем далеким событиям прошлого все не ослабевает. Более того, Великая французская революция принадлежит к немногим старым, но не стареющим темам, вокруг которых никогда не затихают споры: они шли на протяжении минувшего времени, они продолжают и сейчас, в 70-е годы нашего XX в., может быть с еще большим ожесточением, чем раньше.

В чем причина этого неослабевающего внимания к проблемам Великой французской революции? В истории, как известно, было немало буржуазных по своему объективному классовому содержанию революций. Здесь достаточно напомнить американскую революцию XVIII в., предшествовавшую хронологически французской; ряд революций во Франции — Июльскую буржуазную революцию 1830 г.; Февральскую буржуазно-демократическую

революцию 1848 г.; цикл революций 1848—1849 гг. в германских государствах, в Австрийской империи, итальянских государствах; революцию 4 сентября 1870 г. во Франции, свергнувшую режим Второй империи, и т. д. Но из этого множества буржуазных революций лишь одна по праву называется Великой французской революцией. Так называл ее В. И. Ленин. Мы часто пишем — Французская буржуазная революция XVIII в., Французская буржуазно-демократическая революция XVIII в., и эти определения правильны. Однако все же то определение, которое постоянно давал французской революции В. И. Ленин, с наибольшей силой и ясностью подчеркивает ее историческое своеобразие.

Французская революция XVIII в. привлекала такое пристальное внимание современников и последующих поколений не только потому, что она проходила в чистых, ясных, не затемненных какой-либо идеологической оболочкой формах. Действительное содержание английской революции XVII в., как известно, было замаскировано религиозными покровами. Главное реальное содержание Американской революции XVIII в. заключалось в освобождении бывших английских колонистов, переселившихся в Новый Свет, от власти британской короны. Французская революция выступала без защитных цветов, без какой-либо идеологической маскировки. Однако не только эти ее черты заставляют с особым вниманием относиться к истории этих памятных событий.

По своему объективному содержанию Французская революция была буржуазной революцией, и основой всех совершавшихся в те бурные годы процессов был переход общества от феодальных отношений к новым, буржуазным отношениям. Никакого иного содержания на том этапе исторического развития быть не могло. Но отличительная черта революции XVIII в. во Франции заключалась в том, что, будучи буржуазной по своему классовому содержанию, она являлась демократической, народной революцией по своему характеру. Что это значит? Это значит, что особенность Французской революции XVIII в. заключалась прежде всего в том, что ее главной движущей силой являлся народ, что это была революция, на развитие которой народ наложил свой отпечаток. Именно участие народа в революционном процессе и придало Французской революции XVIII в. ее размах и глубину. То была революция, совершавшаяся по пути восхождения вверх; от этапа к этапу она поднималась на более высокую ступень своего развития, и можно смело сказать, что из всех известных науке буржуазных революций это была наиболее плодотворная, наиболее результативная революция, оставившая глубокий и длительный след в памяти поколений.

Само собой разумеется — и искушенному советскому читателю нет нужды это разъяснять — непосредственным участникам революции 1789—1794 гг. творимое ими дело представлялось отнюдь не утверждением буржуазных порядков, а совершенно

иначе. Люди, творившие революцию, были искренне убеждены в том— и к этому их подготовила вся французская философия XVIII в.,— что они ведут великую борьбу за освобождение всего человечества, за всеобщее благо, за раскрепощение навечно людей от всех форм угнетения. Глубокая убежденность в исторической правоте своего дела и придала людям 1789—1794 гг. ту последовательность, твердость, волю к борьбе, которые могли обеспечить решающие успехи революционного процесса.

Поколению французских революционеров, вступившему в борьбу с силами феодально-абсолютистского строя, нанесшему ему сокрушительный удар, пришлось логикой борьбы начать непримиримую, ожесточенную борьбу с противостоящими контрреволюционными силами не только внутри страны, но и со всей феодальной Европой. По мере того как революция шла по пути своего углубления, по мере того как народ все больше втягивался в борьбу с врагами революционного отечества, число противников революции увеличивалось.

Логика революционной борьбы привела к столкновению революционной Франции со всей контрреволюционной феодально-абсолютистской Европой. С 1792 г. судьбы революции решались на полях сражений множества фронтов. Разутые, раздетые, плохо вооруженные солдаты революционной армии должны были отбиваться от войск почти всех феодальных монархий Европы. Пруссия, Австрия, другие германские государства, Англия, Голландия, Испания, итальянские государства шли походом против революционной Франции. За спиной этих монархий стояла Российская империя. Могла ли истощенная ожесточенной войной, ослабленная внутренними заговорами Франция противостоять этой могущественной коалиции? Опыт революционных лет и в особенности высшего, якобинского, этапа Французской революции показал и доказал, что это, казавшееся современникам чудом, практически осуществимо. Французская революционная армия, армия поднявшихся для защиты завоеваний революции крестьян разгромила многочисленные, лучше вооруженные силы интервентов и обеспечила революционной Франции победу.

Как это было достигнуто? Как это стало возможным? Это стало возможным, потому что французский народ и возглавлявшая его революционная партия якобинцев не остановились на полпути; они осуществляли революцию революционными средствами.

Французская революция потому и была признана великой классической революцией, что она сумела довести стоявшие перед ней задачи в главном до конца. Она сокрушила феодальный строй, сломала сопротивление его сторонников и прислужников с такой решительностью, с такой смелостью, с такой беспощадностью, как ни одна другая революция.

В. И. Ленин, высоко ставивший историческое значение Великой французской революции и ее передовой революционной партии,

якобинцев, подчеркивал ту мысль, что, в сущности, «весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии»¹.

Великая французская революция оставила в наследство следующим поколениям, вступавшим в революционную борьбу, великие демократические принципы. Знаменитая Декларация прав человека и гражданина 26 августа 1789 г., якобинская демократическая Конституция 1793 г., наконец, главный лозунг эпохи «Свобода, равенство, братство» надолго сохранили свое огромное значение для последующих поколений, вплоть до нашего времени.

Силы реакции, которые и сегодня борются против нового, социалистического общества, утвердившегося в нашей стране и в других странах социалистического содружества, которые атакуют все передовое, все прогрессивное, что несет освобождение народу, продолжают и ныне вести то открытую, то закамуфлированную борьбу против Великой французской революции и ее наследия.

Коренные проблемы Французской революции XVIII в. остаются острыми и в наше время. Стрелы, направленные против революции XVIII в., целят дальше, они направлены против освободительных сил современной эпохи. Эта связь проблем Великой французской революции с современностью и придает такую остроту этой теме, отдаленной от нас почти двумя столетиями. И этого было бы достаточно, чтобы встретить со вниманием и интересом большой труд, посвященный Великой французской революции и принадлежащий перу такого крупного политического деятеля, как Жан Жорес.

Его труд оказал столь большое влияние на последующее развитие историографии Великой французской революции и занял в ней такое значительное место, что это требует специальных, непосредственно к нему относящихся вводных замечаний.

Мы вернемся к этому несколько позже, а сейчас, прежде чем перейти непосредственно к вводным замечаниям, предвещающим выдающийся труд прославленного автора, следует, видимо, рассказать хотя бы коротко о самом создателе «Социалистической истории Французской революции».

* * *

Жизненный путь Жана Жореса, как и вся его политическая и литературная деятельность, не был ни простым, ни прямолиней-

1. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 367.

ным. И сам Жорес, как политический деятель, как один из самых мужественных борцов за демократию, как один из вождей французского и международного социалистического движения конца XIX — начала XX вв., как человек — был сложен и противоречив. По-видимому, первое, что надо признать, это то, что Жорес был человеком исключительной одаренности. В течение неполного человеческого века, который ему суждено было прожить, он завоевал славу первого оратора Европы и мира. Жана Жореса справедливо считали лучшим оратором не только французской палаты депутатов, неизменным членом которой он оставался на протяжении всей своей сознательной жизни, не только лучшим оратором национальных и международных социалистических конгрессов, но оратором, с которым трудно было соперничать противникам. Дар спонтанного красноречия, искусство творческой импровизации обеспечивало ему всеобщее признание. «Вы сам один — большинство», — как-то бросили ему реплику, и в этом была доля истины. Но все-таки, как ни велик был ораторский дар Жореса, его огромное влияние, которым он пользовался при жизни, объяснялось не только талантом красноречия. Известный французский писатель Роже Мартен дю Гар в своем знаменитом романе «Семья Тибо» вкладывает в уста своего любимого героя Жака Тибо, верного ученика Жана Жореса, слова: «Существовать, думать, верить — все это ничто! Все это ничто, если нельзя претворить свою жизнь, свою мысль, свои убеждения в *действия*». Французский романист был близок к исторической правде, надеялся молодого ученика Жореса, потрясенного гибелью своего учителя, волей к действию.

В век парламентского красноречия — если угодно, красноречия — Жан Жорес, первый оратор Европы, всегда отличался от своих современников прежде всего тем, что он был человек не слов, а действия. Его слова, его речи предшествовали действию. Речи эти произносились для того, чтобы претворить слово в дело. Вероятно, это можно объяснить тем, что Жан Жорес в своей политической деятельности оставался всегда искренним, — качество, редко встречающееся у искушенных в политике деятелей. Но он в известном смысле также был исключением среди многочисленных своих коллег по парламентскому и политическому поприщу.

Если считать допустимыми известные обобщения, всегда несколько условные, то можно сказать, что для политической жизни западного буржуазного мира конца XIX — начала XX вв. преобладающим типом политического деятеля был тип политика, шедшего по ставшей классической дороге «слева направо».

Конечно, нельзя отрицать, что были политические деятели, стяжавшие себе славу и прочное положение неизменной приверженностью к правым взглядам. Здесь, естественно, приходят

на память такие государственные деятели, как Дизраэли, Чемберлены, Черчилль в Англии, Раймон Пуанкаре во Франции, Бисмарк, Мольтке, все окружение кайзеров Гогенцоллернов в Германии и т. д. И все же по мере нарастания классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией и усложнения внутренней обстановки в капиталистических странах общественный спрос, если можно так сказать, был не столько на правых политических деятелей, сколько на политиков, умеющих варьировать методы.

Достаточно напомнить некоторые общеизвестные примеры: Дэвид Ллойд Джордж начал с крайне левой позиции в период англо-бурской войны и стал позднее лидером буржуазной империалистической Англии, сумевшим объединить вокруг себя обе классические буржуазные партии — и либералов и консерваторов; можно также напомнить всем известного Джеймса Рамсея Макдональда, в молодости выступавшего как социалист и даже на собственном опыте познавшего, что представляют собой британские тюрьмы, и закончившего свой жизненный путь в качестве премьер-министра Британской империи. Еще более распространена была эта эволюция слева направо в условиях парламентской Третьей республики во Франции. За примерами нет нужды ходить далеко. Жорж Клемансо, в студенческие годы друг знаменитого революционера Огюста Бланки, радикал, смело выступавший и против Второй империи, а затем против консервативных правительств Третьей республики, один из самых грозных противников буржуазных министров-оппортунистов, человек, завоевавший репутацию «сокрушителя министерств», как известно, уже в 1906—1909 гг. стал одним из самых «жестких» премьер-министров буржуазной Франции, завоевавшим репутацию человека «твердой руки», а позже, в годы империалистической войны, в 1917 г., ставший фактически диктатором империалистической республики, ведшей борьбу не на жизнь, а на смерть против Германии и против молодой Республики Советов.

Всем известна судьба Александра Мильерана, начавшего свой жизненный путь членом социалистической партии, затем изменившего социализму, чтобы приобрести министерский портфель, и закончившего свою политическую карьеру президентом Французской республики в самые темные годы ее истории, когда он возглавил политику крайней империалистической реакции и анти-советской интервенции; в 1924 г. он должен был, в конце концов, по требованию буржуазного большинства, возглавляемого Эррио, сложить досрочно полномочия президента, потому что палата депутатов буржуазной Франции не желала иметь дело со столь откровенно реакционным президентом. Можно было бы напомнить политическую карьеру Аристиде Бриана, проделавшего во многом сходную эволюцию. Можно было бы вспомнить и за пределами Франции, в Италии, жизненный путь Бенито Муссолини, начавшего карьеру одним из левых социалистов и закончившего ее вожд-

дем фашистского режима, ненавидимого всем итальянским народом. Нет недостатка и в иных сходных примерах, но нет нужды их продолжать.

Я позволил себе привести все эти примеры лишь для того, чтобы резче оттенить отличие жизненного пути Жана Жореса от жизненного пути его современников и, если хотите, его коллег. Жорес всю свою жизнь, или, скажем осторожнее, большую часть своей жизни, шел в противоположном направлении — он шел не слева направо, а справа налево. Выходец из буржуазной среды, по своему происхождению, по своим родственным связям, по своему воспитанию и образованию принадлежавший к верхним слоям буржуазной элиты (здесь можно отметить, что его брат, в свое время известный адмирал Жорес, был послом Французской республики при дворе русского императора и занимал другие высокие посты), профессор философии, один из широко известных публицистов, для которого были открыты двери всех редакций крупной французской печати, Жорес постепенно, движимый внутренними побуждениями и приобретенным им с годами опытом политической борьбы, оставаясь субъективно всегда безупречно честным и чистым в своих побудительных мотивах, совершал на протяжении многих лет эволюцию влево, продвигаясь постепенно от буржуазного радикализма к социализму.

Жорес был республиканцем. Он был убежден, что республика есть лучшая, наиболее совершенная форма организации государственной политической власти. Но в 1885 г., будучи избранным впервые членом палаты депутатов и оставаясь затем в стенах Бурбонского дворца вплоть до своей гибели, он вскоре должен был убедиться в том, что эта республика, казавшаяся издали столь прекрасной, на деле, в реальной действительности была совсем иной. С горечью он видел вокруг себя циничных дельцов, озабоченных обогащением, личным преуспеянием, творящих какие-то сомнительные и, вероятнее всего, темные дела. Он видел коррупцию, глубоко проникшую во все поры республиканского режима, стяжательство, соперничество мелких самолюбий, полное равнодушие к нуждам народа, пренебрежение его интересами, прикрываемые банальными фразами о верности республиканским идеям. То, что он видел в стенах палаты депутатов, а затем в своей практике журналиста и политического деятеля, не поколебало его веры в республику как таковую. Он остался республиканцем, остался убежденным демократом, но пришел к осознанию, что не так плоха республика как идея, сколь плохи люди, которые ее предали и продали. Жорес порвал с буржуазным республиканизмом и всеми теми буржуазными группировками, с которыми был связан воспитанием и началом своей политической деятельности. Более того, он порвал с классом, из которого вышел, с буржуазией, с империалистической буржуазией, как это будет позже, в XX в., и вступил с ней в открытую борьбу,

Прямым и непосредственным последствием разрыва с буржуазией был приход к пролетариату. Жорес открыто заявил, что он переходит на сторону рабочего класса, в котором видит истинного наследника республиканских традиций, продолжателя великого дела, начатого в 1789—1793 гг. В 1893 г. Жорес был избран депутатом от рабочих Кармо.

Обычно, в условиях Третьей республики, депутатский мандат, кому бы он ни был дан, являлся лишь началом политической карьеры. Жорес шел иначе. Он считал, что если рабочие выбрали его в депутаты, то это, естественно, означает, что он должен оправдать оказанное ему доверие.

Придя в ряды социалистического движения и сразу же в силу своего таланта и ораторского искусства ставши одним из выдающихся ораторов социалистической партии, Жорес — и было бы неправильным это скрывать или даже преуменьшать — привнес в него и ряд ошибочных предубеждений, предрассудков, воззрений, являвшихся следствием его предшествующего жизненного пути.

В 90-е годы Жорес увлеченно изучал сочинения К. Маркса и многократно заявлял о том, что является его приверженцем. Но надо сказать правду, он не стал истинным марксистом. В рядах социалистической партии почти с первых дней прихода в нее Жореса у него возникали многократные споры с Жюлем Гедом. В спорах между Жоресом и Гедом большей частью был прав Гед. И следует вообще признать, что в выступлениях на конгрессах Французской социалистической партии, а затем на международных социалистических конгрессах, во II Интернационале, позиции Жана Жореса во многих случаях были ошибочными. Их порой квалифицировали, и не без основания, как оппортунистические. Более того, с течением времени во II Интернационале сложилось такое положение, что Жан Жорес нередко выступал в роли лидера правого крыла II Интернационала. Однако сказать, что Жан Жорес был оппортунистом или что Жорес был лидером реформистского крыла II Интернационала, и поставить на этом точку значило бы совершить грубую ошибку.

Источником некоторых ошибок Жана Жореса являлась его склонность к иллюзиям. Он все еще видел мир, буржуазный мир, лучшим, чем он был в действительности. Каковы бы ни были субъективные мотивы его ошибок, никому не приходило в голову обвинять его в корыстных или каких-либо иных недостойных побуждениях. Но ошибки оставались ошибками, поэтому нередко и В. И. Ленин, и Роза Люксембург, и некоторые представители левого крыла во II Интернационале выступали с критикой Жана Жореса. Но В. И. Ленин, ведя принципиальную борьбу против ошибочных взглядов Жореса, против всего оппортунистического направления, вместе с тем подчеркивал: «Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм, тот

должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия»¹.

Это суждение В. И. Ленина наряду с другими его высказываниями о Жоресе говорит о том, что Ленин в своей критике жоресизма никогда не забывал о безукоризненной честности и искренности Жореса, о чистоте и благородстве его побуждений.

Порой говорят о реформизме Жореса, но нельзя забывать, что реформизм Жореса никогда не был реформизмом Бернштейна, Макдональда, Зюдекума. Жорес никогда не был прислужником буржуазии. Он не протягивал ей руку дружбы. Он был беззаветно преданным защитником демократии, борцом за дело пролетариата, грозным противником буржуазии, не боявшимся вступать в открытую борьбу против нее и называть своих врагов по имени.

Когда сопоставляют политическую линию Жана Жореса с политической линией Жюль Гед и говорят о том, что Гед в большинстве случаев был теоретически прав, то против этого нелегко спорить, но можно ли считать случайностью, что когда настал решающий час войны, то выстрел империалистической реакции сразил не Жюль Гед, а Жана Жореса? В решающей борьбе не на жизнь, а на смерть — борьбе за тыл — империалистическая реакция не ошибалась. Жюль Гед писал и произносил марксистски совершенно правильные речи, и честь и хвала ему за это. Но все-таки в закрытых, законспирированных узких кругах империалистической реакции хорошо знали, что Жорес был опаснее Гед. Жорес был человеком не слов, а действия.

Источником слабости Жореса (и, может быть, с этим нужно связывать и некоторые его теоретические ошибки) была склонность к несколько абстрактному, отвлеченному гуманизму. Жорес был одним из последних представителей давней, восходящей к просветительству XVIII в. традиции французского гуманизма. От французского просветительства XVIII в., от социальной мечтательности эпохи Великой французской революции, от утопического социализма он унаследовал веру в силу разума, оптимистическую веру в будущее, как его ни называть — золотым веком или социалистическим строем. Вряд ли является случайностью, что основанная Жаном Жоресом газета, начавшая выходить с 1904 г. и являющаяся ныне боевым органом Французской коммунистической партии, была названа им «Юманите», то есть «Человечность». Французские коммунисты не забывают сегодня об этом и не отрываются от своего основателя: на первой странице «Юманите» значится: «Основатель Жан Жорес».

Понятно, что школа классовой борьбы, в самой гуще которой находился Жан Жорес, живое общение с рабочим классом, у которого он многому научился, существенно перевоспитали Жореса. Достаточно проследить его статьи в той же «Юманите» за десять последних лет его жизни, с 1904 по 1914 г., и можно явственно ощутить, как отчетливо шел все дальше вперед Жан Жорес. Нельзя

считать случайным, что во время первой русской революции 1905—1907 гг. именно Жан Жорес, а не кто-либо иной из французских социалистов или деятелей II Интернационала, глубже всех понял роль русского пролетариата. Именно Жоресу принадлежало замечательное по своей глубине и проницательности определение, что отныне авангардная роль в мировом революционном движении переходит к русскому пролетариату. Больше, чем многие другие деятели II Интернационала, Жорес сумел научиться у русской революции и, в частности, понять опыт массовой политической стачки.

Конечно, это большая и самостоятельная тема — Жорес и русское революционное движение и я далек от мысли в этих беглых строчках раскрыть ее или даже подчеркнуть самое важное. Однако было бы несправедливым не видеть, что по ряду существенных вопросов Жорес сумел пойти дальше, чем другие социалисты II Интернационала, в оценке роли русского пролетариата в революции 1905 г.

Сознательное и определенное движение влево Жана Жореса было непрерывным. Особенно заметный идейный сдвиг влево в последние годы его жизни не снимает, однако, того (и это раскрывает нам противоречивость воззрений Жореса), что он так и не смог до конца преодолеть в философско-политическом мышлении черты абстрактного гуманизма. Это роднило его с тем направлением передовой идейной и художественной мысли во Франции, которое ярче всего представлено в XX в. такими крупными французскими литераторами, как Анатоль Франс и Ромен Роллан.

Конечно, между ними были и значительные различия — между А. Франсом и Р. Ролланом и между обоими художниками и Жаном Жоресом. Иначе и быть не могло. В литературном наследии этих трех больших людей можно найти и критические суждения друг о друге. Все это так. Вещи надо принимать такими, какими они были. Но в то же время важно установить и иное: их идейную, этическую, интеллектуальную близость. Замечательно, что Анатоль Франс, насмешливый, ироничный, скептический, умел находить совершенно иные слова, когда речь заходила о Жане Жоресе. Трудно назвать еще кого-либо из его современников, кроме В. И. Ленина, которых он так бы высоко ценил. Но важнее личных чувств было в какой-то степени объединявшее этих двух замечательных французов их идейное родство: у Франса оно порой перерастало в непосредственное политическое сотрудничество с Жоресом. Важнейшее философско-политическое сочинение А. Франса «На белом камне», которое в какой-то степени было вершиной в его движении к социализму, начало печататься

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 25.

в «Юманите» 18 апреля 1904 г., то есть с первого номера газеты. В сущности, у колыбели знаменитой газеты, ныне центрального органа Французской коммунистической партии, стоял не только Жан Жорес, но и Анатоль Франс. И было закономерным, что в дни первой русской революции и Анатоль Франс, и Жан Жорес плечом к плечу выступили в ее защиту в Обществе друзей русского народа, в кампании против займа царизму, в организации движения солидарности передовой Франции с русским народом.

Жорес — и этим он отличался от многих других французских социалистов — был полон веры в будущее русского народа. Клемансо над ним иронизировал, он говорил: обратите внимание на речи и статьи Жореса — у него все глаголы в будущем времени. В этом замечании было что-то верное. Жорес был человеком, верившим в будущее. Он верил в русский рабочий класс, в неиссякаемую творческую энергию народа, в его способность изменить мир. Тогда как на Западе многие считали, что русская революция обречена либо на поражение, либо на вырождение в тривиальное повторение западноевропейских образцов, Жорес оценивал ее иначе. В дни героического декабрьского восстания в Москве, смутившего многих из т. н. ортодоксальных марксистов II Интернационала, Жорес восторженно писал: «Это горячее дупление свободы и справедливости, которое отныне идет в Европу из обледеленной страны».

Этот искренний, ненаигранный, идущий из внутренней убежденности, уверенности в победе дела, которому он служил, социальный оптимизм, подогреваемый темпераментом борца, умножал силы Жореса, умножал его действенность.

Вероятно, нельзя обойти молчанием и такую присущую Жоресу черту — то был человек большой личной храбрости. Ему была присуща не только личная храбрость, которая находила подчас парадоксальные доказательства. Он — социалист, принципиально отвергавший дуэль, тем не менее счел при определенных обстоятельствах необходимым драться по политическим мотивам на дуэли в 1894 г. с Луи Барту и через десять лет, когда он уже был не молодым человеком, — с Полем Дерулемом. Сила его храбрости проявлялась и в ином. Он вел последовательную, не ослабевающую ни на миг борьбу против империалистической реакции и против политики войн. Он вел эту борьбу с поднятым забралом — не против империализма вообще и не против реакционных правительств как таковых, а против персональных носителей зла. Открыто он обличал и с трибуны парламента, и на страницах «Юманите» и других печатных органов тех политиков, кого осуждал. Это был президент республики Казимир Перье, председатель совета министров Шарль Дюпюи, которого он публично называл дезертиром республиканской политики; позднее Раймон Пуанкаре — министр, премьер-министр и президент Французской республики; бывший друг Жореса Аристид

Бриан, с которым он порвал лично, когда узнал, что тот перешел на сторону буржуазного правительства, и ряд иных.

Ему угрожали убийством. То, что было осуществлено 31 июля 1914 г., давно предсказывали Жоресу. Его пытались застрашать — это было бесполезно. Его хотели подкупить: ему предлагали огромные деньги и любой правительственный пост, все было перед ним открыто. Правящая верхушка прилагала немало усилий, действуя через посредников, чтобы попытаться затянуть в свои сети Жореса. Он рвал эти сети и не шел ни на какие сделки и компромиссы со своими врагами.

Великой, непреходящей заслугой Жана Жореса была его мужественная и непрерываемая ни на день, ни на час битва против империализма, против политики войны, в защиту мира.

За Жаном Жоресом осталась слава мужественного глашатая мира. Морис Торез, «сын народа», выдающийся руководитель Французской коммунистической партии, неоднократно повторял известную формулу Жореса: «Капитализм несет в себе войну, как туча грозу»; Жорес впервые выдвинул эту формулу в речи в палате депутатов 7 марта 1895 г. Позже в ряде речей, статей, в своей большой работе «Новая армия» он развил и конкретизировал это положение.

Жюль Гед, выдающийся руководитель марксистского направления Французской социалистической партии, также утверждал, что война есть следствие капитализма. Отсюда он делал вывод: раз война лишь производное от капитализма, то надо вести борьбу не против следствия, а против причины, против порождающего войну капиталистического строя, капиталистической системы. Теоретически это положение в какой-то мере было правильно, однако его очевидным существенным недостатком, особенно на практике, было безучастное, пассивное, почти равнодушное отношение к угрозе войны.

Позиция Жореса была сильнее, чем позиция Гед. При внешнем сходстве их позиций между ними были различия, и современники хорошо улавливали разницу в подходе Жана Жореса и Жюль Гед к проблемам капитализма и войны. Присущая Жоресу действенность не мирилась с абстрактным, созерцательным, почти пассивным отношением к грозному бедствию, нависшему над всем человечеством. Конечно, против капитализма надо бороться, надо не отделять борьбу против войны от битвы против капитализма, но надо уметь выделять и те конкретные цели и задачи, которые непосредственно поставлены самой жизнью в порядок дня. Надо вести борьбу не против капитализма вообще, а против конкретно-го зла, против конкретной опасности.

Припомним реальную международную обстановку тех лет, когда развивался и креп политический талант Жана Жореса. В конце XIX — начала XX вв., то есть с того времени, когда капиталистический мир вступил в свою высшую, империалисти-

ческую стадию, почти непрерывно, почти каждый год возникали острые международные конфликты, каждый из которых был чреват опасностью войны.

Справедливо говорили, что на протяжении 40 лет, со времени франко-германской войны 1870—1871 гг. до знаменитого сараевского убийства 1914 г., ставшего прологом к первой мировой войне, Европа не знала непосредственных бедствий войны. Но нельзя забывать, что в эти десятилетия мир находился почти непрерывно на пороге войны, казалось, еще мгновение — и он соскользнет в войну. Стоит напомнить известные факты. 1898 г. — испано-американская война; 1900 г. — интервенция большинства государств Европы и Соединенных Штатов Америки против так называемого боксерского движения в Китае; 1904—1905 гг. — русско-японская война; 1905 г. — первый марокканский конфликт, едва не приведший к прямому вооруженному столкновению между Францией и Германией; 1908 г. — боснийский кризис; 1911 г. — второй марокканский конфликт; 1912 г. — первая Балканская война; 1913 г. — вторая Балканская война. Этот сухой перечень международных конфликтов конца XIX — начала XX вв. показывает, какой напряженной была международная обстановка, как велика была опасность, в сущности каждодневная, возникновения европейской, а вероятно, и мировой войны.

Когда мы сейчас перечитываем собрание сочинений Жореса, 12 томов, не раз переизданных после его смерти, то видим, что почти через все тома, все страницы и устные и литературные выступления проходит тема борьбы против войны. Не будет преувеличением сказать (и это лишь подтверждает действительное положение вещей), что Жорес был солдатом мира, пользуясь более поздним выражением Анри Барбюса. Он постоянно стоял на страже мира и на любой конкретный повод, на любое большое событие, привлекавшее внимание современников, будь то столкновение капиталистических противоречий в зоне Марокко, или на Ближнем Востоке, или на далеком Дальнем Востоке, Жорес немедленно откликался и находил действенные, убеждающие слова, разоблачая тайную политику подготовки войны, которую вела империалистическая реакция.

Жорес хорошо понимал, что если не бороться против войны как конкретного зла, если не разоблачать империалистическую политику Франции, если не клеймить ее министра иностранных дел Теофиля Делькассе, называя его по имени и не страшась того яростного воя, который поднимала всякий раз шовинистическая или купленная правительством печать, то это значит способствовать военному безумию, облегчать темным силам развязывание войны. «Не пристало нам дремать на подушке благодушия, дожидаясь крушения капитализма, чтобы начать борьбу с войной». — говорил Жорес. И свободный от всяких внутренних колебаний, от практических соображений парламентской политики, он вступал

в смертельную битву со всеми силами, стремившимися свергнуть мир в катастрофу войны.

В ту пору, когда Жорес сражался против надвигавшейся империалистической войны, соотношение сил между рабочим классом, социализмом, силами прогресса и силами империализма и войны было еще не в пользу первых, оно было совсем не похожим на те условия, в которых живет современное поколение. И все-таки в 1905 г. Жан Жорес на страницах «Юманите» писал: «Пролетариат не настолько силен, чтобы существовала уверенность в мире, и не настолько слаб, чтобы существовала неизбежность войны». Эта великодушная формула, полная революционной энергии и социального оптимизма, поднимала рабочий класс на действительное сопротивление угрозам войны.

В теоретических определениях характера империализма, в конкретных политических оценках, в тех или иных суждениях в связи с политическими событиями тех лет Жорес нередко ошибался. Было бы неверным считать, что каждая статья, написанная Жоресом против войны, безупречна в теоретическом отношении. Но было бы бесплодным и, более того, вредным педантично каталогизировать ошибки, допущенные Жоресом. В решении главных задач, стоявших перед пролетариатом и его демократическими союзниками, в борьбе против политики милитаризма и угрозы империалистической войны, а в начале XX в. в преддверии мировой войны, — это было главным, а также в противодействии колониальной политике и колониализму Жорес был прав, и своей собственной неустрашимой и неослабеваемой борьбой против этих могущественных сил он показал вдохновляющий пример политики революционера-борца и заслужил навсегда, до наших дней, глубокую благодарность. В важнейшем, если угодно — центральном, вопросе мирового революционного движения, сохранившем и ныне первоочередное значение, в вопросе о войне и мире, революции Жорес отстаивал революционные взгляды.

Выступая 24 августа 1907 г. в Париже в зале Тиволи, Жорес говорил: «В случае, если агрессор, враг цивилизации, враг пролетариата... доведет человечество до кровавой бойни, Интернационал говорит, что долг пролетариев не затрачивать свои силы на службу преступному правительству, а сберечь винтовки, которыми авантюристическое правительство вооружает народ, и пустить их в ход... не против пролетариев по ту сторону границы, но для революционного низвержения преступных правительств».

Случайны ли эти речи для Жореса? Внимательно изучая тексты издаваемой им газеты «Юманите» и собственные его тексты, нетрудно заметить, что эта мысль 1907 г. повторяется не раз.

Откуда эти смелые, полные революционной отваги идеи? Это речь пацифиста? Отнюдь нет. Нетрудно установить генетическое происхождение этих идей. Это идеи В. И. Ленина, главные положения знаменитой поправки В. И. Ленина и Розы Люксембург,

принятой Штутгартским конгрессом II Интернационала в 1907 г. Жорес был участником этого конгресса, и хотя ему случалось высказывать мысли, против которых нельзя было не спорить при обсуждении этого едва ли не главного вопроса повестки дня Штутгартского конгресса, Жорес сумел найти общий язык с В. И. Лениным и Розой Люксембург. Он не только полностью принял их знаменитую поправку к резолюции по вопросу о войне, но и с присущей ему горячностью и энергией стал ее пропагандировать. Человек действия, он сразу почувствовал огромную динамическую силу, заключенную в этих положениях В. И. Ленина.

Уже говорилось о том, что Жорес умел учиться у революционного пролетариата, у масс, у руководителей русской революции, у большевиков. Знаменательно, что последние годы своей жизни Жорес во многом движется вперед. Уроки, почерпнутые им из обсуждения проблем войны, мира и революции на Штутгартском конгрессе II Интернационала 1907 г., не прошли для него бесследно. Жорес с таким воодушевлением выражал эти ленинские идеи, своими словами, понятно, в присущем ему стиле, потому что эти идеи отвечали и его мыслям, и его чувствам, и его стремлению находить действенные средства борьбы против войны.

В своем большом последнем труде «Новая армия», как и в ряде других выступлений предвоенных лет, он неоднократно указывал, что, если вопреки противодействию народа война будет все же развязана, она обернется против тех, кто ее разжиг. Но он тут же со всей определенностью утверждал, что пролетариат не ищет пути к власти через «бедствия войны». «Путь к свободе и справедливости,— писал Жорес еще в 1905 г.,— лежит не через мировую войну. Мы, социалисты, не желаем играть в эту варварскую азартную игру, мы не делаем ставку на карту войны». Эти слова, произнесенные 70 лет назад, сохраняют свою жизненную силу и в наше время. И ныне находятся политические деятели, готовые сделать ставку на кровавую карту войны, их не смущает, что за те десятилетия, которые прошли со времени предупреждения Жореса, размер ставки чудовищно вырос, что вопрос о мире приобрел в нашу эпоху решающее значение и стал вопросом судьбы человечества. Новоявленных теоретиков кровавой карты войны нельзя заподозрить в незнании или забвении прошлого. Они не могли забыть дымящихся руин Хиросимы. Они хорошо знают, как действует смертоносный огонь атомной бомбы и что ныне на карту ставятся судьбы человечества.

Коммунистические и рабочие партии, все прогрессивное человечество в наши дни, разумеется, отвергает эту навязываемую самоубийственную перспективу войны. Последовательная политика Советского правительства и других стран социалистического содружества, настойчивая, преодолевающая все препятствия миролюбивая политика Советского правительства и Коммунистической

партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Л. И. Брежневым, осуществляющая Программу мира, разработанную XXIV съездом и развитую XXV съездом КПСС, во многом изменили политический климат в Европе, во всем мире. Исторические решения конференции 35 государств в Хельсинки по вопросам европейской безопасности и сотрудничества открыли новую главу в укреплении взаимного доверия и сотрудничества государств с разным социальным строем на основе принципов мирного сосуществования.

К голосам в защиту мира, прозвучавшим на форуме в Хельсинки, присоединился и голос незримого Жореса. Он был одним из славных предшественников — борцов за установление прочного мира на нашей древней планете.

* * *

Жорес назвал свое исследование о Великой французской революции «Социалистической историей Французской революции». Это название вызвало в свое время немалое недоумение. Профессор Альфонс Олар, в ту пору самый крупный историк либерального направления, автор широко известной и много раз издававшейся и в нашей стране «Политической истории Великой французской революции», весьма высоко оценил труд Жана Жореса. Олар был компетентным ценителем, и его высокая оценка труда Жореса, бесспорно, заслуживает внимания. Но было несомненно, против которого Олар решительно возражал. Он оспаривал правомерность данного Жоресом названия его труда. «История есть история,— писал Олар,— она не может быть ни социалистической, ни какой-либо иной».

Жорес не согласился с этим мнением ведущего французского специалиста по истории Революции. Он оставил неизменным то название, которое дал, и книга вышла так, как хотел ее автор. Жорес пояснял, что он имел в виду, называя свою «Историю» социалистической. Он объяснял, что это название связано с тем, что книга предназначена прежде всего для рабочих и крестьян. Но она является социалистической и в другом смысле: по своим конечным устремлениям, по конечному воздействию идей Великой французской революции. Концепция Жореса сводилась к тому, что французский социализм является естественным завершением идей Великой французской революции, как бы ее историческим продолжением.

В своем нашумевшем «Введении», на которое раньше всего обратили внимание современники, Жорес писал: «Рискуя в первый момент поразить читателя несообразным сочетанием этих великих имен, мы скажем, что хотим написать этот скромный труд, черпая вдохновение из трех источников; у Маркса, Мишле и Плутарха». Из этого декларативного заявления явствует, что Жорес считал

возможным сочетать Маркса с Мишле и Плутархом. Нет надобности разяснять, что само сочетание этих имен показывает прежде всего, что Жорес не претендует на то, чтобы его считали ортодоксальным марксистом. Он им не был ни в своих философских, ни в исторических взглядах, ни в своей политической деятельности. И вместе с тем нельзя не признать, что труд Жореса сыграл в свое время весьма крупную позитивную роль в развитии историографии Великой французской революции.

Заявляя, что книга его обращена к рабочим и крестьянам, Жорес был далек от намерения дать какое-то упрощенное или облегченное изложение существа предмета. Он считал необходимым указать на адресат, к которому обращался, но в этом проявилось и присущее ему глубокое уважение к народу. Это было сочинение, которое, как он надеялся, получит народ. А книги, написанные для народа, он считал самым ответственным видом научного творчества.

Труд Жореса произвел такое большое впечатление на современников и оказал такое значительное влияние на последующее развитие историографии Великой французской революции прежде всего потому, что он был выполнен на чрезвычайно высоком научном уровне. Для своего времени — начала XX в. — четырехтомное сочинение Жореса о Французской революции было самым передовым словом науки. Прежде чем взяться за перо и написать первые страницы своего будущего исследования, Жорес проделал огромную предварительную работу исследователя. Специалисты сумели установить, что труд Жореса базируется на огромном числе первоклассных источников. Ему были знакомы самые редкие издания, относящиеся к Французской революции, и все важнейшие источники, в том числе многие из тех, на которые не обращали внимания его предшественники. Но Жорес по соображениям, по-видимому, практического порядка, а также и потому, что его книга была обращена не к специалистам, а к народу, не считал необходимым дать ссылки на источники, которыми пользовался.

Позже один из крупнейших знатоков Великой французской революции Альбер Матъез, в 1924 г. осуществивший научную публикацию труда Жореса, показал и доказал, как широка, как богата, как профессионально безупречна база источников, на которой покоилось исследование Жореса.

Таким образом, в смысле научной ценности, в смысле, как принято говорить, академической фундированности труд Жореса по истории Великой французской революции был для своего времени крупным шагом в развитии исторической науки.

Но большое общественно-научное значение исследования Жореса о Великой французской революции заключалось не только или, вернее, не столько в богатстве источников и тщательности научной разработки вопроса. До Жореса буржуазно-либеральная,

даже прогрессивная буржуазная историография Французской революции в основном рассматривала ее как историю политическую. Считавшийся во время Жореса самым крупным авторитетом в этой области уже упоминавшийся профессор Альфонс Олар трактовал и частные и большие вопросы Французской революции только в политическом ее аспекте. Крупнейшей заслугой Жореса — и в этом-то и сказалось благотворное влияние на него Маркса — являлось то, что он создал первую *социальную* историю Великой французской революции. Его внимание было привлечено не столько к событиям, развертывавшимся на политической авансцене, сколько к поискам, раскрытию остававшихся нередко малозаметными социальных пружин революции, к ее социально-экономической подоплеке. Жорес ставил во главу угла всего исследования рассмотрение и тщательный анализ классовых противоречий, двигавших развитие революции вперед. Это значит, иными словами, что Жорес был первым из историков нового времени, который пытался применить метод Маркса к конкретному анализу и конкретной истории социальной борьбы в эпоху Великой французской революции. До Жореса ни один из историков не смог подняться до такого углубленного и верного в главном анализа экономической и социальной детерминированности исторического процесса.

Была еще одна черта, которая придавала произведению Жореса такую привлекательность. То была не бесстрастная летопись далеких событий прошлого, а произведение, проникнутое духом партийности. Как это ни может показаться на первый взгляд парадоксальным, Жорес, как искренний революционер, сумел передать в своем повествовании дух партийной пристрастности, сочувствия угнетенным, сочувствия народу, гневного осуждения врагов революции, ее идеологических и политических противников.

Сочинение Жореса остается на всем протяжении глубоко объективным; оно опирается на неопровержимые источники, в нем нет тенденциозности в вульгарном понимании этого слова. Он не агитирует, не старается кому-то навязывать свои взгляды, но не скрывает, что видит главную социальную силу, придавшую Французской революции такой размах, такую мощь, в народе и что считает передовой партией Французской революции якобинскую партию, сильные и слабые стороны которой показывает в полном соответствии с исторической правдой.

По-видимому, именно потому, что сочинение Жана Жореса было первой историей Французской революции, в которой были раскрыты ее глубокие социальные корни, в которой была показана решающая роль народных масс в историческом процессе, в трудные годы Советской республики, в начальные ее, ленинские годы Советское государство сочло необходимым как первоочередную задачу издать произведение Жореса на русском языке.

Притягательная сила и ценность сочинения Жана Жореса в какой-то степени связаны с его личными особенностями, с тем, что Жорес был прежде всего выдающимся оратором. Когда вы читаете страницу за страницей эту книгу, написанную много десятилетий назад, вы не можете не чувствовать эмоциональной взволнованности ее автора.

Ораторское искусство имеет во Франции давние традиции, и оно идет в основном с эпохи Великой французской революции, выдвинувшей впервые ряд знаменитых трибунов. Конечно, ораторское искусство эпохи Жореса не было уже похоже на классическое красноречие членов Конвента, но и во времена Жореса французский парламент блистал рядом выдающихся ораторов: Альбер дю Мен, Жорж Клемансо, Аристид Бриан, политические противники Жореса в парламенте, были большими мастерами парламентского красноречия, острыми полемистами. Жорж Клемансо как-то сказал об Аристиде Бриане: «Если бы я украл химеры с собора Парижской богородицы, я поручил бы свою защиту только Аристиду Бриану». То был великий мастер политической полемики.

И все-таки над всем блестящим собранием ораторов, перво-классных, выдающихся, возвышалось, доминировало поразительное ораторское мастерство Жана Жореса. Один из французских депутатов, Люсьен Ле Файе, говорил: «Могущество слов Жореса было необыкновенным».

Андрей Белый, которому довелось слушать Жореса во время его выступлений, был потрясен мощью его красноречия. Когда Жорес поднимался на трибуну, то представлялся Андрею Белому огромным гиппопотамом или слоном, как он говорил. Его голос вырастал до мощи огромного грома. Мы не должны забывать, что Жорес был оратором той эпохи, когда еще не были известны репродукторы и иные усилители и когда сам строй ораторской речи в какой-то мере определялся и силой легких, и способностью оратора непосредственно воздействовать на слушателей, не имея никаких иных вспомогательных средств, кроме таланта импровизации и силы своего голоса. Андрей Белый писал: «Пракситель мог бы позавидовать этой голове, в ней было что-то зевсово».

Жорес в совершенстве владел этим редким даром импровизации и почти колдовским искусством сочетания слов, воздействующих на слушающих. То был талант, прирожденный талант, и его неистовый, кипучий темперамент усиливал его воздействие на аудиторию. Морис Баррес, его современник и один из крупных французских писателей, следивший за выступлениями Жана Жореса, записал в своем дневнике: «Когда это чудовище Жорес возвращается на свое место, он еще дымится».

Об этих особенностях таланта Жореса как трибуна нельзя было не сказать, потому что это чувствуется на каждой странице его сочинения. Оно написано пером, но иногда вам кажется, что

эти взволнованные строки произнесены могучим оратором, знающим силу своего слова. Как всякий большой политический трибун, Жорес в своих речах обращался не только — а может быть, даже не столько — к слушающей его аудитории. Через головы окружающих его парламентариев он обращался к народу, он говорил для будущего. Это удивительное своеобразное искусство великого трибуна, оставшееся до сих пор непревзойденным, накладывает особый колорит на все его сочинение. При всей своей научной строгости, «Социалистическая история Французской революции» Жана Жореса — это страстная книга, книга, воздействующая на читателя и заражающая его убежденностью автора.

Конечно, на сочинении Жана Жореса лежит печать его времени. Советскому читателю конца XX в. не может не показаться странным большое место, уделенное Жоресом полемике против Ипполита Тэна. В ту пору, когда Жорес создавал свой труд, Ипполит Тэн, один из самых реакционных и обозленных противников социализма и Великой французской революции, был еще в зените славы, и Жоресу представлялось необходимым вести против него полемику. Ныне не только для советских людей, но и для французов, да и для всех иных читателей Ипполит Тэн — далекое прошлое. Он давно и прочно забыт. Может быть, эти строчки возражений Тэну сегодня представляются в какой-то степени анахронизмом, но и мы следовали тому правилу, которое было сформулировано первым издателем посмертного переиздания труда Жореса Альбером Матъезом: «Текст Жореса не подлежит правке».

С тех пор как Жорес впервые 70 лет назад опубликовал свое сочинение, оно переиздавалось не раз и на его родине, во Франции, и переводилось на другие языки. За эти долгие десятилетия историческая наука значительно продвинулась вперед и, в частности, было создано немало выдающихся трудов по истории Великой французской революции. В первую очередь здесь должны быть названы труды крупнейших французских историков Альбера Матъеза и Жоржа Лефевра, которые оба открыто называли себя учениками Жана Жореса, а также ряда иных ученых, в том числе и советских исследователей. Несомненно, что некоторые страницы Великой французской революции ныне известны более полно, чем во время Жореса, что некоторые положения его можно было бы оспорить, однако важно отметить, что в главном, в основном труд Жореса сохранил свою научную ценность.

Большое произведение проверяется самым строгим испытанием — испытанием времени. Труд Жореса выдержал это испытание: и сегодня его сочинение, посвященное Великой французской революции, принадлежит к числу лучших работ, классических трудов по истории первой Французской революции. Именно учитывая эту неувядающую научную ценность труда Жореса, его научное и политическое значение, французское прогрессивное

издательство «Эдиссон социаль» и группа передовых французских ученых предприняли новое научное издание труда Жана Жореса.

Профессор Альбер Собуль провел большую и важную текстологическую работу. Был заново сверен текст ряда изданий труда Жореса, были исправлены некоторые ошибки, вкравшиеся в предыдущие издания, и, главное, Собулем и его сотрудниками была проведена большая работа по восстановлению научного аппарата к сочинению Жореса. Более того, Собуль не только восстановил ссылки, отсутствовавшие в первом издании труда Жореса, но и провел большую дополнительную работу, указав в примечаниях на те новые важнейшие труды по тем или иным вопросам истории Французской революции, которые вышли в течение минувшего столетия.

Предпринимаемая ныне советское издание труда Жана Жореса, вернее — доведение до конца того, что было начато еще во время В. И. Ленина, мы сочли необходимым внести некоторые изменения по сравнению с французским изданием. Мы сократили часть примечаний, написанных Собулем, как в интересах экономии места, так и потому, что его отсылки к тем или иным фондам, хранящимся во французском Национальном архиве, не могут иметь практической ценности для советских читателей.

Вместе с тем мы нашли необходимым дополнить ссылки Собуля на появившуюся в XX в. научную литературу рядом работ русских и советских историков. Собуль, не знающий русского языка, не был знаком с этими работами, и подобный пробел мы сочли необходимым исправить в настоящем издании.

Последнее французское издание труда Жана Жореса было осуществлено в 6 томах. Издательство «Прогресс» сохранило тот же принцип издания, лишь разделив в интересах удобства читателей первый, насчитывающий свыше 1100 страниц, том на два полтума.

Надо надеяться, что полное научное издание знаменитого труда Жана Жореса будет принято с вниманием и интересом советскими читателями — читателями первой страны социализма, к которым мысленно и обращаясь Жорес, создавая свою «Социалистическую историю Французской революции».

А. Манфред

Почетный президент Международной комиссии истории Великой французской революции

От французского издателя

«Социалистическая история Французской революции» Жана Жореса была опубликована впервые в 1901—1904 гг. Альбер Матьез выпустил новое ее издание в 1922—1924 гг., предпослав ему свое предисловие и разделив весь труд на восемь томов вместо первоначальных четырех. Это издание было переиздано без изменений в 1939 г., и оно уже давно разошлось. Поэтому появилась необходимость снова предоставить труд Жореса в распоряжение самого широкого круга читателей из уважения к его великой памяти, а также потому, что «Социалистическая история Французской революции» остается, как и прежде, памятником науки, творением, проникнутым убеждениями, составляющими неотъемлемое достояние нашего народа — рабочих и крестьян, для которых оно было задумано и написано. Здесь мы должны указать, в каком духе и какими методами следуя подготовили мы настоящее новое издание.

Как писал в 1922 г. в своем предисловии Альбер Матьез. «Текст Жореса не подлежит правке. Все, что написал этот изумительно яркий человек, свято». Поэтому мы весьма тщательно следовали тексту первого издания, выпущенного отдельными выпусками издательством Руфф в 1901—1904 гг., ограничиваясь, как до нас это делал Матьез, исправлением типографских погрешностей и неточностей фактического порядка, проверкой географических названий, иногда искаженных, исправлением некоторых ошибок в датах. Захваченный водоворотом жизни и борьбы, Жорес работал не как профессиональный историк среди книг и карточек, тщательно проверяя свое малейшее утверждение. Несомненно, со времен своей молодости, своих занятий в «Эколь нормаль» [высшем педагогическом учебном заведении], он был искушен в методах познания и в исследовательской работе. Но лихорадочная обстановка, в которой он жил, не оставляла ему времени для спокойной работы над книгой. Надо полагать, он часто цитировал по памяти. В виде примера можно привести то, как воспроизвел он начало известной брошюры аббата Сийеса.

«Что такое третье сословие? Ничто, — читаем мы у Жореса. — Чем оно должно было бы быть? Всем. Чем оно хочет быть? Кое-чем». Между тем Сийес написал: «Что такое третье сословие? Все. Чем оно было до сих пор в политическом отношении? Ничем. Чего оно требует? Стать кое-чем в политическом отношении».

Относясь с уважением к тексту Жореса, мы отнеслись с уважением также и к общему плану его труда. Поэтому мы не последовали примеру Матьеза, который нарушил его последовательность ради составления тома VI своего издания («Жиронда») из отдельных кусков, изъятых из III и IV томов первоначального издания. Тем не менее если мы оставили в неприкосновенности первые два тома этого издания — «Учредительное собрание» и «Законодательное собрание I» и «Конвент II», — сохранив, однако, подзаголовки Жореса: «Республика», «Революция и Европа», «Смерть короля и падение Жиронды», «Революционное правительство». В результате этого настоящее издание состоит из шести томов вместо четырех первого издания и восьми томов издания Матьеза. Иное подразделение носило бы произвольный характер. Это значило бы извратить труд Жореса, который мы стремились сохранить в неприкосновенности.

Увлеченный красноречием, Жорес писал, не заботясь в своем рассказе о паузах и не давая передышки читателю. Как он сообщает нам в «Списке опечаток и замечаниях», он довольствовался подразделением «на крупные куски, чтобы каждая глава соответствовала обширному вопросу». Мы, разумеется, сохранили это деление на «крупные куски», то есть на десять глав для настоящего тома («Учредительное собрание»). Но, по примеру Матьеза, мы сочли возможным распределить материал, дав подзаголовки, которые помогут читателю ориентироваться в чрезвычайно плотной ткани повествования.

Исправив указанные Жоресом в конце первого тома опечатки, мы опустили их список при подготовке настоящего издания. Напротив, напечатанные в конце первого тома очень важные «Замечания», в которых Жорес, завершая изложение, описал свой метод и ответил своим критикам, мы сохранили на их первоначальном месте. Эти прекрасные страницы отнюдь не утратили своей ценности.

Работая над книгой, предназначенной для весьма широкого круга читателей, «я не мог, — говорит Жорес, — не перегружая сверх меры этот труд, постоянно указывать источники». Известно, с какой тщательностью и воодушевлением Жорес собирал документальный материал для своего труда; он не довольствовался перелистыванием газет: «Я читал их по порядку и с самым пристальным вниманием... Я старался прочесть все важное». «Социалистическая история Французской революции» превратилась в подлинно классический труд, и поэтому мы сочли полезным уточнить и указать источники в помещаемых нами примечаниях; это значило одновременно отдать должное критической эрудиции Жореса как историка и облегчить работу специалистам, для которых эти страницы часто служат основой критических размышлений и дальнейших исследований.

Однако с тех пор, как была написана «Социалистическая история», прошло уже более полувека. После появления ее первого тома в знакомом крас-

ном переплете историческая наука шагнула далеко вперед. Историография Французской революции, в которой при жизни Жореса господствовал Олар, нашла затем свое воплощение сначала в научном творчестве Альбера Матьеза, основавшего в 1908 г. «Общество робеспьеристских исследований» и журнал «Анналь революционэр» (ныне «Анналь историк де ла революсьон франсэз»), а потом в трудах Жоржа Лефевра. Лефевр открыто признавал, сколь многим обязан он автору «Социалистической истории»: «Я видел и слушал Жореса только дважды, затерянный в толпе... Но если кто-нибудь вознамерится отыскать моего учителя, то никого другого, кроме него, я не признаю». Под влиянием Альбера Матьеза и Жоржа Лефевра была проведена важная критическая работа; многие факты, считавшиеся установленными, были опровергнуты, многие суждения, рассматривавшиеся как окончательные, были поставлены под вопрос. Мы сочли необходимым принять это во внимание, чтобы сделать классический труд Жореса современным рабочим пособием. Отсюда постраничные примечания (мы, разумеется, воспроизвели немногие примечания Матьеза, помещенные в издании 1922 г., напечатав их за его подписью). Отсюда и дополнительные замечания в конце каждой главы, разъясняющие те или иные аспекты, углубленные или по-новому освещенные после Жореса. Отсюда также и библиографические справки, отвечающие современному состоянию наших знаний.

Известно, с каким вниманием Жорес выбирал гравюры, иллюстрирующие его текст. Он с полным основанием придавал им «серьезную документальную ценность». Он испытывал огромную радость, подбирая в музее Карнавала «эти все еще волнующие живые образы, эти шелестящие листы». Мы, разумеется, также тщательно воспроизвели эти гравюры, стараясь поместить их против текста, который они иллюстрируют, и уточнить их происхождение. Однако мы отказались от ссылок на многочисленные рукописные документы и автографы, воспроизведенные Жоресом, ограничившись указанием, без других уточнений, на то, откуда они заимствованы, — из Национального архива или Национальной библиотеки. Как найти их (за редкими исключениями) в океане документов Революции?

Памятник, который Жорес воздвиг Французской революции, сохранил все свое величие и всю свою мощь. Как научный труд, «Социалистическая история Французской революции» отнюдь не утратила своего творческого порыва и продолжает вдохновлять мысль историка. Как творение, исполненное веры, она вызовет у читателя энтузиазм и укрепит в нем свободолюбивые убеждения.

Альбер Собуль,
профессор Сорбонны

ТОМ
ПЕРВЫЙ

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ
СОБРАНИЕ

1789

—

1791

ВВЕДЕНИЕ

Мы хотим с социалистической точки зрения рассказать народу, рабочим и крестьянам, о событиях, которые разворачивались с 1789 г. и до конца XIX в. Мы считаем Французскую революцию фактом огромного значения, величайшим событием с поразительно плодотворным содержанием; но, на наш взгляд, она не представляет собой чего-то законченного, когда истории остается лишь развивать без конца ее последствия. Французская революция косвенно подготовила возвышение пролетариата. Она подготовила для социализма два существенных условия: демократию и капитализм. Но, по существу, она была политическим возвышением буржуазного класса.

Мало-помалу ход экономического и политического развития, крупная промышленность, рост рабочего класса, рост его численности и его устремлений, страдания крестьян, раздавленных конкуренцией и отданных во власть промышленному и торговому феодализму, растерянность буржуазной интеллигенции, которую меркантильное и грубое общество оскорбляет во всех ее утонченных чувствах,— все подготавливает новый социальный кризис, новую и более глубокую революцию, когда пролетарии захватят власть, дабы преобразовать собственность и нравственность. Итак, мы хотели бы в общих чертах обрисовать развитие и взаимоотношения общественных классов с 1789 г. Устанавливать границы, делить на отрезки непрерывное и пестрое движение жизни всегда несколько произвольно. Тем не менее можно с достаточной точностью различить три периода в истории буржуазного и пролетарского классов на протяжении столетия.

Сначала, с 1789 и до 1848 г., одерживает победу и утверждает свое господство революционная буржуазия. Она использует

против королевского абсолютизма и дворян силу пролетариев, но последние, несмотря на свою необычайную активность, несмотря на решающую роль, которую они играют в некоторых событиях, представляют собой не более, чем подчиненную силу, своего рода историческую опору для буржуазии. По временам они внушают имущей буржуазии подлинный ужас; но, в сущности, они работают на нее; их представления об обществе не отличаются коренным образом от представлений буржуазии: коммунизм Бабефа и его немногочисленных учеников был не более чем последним спазмом революционного кризиса перед длительным затишьем во времена Консульства и Первой империи. Даже в 1793 и 1794 гг. пролетарии были растворены в третьем сословии: у них не было ни ясного классового сознания, ни стремления к иной форме собственности, ни даже понятия о ней. Они не шли дальше ограниченной идеи Робеспьера о политически суверенной, но экономически неизменной демократии, состоящей из мелких собственников-крестьян и мелкой ремесленной буржуазии. Они были лишены чудесной жизненной силы социализма, творца богатств, красоты и радости. В грозные дни они горели холодным пламенем, пламенем гнева и ненависти. Им были неведомы обаяние и великая сладость нового идеала.

Однако едва только буржуазное общество начинает утверждаться, как социалистическая мысль уже пробует свои силы. За Бабефом, в период 1800—1848 гг., следуют Фурье, Сен-Симон, Прудон, Луи Блан. При Луи Филиппе происходят восстания рабочих в Лионе и Париже. Не успела буржуазная революция одержать решительную победу, как пролетарии уже задают себе вопрос: где же источник наших страданий и какую новую революцию надо совершить? В потоке буржуазной революции, вначале бурном и мутном, а ныне более спокойном и прозрачном, они видят отражение своих изможденных лиц, и их охватывает ужас. Но, несмотря на множество социалистических систем и восстаний рабочих, до 1848 г. господство буржуазии остается еще нерушимым.

Буржуазия считает невозможным, чтобы власть ускользнула от нее и собственность претерпела изменения. При Луи Филиппе она обладает достаточной силой, чтобы бороться одновременно и против дворянства и духовенства, и против рабочих. Она подавляет как мятежи легитимистов на западе, так и восстания пролетариев в голодающих больших городах. Буржуазия наивно верит, как с гордостью утверждает Гизо, что она — венец истории и обладает историческими и философскими правами на вечную власть, что она воплощение вековых усилий Франции и разума общества. Пролетарии, со своей стороны, несмотря на терзания нищеты и муки голода, еще не сознательные революционеры. Они очень смутно представляют себе возможность установления нового порядка. Социалистические «утопии» вначале находят

себе сторонников главным образом среди «интеллигенции». К тому же социалистические системы очень сильно проникнуты либо капиталистической идеей, как система Сен-Симона, либо мелкобуржуазной, как система Прудона. Понадобился революционный кризис 1848 г., чтобы рабочий класс обрел самосознание и чтобы, как сказал Прудон, он окончательно отмежевался от других общественных сил.

Затем начался второй период, с февраля 1848 г. и до мая 1871 г., от Временного правительства и до кровавого подавления Коммуны, беспокойное и смутное время. Правда, социализм уже утверждается как сила и как идея, а пролетариат утверждается как класс. Против буржуазного строя поднимается столь грозная революция рабочих, что правящие классы объединяют против нее все силы буржуазии и крестьян-собственников, панически боящихся красного призрака. Но в социалистических учениях есть еще неясность и путаница: в 1848 г. идет отчаянная борьба между коммунизмом Кабе, мютюзелизмом Прудона, этатизмом Луи Блана, и форма, в которой должна быть отлита мысль рабочего класса, непочтена и незавершена; теоретики спорят из-за расплавленного металла, льющегося из горнила, а пока они препираются, реакция, ведомая героем декабря, разбивает все подготовленные литейные формы и охлаждает металл. Даже при Коммуне бланкисты, марксисты, прудонисты стараются придать рабочей мысли различные направления: никто не может сказать, какой социалистический идеал претворила бы в жизнь Коммуна в случае своей победы.

Впрочем, смута и путаница были не только в мыслях, но и в самом движении. В 1848 г. революция была подготовлена радикальной мелкобуржуазной демократией в такой же мере, как и социалистами-рабочими, а может быть, и в большей, а в июньские дни буржуазная демократия расстреливала пролетариев на раскаленной парижской мостовой. Также и в 1871 г. движение за Коммуну выросло из возмущения торговой буржуазии, раздраженной законом, отменившим отсрочку платежей, и тупостью версальских дворянчиков, а также из патристического негодования и недоверия парижских республиканцев.

Социалистический пролетариат не замедлил наложить свою революционную печать на это своеобразное смешение, и Маркс был прав, сказав в своем сильном и последовательном очерке о Коммуне *, что при Коммуне рабочий класс впервые завоевал власть. Это новый факт, и значение его неизмеримо; но пролетариат использовал своего рода момент внезапности; в отрезанной и чрезвычайно возбужденной столице он был наиболее организованной и действенной силой, но он еще не был в состоянии увлечь

* Имеется в виду воззвание «Гражданская война во Франции». — Прим. ред.

за собой и объединить вокруг Коммуны всю Францию: она принадлежала священникам, крупным землевладельцам и буржуазии во главе с Тьером. Коммуна была подобна докрасна раскаленному на огне острию, которое ломается, столкнувшись с огнеупорной глыбой. Но за время с 1848 до 1871 г. пролетариат добился огромных успехов. В 1848 г. участие пролетариата в правительстве было почти фиктивным; Луи Блан и рабочий Альбер, войдя во Временное правительство, были в нем бессильны; и вероломная буржуазия организует против них мошенничество с национальными мастерскими. Социалисты ведут платонические споры в Люксембургском дворце; они уклоняются от действий и обрекают себя на роль бессильной говорильни. Будучи не в силах действовать, они рассуждают. Затем, когда обманутый рабочий класс восстает в июне, он оказывается раздавленным еще до того, как ему удалось хотя бы на мгновение достигнуть власти. В 1871 г. сыновья июньских борцов захватили власть. Они ее осуществляли; это был не мятеж, это была Революция.

Пролетариев, возвысившихся, таким образом, до правительственной власти, удалось ее лишить; тем не менее они подали новым поколениям рабочих сигнал, будивший надежду, и он был ими понят. Коммуна завершает второй период, когда социализм утверждается как первостепенная сила, правда еще беспорядочная и неустойчивая. Но именно она, именно Коммуна сделала возможным новый период, период, нам современный, когда социализм методически приступает к всеобъемлющей организации рабочего класса, к завоеванию умов успокоившихся крестьян, к привлечению на свою сторону буржуазной интеллигенции, разочаровавшейся во власти буржуазии, и готовится овладеть всей полнотой власти ради создания новых форм собственности и воплощения нового идеала.

Теперь опасаться смешения не приходится. В рабочем классе и социалистической партии существует единство мысли. Несмотря на столкновения между различными группами и чисто внешнее соперничество, все пролетарские силы, в сущности, объединены одним и тем же учением и для одного и того же дела. Если бы завтра пролетариат захватил всю полноту власти, он смог бы сразу со всей определенностью и решительностью ее использовать. Между различными направлениями, конечно, возникли бы разногласия. Одни пожелали бы укрепить и довести до крайних пределов централизованную деятельность общества, другие стремились бы обеспечить возможно более широкую автономию местным группам трудящихся. Понадобится огромное усилие мысли, чтобы упорядочить новые взаимоотношения нации, профессиональных федераций, коммун, местных групп и индивидуумов, чтобы обеспечить одновременно полную свободу личности и общественную солидарность, чтобы придать юридическую форму бесчисленным сочетаниям общественной собственности и деятель-

ности индивидуумов; при такой сложности задач возникнут разногласия. Но, несмотря на все, социалистами, пролетариями движет ныне общий дух; социализм не раздроблен более на враждующие и бессильные секты. Он все более и более превращается в живое великое единство, которое все более властвует над жизнью. От него теперь ждут своего обновления и своего расцвета все великие силы человечества — труд, мысль, наука, искусство и даже религия, понимаемая как господство человечества над Вселенной.

Каким образом, какие кризисы преодолев, благодаря каким усилиям людей и какому развитию вещей пролетариат достиг той решающей роли, которую он станет играть завтра? Вот о чем мы, социалисты, намерены рассказать. Мы знаем, что экономические условия, форма производства и собственности являются самой основой истории. Как для большинства людей самое главное в жизни — профессия, как профессия, представляющая собой экономическую форму деятельности индивидуума, чаще всего определяет привычки, мысли, страдания, радости и даже мечты человека, так и экономическая структура общества в каждый исторический период определяет политические формы, нравы общества и даже общее направление мысли. Поэтому мы, рассказывая о каждом периоде, постараемся раскрыть экономические основы человеческой жизни. Мы постараемся проследить эволюцию собственности и развития промышленной и сельскохозяйственной техники. И в общих чертах, как это неизбежно при сжатом изложении, укажем на влияние экономического фактора на образ правления, на литературу, на системы.

Но мы не забываем, как этого никогда не забывал и Маркс, чересчур часто искажаемый узкими толкователями, что экономические силы воздействуют на людей, а людям присуще необычайное разнообразие страстей и идей; и почти беспредельная сложность жизни людей не позволяет грубо, механически сводить ее к экономической формуле. Более того, хотя человек живет прежде всего в обществе других людей, хотя он особенно подвергается всеобъемлющему и беспрестанному влиянию общественной среды, он живет также своими чувствами и своим умом в более обширной среде — во Вселенной.

Без сомнения, даже свет самых отдаленных и чуждых нашему миру звезд пробуждает в воображении поэта только такие образы, которые отвечают общему характеру чувств его времени и сокровенным пружинам общественной жизни, подобно тому как луч луны, преломляясь в испарениях, исходящих от земли, образует плывущий над лугами легкий туман. В этом смысле даже мерцание звезд, каким бы далеким и равнодушным оно нам ни казалось, согласуется и приводится в соответствие с общественной системой и экономическими силами, ее определяющими. Гете, войдя однажды в мануфактурную мастерскую, почувствовал

отвращение к своей одежде, которая требовала столь громоздкого процесса производства. И все-таки без этого первого промышленного подъема немецкой буржуазии старый германский мир, дремотный и разобщенный, не смог бы ни испытать, ни понять великих томлений жизни, разрывавших душу Фауста.

Но какова бы ни была связь души человека, даже в его самых смелых или самых сокровенных мечтах, с экономической и общественной системой, его душа устремляется за пределы человеческой среды в бесконечное космическое пространство. И соприкосновение со Вселенной заставляет трепетать в душе человека таинственные и глубокие силы, силы вечно меняющейся жизни, которая предшествовала появлению человеческих обществ и переживет их. Поэтому отрицать зависимость мысли и самой мечты от экономической системы и определенных форм производства было бы столь же тщетно и неправильно, как было бы ребячливо и поверхностно объяснять упрощенно движение человеческой мысли одним только развитием экономических сил. Очень часто человеческий ум опирается на общественную систему, чтобы затем опередить ее и оказать ей сопротивление; так, между умом отдельного человека и общественными силами существуют одновременно и солидарность, и конфликт. Именно система современных наций и монархий, наполовину освободившихся от влияния церкви, проложила дорогу свободной науке Кеплера и Галилея; но разум, однажды овладев истиной, не зависит более ни от государства, ни от общества, ни от человечества; сама истина с ее велениями и последовательностью становится, если можно так сказать, непосредственной средой разума, и хотя Кеплер и Галилей опирались в своих наблюдениях и в своих астрономических работах на основы современного им государства, после своих наблюдений и вычислений они зависели лишь от самих себя и от Вселенной. Общественный мир, который послужил для них точкой опоры и где они почерпнули свой порыв, раздвинулся, и их мысль не ведала более иных законов, кроме законов бескрайних звездных просторов.

Мы будем стараться, чтобы сквозь полумеханическое развитие экономических и общественных форм почувствовалось это высокое достоинство вольного разума, освобожденного вечной Вселенной от самого человечества. Даже самые непримиримые из марксистских теоретиков не смогли бы упрекнуть нас за это. У Маркса есть одно замечательное место, гласящее, что до настоящего времени человеческими обществами управлял рок, слепое развитие экономических форм; установления, идеи были не сознательным творением свободного человека, а отражением бессознательной общественной жизни в человеческом мозгу. По мнению Маркса, мы еще находимся в предысторическом периоде. История человечества начнется действительно только тогда, когда человек, избавившись, наконец, от тирании бессознательных сил, будет

разумом своим и волей своей управлять самим производством. Тогда его ум не потерпит более деспотизма созданных и управляемых им экономических форм и человек будет свободно и непосредственно созерцать Вселенную. Следовательно, Маркс предвидит период полной свободы ума, когда человеческая мысль, не искажаемая более экономическим рабством, не будет искажать мир. Но Маркс, без сомнения, не оспаривает, что уже теперь, во мраке бессознательного периода, высокие умы обрели свободу; благодаря им человечество готовится к будущему и возвещает о себе. И именно нам предстоит пожать плоды первых проявлений жизни духа: они позволяют нам предчувствовать великую, пламенную и свободную жизнь человечества при коммунизме; освободившись от всех видов рабства, оно овладеет Вселенной посредством науки, действия и мечты. Это как бы первый порыв ветра, который приводит в трепет лишь несколько листков в лесу человечества, но предвещает предстоящие ему великие бури и огромные потрясения.

Итак, наша интерпретация истории будет одновременно и материалистической, как у Маркса, и мистической, как у Мишле. Конечно, экономическая жизнь была основой и двигателем истории человечества, но сквозь непрерывную смену общественных форм человек, эта мыслящая сила, стремится к полноте духовной жизни, к пламенному слиянию беспокойного духа, жаждущего единства, с таинственной Вселенной. Великий мистик Александрии сказал: «Огромные морские валы подняли мою ладью, и мне удалось увидеть солнце в тот самый миг, когда оно поднималось из волн». Так и вздымающиеся широкие волны экономической революции поднимут ладью человечества, чтобы человек, этот бедный рыбак, утомленный долгой работой во тьме, приветствовал с их вышины первый свет окрепшего разума, занимающийся над нами.

Несмотря на наше экономическое истолкование великих явлений человечества, мы не будем пренебрегать моральной силой воздействия истории. Мы, конечно, знаем, что красивыми словами о «свободе» и «человечестве» в течение столетия слишком часто прикрывали режим эксплуатации и угнетения. Французская революция провозгласила права человека; но имущие классы понимали под ними права буржуазии и капитала.

Они объявили, что люди свободны, когда имущие не располагают иным средством господства над неимущими, кроме собственности, но собственность — та высшая сила, которая распоряжается всеми иными силами. Следовательно, основой буржуазного общества служит чудовищный классовый эгоизм, дополненный лицемерием. Но были часы, когда рождавшаяся Революция смешивала с интересами революционной буржуазии интересы человечества, и сердца людей не раз преисполнялись поистине достойным восхищения энтузиазмом. Так и бесчисленные столкно-

вения, вызванные буржуазной анархией, борьба партий и классов изобилуют примерами гордости, доблести и мужества. Мы всегда будем с равным уважением преклоняться перед героями сильной воли и, поднявшись над кровавыми схватками, будем прославлять и буржуазных республиканцев, ставших жертвой проскрипций во время государственного переворота 1851 г., и замечательных пролетарских борцов, павших в июне 1848 г.

Но кто упрекнет нас за то, что мы будем особенно внимательны к боевой доблести этого угнетенного пролетариата, который на протяжении столетия так часто жертвовал жизнью во имя еще неясного идеала? Социальная революция совершится не только силой вещей; она совершится силой людей, силой сознания и воли. История никогда не останется равнодушной к личной храбрости и благородству людей. И моральный уровень завтрашнего коммунистического общества будет носить печать моральной высоты сознания каждого человека, принадлежащего к борющемуся классу нынешнего дня. Поэтому предлагать как образец всех героических борцов, которых в течение столетия вдохновляла страстная вера в идею и великое презрение к смерти, — значит вершить революционное дело. У нас не вызывают улыбки деятели Революции, которые с увлечением читали «Жизнеописания» Плутарха; конечно, прекрасные порывы духовной силы, которые вызывало у них это чтение, мало повлияли на ход вещей и развитие событий; но эти люди, во всяком случае, могли устоять на ногах в бурю, их лица не искажались от страха при страшных раскатах великих гроз. И если страстная жажда славы рождала в них страстную жажду свободы или храбрость в бою, то никто не посмеет поставить им это в вину.

Итак, в настоящей социалистической истории, которая начинается с буржуазной Революции и доходит до подготовительного периода пролетарской Революции, мы постараемся не опускать ничего, что составляет человеческую жизнь. Мы постараемся понять и объяснить экономическую эволюцию, составляющую основу и движущую силу общественного развития, пламенное стремление духа к полной истине и благородное волнение возвышенного ума личности, презирающей страдание, тиранию и смерть. Только доведя до конца экономическое развитие, пролетариат добьется освобождения и станет человечеством. Поэтому нужно, чтобы он почерпнул в истории ясное понимание и экономического развития, и величия человека. Рискуя в первый момент поразить читателя несообразным сочетанием этих великих имен, мы скажем, что хотим написать этот скромный труд, черпая вдохновение из трех источников: у Маркса, Мишле и Плутарха; каждый из авторов этого труда вложит в него свой собственный оттенок мысли, а все вместе отразят одну и ту же основную доктрину, одну и ту же веру.

Жан Жорес

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Общая история

В трудах по общей истории Французской революции обыкновенно посвящается один том или несколько глав. «Histoire générale», вышедшая под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо, VII том которой посвящен XVIII в., а VIII том — Французской революции (Paris, 1896), сильно устарела. Жорес во многих случаях ссылается на нее, критикуя ее. Мы упомянем только новые труды по общей истории: A. J. Grant et H. Temperley. Europe in the nineteenth and twentieth century. 1787—1915. London, 1939; C. Barbagallo. Storia universale, t. V, 1re parte: «Riforme e Rivoluzione. 1699—1799». Torino, 1940, с библиографией; R. R. Palmer. A History of the modern world. New York, 1950, с ценной библиографией, главным образом на английском языке; «Histoire générale des civilisations», под редакцией М. Крузе, t. V: «Le XVIIIe siècle. Révolution intellectuelle, technique et politique (1715—1815)», написан Р. Мунье и Э. Лаб-

русом при сотрудничестве М. Булузо (Paris, 1953); «Destins du monde», под редакцией Л. Февра и Ф. Броделя; «Les Bourgeois conquérants», par Ch. Morazé, Paris, 1957, работа, порой побуждающая к размышлениям, а порой спорная; R. R. Palmer The Age of the democratic Revolution. A political History of Europe and America. 1760—1800, t I: «The challenges». Princeton, 1959, «атлантическая» и «западная» точка зрения. Особого внимания заслуживает работа G. Lefebvre. La Révolution française. Paris, 1951, т. XIII серии «Peuples et civilisations»; 3-е издание пересмотрено и выпущено А. Собылем в 1963 г.

Линия

О Французской революции в связи с европейской политикой см.: H. von Sybel. Geschichte der Revolutionszeit. Dusseldorf, 1853—1879, 5 vol.; A. Sorel. L'Europe et la Révolution française. Paris, 1885—1904, 8 vol.; H. Fugier. La Révolution française et

l'Empire napoléonien. Paris, 1954. t. IV de «L'Histoire des relations internationales», под редакцией П. Ренувэна; J. Godechot. La Grande Nation. L'Expansion révolutionnaire de la France dans le monde. 1789—1799. Paris, 1956, 2 vol.

Из трудов, специально посвященных Французской революции и опубликованных в XIX в., следует обратить внимание, главным образом в историографическом плане, на работы А. Тьера (1823—1827, 10 vol.), Ф. Минье (Paris, 1824, 2 vol.), Ж. Мишле (Paris, 1847—1853, 7 vol.) и Л. Блана (Paris, 1847—1862, 12 vol.). Из них выделяется своими литературными достоинствами труд Мишле. Первостепенное значение для глубокого понимания того периода имеет работа А. Токвиля, не дающая, однако, последовательного изложения. См.: А. Де Токсвилле. L'Ancien Régime et la Révolution, Paris, 1856; имеется новое издание с предисловием Ж. Лефевра (Paris, 1952). Другие важные в историографическом отношении работы: Th. Carlyle. The French Revolution. London, 1837, 3 vol., иллюстрированное издание; E. Quinet. La Révolution. Paris, 1865, 2 vol., работа скорее доктринерская, чем историческая; Н. Тaine. Les Origines de la France contemporaine. Paris, 1876—1893, 6 vol., написана с резких антиреволюционных позиций.

Изучение истории революции получило новое развитие в конце XIX—начале XX вв. Из многочисленных трудов укажем: A. Aulard. Histoire politique de la Révolution. Origines et développement de la démocratie et de la République.

1789—1804. Paris, 1901; 5e éd., 1921; J. Jaurès. Histoire socialiste de la Révolution française. Paris, 1901—1904, 4 vol., новое издание выпущено А. Матъезом в 8 томах в 1922—1924 гг. и перепечатано в 1939 г.; работа заканчивается описанием событий 9 термидора и была продолжена томом V, написанным Ж. Девиллем в 1905 г.; Ph. Sagnac. La Révolution, 1789—1792; G. Pariset. La Révolution, 1792—1799. Paris, 1920, 2 vol.; «L'Histoire de la France contemporaine», под редакцией Э. Лависса т. I—II; A. Mathiez. La Révolution française. Paris, 1922—1927, 3 vol., collection «A. Colin», заканчивается описанием событий 9 термидора; продолжением этого труда явились работы: G. Lefebvre. Les Thermidoriens. Paris, 1937, и «Le Directoire». Paris, 1946; A. Soboul. Précis d'histoire de la Révolution française, Paris, 1962.

Из работ зарубежных историков укажем: G. Salvemini. La Rivoluzione francese, 1788—1792. Milano, 1905; переиздание — Bari, 1954; изложение событий доводится до созыва Конвента; C. Brinton. A Decade of Revolution, 1789—1799. New York, 1934; J. Thompson. The French Revolution. Oxford, 1944; M. Goehring. Geschichte der grossen Revolution. Tübingen, 1950—1951, 2 vol., заканчивается на событиях 9 термидора; A. Cobban. A History of modern France, t. I: «Old Regime and Revolution, 1714—1799». London, 1957; L. Gershoy. The Era of the French Revolution, 1789—1799. Ten years that shook the world. New York, 1957.

С библиографической точки зрения представляют интерес следующие работы: P. Caron. Manuel pra-

tique pour l'étude de la Révolution française. Paris, 1912, новое издание выпущено в 1947 г.; A. Monglond. La France révolutionnaire et impériale. Annales de bibliographie méthodique et description des livres illustrés. Grenoble, 1930—1935, 4 vol.; L. Villat. La Révolution et l'Empire, 1789—1815. T. I: «Les Assemblées révolutionnaires» 1789—1799» (Paris, 1936, t. VIII de la collection «Clio»); A. Martin [et

G. Walter. Bibliothèque nationale. Département des imprimés. Catalogue de l'histoire de la Révolution française. Paris, 1936—1943, 4 vol.; G. Walter, Répertoire de l'histoire de la Révolution française. Travaux publiés de 1800 à 1940. T. I: «Personnes». Paris, 1941; t. II: «Lieux», Paris 1945; J. Godechot, Les Révolutions. 1770—1799. Paris, 1963, t. 36 de la collection «Nouvelle Clio».

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИИ

ДВОРЯНСТВО И ФЕОДАЛЬНЫЙ СТРОЙ

При старом порядке нация находилась под господством дворян, церкви и короля. Развитие французской монархии мало-помалу свело на нет ту власть, которой дворяне обладали в Средние века; они остались лишь суверенами по названию, и даже самые высокопоставленные из них, некогда строптивые вассалы, вынуждены были довольствоваться ролью первых придворных. Но они все еще пользовались весьма значительными привилегиями.

Еще сохранялось сеньориальное правосудие, хотя и сильно урезанное и оттесненное королевским правосудием: судьи крупных фьефов были первыми лишены юрисдикции, которая перешла к королевским судьям; но в малых фьефах, в мелких дворянских владениях, сеньориальные судьи еще продолжали отправлять правосудие. Правда, в делах, прямо не затрагивавших феодальных прав, они ограничивались предварительным расследованием и установлением факта преступления. Но и это было важно. К тому же, во всех делах, затрагивавших феодальные права, они принимали решения по существу; а эти дела были столь разнообразны, столь сложны, были связаны таким множеством тончайших корней со всей системой собственности и обмена, что сеньориальный судья обладал в действительности весьма широкой властью. Если мы вообразим, что нынешним мировым судьям предоставили для определенных категорий дел права наших судов первой инстанции, то мы получим весьма близкое к действительности представление о том, какими были сеньориальные судьи накануне Революции.

Бедная сельская жизнь, с ее повседневными происшествиями, с ее мелкими и раздражающими конфликтами, находилась почти безраздельно в зависимости от этих судей и, следовательно,

от тех сеньоров, которые их назначали. Эти последние, стало быть, принимали вполне самостоятельные решения по феодальным тяжбам, в которых они сами были заинтересованы; благодаря этой полноте юрисдикции дворяне смогли, особенно в последнюю треть XVIII в., лишить сельских жителей того, что ныне мы называем общинными угодьями. Это показывает, до какой степени французская монархия была эгоистичной и непредусмотрительной. Монархия лишила дворян их права на высший суд, она уничтожила высшую феодальную юрисдикцию, мешавшую усилению королевской власти, и это соответствовало общим интересам нации, равно как и интересам самой монархии. Но она упразднила сеньориальное правосудие лишь наверху, где оно стесняло королевскую власть, и оставила это правосудие на его низшей ступени, на уровне земли, там, где оно угнетало и душило сельскую жизнь.

Ограничивая феодальную юрисдикцию, монархия заботилась о защите своих интересов и о своем усилении. Она не заботилась о том, чтобы защитить крестьянина, который чах в тисках сеньориальной юстиции, подобно скудному урожаю, загубленному сорняками-паразитами. И только рука Революции вырвет последние корни феодальной юстиции.

Помимо этого, дворяне пользовались ценнейшей привилегией в фискальной области: они не платили талы, этого прямого налога на землю; в крайнем случае они платили лишь часть, так называемую талью с эксплуатации, бремя которой в действительности ложилось на их арендаторов. Подушное обложение тоже почти не касалось дворян.

Налог был не только повинностью. Его рассматривали как признак принадлежности к простонародью, и для каждого дворянина, для каждого пожалованного в дворяне вопросом чести было не платить налога. Они платили только один налог — двадцатину, которым облагался доход любого подданного короля без различия. Но, как известно из самых точных источников, крупные дворяне и принцы крови фактически уклонялись от уплаты этого подоходного налога посредством лживых деклараций, которых ни один сборщик налогов или генеральный контролер не посмел бы оспорить. Таким образом, поскольку и церковь тоже была освобождена от уплаты налогов, вся с каждым днем возрастающая тяжесть королевской податной системы¹ ложилась на сельское население, на крестьян — мелких собственников, на буржуа, не возведенных в дворянство, на мелких и крупных арендаторов, на исполщиков, которых, по свидетельству Артура Юнга, заставляли платить за хозяина половину королевского налога, а часто и весь налог полностью. Наконец, властвуя над крестьянином с помощью сеньориальной юстиции, эксплуатируя его благодаря своим фискальным привилегиям, дворяне порабощали его и, вдобавок, разоряли бесчисленными феодальными правами.

При феодальном строе земли дворян, земли, коими владели на правах фьефа, не разрешалось продавать недворянам. Эти земли не могли быть отчуждаемы. Когда сеньоры в целях заселения земель, находившихся под их властью и защитой, или в целях развития сельскохозяйственного производства уступали эти земли простолюдинам, они сохраняли над этими землями сюзеренитет и право собственности.

Тот, кому сеньор уступал право пользования, не становился собственником земли; он держал ее на правах ценза (cens)² и обязан был ежегодно платить сеньору точно и навечно установленную ренту, от которой никогда не мог освободиться. Или же, если он, в свою очередь, кому-либо уступал эту землю, новый арендатор, если он был принят сеньором, обязывался платить этот ценз.

Таким образом, ценз был одновременно и постоянным, вечным доходом для сеньора и постоянно возобновляемым доказательством его неотчуждаемой собственности. Эта вечная рента была неделима; уступленную таким путем землю не разрешалось дробить.

Больше того, эта рента была неотъемлемым правом. Даже если бы ее не выплачивали в течение двадцати, тридцати, пятидесяти лет или в течение столетий, сеньор сохранял право истребовать ее и все недоимки. Таким образом,³ многочисленные земледельцы, многочисленные труженики земли не могли достигнуть полной собственности и полной независимости.

Феодальное право висело над их землей, как тень от вечных, неподвижных туч, которые никакой ветер никогда не разгонит. Вернее, только ветер Революции развеет тучи.

Но ценз далеко не единственное проявление феодального права.

В принципе, цензитарии держат землю только с разрешения сеньора и на условиях, им установленных. Даже жители деревень, которых сеньор в прошлом защищал от нападений грабителей и насилий со стороны солдат, считаются обязанными сеньору

1. Arthur Young. Voyages en France en 1787, 1788 et 1789. Мы рекомендуем критическое издание этого труда под редакцией Анри Са (Paris, 1931, 3 vol.). Артур Юнг неоднократно подчеркивает нищету исполщиков и недостатки эксплуатации. «Нельзя сказать ни одного слова в защиту этой практики, и можно привести тысячу аргументов против нее» (р. 737). Ценз, согласно объяснению феодала, является «знаком прямой сеньориальной власти» над не-

дворянскими держаниями «подобно тому, как клятва верности и почтение являются признаком фьефа». Ценз — материальная форма выражения зависимости, в которой находятся недворянские держания (*цензивы*) по отношению к сеньору. До конца старого порядка *цензивы* представляют наиболее распространенную форму *верховой собственности* сеньора. Большинство крестьян — мелких собственников были *цензитариями*.

своей безопасностью, своим существованием, своей работой. И дворянин взимает доход почти с каждого их действия: вся их жизнь отмечена печатью его сюзеренитета.

Таким образом, существует чрезвычайное разнообразие феодальных прав. Конечно, не все права обременяют одни и те же земли: они различаются по областям, но очень часто многие из этих повинностей угнетают одних и тех же людей.

Помимо ценза, есть «казуальные» права (*droit de lods et ventes*), связанные с уплатой пошлины всякий раз при переходе цензивы в другие руки. Эта пошлина не взималась на юге, а только в местах, где действовало обычное право, и соответствует нашему современному налогу, взимаемому при переходе права собственности к другому лицу. Однако, как замечает Буато, в наше время этот налог взимается государством в пользу государства¹. А при старом порядке этот налог взимался с определенной категории земель, с цензивы, взимался сеньором в свою пользу. Байи, подсчеты которого, впрочем, кажутся недостаточно точными, оценивает доход, который дворяне ежегодно получали от этой пошлины, в 36 млн.².

Есть также право, известное под названием *терраж*, или *шампар* (*campi pars* — часть поля). Это часть урожая, причитающаяся сеньору с цензивы. В то время как ценз был платой за пользование землей, раз навсегда установленной, и уплачивался часто в денежной форме, шампар взимался в натуре и пропорционально урожаю.

Эта уплачиваемая часть была различной в разных областях: кое-где она достигала одной пятой урожая, и никогда не опускалась ниже одной двадцатой доли³. Шампар, взимаемый с урожая фруктовых деревьев, назывался *парсьер*; когда его взимали с виноградников, он назывался *карпо*. Ни один из продуктов земли (кроме тех, которые не были известны в те времена, когда составлялись феодальные договоры, как, например, картофель) не ускользнул от хватки сеньоров. Вдобавок сельские жители несли ряд самых обременительных повинностей.

Они были обязаны выполнять личные повинности, часто унизительного характера. Во многих делах они не могли освободиться от сеньориальных баналитетов. Дворянин владел мельницей, хлебопекарней, давящей для винограда, племенным быком, и крестьяне были обязаны пользоваться всем этим за плату. Сеньор первым собирал урожай винограда; лишь после него и с его разрешения крестьяне собирали виноград с виноградников на своих цензивах. Сеньор, собирая виноград первым, был защищен от любителей подбирать оставшийся виноград и от хищений, явления, которое принимало широкий характер на виноградниках, когда время сбора подходило к концу. Кроме того, и это особенно важно, он таким образом обеспечивал себе более дешевую рабочую силу, мужскую и женскую.

Итак, он имел в своем распоряжении свободную рабочую силу. Батраки, сельские наемные работники, поденщики, с нетерпением ожидавшие начала сбора урожая, чтобы немного подзаработать, не имели возможности требовать высокой платы, так как вначале они могли предложить свои услуги только сеньору.

Ухищрения феодальной эксплуатации тяготели не только над крестьянином-цензитарием, но и над самыми скромными сельскими землевладельцами. Подобно тому как путем установления сроков очередности сбора винограда сеньор имел возможность сводить к минимуму свои расходы на рабочую силу, он мог также путем сочетания сроков сбора и банвена продавать свой урожай по самой высокой цене.

Право банвена заключалось в том, что только сеньор имел право продавать свое вино в течение месяца или сорока дней. Таким образом, в течение сорока дней и в такое время, когда урожай прошлого года чаще всего был на исходе, сеньор мог искусственно создавать дефицит на рынке к своей выгоде.

Под маской мнимого патриархального добродушия феодалы прибегали в той мере, в какой это было в их власти, ко всем тем торгашеским мошенничествам и монополистическим ухищрениям, которые применяются в наше время буржуазным капитализмом. Установление очередности сбора винограда и право банвена, дававшие помещику искусственное преимущество и временную монополию, были равноценны биржевой махинации.

Практикуемая дворянами эксплуатация была в одно и то же время насильственной и расчетливой, грубой и хитрой. И она опутывала всю сельскую жизнь, как огромная и густая сеть. Посмотрите перечень феодальных прав, составленный Токвилем, и вы увидите, что ничто от них не ускользнуло⁴. В районах обычного права стадо не могло пастись даже на общинной земле без уплаты сбора, именуемого *блере* (*droit de blairée*); сеньоры утверждали, что общинные земли были некогда уступлены ими на правах цензив. Они считали себя завоевателями, и всякая

1. Paul Boiteau. *État de la France en 1789*. Paris, 1861.

2. См.: *Mémoires de Baillly*. Paris, 1821—1822, 3 vol., t. II, p. 402; цитируется у: P. Boiteau. *Op. cit.*, p. 28, n. 1.

3. В провинции Дофине шампар составлял лишь одну двадцатую урожая (двадцатина), но в провинции Лионе или в Верхнем Пуату он достигал одной пятой. См. M. Gagnaud. *La Révolution et la propriété foncière*. Paris., 1959, p. 37.

4. См. заметки Токвиля, озаглавленные «Феодальные права, продолжавшие существовать еще в эпоху Революции, согласно утверждениям феудистов того времени», главным образом Эдма де Фремениля и Репольдона, в «*L'Ancien Régime et la Révolution*», 1856; а также новое издание 1952 г. (с. 312). П. Буато воспроизвел этот список феодальных прав в своей книге «*État de la France en 1789*» (p. 26).

независимая от них жизнь, всякое проявление деятельности было в их глазах неким посягательством на их завоевания.

Не было в сельской жизни ни одного дела, которое не влекло бы за собой для крестьянина уплаты выкупа. Я ограничусь перечислением, без каких-либо комментариев, различных прав сеньора: сбор со скота, используемого для обработки земли; сбор за пользование паромом сеньора для переправы через реки; сбор с товаров, продаваемых на рынках и базарах (*droit de leide*); право сеньориального контроля за проселочными дорогами; сбор за право ловли рыбы в реках; сбор, именуемый понтонаж за проезд по мосту или перевоз через небольшие реки; сбор за право вырыть колодец или устроить пруд, что было возможно только с разрешения сеньора и за плату; исключительное право сеньора охотиться на кроликов с хорьком; исключительное право сеньора держать голубей, поедавших зерно на полях крестьян; подымная подать (*droit de feu, de fouage, de cheminée*), своего рода налог на постройки, взимавшийся со всех сельских домов; сбор с прогоняемых гуртов, которые от Прованса до гор Оверни или до суконных фабрик Лангедока поднимают пыль на дорогах: право клеймения мер и взимания налога с зернового хлеба, продаваемого на рынке, право взимания налога на рынках с мер емкости и длины; наконец, привилегия, вызывавшая наибольшую ненависть: исключительное право дворян на охоту на любую дичь.

Дворяне, и только они, охотились, когда и где им вздумается. не только на своих землях, но и, внушая всем страх, на всех землях округа. Крестьяне не имели права убивать дичь, хотя га была в изобилии и опустошала крестьянские участки. Они могли косить траву на своих лугах лишь в сроки, указанные сеньором, и лишь тогда, когда куропаткам уже не грозило попасть под косу. Их даже обязывали оставлять на своих лугах убежища для дичи. Убыток, который, таким образом, ежегодно терпели земледельцы от забавы сеньоров, оценивался докладчиком Учредительного собрания в 10 млн.¹

Итак, феодальное право распространяло свои щупальца на все силы природы, на все, что произрастает, движется, дышит: на воду рек, изобилующих рыбой, на огонь, алеющий в печи, на котором печется хлеб бедняка с примесью овса и ячменя, на ветер, приводящий в движение мельницы, на вино, текущее из давяльни, на лакомую дичь, выходящую из лесов и высоких трав, чтобы опустошать поля и огороды.

Крестьянин не может шага ступить по дороге, перейти речушку по шатающемуся деревянному мосту, купить на сельском базаре локоть сукна или пару деревянных башмаков, не столкнувшись с алчной и придирчивой феодальной системой. А если он вздумает хитрить с ней или хотя бы защищаться от новых злоупотреблений, то другая дичь — судейские при сеньориальном суде, бессовест-

ные клерки, хищные судебные приставы — будет рвать то немногое, что у него еще осталось от урожая и от его мужества.

Легко представить себе, какой гнев накапливается с каждым днем! Как крестьяне должны быть готовы к почти единодушному возмущению! Им одного только недостает: уверенности в себе; надежды на освобождение. Но вскоре первые громовые раскаты Революции, поразив ужасом знатных обладателей привилегий, пробудят в крестьянстве надежду. Оно пробудится от векового сна и выпрямится с грозным криком, и полыхающие над Парижем зарницы свободы отразятся в их глазах всполохами гнева.

Но если феодальная власть дворян была всеобъемлющей и зловерной, если она ущемляла крестьянина во всех его делах и раздражала его даже тогда, когда не угнетала, то отнюдь не следует думать, что накануне Революции она была главной силой угнетения. Если бы в 1789 г. дворяне располагали только тем, что им оставалось от феодального права, они не были бы таким невыносимым бременем для французского общества и сельского труда.

В действительности феодальный строй получил смертельный удар от монархии еще до того, как его окончательно уничтожила Революция. Дворянству пришлось уступить почти всю полноту суверенитета королям. Оно было вынуждено лишиться значительной части своей собственности, перешедшей к разбогатевшим на промышленности и торговле буржуа. Мелкие и средние дворяне, все те, кто не занимал важных должностей, не состоял при дворе, не пользовался пенсиями, не занимался финансовыми спекуляциями, были почти полностью разорены; при неизменных доходах и постоянно растущих расходах они теряли равновесие. Маркиз де Буйе отмечает в своих мемуарах, что владельцы мануфактур и финансисты приобретали много дворянских земель².

Феодальные права раздражали и унижали земледельцев: они причиняли им большой вред, стесняя их деятельность; они их удручали, лишая их живого чувства полной собственности. Но если эти права дорого обходились стране, то дворянам они приносили гораздо меньше. Это с очевидностью доказал еще за десять лет до Революции, в своих блестящих работах Бонсерф³.

1. Жорес заимствует эту подробность у Буато (P. Boiteau, Op. cit., p. 490). В действительности это заявление интенданта Парижского податного округа, воспроизведенное Дюпоном де Немур, касалось только одного этого округа.

2. «Mémoires» маркиза де Буйе (1739—1800 гг.) были опубликованы

в Лондоне в 1797 г. и неоднократно переиздавались.

3. Pierre-François Bonserf. Les Inconvénients des droits féodaux. S.l.n.d. [1776], in-16, IV-46 p. «Феодальные права создавали тысячу стеснений и неудобств как для сеньора, так и для вассала, и все это ради скудных доходов» (p. 18).

Наиболее распространенное и главное право — ценз очень часто был скромным; ибо это была постоянная рента, установленная в те времена, когда ценность денег была высока. Более обременительным для крестьянина был шампар, который там, где он действовал, лишал крестьянина определенной части урожая. Но, по-видимому, самой тяжелой была пошлина, взимаемая при переходе земли в другие руки, ибо каждый раз взималась одна шестая или одна пятая стоимости земли. Мы уже сказали, что Байи оценивал в 36 млн. ежегодный доход от этого налога. Следовательно, весьма вероятно, что феодальные права в совокупности не приносили больше сотни миллионов, и если вспомнить, что Артур Юнг путем очень точных расчетов определил стоимость валового продукта сельского хозяйства Франции в 1789 г. как слегка превышающую 5,5 млрд., а стоимость прибавочного продукта — приблизительно в 2,5 млрд., то, конечно, изъятие 100 млн. в пользу феодалов, каким бы архаичным и ненавистным оно ни было, не могло обременить нацию¹.

Если бы французское общество XVIII в. не страдало другими пороками, кроме досадного пережитка устаревшей системы, оно не нуждалось бы в лечении посредством революции. Было бы нетрудно, например, провести постепенный выкуп феодальных прав и постепенное освобождение крестьян².

Уже было налицо бесчисленное множество сельскохозяйственных владений, свободных от всяких феодальных повинностей, а буржуазная промышленная собственность, собственность движимая, как ее выразительно называет Барнав, создавалась и росла изо дня в день вне всякого влияния феодалов. Следовательно, собственность, полная и неограниченная, совершенно свободная от древнего порабощения, от всяких устарелых стеснений и осложнений, становилась господствующим и, можно сказать, нормальным типом собственности во Франции.

То, что в наших учреждениях и в наших обычаях еще сохранилось от феодального строя, было лишь пережитком: осуществленная монархией централизация сыграла в отношении могущества феодалов революционную роль, и, поистине, не было надобности в новой революции, чтобы вырвать последние корешки, какими бы стеснительными и разорительными они ни были, того старого феодального дерева, главные корни которого подрубили Людовик XI, Ришелье и Людовик XIV.

Но дворянство выступало в двух ролях, и в обеих его действие было пагубным. Оно не довольствовалось тем, что в новом монархическом обществе, централизованном и активном, оно сохраняло ненавистные феодальные пережитки. Оно затрудняло проводимую королевской властью централизацию, тем самым ослабляя и то полезное, что было в этом процессе.

МОНАРХИЯ

Если бы короли Франции могли действовать без дворянства и против него, если бы они могли быть попросту королями буржуазии и крестьян, если бы они использовали эту свободу действий для того, чтобы вырвать последние пережитки феодального строя из сельской жизни и чтобы обеспечить буржуазии, промышленности, торговой и финансовой, безопасность в ее делах, скрупулезное соблюдение договорных обязательств и строгое и бережливое обращение с государственными финансами, то весьма вероятно, что Революции 1789 г. не было бы.

Представим себе королей Франции XVII и XVIII вв. одаренными бережливостью Фридриха II и его отца, твердостью Иосифа II Австрийского, Густава Шведского и короля Португалии в отношении дворян и монахов. Если представить себе, что наша старинная монархия, с ее сложившейся веками силой и почти священным престижем, стала бы играть новую роль в новой Франции, то она, вероятно, довела бы нашу страну до самого порога пролетарской революции. Она стала бы монархией капиталистической и буржуазной и исчезла бы только с исчезновением последней власти, власти Капитала.

Но французская королевская власть не обладала такой способностью осознания и обновления; и эта неспособность была, конечно, исторически обусловлена.

Эта монархия была слишком старой и слишком связана со старыми общественными силами, чтобы приспособиться к новым временам. Король Франции гордился тем, что он был первым среди дворян, знатнейшим среди знатных. Он рубил головы мятежным крупным феодалам, но тут же спешил пополнить свой двор дворянами, чтобы насладиться своей победой и придать ей неоспоримость и величие.

Если бы победа монархии привела к исчезновению дворянства, то сама эта победа представлялась бы нашим королям каким-то падением, почти скандалом. Разве они не предстали бы выскочками, если бы вырвали с корнем то древо дворянства, коего самой могучей ветвью и была первоначально королевская власть?

Можно еще было поощрять развитие буржуазной промышленности, назначать на должности в министерствах буржуазных

1. Arthur Young. Op. cit., p. 850.

2. Выкуп феодальных прав был предусмотрен законом от 15 марта 1790 г. и декретом о порядке его осуществления от 3 мая того же года. Крестьяне отвергли выкуп. В 1790—1792 гг. происходила под-

линная гражданская война между крестьянством и аристократией, с большей или меньшей интенсивностью в зависимости от районов. Сопrotивление крестьян прекратилось лишь с окончательной отменой феодальных прав монтаньярским Конвентом 17 июля 1793 г.

дельцов, но дворянство должно было оставаться не только в качестве пышной декорации, но и как ореол самой королевской власти.

Король-солнце хотел, чтобы блеск его славы отражался в гербах старых дворянских фамилий, а по многим замечаниям Людовика XVI можно усмотреть, что даже этот король-слесарь видел в упразднении дворянских привилегий как бы умаление его собственного королевского достоинства. К тому же Франция, встретив в штыки Реформацию, упрочила узы, связывавшие ее монархию с католической церковью. Короли Франции не были более расположены подчиняться ни церкви, ни дворянству. Но подобно тому, как им нравилось, чтобы их блеск отражался в верном зеркале дворянства, им было приятно заимствовать некое сверхъестественное величие и божественный титул у бога, коего слово церковь увековечивала. Поставить дворянство и церковь под удары буржуазии и свободомыслия означало бы, в глазах наших королей, потушить все то сияние, которым наделяли их земля и небо.

Поэтому-то они и были обречены вести неуверенную и противоречивую политику. С одной стороны, они обуздывали власть дворянства и сдерживали власть церкви в той мере, в какой это казалось им необходимым для величия и независимости королевской власти. С другой стороны, однако, они не решались требовать ни от дворянства, ни от церкви тех жертв, кои неразрывно привязали бы к монархии крестьян и буржуазию.

Они разрушили систему средневековья и, таким образом, открыли пути всем движущим силам буржуазии, промышленности, торговли и мысли, но они не смогли следовать до конца за этими движущими силами, которые сами отчасти освободили или ускорили их развитие. И они были обречены топтаться на месте и погибнуть с этим вызывавшим ненависть «старым порядком», представлявшим двусмысленный компромисс между феодализмом и новым временем, компромисс, при котором дух церкви и дух Вольтера, монархическая централизация и феодальная раздробленность, капиталистическая активность и корпоративная рутина сталкивались друг с другом в хаосе бессилия.

В течение двух столетий дворянство замечательным образом использовало эту несообразность, эти противоречия, чтобы всю эксплуатировать новое государство и саму королевскую власть.

Как только дворянство, как феодальная сила, было побеждено монархией, оно взяло реванш, прилепившись к централизованной монархии так, чтобы высасывать из нее все соки. В течение всего этого периода дворянство отвергало умеренность быта феодальных времен и не хотело участвовать в расходах государства нового времени. Оно широко способствовало росту его расходов, но несколько не способствовало увеличению его доходов. И оно никогда не бывало довольным тем, что получало из того королевского бюджета, в который оно ничего не вносило.

Достаточно бросить взгляд на последние бюджеты старого порядка, чтобы увидеть, какая огромная часть его потреблялась дворянами: 25 млн., ассигнованные королевскому дому, шли на содержание паразитической знати в королевских дворцах. Из 31 млн., предназначенного для выплаты пенсий, почти все поглощалось принцами крови, дворянами, креатурами дворян, альмавивами и фигаро¹.

Именитое дворянство обеспечивало себе жалованье в 100 тыс. ливров на высоких должностях губернаторов провинций, ставших чисто парадными и почти полностью утративших реальное значение благодаря возросшей власти интендантов. В военном бюджете 12 тыс. офицеров, которые все были дворянами, обходились казне в 46 млн. ливров, а 135 тыс. солдат — всего в 44 млн. Таким образом, более половины военного бюджета пожиралось дворянством. Оно поглощало по меньшей мере 80 млн. из обычного бюджета в 400 млн., то есть одну пятую часть.

И что, пожалуй, наиболее серьезно, чтобы покрыть и замаскировать этот грабеж и эти скандальные милости, монархия, эксплуатируемая и снисходительная, прибегает к бухгалтерским ухищрениям: число пенсий всегда колеблется, оно неизвестно даже Счетной палате, а в список подписавшихся на государственные займы включаются привилегированные лица, не внесшие ни одного ливра, но которые потом получают вместо пенсий проценты по фиктивному займу.

Итак, дворянство не только грабит, оно вносит беспорядок и ложь в великое государство нового времени, которое может функционировать только при наличии точности и лояльности. Дворянство несет также большую долю ответственности за противозаконные действия и за нарушения, которые во время Регентства привели к краху крупную кредитную операцию, смелое капиталистическое начинание банкира Лоу.

Любопытный дневник Матьё Маре² дает описание того, как грубо вмешивались принцы в операции Лоу, ведя игру наверняка на бирже и добавляя к доходу, получаемому от этих бесстыдных

1. По этому вопросу весьма точные данные содержатся в работе: F. Braesch. Les Recettes et les dépenses du Trésor pour l'année 1789. Le compte rendu au Roi, de mars 1788. Le dernier budget de l'Ancien Régime. Paris. 1936. В части гражданских расходов наибольшее место занимают расходы двора и привилегированных лиц: 5,67% всего бюджета, или 23,78% гражданских расходов. См. далее, на с. 204 дополнительные

сведения о дефиците. См.: «Le livre rouge» или «Liste des pensions secrètes sur le Trésor public». Paris, 1790; BN, 8° Lb³⁹ 3187.

2. Матьё Маре (1665—1737) — юрист и литератор, оставил мемуары, изданные в 1863—1868 гг. Лескюром под названием «Journal et Mémoires de Mathieu Marais, avocat au Parlement de Paris, sur la Régence et le règne de Louis XV, 1715—1737».

спекуляций, доходы от монополий на всякого рода товары — от сала для свечей до железа.

Ныне французское дворянство красноречиво выступает против финансистов, не отказываясь, впрочем, брать в жены их дочерей; а в XVIII в. оно давало самые скандальные примеры коррупции и монополистической алчности. В этот последний период существования старого порядка дворянство сосредоточило в своих руках все формы эксплуатации. С одной стороны, используя бесчисленные феодальные права, оно продлевало, по крайней мере отчасти, средневековое порабощение, с другой стороны, оно добиралось, с удивительной гибкостью и столь же удивительным бесстыдством, до обширных ресурсов централизованного монархического государства, расхищало королевскую казну и превращало предприятия нарождавшегося капитализма в великолепные княжеские грабежи. Оно сохраняло феодальную эксплуатацию прошлого, вносило дезорганизацию в монархическую силу настоящего и разлагало в зародыше предприимчивый капитализм, который может выполнять свою функцию, возбуждать энергию, множить богатства и вызывать к жизни великий рабочий класс, способный преобразовать мир, только если этот капитализм защищен от произвола дворян и развивается на основах регулярного и надежного учета.

Дворянство, со своим мрачным феодальным паразитизмом, со своим блестящим паразитизмом времен монархии, со своей финансовой аморальностью, стало угрозой для всех живых сил Франции¹. Монархия, слишком связанная с ним, неспособна была от него освободиться. Но буржуа и крестьяне поднимутся в общем революционном порыве против этого губительного дворянства и свергнут монархию. бывшую одновременно и жертвой и сообщником дворян.

ЦЕРКОВЬ

Они восстанут также против абсолютного могущества церкви. Последняя обладала в XVIII в. огромной политической властью и огромным земельным богатством². Конечно, она была подчинена королевской власти. Декларация галликанского клира от 1682 г. провозгласила вольность галликанской церкви и ограничила власть папства над церковными делами Франции³. А все то, что папство теряло в управлении французской церковью, приобреталось королем, то есть в каком-то смысле самой Францией. Только в XIX в. ультрамонтанское движение полностью утвердилось в нашей стране. Но уже в XVIII в. оно было сильным. В общем, иезуиты в конечном счете одержали верх над Поруаляем^{*} и рассеяли по ветру его пепел.

В той длительной борьбе между янсенистским Парламентом и иезуитами, поводом для которой послужила папская булла

«Unigenitus», большинство прелатов и священников стали на сторону Рима, и самые отважные из оппозиционеров были вынуждены прибегать к двусмысленным высказываниям и другим ухищрениям. Даже после того, как иезуиты были изгнаны в 1765 г., они продолжали, как бы бравируя, свои проповеди, и у меня были в руках учебники богословия XVII и XVIII вв., предназначенные для обучения духовенства, в которых утверждалось, что папа выше даже Вселенского собора и что он непогрешим, как таковой, без церковного собора.

Стало быть, не следует переоценивать значение галликанства при старом порядке. Ультрамонтанский дух обрел тогда уже довольно значительную силу. И если бы даже не было бурных событий Революции, сблизивших духовенство Франции с римским папой, то в силу неизбежной эволюции католического духа ультрамонтанство стало бы законом французской церкви, как и всех других католических церквей. Так или иначе, будь она ультрамонтанской, или галликанской, или представлял собой смесь ультрамонтанства с галликанством, французская церковь осуществляла в XVIII в. жестокий гнет. Она преследовала протестантов. Она угрожала ученым и философам, преследовала их, и лишь в редких случаях она не могла получить поддержки в этом деле со стороны светской власти. Это и привело к возмущению свободных умов.

Человеческая мысль уже более ста лет стремилась проникнуть в тайны Вселенной и человеческого общества. Она не могла более

1. Здесь было бы необходимо уточнить численность дворянского сословия. Задача трудная. Вобан в своем: «Projet d'une dîme royale» (1707) предлагает цифру 260 тыс. Моо в своих «Recherches sur la population de la France» высказывает мнение, что в 1777 г. насчитывалось 16 тыс. дворянских семей, следовательно около 80 тыс. человек. Лавуазье повторил эту цифру в своем докладе «De la richesse territoriale du royaume de France» (1791). Снейес в своей брошюре «Qu'est-ce que le Tiers État?» (1789) приходит после долгих подсчетов к цифре 110 тыс.; но он не учитывает возведенных в дворянское звание. Буйе в своих «Mémoires» (1797) говорит о 80 тыс. дворянских семейств, что составляет 400 тыс. человек; эта цифра, несомненно, преувеличена. По-видимому, численность дворянского сословия можно оценить пример-

но в 350 тыс. человек, то есть 1,5% населения страны. Следовало бы еще принять во внимание региональные различия.

2. О земельных владениях духовенства см. «Дополнительные замечания», с. 200.

3. Речь идет о «Декларации французского духовенства касательно духовной власти и власти светской», принятой собором духовенства в 1682 г. Статьи первая и третья этой декларации подтверждают вольности и права галликанской церкви. В них провозглашается абсолютная независимость светской власти от духовной и сохранение в силе обычаев и канонов, которых придерживалась церковь Франции.

* Название монастыря во Франции, ставшего центром янсенизма и борьбы против иезуитов. — Прим. ред.

мириться с деспотическим вмешательством духовенства. Она не могла больше позволять церкви замыкать в библейскую концепцию или в средневековую схоластику безграничную и постоянно меняющуюся Вселенную, в которой проявлялись математически точные законы материального мира и методически прокладывающая себе путь свобода разума.

В этой борьбе за свободную мысль буржуазия была союзником философов, ибо она нуждалась в помощи науки и интеллектуального движения для обеспечения своего экономического развития, для промышленного прогресса. Вольтер, этот великий властитель дум и в то же время великий делец, был совершенным воплощением новой буржуазии. Застой экономической жизни Средних веков был связан с застоєм догматического мышления: чтобы новое производство обрело весь свой размах, разбило всякую рутину и все барьеры на своем пути, нужно было также, чтобы новая мысль пользовалась полной свободой.

Итак, католическая церковь с ее нетерпимостью была непримиримым врагом нового мира. Облеченная абсолютной властью, она высушила бы как источник мысли, так и источник богатства. Потому-то и должны были восстать против нее все силы новой буржуазии, все, кто жаждал богатства, все, кто жаждал знания.

Церковь равным образом угнетала труд и разум. Духовенство было учреждено на правах привилегированного сословия. Как осмелиться обложить налогом эту церковь, коя владела богатствами лишь «для вящей славы господа и для блага бедных»? Как осмелиться подчинить плебейскому налогу епископов, архиепископов и аббатов, принадлежавших к самым благородным семействам и скрывавшим под рясой священника спесь дворянина. Как организация теократическая и аристократическая, церковь имела как бы два основания для освобождения от налогов, тяготевших над народом. Со времени издания королевского эдикта 1695 г. она была официально признана «первым сословием государства», и духовенство было освобождено от тали и большинства налогов. Его огромные владения были освобождены от земельного налога. Духовенство свободно продавало вино своих виноградников, не уплачивая установленного на сей предмет налога на продукты (*droit d'aide*) и избавленное даже от визитов контролеров мер и весов, агентов главного управления косвенных налогов¹.

Участие духовенства в расходах государства не превышало примерно 12 млн. в год. Духовенство завоеванных недавно провинций, так называемое иностранное духовенство, а именно духовенство Фландрии, Эно, Артуа, Камбрези, Франш-Конте, Руссильона, вносило принудительный взнос размером около одного миллиона в год. Тогда как духовенство старых провинций Франции голосованием принимало решение о внесении добровольной

субсидии, достигавшей около 10 млн. в год. На этих соборах, созывавшихся раз в пять лет, духовенство вотирировало предоставляемые им средства и решало вопросы общего управления владениями церкви. Да и эта жалкая субсидия в 12 млн. тоже была только видимостью. Король тут же возвращал ее духовенству, чтобы дать последнему возможность погасить займы, заключенные им в пользу короля².

В часы национального кризиса, когда король обращался к духовенству с просьбой о ссуде, последнее и не думало предоставлять ее из ресурсов, находившихся в его распоряжении. Это значило бы открыть перед всеми свое богатство. Духовенство предпочитало изображать себя бедным и прибегнуть к займу. Король принимал обязательство вернуть деньги кредиторам через посредство духовенства. Разумеется, все это были просто уловки, ибо церковь располагала внушительными средствами. Я нашел в наказах эльзасского духовенства одну статью, в которой оно требует разрешения для религиозных общин, имущества коих неотчуждаемы, ссужать земледельцев деньгами. Наказ утверждает, что это необходимо для борьбы с ростовщической деятельностью евреев. Но это, конечно, необходимо было и для того, чтобы к земельному могуществу церкви добавить то могущество, которое ей обеспечила бы роль кредитора, связанного со всеми делами, со всеми предприятиями. Так или иначе, этот факт свидетельствует о том, что накануне Революции церковь располагала движимыми ресурсами, которые позволяли ей пойти на прямые жертвы ради королевской казны. Но она предпочитала прикидываться бедной, прибегать к займу и затем возвращать себе, будто бы для выплат по этим займам, ту скудную субсидию, которую она якобы давала королю. Короли Франции так привыкли к этому порядку, что, возможно, предпочитали в трудные моменты занимать деньги таким образом, при посредничестве церкви, подобно тому, как ныне буржуазное государство, когда оно испытывает затруднения, делает заем при посредничестве железнодорожных компаний. Это соединение церковного кредита с королевской властью усиливало зависимость последней.

1. Действительно, духовенству, как сословию, удалось сохранить свой фискальный иммунитет до конца старого порядка. Согласно доктрине духовенства, его имущество свободно, в силу божественного права, от всех светских обложений и предназначено единственно для нужд культа и содержания его служителей, для нужд благотворительности и народного просвещения.

2. Действительно, налоги, выплачиваемые духовенством, были ничтожными по сравнению с его доходами. Платежи, от уплаты которых королевскому казначейству духовенство не могло уклониться, представлялись *Соборами духовенства*. Формальное учреждение последних восходит к 1561 г. Эти платежи назывались «*безвозмездный дар*» и предоставлялись каждые пять лет вплоть до XVIII в.

Впрочем, во многих вопросах имело место взаимное проникновение и смешение власти церковной и власти королевской и государственной.

Мало того, что католическая религия была опорой государства, мало того, что церковь венчала короля на престол, но церковь, вдобавок, одна вела регистрацию рождений, браков и кончин; вся гражданская жизнь была в ее руках, и если король имел сведения о движении народонаселения своего королевства, то почти исключительно на основании весьма ненадежных статистических данных о первых причастиях¹. Со своей стороны, король назначал большое число аббатов. Во многих аббатствах, из числа самых богатых, аббат не обязательно был духовным главой. Духовное руководство осуществлял приор, проживавший в аббатстве, как своего рода заведующий мессой, молитвой и умерщвлением плоти. Аббат там не проживал, он довольствовался, как сеньор этого духовного владения, получением прекрасных доходов. Таким образом, список бенефициев давал королю возможность раздавать своим креатурам значительную часть доходов церкви. Но эта кажущаяся власть была на деле еще одной цепью. Ибо монархия, таким образом глубоко связавшая себя с церковной системой и как участник безмерного клерикального паразитизма, могла бы освободиться от этих уз и перейти на сторону новой Франции лишь ценою подвига, требующего сверхчеловеческого мужества и гения. Борьбу против церкви смогут повести только буржуа и крестьяне, поднявшиеся на завоевание свободы и земли.

Каковы были общие размеры владений церкви? Довольно трудно дать точный ответ на этот вопрос. Поль Буато уверяет, что три четверти всей земли Франции были собственностью дворян и духовенства. Это явно преувеличено. Артур Юнг, который очень тщательно изучал социальное положение всех провинций, утверждает, что мелкая собственность, то есть «мелкие хозяйства, принадлежавшие тем, кто их обрабатывает», столь многочисленна, что должна охватывать одну треть земель королевства.

Бесспорно, что буржуазия скупила много земель, особенно за два последних столетия. Разбогатевшие коммерсанты и владельцы мануфактур покупали земельные владения. Я уже приводил по этому вопросу решающее свидетельство маркиза де Буйе, а маркиз де Мирабо, *«друг людей»**, неоднократно говорит в своей работе о жестоком отношении новых буржуазных хозяев к своим арендаторам.

Вся школа Кенэ и физиократов, столь удачно названная Марксом школой аграрного капитализма, теряет смысл, если б в XVIII в. не было заметного притока буржуазных капиталов в сельское хозяйство. Наоборот, эдикт 1749 г., так называемый эдикт о неотчуждаемости, создал серьезные препятствия на пути приобретения духовенством земельных владений. Этот эдикт

Церковь

обязывал духовенство, если оно получало имущество по завещанию, уплачивать налог в размере пятой части стоимости владения (фьефа) или шестой части стоимости недворянских владений и движимого имущества. И благочестивые дарения стали очень редкими. Указанный налог принес государству в 1784 г. всего лишь 200 тыс. ливров. Итак, на протяжении всей второй половины XVIII в. процесс расширения земельных владений церкви если и не был остановлен, то по крайней мере был замедлен, в то время как буржуазия увеличивала свои приобретения.

Если эту буржуазную собственность, несомненно значительную, добавить к крестьянской собственности (по подсчетам Юнга), то можно с уверенностью сказать, что буржуа и крестьяне владели половиной земель страны. Впрочем, в 1789 г. Трейар, выступая 24 сентября с речью в Учредительном собрании, оценил совокупность церковной собственности в 4 млрд. А так как эта цифра покрывает и городскую недвижимую собственность, стоимость которой была высока, то Трейар оценивает стоимость владений церкви в деревне не более как в 3 млрд. Такая оценка, быть может, неполна, и, по правде говоря, само Учредительное собрание никогда не располагало надежным перечнем земельных владений духовенства; но цифра 3 млрд. составила бы не более одной пятнадцатой части сельскохозяйственного капитала Франции, если исходить из подсчетов Артура Юнга, очень точных и строго методических.

Следовательно, нельзя утверждать, что дворянство и духовенство вместе владели тремя четвертями земель Франции. Гораздо разумнее предположить, что оба сословия владели по меньшей мере третью этой территории. Если бы всего только одна четверть всей земли принадлежала недворянам, буржуа или крестьянам, то, спрашивается, каким образом столь узкая база могла вынести всю тяжесть налогов².

1. Точнее, в 1772 г. генеральный контролер финансов аббат Террэ приказал интендантам составлять ежегодную ведомость рождений, браков и кончин на основании записей церковных книг. В 1778 г. появилась книга некоего Моо (Moheau), которую можно считать первым трактатом по демографии: «Recherches et considérations sur la population de la France».

* Маркиз Виктор де Мирабо (отец трибуна) — один из видных представителей школы физиократов, именовался «другом людей» по названию одной из его книг. — Прим. ред.

2. Несомненно, что в то время существовала тенденция преувеличивать размеры земельного богатства духовенства. Даваемая Жоресом оценка (по которой на долю дворянства и духовенства в совокупности приходилась одна треть всей земельной собственности) представляется близкой к действительности. В настоящее время кажется вероятным, что церковные владения составляли, самое большее, 10% земель, дворянская собственность — 20%, во владении буржуазии находилось 30%, а крестьянства — 35% земель. См. далее с. 199, 201, 208.

Если бы три четверти земель были привилегированными и освобожденными от налогового обложения, то их ничтожное крестьянское меньшинство, на которое бремя налогов легло бы всей своей тяжестью, было бы не просто раздавлено, оно было бы уничтожено. С другой стороны, как можно было бы объяснить большие размеры дохода, который церковь получала от сбора десятины? Где она нашла бы базу для обложения?

Лавуазье подсчитал, что сбор десятины только с зерновых культур давал 70 млн. Комитет финансов Учредительного собрания оценивал общий годовой доход от сбора десятины в 123 млн. Но поскольку дворянство платило только один вид десятины, а именно инфеодированную десятину (*dîmes inféodées*) (а доход от нее не превышал 10 млн.), то 113 млн. приносили ежегодно в виде десятины земли непривилегированные. С другой стороны, установлено (и то, что говорит Артур Юнг, не оставляет никакого сомнения на этот счет), что десятина составляла в действительности не одну десятую часть урожая, а в среднем только двадцать пятую или тридцатую часть. Следовательно, этот доход в 113 млн. свидетельствует о том, что стоимость всего сельскохозяйственного продукта непривилегированных земель составляла от 2,5 млрд. до 3 млрд., то есть более половины валового сельскохозяйственного продукта всей Франции¹.

И этим путем мы приходим к тому весьма правдоподобному выводу, что дворянство и духовенство владели вместе доброй третью, а может быть и половиной французской земли. Добавлю к этому, что, если бы земельное богатство привилегированных сословий превысило этот рубеж, оно стало бы столь подавляющим и всепоглощающим, что, вероятно, сделало бы невозможной Революцию.

Для взрыва революции необходимо, чтобы низшие классы страдали от ужасной бедности или сильного угнетения. Но столь же необходимо, чтоб они обладали некоторой силой и, следовательно, надеждой на лучшее. Таким и было состояние французского общества в конце XVIII в. Дворянство и духовенство, владея более чем одной третью всех земель, освобожденные от всех податей и налогов, бремя которых они переложили на сельский люд и бережливую буржуазию городов, присваивая все ресурсы государственного бюджета, поставляемые самыми обездоленными, оскорбляли чувствительным образом класс крестьянства и буржуазию и наносили огромный ущерб их интересам.

Но вместе с тем было достаточно количество мелких крестьянских владений, а в деревнях, несмотря на жесткости налогового обложения, было достаточно припрятано сбережений, чтобы все мелкие землевладельцы питали надежду освободиться и даже когда-нибудь купить клочок от крупного церковного имения.

С другой стороны, буржуазия, воодушевленная двумя столетиями промышленного, торгового и финансового могущества,

достаточно проникла, скупая земли, в сельский мир, чтобы чувствовать себя способной вести борьбу против дворянства и церкви даже в деревне. Она, если можно так выразиться, чувствовала себя в силах распространиться по всей поверхности общества.

Итак, основные источники революции были в то время налицо. И если бы монархия, высшая власть, сложившаяся веками и все еще почитаемая, способна была взять в свои руки руководство этими новыми силами, революционные преобразования, вероятно, были бы совершены без потрясений.

Если бы королевская власть выступила как освободительница, она нашла бы в лице буржуазии и крестьянства источники энергии, вполне достаточные, чтобы не надо было опасаться ни аристократического мятежа, как во времена Фронды, ни католического восстания, как во времена Лиги. Но мы уже видели, как тесно королевская власть была связана с духовенством и дворянством, которые ее губили. Она делает попытку, чтобы спастись, чтобы покрыть дефицит, порожденный алчностью привилегированных, обратиться с призывом к нации, но она обратится к ней исполненная колебаний и столько же для спасения этих привилегированных, как и ради собственного спасения. Эта-то жалкая и противоречивая политика и приведет ее к гибели.

ДЕФИЦИТ

Как в условиях такой непоследовательности или двуличия королевской власти могла совершиться Революция? Что послужило непосредственным поводом для нее? Что стало средством для ее осуществления? Поводом для Революции стал невыносимый дефицит бюджета.

В течение полустолетия королевская власть находилась под непрестанной угрозой из-за состояния своих финансов. Ее бюджет почти постоянно сводился с дефицитом. К обычным растущим

1. Следует уточнить, что десятина, вопреки мнению Жореса, распространялась на всех: ею облагались как земли дворян и личная земельная собственность духовенства, так и земли недворян. *Инфеодированные десятины* (с уступленными землей) — это те, которые, утратив свое первоначальное назначение, взимались светскими лицами, чаще всего дворянами (а не взимались с дворянства, как утверждает Жорес). Трудно оценить размеры дохода, который извлекало духовенство из десяти-

ны. Лавуазье оценивает его в 70 млн. ливров, Талейран — в 80 млн., Дюпон де Немур — в 120 млн. (речь 24 сентября 1789 г.), Трейар — в 123 млн. (доклад от 18 октября 1789 г.), Шассе — в 133 млн. ливров, из которых он вычитает, однако, 10 млн. от инфеодированной десятины и 23 млн. для покрытия расходов по сбору этого налога (доклад от 9 апреля 1790 г.). Относительно этих проблем см: M. G a r a u d. La Révolution et la propriété foncière.

расходам централизованного государства и расточительного двора добавлялись постоянные чрезвычайные расходы, вызванные войной за Австрийское наследство, Семилетней войной, американской войной. Монархия перебивалась с помощью всякого рода уловок, займов, бесконечных продаж разных должностей, авансов, то есть займов у генеральных откупщиков в счет доходов от налогов за следующие годы.

Но в 1789 г. все эти крайние средства уже были исчерпаны, королевская власть дошла до предела, и пришлось обратиться с призывом к нации, созвать Генеральные штаты. Правда, если бы не было революционной атмосферы, то с дефицитом можно было бы справиться без перестройки всего общества. В истории Франции не раз случалось, что Генеральные штаты помогали королям в крайней нужде и затем расходились, не затрагивая социальной системы, после того, как они обеспечили равновесие королевских финансов.

В 1789 г. финансовый недуг был слишком глубоким, слишком хроническим, чтобы можно было лечить его, не затрагивая податных привилегий дворянства и духовенства. Но если бы нация не имела другой цели, кроме восстановления равновесия бюджета, ее вмешательство могло бы быть весьма ограниченным.

Когда Неккер 5 мая 1789 г. представил Генеральным штатам доклад о состоянии финансов, он признал наличие дефицита в 56 млн. ливров¹. Таков был разрыв между доходами и расходами. Но серьезность положения этим не исчерпывалась. Дефицит был уже застарелой болезнью: в мае 1789 г. казна поглотила в виде аванса 90 млн. в счет доходов 1790 г. и 172 миллиона в счет последних восьми месяцев 1789 г. Но при всем том само по себе финансовое положение не было непоправимым. Достаточно было потребовать от обоих привилегированных сословий, до тех пор не плативших почти ничего, вносить ежегодно 80 млн., а также добиться от духовенства продажи им приблизительно на 500 млн. части его обширных владений, чтобы можно было покрыть авансы и восстановить нормальную работу королевской казны.

Этот план и был предложен наиболее умеренными депутатами на первых же заседаниях Генеральных штатов. Это, в частности, и был тот план, который разработал Малуэ, изо всех сил старавшийся убедить как правую сторону, так и революционеров левой стороны принять его². Сам по себе этот план не был неосуществимым. Можно было думать, что он окажется приемлемым для привилегированных, которым он оставлял их социальное превосходство. Что касается буржуазии, то восстановление финансового равновесия гарантировало бы кредиторам государства, всех ранге, владевших облигациями займов на огромную общую сумму в 4,5 млрд., заключенных монархией, от полного или частичного банкротства. Стало быть, если бы план самых умеренных, тех, кого можно назвать революционерами-консерваторами, был

проведен в жизнь, то Революция ограничилась бы довольно скромной операцией по оздоровлению финансового хозяйства монархии.

Почему же Революция в необычайном порыве превзошла эту узкую программу? Чем объяснить, что она с такой силой была увлечена далеко за пределы простого бюджетного вопроса, который первоначально ей предстояло решить?

Монархия созывает Генеральные штаты, чтобы привести в порядок финансы, и кажется, если рассматривать только цифры, что с этим делом можно справиться довольно легко, не колебля устоев общества — ни феодальных, ни дворянских, ни католических, ни монархических. И эти же Генеральные штаты развяжут движение, размах которого почти не поддается определению, движение, которое потрясет весь мир, они вступят в борьбу с дворянством и духовенством, они сначала унижат, а затем сразят самую монархию, они водрузят над привилегиями и властью прошлого славную и возвещающую начало грозы Декларацию прав человека и гражданина, откроют для демократии великие пути истории, утвердят всемогущество буржуазного класса и подготовят возвышение пролетариата. Какая разительная диспропорция между финансовыми нуждами монархии и великолепным революционным потрясением, и как объяснить, что бюджетный кризис, как будто довольно ограниченный, породил столь грандиозный социальный и человеческий кризис? Каким образом туча, омрачавшая вначале лишь одну сторону неба, внезапно разрослась и закрыла весь горизонт, поражая горы и дубы, высокие колокольни церквей и башни замков, пробуждая своими раскатами и зарницами дремлющие народы и освещая своими молниями целый век бурной истории?

Нельзя, конечно, объяснить это огромное движение, этот внезапный взрыв только тупым сопротивлением привилегированных сословий. Да, они проявили недостаток решительности и прозорливости, не согласившись сразу же пойти на жертвы, предложить деньги, которые позволили бы восстановить бюджет монархии.

Но вот что следует сказать: они отлично понимали, что им не удастся путем финансовых уступок обезоружить нарастающую Революцию: с первых же дней она хотела чего-то другого, в ее

1. См.: «Discours de M. le Directeur général des Finances». — «Recueil de documents relatifs aux séances des États généraux. Mai-juin 1789» (под редакцией Жоржа Лефевра и Анны Терпуан). Tome premier, I: «Les préliminaires. La séance du 5 mai».

2. Малуэ (1740—1814) — интендант морского министерства в Тулоне, депутат третьего сословия от Риомского сенешальства, один из руководителей монархистов, выступивших в сентябре 1789 г. в защиту прерогатив королевской власти. После 10 августа 1792 г. эмигрировал.

душе происходило какое-то странное брожение, в ее очах было сиянье мечты и дерзания.

Повторяю, откуда взялось это необыкновенное кипение, какая новая, исходящая от земли сила взволновала умы? Опять-таки, нельзя считать, что это неведомое ранее неистовство было вызвано страданиями крестьян, задавленных феодальными повинностями или ограбленных фиском.

Ведь, как бы их ни унижали и ни угнетали, в прошлом, на протяжении всей истории монархии им не раз приходилось выносить еще более жестокие страдания. Так было в годы страшного голода в царствование Людовика XIV: тогда у них едва хватило сил лишь на короткие вспышки восстаний, а то просто бросить издали несколько безобидных камней. Кончилось это тем, что скелеты повешенных высохли на ветвях дубов, всеми забытые, вызывая, пожалуй, только насмешки у одетых в рубище крестьян, проходивших мимо по дороге. Одного бунтарского инстинкта крестьян с его внезапными и короткими вспышками недостаточно, чтобы привести в волнение целый мир.

Чем же объяснить, что на сей раз крестьянство поднялось в каком-то возвышенном порыве, будто магнетический флюид внезапно пробежал по его рядам и воодушевил его? И чем объяснить также и то, что после нескольких неуверенных шагов и нескольких компромиссов Революция не остановилась? Из какого источника Генеральные штаты почерпнули силу, чтобы выстоять и сохранить волю к победе?

Ведь могло бы случиться и так, что все завершилось бы какой-то половинчатой сделкой, кое-какими временными жертвами со стороны привилегированных сословий и небольшим банкротством. Нации, подчиненные режиму произвола, беззакония, беспорядка, но обладающие большими резервами жизненной силы, не умирают ни в один день, ни в одно столетие. И Франция могла бы медленно опускаться до уровня какой-нибудь Испании, не тревожа ни монархию, ни народы слишком сильными судорогами агонии.

Какой же чудесный возбудитель спас ее от этого сонливого самоотречения, какая жизненная сила подняла внезапно до уровня великой драмы все — и события, и людей?

ДУХ ФИЛОСОФИИ

В конце XVIII в. две великие силы, две революционные силы оказали огромное влияние на умы, на ход событий и умножили в огромной мере их напряжение. Каковы же эти силы?

С одной стороны, французская нация к тому времени достигла интеллектуальной зрелости. С другой стороны, французская буржуазия достигла социальной зрелости. Во Франции научная мысль осознала свое величие и стремилась применить свои методы анализа и дедукции ко всему реальному миру — как к обществу, так и к природе. Французская буржуазия осознала свою силу, свое богатство, свои права, свои почти безграничные возможности дальнейшего развития: словом, буржуазия достигла классового самосознания, между тем как научная мысль достигла осознания Вселенной. Это и есть те два пламенных источника, два источника огня Революции. Благодаря им она стала возможной, благодаря им она стала ослепительной.

И. Тэн дал самое ложное и, я сказал бы, самое ребяческое истолкование влияния, оказанного на Революцию французской мыслью, которую он называет классическим духом. По его мнению, Революция была продуктом абстрактного мышления. Она была увлечена на путь опаснейших систематических ошибок и опаснейших крайностей под воздействием общих и туманных понятий, почти лишенных содержания, таких, как равенство, человечество, право, народный суверенитет, прогресс. Именно классическая культура лишила французский дух чувства реальности, чувства ее остроты и сложности; это она, классическая культура, приучила французов XVIII в. к возвышенным, но пустым обобщениям.

Итак, революционеры неспособны были точно представить себе живое многообразие условий и людей. Они неспособны были представить себе страсти, инстинкты, предрассудки, невежество, привычки 27 млн. людей, которыми им внезапно пришлось управлять. Они поэтому были обречены на то, чтобы произвести дерзкий переворот в общественной жизни и жизни отдельных людей под предлогом их улучшения. Узкая идеология классицизма, примененная к управлению обществами, — вот что, по мнению Тэна, толкнуло Революцию в бездну утопии, авантюры и насилия. И. Тэн, осуждая Революцию, повторяет слова Наполеона I: «Это плод работы идеологов». Но он еще больше, чем Наполеон I, неспособен оценить величие и мощь Революции, и его осуждение идет еще дальше. Он обвиняет не только «революционную идеологию», но и национальную идеологию и самые основы французского духа.

Но г-н Тэн грубо ошибся. Он не понял ни классического духа, ни Революцию. Он сам подменил точное знание и ясное видение фактов пустой схоластикой и реакционной идеологией.

Французская революция отнюдь не была абстрактной и пустой. Наоборот, это была самая содержательная, самая практическая, самая уравновешенная из всех революций, которые когда-либо знала история прежде. Мы в этом скоро убедимся.

Деятели Революции обладали глубоким знанием действительности, поразительно ясным пониманием тех сложностей и трудностей, с которыми они столкнулись. Никогда ранее не было такой обширной, точной и продуманной программы действий, как та, которая содержалась в наказах Генеральным штатам. Никогда ранее ни одна программа не была проведена в жизнь столь полно и столь удачно найденными и решительными средствами. Как мы увидим дальше, Французская революция достигла полного завершения: она осуществила все то, что было возможно в социальных условиях того времени, что диктовалось новыми потребностями, или положила начало этому. С тех пор в течение столетия в Европе и во всем мире удавалось осуществить лишь то, что шло в направлении, указанном Французской революцией.

А вот со стороны контрреволюции выступает всегда лишь утопия, бессмысленное и бесплодное насилие. Даже в метаниях Революции был смысл, даже за революционной фразеологией скрывались самые серьезные конфликты, совершенно определенные интересы. Каждое направление, каждая группировка периода Революции отражала какой-то участок общественной жизни, каждая фраза, даже самая на первый взгляд пустая, диктовалась требованиями действительности и была отражением исторической необходимости. И если г-н Тэн, чья работа являет нам столько примеров почти невероятного невежества, столь грубо ошибся относительно Революции, то что остается думать о его теоретических рассуждениях о классическом духе и безумном увлечении абстракцией?

Он и тут впал в глубокое заблуждение. Во-первых, он ошибочно противопоставил путем самой произвольной абстракции науку тому, что он называет классическим духом. Он воспел хвалу той науке, которая расцвела в XVII и XVIII вв.

Эта наука открыла человеку устройство Вселенной, ее необъятность, законы движения и взаимодействия миров. Наука дала человеку представление о том, что такое Земля, каково ее место во Вселенной, ее форма, размеры, каково ее движение и предположительное возникновение.

Эта наука положила начало классификации бесчисленных форм жизни и разъяснила человеку, до того пребывавшему в надменном уединении, что и он — лишь звено в длинном ряде существ, что на необъятном дереве жизни он является почкой, самой высокой. Эта наука старалась изучить человеческое общество, раскрыть секрет общественной жизни, она пыталась анализировать экономические явления, понятия богатства, ренты, стоимости, производства.

Короче говоря, эта наука стремилась все понять и показать все в развитии, отвечающем непрерывному порядку самой природы, — от далекого движения звезды, еле заметной в глубинах неба, до ритма новых станков на мануфактурах. Вот что сделали ученые XVII и XVIII вв., и это просвещение общественной мысли наукой было бы достойно восхищения, если бы, как утверждает Тэн, классический дух не приучил французов извлекать из необъятной действительности только некоторые общие и кратко сформулированные идеи, вполне пригодные как для легкой беседы, так и для опасной утопии.

Сначала наука, солидная и честная, как будто распылилась в салонах, затем была искажена на собраниях и в клубах. Вот причина тщетности и заблуждений Революции.

Но какой же ложный анализ позволил г-ну Тэну отделить науку нового времени от классического духа? Это две связанные между собой силы и даже сливающиеся в одну.

Классический дух заключается в том, что каждая идея, каждый факт последовательно анализируются, рассматриваются их существенные составные элементы, после чего устраняется все поверхностное и случайное, а все необходимые элементы располагаются в самом естественном, самом логичном и самом ясном порядке. Этот метод, эта привычка к упрощению и соединению были необходимы человеческому уму для того, чтобы приступить к изучению беспредельной сложности природы и жизни, для того, чтобы предпринять научное завоевание Вселенной.

Попробуем представить себе человеческий разум, впервые освобождающийся от утвержденных навечно космогонии, астрономии, физики, истории, морали, религии, которые оставили ему в наследство Средние века.

Что будет с ним и сможет ли он двигаться вперед без головокружений и обмороков в беспредельной и озадачивающей действительности?

Может быть, как во времена Возрождения, он будет искать разгадку тайн Вселенной в книгах античной мудрости? Нет: греко-латинская культура разглядела лишь часть действительности.

XVI век мог упиваться благородным умом древних времен и, таким образом, освобождаться от духовного аскетизма средневековья. Но это опьянение чтением и эрудицией оставляет в голове человека только дым; необъятной и запутанной действительности надо смотреть прямо в лицо, твердо и честно.

Итак, отряхнем с себя бремя эрудиции и разорвем цепь традиций. Пусть ум человека уединится и сосредоточится, чтобы исследовать Вселенную без всяких посредников. Но не поддастся ли он чарам мечты? Не будет ли он, подобно Гамлету, пытаться проникнуть в тайну мироздания посредством неясных предчувствий и угадывать, словно во сне наяву, «те тайны неба и земли, что ускользнули от всей философии»? Все это западни и безумие. Не мечта, а опыт и разум, наблюдение и дедукция позволяют человеку овладеть Вселенной. Да, но если так подходить к вещам и живым существам, то как не потеряться в бесчисленных и ускользающих деталях? Только метод нас спасет.

Из каждого ряда вопросов, из каждого ряда фактов надлежит попытаться вывести самую общую идею; надо отыскать самое широкое и самое простое понятие, под которым мы можем объединить возможно большее число предметов и живых существ, и затем постепенно будем все шире и шире охватывать мир связующими нитями нашего понимания.

Таков научный метод открытия и проникновения; и этот метод совпадает с методом выражения и доказательства, присущим классической мысли. Я не вижу, как можно было бы их разобщить; лишь путем детской игры ума, лишь путем одного из тех искусственных различий, кои столь приятны его чисто словесному мышлению, Тэн умудрился противопоставить один другому.

Именно следуя этому методу, Ньютон посредством замечательной абстракции сопоставил падение тел на поверхности нашей планеты с падением звезд, тяготеющих одна к другой. Следуя этому методу, Линней классифицировал бесконечное разнообразие растений, приняв за основной признак органы размножения. Следуя этому методу, Гаюи изучал кристаллы, классифицируя их по геометрическим формам¹. Следуя этому методу, Бюффон и Лаплас привели все звезды к первичному типу туманности и вывели Солнце и планеты из одной и той же массы газов, медленно уплотнявшейся и дифференцировавшейся. Следуя этому методу необходимой абстракции и обобщения, Монтескье свел бесконечное разнообразие форм правления к четырем основным типам. Следуя тому же методу, Адам Смит получил возможность исследовать

бесконечное разнообразие экономических явлений, которые он свел к нескольким основным категориям.

Всегда и всюду среди бесконечного и утомительного разнообразия отдельных фактов наука улавливает и выделяет посредством смелой операции несколько основных признаков, значительных и решающих. И наука проверяет и развивает во всех отношениях эту ясную и относительно простую идею посредством наблюдения, расчетов, непрерывного сопоставления явлений и идей в их длительности.

Но и классический разум в своих творениях следует этому же методу. Так, Декарт при помощи двух понятий — мысли и протяженности — развернул целую систему материального мира и духовного мира. Так, Паскаль, проникая в глубины человеческой природы, показал наше ничтожество и наше величие и из одной этой идеи, рассматриваемой в связи с идеей грехопадения, вывел все учение христианства. Таким же образом «Энциклопедия»² распатала все ложные системы при помощи двух понятий — природы и разума. Наконец, таким же образом, посредством одного лишь утверждения прав человека и гражданина, Революция дала поразительное по силе сжатое выражение новых устремлений возросшего сознания людей и требований положительных гарантий, выдвигаемых новыми интересами.

И Революция в свою очередь, как и большая наука, коей г-н Тэн тщетно пытается ее противопоставить, нашла главную широкую идею, которая позволила ей дать выражение целому периоду общественной жизни и координировать огромное множество сил. Как бы там ни было, г-н Тэн не может осудить классический дух и дух Революции, не осуждая самой науки. Если он не докатился до крайней католической реакции, то лишь в силу своей непоследовательности: он остановился на полпути.

О, как бы это было удобно для абсолютизма, религиозного, монархического и феодального, если бы XVIII в. ограничился неторопливыми монографиями, запрятанными в архивах бенедиктинских монастырей, или терпеливыми изысканиями эрудитов о прошлом. Всем тираниям, всем привилегированным было бы очень удобно, если бы французская мысль продолжала забавляться, как это было в XVI в., великолепными словесными оргиями и топила бы свое возмущение в широком потоке, мутном и неясном, раблезианской прозы. О, как было бы удобно священникам, монахам и дворянам, если бы XVIII в., предвосхищая романтизм, увлекся

1. Рене-Жюст Гаюи (1743—1822) опубликовал в 1792 г. «Exposition abrégée de la théorie sur la structure des cristaux», а в V г. издал «Extrait d'un traité élémentaire de minéralogie».

2. Об «Энциклопедии» см. в основ-

ном: J. Proust. Diderot et l'Encyclopédie. Paris, 1962. Об идее естественного права см.: J. Ehrard. L'Idée de nature en France dans la première moitié du XVIIIe siècle. Paris, 1963, 2 vol.

подробнейшими описаниями, с использованием богатейшего словаря, какого-нибудь портала старинной церкви или старинной башни какого-нибудь старинного замка!

Но классическая мысль ставила перед собою другие задачи. Она конкретно и с гневом отменяла все суеверия, все формы тирании, все привилегии, препятствовавшие свободному взлету мысли, расширению сферы труда, достоинству личности.

Для этой борьбы классическая мысль нуждалась в лаконичном, скупом и сильном языке. Она отвергала рассчитанные на эффект излишества, словесные ухищрения и трафаретное красноречие, которые г-н Тэн хотел бы ей навязать: будоражащая и страстная, она излучала яркий свет и разоблачала все институты того времени, как противные природе и разуму.

Разве могла бы она разрушить этот старый, обветшалый и нескладный мир, если бы не вдохновлялась высокими и простыми идеями? Разве могла бы классическая мысль, оспаривая, подобно сельскому сутяге, каждую феодальную повинность, каждое церковное притязание, каждый акт королевской власти, освободить Францию от всех видов порабощения и рутины? Требовалось всеобъемлющее усилие, яркий свет, пламенный призыв к человечеству, к природе, к разуму.

Но это необходимое преклонение перед общими идеями отнюдь не исключало для классической мысли точного и глубокого изучения фактов, внимания к деталям. И здесь мы отмечаем вторую ошибку г-на Тэна. Он не заметил всего богатейшего содержания фактов и чувств, заключенных в прекрасной классической форме.

У меня нет времени оспаривать его поверхностное суждение о литературе XVII в. Но как можно отрицать огромную работу, проделанную людьми XVIII в., по изучению всего накопленного мыслью предшественников? В исторической и социальной области — это век мемуаров. А сколько работ, сколько исследований в области экономики и техники! Академия наук издала великолепное собрание описаний всех принятых в промышленности технологических процессов и новых изобретений¹. Множество ученых записок и книг, точных, обстоятельных, подкрепленных статистическими данными и цифрами, было посвящено вопросу о хлебе и продовольственном снабжении. Экономисты не довольствовались построением общих теорий. В издаваемом ими сборнике «Ephémérides» («Эфемериды») они отмечают день за днем колебания цен, наличие запасов, состояние рынка². Много книг и брошюр было посвящено феодальному порядку, вопросу о практических и мирных средствах упразднения феодальных прав посредством системы выкупов. В течение последней трети века королевские сельскохозяйственные общества опубликовали самые содержательные научные записки³. Инспектора мануфактур направляли правительству доклады, от которых не отказалось бы нынешнее ведомство по вопросам труда, и мы вскоре позаимствуем из док-

ладов Ролана де ла Платьера, написанных за пять лет до Революции, наиболее ценные и тщательные документы о состоянии промышленности, о форме производства и о положении наемных работников⁴.

Никогда, ни в одном столетии, люди не были так внимательны к мельчайшим проявлениям жизни, к функционированию всех социальных механизмов, как в XVIII в. И никогда революция не подготавливалась на основе столь серьезного изучения, на основе такого богатства материалов и документов. Однажды Мирабо воскликнул в Учредительном собрании: «Сейчас нам некогда работать, штудировать, к счастью, у нас был «задел идей». Да, задел идей и задел фактов. Никогда прежде мыслящие люди не были лучше оснащены, а г-н Тэн, который как будто не ведает об огромной исследовательской работе XVIII в., смеется над нами, когда сводит классический разум к искусству красиво расположить жалкие отвлеченные идеи.

Но вся эта обширная информация и вся эта благородная философия оказались бы бесполезными, если бы не было нового общественного класса, заинтересованного в больших изменениях и способного осуществить эти изменения.

БУРЖУАЗИЯ

Этот общественный класс — буржуазия, и здесь опять нельзя не удивиться чрезвычайному легкомыслию г-на Тэна. В главах, посвященных им «структуре общества» при старом порядке, он попросту не считает нужным заниматься изучением буржуазного класса и даже не упоминает о нем. Лишь мимоходом он роняет замечание, что много разорившихся дворян продавали свои земли буржуа. Но он нигде не уделяет внимания происходившему в течение двух столетий экономическому росту буржуазии.

В его глазах все буржуазное движение было, по-видимому, не более как приступом тщеславия или глупого опьянения филосо-

1. «Descriptions des arts et métiers faites ou approuvées par MM. de l'Académie royale de Sciences». Первый том появился в 1761 г., последний — в 1788 г.
2. «Ephémérides du citoyen...» par l'abbé Baudouin, le marquis de Mirabeau, Dupont de Nemours... 1765—1772, начиная с 1767 г. орган физиократов.
3. См.: Henri Sée. Les sociétés d'agriculture. Leur rôle à la fin de l'Ancien Régime. — «La Vie

économique et les classes sociales en France au XVIIIe siècle». Paris, 1924; E. Justin. Les Sociétés royales d'agriculture au XVIIIe siècle. 1757—1793. Paris, 1935.

4. Ролан (1734—1793) был инспектором мануфактур в Лионском административном округе в последние годы старого порядка. Он оставил много докладов по вопросам промышленной техники, особенно в области текстильного производства.

фией. Буржуа из провинциального городка был уязвлен в своем самолюбии презрительным отношением к нему дворянина. Этот буржуа прочитал Жан Жака и стал якобинцем: вот вам и вся Революция. Г-н Тэн не имеет даже представления об огромном развитии интересов, которое возложило на буржуазию ее революционную роль и придало ей сил выполнить ее.

Он рассуждает так, как если бы чисто философские теории могли воспламенить и поднять на восстание целый народ. И если тезисы философов он считает отвлеченными, а классическую мысль — лишенной содержания, то он не замечает солидных интересов растущей буржуазии, ставших основанием и содержанием теорий мыслителей. Сей мнимый «реалист» удовольствовался чтением философских книг. Он не видел самой жизни. Ему остался неведомым тот огромный рост производства, труда, накоплений, тот промышленный и торговый прогресс, которые позволили буржуазии стать первостепенной общественной силой и побудили ее взять на себя руководство обществом, в котором ее интересы заняли уже столь важное место и могли подвергаться многим опасностям. Право же, г-ну Тэну очень не помешало бы почитать Маркса или поразмыслить немного над Огюстеном Тьерри¹.

Из каких элементов состоял класс буржуазии, какие интересы определяли его в годы, предшествовавшие Революции? На вершине его находилось то, что можно назвать крупной капиталистической и финансовой буржуазией. Сюда входили главным образом откупщики, крупные поставщики армии, главные владельцы акций привилегированных компаний, вроде Ост-Индской компании или «Кэсс д'эсконт» (Учетной кассы).

В наше время государство собирает налоги прямо через свои податные органы. При старом порядке оно отдавало их на откуп и, таким образом, способствовало созданию олигархии откупщиков, крайне богатой и влиятельной². Нажитые ими состояния оценивались в миллионы и даже в десятки миллионов. Муж бабушки Дюпен де Франкей, имел 600 тыс. ливров ренты и владел замком Шенонсо и великолепными особняками в Париже³. Эти крупные писательницы Жорж Санд, сын генерального откупщика г-н Дюпен де Франкей, имели 600 тыс. ливров ренты и владел замком Шенонсо и великолепными особняками в Париже³. Эти крупные фискальные посредники глубоко проникли в систему старого порядка. Они были заинтересованы в его сохранении, и было бы рискованно причислить их к новым силам. И все же именно благодаря своему могуществу эта новая денежная аристократия невольно отбрасывала в прошлое старую служилую и земельную аристократию. Дворянство шпаги перестало быть первой или по крайней мере единственной общественной силой. Таков закон обществ, клонящихся к упадку, что они вынуждены для своего собственного существования призывать ту силу, которая завтра займет их место. Эти генеральные откупщики не были в полной зависимости у старого порядка: они пользовались влиянием, часто превосходившим влияние самой королевской власти, поскольку

они помогали ей жить, выплачивая авансы в счет будущих налоговых поступлений, когда король уже не смел прибегнуть к открытому займу.

Таким образом, старый порядок постепенно попадал под опеку финансистов и, можно сказать, в зависимость от капитала. Важно не то, что каждый в отдельности генеральный откупщик чувствовал себя привязанным к системе, которую он, поддерживая, эксплуатировал. И не то важно, что с XVIII в. против них обращается гнев третьего сословия, как об этом свидетельствуют воспроизведенные здесь эстампы, и что они падут затем под ударами Революции. Несмотря на все это, они все же представляли собой новую силу, и завоеванные ими престиж и сила как бы умаляли престиж короля и силу старого общества. Эти завоеванные финансистами престиж и сила возвещали появление новой монархии — денежной, трудно совместимой с королевской властью божьей милостью или с могущественной феодальной иерархией. В условиях упадка королевского могущества то были великолепные праздничные факелы, которые зажигают с наступлением вечера и которые обещают людям грядущее опьянение светом.

К тому же, хотя финансисты и участвовали в жизни монархии, они были все же сынами нового мира, и не один из них отдавал себе в этом отчет. Откупщиком был великий химик и новатор Лавуазье. Наукой он занимался не ради моды и не из праздного любопытства, не в смутных поисках тайн магии, как это делал регент и кое-кто из крупных сеньоров. Он с глубокой серьезностью и как истово верующий изучал скрытые превращения материи. И доходы от своей великолепной должности он тратил на дорогостоящие опыты.

Дюпен де Франкей и его жена были страстно увлечены теориями Жан Жака, и у них в Шенонсо гостил аббат де Сен-Пьер, великий мечтатель о всеобщем мире⁴. Сын Дюпена де Франкей создавал мануфактуры в Шатору, и огромные, накопленные откупщиками

1. Жорес имеет здесь в виду: Augustin Thierry. Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du Tiers États, 1850.

2. Генеральные откупщики — это, по выражению Вольтера, «сорок плебейских королей». Об Откупном ведомстве косвенных налогов см.: George T. Matthews. The Royal General Farms in eighteenth century France. Columbia, Mass., 1958. Стабильная организация откупов относится к 1720 г. Торги на сдачу в откуп проводились каждые шесть лет. В 1726 г. эти торги при-

несли 80 млн., в 1774 г. — 152 млн.

3. Дюпен де Франкей (1715—1787) — сын генерального откупщика Дюпена де Шенонсо, в 1777 г. женился вторым браком на Авроре де Сакс (1750—1821), внебрачной дочери маршала Морица Саксонского. От этого второго брака родился Морис Дюпен, отец писательницы Жорж Санд.

4. Аббат де Сен-Пьер (1658—1743) известен как автор «Проекта вечного мира» («Projet de paix perpétuelle», 1713). Около 1720 г. он участвовал в создании так называемого «клуба на антресолях».

капиталы способствовали расширению промышленного производства. Я имею, стало быть, основания причислять их к силам буржуазного класса. В жизни обществ размежевание классов никогда не бывает резким и четким, и в переходные моменты истории социальные силы не разделяются, как воды на пути фараона, на две стены по правую и по левую руку. Наблюдаются различные сочетания и смешения: генеральные откупщики представляют некую гибридную социальную силу на скрещении старого порядка и нового капитализма. Революция сможет обрушить на них свои удары, она сможет гильотинировать Лавуазье, после того как она его почтительно приняла и обращалась к нему за советами: с точки зрения истории они все же были революционной силой.

Париж был тем местом, где преимущественно были сосредоточены огромные состояния финансистов, генеральных откупщиков, крупных поставщиков и банкиров. Мерсье в своих «Картинах Парижа»¹ отмечает, что роскошные особняки Парижа весьма отличаются от богатых особняков Бордо, Нанта или Лиона. В последних городах эти особняки имеют вид богатый, но еще строгий, это дома торговцев и промышленников. Парижские особняки — это дома финансистов. Всех этих финансистов, всех этих крупных капиталистов, пайщиков Ост-Индской компании или Учетной кассы раздирали противоположные желания: желание продлить существование режима, при котором они преуспевали благодаря выгодным монополиям, и желание обезопасить себя от произвола абсолютной власти и капризной и безответственной бюрократии, способной внезапно упразднить предприятия, в которые они вложили крупные капиталы.

«Кэсс д'эсcont» (Учетная касса), уже в то время игравшая роль, аналогичную нынешнему Французскому банку в деле учета коммерческих векселей, неоднократно упразднялась и вновь восстанавливалась, но неизменно оставалась объектом ограбления со стороны финансовых контролеров, которые насильно брали взаймы ее наличность всякий раз, когда королевская казна испытывала затруднения. Таким образом, несовместимость бюрократического произвола и монархического беспорядка с капитализмом, нуждающимся в точной отчетности и верных гарантиях, эту несовместимость болезненно испытывали на себе даже привилегированные, даже крупные негоцианты и монополисты старого порядка. Давление экономических интересов и соответствующего этим интересам классового сознания было так велико, что даже эта крупная буржуазия, извлекавшая огромные выгоды из старого порядка, осуждала его.

Ниже этой крупной капиталистической и банковской буржуазии располагались многочисленные буржуа-рантье, или, выражаясь более точно, кредиторы государства.

По сводке, представленной Неккером Учредительному собранию, государственный долг достиг в 1789 г. 4467 млн.² Из этой

суммы 1050 млн. представляли тонтинны и пожизненные ренты и 1120 млн. — вечные ренты. Но каковы бы ни были происхождение и форма этого долга, он был представлен кредитными билетами и процентными бумагами. Отсюда видно, какое огромное место в жизни Франции занимали отныне кредиторы государственного казначейства. Ежегодно в погашение процентов выплачивалось 250 млн. Таким образом, в последних королевских бюджетах появляется существенная черта, характерная для буржуазных бюджетов. Половина обычных доходов бюджета идет на погашение и уплату процентов по государственному долгу. Размеры долга достигли суммы 4,5 млрд., что почти вдвое превосходит общую стоимость церковных имуществ, указанную в докладе Шассе Учредительному собранию³. Ежегодно выплачиваемые проценты составляют сумму, равную десятой части всего прибавочного продукта со всей земли Франции. Легко понять, какую большую социальную силу представляли собой кредиторы государства: благодаря им буржуазия была хозяином нового государства в плане финансовом, прежде чем овладеть им в плане политическом. Никакой режим не мог бы противостоять восстанию кредиторов; а буржуа — кредитор монархии старого порядка не чувствовал себя более в этой монархии в безопасности. Он должен был постоянно опасаться полного или частичного банкротства, декретированного по воле одного человека. И тревога буржуа возрастала вместе с ростом государственного долга. Ривароль писал: Революцию сделали рантье; не подлежит сомнению, что если многие буржуа требовали установления нового порядка, то для того, чтобы обеспечить государственному долгу гарантию нации, более надежную, чем королевская.

Невозможно даже приблизительно установить численность владельцев государственных ценных бумаг накануне Революции. В своем докладе Генеральным штатам Неккер говорит, что большая часть бумаг была на предъявителя и распадалась на бесчисленное множество категорий; он предложил в дальнейшем сделать их именными. Поскольку эта работа не была проведена, мы не можем даже приблизительно указать число владельцев бумаг. Но они, несомненно, были многочисленны и составляли силу, тем более активную, что почти все были сосредоточены в Париже. Это априори-

1. Луи Себастиан Мерсье (1740—1814) начал издание серии «Tableau de Paris» в 1781 г. До 1788 г. вышло 12 томов.

2. Об этих финансовых проблемах см.: F. Graessh. Finances et monnaie révolutionnaires; второй выпуск: «Les recettes et les dépenses du Trésor pendant l'année 1789. Le compte rendu au roi de mars

1788. Le dernier budget de l'ancien régime». Paris, 1936.

3. Шассе (1745—1824) — депутат третьего сословия от сенешальства Вильфранш-де-Божоле, докладчик Церковного комитета Учредительного собрания, так, в частности, он выступал 9 апреля и 17 июня 1790 г. по вопросу упразднения десятины. BN, 8° Le²⁹ 560 et 714.

ри представляется весьма правдоподобным. Ибо государственный кредит был еще учреждением слишком недавно созданным (он получил некоторое развитие за предшествующие сто лет), чтобы распространиться в провинции. Как известно, в старой Франции течение жизни было бесконечно более медленным, чем теперь, и требовалось очень много времени, для того чтобы столь смелый институт, как государственный кредит, распространился.

С другой стороны, крестьяне обращали свои сбережения исключительно на покупку земли. А в больших промышленных или торговых городах свободные капиталы поглощал рост новых предприятий. Наконец, постоянные превратности и постоянный риск, связанные с этими государственными ценными бумагами, вынуждали неким образом владельца быть на месте, чтобы всегда иметь надзор за своими бумагами. Королевская казна постоянно пускалась на всякие комбинации, она, так сказать, постоянно вступала в какие-то сделки со своими кредиторами, и надо было быть у самого источника операций и новостей. После Революции отношения между казначейством и его кредиторами стали и более надежными и более простыми и «реальное присутствие» держателя бумаг стало гораздо менее необходимым.

При старом порядке жизнь рантье была очень бурной вследствие постоянных сюрпризов со снижениями процентной ставки, с принудительным погашением, с различными изменениями ценности бумаг. Тогдашняя Биржа помещалась в деревянной галерее на улице Вивьен. А теми «охотниками до новостей», которых так часто высмеивали писатели XVII и XVIII вв., были, должно быть, или биржевики, или рантье, подстерегающие события.¹

Весь тот финансовый аппарат, который ныне позволяет совершать на расстоянии сделки по государственным ценным бумагам, тогда не существовал или едва зарождался, за исключением таких крупных центров, как Амстердам, Женева и Гамбург. Поэтому Париж неизбежно стал городом кредиторов государства, столицей рантье.

Наблюдатели того времени подчеркивают это обстоятельство. В первые же недели Революции посол Венеции писал своему правительству, что слухи о банкротстве доводили до отчаяния рантье, которые почти все проживали в Париже. Неккер в своем отчете о финансовом управлении¹ писал: Париж — главное местожительство рантье. Это надлежит хорошо знать, чтобы понять характер Революции, а также и социальное лицо революционного Парижа. В то время рантье не был для ремесленника, для рабочего тем, чем он является ныне для пролетария-социалиста: символом капиталистического паразитизма. Он был «оппозиционером». Он отдал свои сбережения королю, когда государство было в большой нужде, а короли, дворяне, священники вследствие их безумного расточительства или нерадения угрожали не вернуть ему долга. Поэтому рантье по самой природе своей был врагом произвола,

и восставший против старого порядка народ предместий находил союзника и руководителя в этих буржуа — кредиторах короля, нуждавшихся в новом порядке для обеспечения своего собственного существования.

Вот почему богатые банкиры принимают участие даже в мятежных движениях. Во всяком случае, буржуазному классу, этому крупнейшему кредитору королевской казны, было неизбежно предназначено стать первой политической силой в государстве. И поскольку нация не может оплатить ему свой долг или обеспечить ему выплату процентов иначе, как овладев имуществом духовенства, то возникает непримиримый экономический антагонизм между финансовыми интересами буржуазии-кредитора и земельными богатствами церкви. Это станет одной из наиболее мощных движущих сил Революции.

Так же как, по словам Маркса, помещение денег в государственные ценные бумаги было для буржуазии одним из важнейших источников капиталистического развития, точно так же этот долг государства стал одним из первых средств политического развития.

1. «De l'administration des finances de la France». S. l., 1784, 3 vol. in-8°.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Но сила французской буржуазии к 1789 г. определялась также ее торговой и промышленной деятельностью. В годы Регентства, Людовика XV и Людовика XVI внутренняя торговля достигла поразительного развития. Мы не можем дать оценку этой торговли в цифрах ¹. Но ее быстрый рост не вызывает сомнений. Общий вид и богатство «лавок» во всех больших и средних городах приводили в восхищение посетителей.

Если королевская власть в течение полустолетия соорудила великолепную сеть дорог протяжением 10 тыс. лье и шириной 42 фута, то это не было сделано без необходимости, ради пустой роскоши. Эта дорожная сеть отвечала потребностям передвижения людей и перевозки товаров. Сельские хозяева тщетно протестовали против чрезмерной ширины дорог, которая достигалась за счет сокращения пахотных земель.

В конфликте, возникшем между аграрными и меркантильными интересами, последнее слово осталось за торговлей уже в силу самого ее развития. Корпорации торговцев Парижа направили королю в период, предшествовавший созыву Генеральных штатов, замечательную докладную записку, составленную врачом Гильотеном, будущим членом Учредительного собрания, в которой они ходатайствовали о том, чтобы торговле было обеспечено широкое представительство ². Гильотен очень убедительно противопоставляет ничтожность или, во всяком случае, жалкое состояние торговли в 1614 г., когда последний раз собирались Генеральные штаты, с ее расцветом в 1789 г.

Этот размах деловой жизни и сделал необходимым учреждение в 1776 г. «Кэсс д'эскомт». Она была собственностью командитного товарищества (товарищества на вере) и с самого начала

располагала капиталом в 15 млн., разделенным на 5 тыс. акций. «Кэсс д'эскомт» учитывала из 4% траты и другие векселя, подлежащие погашению в двух- и трехмесячный срок, и производила торговлю золотом. Она осуществляла эмиссию кредитных билетов, аналогичных билетам, выпускаемым ныне Французским банком. Подобная организация, несмотря на весь связанный с ее деятельностью риск и постоянные принудительные займы королевской казны, смогла восторжествовать над ранее существовавшей коммерцией менял и банкиров и устоять только потому, что она отвечала настоятельной потребности торговли. Широкие операции торговой буржуазии сделали необходимым создание центрального органа учета и кредита.

«Кэсс д'эскомт» быстро росла, и в 1789 г. ее капитал достигал 100 млн., разделенных на 25 тыс. акций стоимостью по 4 тыс. ливров. Именно спекуляции ценными бумагами «Кэсс д'эскомт», равно как и ценными бумагами «Банк Сен-Шарль» аббата д'Эспаньяка разоблачил в своих публикациях Мирабо. Впрочем, аббата это нисколько не дискредитировало: он вступил в Якобинский клуб и даже произнес надгробное слово на похоронах Мирабо. Все эти разыгравшиеся вокруг «Кэсс д'эскомт» батальи подтверждают ее важное значение ³.

Нельзя правильно понять развитие торговли и промышленности в XVIII в., если, как это обычно делается, приписывать цеховым корпорациям исключительно важную роль ⁴. Конечно, корпорации препятствовали свободному развитию промышленности и торговли. Чтобы стать мастером, то есть хозяином, надо было держать экзамен, устраиваемый корпорацией мастеров; надо было уплатить сумму, подчас довольно высокую, что не позволяло бедным

1. Однако представление о развитии внутренней торговли могут дать цифры роста торгового оборота на крупных ярмарках: ярмарка в Кане — меньше 2500 тыс. ливров в 1715 г. и 9 млн. в 1767 г. Особенно показательна ярмарка в Бокере, где главную роль играет продажа текстильных изделий: 14 млн. ливров в 1750 г. и более 41 млн. в 1788 г. Этот быстрый рост был обусловлен не только повышением цен, но и увеличением количества проданных товаров.

2. Гильотен (1738—1814) — депутат третьего сословия от города Парижа, составитель «Pétition des citoyens domiciliés à Paris», принятой 8 декабря 1788 г. и одобренной шестью корпорациями тор-

говцев Парижа (BN, 4° Lb³⁹ 835).

3. См. сочинения Мирабо (Mirabeau) по финансовым вопросам: «De la Banque d'Espagne, dite de Saint-Charles» (S. l., 1785); «De la Caisse d'escompte» (S. l., 1785); «Tableau raisonné de l'état actuel de la banque Saint-Charles» (Amsterdam, 1785); «Dénonciation de l'agiotage au roi et à l'assemblée des notables» (S. l., 1787); «Suite de la Dénonciation de l'agiotage» (S. l., 1788).

4. О цехах см. главным образом: E. Coornaert. Les Corporations en France avant 1789. Paris, 1940; см. также: Fr. Olivier-Martin. L'Organisation corporative de la France d'Ancien Régime. Paris, 1938.

подмастерьям подняться до звания мастера. Помимо этой мысленной и торговая деятельность каждой корпорации самым тщательным образом регламентирована: каждый из продавцов мог производить только определенную категорию изделий. Таким образом, экономическая деятельность всех ремесленников могла производиться только определенной категорией изделий. Вдобавок образовалась своего рода ремесленная каста, немногочисленная, почти наследственная и ревниво охранявшая свои преимущества.

Фактически только сыновья и зятья мастеров могли претендовать на звание мастера. Ясно, что этот дух исключительности и регламентации не мог способствовать широкому размаху деловой и присущий капитализму дух предприимчивости не мог существовать с этой стеснительной и обветшалой системой. Однако и думать, что и внутри этих цехов всякая инициатива была стеснена: вопреки регламентации дух изобретательства и комбинаций никогда не угасал.

Но особенно следует остерегаться представления, будто цеховой строй когда-либо функционировал как единое целое. Как хорошо показали Озе в своей книге о рабочих XVI в. и Сен-Леон в своей книге о цехах, цеховой строй никогда не охватывал всю экономическую жизнь страны¹. Прежде всего в Франции были такие провинции, где черты этого строя были заметны.

Затем нигде или почти нигде сельские ремесленники не волили распространить на них корпоративную регламентацию, ставшую в руках королевской власти средством фискального гнета. Наконец, что особенно важно, крупные предприятия не начинало сказываться развитие капитализма, ускользая от этого принуждения. Крупная торговля, коммерция в собственном смысле слова, была слишком обширной и подвижной, чтобы позволить так себя сковать. Начиная с XVI в. крупная торговля обычно сопровождается банковскими операциями. Крупный торговец был в то же время и банкиром. Его торговые дела, охватывавшие Европу и колонии, неизбежно приводили его к постоянным меновым операциям и вексельным сделкам.

Можно ли такой торговле устанавливать границы, определять категории? Можно ли предписывать банкиру принимать только определенную категорию переводных векселей, связанных с доставкой определенных товаров? Крупная торговля, естественно, обладала такой же гибкостью и многообразием операций, как и сам банк. К тому же по мере расширения обмена, по мере как в порты Франции прибывали продукты и товары колоний и отдаленных стран, все значительнее становилась роль крупных посредников, крупных маклеров.

Возьмем пример, приведенный в превосходном «Коммерческом словаре», составленном Савари де Брюлоном², в статье о тор

говых обществах. Два коммерсанта временно объединяются для покупки на общий страх и риск сахара, или зерна, или табака, при условии, что они купят с прибывшего судна тот или иной сорт сахара. Они его перепродадут в соответствии с рыночным курсом в Париже или в другом месте. Невозможно заранее установить какую-либо регламентацию для такого рода операций. Торговый капитал, подвижный и широко развившийся, далеко перешагнул рамки цехового строя.

Таким образом, оба полюса экономической жизни ускользали от цеховой системы. На одном конце — сельские ремесленники, которых само их изолированное положение защищало от принудительной ремесленной корпорации. На другом конце — крупная торговля, которая благодаря многообразию своих форм и тонкости ухищрениям операций создала себе другую среду, целый особый мир, мир движения, дерзания и свободы. Только в промежуточной области экономической жизни, в сфере городской мелкой промышленности и мелкой и средней торговли, цеховая система функционировала всерьез, и то более эластично, чем то предписывала буква регламента. Впрочем, и в эту среднюю область экономической жизни, мирную и размеренную, проникал предприимчивый дух капитализма. Савари де Брюлон писал в первой половине XVIII в.: «Главный принцип торговли — конкуренция. Это правило не допускает исключений даже там, где возникают крупные предприятия. В этих случаях малые состояния объединяются, чтобы образовать значительный капитал».

Торговцы или ремесленники-мастера, состоящие в какой-нибудь определенной корпорации, при случае объединялись независимо от их обычных дел для более широких начинаний. И ничто не доказывает, что предмет этих начинаний отличался только объемом от их обычной торговли или их обычного производства. Итак, гибкая система [торговых и промышленных обществ] в современном смысле этого слова проникала в жизнь самих корпораций и делала ее более разнообразной и широкой. Эта система, которая была уже определена в Торговом кодексе 1675 г., с XVII в. стала весьма разнообразной. Она предусматривала четыре основных типа торговых обществ: из них два типа, командитное товарищество и анонимное общество, открывают путь капитализму.

1. Henri Hauser. Ouvriers du temps passé. Paris. 1899; E. Martin Saint-Léon. Histoire des corporations de métiers, depuis leurs origines jusqu'à leur suppression en 1791. Paris. 1897. Когда Жорес писал свой труд, он не мог, естественно, знать опубликованной в 1909 г. монографии

Е. В. Тарле «Рабочий класс во Франции в эпоху Революции».

2. Савари (1622—1690) — автор книги «Parfait négociant» (1675). Его сын Жак, именуемый Savary des Brulons (1657—1716), составил «Dictionnaire universel du commerce», вышедший в свет в 1723 г.

«Коммандитное товарищество,— говорит «Словарь» Савари,— очень полезно и государству и публике, поскольку лица всякого рода, даже дворяне и судейские, могут вступать в такие товарищества, чтобы извлекать доход из своих денег с пользой для публики, а те, кто не располагает средствами, необходимыми для торговых операций, найдут в этих товариществах средства, чтобы занять положение в обществе и извлекать доход от их промысла».

Как мы видим, коммандитное товарищество так хорошо устраивает все барьеры, что даже лица, далекие от торговли и промышленности, могут благодаря этой форме предприятия участвовать в экономической жизни. Это антипод цеховой системы. Савари добавляет: «Анонимное общество — это общество, кое учреждается без всякого имени, но все его члены работают каждый в отдельности, причем публику не осведомляют об их обществе; и они сами отдают затем друг другу отчет о прибылях и убытках от своей торговли». Соедините анонимное общество с акционерным, и вы получите анонимное акционерное общество, важное орудие современного капитализма.

Но анонимное акционерное общество, привлекающее кого угодно к участию в предприятии, является отрицанием корпоративной системы, которая только определенным лицам разрешает заниматься определенной деятельностью. В XVIII в. начинают создаваться могущественные акционерные общества¹. В годы, непосредственно предшествовавшие Революции, крупная Компания парижского водопровода («Компани дез О де Пари») способствовала оживленной спекуляции на ее акциях. Она взялась провести воду из реки Сены в 25 тыс. домов Парижа, и ее акции получили широкое распространение. Не может быть сомнений в том, что эти акции покупались также и торговцами — членами корпораций. Было бы странно, к примеру, если бы богатейшие члены корпорации торговцев суконными товарами остались в стороне от всего этого движения капиталов.

Итак, в последнюю четверть XVIII в. экономическая система была очень сложной. Цехи, одно время упраздненные знаменитым эдиктом Тюрго от 1776 г., были затем восстановлены и, хотя они плохо оправились от нанесенного им удара, продолжали отстаивать свое существование с чрезвычайным ожесточением. Наряду с этой цеховой системой действуют изощренные и разнообразные формы нового капитализма. Больше того, эти присущие капитализму изощренность и активность проникают и в лоно самих корпораций и готовят их скорый распад.

Уже тогда имелись налицо явления капиталистического роста и капиталистической организации: формы, в которых буржуазия времен Луи Филиппа установит свое могущество, были подготовлены еще в XVIII в. Сила буржуазии не только в бережливости и благоразумии: буржуазия — сила победоносная, сила

дерзкая, она произвела частично революционный переворот в системе производства и обмена, подготовив, таким образом, революционный переворот в политической системе. Господин Тэн даже не подозревал основных проблем. Он даже не приметил глубокого течения экономической жизни и никогда не задумывался над тем, каким образом в условиях ограничительной цеховой системы могли так возрасти богатство и смелость буржуазии. Он предпочел возложить ответственность за Французскую революцию на грамматику Вожеля, которая, мол, обеднив французский язык, отдала страну во власть абстрактных идей и утопий.

Англия XVIII в. дает нам яркое доказательство того, что цеховая система может довольно долго уживаться в стране с самыми смелыми формами нового капитализма. Я читаю все в том же «Коммерческом словаре» Савари, изучение коего лорд Честерфилд настойчиво рекомендовал своему сыну: «В Англии привилегии цехов представляют собой составную часть политической свободы. Эти цехи называются *mystery* (мистерии), и это название вполне соответствует их духу. Повсюду в них проникают злоупотребления».

В самом деле, этот цеховой строй имеет свои особые цели, почти всегда противоречащие общему благу и видам законодателей. Его главная и самая опасная цель заключается в том, чтобы ставить препятствия развитию промышленности путем увеличения расходов и формальностей при приеме новых членов. Жан де Витт писал: «Обеспеченный барыш делает ремесленников и торговцев наглыми и ленивыми, и в то же время они исключают искусных людей». Но при этом следует заметить, что, несмотря на злоупотребления цехов, вернее, вопреки всей корпоративной системе, Голландия XVII в. и Англия XVIII в. достигли поразительного уровня экономического развития. Голландия стала мировым складом и мировым банкиром.

Что касается Англии XVIII в., то она завоевала огромную колониальную империю, открыла для своей торговли и промышленности мировой рынок, положила начало крупной промышленности и машинному производству. С первой половины XVIII в. на английских заводах сжигается такое количество угля, что небо Лондона становится черным от дыма.

Человеческие общества, и в особенности общества нового времени, столь сложны, что на протяжении длительных переходных периодов экономические формы прошлого и будущего, несмотря на их коренную противоположность, сосуществуют и функционируют в одно и то же время.

Между цеховой системой и системой капиталистической существует непримиримое противоречие: одна ограничивает конкурен-

1. См.: J. Bouchary. Les Compagnies financières à la fin du XVIIIe siècle, 1940, 1942, 3 vol.

цию, другая предоставляет ей безграничную свободу. Одна навязывает производству точно определенные обязательные типы изделий, другая постоянно изыскивает новые и новые типы.

И тем не менее обе эти противоположные системы способствовали во Франции и Англии XVIII в. развитию экономической жизни.

Возможно даже, что мы вступим в такой переходный период, когда учреждения с коллективистской и коммунистической тенденцией будут сосуществовать в нашем обществе с еще могущественными остатками капиталистической организации. Во всяком случае, эти объяснения были необходимы, чтобы дать представление о достаточно сложной уже экономической жизни Франции XVIII в.

КРУПНАЯ ТОРГОВЛЯ

Деловые связи Франции с внешним миром и ее колониями значительно выросли после смерти Людовика XIV; в частности, во времена Регентства и при кардинале Флери в этой области произошел заметный скачок. В 1750 г. лорд Честерфилд писал своему сыну: «Во Франции действуют отличные торговые и промышленные уставы, как это явствует, к нашему сожалению, из того, что их торговля и промышленность сильно выросли за эти последние тридцать лет. Ибо, не говоря уже об их большой торговле с западной и восточной Индиями, они у нас захватили почти всю торговлю с Левантом * и теперь снабжают их сахаром все иностранные рынки к почти полному разорению наших производящих сахар колоний, как Ямайка и Барбадос».

Изучение таблиц импорта и экспорта, которые Арну составил в 1791 г., позволяет установить, что наша внешняя торговля с большей частью стран мира выросла со времени Утрехтского договора 1713 г. в четыре раза ¹. Шапталъ оставил нам подробную таблицу французского импорта и экспорта на 1787 г. ². В указанном году стоимость импорта составила 310 млн. ливров, не считая колониальных товаров, а стоимость экспорта в целом достигла в том же году 524 млн. ливров, из коих 311 млн. приходилось на продукты земли, а 213 млн. — на промышленные изделия. Мы имели постоянные торговые отношения с Испанией, Португалией, Пьемонтом, Генуей, Миланом, Тосканой, Римом, Венецией, Россией, Швецией, Данией, Австрией, Пруссией, Саксонией, а также с Гамбургом, покупавшим у нас ежегодно около 40 милле ** сахара-сырца для своих 800 сахарных рафинадных заводов. А со времени Американской войны за независимость у Франции появилась надежда на установление серьезных торговых связей с Соединенными Штатами. Клавьер написал об этом книгу, впрочем, довольно посредственную ³. Но национальные распри не смогли одержать верх над экономическими привычками, и, став независимыми, Сое-

диненные Штаты продолжали поддерживать с Англией самую широкую торговлю.

Торговый оборот Франции с одними только ее американскими колониями достиг в 1789 г. 296 млн. Метрополия экспортировала на острова на 78 млн. муки, солонины, вин и тканей. А колонии ввозили во Францию на 218 млн. сахара, кофе, какао, экзотической древесины, индиго, хлопка и кож. Однако из обзора, который сделал г-н Леон Дешан по Гудару ⁴, из этих колониальных товаров (218 млн.) Франция потребила только на сумму 71 млн. Остальное после переработки было экспортировано. Таким образом, колонии широко снабжали и промышленность Франции, и ее международную торговлю.

Рафинирование сахара производилось во Франции на рафинадных заводах Орлеана, Дьепа, Бордо, Берси (Париж), Нанта и Марселя. Хлопок из Кайенны, Сан-Доминго и с других Антильских островов поступал, как и хлопок из Индии и Леванта, на придельные фабрики, на фабрики, изготовлявшие полотна, и в мастерские, производившие вязанные изделия, которых было много, особенно в Нормандии. Обрабатываемые во Франции кожи ввозились в значительной мере из Сан-Доминго. Отсюда видно, какие необыкновенно сильные и многообразные интересы порождали эти широкие торговые и деловые операции ***.

Богатые французские семьи владели в колониях имениями и фабриками. В одном только Сан-Доминго, где 27 тыс. белых распоряжались 405 тыс. рабов, было 792 сахарных завода, 705 хлоп-

* Страны Ближнего Востока. — Прим. ред.

1. Арну (1757—1812) — помощник директора управления торговли в 1791 г., автор работы «De la balance du commerce et des relations commerciales de la France dans toutes les parties du globe, particulièrement à la fin du règne de Louis XIV et au moment de la Révolution» (Paris, 1791, 3 vol.).

2. Шапталъ (1756—1832) — крупный химик, промышленник, министр внутренних дел во времена Консульта. В годы Реставрации Шапталъ опубликовал свою работу «De l'industrie française» (Paris, 1819, 2 vol.). В первой части этой работы содержится обзор состояния французской торговли в 1789 г.

** Милле — старинная мера веса, равная 1000 фунтов, или около 489 кг.

3. «De la France et des États-Unis, ou de l'importance de la Révolution de l'Amérique pour le bonheur de la France...» Londres, 1787; BN, 8° Lb³⁹ 353. Книга написана Клавьером (Clavière) в сотрудничестве с Бриссо (Brisot).
4. П. Л. Гудар (P. L. Goudard) (1740—1799) — лионский неогциант, депутат Генеральных штатов, автор «Rapport sur la situation du commerce extérieur de la France pendant la Révolution en 1789—1791 (BN, 8° Le²⁹ 1723; Archives parlementaires, t. XXIX, p. 684), которую цитирует Л. Дешан (L. Deschamps. L'Assemblée constituante et les colonies. Paris, 1798, p. 5).

*** О начальных формах развития промышленности во Франции см. новейшее исследование советского ученого: Ф. В. Потемкин. Промышленная революция во Франции, т. 1, М., 1974.

ковых плантаций, 2810 плантаций кофе, 3097 плантаций индиго. И весьма часто, как нам поведали Малуэ, одно время управлявший Гвианой¹, и маркиз де Буйе, командовавший во время Американской войны за независимость военно-морским соединением в зоне Антильских островов, плантаторы, владельцы мелких мануфактур и фабриканты смогли обосноваться там только благодаря авансам, предоставленным им крупными капиталистами. Последние и были действительными хозяевами колоний, и скоро в ходе XVIII в. образовалась могущественная колониальная капиталистическая аристократия. В первые же дни Революции, 20 августа 1789 г., эти колониальные капиталисты основали для защиты своих интересов «Корреспондентское общество французских колонистов», и это общество, члены которого собирались в отеле Массиак, на площади Виктуар, с самого начала насчитывало 435 человек². Через братьев Ламет, у которых были обширные владения на Сан-Доминго, и через их друга Барнава это общество оказывало большое влияние на Учредительное собрание.

Вся эта обширная колониальная система покоилась на рабовладении и на торговле неграми³. В одном только 1788 г. с побережья Африки было отправлено на Сан-Доминго 29 506 негров; их приобретали в обмен на различные товары французского производства, и эта мрачная торговля способствовала, надо прямо сказать, процветанию торговой буржуазии и судоходства.

БОРДО

Деловые операции в целом способствовали широкому развитию судоходства, и в больших портовых городах Франции — Бордо, Марселе, Нанте наблюдалась поразительная активность. В Бордо обильная продукция виноградников представляла для судовладельцев и судостроителей товар, находящий сбыт во всех странах. Но деловые люди не довольствовались вином. Строились винокуренные заводы, и бордоские негоданты вывозили водку почти на все рынки мира, но больше всего в колонии. В течение двух столетий возникли и другие отрасли промышленности. Сахар-сырец из Сан-Доминго перерабатывался частью в Бордо. Шестнадцать рафинадных заводов, построенных в предместьях Сен-Мишель и Сент-Круа, под руководством таких предприимчивых промышленников, как Мерак, Ламбер, Равезье и Жуанс, в 40-е годы XVIII в. ежегодно в среднем перерабатывали 50 судовых грузов сахара-сырца, приблизительно по 200 бочек каждый⁴. Эти заводы сжигали примерно 3600 т угля в год. В XVIII в. были построены фаянсовые, стекольные заводы. Промышленная деятельность Бордо, так же как и торговля, имела космополитический характер.

В этом порту встречались флаги всех наций: в этом большом, приветливом и деятельном городе торговали и занимались про-

изводством люди всех наций. Это был, можно сказать, тигель, где все смелые люди испытывали свои замыслы.

В 1711 г. негодант из Дюнжерка Никола Таверн * попробовал основать в Бордо торговлю водочными изделиями из зерна и сделал, таким образом, этот порт перевалочным пунктом для этой продукции севера Франции.

В 1663 г. фламандец Давид д'Хиеркенс (d'Hyetquens) получил от муниципалитета Бордо разрешение на сооружение рафинадного завода.

16 мая 1645 г. другой фламандец, Жан Вермерен, приносит присягу перед муниципальными должностными лицами в качестве владельца сахарного рафинадного завода.

В 1729 г. немец Балтазар Фонберг, дворянин, владелец стекольного завода из Вюрцбурга, просит разрешения основать в Бордо завод под наименованием «Королевская мануфактура» для производства стекла и бутылок.

Арматор Катер из Амстердама стал гражданином Бордо, французским дворянином и директором в ведомстве торговли. Немецкий банкир фон Бетман поселился в Бордо в 1740 г. и стал там посредником по делам кредита. Другие немцы, Шрёдер и Шилер, основали там одну из крупнейших фирм по торговле винами.

Следует еще отметить блестящую ирландскую колонию: владельца стекольного завода Митчела, негодантов Уильяма Джонстона, Томаса Бартона, Дениса Маккарти, маклера Абрахама Лаутона, которые прибыли в Бордо главным образом между 1730 и 1740 гг. и заселили богатый район Шартрон.

Все эти подробности, которые я позаимствовал из ученого труда по истории Бордо⁵, написанного Камилем Жюллианом и изданного бордоским муниципалитетом, свидетельствуют о разнообразии и интенсивности деловой жизни Бордо в последние два

1. Malouet. Mémoire sur l'esclavage des nègres, dans lequel on discute les motifs proposés pour leur affranchissement, ceux qui s'y opposent, et les motifs praticables pour améliorer leur sort... Neufchâtel, 1788; BN, 8° Lk° 34.
2. Относительно группы, отстаивавшей колониальные интересы, см.: L. Leclerc. La politique et l'influence du club de l'hôtel Massiac. — «Annales historiques de la Révolution française», 1937, p. 342; «Les Lameth et le club Massiac». — Ibid., 1933, p. 461; особенно G. Debien. Les Colons de Saint-Domingue et la Révolution. Essai sur le club

Massiac (août 1789 — août 1792). Paris, 1953.

3. Общее освещение вопроса см.: Gaston-Martin. Histoire de l'esclavage dans les colonies françaises. Paris, 1948.

4. О колониальной торговле Бордо см.: R. Bouché. Bordeaux et le commerce des Antilles. — «Trois siècles de vie française. Nos Antilles» (под редакцией С. Дени). 1935, p. 83.

* В эпоху Французской революции фамилия этих негодантов произносилась: Таверне. — Прим. ред.
5. Camille Jullian. (1859—1933). Histoire de Bordeaux. 1895

столетия существования монархии. Чтобы использовать огромный рост экспортных возможностей этого порта, туда стекались промышленники из Голландии, Германии, Португалии, Венеции, Ирландии. Они прибывали туда также из Севенн, из мануфактурных районов Лангедока, и так формировалась крупная буржуазия большого размаха, с деловыми связями во всем мире.

Это не было похоже на пеструю суету Марселя, где на набережных наблюдалось смешение всех народов Средиземноморья — левантинцев, греков, сирийцев, корсиканцев, египтян, марокканцев. В Бордо из космополитических элементов состояла главным образом буржуазия, но ее блеск распространялся на весь город, который хорошел с каждым днем.

Особенно процветала и богатела судостроительная промышленность. Своего расцвета она достигла только при Людовике XV и во второй половине XVIII в. Кольбер попробовал было еще в 1670 г. побудить бордоских негоциантов заняться судостроением, но это движение развивалось очень медленно.

Еще в докладной записке от 1730 г., хранящейся в архиве департамента Жиронда, можно прочесть следующее: «В Бордо мало строят судов. Недостаток лесных материалов в этой провинции и их дороговизна побуждают негоциантов закупать уже готовые суда в портах Франции и особенно в Англии и Голландии, где это обходится дешевле, чем если строить их в Бордо».

Однако начиная с 1730 г. торговля с колониями становится столь активной, что Бордо энергично принимается за судостроение и ввозит лесные материалы с севера — из Льежа, Данцига, Мемеля, из Швеции.

«В 1754 г., — рассказывает нам г-н Жюллиан, — было спущено со стапелей 14 судов, построенных Жаном Фенелоном и Фенелом-сыном, Бернаром Тозеном, Жаком Тозеном, Жаком и Пьером Пуатевен, Ж. Руа, Ремонем Траншаром, Пьером Менаром, Изаром и Желино-сыном. «Колибри», построенный для Изаака Кутюрье, имел водоизмещение 70 бочек. Почти все другие суда имели водоизмещение от 200 до 300 бочек, за исключением одного — в 600 бочек, построенного для «Компани руаяль д'Эспань» (Испанской королевской компании). Судовладельцами были Филипп Нерак, Тене, Бертен, Феже, Лафосс, Гилу, Думерк и Розье, Жори, Акар-сын, Уаль, Менуар. Общее водоизмещение достигало 3640 бочек».

Все эти фамилии судостроителей и судовладельцев я привожу потому, что это подлинная перепись тех сил буржуазии, которые совершат Революцию. Важно видеть даже в перечислении имен рост той буржуазии, смелой и блестящей, революционной и умеренной, от имени которой выступит Верньо.

В 1756 г. Менар, Руа, Фенелон, Жюльен Бидо, Пикар, Изар, Лестонна, Рико-отец, Пуатевен, Бартедеми, Фуко построили 16 судов. Эти суда общим водоизмещением 3722 бочки были переданы

арматорам Дами, братьям Лафон, Лангуарану, Гуффо, Симону Жожу, братьям Декасс, Жаку Буайе, Серру и Бизе, Перонне, Белаку, Руссенсу, Фатену, Шарретье и Фреш, Лавалю, и эта деятельность продолжается из года в год, выдвигая все новые имена судостроителей и судовладельцев, создавая новые богатства и новых могущественных и честолюбивых буржуа, и по мере приближения к Революции это движение ускоряется.

В те пятнадцать мирных лет, что последовали за договором 1763 г., наблюдается большой подъем деловой активности, несмотря на потерю Луизианы и Канады, жалким образом уступленных англичанам. В 1763 г. в Бордо было спущено на воду 22 судна общим водоизмещением 5250 бочек и появляются новые имена судостроителей: Пьер Бишон, П. Булюке, Э. Дечверри. Появляются также новые имена судовладельцев: Фусса, Матье-старший, Дравман, Феже, Гилу, Дюбержье, Бори, Тене и Дюфур. Какая сила и какой пыл, и как чувствуется, что эти предприимчивые буржуа, создающие большие предприятия во всем мире и руководящие ими, вскоре захотят сами управлять общими делами страны! Как чувствуется, что они скоро устанут от наглой опеки праздных дворян, от паразитизма духовенства, от расточительства двора и произвола бюрократии! Но вместе с тем угадывается и то, что если они готовы совершить революцию буржуазную, и даже демократическую и республиканскую, то они пожелают такой республики, где бы роскошь жизни сочеталась с духовным богатством.

Вдоль проложенных королевскими интендантами широких авеню они строят великолепные дома; они и революцию будут представлять себе как широкую дорогу побед, по которой рабочие смогут ходить свободно и с гордо поднятой головой, но где сможет также проехать без затруднений и без скандала элегантный экипаж богатого буржуа-республиканца. Им уже заранее внушает отвращение сумрачное, несколько узкое и смутно спартанское якобинство мелких буржуа и ремесленников Парижа.

В 1763—1778 гг. было спущено на воду 245 судов общим водоизмещением 74 485 бочек, что составляет в среднем в год 16 судов общим водоизмещением 4900 бочек. Среди новых судостроителей, появившихся в это время, Жюллиан называет следующие имена: Гибер и Лабитт — в 1766 г., Жозеф Латюс — в 1768 г., Жибер — в 1772 г., Антуан Куро — в 1773 г., Тиак и Саж — в 1778 г. Это картина постоянного наступления, волны, которая все нарастает и при Людовике XVI превращается в огромный вал.

В 1778 г. Франция в союзе с Соединенными Штатами вступает в войну с Англией. Военные действия на время прерывают сооружение судов, но эти работы вскоре возобновляются и достигают небывалого ранее уровня.

В 1778 г. было построено 7 судов водоизмещением 1875 бочек; в 1779 г. — 24 судна водоизмещением 5485 бочек; в 1780 г. —

17 судов водоизмещением 4760 бочек; в 1781 г. — 34 судна водоизмещением 16 800 бочек и в 1784 г. — 33 судна водоизмещением 16 130 бочек.

Результатом этого подъема деловой активности было появление в Бордо колоссальных состояний.

В XVII в., при Людовике XIV, торговля Бордо была в основном в руках иностранных купцов, преимущественно фламандцев, которые, разбогатев, возвращались к себе на родину, и золото, нажитое в Бордо, уходило за границу. Но в XVIII в. Бордо сам является центром богатства, равно как и центром деловой жизни, и золото оттуда уже не уходит. Богатые торговые дома разрастаются до поразительных размеров, и можно наблюдать такие случаи, как Боннафе Счастливчика, который прибыл в Бордо в 1740 г. в качестве простого приказчика, а в 1791 г. владел флотом из 30 судов и состоянием в 16 млн. ливров.

Эта блестящая буржуазия не сталкивалась с враждебно настроенным пролетариатом. Рабочих было много: на судостроительных, стекольных, фаянсовых, винокуренных, рафинадных заводах, в сапожных мастерских, на гвоздильных заводах, в бочарном производстве. В 1789 г. на одних только сахарных рафинадных заводах насчитывалось 500 рабочих.

Но больше всего богатели бордосцы на крупных торговых операциях, и им не было нужды подвергать рабочих особенно жестокой эксплуатации. Представляется даже вероятным, хотя я не смог найти точных документов по этому вопросу, что внезапное и значительное расширение работ на судостроительных верфях в XVIII в. дало рабочим возможность повысить свои требования и добиться повышения заработной платы. К тому же их использовали на трудных работах, требовавших некоторых технических знаний и большой сноровки. Рабочие фаянсовых и стекольных заводов всюду получали заработную плату более высокую, нежели рабочие других корпораций. Поэтому, возможно, рабочий класс Бордо (если только употребление здесь этого слова «класс» не слишком преждевременно) смотрел без гнева и зависти на пышный рост торговой буржуазии, способствовавшей украшению города.

Впрочем, несмотря на олигархический характер его муниципалитета, члены которого выбирались из числа нотаблей и видных буржуа, нет оснований полагать, что управление делами города Бордо было очень эгоистическим или неумелым. Например, в то время как в Лионе долг достиг 32 млн., в Бордо к началу Революции он составлял всего лишь 4 млн. Бюджет муниципалитета составлял 1900 тыс. франков. Из этой суммы 900 тыс. давал откуп городских ввозных пошлин, что ложилось тяжким бременем на рабочее население. Но 600 тыс. ливров обеспечивали доходы от пошлины в размере 3 су с ливра, которая взималась с каждого товара, прибывшего в порт Бордо, и эта пошлина не отягощала населения.

Таким образом, между крупной буржуазией в Бордо и пролетариатом не было острого антагонизма, и бордоская буржуазия сохранила все свои духовные силы для борьбы со старым порядком. Она сможет наносить удары по священникам, дворянам, по королю, не опасаясь в самом Бордо какого-либо рабочего движения: Бордо останется верным жирондистам вплоть до 31 мая *.

МАРСЕЛЬ

В XVII и XVIII вв. в Марселе наблюдается такой же рост деловой активности и богатства, как в Бордо. После того как в 1660 г. Людовик XIV взял этот город приступом и марсельские консулы были вынуждены сдать Мазарини, как военные трофеи, свои красные с белой каймой капюшоны, город лишился своих коммунальных вольностей. И фактически он находился под управлением короля, которое осуществлялось через посредство небольшой группы дворян и буржуазных нотаблей, банкиров или торговцев. Но даже в условиях этой централизации старого порядка город сохранял какую-то силу вибрации и волнений, необыкновенную способность к взрывам энтузиазма или гнева. Однако на протяжении двух последних столетий старого порядка Марсель расходует свой чудесный пыл главным образом в смелых торговых, банковских и промышленных начинаниях¹.

Марсель поддерживает деловые связи со всем средиземноморским и восточным миром, в котором корсаров не меньше, чем купцов, и нередко там торговля смахивает на военную операцию.

Военные случайности в сочетании с неожиданностями коммерции держат людей, их воображение и чувства в состоянии напряжения и возбуждения. Однако, несмотря на всякие приключения и происшествия, непрестанно развивается и растет обмен товаров. Самые крупные импортные и экспортные операции совершаются в Смирне, Константинополе, Салониках, Александрии, Алеппо. Марсельские граждане, как, например, Пессонель, посылают своему городу подробнейшие доклады о торговле Леванта, о Константинополе, Сирии, Болгарии, Валахии. Между Марселем и Тунисом, Алжиром, Марокко поддерживались непрерывные связи.

* Имеется в виду народное восстание 31 мая — 2 июня 1793 г., свергнувшее власть Жиронды и передавшее ее Горе. — *Прим. ред.*

1. Важное значение Марселя было обусловлено в основном торговлей с Левантом. См.: P. Masson. Histoire du commerce français dans

le Levant au XVIIIe siècle. 1911; «Histoire du commerce de Marseille». t. V: «De 1660 à 1789. Le Levant», par R. Paris; t. VI: «De 1660 à 1789. Les colonies», par G. Rambert (1957 et 1959, 2 vol.); R. Romano. Commerce et prix du blé à Marseille au XVIIIe siècle. 1956.

После заключения Утрехтского мирного договора Марсель быстро овладевает торговлей с Левантом и вытесняет оттуда англичан. Главным или одним из главных товаров, вывозившихся из Марселя в Левант, были сукна. В книге Пессонеля о некоторых видах торговли и судоходстве я нахожу сведения о том, что в 1708 г. в страны Леванта было вывезено 10 700 штук сукна, а в 1750 г. — 59 тыс. штук. Сбыт сукна вырос в пять раз, оттеснив английские сукна. И вполне понятно, что как раз в это время, в 1750 г., лорд Честерфилд в цитированном выше письме обратил внимание своего сына на экономические успехи Франции в странах Леванта. Эти успехи были достигнуты Марселем.

Чтобы иметь возможность экспортировать большие количества тканей, марсельские негоцианты поощряли и даже финансировали мануфактуры Лангедока. Они, в частности, оказали поддержку наследникам г-на Варенна, который основал около Каркассонна одну из первых суконных фабрик.

Сообщение между Провансом и Лангедоком было постоянным, и эти провинции были очень тесно связаны между собой общими интересами. Марсель доставлял из Леванта отличную шерсть, и эта шерсть, превращенная в сукно на мануфактурах Лангедока, реэкспортировалась снова в страны Леванта. Этой широкой солидарностью интересов буржуазии и переплетением экономических связей и объясняется во многих случаях внезапность одновременных движений в период Революции.

Но развитие марсельской торговли привело к образованию и в лоне самого Марселя мощных отраслей промышленности. Мало-помалу марсельцы принялись производить большую часть изделий промышленности тех народов, с которыми они вели торговлю: Марсель, так сказать, конденсировал в своей собственной жизни всю жизнь Средиземноморья и Востока. В своем докладе Комитету торговли Учредительного собрания депутат Менье очень хорошо обрисовал эту универсальную сторону жизни Марселя, которая была как бы ярким зеркалом мировой деятельности¹.

«Туда приезжают торговать жители четырех частей света, — говорит он. — Флаги всех наций развеваются в его порту, и он является житницей всех наших южных провинций и всего Средиземноморья. Помимо морской торговли, Марсель имеет крупные мануфактуры. Он заимствовал у Генуи производство мыла, и эта статья приносит ему от 19 млн. до 20 млн. Он перехватил у Ливорно обработку кораллов. Крашеные кожи и сафьян, изготавливаемые в Марселе, лучше соответствующих изделий из берберских стран*. Марсель сумел основать у себя красильное и вязальное производство и производство таких тканей, которые изготовлялись в Леванте, и продавал в страны Востока изделия той промышленности, которой он сумел их лишить. Ежегодно из Марселя уходит в море 1500 кораблей. Его судоходство является основа-

нием для классификации судов в Средиземном море; в нем занято больше 80 тыс. рабочих, и обороты его морской торговли достигают ежегодно суммы 300 млн.»

Для могущества Марселя в XVIII в. и широты его предпринимательского духа характерно то, что и в торговле с Америкой он успешно соперничает с портами Атлантического океана. Изданный в начале столетия королевский устав имел целью ограничить Марсель рамками торговли со странами Средиземноморья и Леванта. Но Марсель легко доказал, что Америка в нем нуждается, и королевскими грамотами 1719 г. его торговому флоту было окончательно разрешено бороздить воды Атлантического океана так же, как и Средиземного моря.

С тех пор Марсель не переставал отправлять богатые грузы в колонии, особенно в Сан-Доминго. В частности, он отправлял туда вина Прованса, которые составили там серьезную конкуренцию винам из Бордо, особенно когда в 1780 г. Бергаст, обосновавшийся в Марселе швейцарский негоциант, создал большие винные склады, где вина подвергались обработке, позволявшей им переносить длительные перевозки. Открывая, таким образом, винам области отдаленные рынки сбыта, Марсель подчинял себе Прованс, так же как благодаря крупной торговле сукнами он подчинил Лангедок. Его экономическое влияние, распространявшееся как на Константинополь, так и на Сан-Доминго, было столь же устойчивым, сколь и обширным. Из 300 млн. торгового оборота, о которых говорит в своем докладе депутат Менье, 150 млн. приходится на экспортные и импортные операции, остальные 150 млн. представляют стоимость промышленной продукции самого Марселя. Эта разнообразная и обширная деятельность способствовала появлению богатой и гордой буржуазии.

В торговле такие, как Ремюза, Брюни, Мореле, Навель, Кателен, Фабру, Мажи, Латиль, Гийерми, Люк Мартен, Шавиньо, Гравье, Давид, Боррели, а в промышленности, в частности рафинадной, такие, как Бег, вдова Бон и сын, Брессан и сын, Конт, Феро, Фремандити, Гаррик-отец и сын, Жиро, Жув и Сибон, Мисель, Понс и К⁰, Ренье, Ружье, Сангри и многие другие, создавали крупные состояния и открывали своему классу путь к власти. Арматор Жорж Ру достиг почти королевской власти. Чтобы отомстить англичанам за захваченные ими суда, он снарядил флот для нападения на английский флот. Это ему обязана французская колония Мартиника своим замечательным расцветом в середине

1. Речь идет о Менье де Салинелле (Meynier de Salinelles) (1729—1794) — негоцианте, депутате третьего сословия от Нимского сенешальства, авторе доклада от 26 июля 1791 г. от имени Комите-

та сельского хозяйства и торговли о правовом режиме Марсельского порта («Moniteur», t. IX, p. 227).

* То есть нынешних Ливии, Туниса, Алжира и Марокко. — *Прим. перев.*

XVIII в. Он послал туда тысячи мужчин и женщин. Он сосредоточил там большое количество испанской монеты, чтобы снабдить колонию денежными средствами, в которых она нуждалась. Сам он для экспорта своих собственных изделий основал мощный комплекс мануфактур в деревне Брю, в Провансе. Это была столь же крупная личность, как Жак Кёр *, но в отличие от последнего, который еще действовал изолированно, такие люди, как Боннафе, как Жорж Ру, опирались на весь великий класс буржуазии. Больше того, в XVIII в., накануне Революции, они опирались и на самих рабочих: тогда еще не было того, что мы ныне называем рабочим вопросом. Рабочих волнений не было ни в Марселе, ни в Бордо. Конечно, в 1789 г. на 38 мыловаренных фабриках, где кипело 170 котлов и где работало 1000 рабочих, на 40 шляпных фабриках, на 12 сахарных рафинадных заводах, на 10 фаянсовых фабриках, на 12 фабриках набивных хлопчатобумажных тканей, на 20 фабриках шелковых чулок, на 12 фабриках газовых изделий, на мануфактурах тканей, затканых золотом и серебром, и обоев, на 20 ликерных фабриках, на 10 фабриках крахмала, на 8 стекольных заводах, на 10 кожевенных заводах, на фабриках сафьяна, спирто-водочных, свечных, по обработке кораллов, по производству перчаток, шерстяных шапок, купороса, серы — на всех этих столь разнообразных мануфактурах и в мастерских марсельские рабочие стремились к независимости и благосостоянию. Когда революционный кризис, резко обостренный возросшей опасностью и войной, приведет к принятию крайних мер и буржуазию охватит страх, марсельские рабочие вырвут у нее руководство движением. Но накануне Революции и вплоть до конца 1792 г. их гнев направлен не против буржуазии, даже самой богатой, а против произвола министров, против наглости дворян Прованса и деспотизма священников, а также против муниципальной аристократии, состоявшей из дворян и возведенных в дворянство буржуа, расточавшей ресурсы коммуны и обременявшей народ высокими налогами на муку, мясо и вино. А так как буржуазный класс требует политической свободы, смирения привилегированных и улучшения контроля за расходованием общественных средств, то революционный пыл марсельских рабочих сливается с революционными устремлениями марсельской буржуазии. По сути дела, несмотря на огромное расстояние, отделяющее буржуа-миллионера от портового грузчика или торговли рыбой, третье сословие еще не раскололось на две части. Рабочие и буржуа пока еще два солидарных элемента нового мира, ведущего борьбу со старым порядком.

Огромный кипящий чан выбрасывает наружу только элементы старого порядка: все силы народа и буржуазии охвачены одним и тем же брожением. Какое непреодолимое движение возникает в таком городе, как Марсель, когда бедняк рабочий мыловарни и чудовищно богатый судовладелец, по чьему заказу Пюже по-

строил роскошный особняк, одушевлены одними симпатиями и одной ненавистью!

Когда муниципальный чиновник Лъёто был назначен в первые месяцы Революции командующим национальной гвардии, он пользовался, по словам историка Фабра, «любовью богатых и народа» ¹. Одной связью этих слов, не сознавая, по-видимому, всей ее силы, марсельский историк проливает глубокий свет на буржуазную Революцию. В поход за завоевание власти идет буржуазия, опирающаяся на силу и энтузиазм народа. В Марселе и в Провансе можно было отлично видеть пламенное единодушие третьего сословия, буржуа и рабочих, богатых и бедных, в те бурные и лучезарные дни, предшествовавшие Революции, когда Мирабо на заседании Штатов Прованса вступил в борьбу с дворянством, исключившим его из своей среды. Цветочницы обнимали трибуна, а банкиры устроили ему овацию. Когда он сам в своей великолепной речи на заседании Штатов Прованса ² противопоставил привилегированной бесплодности дворян силу и право производителей, то под этим последним словом он разумел как крупных руководителей торговли и промышленности, так и простых наемных работников.

В этой же речи Мирабо дал самое сильное и блестящее определение того, что мы ныне называем всеобщей забастовкой. «Берегитесь, — заявил он, обращаясь к привилегированным, ко всем дворянам и дворянчикам, которые хотели держать под своей опекой производительный класс. — Берегитесь: *не презирайте этот народ, который производит все, этот народ, которому достаточно остаться неподвижным, чтобы превратиться в грозную силу*». Да, тут речь идет о всеобщей забастовке, но не только наемных работников, не только пролетариев; это всеобщая забастовка буржуа, равно как и рабочих; это прекращение буржуазного производства не вследствие отказа рабочих, но по революционному решению самой буржуазии. Вот каков смысл страшной угрозы Мирабо: единство мира труда он противопоставляет непроезжаемому меньшинству, но как в то же время ясно видно из этой острой речи, что именно рост экономического могущества буржуазии подготавливает Революцию. Именно на производительную силу третьего сословия ссылается Мирабо как на великое революционное право.

* Министр французского короля Карла VII. — Прим. ред.

1. Жан Франсуа Лъёто — командующий национальной гвардией Марселя. Жорес ссылается здесь на работу: A. F a b r e. Histoire de Marseille. Marseille, 1829, 2 vol.

2. «Discours sur la représentation légale de la nation provençale dans ses États actuels, et sur la nécessité de convoquer une assemblée générale des trois ordres, prononcé... le 30 janvier 1789». Aix, 1789, imp. 35 p.; BN, 8° Lb³⁹ 1034.

Им Когда он был избран, от Марселя до Экса его провожал великолепный кортеж из 300 карет, и эти богатые кареты крупной марсельской буржуазии были украшены гирляндами цветов, сплетенными народом. Великодушный революционный инстинкт рабочего народа Марселя не обманул его. Конечно, никто не мог тогда предвидеть будущего, правда уже близкого. Никто не предвидел, сколь непримиримым будет антагонизм между пролетариатом и капиталом в восторжествовавшем буржуазном обществе. Но было необходимо, чтобы буржуазное общество пришло на смену монархическому и феодальному порядку, для того чтобы пролетариат, в свою очередь, мог возвыситься. Бедные рабочие-энтузиасты 1789 г., много ждет вас разочарований и страданий. И несмотря на все это, в конечном счете не вы оказались обманутыми. Марсельские женщины, не жалеете о цветах, которыми вы украсили в честь Мирабо великолепные буржуазные экипажи, ибо одно время эти экипажи везли Революцию.

И к счастью для Революции, она не остановила в первые годы производства и торговли. Если бы немедленно разразился торговый и промышленный кризис, если бы безработица и разорение случились прежде, чем был заложен фундамент дела Революции, возможно, контрреволюция овладела бы опять страной, сыграв на общих страданиях населения. Но произошло обратное: тот экономический подъем, который породил Революцию, продолжался в течение первых трех решающих лет Революции. В частности, в Марселе продолжался дальнейший рост, и таможенные таблицы, которые опубликовал Жюллиани, показывают, что в 1792 г. оборот товаров достиг более высокой цифры, чем в предыдущие годы¹. Марсель продолжает расширять свои связи в мире, одновременно активно участвуя в революционном деле, и эта двойная деятельность великого города была очаровательным образом увековечена капитаном Маршаном из Ла-Сьота. Отправившись за пушниной к северо-западному побережью Америки, Маршан открыл в июне 1791 г. к северо-западу от Маркизских островов новый архипелаг и дал ему название Островов Революции².

НАНТ

Теперь мы в самом центре Западной Франции. В Нанте, как и в Бордо и Марселе, торговая и промышленная буржуазия достигла в XVIII в. столь высокой степени экономической мощи, что она вполне готова была взять в свои руки политическое управление страной. Доктор Гепэн в своей превосходной истории Нанта, написанной в республиканском, почти в социалистическом духе, набросал живую картину деловой жизни Нанта к началу XVIII в.³. «Самая крупная торговля велась с американскими островами, куда ежегодно отправлялось 50 судов водоизмещением от 80 до

300 бочек, а именно: 25—30 судов — на Мартинику, 8 или 10 — на Гваделупу, 1—2 — в Кайенну, 1—2 — на Тортугу, 8 или 16 — на Сан-Доминго. Направляемые туда грузы состояли из прландской солонины в бочках по 200 фунтов, полотна для домашних нужд, рогожки и полотна для одежды негров, мельниц для сахарного тростника, котлов и т. п. Некоторые суда заходили на Мадеру, где они забирали вина; другие отправлялись с грузом соли, чтобы зайти на острова Зеленого Мыса для ловли черепах, которых сбывали затем в колониях, где они шли на пищу неграм. Обратно они везли колониальные товары, значительную часть которых закупали в Нанте голландские купцы для стран Северной Европы, за исключением сахара-сырца, который было запрещено экспортировать.

В торговле с Ньюфаундлендом и островами Большой [Ньюфаундлендской] банки было занято 30 судов, каждое из которых совершало по два рейса. Они были гружены солью и провизией. Иногда на обратном пути они заходили в порты Испании и Португалии, где сбывали часть своего груза и приобретали товары местного производства. Помимо судов Нанта, 60 кораблей из Ла-Рошели и с Олерона, занимавшиеся рыбным промыслом, привозили в Нант свой улов; вся добытая ими треска доставлялась вверх по Луаре для сбыта в Париже, Лионе и Оверни».

Торговая буржуазия Нанта рано достигла своего рода классовой организации. Еще в 1648 г. она построила Торговую биржу. В 1670 г. она учредила для себя под названием Палаты управления Торговую палату в составе шести членов, из коих пять выбирались среди коммерсантов Нанта, а один имел местопребывание в Париже. В 1646 г. буржуа Нанта основали большое Общество торговли и судоходства с неограниченным числом акционеров, а в 1672 г. они приобрели много акций в учрежденной Кольбером Ост-Индской компании. При Регентстве они проявили интерес к операциям Лоу и действовали так ловко, что сразу после краха системы Лоу вложили в реконструкцию и украшение Нанта значительные наличные капиталы. Наконец, во второй половине XVIII в. в Нанте и во всей Бретани наблюдается большой подъем торговой и промышленной деятельности. В 1758 г. г-н Луи Ланжевен основал в Нанте первую мануфактуру по производству ситца. Начатое в XVII в. производство спирто-водочных изделий и пива продолжает развиваться. Гнусная торговля неграми приносит

1. J. Jullian y. Essai sur le commerce de Marseille. Marseille, 1842, 2e éd., 3 vol.

2. Острова Революции были открыты 22—24 июня 1791 г. Этьенном Маршаном (1755—1793). Журнал экспедиции был опубликован в работе: Claret de Fleurieu.

Voyage autour du monde pendant les années 1790—1791—1792 par Etienne Marchand. Paris, an VI—an VIII, 4 vol.; BN, G 6356—6359, см. t. I.

3. A. Guépin. Essais historiques sur les progrès de la ville de Nantes. Nantes, 1832.

все более крупные барыши нантской буржуазии, гордой и деятельной, но грубой и алчной.

Учреждено было общество для снабжения наших колоний неграми. Так как это общество не располагало достаточными капиталами, нантские купцы договорились с ним и вели торговлю неграми от имени этого общества, уплачивая ему в виде возмещения 15—20 % дохода, до такой степени был выгодным этот отвратительный промысел. Грустная ирония судьбы! Огромные состояния, созданные в Бордо, в Нанте посредством торговли рабами, внушили буржуазии ту гордость, которая испытывает потребность в свободе и способствовала общему освобождению. В 1666 г. к берегам Гвинеи было отправлено 108 кораблей, способных взять на борт 37 430 рабов по цене 1000 ливров и даже выше, что составляло человеческого товара более чем на 37 млн.¹

Происходит оживление в промышленности: фабрика г-на Ланжевена всего лишь через семь лет после пуска производит 5 тыс. кусков ткани. Фабрика снастей гг. Бре и Бодишона расширилась, она включала два канатных предприятия, 17 магазинов, и на ней было занято 1200 рабочих и рабочих. В начале царствования Людовика XVI насчитывалось 200 судовладельцев-негоциантов; это была могучая когорта, приходившая постоянно в конфликт с надменным бретонским дворянством из-за вопросов самолюбия и стремления к власти. Эти негоцианты открывали кредит колонистам на Сан-Доминго или финансировали их. Накануне Революции они предоставили колонистам Антильских островов кредит без обеспечения в общей сложности на сумму 50 млн., и легко догадаться, с какой страстью нантская буржуазия будет защищать колониальный режим, основанный на рабском труде, чтобы спасти колонистов-должников от катастрофы, которая повлекла бы за собой их собственное разорение. Я обратил внимание на появление в Якобинском клубе, на одном из его первых заседаний, депутации от нантских судовладельцев, пришедшей протестовать против какой бы то ни было реформы колониальной системы. Но этот эгоизм сторонников рабовладения несколько не мешал нантской буржуазии, сознающей свою возросшую силу, требовать во Франции гарантий свободы и восставать с надменностью богачей и гордостью предприимчивых людей против привилегий бретонских дворянчиков. Эта буржуазия объединяла вокруг себя многих рабочих, готовых под ее руководством вступить в революционную борьбу против дворянской наглости и королевского произвола.

На гвоздильных заводах было занято 400 рабочих. Во всей области работало 2400 ткацких станков, на которых ткали полотно, из них 500 — в самом Нанте. Начинало развиваться производство хлопчатобумажных тканей и появились первые механические станки. На фабриках крашеных полотен трудилось 4500 рабочих. Весь этот пролетариат был вовлечен в экономическое и поли-

тическое движение буржуазии и как бы следовал за нею. Подобно буржуа провинции Дофине, буржуа Нанта и Бретани еще до созыва Генеральных штатов и официального начала Революции начинают боевые выступления против старого порядка и действуют мужественно, не щадя себя. 1 ноября 1788 г. в Нанте приступили к выборам депутатов третьего сословия, которые должны были отправиться в Ренн на заседание Штатов Бретани. Проведением выборов ведало муниципальное бюро. Нантская буржуазия при этом случае пожелала утвердить свои права. Она больше не желала, чтобы Штаты Бретани были аристократическим парадом, где роль третьего сословия сводилась лишь к голосованию субсидий.

Буржуазия предъявила муниципальному бюро следующие требования: 1) чтобы третье сословие имело по одному депутату с правом решающего голоса на каждые 10 тыс. жителей, и этим депутатом не может быть ни дворянин, ни возведенный в дворянство, ни представитель местной судебной власти, ни податный прокурор или арендатор сеньора; 2) эти депутаты должны избираться путем двухстепенных выборов; 3) число депутатов третьего сословия должно быть равно числу депутатов обоих других сословий, и при принятии любых решений голосование должно быть поголовным; 4) личные повинности должны быть упразднены, а налог должен быть равным образом распределен на все владения. Однако муниципальное бюро отнеслось отрицательно к этим требованиям, многие нотабли сопротивлялись этому движению. Чтобы сломить это сопротивление, нантская буржуазия обратилась с призывом к народу. Рабочие покинули мануфактуры и мастерские, окружили помещение, где заседало муниципальное бюро, и тысячи пролетариев, объединившихся, чтобы навести страх на упорствующих, сыграли решающую роль в первой революционной победе.

Была направлена делегация к королю, чтобы убедить его предписать Штатам Бретани этот новый регламент. Король передал этот вопрос на решение самим Штатам Бретани, но обещал вмешаться, если привилегированные сословия окажут сопротивление. Когда дворянство и духовенство не дали своего согласия на требования третьего сословия, король отсрочил созыв Штатов. Однако бретонские дворяне решили заседать, как если бы они воплощали всю полноту власти, и конфликт между реннским дворянством и буржуазией принял острый характер. Ренн был очагом культуры Бретани, куда стекались сыновья буржуа, чтобы овладеть профессией врача или адвоката, и они все более болезненно реагировали на презрительное отношение к ним дворян и на их

1. Относительно влияния торговли неграми на процветание Нанта см.: Gaston-Martin. Nantes au XVIIIe siècle. L'ère des

négriers. 1714—1774, 1931, и «Capital et travail à Nantes au cours du XVIIIe siècle», 1931.

привилегии. На улицах города вспыхнули драки, в ходе их два студента были убиты. Немедленно в Нант примчался депутат из Ренна. Нантские буржуа собрались на Торговой бирже, которая в то время, естественно, была очагом буржуазной революции, как, быть может, завтра Биржи труда станут очагом пролетарской революции. И к этому весьма многочисленному собранию делегат Ренна обратился с призывом о помощи. Этот делегат называл себя *Omnes omnibus* (Все за всех)¹. Был ли выбор такого имени продиктован воспоминанием о молодом бретонском гравере Франсуа Омнесе, который за героизм, проявленный при спасении людей в Париже, был награжден медалью с выгравированным на ней девизом: «*Omnes omnibus*»? Или это было продиктовано осторожностью, желанием скрыть от властей свое подлинное имя? Или он действовал под влиянием какой-то мистической потребности? Назревающие революции, даже если им суждено завершиться победой одного класса, ссылаются на общие интересы и всеобщую солидарность. Неизвестный молодой оратор закончил свою патетическую речь под восторженные аплодисменты горячим призывом: «Граждане, отечество в опасности, встанем на защиту его!» Тут же был составлен протест, в котором уже ощущается пламя Революции: «Потрясенные ужасом при вести об убийстве, совершенном в Ренне по наущению многих представителей дворянства; собравшись, побуждаемые к тому единым чувством негодования и мести; полагая, что меры, направленные к освобождению третьего сословия от рабства, в коем оно томится уже столько столетий, наталкиваются на препятствия лишь со стороны дворянства, бешеный эгоизм которого видит в страданиях и слезах несчастных лишь гнусную дань, которую он хотел бы взимать и с будущих поколений; в сознании наших собственных сил и желая разорвать последнее звено связующей нас цепи, заключаая из варварских средств, к коим прибегают наши враги для увековечения нашего угнетения, что нам надлежит всего опасаться от той власти аристократии, которую они хотели бы возвести в конституционный принцип, — мы с нынешнего дня почитаем себя свободными от нее.

Поскольку в восстании во имя свободы и равенства заинтересован каждый подлинный гражданин третьего сословия, все должно ему способствовать своей полной и непоколебимой поддержкой; но особенно молодые люди, счастливое поколение, кое по милости небес родилось достаточно поздно, чтобы иметь надежду вкушать от плодов философии XVIII в.

Поклянемся же все, во имя человечества и свободы, возвести оплот против наших врагов, противопоставить их кровожадной неистовой злобе спокойствие и твердость мирных добродетелей; соорудим гробницу двум мученикам за дело свободы и будем рыдать над их прахом, пока горе не будет утишено кровью их палачей.

Мы, нижеподписавшиеся, молодые люди всех профессий, настоящим постановляем отправиться в должном числе, дабы дать урок гнусным исполнителям воли аристократов; считаем подлыми и навсегда опозоренными тех, кто имел бы низость домогаться или просто согласиться занять место отсутствующих.

Заранее протестуем против всех постановлений, которые могли бы объявить нас мятежниками, тогда как намерения наши чисты и непоколебимы. Поклянемся все честью и родиной, что ежели какому-либо несправедливому суду удалось бы захватить кого-либо из нас и он осмелился бы на одну из акций, именуемых в политике суровыми, то есть попросту на один из актов деспотизма, пренебрегая формой и частностями, предписанными законом, поклянемся сделать все, что природа, мужество и отчаяние повелят нам совершить для собственного спасения».

Какая прекрасная и благородная взволнованность! Какое возвышенное обращение молодежи к философии XVIII в.! Представьте, какие страсти, какие мечты бродили в сердцах буржуазной молодежи в годы, предшествовавшие Революции; в Бретани это брожение проявлялось, пожалуй, сильнее и резче, чем в любой другой провинции. Чтобы экономическое могущество восходящего класса стало наконец силой политической, необходимо, чтобы оно нашло выражение в идее, чтобы оно привело к выработке некоего общего мировоззрения, общей концепции общества и жизни. Буржуазное честолюбие нантских торговцев и промышленников принимало в учебных заведениях Ренна более возвышенную форму, революционный и гуманный оттенок. Но без этого роста, без экономической зрелости нантской буржуазии юношеский пыл реннских студентов скоро развеялся бы как дым. Бретонская буржуазия могла стать в Ренне большой силой, одушевленной энтузиазмом и идеей, именно потому, что в Нанте она достигла большой силы в производстве, торговле и собственности. Нант был лабораторией богатства и могущества, где восторженные юноши-студенты из учебных заведений Ренна черпали самую суть своих мечтаний. Впрочем, в речи молодого делегата реннской молодежи и в предложенном им окончательном решении есть одно глубокое замечание: «В сознании наших собственных сил». Именно это сознание растущей экономической силы и порождает этот революционный порыв буржуазии. Мы видели, как в трех наших крупных портах, в Нанте, Марселе и Бордо, возросло могущество торговой буржуазии. Повсюду одновременно росло и могущество промышленной буржуазии, и повсюду этот рост был таким сильным, что буржуазия была вынуждена вступить в борьбу со старыми общественными силами.

1. *Omnes Omnibus*. Discours prononcé à l'hôtel de la Bourse, dans l'assemblée des jeunes gens

de Nantes... Le 28 janvier 1789. BN, 8° Lb³⁹ 1032, imp. 8 p.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Как ни важен этот предмет, я не могу углубиться в детальное описание процесса развития промышленности во второй половине XVIII в. Но здесь еще раз надо выступить против одного, искажающего действительный ход истории предрассудка. Большинство писателей изображает дело таким образом, будто до Революции промышленность до такой степени была связана по рукам и ногам цеховой системой, что всякое сколько-нибудь значительное развитие было для нее исключено. На деле же, подобно тому, как оптовая торговля освободилась от цеховых пут, подобно тому, как посредством разных ухищрений, и, в частности посредством коммандитных и акционерных обществ, торговля разорвала свои узы, точно так же и промышленность до Революции и даже до эдикта Тюрго сломала или смягчила во многих отношениях цеховую систему. Не только в Париже были районы, где промышленность была совершенно свободна; не только по всей Франции, за отсутствием достаточного надзора, промышленные предприятия ускользали от жесткой регламентации; не только, как это отмечает, например, Ролан де ла Платьер, фабриканты чулок в Ниме производили изделия более грубые, нежели это было разрешено регламентами, и, таким образом, благодаря дешевизне обеспечивали себе широкий круг покупателей; но и сама королевская администрация, разрешая создание крупных мануфактур, представляя им на определенный срок привилегию на производство, тем самым освобождала их от цеховой опеки и способствовала развитию промышленного капитализма. Я, конечно, знаю, что сами эти привилегии, предоставлявшие монополию производства в определенном районе тому или иному владельцу мануфактуры, представляли собой некоторое стеснение и ущемление свободы труда; но не следует переоценивать практические последствия этих мер. Фактически эти привилегии, эти монополии чаще всего были ограничены как территориально, так и по времени. На бесчисленном множестве примеров можно доказать, что эти привилегии очень редко распространялись на всю территорию провинции и столь же редко давались на срок более двадцати лет. Конкуренты, получив королевское разрешение, могли обосноваться на довольно незначительном расстоянии, и, во всяком случае, занятие тем или иным промыслом становилось свободным и открытым для всех по истечении довольно короткого времени. В этих условиях практика королевских привилегий не могла стать препятствием для роста числа мануфактур и усиления промышленной буржуазии.

В самом деле, достаточно ознакомиться с описанием работы нескольких крупных отраслей промышленности, которое Ролан де ла Платьер дал в «Энциклопедии Панкука»¹, достаточно также обратить внимание на указания, содержащиеся на сей предмет в наказах Генеральным штатам, чтобы убедиться, что промышлен-

ное производство с каждым днем становилось все более интенсивным. Мне представляется возможным, не прибегая к чрезмерно методичному изложению, довольно точно охарактеризовать состояние французской промышленности накануне Революции следующим образом. Эта промышленность была достаточно развитой, чтобы дать буржуазии решающую силу. Но она не была еще ни достаточно мощной, ни достаточно концентрированной, чтобы сосредоточить в нескольких центрах значительные массы рабочих и пробудить у них отчетливое и решительное классовое самосознание. Французская промышленность была достаточно развитой, чтобы дать ведущей и предприимчивой буржуазии революционные силу и сознание. Но она не была развита в такой мере, чтобы сообщить пролетариату самостоятельную революционную энергию независимо от буржуазного движения.

Не было почти ни одной провинции, лишенной промышленности. В Лангедоке, в долинах Севенн, от Лодева до Кастра возникало все больше суконных мануфактур. В Нормандии ткацкие фабрики вырабатывали шерстяные и хлопчатобумажные ткани. В Пикардии и Шампани было развито трикотажное и суконное производство. По всему течению Луары и среднему течению Роны, в Туре, Роанне, Лионе работали шелкоткацкие фабрики. В Арденнах, на Сомме были металлургические заводы, литейные заводы*, те страшные заводы, откуда Бабеф в отчаянии призывал «инfernальную армию». На востоке — в Эльзасе и Лотарингии была развита металлообрабатывающая промышленность. В провинции Артуа угольные шахты начали превращаться, особенно в Анзене, в крупные предприятия.

Были уже и крупные мануфактуры, которые предвещали великую концентрацию промышленности нашего столетия. Частыми стали изобретения в области механики, и началось вложение крупных капиталов в промышленное оборудование. Вот как говорил Мирабо, выступая с последней значительной речью с трибуны Собрания 21 марта 1791 г., о расходах горнорудных предприятий²: «Приведу пример, дающий представление об огромных расходах, которых требует горная разведка. Возьмем «Компани д'Анзен» около Валансьенна. Она получила концессию не на

1. В 1782 г. вышел в свет первый том задуманной книготорговцем Панкуком (Pancoucke) «Encyclopédie méthodique». Последний том должен был появиться в 1832 г. Ролан участвовал в этом издании: «Encyclopédie méthodique. Manufactures, arts et métiers». Paris, 1784—1785. 2 vol.

* Ж. Жорес употребляет часто термин «завод», «фабрика». Не считая себя вправе исправлять текст

Жореса, считаем нужным обратить внимание читателей, что преобладающей формой промышленности во Франции этого времени была мануфактура и капиталистическое развитие Франции в целом не вышло еще из мануфактурной стадии. Подробнее см.: Ф. В. Потекин. Указ. соч., т. 1. — *Прим. ред.*

2. «Moniteur», VII, p. 683. «Archives parlementaires», t. XXIV, p. 247.

эксплуатацию, а на разведку залежей угля там, где никакие признаки не указывали на его наличие. Двадцать два года изыскательных работ потребовалось, чтобы найти месторождение. Первый пласт пролегал на глубине 300 футов и не поддавался разработке. Чтобы до него добраться, надо было преодолеть подземный поток, разлившийся на несколько лье. Пласт обнаружили бурением, и надо было не вычерпывать эту массу воды, что было невозможно, а пройти сквозь нее. Было создано огромное сооружение, то был деревянный колодец двойной обшивки; он служил для сдерживания воды и для прохода сквозь это море. Этот деревянный колодец был проложен на глубину 900 футов. Вскоре понадобилось соорудить другие колодцы такого же рода и множество иных механизмов. На рудниках Анзена каждый деревянный колодец глубиной 460 туаз * (ибо шахта имеет глубину 1200 футов) обходится в 400 тыс. ливров. Их насчитывается 25 в Анзене и 12 на рудниках Френа и Вьё-Конде. Одни эти колодцы обошлись в 15 млн. Там имеется двенадцать насосов стоимостью по 100 тыс. ливров каждый. Проходка штреков и другие сооружения обошлись в 8 млн.; там занято 600 лошадей и работает 4 тыс. рабочих. Расходы на вознаграждения, выплачивавшиеся в соответствии с действовавшими тогда правилами, на налоги и на пенсии больным рабочим, вдовам и детям рабочих превышали 100 тыс. ливров каждый год». И Мирабо отмечает, что благодаря столь мощному оборудованию рудники Анзена успешно конкурируют с рудниками Монса. «Известно, — говорит он, — с каким ревнивым чувством горняки Монса наблюдали за эксплуатацией рудников Анзена. До открытия последних Монс поставлял до 3 млн. мер угля по 5 ливров 10 су за меру (250 фунтов), а ныне «Компаньи д'Анзен» продает ту же меру по 25 су и обеспечивает потребление пяти провинций». Здесь явно налицо первый тип крупной капиталистической промышленности. Даже в Седане, в Абвиле имеются крупные мануфактуры. На мануфактуре Ван Робе в Абвиле было занято более 1200 рабочих и работниц, подчиненных настоящему казарменному режиму. Рабочие и работницы проживали на фабрике. Монументальные ворота, которых было четверо, охранялись привратниками в королевских ливреях, водка была строго запрещена, и суровая дисциплина держала всех этих пролетариев в состоянии немого повиновения. Муниципальный совет Абвиля иногда выступал в их защиту и, в частности, напоминал большому хозяину, что штрафы, которые он налагал, должны идти не в хозяйскую кассу, а в кассу пособий рабочим.

На востоке Франции металлургическая промышленность развивалась так быстро и «огнедышащие заводы» сжигали такое большое количество дров, что в области это вызвало тревогу и стали требовать ограничения производства этой промышленности. Оба привилегированных сословия особенно подчеркивали опасность, угрожающую лесам от вырубки, так как они были озабо-

чены тем, чтобы сохранить стоимость земельных владений в связи с вторжением промышленной силы. В наказах духовенства Саргемина говорилось, что «крайняя дороговизна древесины есть следствие «огнедышащих заводов», коих развелось великое множество; необходимо установить допустимую норму потребления древесины». Со своей стороны, дворянство того же бальяжа требует «сокращения «огнедышащих заводов», дабы они были возвращены к начальному состоянию в соответствии с первоначальной концессией, принимая во внимание рост цен на древесину, которая становится очень редкой». В наказах Бузонвиля, в Лотарингии, было сказано: «Наш край покрылся металлургическими, стекольными и другими заводами, которые не только потребляют огромное количество дров, но так плохо используют предоставленные им лесные участки, что превращают их в залежь. А также дороговизна дров возросла до такой степени, что, если Его Величество по меньшей мере не запретит вывоза дров и не повелит сократить заводы, сельский житель будет вскоре доведен до физической невозможности обеспечить отопление своего жилища, равно как и приготовление пищи для себя и для своего скота».

Эти жалобы весьма интересны. Из них мы уже видим, что аграрные интересы пришли в столкновение с промышленными, или капиталистическими, интересами. Они помогают нам понять неизбежность развития добычи каменного угля, призванного восполнить недостаток лесов, чей рост не может поспеть за темпами потребления новой промышленности. Наконец, эти жалобы свидетельствуют о том, что во второй половине XVIII в. и в период, непосредственно предшествующий Революции, промышленная деятельность возросла так резко, что целые области остались без леса, пожираемого доменными печами. Яркое пламя могущества буржуазии как бы прорвалось сквозь старый феодальный лес и осветило все вокруг, далеко отбрасывая свои алые отблески. Горнило богатства и труда, оно было и горнилом революции.

Промышленная техника непрерывно развивалась. В середине столетия как теоретики, так и практические деятели промышленности ставили перед ней задачу по возможности больше заменить ручной труд машиной. В своем большом труде Савари дэ Брюлон пишет: «Экономия человеческого труда состоит в замене его работой машин и животных: это равносильно увеличению населения, а отнюдь не уменьшению его». И он добавляет, выражая ту великую заботу о завоевании внешних рынков, которая воодушевляла энергичную и уверенную в себе буржуазию XVIII в.: «Если внешняя торговля, то есть судоходство, колонии и потребности других народов могут занять еще больше людей, чем имеется налицо, то надо экономить их труд, чтобы хватило для всех этих дел».

Прекрасный оптимизм! Ни Савари дэ Брюлон, ни его современ-

* Старинная мера длины, около 2 м. — Прим. ред.

ники, по-видимому, не предвидели тех ужасных кризисов безработицы, к которым приведет в более развитом капиталистическом обществе машинное производство. Это машинное производство еще не было таким мощным, чтобы становиться порой столь же опасным, сколь и благотворным. Еще не было избытка населения, обученного промышленному труду, к тому же Франция, расширяя свою торговлю от Смирны до Сан-Доминго и от Индии до Канады, воображала, что расширению ее рынков сбыта не будет конца. Не хватало рук для работы, а не работы для рук. И люди того века страстно интересовались изобретениями в области механики: гений Вокансона — неотъемлемая часть «Энциклопедии» XVIII в.¹ Но не следует думать, что накануне Революции уже существовало значительное машинное производство. Были всеобщие усилия, шаги ощутимы, надежды. Но результаты были еще малы. Даже в Англии большое машинное производство лишь зарождалось. Только в 1774 г. Джэй изобрел механический прядильный станок *spinning-jenny* [прялку «дженни»]. Аркрайт же был плагиатором. Правда, изобретение Джэя быстро распространилось в Англии; но оно могло бы породить лишь некое нарушение равновесия в промышленности, если бы за ним не последовало изобретение механического ткацкого станка. Какой смысл очень быстро производить хлопчатобумажную пряжу, если затем из нее ткать можно только в медленном ритме старых станков? А ведь только в 1785 г. преподобный Картрайт изобретает ткацкий станок для хлопчатобумажной пряжи и только в 1806 г. будет сооружена в Манчестере первая фабрика, на которой ткацкие станки будут приводиться в движение энергией пара².

Однако эти английские машины были еще мало известны и мало использовались во Франции до Революции. По-видимому, в 1773 г. машина для выработки хлопчатобумажной пряжи, прялка «дженни» образца Джэя, была впервые поставлена одной из наших мануфактур в Амьене. Этот случай остался единичным. В 1780 г. английский изобретатель Прайс, обосновавшийся в Руане, изобрел машину, на которой можно было прасть и лен, и хлопок, и шерсть. Эта машина не имела особенного успеха. Стало быть, когда Лассаль, желавший во что бы то ни стало объяснять крупные политические движения экономическими причинами, восклицал в своей знаменитой «Программе рабочих»³: «Прядильный станок Аркрайта был первым событием Французской революции», то эта эффектная фраза не соответствовала действительности. На самом деле великой пружиной Революции была экономическая, торговая и промышленная мощь французской буржуазии, но промышленность еще недостаточно продвинулась по пути крупного машинного производства⁴ *.

В 1789 г. мы еще находимся в подготовительном периоде машинного производства. Если бы машинное производство было уже тогда достаточно развито, если бы машина Аркрайта и другие

такого рода машины играли во Франции XVIII в., в ее производстве ту решающую роль, на которую, по-видимому, указывает Лассаль, если бы, следовательно, в 1789 г. преобладала централизованная, концентрированная крупная промышленность, пролетариат и социалистическая мысль наложили бы на буржуазную Революцию более глубокий отпечаток. Если бы фраза Лассалья была верна, 1789 г. походил бы на 1848-й. В то время были только наметки, только первые пробы.

В прядильном производстве почти всю работу еще делала прялка. Даже описанные у Савари дэ Брюлона «мельницы», приводившие в движение 48 веретен вместо 6, не получили всеобщего или даже широкого применения. А тем более прялка «дженни».

Однако новые машины начали проникать в промышленность уже в такой степени, чтобы вызвать волнение и неуверенность среди промышленной буржуазии. В Нормандии смятение умов было особенно сильным. Торговый договор, заключенный между Францией и Англией в 1786 г., нанес ущерб местным интересам⁵.

1. Вокансон (1709—1782) прославился своими механическими станками. Назначенный в 1741 г. инспектором шелкоткацких мануфактур, он усовершенствовал применявшиеся в этой отрасли промышленности механизмы.

2. О первых шагах машинного производства в Англии см. классический труд: P. M a n t o u x. La Révolution industrielle au XVIIIe siècle. Essai sur les commencements de la grande industrie moderne en Angleterre, 1905; 2e éd., 1959 с библиографическим приложением.

3. «Программа рабочих» была изложена Лассалем в лекции, с которой он выступил в Берлине 12 апреля 1862 г.

4. Недостаток работ о развитии машинного производства в отдельных районах затрудняет подведение итогов для основных промышленных районов к концу старого порядка. Можно, однако, отметить, что хлопчатобумажная промышленность, отрасль сравнительно молодая, идет несколько впереди других отраслей текстильной промышленности по своему техническому оснащению. Прядильная машина (*spinning-jenny*), легкая и портативная, получила, по-видимому, известное распространение в сельских мест-

ностях. Ватерная машина (прядильная машина, приводимая в движение силой воды, разработанная в 1767 г. Аркрайтом) начинает использоваться на крупных предприятиях. Результаты, однако, скромные: согласно проведенному в 1790 г. обследованию, во Франции насчитывалось 900 машин типа «дженни» (в Англии их было 20 тыс.) и всего лишь 8 механических машин Аркрайта (в Англии — 143). Ткацкое производство отставало. В суконной промышленности и в производстве изделий из конопли и льна преобладала старая техника.

* Мы вновь отсылаем читателей к последней работе Ф. В. Потемкина. — *Прим. ред.*

5. О торговом договоре 1786 г. и его последствиях см.: L. S a h e n. Une nouvelle interprétation du traité franco-anglais de 1786—1787. — «Revue historique», t. CLXXXV, 1939, p. 257; W. O. H e n d e r s o n. The Anglo-French commercial Treaty of 1786. — «The Economic History Review», t. X, 1957, p. 104. Об этом договоре в более узком плане см.: M. B o u l o i s e a u. Aspects sociaux de la crise cotonnière dans les campagnes rouennaises en 1789. — «Actes du 81e Congrès des Sociétés savantes», Rouen-Caen, 1956, p. 403.

Договор этот создал режим, близкий к свободе торговли. Его первая статья провозглашала «взаимную и во всех отношениях абсолютную свободу судоходства и торговли всякого рода товарами во всех королевствах, государствах, провинциях и землях, находящихся под властью Их Величеств в Европе». Договор предусматривал режим наибольшего благоприятствования для всех товаров, не упомянутых в договоре. Он устанавливал таможенные пошлины с веса и цены товаров, причем пошлины не должны были превышать 12% стоимости товара. Текстильные мануфактуры Нормандии и Лангедока сразу же оказались или сочли себя под угрозой конкуренции со стороны лучше оборудованных английских фабрик. Со всех сторон стали раздаваться протесты и жалобы. Вместе с тем, однако, многие владельцы мануфактур задавались вопросом: не следует ли без промедления ввести во Франции английские машины? Но менее богатые и менее смелые фабриканты увидели в этом новую опасность: «Мало того, что нас разоряют англичане, нам еще предстоит быть вконец разоренными нашими французскими конкурентами, обзаведшимися механическими станками!» В результате, особенно среди промышленной буржуазии Нормандии, создалось некое общее беспокойство и неуверенность, как бывает во время больших кризисов, когда происходит обновление жизни. Следы его можно найти в наказах третьего сословия Нормандии. Корпорация фабрикантов сукна города Кан пишет следующее¹: «Ввиду того что механические станки нанесут значительный ущерб бедному люду, потому что они сводят на нет прядильную работу, просим упразднить их. Это упразднение будет тем более справедливо, что производимая этими механизмами пряжа весьма недоброкачественна, а изготовляемые из нее ткани непрочны и низкого качества». Не будем говорить о том, чего стоят эти предлоги и эта забота о «бедном люде». Нам достаточно отметить самый факт протеста, как симптом смятения умов.

В Руане третье сословие настроено не столь отрицательно и рассуждает более широко²: «Короля надлежит умолять не заключать с иностранными державами никаких договоров без предварительного сообщения их проектов торговым палатам королевства, дабы они имели время представить Его Величеству их возражения и замечания. Надлежит по требованию Генеральных штатов использовать все имеющиеся в распоряжении властей средства для устранения нынешних неблагоприятных последствий торгового договора, заключенного с Англией... и при обсуждении вопроса о торговом договоре Генеральные штаты должны рассудить, следует ли разрешить или запретить употребление английских машин в королевстве». Это обращение к Генеральным штатам с просьбой решить вопрос о применении машин дает представление о царившей в умах растерянности. Но само это смятение, эта тревога перед лицом новых больших проблем не только не ослаби-

ли революционного движения буржуазии, они его усилили. Отныне круг ее интересов так велик, что она уже не может оставлять дело управления всецело королевской власти. Отныне во избежание самых неприятных неожиданностей она вынуждена добиваться контроля над заключением торговых договоров, от коих зависит все ее богатство, вся ее деятельность. Наконец, даже те преобразования в промышленности, неизбежность которых в близком будущем она предчувствует, даже появление машинного производства, широкие последствия которого она смутно предвидит, — все это повелительно диктует буржуазии необходимость взять на себя руководство событиями. Корабль, на котором она собрала все свои богатства, выходит в открытое море: она должна встать у штурвала.

СЕЛЬСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Однако, если в рудниках Анзена и Френа, на нескольких суконных мануфактурах Абвиля, Эльбёфа или Седана, на нескольких крупных канатных фабриках, в портах, на обширных прядильных и ткацких фабриках Нормандии, в наиболее активных очагах промышленности Восточной Франции и начинают выявляться зачатки крупной капиталистической промышленности, то в целом промышленное производство во Франции в 1789 г. далеко еще не достигло такой степени концентрации и такой интенсивности. Чаще всего в прядильном и ткацком производстве применяется труд на дому. Прялка крутится, станок стучит в бедном доме ремесленника или крестьянина, и промышленность еще связана с сельской жизнью³. Ролан де ла Платьер дает следующее описание промышленности в Пикардии, и это описание в основных своих чертах верно для большинства провинций: «В Пикардии производят шерстяные ткани, бархат, полотна, трикотаж. Из 25 тыс. станков, работающих в департаменте, не более 6500 находятся в городах. В Амьене их насчитывается около 5 тыс., в Абвиле — 1 тыс. Часть городских станков и почти все в деревне не работают во время уборки урожая. Во время сенокоса, рубки леса, посевов

1. В действительности это наказ торговцев сукном, галантереей и скотным товаром Кана. «Archives parlementaires», t. II, p. 497.
2. Наказ третьего сословия Руана опубликован в «Archives parlementaires», t. V, p. 597, а также у: C. Hippelau. Le Gouvernement de Normandie au XVIIe et au XVIIIe siècles. (Caen, 1863—

1869, 9 vol.), t. VII, p. 315. См. также новое издание: M. Bouloiseau. Cahiers de doléances du Tiers État du bailliage de Rouen. 1957—1960, t. I, p. 229.
3. О *рассеянной* промышленности см. статью о мануфактуре в «Encyclopédie»; в ней определяется различие между централизованной мануфактурой и *рассеянной*.

и других сельских работ станки подолгу не работают в деревнях. И в общем, можно считать, что они работают не более восьми месяцев в году. Это, несомненно, скажем мимоходом, самое удачное и плодотворно устроенное производство, поскольку оно предоставляет занятые им рабочие руки для сельского хозяйства, когда последнее этого требует. Такое сочетание промышленности и земледелия не только полезно для здоровья, но оно удваивает достаток людей благодаря их взаимодействию. Население всегда растет там, где можно жить, а жить можно всегда там, где есть заработки. Как правило, можно считать, что с момента выхода сырья из рук земледельца и до изготовления ткани в производстве занято десять человек на каждый станок.

В это число входит, как мы предполагаем, двое опытных рабочих и две опытные работницы, женщины или девушки. Остальные — это дети, старики или женщины, настолько занятые домашним хозяйством, что их труд может быть приравнен только к детскому труду; таких очень много. В городах обычный размер заработной платы для мужчин 20 су в день, для женщин — 10, а для детей — 5 су. В сельской местности эта заработная плата составляет в первом случае от 17 до 18 су, во втором — от 8 до 9, в третьем — от 3—4 до 5 су. Мы считаем, что из тех 250 тыс. человек, которые заняты на фабриках департамента и своим трудом дают средства к существованию или обеспечивают других 250 тыс. человек, каждый зарабатывает в год:

	Ливры
50 000 рабочих (по 140 ливров)	7 000 000
50 000 работниц	3 500 000
100 000 детей	6 000 000
Всего заработной платы	16 000 000
Прибыль предпринимателей и торговцев	2 500 000».

Мы не станем здесь оспаривать экономические и индустриальные концепции Ролана. Худо ли, хорошо ли, он пытается примирить свою страстную любовь к Жан Жаку, проповедующему возвращение к природе, и свою страсть к развитию промышленности.

Когда он принимается философствовать, то охотно говорит о «плодовитой и развратной» промышленности, и такое же направление мыслей мы находим у многих его современников, в частности у женева банка Клавьера. Мы не будем разбирать, является ли это сочетание плохо оплачиваемого промышленного труда с трудом сельскохозяйственным возвышенным социальным

идеалом. К чему судить формы производства, уже унесенные течением экономического развития? Но в рассуждениях Ролана есть странное противоречие. На протяжении всей своей работы он рекомендует применение усовершенствованных машин, он даже распорядился построить несколько таких машин под его непосредственным наблюдением, по чертежам, которые он приобрел за большие деньги, и ему, видимо, не приходит в голову, что развитие машинного производства сведет почти на нет эту рассеянную и наполовину сельскохозяйственную промышленность, благоденствия коей он так идиллически востевает.

Такой же домашний характер имеет кружевная промышленность на нормандском побережье и в горных массивах Оверни. «В мануфактурах Дьепа, — говорит Ролан, — средней квалификации работницы зарабатывают только 7—8 су в день. Лучшие работницы получают 10—11 и даже 15 су, но таких мало. Торговцы Дьепа не фабриканты: они не снабжают работниц сырьем. Они продают его работницам, а затем оплачивают кружева по их стоимости. В этом производстве занято около 4 тыс. человек — женщин, девушек и детей. Производство кружев почти единственное занятие жен моряков и рыбаков, они отдают ему то свободное время, которое остается им в перерывах между подготовительными работами, связанными с рыбной ловлей.

В городе Пуи работницы, плетущие нитяные кружева, зарабатывают от 5 до 6 су в день, работницы, плетущие шелковые кружева, зарабатывают от 10 до 12 су. Фабрики Пуи могут занять около 6 тыс. работниц, а считая с окрестностями — от 18 тыс. до 20 тыс.».

Была, наконец, категория совсем мелких независимых производителей, не получавших никакого сырья от крупного предпринимателя и продававших свои изделия посредникам. «В Пикардии, в шерстяном трикотажном производстве, равно как и в Шампани, в хлопчатобумажном трикотажном производстве, многие мелкие производители обычно продают свои чулочные изделия и свои полотна торговцам, часто прибывающим из других провинций и объезжающим деревни».

Таким, с различными оттенками, представляется широко распространенный тип промышленности кануна Революции. Наряду с крупными мануфактурами, где работа уже концентрирована, где многочисленные станки стучат в одном и том же помещении, где собраны вместе сотни рабочих, существует то, что можно назвать рассеянной промышленностью; и если судить по относительной численности станков, работающих в деревнях, это и есть преобладающий тип промышленности конца XVIII в.

Рассеянная промышленность * не значит свободная промышленность. Все эти ткачи Пикардии, Шампани или Лангедока,

* Ж. Жорес имеет в виду рассеянную мануфактуру. — Прим. ред.

ткущие сатины, полотна, сукна, не производят для себя: большинство из них на заработной плате — это рабочие. У них нет достаточных средств, чтобы покупать нужное им сырье, и, что еще особенно важно, нет необходимых торговых связей, чтобы самим продавать свои изделия. Развитие вывоза во Францию, в Америку и в колонии оказалось исключительно благоприятным для предпринимателей-торговцев и нанесло ущерб самым мелким самостоятельным производителям.

Последние не были способны производить для обширных и отдаленных рынков. Поэтому богатые буржуа снабжали ткача материалом для работы, а тот, после того как он закончил свой труд в четырех стенах своего бедного деревенского дома, после того как он день за днем толкал свой ткацкий челнок, отрываясь только время от времени для каких-нибудь сельских дел, относил готовое изделие крупному предпринимателю.

Очевидно, что в этой домашней промышленности большое место занимала женщина, а также дети. Мы это, впрочем, уже видели по цифрам, приведенным Роланом. В Пикардии на десять человек, занятых при одном станке, приходится лишь двое опытных мужчин, то есть одна пятая. Наши социалистические пропагандисты и теоретики часто повторяют, что капитализм XIX в. сделал женщину и ребенка жертвами индустриализации. Это верно, но здесь не должно быть недоразумения. Концентрированная крупная промышленность и машинное производство вырвали женщину и ребенка из семейного очага, из домашней жизни. Они оторвали женщину от домашнего хозяйства. Они насильно превратили ее в работницу, то есть в хуже оплачиваемого рабочего. Но не следует думать, что в тот промышленный период, который предшествовал крупному машинному производству и системе больших мастерских, женщина и ребенок не принимали участия в производстве.

Представляется вероятным, что их участие в производстве было еще более широким, чем ныне, но оно происходило в совершенно других условиях. По мере ускорения развития промышленности женщина, весьма вероятно, даже дома начинала специализироваться в каком-либо промышленном труде. Так, например, в Пикардии, после заключения в 1763 г. с Англией мирного договора, наблюдается крутой подъем производства. Увеличивается число станков, и местной шерсти уже не хватает для их загрузки. Приходилось закупать шерсть в Голландии и Англии. Поэтому, несомненно, был период напряженной работы даже на дому и надо было возможно меньше отвлекать для нужд домашнего хозяйства способную работницу, которая зарабатывала «до 15 су». Таким образом, даже в бедных жилищах сельских ремесленников были женщины и девушки, которые становились почти исключительно «работницами». В дальнейшем это поможет капиталистической буржуазии оторвать их от домашнего очага и привлечь их

на большие заводы, где они будут обслуживать усовершенствованные машины. Именно путем таких медленных и незаметных переходных стадий подготавливаются экономические перевороты.

Впрочем, уже в XVIII в. женский труд широко применялся даже на крупных мануфактурах. На крупной фабрике Ван Робе женщины и дети составляют две трети рабочих. В замечательном труде королевской Академии наук, посвященном описанию различных промыслов и ремесел, я обратил внимание на интересную гравюру, изображающую женщин, которые выбирают уголь.

По-видимому, для женщин оставили по меньшей мере работы на поверхности шахт. Уже в то время теоретики промышленного производства настойчиво указывают промышленной буржуазии на выгоды, которые открывает для нее привлечение возможно большего числа женщин: больше повиновения и меньше затрат на заработную плату. Ролан сетует на то, что на определенных мануфактурах в районе Лиона женский труд запрещен некоторыми регламентами, и он простодушно восклицает, являя нам своеобразную смесь филантропической сентиментальности и меркантильного расчета: «Предоставим же слабому и несчастному полу зарабатывать себе средства к существованию на таких работах, кои при других правах и при лучшем надзоре должно было бы предназначить именно ему. Женский пол, более склонный по природе к сидячему образу жизни, более терпеливый и усердный в работе, более способный к отделке внутренних деталей, более робкий, довольствующийся малым, чуждый всегда партий и групп, этот пол будет более опрятным и деликатным в работе над предметами роскоши; и, каковы бы ни были эти предметы, он будет их производить по более низкой цене. А это в торговом деле всегда будет главным». И дальше: «Что может дать это запрещение труда женщин? Анархию или, вернее, образование групп, заговоры, надбавки, небрежную или дурную работу, разврат, угрозы покинуть хозяина, уход с работы целыми бандами, и все это во время самого большого спроса на изделия, когда вкусы меняются и требуются соответственно изменения в работе. И в результате этого приобретенные за огромные деньги станки бездействуют».

Заметьте, что Ролан демократ и даже друг народа. Г-жа Ролан рассказывает в своих «Мемуарах», что он очень искренно скорбел о страданиях и угнетенном состоянии «огромного люда мануфактур»¹. В Лионе, в муниципалитете, он будет выступать как представитель и защитник рабочего населения не только против людей старого порядка, но и против умеренной буржуазии.

1. Мемуары мадам Ролан были опубликованы в 1820 г. Бервилем и Барьером (Paris, 2 vol.). Един-

ственное подлинно критическое издание их вышло под редакцией К. Перру (Paris, 1905, 2 vol.).

Он будет энергично добиваться упразднения ужасных лионских городских ввозных пошлин, которые таким тяжким бременем ложились на потребление рабочих. Но промышленный и буржуазный класс накануне Революции до такой степени проникнут сознанием величия своей роли, что без колебаний и смущений подчиняется все законам производства и обмена, как он их понимает. Добавлю мимоходом и прежде чем перейти к существу этого весьма серьезного предмета, что накануне 1789 г. рабочий класс, по-видимому, еще совсем не обладал классовым сознанием, если демократ, стоявший во главе революционного движения в Лионе, мог, не вызывая скандала и не стесняясь, выступить с такой brutalной теорией: платить возможно меньше и заставить повиноваться возможно больше.

ЛИОН

Однако в Лионе, по-видимому, с самого начала Революции зарождается социальный конфликт между фабрикантами и рабочими. Производство достигает огромных размеров. Книга г-на Мориса Валя о первых годах Революции в Лионе дает по этому вопросу основные цифровые данные¹. «В 1685 г., в царствование Людовика XIV, работало 18 тыс. ткацких станков. Отмена Нантского эдикта* вызвала там, как и в других местах, глубокое смятение. Но в XVIII в. лионская мануфактура оправилась благодаря остроумным изобретениям и улучшениям, которые привели к обновлению оборудования и усовершенствованию процесса производства, а также благодаря росту спроса на предметы роскоши и распространению французской моды, что способствовало расширению ее клиентуры во всех странах Европы. Оттавио Мэ изобрел лощение шелков, Вокансон улучшил ткацкие машины, Филипп де Ла Саль ввел в производство узорчатых тканей рисунок цветов и плодов. В 1788 г., накануне Революции, лионская промышленность производила шелковые бархаты, узорчатые ткани, газы, крепы и другие материи. Она насчитывала 14 177 станков, и в ней было занято 58 тыс. рабочих, рабочих, подручных и учеников, что составляло три седьмых всего населения.

Одним только производством газов и крепов было занято 2700 станков, на каждом из которых работало два человека, и десять крупных предприятий, причем оборот каждого из них составлял от 600 тыс. до 800 тыс. франков. Лион регулярно поглощал 8—9 тыс. кип шелка из числа тех 10—12 тыс. кип, которые производились во Франции или импортировались из Леванта, Италии и стран Дальнего Востока. Половина производимых в Лионе шелковых изделий сбывалась в Париже, остальное делилось примерно поровну между провинцией и внешними рынками. Наряду с производством шелковых тканей в собственном смысле

этого слова 25—30 предприятий (2700 станков), общий оборот коих достигал 20 млн. франков, производили позументные изделия, галуны, испанское кружево, золотое кружево, ленты. 20 предприятий, оборот которых достигал 10 млн., специализировались на производстве золотой нити; на одной только вышивке было занято 6 тыс. человек. Наряду с производством предметов роскоши в XVIII в. происходит рост и других отраслей промышленности. Со времени войны за независимость [в Северной Америке] и заключения торгового договора с Соединенными Штатами Америки шпильная промышленность получает клиентов и в Америке, число занятых в ней городских рабочих и рабочих достигает 8 тыс., не считая пригородных мастерских в Морнате, Сен-Сенфорье, Сент-Андеоле. Существовало не меньше 50 кожевенных предприятий, оборот которых достигал 8—10 млн. в год. Типографское дело и книготорговля Лиона, слава которых восходит ко временам Возрождения, имели с заграницей обороты на сумму 2 млн.».

Лион не только промышленный город, это также транзитный пункт с обширными складами, и все торговые сделки связаны с широкими банковскими операциями. Крупные купцы, снабженные переводными векселями банкирских домов, обеспечивают урегулирование расчетов между лионским районом и остальным миром. Таким образом, выросли мощные состояния, причем некоторые выросли в течение одного поколения. Первый из семейства Толозанов (Tolozan), Антуан, был крестьянином из провинции Дофинс, он прибыл в Лион, имея в кармане 24 су. Перед тем, как умереть, он построил два великолепных особняка.

Очень богатыми были семейства Реми, Фенгерлен, Фюльширон, Вобере. Рокафор. Дегре, Пассаван, Лажье, Мюге, Ван Ризамбюр.

Когда Национальное собрание в 1789 г. установило патристический взнос в размере четвертой части чистого дохода, Луи Толозан де Монфор внес 20 тыс. ливров, Антуан Реми — 15 тыс., три члена семейства Фенгерлен — 30 тыс., Этьенн Делессер — 36 тыс., Поль Бенжамен Делессер — 16 тыс. ливров.

Как видно из письма предпринимателей-купцов генеральному директору финансов и из докладной записки об избирательных операциях, все 400 предпринимателей-купцов располагали в общем движимым и недвижимым имуществом на сумму более 60 млн. Город, обладавший столь мощной промышленностью и торговлей, должен был, вполне естественно, отвергать устаревшие привилегии

1. M. W a h l. Les premières Années de la Révolution à Lyon. 1788—1792. Paris. 1894. См. также: S. Ch a r l é t y. Histoire de Lyon... Lyon, 1903; E. H e r r i o t. Lyon n'est plus. Paris, 1937—1940, 4 vol.

* Нантский эдикт 1598 г., устанавливавший определенные формы компромисса между гугенотами и правительственной (католической) властью, был отменен в 1685 г.— *Прим. ред.*

и налоги старого порядка. Можно ли было мириться с привилегиями дворянства в этом деятельном и гордом городе, создававшем столько богатства и управлявшем столь многочисленными интересами? Можно ли было терпеливо сносить, чтобы монархия, не спрашивая согласия нации и заинтересованных лиц, произвольно взимала с города Лиона тяжелые налоги, для того чтобы обеспечить великолепные пенсии куртизанкам вроде Вильруа? Можно ли было мириться с тем, что этот производительный, промышленный класс был совершенно отстранен от всякого участия в управлении государственными делами? Вполне понятно, что Лион благодаря исключительному могуществу своей буржуазии был настроен революционно, и фабричные рабочие так же, как и буржуазия, желали свержения бесполезной аристократии и установления более разумной и более человечной налоговой системы вместо обременительных ввозных пошлин, сумма которых достигала 2500 тыс. ливров и которые были причиной дороговизны вина, мяса, даже хлеба, повышавшей стоимость жизни рабочего люда и причинявшей вред как владельцам мануфактур, так и рабочим. Вот почему Лион включится в революционное движение с какой-то особенной, глубокой и пламенной страстью.

Однако, именно в силу своего чрезвычайно высокого промышленного развития и в силу сложной структуры своей промышленности, положение в Лионе оказывается беспокойным и неустойчивым, и невозможно будет понять той странной, загадочной роли, которую играл этот город во время Революции, без углубленного изучения его экономического положения. Во-первых, в Лионе больше, чем в каком-либо другом городе, на мой взгляд, наблюдается взаимное проликиновение старого порядка и нового, буржуазного строя. Люди, принадлежавшие к высшим слоям буржуазии, выполняя какие-либо функции в муниципалитетах, достигнув постов муниципальных советников (эшевенов) или членов магистрата, возводились в дворянство: они образовали некий буржуазный патрициат, получивший доступ к привилегиям дворянства. Со своей стороны дворянство, которое, таким образом, само отчасти вышло из среды крупной торговой и промышленной буржуазии и потому не могло остаться равнодушным к соблазнам и обаянию необыкновенно бурного промышленного роста, это дворянство обладало умом, достаточно смелым и восприимчивым к новым идеям. Надо очень тщательно изучать указы дворянства Лионского сенешальства и указы третьего сословия, чтобы обнаружить какое-либо различие между ними¹. Дворянское сословие не только требует периодического созыва Генеральных штатов с тем, чтобы только их постановления имели силу закона. Оно не только требует полной личной свободы, неограниченной свободы печати во всех вопросах, имеющих отношение к управлению, политике, наукам и искусствам, равенства всех граждан в налоговом отношении, упразднения личной зависимо-

сти и всех «личных» феодальных повинностей, а также разработки системы выкупа для всех сеньориальных прав. Оно не только требует глубокой, в гуманном духе реформы уголовной юстиции и выражает пожелание, «чтобы следствие не доверялось впредь единолично судье, чтобы у обвиняемых были защитники при очных ставках и последующих следственных актах, чтобы смертные приговоры или приговоры к телесным наказаниям принимались только большинством в три четверти голосов; чтобы скамья подсудимых, всякие пытки были отменены и чтобы отсечение головы применялось ко всем осужденным к смертной казни, к какому бы сословию они ни принадлежали». Но помимо всего этого, дворянство выдвигает весьма содержательную и четкую экономическую программу, свидетельствующую о том, что дворянство лионской округи было хорошо осведомлено в вопросах промышленности и торговли и обладало большой свободой мысли.

«Касательно торговли наши депутаты в Генеральных штатах будут иметь заботу обо всем, что способно обеспечить торговле Франции равенство, свободу, льготы, безопасность, достоинство.

Они потребуют, следовательно, в том, что касается равенства, углубленного изучения торговых договоров с иностранными государствами и полного выполнения Пиренейского договора, заключенного между Францией и Испанией; в том, что касается свободы, они потребуют рассмотрения исключительной привилегии Ост-Индской компании. Надлежит установить, что привилегия будет предоставляться не иначе, как за подлинные изобретения, которые будут признаны таковыми администрацией провинций, притом только на срок не более десяти лет... они потребуют упразднения цеховых советов, за исключением тех, которые затрагивают интересы общественной безопасности, как, например, гильдии аптекарей, слесарей, золотых и серебряных дел мастеров... Что касается льгот, то они будут ходатайствовать о выработке общего и четкого тарифа, содержащего перечисление всех ввозных и вывозных пошлин королевства. Они потребуют безотлагательного учреждения почтовой связи для доставки писем повсюду, где этого потребуют торговые палаты, в частности из Лиона в Бордо. Что касается безопасности, то надлежит постановить, что впредь никакой приказ министра не сможет отменять, изменять или приостанавливать выполнение действующих законов о торговле; что администрациям провинций и торговым палатам и компаниям будет дозволено излагать свои жалобы письменно и посылать депутации, коль они сочтут интересы торговли нарушенными.

1. Наказы дворянства и третьего сословия главного сенешальства Лиона были опубликованы де Ла Роком: *De La Roche. Recueil des cahiers de 1789*. Paris, 1867.

См. также: *Archives parlementaires*, t. III, p. 602, 608. Наказы дворянства цитируются и в указанной в предыдущем примечании работе М. Валя.

Они потребуют, чтобы Торговый кодекс был рассмотрен, исправлен и принят комиссией, состоящей из юрисконсультов и негоциантов, и чтобы среди главных положений этого кодекса были специальные, направленные против всяких постановлений об отсрочках, каковые могут быть предоставлены только по ходатайству трех четвертей всех кредиторов, исходя из общей суммы долгов, а также против банкротов, которые всегда будут судимы коммерческими судами по представлению королевских прокуроров и в случаях мошенничества будут сурово караться в пользу казны; и, наконец, чтобы были положения, направленные против всякого, кто примет наследство банкрота, объявляющие получающего дар или наследника лишенным доступа к любым государственным должностям и постам, если он не уступит наследство кредиторам банкрота.

Что касается достоинства торговли, то они позаботятся о том, дабы были использованы все возможные средства для уничтожения бесплодных и отвратительных спекуляций на бирже.

И столь четкие соображения дворяне Лионского сенешальства высказывают не только в отношении торговли Франции в целом. Они входят во все детали лионских интересов столь же дотошно, как это могла бы сделать торговая палата. Они требуют, чтобы часть долгов города Лиона, сделанных для нужд короля, была объявлена государственным долгом и чтобы размеры городских ввозных пошлин могли благодаря этому быть сокращены. «Касательно интересов города Лиона, мы желаем:

1. Чтобы был установлен своего рода режим порто-франко, куда негоцианты смогут направлять всякого рода товары, вывозимые с островов Леванта, оставлять их на хранение на предназначенных для этого общественных складах, где эти товары смогут оставаться в течение года, и как до, так и после истечения этого срока их владелец сможет свободно вывезти их из королевства без уплаты пошлин или пустить их в обращение внутри королевства после уплаты ввозных пошлин. Мы полагаем, что такое установление открыло бы для города Лиона возможность весьма обширной торговли за счет одних только Пруссии и Голландии, торговли, которая облегчила бы снабжение в изобилии сырьем наших хлопчатобумажных прядилен в деревне и даже сахарных рафинадных заводов. С другой стороны, такой порто-франко мог бы создать полезный и надежный рынок для морских портов и вместе с тем создал бы благоприятные условия для снабжения королевства товарами.

2. Для торговли в целом мы полагаем полезным сохранить в городе Лионе только таможенный контроль для товаров, поступающих из-за границы, и подачу ходатайств о разрешении вывоза для товаров, отправляемых городом Лионом за границу.

Мы поручаем также нашим депутатам потребовать, чтобы исключительные привилегии на право добычи каменного угля,

столь необходимого для мануфактур и для потребления города Лиона, были отменены и чтобы право добычи было возвращено владельцам земли, каковые будут обязаны продолжать эту добычу в соответствии с техническими правилами и под наблюдением горных инженеров, подчиненных администрации провинции.

Мы желаем, чтобы в окрестностях Лиона были построены за счет провинции мануфактуры для первичной обработки шелка, подобно существующим на Соне и в Обнасе; чтобы в Лионе была учреждена кафедра химии, главной задачей которой будет усовершенствование техники красильного дела»*.

Повторяю: эта столь обширная и столь детальная программа была выработана и подписана дворянами — «владельцами фьефов» Лионского сенешальства. Среди них были и крупные буржуа, получившие дворянство, поскольку они занимали высокие муниципальные должности; и в списке «господ уполномоченных дворянства», подписавших наказ этого сословия, фигурируют рядом дворяне и возведенные в дворянство буржуа: «маркиз Мон-д'Ор, де Буасси, Шира, Лакруа де Лаваль, Бэф де Кюрис, Журдан, де Жюссье де Монлюэль, Эмбер-Коломе, Палерм де Сави, Лора, Рамбо, Нолак, маркиз де Реньо де ла Турет и Дешан». В частности, Эмбер-Коломе принадлежал к буржуазной аристократии Лиона. Это крупный негоциант, исполненный честолюбия и духа интриги, занимавший ко времени начала Революции должность первого эшевена города. Эти крупные буржуа, несомненно, помогли дворянству, в среду которого они влились, обрести понимание крупных торговых интересов. Все же любопытно видеть, как все эти графы, бароны и маркизы из Лионнэ с такой непосредственностью присоединяются к столь четким экономическим требованиям и столь глубоко вникают в промышленные и торговые интересы Лиона. Особенно поражает то, как даже в самих наказах дворянства они прилагают усилия к тому, чтобы организовать особое представительство интересов торговли. Нигде более в обширном собрании наказов Генеральным штатам нельзя усмотреть столь решительное участие дворянства в экономической жизни.

Правда, в Марселе дворяне посвящают коммерческим интересам города целый длинный параграф своего наказа. Но если сопоставить эти очень общие и неопределенные рекомендации с точными и солидными требованиями лионских дворян, то видно, что дворянство Прованса отнюдь не было связано с экономической жизнью своего города так, как лионское дворянство.

В других местах этот контраст еще более заметен. В Бордо, например, в то время как третье сословие с поразительной конкретностью и заботливостью вникает в детали всякого рода вопро-

* См. подробнее о развитии экономики Лиона старую работу: Ф. В. Потемкин. Лионские вос-

стания 1831 и 1834 гг. М., 1934. — *Прим. ред.*

сов: торговли, работы порта, таможни, судоходства, колоний, торгового кодекса, могущих затрагивать интересы Бордо, дворянство Гиени отводит экономическим интересам всего лишь один параграф в несколько строк, совершенно неопределенный и бессодержательный. В Бретани дело обстоит еще хуже, там разрыв полный. Духовенство и дворянство отказались от участия в выборах депутатов Генеральных штатов и предоставили третьему сословию Лориана, Нанта и других бретонских городов заботу о выработке экономических требований области. Если бы там так же, как в Лионе, был контакт и взаимное проникновение между старой аристократией и крупной торговой буржуазией, такой разрыв, вероятно, был бы невозможен. А в Лионе казалось, что третье сословие стремится к окончательному и узаконенному слиянию деятельности дворянства с его собственной деятельностью. Третье сословие требует, чтобы дворянство могло заниматься торговлей и чтобы это не рассматривалось как нарушение традиций. Весьма вероятно, что дворянство уже участвовало, путем разнообразных комбинаций, в экономической жизни области. Но третье сословие зовет его к гласному и официально объявленному сотрудничеству.

Таким образом, крайняя интенсивность промышленной и торговой жизни Лиона как бы порождает даже между антагонистическими сословиями какую-то особую солидарность. В Лионе возникает своего рода экономический патриотизм, сильный партикуляризм, который сближает в рамках города несколько приобщившиеся к новому духу силы старого порядка с аристократическими элементами нового, буржуазного строя. Следствием этого является с самого начала активное движение дворянства, которое как бы вовлечено в огромный водоворот лионских интересов, в широкую и блестящую деятельность класса крупной буржуазии. Но другим следствием этого, когда затянувшиеся битвы и бури Революции поставят под угрозу промышленное главенство Лиона, явится возможность широкой консервативной реакции, полумонархической и полубуржуазной контрреволюции, которая противопоставит Конвенту сплочение всех высших социальных сил и исполненный гордости город.

Но именно эта интенсивность, этот накал промышленной и торговой жизни, сближившие и почти сплавившие воедино элементы дворянские с элементами крупной буржуазии, способствовали, наоборот, разобщению крупных фабрикантов и рабочих. В 1789 г. Лион был, я полагаю, самым современным среди городов Франции, в наибольшей степени буржуазным. Черты феодального строя там почти совсем стерлись: было очевидно, что основой жизни города является исключительно промышленная и торговая деятельность. Париж не имел такого сильного и четко выраженного характера. Соседство королевского двора и его частые посещения, почти безграничное разнообразие социальных условий, огромное

движение людей и вещей — все это создавало великое смешение, не позволявшее производительной силе буржуазного и рабочего Парижа выявляться столь четко и резко, как в Лионе. В Лионе связь всякого богатства с промышленным трудом или торговлей очевидна, она непосредственна. Роскошный особняк — это как бы цветение сумрачной фабрики, светлая сторона упорного мрачного труда. Кроме того, поскольку вся жизнь Лиона построена на промышленности, на определенных отраслях промышленности, малейшие колебания экономики, перемены моды, сокращение того или иного рынка сбыта, колебания цен на сырье или цен готовых изделий — все отдается прямым, а иногда и резким ударом в самых глубинах, в сердце города. Следствием этого являются постоянные трения между различными интересами. Лионские рабочие не могут, в отличие от парижских, найти в случае кризиса выход из положения благодаря разнообразию практикуемых там ремесел. В Лионе жизнь людей, все их интересы связаны с одной или двумя крупными отраслями промышленности.

ЛИОНСКИЕ РАБОЧИЕ

Это положение вызывает глухое беспокойство, столкновения, конфликты. В своих «Картинах Парижа» Мерсье говорит, что Парижу неведомы рабочие забастовки и бунты, и он это объясняет мягкостью хозяев; в течение всего XVIII в. в Париже нельзя отметить восстаний, похожих на те, которые имели место в Туре, Роанне и Лионе. Объяснение поверхностное. Лионские хозяева не были, естественно, более жестокими, чем парижские. Но, тогда как в Париже страсти, силы, конфликты рассеивались на почти безграничном поле действия, в Лионе интересы встречались и сталкивались на ограниченном пространстве.

Столкновения в каждой из двух или трех отраслей лионской промышленности были часто жестокими. Еще в начале XVI в. в Лионе вспыхнула широкая стачка подмастерьев-печатников, по своему размаху сравнимая с самыми мощными забастовками нашего столетия. Озе в своей книге «Рабочие минувших времен» нарисовал драматическую картину этой забастовки¹. 1 мая 1539 г. подмастерья-печатники, как гласит осудивший их королевский указ, «все разом покинули свою работу». Они жалуются на скудость их заработной платы и особенно на плохое качество хозяйских харчей. Они жалуются также на то, что им навязывают новые правила строгой, механической дисциплины, что двери мастерской не всегда открыты и они не имеют возможности приходить на

1. H. H a u s e r. Ouvriers du temps passé. Paris, 1899.

работу, когда им угодно, по обычаю прошлого. Объявив *трик*¹, то есть стачку, печатники организовались по-военному, в роты по мастерским, чтобы устрашить хозяев и помешать частичному возобновлению работы. Со своей стороны хозяева, защищаясь, утверждают (как и в наше время), что только необузданное меньшинство хочет забастовки и организует ее, остальные «хотели бы выполнять свои обязанности и трудиться», но они не смеют, опасаясь бойкота со стороны братства (тогдашний профессиональный союз подмастерьев). Борьба продолжалась три месяца и была прекращена, по крайней мере на время, постановлением сенешаля, отвергшим почти все требования рабочих.

Это постановление лишает типографских рабочих права коалиций. Оно гласит, что «подмастерья не должны покидать свою работу, индивидуально или коллективно, под страхом уплаты хозяину стоимости печатной формы, которую они загубили, и стоимости потерянных рабочих дней». Но побежденные рабочие опять организуются для сопротивления. Они опять собираются для совместных обсуждений, и хозяева-типографы вынуждены для их укрощения непрестанно обращаться за поддержкой к муниципальным властям, к консульской олигархии, выступающей неизменно в пользу капитала; они вынуждены ходатайствовать об издании королевских эдиктов. Эдикт от 28 декабря 1541 г. опять возлагает вину на рабочих. Он вменяет им в вину, «что они соединились вместе, чтобы вынудить хозяев-типографов давать им более высокую плату и пищу, более обильную, чем они когда-либо получали по старому обычаю».

Эдикт подтверждает почти неограниченное право увольнения рабочих. Продолжительность рабочего дня устанавливается им от 5 часов утра до 6 часов вечера. В действительности хозяева-типографы, облеченные абсолютной властью, увеличивали продолжительность рабочего дня далеко за тринадцать часов — до шестнадцати часов работы. Напрасно рабочие апеллируют к самому королю, протестуя против эдикта и принятых мер. Парижский парламент, беря в свои руки дело защиты буржуазии, в свою очередь выступает в пользу хозяев-типографов, и королевский эдикт от 1544 г. еще более ухудшает положение рабочих. Однако последние с необыкновенным упорством сопротивляются, они собираются, проводят собрания, спланивают и пытаются помешать регистрации эдикта.

Их коллективное прошение пронизано духом протеста и горем. Оно, правда, содержит и «реакционные» требования, так как они просят узкого ограничения числа учеников и настаивают на том, чтобы рабочие продолжали кормиться за счет хозяина и у него, а не вне его дома. Такие требования шли вразрез с интересами развития промышленности и дела освобождения самих рабочих.

Но зато какая сила, какой бурный порыв, сколько искренности в этой жалобе подмастерьев на режим необузданной эксплуатации

и плохо оплачиваемого труда, которому они подчинены! Это один из первых протестов, в которых начинает ощущаться классовый дух. «Если когда-либо, — говорят они, — в каком-либо деле или ремесле замечалось стремление хозяев и старших всеми средствами подчинить, покорить подмастерьев и слуг своей профессии, обращаться с ними крайне жестоко, как с рабами, то это испокон веков и поныне практикуется в типографском деле. Книготорговцы и издатели (и, в частности, в городе Лионе) всегда изыскивали всевозможные окольные пути и пускали в ход все средства, чтобы подавлять и подло поработать подмастерьев».

А между тем эти самые рабочие создали для своих хозяев «и создают для них повседневно огромные, сопряженные с почетом богатства *ценой своего пота и чудесного мастерства, и даже чаще ценой своей крови*». «Ибо подмастерьев, если им и удастся снести крайние тяготы своего столь тяжкого ремесла, ожидает в старости, когда они обременены женами и детьми, лишь одна награда — нищета, подагра и другие недуги, следствие неимоверных трудов, в которых они вынуждены были пребывать... Всюду во Франции и в других странах каждый мог видеть многих книготорговцев и хозяев-типографов, достигших великого богатства и власти. И в то же время слишком часто можно видеть бедного типографского подмастерья, доведенного после долгого рабства до бедственной и постыдной нужды, и это после того, как он отдал всю свою жизнь, молодость и мастерство этому ремеслу. Подмастерьям суждена лишь жизнь, полная лишений, точно в неведомой конце лихорадке, а книготорговцы, пребывая в сладостном покое душой и телом, часто к концу каждого года увеличивают свой капитал вдвое и втрое. Парижские подмастерья с основанием жалуются на то, что с них требуют выдавать в день 2630 листов. Тем больше оснований жаловаться и отчаиваться у лионских подмастерьев, ибо их вынуждают выдавать каждый день 3350 листов, что переходит границы возможного. Лионские типографы, таким образом, вынуждены оставаться на ногах с 2 часов пополудни до 8—9 часов вечера как зимою, так и летом». При своем еще смутном сознании, уступая то мятежному духу, то смирению, «бедные подмастерья» отказываются от права стачки; они лишь требуют, чтобы и хозяева были лишены права коалиций. «Свято запрещено образовывать монополии; но это должно относиться не только к подмастерьям, но также и к книготорговцам и хозяевам, которые всегда умышляют, как монополисты, разорить упомянутых подмастерьев». Наконец, они требуют, чтобы хозяева были обезоружены так же, как и подмастерья, чтобы впредь зара-

1. Согласно словарю Литтре (Littré) «le tric» (трик) — сигнал, который давали рабочие-печатники, чтобы призвать к массовому ухо-

ду с работы. Трик был еще запрещен регламентом 1618 г. (статья 34).

ботная плата не устанавливалась «по произволу книготорговцев и хозяев-типографов, кои выступали бы судьями в собственном деле», а арбитражной комиссией, куда входили бы «поровну и на равных правах хозяева и старейшие подмастерья, знающие и разбирающиеся в ремесле, и куда были бы включены несколько нотаблей — буржуа или торговцев, выбранных обеими сторонами».

И, являя доказательство пробуждения у них чувства собственного достоинства, лионские рабочие в заключение своей жалобы требуют, «чтобы проступки карались штрафом, а не постыдным телесным наказанием; ибо это было бы поруганием естественной свободы человека...». И пусть они «как свободные люди добровольно занимаются таким превосходным и благородным ремеслом, столь важным для науки и литературы, а не как рабы или каторжники».

Я счел нужным процитировать этот своего рода манифест лионских рабочих, хотя он восходит к XVI в. и намного предшествует Революции. Ибо если уже в ту эпоху, когда капитализм еще делал первые шаги, труженики Лиона так громко протестовали, то несомненно, что этот дух протеста продолжал жить тайно и глубоко в душе лионского пролетариата. Трудно было бы понять сложную и скрыто пылающую душу этого великого города накануне Революции, если не помнить, что уже более двух столетий рабочие этого города в своей замкнутой и скорбной жизни как бы несли мятежное начало. В самом деле, XVIII в. также был свидетелем взрыва великих стачек, на сей раз ткачей и рабочих шелковых мануфактур. Вернее, конфликт между крупной буржуазией «grande fabrique» * и хозяевами-рабочими ** длится почти постоянно, то глухо, то принимая острую форму.

Те 6 тыс. хозяев-рабочих, которые вместе со своими женами, подмастерьями и учениками работают на дому по отделке тканей для 400 купцов «grande fabrique», находятся в состоянии борьбы с последними. «Они требуют беспристрастного профессионального правосудия, установления срока, достаточного для представления их жалоб, равного с купцами представительства в фабричном бюро, права выбирать своих цеховых представителей. Долгое время они боролись за сохранение старой организации, позволявшей им непосредственно продавать вырабатываемые ими ткани, но с тех пор, как исчез вследствие запрещений класс ремесленников-торговцев, спор идет только о тарифах» (см. Мориса Валя).

Рабочие утверждают, что дороговизна жизни все возрастает, и они требуют повышения заработной платы и расценок. Они отмечают, что закон предложения и спроса, который в то время был единственным фактором, определявшим размеры заработной платы, ведет к уничтожению слабых. В «Мемуаре избирателей-производителей шелковых тканей»¹ они с полной откровенностью заявляют: «Между людьми, равными по достатку и власти, которые в силу этого не могут оказаться в зависимости одни от других,

свобода может быть только полезной; но что касается рабочих шелковой промышленности, лишенных всех средств, чье повседневное существование целиком зависит от их ежедневной работы, то такая свобода выдает их полностью на произвол фабриканта, который без вреда для себя может приостановить свое производство и этим путем низвести рабочего до удобного ему, фабриканту, уровня заработной платы, отлично зная, что рабочий в силу высшего закона нужды будет вскоре принужден принять ту заработную плату, которую он захочет ему навязать».

Хозяева-рабочие и работницы не раз пытались путем обширных коалиций сокрушить эту безграничную власть крупных купцов. Несмотря на резкое вмешательство консульской *** и буржуазной олигархии, запрещавшей ассоциации подмастерьев «Сан-Жен», «Бонз-Анфан», «Деворан» **** и воспрепятствовавшей все собрания рабочих, в 1774 г. большое движение охватило всю Лионнэ и Форез. Д'Аржансон отмечает в своих «Мемуарах», что в этом году 40 тыс. рабочих прекратили работу на мануфактурах Сент-Этьенна².

Такое же восстание происходит и в Лионе; доведенные до отчаяния, под угрозой жестоких и кровавых репрессий, рабочие пытались бежать в Швейцарию или в Италию, но были окружены военными кордонами: попытка рабочей эмиграции была пресечена силой, и бедные рабочие были возвращены солдатами на мануфактуру или к станку, подобно беглым каторжникам. Торговая аристократия защищает свои интересы не только с помощью грубой силы и деспотических регламентов, санкционированных королевской властью, она лишает хозяев-рабочих даже их ничтожных прав. Им запрещают работать на кого бы то ни было другого, кроме купцов-предпринимателей, их почти исключают из фабричных

* В XVII—XVIII вв. шелкоткацкое производство представляло собой разновидность капиталистической мануфактуры. Никаких фабрик тогда в Лионе не было, и слово «fabrique» обозначало местную мануфактуру в целом, то есть лионскую шелковую промышленность, во главе которой стояли купцы-мануфактуристы. Это были владельцы раздаточных контор, передававшие купленную ими шелковую пряжу ткачам, работавшим в собственных мастерских и на своих станках. См. по этому вопросу: Ф. В. Потемкин и. Промышленная революция во Франции. Т. I, М., 1971, стр. 94 и сл. — Прим. ред.

** Под «хозяином-рабочим» Жорес подразумевает ткача, работавше-

го в собственной мастерской и на своем станке и являвшегося одновременно рабочим так называемой рассеянной мануфактуры. — Прим. ред.

1. «Mémoire des électeurs fabricants d'étoffes de soie et tarif dressé en exécution de l'arrêt du 8 août 1789». Lyon, 1790, in-8°, 25 p.

*** Консулами в средние века называли, особенно на юге Франции, муниципальных должностных лиц. — Прим. ред.

**** Название компаньонов подмастерьев. — Прим. ред.

2. Д'Аржансон (1694—1757) — статс-секретарь по иностранным делам с 1744 по 1747 г., оставил «Journal et Mémoires», изданный в 1859—1865 гг.

бюро, бывших чем-то вроде совета прюдомов (примирительной комиссии), разбиравшего профессиональные конфликты.

До стачки хозяева-рабочие имели в этом бюро, состоявшем из восьми человек, четырех делегатов. После стачки у них осталось только два делегата. Они были выданы беззащитными на произвол «grande fabrique». Этот своего рода капиталистический государственный переворот, совершенный при соучастии королевской власти, довел рабочих Лиона до крайнего возбуждения. Они встали против консулата [муниципалитета] и овладели городом. В течение ряда дней они были его хозяевами и, обходя один за другим дома предпринимателей, заставили купцов подписаться под новым регламентом и дать денег для больных рабочих.

Странная картина диктатуры рабочих, внезапно возникшей в условиях старого порядка, в условиях полного порабощения, как будто для того, чтобы возвестить великие грядущие социальные драмы, которые последуют за самой Революцией! Эта диктатура, подобно фантастической молнии с грозových высот Круа-Русс¹, осветит далеко впереди, за пределами буржуазной Революции, то суровое и обширное поле битвы, где встанут для новой революции угрюмые массы труда! Но эта мимолетная, словно украдкой сверкнувшая молния тут же и погасла! Мерцающая вспышка гнева и мечты, которая не могла еще послужить путеводной звездой для нарождающегося пролетариата, затерявшегося во мраке ночи! Сознание рабочего не было еще самостоятельным очагом мысли и жизни: из него вырывались только искры страсти, мгновение они кружились в вихре бури над городом, а затем печально падали, подобно пеплу, смешиваясь с бесплодной придорожной пылью.

Королевские солдаты быстро справились с мятежом. Введенные диктатурой рабочих регламенты были уничтожены, двое рабочих были повешены, остальные подверглись тяжелым штрафам. И в домах на высоких склонах Круа-Русс, где клубились туманы, поднимавшиеся с Роны, опять зажглись жалкие лампочки ткачей, мерца в печальной ночи тусклыми огоньками. В 1786 г. борьба возобновилась. Это был мятеж «двух су». Рабочие потребовали повышения расценок поштучной оплаты, прибавку 2 су с локтя гладкой ткани и 3 или 4 су с локтя других тканей.

Они составили хорошо обоснованный мемуар: «Составленное в 1786 г. описание продукта производства рабочих рук ткачей — хозяев мастерских, занятых изготовлением шелковых тканей, для сопоставления с описанием ежедневных расходов, образующих их годовое бремя»². В этом мемуаре они доказывали, «что рабочий шелкового производства не мог жить на заработок от каторжного труда, продолжавшегося 18 часов в сутки...». И они добавляли следующие сильные слова, исполненные необычайной горечи и свидетельствовавшие уже о глубоких раздумьях по поводу положения работника, превращенного в придаток машины: «Когда бы рабочих шелкового производства рассматривали лишь

как необходимые для изготовления тканей механические орудия или же, отвлекаясь от их человеческого достоинства, которое должно бы возбуждать участие к их судьбе, были бы настолько бесчеловечными, что не желали бы обращаться с ними иначе, как с домашними животными, которых содержат только ради выгоды, приносимой ими, то и тогда должно было бы предоставить им пропитание, кое вынуждены давать животным, дабы не подвергать себя опасности лишиться в скором времени плодов их труда». В этом хватающем за душу обращении лионские труженики ссылаются *в свою защиту* на то, что позже получит название железного закона*. Их судьба была сделана из металла еще более жесткого. Забастовали почти все рабочие, занятые производством шелка, и вскоре, охватив рабочих и других производств, забастовка стала всеобщей. Шляпники требовали, ссылаясь на рост квартирной платы и цен на продовольствие, повышения почасной платы с 32 до 40 су за 12 часов работы.

Точно так же каменщики — подмастерья и рабочие, с которыми подрядчики рассчитывались нерегулярно, раз в три или четыре месяца, не снисходя до представления им расчета их оплаты, потребовали регулярной и более частой выплаты им заработной платы. Так, 17 августа 1786 г. на рассвете, выдвинув лозунг, объединивший все движение, ткачи, занятые в шелкоткацком производстве, шляпники, каменщики, чернорабочие покинули все поголовно мастерские, мануфактуры, строительные площадки. Они не повторили смелого маневра 1744 г. — они не овладели городом. Наоборот, подражая плебеям Древнего Рима, они ушли в Шарпанны и дали знать, что вернутся в Лион только тогда, когда получат удовлетворение.

Консулат, испугавшись, согласился на увеличение заработной платы, но издал приказ о возобновлении работы и запретил всякие сборища более четырех человек. Войска стреляли в народ: несколько рабочих было убито. Двое рабочих, шляпники Нерен и Саваж, и один рабочий-итальянец Дьябано, обвиненные в том, что захотели перейти по мосту Моран, не уплатив мостовой пошлины, — тот самый мост Моран, который буржуа в дни репрессий при Луи Филиппе зальют кровью,** — были повешены.

1. «Упоминание Круа-Русс представляет собой отчасти анахронизм, так как на этой возвышенности в Лионе было в то время еще мало домов ткачей» (примечание Жореса к Списку опечаток, с. 757 первого французского издания).

2. Цитируется у: M. Wahl. Les premières années de la Révolution à Lyon...». См. также: AN, B III 76, p. 596.

* Жорес имеет в виду так называемый «железный закон заработной платы» — ошибочную теорию Рикардо Мальтуса, популяризованную Ф. Лассалем. Ее несостоятельность была доказана К. Марксом. — *Прим. ред.*

** Жорес имеет в виду жестокое подавление буржуазной монархией Луи Филиппа (1830—1848) восстаний лионских ткачей в 1831 и 1834 гг. — *Прим. ред.*

Батальон морской пехоты и артиллерийский батальон, в котором Бонапарт служил лейтенантом, овладели Лионом и раздавили восстание рабочих.

Беглых рабочих солдаты насильно вернули в мастерские. Обещанное консулатом повышение заработной платы было аннулировано. Рабочий-хозяин Дени Муне был арестован, как зачинщик и организатор движения. Его обвинили в составлении обращений и манифестов и агитации в пользу стачки. Его обвинили в том, что он написал: «если представительным путем нельзя достигнуть тарифа, то надлежит, с твердым духом и действуя в искреннем согласии, каждому в свой черед добиться повышения почасной оплаты». Его продержали в заключении несколько месяцев, и спасло его изданное в сентябре постановление об амнистии.

Не думаю, чтобы в каком-либо другом городе Франции можно было наблюдать в XVIII в. столь бурные социальные волнения. Очевидно, этим первым рабочим движениям необходимо было такое крупное сосредоточие тружеников, как в Лионе. Строго говоря, это движение не было чисто пролетарским. Восставших можно назвать маленькими фабрикантами, которые, правда, работали на «grande fabrique» и подвергались с ее стороны жесточайшей эксплуатации, но они имели свой собственный станок и еще подмастерьев и учеников в своем подчинении. Как это ни странно, но будет совершенно точно, если мы назовем их «пролетарии-фабриканты» *. И особенно боевой характер лионских тружеников, несомненно, объясняется тем, что, будучи пролетариями по нищете, зависимости и необеспеченности жизни, они в то же время гордились тем, что они тоже «хозяева». У них был свой небольшой набор орудий производства. Они работали на дому, но легко поддерживали связь со всеми другими хозяевами-рабочими. Таким образом, они как бы сочетали в себе страстную привязанность к индивидуальному труду и силу большого объединения людей.

Вот почему класс лионских хозяев-рабочих по своему духу сопротивления и организованности и даже по четкости некоторых социальных требований идет впереди рабочего класса XVIII в., и было бы ошибкой полагать, что в революционную эпоху над буржуазией повсюду тяготело бремя рабочего вопроса, как это было в Лионе. Впрочем, даже в Лионе эти хозяева-рабочие, так часто восстающие против «grande fabrique», чувствуют себя, однако, в какой-то мере солидарными с ней. Они хотели бы вырвать у нее некоторые уступки, но они не хотели бы нанести ущерб тому ореолу индустриального могущества, который в известной мере приносил выгоду и им самим.

В их сознании еще не сложился новый тип организации общества, который позволил бы им согласовать свои собственные интересы с развитием крупной промышленности. Они даже, вероятно, были бы оскорблены и испуганы, если бы революционное движе-

ние охватило и подмастерьев и учеников, находящихся в их подчинении.

Таким образом, эти мятежники во многом были консерваторами, а иногда и реакционерами, с сожалением вспоминающими, например, о старой системе мелкого производства и непосредственной продажи продукции потребителю, что несовместимо с развитием огромного экспорта на мировой рынок.

Во всяком случае, если они и представляют собой страдающий и часто строптивый элемент лионской системы, они все же не являются классом, способным противостоять буржуазии. У них нет определенного социального идеала, и в то время как буржуазия, уже тогда сильная и сознательная, могла противопоставить старому монархическому и феодальному порядку свою социально-политическую систему, мелкие лионские фабриканты, обреченные издавать лишь вопли страдания и возмущения, были неспособны подготовить свою собственную рабочую революцию, противоположную революции буржуазной или хотя бы отличную от нее. В этом объяснение одного из самых странных и самых поучительных явлений истории того времени. Перед нами город, где в течение двух столетий рабочие живут в непрерывных страданиях, где антагонизм между «grande fabrique» и мелкими ремесленниками был в одно и то же время, если можно так выразиться, и хроническим и острым, а когда начинается революционное потрясение, когда вся страна призвана сказать свое слово, творить законы, рабочие, мелкие ремесленники могут лишь выступать в бессильной злобе против «grande fabrique», против капитала. Но они ничего не предлагают и ничего не могут сделать.

На первичных собраниях, где избирали выборщиков, уполномоченных выбрать депутатов в Генеральные штаты, голосование в городах производилось по цехам. В Лионе в одних цехах, например сапожников, портных, шляпников, чулочников, голосование протекало без всяких трудностей, в других, например у басонщиков и особенно у предпринимателей-купцов [купцов-мануфактуристов] и рабочих—«фабрикантов» шелка, возникали довольно резкие конфликты.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что никаких раздоров не возникает в тех цехах, где рабочий был подлинным пролетарием: рабочие-портные, рабочие-сапожники, рабочие-шляпники, рабочие—вязальщики чулок — в большинстве своем просто наемные рабочие, у них не было другой собственности, кроме своих рук. Быть может, эти рабочие не пошли на избирательные собрания? Или они были устранены с помощью избира-

* Сохраняя в точности терминологию Жореса, мы напоминаем читателям, что историк подразумевал под этим термином рабочих рас-

сеянной мануфактуры. См. подробнее: Ф. В. Потемкин. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937.—Прим. ред.

тельного ценза, который, однако, в Лионе не превышал 3 ливров подоходного налога в год? Или же в смиренном сознании своей зависимости они довольствовались тем, что следовали за хозяевами? Так или иначе, отсутствие подлинно пролетарского движения в то время доказывается именно тем фактом, что в Лионе, в этом самом мятежном городе, нет почти никаких дебатов в цехах, наиболее пролетарских по своему составу, а бури разыгрываются именно в цехах басонщиков и рабочих шелкового производства, в которых мелкие производители, владельцы мастерских ведут борьбу с «grande fabrique». На избирательных собраниях представителям последней довольно сильно доставалось.

На собраниях басонщиков крупные производители и торговцы отсутствовали, опасаясь подвергнуться грубому обращению или оскорблениям. Купеческий старшина отмечает в своем докладе, что собрание басонщиков, в котором участвовало более 400 человек, было бы еще более многочисленным, «если бы лица мирные и почтенного положения не предпочли лучше воздержаться от участия в собрании, чем рисковать подвергнуться неприятностям». Морис Валь обнаружил в этом же докладе указание на то, что среди пяти избранных басонщиками делегатов оказалось три человека, которых буржуазная аристократия консулата отстранила в 1782 г. от функций представителей цехов и которых она пометила в 1783 г. как мятежников. Синдики потребовали аннулирования их избрания.

В тот же день, 26 февраля 1789 г., в соборе Сен-Жан состоялось первое собрание «grande fabrique», на которое имели доступ «предприниматели-купцы, занятые в производстве тканей, затканых золотом и серебром, и шелковых материй, и хозяева-рабочие, изготавливающие эти же материи или другие, принадлежащие к той же корпорации, имеющие постоянное местожительство и несущие службу паблюдения и охраны». Около 400 купцов и 6 тыс. рабочих имели право участвовать в этом собрании, из них явился 2651 человек. На следующий день присутствовало 3300 человек. Хозяева-рабочие, с которыми в последние годы очень дурно обращались, решили взять своего рода реванш¹. На обоих заседаниях, 26-го и 27-го, многие ораторы выступили с предложениями не выбирать в выборщики ни предпринимателей-купцов, ни старшин, ни цеховых представителей, как бывших, так и ныне занимающих эти должности. По рассказам старшин предпринимателей-купцов, «когда раздавалось несколько голосов в пользу последних, их тотчас же заглушали крики хозяев-рабочих, которые вынуждали голосовавших отказаться от своего мнения».

И в самом деле, собрание выбрало только хозяев-рабочих, и среди 34 избранных были активные борцы, те, что в течение ряда лет вели борьбу против «grande fabrique» и против муниципальной аристократии консулата, покровительницы капитала. Многие из избранных подвергались преследованиям в 1786 г.,

и прежде всего бесстрашный Дени Муне, который как раз в это время находился в заключении как автор «крамольных сочинений и пасквилей». По существу, это была экономическая борьба, которая продолжалась на политической почве. «Grande fabrique» была шокирована и испугана этим движением: в ходе самих выборов многие из купцов ушли.

Старшины отказались поставить свои подписи под протоколом избирательного собрания и обратились к Неккеру с протестом². «Хозяева-рабочие, — писали они, — избрали 34 выборщика, рисовальщики, причисленные, как художники, к вольной коммерции, избрали 2 выборщиков на каждые 100 человек. Из этого следует, что хозяева-рабочие, получающие заработную плату у предпринимателей-купцов, рисовальщики, получающие у них жалованье, имеют своих представителей, а предприниматели-купцы, приводящие в движение не только фабричное производство, но и всю торговлю второго по значению города королевства, 400 граждан, объединяющих в своих руках земельной и движимой собственности более чем на 60 млн., не имеют представителей...» Это тяжелый удар для крупной промышленной и торговой буржуазии Лиона: в тот самый момент, когда она задумала в борьбе против одряхлевшего старого порядка утвердить господство своего класса и была уверена в победе, мелкие ремесленники, похоже, собираются занять ее место за игорным столом.

На помощь крупной торговой буржуазии приходит банковская буржуазия и протестует вместе с ней. «Мы добавим, — говорят они, — что интересы торговли требуют, чтобы класс купцов-предпринимателей имел представителей, способных составлять указы, что этот класс купцов-предпринимателей есть источник, питающий банковское дело, комиссионную торговлю и торговлю шелком, составляющую основной вид оптовой торговли этого города». И чтобы обосновать свое право на представительство, «grande fabrique» доходит до утверждения, что в промышленности существуют два класса: класс наемных рабочих и класс руководителей.

От имени «grande fabrique» купеческий старшина недвусмысленно подчеркивает, «что хозяева-рабочие ограничиваются обработкой стольких локтей материи, сколько доставят купцы-предприниматели, что на долю рабочих приходится только рабочая сила, а все заботы производства — на долю купцов. Именно последние изобретают все наши прекрасные ткани и, поддерживая

1. О собрании, состоявшемся 26 февраля 1789 г., см.: «Procès-verbaux des assemblées des maîtres-marchands et maîtres-ouvriers en soie». AN, B III 75, p. 709 et suiv. О требованиях хозяев-

рабочих см.: «Doléances des maîtres-ouvriers, fabricants en étoffes d'or, d'argent et de soie, de la ville de Lyon» (Lyon, 1789, in-8°, 66 p.).

2. AN, B III 75, p. 647.

связь со всем миром, привлекают поток его богатств в наш город». Таким образом, в этой борьбе между хозяевами-рабочими и «grande fabrique» содержится как бы зачаток, неопределенный зародыш грядущей великой борьбы между капиталистами и пролетариями. Сама «grande fabrique», чтобы вернее отделить себя от хозяев-рабочих, классифицирует их как наемных рабочих, как пролетариат. Движимая своей гордостью, крупная буржуазия становится глашатаем, первым провозвестником грядущего социального конфликта.

Но сколь бессильно еще и тщетно это рабочее или псевдорбочее движение! Выборы не были аннулированы, и делегаты хозяев-рабочих приняли участие в составлении наказов третьего сословия¹. Между тем, и это было решающим, в этих наказах нет ни одного слова, ни одной черты, в которой можно было бы узнать собственную мысль ремесленников, хозяев-рабочих. Не то чтобы они были подавлены враждебным большинством и их мысль лишь кое-где прорывалась.

Огнюдь нет, помимо общей буржуазной концепции, им самим нечего было сказать. Что могли они требовать? Новой организации труда? Ни у кого из них не было даже самого слабого представления об этом. Создание коллективной собственности вместо олигархической собственности крупных фабрикантов или раздробленной и распыленной собственности хозяев-рабочих? Единицы коммунистов-утопистов XVIII в., и те мечтали только об аграрном коммунизме, а промышленность и им представлялась полем деятельности личной инициативы и объектом индивидуальной собственности. К тому же хозяева-рабочие цепко держались за свою относительно независимость и свою собственность, сколь бы зависимой она ни была. Потребовалось больше столетия, потребовался рост крупного машинного производства, чтобы хозяева-рабочие Лиона, Роанна и Сент-Этьенна поняли, что социальная эволюция неизбежно обрекает их на пролетаризацию; они еще и ныне с трудом начинают представлять себе коммунистический строй. Как же можно было ожидать этого от них сто лет назад?

А до этих великих социальных изменений могли ли они хотя бы в ясной и твердой форме потребовать введения охранительных законов, ограничивающих продолжительность рабочего дня, устанавливающих обязательный минимум заработной платы, обеспечивающих им полную свободу коалиций, которая позволила бы им оказывать сопротивление «grande fabrique», не подвергаясь репрессиям, подобно Дени Муне? Они могли, конечно, выразить пожелания в этом смысле, они могли путем некоего местного соглашения, санкционированного муниципальными властями, попытаться добиться более благоприятной регламентации труда. Но как внести проект закона в Генеральные штаты? Как поднять проблему, которая еще имела исключительно местный характер, до уровня общей проблемы? И, что особенно важно, как можно

поднять эти вопросы, как открыть доступ в мастерские этим бурным веяниям, не возбудив требований подлинных пролетариев, бедных подмастерьев, поработанных и эксплуатируемых? Им хозяева-рабочие не хотели бы предоставить ни права коалиций, ни законодательного ограничения продолжительности рабочего дня, ни минимума заработной платы. Поэтому недовольство хозяев-рабочих изливалось в страстных жалобах и инстинктивных возмущениях, не облекаясь в четкую программу требований реформ.

Только буржуазия была подготовлена к тому, чтобы создавать законы, а отсутствие требований ремесленников в наказе Генеральным штатам свидетельствует о том, что даже в Лионе одна буржуазия созрела для широкой революционной деятельности, источника новой законности. Как и в Нанте, как и в Марселе, как и в Бордо, так и в Лионе, несмотря на волнения мелких производителей, подлинно руководящей силой является буржуазия: готовится, несомненно, буржуазная революция.

ДОФИНЕ

В провинции Дофине положение вырисовывается еще более ясно, и там вполне применима марксистская концепция, согласно которой политические движения являются следствием движений экономических. Мишле, который так часто проявляет чудесную и глубокую интуицию и который действительно вскрывает экономические причины крупных исторических фактов, здесь не смог разобраться и ограничился поверхностным объяснением. «Дофине, — говорит он, — ничуть не походила на Францию. У этой провинции были некоторые преимущества, которые поставили ее в особые условия. Первое преимущество заключалось в том, что ее старое дворянство (*цвет дворянства*) догадалось истребить себя в войнах: никакое другое дворянство не проливало свою кровь так щедро. В битве при Монлери на сто убитых дворян приходилось пятьдесят из Дофине. И это не было восполнено. Число возведенных в дворянство было невелико. Много мелких дворянчиков, пахавших со шпагой на боку, много почтенных буржуа, считавших себя более чем благородными, составляли некий общий уровень, близкий к равенству. Крестьянин, мужественный и гордый, исполненный достоинства, высоко держал голову». И он добавляет, что высокогорные сельские общины, управлявшиеся как маленькие республики, являли со своих покрытых льдами вер-

1. Наказ третьего сословия г. Лиона и наказ третьего сословия главного Лионского сенешальства

были опубликованы в «Archives parlementaires», t. III, p. 608, 616.

шин образцы свободы. Все это туманно и отчасти неверно¹. Если еще в 1771 г. буржуазия Гренобля вступила в борьбу с дворянством, если еще в 1788 г. Дофине восстала против произвола королевских решений, осудивших парламент на изгнание, если с тех пор движение за свободу стало достаточно сильным, чтобы на время примирить и поднять в едином порыве все три сословия, если дворяне, духовенство и буржуа Гренобля в революционном порядке, без правительственного разрешения, созвали 14 июня 1788 г.² Штаты провинции Дофине, если в этих Штатах число депутатов третьего сословия было удвоено и оно одно имело столько же представителей, сколько дворянство и духовенство, вместе взятые, если в Штатах провинции Дофине голосование производилось поголовно, а не посословно и если, не замыкаясь в границах своей провинции, они приветствовали национальное единство и призвали великую возрожденную Францию к осуществлению общей свободы, то все это нельзя объяснить тем, что несколько сельских общин, рассеянных по холодным горным вершинам, практиковали своеобразную, примитивную и рудиментарную свободу, или тем, что верхушка дворянства понесла чрезмерный урон в войнах далекого прошлого³.

Дворян в Дофине осталось достаточно, чтобы обратиться к Генеральным штатам с протестом против способа избрания депутатов в провинции. Нет, действительная причина, решающая причина этого большого движения в Дофине, которую Мишле не заметил, заключается в том, что промышленная буржуазия в Дофине была могущественнее и активнее, чем в любой другой провинции. По этому вопросу имеется вполне определенное свидетельство Ролана, писавшего в 1785 г. (то есть до того, как революционные события в Дофине могли повлиять на его суждение). Он особенно подчеркивает, что по размаху производства, по разнообразию и плотности промышленной деятельности Дофине является первой провинцией Франции: предприятия, изготавливавшие полотна, чулки, шляпы, металлургические заводы там как бы нагромождены друг на друга⁴.

БАРНАВ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ

И, по странному совпадению, именно один из депутатов от Дофине, Барнав⁵, выросший в обстановке этой бурной промышленной деятельности, наиболее четко сформулировал социальные причины и, можно сказать, экономическую теорию Французской революции. Маркс, по-видимому, не был знаком с этим сочинением, которое является как бы предвосхищением его теории в применении к буржуазной революции. Когда Учредительное собрание разошлось, постановив, что его члены не могут быть переизбраны,

Барнав, огорченный таким перерывом в его общественной деятельности, вернулся к себе на родину и там, следуя привычке, заведенной еще в отрочестве, нашел утешение в литературной работе.

Он написал «Введение во Французскую революцию», которое было опубликовано лишь в 1843 г. господином Беранже де Ладромом по рукописям, сохранившимся у сестры Барнава⁶. Я считаю «Введение» лучшим творением ума этого даровитого оратора.

Необходимо привести из него довольно обширные выдержки, ибо это произведение показывает нам, до какой степени революционная буржуазия, которую Тэн так нелепо обвиняет в отвлеченном идеализме, осознала значение того экономического развития, которое предопределило ее победу. «Тщетно было бы пытаться составить себе верное представление о великой Революции, потрясшей Францию в наши дни, рассматривая ее изолированно, в отрыве от истории окружающих нас империй и истории предыдущих столетий. Чтобы судить о ее сущности и определить ее подлинные причины, необходимо взглянуть более широко, надо

1. См. также, что пишет Мишле о Дофине в «Tableau de la France», открывающей его «Histoire de France» (1833): «Никогда феодальный строй не тяготел над Дофине в такой мере, как над остальной Францией... Поэтому Французская революция не сопровождалась в Гренобле кровопролитиями, она совершилась там заранее».

2. 14 июня 1788 г. в ратуше Гренобля состоялось собрание, в котором участвовали 9 лиц духовного звания, каноников и приходских священников, 33 дворянина и 59 представителей третьего сословия — нотариусов, прокуроров и адвокатов, в том числе Мунье и Барнав. Подготовленная Мунье резолюция требовала созыва «отдельных провинциальных штатов, в коих число представителей третьего сословия было бы равно числу представителей духовенства и дворянства, вместе взятых, и кои были бы назначены путем свободных выборов»; резолюция содержала также требование созыва Генеральных штатов королевства «для исцеления нации от удручающих ее недугов».

3. О предшествовавших Революции

событиях в Дофине см. в основном: J e a n E g r e t. Le Parlement de Dauphiné et les affaires publiques dans la deuxième moitié du XVIIIe siècle, t. II: «Le Parlement et la révolution dauphinoise (1775—1790)». Grenoble et Paris, 1942; «Les derniers États de Dauphiné. Romans. Septembre 1788 — janvier 1789». Grenoble et Paris, 1942.

4. Об экономическом подъеме в провинции Дофине в конце старого порядка см. в основном работы П. Леона: P. L é o n. La Naissance de la grande industrie en Dauphiné (fin XVIIe siècle — 1869). Paris, 1954, 2 vol.; «Les Techniques métallurgiques dauphinoises au XVIIIe siècle». Paris, 1961; «Marchands et spéculateurs dauphinois dans le monde antillais du XVIIIe siècle. Les Dolle et les Raby». Paris, 1963.

5. Барнав (1761—1793) — адвокат при парламенте, депутат третьего сословия от Дофине. См.: E. D. B r a d b y. The Life of Barnave. Oxford, 1915, 2 vol.

6. Сестра Барнава, Жюли, ставшая г-жой де Сен-Жермен, передала рукописи брата в дар библиотеке г. Гренобля.

установить место, занимаемое нами в более широкой системе; только обзревая то общее движение, которое со времен феодализма и до наших дней приводило европейские правительства к последовательной смене форм, можно ясно увидеть рубеж, достигнутый нами, и общие причины, приведшие нас к нему.

Конечно, революции правлений, подобно всем революциям в явлениях природы, зависящим от страстей и воли человека, не могут подчиняться точным и рассчитанным законам, приложимым к движениям неодушевленной материи. Однако среди множества причин, порождающих политические события, есть столь тесно связанные с природой вещей, постоянное и систематическое воздействие которых настолько превосходит влияние случайных причин, что в течение известного промежутка времени они почти неотвратимо приводят к определенному результату. Эти-то причины почти всегда способствуют изменению облика наций, все малые события определяются общими результатами, порождаемыми этими причинами. Великие исторические эпохи подготавливаются этими причинами, тогда как причины второстепенные, коим это почти всегда приписывается, лишь придают им определенный характер...»

И в соответствии с этими принципами Барнав набрасывает перед нами широкими мазками историю человеческих обществ. Это поистине первый набросок экономического материализма Маркса. «В первый период существования общества человек жил охотой и почти не знал собственности. Его лук, стрелы, убитая им дичь, шкуры, которыми он прикрывался, — вот почти все его добро. Вся земля принадлежит всем. Если и существовали в то время в зачатке какие-то политические учреждения, они не могли иметь своей основой собственности. Демократия в том обществе — это просто независимость и естественное равенство. Потребность иметь вождя в битве зарождает первые элементы монархии. Уважение к знаниям, тем более глубокое, чем глубже было невежество человеческой массы, порождает первую аристократию, аристократию старейшин, жрецов, колдунов, знахарей, откуда пошли брамины, друиды, авгуры; словом — всю аристократию, основанную на знании, которая предшествовала всюду аристократии оружия и аристократии богатства и которая со времен образования общества всегда приобретает огромную власть благодаря некоторым действительно оказываемым ею услугам, дополняемым изрядной долей обмана.

Когда рост населения пробуждает в человеке потребность в пище, менее зависимой от случая и более обильной, он жертвует частью своей независимости ради того, чтобы выжить, он смиряется с необходимостью более постоянных усилий. Он приручает животных, разводит стада и переходит к пастушескому образу жизни. Тогда собственность начинает оказывать влияние на общественные

учреждения. Человек, занятый уходом за стадами, уже не обладает полной независимостью охотника; бедный и богатый перестают быть равными, и естественная демократия исчезает. Необходимость обезопасить и защитить собственность побуждает придать больше силы всякой власти, военной и гражданской. Те, кто этой властью обладает, накапливают благодаря ей богатства, а с помощью богатства они расширяют свою власть и закрепляют ее в своих руках. Наконец, на этой стадии развития общества могут создаться условия, при которых власть аристократии или монарха достигает исключительных масштабов; это видно на примерах многих азиатских стран...

Наконец, по мере постоянного дальнейшего роста населения человек вынужден добывать себе пропитание из лона земли; он перестает быть кочевником, он становится земледельцем. Принеся в жертву остаток своей независимости, он, так сказать, привязывается к земле и усваивает необходимость повседневного труда. Происходит раздел земли между отдельными людьми, собственность распространяется уже не только на стада, бродящие по земле, но и на саму землю. Нет уже более ничего общего. Вскоре объектами собственности становятся поля, леса, даже реки. *И это право собственности, получая с каждым днем все большее распространение, оказывает все более могущественное влияние на распределение власти.*

Казалось бы, крайняя простота чисто земледельческого народа должна бы хорошо сочетаться с демократией. Однако более глубокое размышление и особенно опыт доказывают, что период, когда народ овладел искусством обработки земли, но не обладает еще тем мануфактурным и торговым промыслом, который за этим следует, представляет собой из всех периодов развития общественного строя тот, когда власть аристократии достигает наибольшей силы. Это то время, когда она господствует и почти всегда подавляет демократическое и монархическое влияние.

Очень редко случалось, а пожалуй, и никогда, чтобы первое распределение земель было произведено на условиях известного равенства. Если разделу подлежит целина, которой владеют просто по праву захвата, то, поскольку ко времени наступления этого третьего периода в развитии общества народ уже обычно имеет некоторые политические учреждения, некоторые установленные органы власти, распределение земель произойдет с учетом положения, власти и количества скота, которым каждый обладает; ибо что может сделать бедный и слабый человек с обширным полем, которое он не в состоянии распахать? Он удовольствуется самым необходимым, тогда как вождь займет всю землю, какую он может покрыть своими стадами и обработать руками своих слуг и рабов. Ибо такова унизительная особенность истории человеческого общества, что право собственности на людей предшествовало праву собственности на землю, подобно тому, как война,

поставлявшая рабов, предшествовала той ступени развития народонаселения, когда появляется потребность в земледелии и труде.

Если обладание землею является результатом завоевания, то неравенство распределения будет еще большим, соответственно обычаям, господствовавшим в то время. Завоевание почти всегда лишает побежденных большей части их имущества и часто влечет за собой их обращение в рабство. Что касается победителей, то обогащаются почти одни вожди, солдату же его доля позволит лишь с трудом прокормиться некоторое время, пребывая в гордой праздности.

Таким образом, с того дня, когда народ впервые начинает обрабатывать землю, он обычно владеет весьма неравными долями ее. Но если бы даже вначале существовало некоторое равенство, достаточно ему, в силу неизбежного хода событий, несколько измениться, чтобы вскоре неравенство долей приобрело крайне выраженный характер. Это непреложное правило — там, где нет других доходов, кроме дохода от земли, крупные владения мало-помалу поглощают мелкие; равно как и там, где существует доход от торговли и промышленности, труд бедняков привлекает мало-помалу к нему часть земель богачей.

Если нет других продуктов, кроме созданных землей, тот, кто владеет лишь очень малой долей ее, часто бывает доведен, по своей ли небрежности или вследствие стихийных бедствий, до крайней нужды. Тогда он занимает у богатого, который, ссужая ему ежегодно часть своих сбережений, вскоре становится собственником поля бедняка. Чем больше он его разорил, тем в большей зависимости он его держит. Тогда он предлагает ему в виде милости кормить его за то, что он будет обрабатывать его хозяйские поля и будет принят в число его слуг. А если и закон разрешает ему это, он купит у бедняка и его свободу.

Земледелец, таким образом, жертвует всей той независимостью, какой наделила его природа. Земля закабляет его, потому что она дает ему средства к жизни.

«Бедные, распыленные по деревням, рабы своих потребностей, земледельцы поработены еще самим характером своих занятий, отделяющим их от им подобных, изолирующим их. Только объединение людей в городах дает слабым благодаря их многочисленности возможность сопротивляться влиянию сильных, и только прогресс промыслов делает эти объединения многочисленными и постоянными.

Наконец, на этом этапе развития общества бедняка в не меньшей степени угнетает его невежество; он утратил ту природную сообразительность, ту смелость воображения, которые отличают человека, бродящего по лесам, те обычаи и правила мудрости, которые являются плодом созерцательной жизни пастушеских народов. Он далек еще от тех познаний и смелости мысли, которые

с ростом богатства и прогрессом промыслов проникают во все классы общества; привычно одинокий, всецело поглощенный бесконечным однообразным трудом, он являет собой пример последней степени падения, до которой может дойти природа, и любые суеверия могут тогда восторжествовать над ним.

При таком положении вещей и поскольку нет никакой коммерческой деятельности, отдельные части страны не объединены своими потребностями и взаимными связями. И поскольку нет никакой возможности собирать подати в стране, где не происходит никакого накопления капиталов, центральная власть не в состоянии содержать силу, достаточную для поддержания единства и повиновения; *сила пребывает в тех частях территории, где богатства накапливаются и потребляются, а господство аристократии длится до тех пор, пока земледельческий народ пребывает в неведении или пренебрежении к промыслам, а земельная собственность продолжает оставаться единственной формой богатства.*

Поскольку естественное развитие общества состоит в непрерывном росте народонаселения и промышленности, пока они не достигнут высшего уровня цивилизации, учреждение мануфактур и торговли должно неизбежно последовать за господством земледелия.

Здесь Барнав отмечает, что созданные земельной аристократией политические учреждения могут воспрепятствовать наступлению периода господства мануфактур и торговли или замедлить это наступление. Но «с течением времени политические учреждения воспринимают, если можно так выразиться, дух местности», то есть они неизбежно приспособляются к новым экономическим условиям определенной области, и Барнав с изумительной силой заключает эту своего рода историческую дедукцию¹:

«С тех пор как промыслы и торговля проникают в недра общества и создают в пользу трудового класса новый источник обогащения, *подготавливается революция в политических законах; НОВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БОГАТСТВА ПОРОЖДАЕТ НОВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ. Подобно тому как владение землею возвысило аристократию, промышленная собственность усиливает власть народа*», он завоевываает свободу, он становится все более многочисленным, он начинает оказывать влияние на ход дел.

1. См. гл. III: «Application générale de ces idées depuis le gouvernement féodal». — «Introduction à la Révolution française» (под редакцией Беранже де ла Дрома), т. I, р. 13.

* Слово «peuple» — «народ» —

в XVIII в. понималось иначе, чем в наше время, под термином «народ» подразумевалось третье сословие и преимущественно буржуазия. В этом смысле слово «народ» употреблял и Барнав. — Прим. ред.

Так возникает второй вид демократии. Первый вид обладал независимостью, второй обладает силой. Первый был следствием ничтожества власти, угнетающей людей, второй основан на собственной власти. Первый вид существует у варварских народов, второй — у народов цивилизованных.

В малых государствах сила этой новой народной власти столь велика, что она становится там иногда правительственной властью, и благодаря новому источнику богатства поднимается новый вид аристократии, аристократии буржуазной и торговой.

В больших государствах все объединены воедино взаимными связями: образуется многочисленный класс граждан, который, располагая огромными богатствами промышленности, крайне заинтересован в поддержании внутреннего порядка и посредством налогов дает государственной власти необходимую силу, чтобы заставить соблюдать общие законы. Внушительная сумма налоговых поступлений, постоянно текущая от окраин страны к центру и от центра к окраинам, регулярная армия, большая столица, множество государственных учреждений — все это образует систему связей, придающих большой нации те единство и сплоченность, которые обеспечивают ее существование».

Представить себе применение этих столь четко сформулированных принципов к Французской революции не составляет труда. Рост промышленного и денежного богатства, рост промышленной и торговой буржуазии постепенно подрывали могущество аристократии, основанное на владении землей. На место этой земельной аристократии, этой феодальной системы, раздробленной и застывшей, пришла благодаря связям, созданным торговлей, обменом и налогами, унитарная централизованная сила монархий нового времени. Благодаря росту нового класса, более предприимчивого и более близкого народу, буржуазная демократия пришла на смену дворянской олигархии. В каждой из стран Европы, в зависимости от того, какую силу обрела в ней промышленная и движимая собственность, экономическая революция принимала более или менее глубокий характер. И поскольку во Франции технический прогресс промышленности был более быстрым и более мощным, чем в Германии, поскольку, с другой стороны, английские революции XVII в., бывшие уже отчасти буржуазными, вспыхнули еще до большого промышленного подъема XVIII в., а во Франции, наоборот, движение началось лишь в конце XVIII в. и было связано с возросшей промышленной мощью буржуазии, то именно во Франции политическая революция — достигший полной зрелости плод революции экономической — максимально приблизилась к полной демократии.

Подобно тому как в своем общем очерке общественного развития Барнав предвосхитил капитальный труд Маркса (разумеется, остановившись на буржуазном этапе и не предвидя этапа пролетарского), так в своем экономическом истолковании различий

между более поздней и более демократической Французской революцией и более ранней, не свободной от аристократического духа, английской революцией он предвосхитил блестящий комментарий движений во Франции и в Англии, данный Сен-Симоном в его «Промышленном катехизисе». Я должен привести еще одну страницу, где Барнав с большой силой вкратце излагает свою мысль, ибо пролетариату, еще ищущему в сумерках свой путь, важно знать, насколько ясным было революционное сознание буржуазии, когда развернулись решающие события.

«В существующих в Европе образах правления основой аристократии является земельная собственность, основой монархии — силы общественного порядка, основой демократии — движимое имущество.

Революции этих трех политических факторов были революциями систем правления.

Когда феодальный строй достиг своего наибольшего расцвета, не было другой собственности, кроме земельной. Рыцарская и церковная аристократия господствовала над всем, народ был низведен до состояния рабства, а государи не имели никакой власти.

Возрождение промыслов привело к возникновению промышленной и движимой собственности, являющейся плодом труда, подобно тому как земельная собственность была первоначально плодом завоевания или захвата.

Почти задушенный в то время принцип демократии с тех пор непрестанно набирает силы и развивается. По мере того как промыслы, промышленность и торговля обогащают трудолюбивую часть населения, крупные землевладельцы становятся беднее, и это сближает классы в имущественном отношении. В равной мере прогресс образования сближает по уровню знаний и оживляет в памяти, после долгого забвения, первоначальные идеи равенства.

Можно различить три этапа великой революции европейских учреждений, произошедшей под влиянием прогресса промыслов:

1. Коммуны, приобретая своим трудом богатства, прежде всего купили свою свободу, а затем и часть земель, а аристократия потеряла постепенно свою власть и свои богатства. Так рушился феодальный строй в гражданской области.

2. Та же причина, подкреплённая обычно сопутствующим ей прогрессом промышленности, привела к освобождению всей Европы от светской власти папы и избавила половину Европы от его духовного главенства.

3. Та же причина, то есть прогресс движимой собственности, являющийся в Европе элементом демократии и элементом, цементирующим единство государств, привела постепенно к изменению всех форм правления. Она создала различные образы правления,

в зависимости от влияния более или менее благоприятных географических условий. Там, где народ оказался очень сильным в малом государстве, он создавал республику. Там, где в пределах большой территории у него хватало сил только поддерживать посредством налогов монархическую власть против аристократии, этого общего врага государей и народов, он постепенно установил абсолютные монархии. Там, где народ смог продвинуться дальше по пути прогресса, он, долгое время служивший трону лишь вспомогательным орудием в его борьбе против знати, производил взрыв и, заняв свое место в системе управления, устанавливал ограниченную монархию. Только там, где он продвинулся очень незначительно, аристократические и федеративные формы феодального образа правления смогли сохраниться и даже стать со временем более прочными и упорядоченными».

«Это-то, общее для всех европейских образов правления, поступательное движение и подготовило во Франции демократическую революцию и вызвало ее взрыв в конце XVIII в. ...» Итак, согласно Барнаву, выражавшему, очевидно, взгляды всей буржуазии Дофине, Революция не является ни случайным, ни местным явлением. Революция как бы подготовлена тем движением, которое длится испокон веков, той огромной социальной эволюцией, которая мало-помалу придала собственности решающее значение и, следовательно, подчинила силы политической власти изменчивым формам самой собственности. Ныне промышленная и движимая собственность, то есть буржуазная собственность, находится в полной силе: стало быть, возвышение буржуазной демократии неизбежно и революция является исторической необходимостью. Будучи связана с промышленной собственностью, революция развивается в столь же широких масштабах, как и последняя. По мнению Барнава, перед нами, собственно говоря, не французская, а европейская революция, достигающая во Франции своей кульминации.

Итак, революционная буржуазия обладает поразительно реалистическим и глубоким сознанием своей силы и того экономического и исторического движения, которое она представляет. Тут речь идет вовсе не о туманной гипотезе существования некоего первоначального договора о равенстве, якобы нарушенного и забытого с течением времени, который надлежит восстановить во всей его полноте в результате некой идеальной революции.

В первобытных обществах, где экономические отношения между людьми, ведшими кочевой образ жизни, были очень слабыми и неустойчивыми, господствовала грубая сила, сила меча. В дальнейшем, по мере того как народонаселение становилось более плотным и более оседлым, форма обществ и их институтов стала определяться экономическими отношениями между людьми. Собственность становится господствующей и с течением времени высшей силой, и собственность вовлекает в свое медленное дви-

жение, прерываемое революционными кризисами, все человечество.

Здесь нет также ничего похожего на идиллическое восхваление сельских добродетелей, простоты и мнимого равенства сельской жизни. Земельная собственность — мать неравенства и грубости. Когда она не имеет противовеса, она порождает феодальную систему, которая изолирует и поработачивает людей, расчленяет общество и доводит крестьян до состояния отупения. Глубоко заблуждается кто думает, что земельная собственность может быть вдохновительницей равенства. Глубоко заблуждается кто думает, что она может дать людям тихую мирную жизнь и чистоту нравов; она изменяется и смягчается только под влиянием извне, только под воздействием промышленной собственности. Только тогда, когда ремесленники и люди промышленности и торговли, замкнутые в своих городских коммунах, достигли богатства и стали покупать земли, только тогда бремя феодальной монополии перестало отягчать и землю и людей; и земельная собственность сможет включиться в общий ход демократического движения лишь тогда, когда она как бы смягчится и проникнется духом равенства под воздействием промышленной собственности.

Барнав замечательно точно раскрыл и истолковал взгляды буржуазии Дофине, которая ясно заявила о наличии антагонизма между промышленным классом и классом землевладельцев. Этот антагонизм столь глубок, он до такой степени является основным непримиримым конфликтом самой Революции, что даже ныне, когда рост сил социалистического пролетариата вынуждает промышленный капитал и крупную земельную собственность объединять свои усилия в борьбе против него, неожиданные кризисы все же приводят к столкновениям между землевладельческим классом и промышленным классом, и дух Революции, несмотря на искажения и непоследовательность, все еще пребывает в промышленном классе, а крупное землевладение продолжает представлять силы контрреволюции. Этот упорный антагонизм между двумя основными группами собственников, на который указывал Маркс пролетариату в своем Коммунистическом манифесте 1848 г. как на момент, который необходимо иметь в виду при выработке тактики борьбы, был установлен Барнавом еще в 1792 г. и охарактеризован им как составляющий суть Революции.

И конечно, осознание экономических интересов и значения собственности как исторической силы должно было быть очень острым в провинции Дофине, если Барнав, протестант и сын протестанта, мог дать такое чисто экономическое и неким образом материалистическое объяснение самой Реформации. По его мнению (я подчеркнул это важное место), именно рост промышленной и движимой собственности привел к освобождению всей Европы от светской власти папы и половины Европы от его духовного главенства. Стало быть, если нации нового времени, в том

числе и католические, сбросили иго светской власти папы, то это произошло потому, что образовалась богатая и деятельная буржуазия, которая нуждалась в свободе, которая оказала королям необходимую поддержку для сопротивления ультрамонтанскому гнету и которая к тому же благодаря многочисленным связям и обмену дала нации то живое единство, которое является необходимым условием независимости. Вернее, та религиозная революция, которая вызволила половину Европы из-под власти католической догмы, была, так сказать, лишь духовным выражением экономической революции: буржуазия внесла свободу в истолкование текстов, дотоле считавшихся непреложными, подобно тому как она привела в движение общества, дотоле неподвижные.

Надо вспомнить, что столь реалистическое, столь грубо буржуазное объяснение явления Реформации было высказано в том суровом Дофине, где мужество протестантов поднималось до мученичества, то есть вблизи Ардешских гор и Алеса, где некогда толпы людей были охвачены необычайной мистической лихорадкой, прерываемой пророческими видениями. Надо вспомнить все это, чтобы понять всю силу этого нового буржуазного сознания, которое недвусмысленно сводило этот кризис человеческой души к кризису собственности и которое подчиняло великие проявления религиозного сознания, неясные и волнующие, верховной дисциплине законов производства.

Совершенно очевидно, что самосознание буржуазии достигло полного развития, и, обосновывая новую революцию подобным объяснением истории, она объявляла своим все прошлое Европы, начиная с движения коммун, и все настоящее. Она была убеждена также, что ей принадлежит и все будущее, которое она представляла себе как спокойную и бесконечную эволюцию промышленной собственности.

Значит ли это, что исторический и экономический реализм промышленной буржуазии исключал всякий идеализм, всякую великую и благородную страсть? Наоборот, тот восторженный гуманизм, которым была охвачена буржуазия накануне 1789 г., был тем более сильным и пламенным, что он отвечал самому духу всемирного развития и представлялся ей как бы завершением истории. Сколь прекрасно было призывать к широкому участию в политической жизни и в управлении тех безвестных производителей, которые со времен коммун вели тяжкую борьбу и занимались промыслами, подвергаясь насилиям и издевательствам. Сколь прекрасно было, утверждая царство промышленной и движимой собственности, основанной на труде и, казалось бы, на равенстве, вернуть людям первобытную подвижность и свободу, но в совершенно новых условиях безопасности, просвещения и согласия. Сколь прекрасно было растворить в прерывистом горячем дыхании заводов ту твердую феодальную глыбу, которой была задавлена вся жизнь крестьянина.

Сколь прекрасно было вырывать из нищенского отупляющего существования этих тружеников, рабов земли, которые, как прекрасно выразился Барнав, уже лишились чудесной мудрости чувств и инстинкта дикаря, ведшего бродячий образ жизни, глубокой привязанности пастушеских племен к простой вольной жизни и медлительной смене горизонтов, но еще не приобрели живости мысли и благородной любознательности освобожденного городского производителя. Сколь прекрасно было, способствуя развитию свободы и мощи этой промышленной и движимой собственности, связующей воедино все части страны, скрепить навеки, по выражению Барнава, единство нации. Так, революционная буржуазия, исходя непосредственно из своих собственных интересов и сознания своей индустриальной мощи, своего социального продвижения, провидела контуры будущего человечества, более живого и более свободного, и нации, более единой и более сильной. Это возвышенные чувства, где смешались, так сказать, все порывы души и где нельзя провести грань между законным эгоизмом восходящих классов и бескорыстным служением делу всего человечества!

Однако, как бы велико ни было это опасное волнение сердец, ясно, что революционная буржуазия не в состоянии, если можно так выразиться, выйти за свои собственные пределы. Хотя Барнав и поднимается до некой общей философии истории и описания эволюции собственности на протяжении веков, он ни на мгновение не задумывается над возможностью замены в будущем промышленной и движимой буржуазной собственности другими экономическими формами. Земельной и феодальной собственности, порожденной насилием, он противопоставляет промышленную собственность, *плод труда*, и ни на мгновение не задумывается над тем, не является ли владение капиталом новой привилегией, дающей возможность эксплуатировать труд. Когда богатый буржуа Перье в своем замке Визиль, превращенном в крупное предприятие¹, устроил обед на 400 персон для революционной буржуазии Дофине, у Барнава и мысли не мелькнуло, что буржуазное господство сменяло феодальное, но при этом сохранялось подчинение людей господствующему классу. Во всей его книге, в которой больше 200 страниц, нет ни слова о положении рабочих, ни единой догадки о дальнейшей эволюции наемного труда. Совершенно очевидно, что для той промышленной буржуазии, для которой Барнав был лишь выразителем ее мыслей, несмотря на свою высокую культуру, никакой проблемы пролетариата даже не существовало. Не сомневаясь в чистоте своих помыслов, революционеры Дофине допустили к участию в выборах лишь тех, кто платил

1. См.: P. Barra l. Les Périer dans l'Isère au XIXe siècle d'après leur

correspondance familiale. Paris, 1964.

не менее 6 ливров прямого налога, а право быть избранным предоставили исключительно собственникам. Таким образом, в Дофине, как и всюду тогда во Франции, происходит подготовка именно буржуазной революции. Политическое движение там сильнее, поскольку экономическая сила буржуазии там велика и сплочена. И в этой промышленной области буржуазная мысль достигает такой степени ясности, что устами своего молодого глашатая буржуазия Дофине своим экономическим объяснением Революции предвосхищает марксистское объяснение истории. Могущество класса, сознающего в такой степени свою силу, велико, а рост французской буржуазии в промышленных районах и в торговых центрах таков, что если бы даже Париж, столь разношерстный и столь легкомысленный, не понял или недостаточно поддержал движение, то можно быть уверенным, что, несмотря на все, Революция бы разразилась и восторжествовала.

ПАРИЖ

Но и Париж был готов стать столицей буржуазной Революции, центром этого великого движения. Можно даже сказать, что именно Революция выявила и осветила окончательное слияние Парижа и Франции. Очень часто в ходе своей долгой и трагической истории Париж бывал лишь каким-то элементом, частичным и смутным выражением национальной жизни. Иногда он опережал общее развитие Франции, а иногда препятствовал ему или затруднял его: редко между жизнью Парижа и жизнью всей Франции бывало полное согласие. В XIV в., когда вспыхнуло возглавленное Этьенном Марселем замечательное движение парижской буржуазной Коммуны, когда Париж организовал и поднял на борьбу все свои корпорации, для того чтобы спасти Францию от англичан и подчинить королевскую власть постоянному контролю, Париж в великолепном и дерзком порыве опередил на несколько столетий ход событий. Если бы знаменитый ордонанс 1357 г., составленный парижскими делегатами в Генеральных штатах, был бы осуществлен, если бы другие коммуны Франции обладали буржуазной зрелостью Парижской коммуны, если бы все эти коммуны, объединившись, имели на всю нацию, на дворян и крестьян, то влияние, которое было необходимо для осуществления такой конституционной и парламентской организации, то Революция 1789 г. была бы совершена в XIV в. Но Париж тогда ошибся. Лихорадочное, ускоренное биение своего сердца он принял за ровный и глубокий пульс жизни нации. Это подтверждается тем фактом, что сам Этьенн Марсель, почувствовав себя изолированным, доверился злему государю Наваррскому *. Это подтверждается и тем, что Париж лишь с недоверием и с отчаяния решился на союз с жаками,

* Речь идет о Карле II Злом, короле Наварры (1349—1387). — *Прим. ред. р. 10*

крестьянами, которые восстали одновременно и против дворян, и против англичан и одни только могли спасти буржуазную Коммуну.

Затем, в смутные годы несовершеннолетия и безумия Карла VI, во время кровавых междоусобиц между Бургиньонами и Арманьяками, Париж не был для Франции ни светочем, ни силой. Он неспособен был разобраться в том, что составляет сущность интересов нации. Он был только полем битвы, где сталкивались различные клики, где люди Севера и Фландрии под знаменем герцога Бургундского дрались с людьми Юга и Гаскони, которыми руководили Арманьяки. Париж довольствовался тем, что под влиянием то самых грубых страстей, то самых мелочных интересов оказывал поддержку обеим враждующим сторонам своими силами, собранными среди буржуазии и народа. На протяжении всей этой столь долгой и столь мрачной ночи Париж был ненадежным факелом, колеблемым любым дуновением ветра. Он не был великим светочем единства и общего спасения. Спасение, решающее слово пришло из сельской Франции, от Жанны д'Арк, этой кроткой преемницы грубого движения жаков.

Позднее, в XVI в., когда Реформация привела все составные элементы французской нации в состояние брожения, когда конфликт между новой монархией, принцами, мелким дворянством, церковью, буржуазией обострился до такой степени, что стал угрожать национальному единству и даже независимости родины, когда Гизы, опираясь на монахов и на клерикальную демагогию Лиги, попытались свергнуть власть короля, а заодно и уничтожить нарождавшуюся свободу мысли и решительно призывали на помощь Испанию, когда затравленные протестанты обращались за помощью к Германии и Англии, Париж не выполнил своего высокого долга перед нацией.

Долгом его было защищать как единство Франции, гарантией которого в то время была королевская власть, так и свободу религиозных убеждений, которая мало-помалу как бы превратилась в политическую свободу. Вместо этого Париж связывается со священниками и монахами, подавляет и отправляет на костры протестантскую буржуазию, вынуждает протестантизм искать убежища в усадьбах мелких дворян и принять противную его духу феодальную архаическую форму и ставит над королем, над нацией и над свободой совести грубую и предательскую церковь, союзницу чужеземца. Когда, наконец, в лице Беарнца [Генриха IV] на сцену выступила новая королевская власть, национальная и веротерпимая, ей пришлось подвергнуть осаде Париж, ставший очагом клерикализма и испанского влияния. Чтобы обеспечить победу Франции, потребовалось — неслыханное дело! — поражение Парижа.

Как объяснить это странное извращение? Как объяснить это отчуждение Парижа, предавшего вольный дух Франции и незави-

симость отечества? Это печальное явление можно объяснить только отсутствием органического единства экономических условий, существовавших в Париже XVI в., их почти непримиримой противоречивостью. С одной стороны, выросла промышленная и торговая буржуазия. Она обладала достаточной экономической силой, чтобы быть в то же время и силой духовной, и к вопросам религии она подходила с той серьезностью, чувством порядка, ясностью и искренностью, которые были в ней выработаны ее добросовестной и независимой деловой практикой. С другой стороны, церковь, с которой часть буржуазии находилась, таким образом, в состоянии борьбы, располагала в самом Париже огромной экономической силой. Церковь владела монастырями, госпиталями, бесчисленными аббатствами, и она подкармливала огромную клиентелу нищих, бедняков, даже рабочих, состоявших у нее на службе или по той или иной причине безработных. Это давало ей возможность путем отчаянного набата своих колоколов мобилизовать грубые, рабоподобные толпы предместий Сен-Марсо и Сен-Виктор.

Лига была для церкви отчаянной попыткой применить эту средневековую систему клерикальной клиентелы к политическому управлению крупного города нового типа. Церковь располагала в Париже достаточно значительной земельной собственностью, чтобы в течение какого-то времени успешно противостоять буржуазии и королю. Ясно, что такое положение означало развитие кризиса. Либо церковь задержала бы экономическое развитие Парижа, обрекла бы его торговлю и промышленность на паралич, удержала бы его ремесленников в состоянии двусмысленной зависимости, полурабочих и полунищих: это была бы гибель Парижа и гибель Франции. Либо экономический рост буржуазии должен был постепенно устранить земельное могущество церкви или подчинить господству промышленно-торговой собственности и, таким образом, обеспечить политическое господство буржуазии; по этому пути и пошло дальнейшее развитие истории.

Но в ту пору характерной для XVI в. неустойчивости, когда экономическая мощь церкви могла еще противостоять мощи буржуазной собственности, когда церковь могла вербовать тысячи убийц в тех знаменитых предместьях, где позднее Революция будет вербовать и вооружать пиками самых честных, самоотверженных своих бойцов, в ту пору Париж, мятущийся под властью прошлого и одурманенный фанатизмом, неспособен был повести за собой Францию и спасти ее. Наоборот, Франция спасла Париж: при Генрихе IV, при Ришелье и Мазарини буржуазия получила возможность свободно заниматься своими делами. Хотя французская мысль и не разделила решительно идей Реформации, однако она вырвалась из варварских объятий монахов. Париж не стал, подобно некоторым крупным городам Германии или Голландии, протестантским городом, но его католицизм не был католицизмом Лиги.

Вот почему Декарт, с некоторыми предосторожностями и не подвергаясь особенной опасности, смог положить начало в первой трети XVII в. тому блестящему движению свободной мысли, рационалистической философии и методической науки, которое будет продолжаться до появления великих гениев Монжа, Лапласа и Бертолле, причастных к событиям Революции. Декарт считал себя одиноким. «Я брожу, — говорил он, — по самым большим городам, словно в глуши, и люди, повстречавшиеся на пути, для меня лишь деревья в лесу».

В действительности он был, сам того не ведая, прикрыт и защищен, даже в самых смелых своих размышлениях, той интеллектуальной свободой, которую насаждала растущая буржуазия как во Франции, так и в Голландии, как в Париже, так и в Амстердаме. Вместе с тем янсенизм (на более низком по смелости мысли уровне) в течение полутора столетий, от великого Арно до депутатов Учредительного собрания Камю и Грегуара¹, будет представлять собой компромисс между католическим единством и буржуазным индивидуализмом, между непреклонностью догмы и честностью сознания. На протяжении почти двух столетий янсенизм оказывал большое влияние на французскую буржуазию, особенно на парижскую буржуазию².

В области религии янсенизм представляет собой переходный, компромиссный период, в точности соответствующий политическому и социальному положению буржуазного класса при старом порядке. Как буржуазия на протяжении XVII и XVIII вв. была исполнена сознанием своей растущей силы, но еще не осмеливалась вступить в открытую и систематическую борьбу со старым порядком и монархией, так и янсенизм, гордый, ворчливый и в то же время покорный, не осмеливался выступить против самых основ церкви и ее догматов. Он придерживался своего рода свободомыслия, но не провозглашал его как принцип. Путем невольного, серьезного и неторопливого посвящения янсенизм подготовил класс буржуазии в целом к решающим дерзаниям мысли, которые проявились в самые страшные дни Революции. Не будь его, ослепительный свет философии XVIII в. и даже вольтерьянство, столь стремительное и легкое, лишь скользнули бы, подобно искоркам, по поверхности общества: сила сопротивления янсенизма является свидетельством непрерывного роста осмотрительной и сильной буржуазии, которую чрезвычайно острый кризис бросит в объятия философии.

Способствуя вырванию под оболочкой несколько суровой буржуазии общественных сил свободомыслия, Париж готовился таким образом всерьез к своей роли революционной столицы. В этом отношении безрассудная затея Фронды, когда буржуазия и парламент на какое-то время стали жертвой интриг принцев, оказала Парижу полезную услугу. Поссорив Париж с королем, пробудив исконное недоверие Людовика XIV, Людовика XV и Людовика XVI,

Фронда поставила Париж в какой-то степени вне повседневной жизни королевского двора.

Королевская власть пребывала и торжествовала в Версале. А Париж, хотя тоже роялистский, не был непосредственно поглощен сиянием, исходившим от монархии, и благодаря этому постепенно обрел смутное сознание некой национальной жизни, отличной от королевской власти. Когда Вобан, в своем замечательном выражении, назвал Париж «истинным сердцем королевства, общей матерью французов и Францией в миниатюре», он дал Парижу, сказал бы я, определение скорее французское, чем монархическое.

Как в дни славы, так и в дни печали пламя патриотизма пылало в Париже сильнее, нежели монархические верноподданнические чувства. В одном из своих писем Буало говорит о том, как горячо встречает народ Парижа победоносных генералов. «Простонародье» приветствует в их лице не представителей королевской власти, а героев, созидающих славу нации. И в 1714 г., в тот трагический час, когда имперские войска * угрожали самому сердцу страны, Людовик XIV воскликнул: «Я знаю моих парижан. Я пойду к ним, я расскажу им о грозящей Франции опасности, и они дадут мне двести тысяч солдат». Со стороны загнанной в тупик и дряхлеющей королевской власти это был величественный и благородный акт веры в сохраняющий свою жизненную силу Париж. Но это и волнующий призыв королевской власти к отечеству, как к силе уже тогда высшей!

ДЕЛОВАЯ ЖИЗНЬ ПАРИЖА

Затем, на протяжении всего XVIII в., Париж ведет жизнь, где царят спекуляция, роскошь, мысль и дух, жизнь столь кипучую и ослепительную, что его историю можно было бы рассказать, опустив почти полностью историю королей. Однако, ведя эту кипучую жизнь, Париж не изолирован от нации, он не отделял себя от Франции. Идеи его философов, его писателей, его экономистов оказывали возбуждающее действие на мышление восторженной и усердной буржуазии любого крупного промышленного и торгового города. Устанавливались даже новые связи

1. Камю (1740—1804) — адвокат парламента, депутат третьего сословия от Парижа. Грегуар (1750—1831) — священник прихода Амбермений, депутат духовенства от баляжа Нанси, будущий конституционный епископ Блуа.

2. См., в частности: E. d. P. Grésslin. Les Jansénistes au XVIIIe siècle et la Constitution civile du

clergé. Paris, 1929; R. Tavenaux. Jansénisme et politique. Paris, 1965.

* Речь идет о Войне за испанское наследство 1701—1714 гг., в которой Франции противостояла объединенная коалиция Англии, Голландии и Священной Римской империи. — Прим. ред.

между Парижем и деревней. На антресолях, где встречался и размышлял со своими учениками Кенэ, предметом их страстного изучения был вопрос о возрождении сельской жизни и сельскохозяйственного производства¹. Экономисты поняли, что сельское хозяйство должно быть оплодотворено посредством свободного обращения продуктов и широкого вложения капиталов. Таким образом, их аграрная концепция увязывалась с великой буржуазной теорией свободного труда и свободного развития*. И вопреки тому, что внешне она представлялась направленной против промышленности, эта аграрная концепция составляла единое целое с капитализмом нового времени. Таким образом, Париж, которого водоворот мысли, роскоши и золота, казалось, отдалял от деревни, становился, наоборот, как бы столицей огромных хлебных полей: издавек он бросал в борозды горячие семена, из которых должно было родиться аграрное богатство нового типа. И лишь одного ему недоставало, чтобы слиться с Францией в единое целое: Революции.

И парижская буржуазия, так же как и буржуазия Бордо, Нанта, Марселя, Лиона, Дофине и всей Франции, самым фактом своего экономического роста непреодолимо продвигалась к свершению своего революционного предназначения.

Я уже говорил о многочисленной породе рантье, почти полностью сосредоточенной в Париже, которой предстояло с такой силой и твердостью послужить делу Революции в борьбе с обанкротившейся королевской властью. Но и в промышленности и в торговле наблюдался большой подъем.

Выступая на одном из первых заседаний Учредительного собрания, Мирабо сказал: «Париж никогда не был, не является и никогда не будет торговым городом». Такое заявление несколько удивляет, и его нельзя было бы понять, если не принять во внимание, что в то время Мирабо спорил с делегатами Сан-Доминго, которые требовали предоставления их острову широкого представительства в Генеральных штатах и мотивировали это размерами его торговли. «Если так рассуждать,— сказал Мирабо,— и подходить с такой меркой, то Париж должен был бы иметь лишь очень небольшое представительство». Он, очевидно, сравнивал торговлю Парижа с торговлей Сан-Доминго и хотел сказать, что Париж, в отличие от Сан-Доминго, не ведет значительной оптовой торговли.

Остров Сан-Доминго производил и экспортировал огромное количество сахара, какао и т. п. В Париже не было ничего похожего на массовое производство и экспорт каких-либо изделий. Производство Парижа было крайне разнообразным и раздробленным. Оно охватывало весьма значительное количество различных изделий. И экспортные возможности этого большого города были, несомненно, значительно ниже возможностей его собственного потребления. В течение двух столетий его население быстро

росло и примерно к 1789 г. превышало 700 тыс. человек². Таким образом, Париж был рынком сбыта для Парижа. Это был огромный город, где много расходовали, по меньшей мере столько же, сколько производили. И поэтому Париж не мог питать тех больших торговых течений, которые прокладывали себе пути по всему миру.

Удаленный от моря Париж, в отличие от Лондона или Амстердама, не мог стать крупным складом для товаров со всего мира. Однако Париж имел несколько сильно развитых отраслей промышленности, в частности кожевенное производство, сосредоточенное в предместье Сен-Марсель, на реке Бьевр. В 1789 г. подрядчики, желая увеличить снабжение города Парижа водой, решили использовать для этой цели воды реки Бьевр. Все предместье Сен-Марсель выступило против этого, и текст этого протеста, найденный мною в наказах Парижских кварталов вне городских стен (Парижского округа), дает разительное представление об индустриальной мощи этого предместья³. В чем была цель всех регламентов Кольбера? Она заключалась в том, чтобы удалить из центральных кварталов Парижа сыromятников, кожевников, красильщиков и других и одновременно предоставить им постоянное и удобное убежище в предместье, где они, пользуясь привилегиями парижских буржуа, могли бы обеспечить процветание отраслей промышленности, коих важное значение было очевидно. Для этого необходимо было найти подходящее место. Выбор пал на предместье Сен-Марсель и на реку Бьевр, которая была предоставлена в собственность этим ремесленникам властями, причем им было разрешено самое широкое использование не только вод этой реки, но и всех ее притоков. В дальнейшем кожевники, красильщики и сыromятники организовались в соответствующие цехи с тремя старшинами во главе, избираемыми в каждом цехе, и в течение столетий пользовались полным покровительством правительства... Результатом этого разрешения были огромные расходы, бремя которых легло на заинтересованных производителей: трудно сказать, во что обошлось собиранье вод всех притоков,

1. О движении физиократов см. работы: G. Weulersse. *Le Mouvement physiocratique en France de 1756 à 1770*. Paris, 1910; его же. «La Physiocratie à la fin du règne de Louis XV. 1770—1774». Paris, 1959; его же. «Les Physiocrates sous les ministères de Turgot et de Necker. 1774—1781». Paris, 1950.

* См.: В. П. Волгин, Развитие общественной мысли во Франции XVIII в. М., 1958.

2. Эта цифра представляется преувели-

ченной. Следует, пожалуй, исходить из цифры 600—650 тыс. жителей Парижа к концу старого порядка. По этому вопросу см.: Albert Soboul. *Les Sans-culottes parisiens en l'an II*, p. 433. (См.: Альбер Собоуль, Парижские санкюлоты во время Якобинской диктатуры. М., 1966).

3. Les élections et les cahiers de Paris en 1789, documents recueillis, mis en ordre et annotés par Ch.-L. Chassin. T. IV: «Paris hors les murs». Paris, 1889.

впадающих в реку Бьевр, с тем чтобы поднять ее уровень до его нынешнего состояния. Трудно сказать, во что обходится ежегодно охрана вод, их ежегодная очистка, во избежание засорения течения этой реки теми отходами, которые мыльные и загрязненные воды оставляют на дне ее русла.

«Все эти расходы еще ничто в сравнении с предприятиями, существующими в предместье Сен-Марсель. Все здания там построены для различных промыслов. Если их лишить реки, все эти здания превратятся в скелеты, совершенно бесплодные для их владельцев и для государства. Тридцать тысяч человек живет там и кормится, ибо они там трудятся, потребляют, платят налоги и служат королю. Промышленность там работает непрестанно и непрестанно обновляется».

Понятно, что этому суровому трудовому народу, постоянно вдыхающему острый запах кож, вытирающему испачканные краской руки о свои пестрые фартуки, изнеженная и дорогостоящая аристократия должна была внушать презрение и ненависть. В кожевенном и красильном промыслах было мало крупных хозяев, ибо даже ныне, несмотря на капиталистическую концентрацию, на берегах реки Бьевр сохранились мелкие и средние предприниматели, а кожевенное производство особенно отличается слабой концентрацией. Эти мастера чаще всего работали вместе со своими рабочими, и все они вместе, с суровой гордостью угнетенного и эксплуатируемого труда, поднимались против дворянско-монархической системы. Особенное ожесточение вызывала у всех производителей кожевенного промысла тяжелая королевская налоговая система, бремя которой еще усугублялось привилегией, освобождавшей дворян от уплаты налогов. С 1760 г. они со все возрастающим раздражением подчинялись налогу, который взыскивали с них за клеймение кожи.

Дюпон де Немур ярко сформулировал жалобы всей кожевенной промышленности на податную систему старого порядка в наказе, составленном им для своего бальяжа¹. «Этот налог несправедлив сам по себе, ибо он установлен в размере 15% общей стоимости товара, то есть более 50% прибыли, которую на нем возможно получить. Он связан с теми же обысками и притеснениями, как и взимание косвенных налогов. Он связан с еще более жестокими притеснениями, потому что чиновники властны не только подозревать и обвинять в обмане, но и подозревать и обвинять в одном из самых позорных преступлений, в подделке! И когда им вздумается бросить столь жестокое обвинение, то даже самый честный человек не в силах убедить их в том, что они ошибаются. И для спасения своей чести ему остается только купить их молчание, как это мог бы сделать преступник.

В самом деле, из всех возможных материалов кожа наиболее способна садиться от сухости, растягиваться от влажности, полностью деформироваться в результате последовательной смены

того и другого. Таким образом, можно утверждать, что нет ни одного правильного клейма, которое по прошествии нескольких месяцев нельзя было бы счесть за фальшивое с большой долей вероятности, как и нет ни одного фальшивого клейма, тщательно сработанного, которое можно было бы по какому-либо признаку отличить от подлинного.

Эта невозможность точного определения была признана даже в преамбулах ряда законов, изданных по этому вопросу. И тем не менее этими законами установлены наказания *вплоть до каторжных работ для мужчин и кнута для их жен и дочерей*. Как будто, если бы даже и был обман, эти невинные создания могли сопротивляться воле отца или мужа. Как будто нельзя допустить, что они не знали, что делается в мастерской. Как будто, даже зная это, они могли бы донести об этом, презрев все добродетели своего пола! Что это за законодательство, которое хочет превратить их в шпионов в лоне их семьи или в жертв фиска. Какие души могли продиктовать подобные законы!..

Сбор с клеймения кож ужасающим образом сокращает производство и торговлю. Даже реестры управляющих взиманием этих сборов, расчеты, представленные ими с целью доказать, что взимаемый ими сбор не так пагубен, как это утверждают предприниматели, свидетельствуют о том, что работа кожевенных мастерских королевства сократилась вдвое за те 29 лет, что они обложены этим сбором и подвергаются судебным преследованиям, неразрывно связанным с этим сбором».

Следует иметь в виду, что Дюпон де Немур далеко не красноречив; наоборот, составленный им наказ замечателен как раз своей точностью и ясностью. Он позволяет измерить все бесстыдство монархии. Она собирает у ворот Парижа 30 тыс. рабочих и мелких хозяев. А затем, чтобы раздобыть средства, которых она не смеет требовать у эгоистичных привилегированных бездельников, взваливает все бремя на производителей. И, ставя на кожи клейма, чтобы взимать налог, она доходит до того, что при малейшем обмане или видимости обмана клеймит их самих, отправляя на каторгу, и стегает кнутом их жен и дочерей. Не удивительно, что в решающие часы Революции из этих темных домов, где столько рабочих и мелких хозяев годами вынашивали ненависть, вышли грозные легионы, оцетинившиеся пиками. Конечно, в ходе больших социальных битв недовольство общего порядка, классовые требования оттесняют на второй план или по меньшей мере

1. Наказ третьего сословия бальяжа Немур был опубликован в «Archives parlementaires», t. IV, p. 112. Этот наказ написан Дюпоном де Немур или во всяком случае под его влиянием. Дюпон де Немур (1739—1817) — член государст-

венного совета, землевладелец в приходе Шеванн. Последователь Кенэ, он опубликовал в 1767—1768 гг. «La Physiocratie». Он был сотрудником Тюрго и разделил с ним опалу. Депутат третьего сословия от бальяжа Немур.

поглощают частные требования. Все же ничего странного не было бы в том, если бы среди революционеров предместья Сен-Марсель, отправившихся 10 августа против Тюильри, было немало таких, кто хотел отомстить за рубцы от кнута, которым когда-то истязали его жену или дочь.

К этому промышленному классу, состоявшему из мелких хозяев и пролетариев, примыкал в предместье Сен-Марсель, выражаясь современным языком, некий живописный «люмпен-пролетариат»¹. «Предместье Сен Марсель,— пишет Мерсье,— было во все времена пристанищем рабочих всех категорий, с которыми смешивались тряпичник, золотарь, колодезник, грузчик, торговец целебными настоями, специалист по стрижке собак, бродячий музыкант, торговец каштанами, нищий». Конечно, не эти люди случайных и причудливых профессий, забавлявшие предместье и придававшие ему известную красочность, составляли силу Революции. Эту силу составляла та трудолюбивая и суровая буржуазия, жившая бок о бок с рабочими, которая вместе с ними выйдет из мрачных домов, как выливается лава из угрюмого вулкана, лава, несущая камни различных пород, сплавленные вместе единым огнем.

И в Сент-Антуанском предместье производство также достигло значительного развития. В своих «Картинах Парижа» Мерсье делает такое лаконичное и несколько загадочное заявление²: «Я не знаю, как это предместье существует: там всюду продают мебель, а бедняки, что там проживают, все без мебели». Ясно, что роскошная мебель, изготовлявшаяся в предместье для буржуазии и двора, не оставалась в бедных жилищах рабочих. Но если только Мерсье в данном случае не поддался просто соблазну эффектного противопоставления, если он действительно хотел сказать, что рабочее население Сент-Антуанского предместья выделялось своей бедностью, то такое утверждение представляется весьма рискованным. Во-первых, сам Мерсье в другом месте жалуется на то, что рабочие, занятые на строительстве или украшении домов, запрашивают высокую плату, и нельзя понять, почему ремесленники Сент-Антуанского предместья, изготовлявшие мебель и обои, одни только оказались обездоленными. Во-вторых, в страшную зиму 1788/89 г., когда так сильно бедствовали кварталы Кордельеров и Сен-Жермен-де-Пре, не было упоминаний о Сент-Антуанском предместье. Кроме того, мы знаем, что к тому времени Париж в течение уже 25 лет переживал небывалую строительную лихорадку, что представители богатых классов соперничали, стараясь превзойти друг друга в роскошном убранстве своих новых особняков. Как же могло случиться, чтобы квартал, поставлявший мебель и обои, не извлек для себя выгоды из этой деловой горячки? Каким образом рабочие, от которых требовали художественной и быстрой работы, не сумели легко добиться вознаграждения, по меньшей мере равного тому, которое получали люди других ремесел? Наконец, как можно объяснить единодушный революцион-

ный взрыв Сент-Антуанского предместья, ведь крайняя гнетущая нищета должна была бы заставить ремесленников и рабочих последовать приказам привилегированных, которые с первых же дней претендовали на роль защитников бедного голодного люда? Вот почему, вне всякого сомнения, Сент-Антуанское предместье располагало той степенью благосостояния, которая была характерна для старого порядка. Революция поднялась не со дна нищеты. И та популярность, которую так легко приобрел крупный пивовар Сантер, ясно свидетельствует о том, что рабочие, ремесленники, предприниматели были охвачены одной и той же страстью, увлечены одним и тем же движением и что там, как и всюду, руководящую роль играла промышленная буржуазия.

Одно лишь событие как будто говорит о начале антагонизма между буржуазией и пролетариатом, а именно народное возмущение против богатейшего торговца обоями в Сент-Антуанском предместье Ревельона³. Но этот инцидент остался темной загадкой, ключ к которой вряд ли когда-нибудь найдется. Ревельон был одним из тех буржуа 1789 г., которые особенно решительно выступали за признание прав третьего сословия, за созыв Генеральных штатов, за удвоение числа представителей третьего сословия, и он был одним из наиболее влиятельных выборщиков в своем округе.

Восстание вспыхнуло как раз тогда, когда парижские выборщики, которых созвали с опозданием, второпях приступили к выборам своих депутатов. 27 апреля распространился слух, что на собрании выборщиков Ревельон выступил с требованием, чтобы заработная плата была не выше 15 су. При тогдашней цене хлеба это означало обречь рабочих на голодную смерть. Действительно ли он выступил с таким неосторожным и отвратительным требованием, а созданная им для его рабочих касса вспомоществования была лишь приемом фальшивой благотворительности, за которой скрывалась отвратительная эксплуатация? По рассказам современников, более вероятным представляется, что смысл его злополучного выступления был совсем другой. Он потребовал, чтобы цена пшеницы была снижена таким образом, чтобы рабочий мог

1. Согласно перечню населения Парижа на предмет снабжения продовольствием от 13 плювиоза III г. (1 февраля 1795 г.), секция Фипистер, то есть предместье Сен-Марсель насчитывала 11 775 жителей, в том числе 4961 неимущего, то есть 42%, согласно докладу от 14 жерминаля II г. (3 апреля 1794 г.)
2. «Tableau de Paris», t. IX, p. 258. Вслед за цитируемой Жоресом фразой Мерсье продолжает: «Три

- четверти покупок приходится на сельских жителей, которым обычно сбывали только худший товар или самое грубое, что бывает в такого рода торговле».
3. О мятеже 27 апреля 1789 г. см.: С. А. Л о т т е. Дело Ревельона. «Французский ежегодник, 1958», М., 1959; G. R u d e. The Crowd in the French Revolution. Oxford, 1959, chap. III: «Prelude to Révolution».

жить на 15 су в день. Он исходил из того, что тревожило большинство промышленников XVIII в.: они рассматривали проблему зерна в плане влияния, которое цена хлеба оказывает на размеры заработной платы. Но этой его фразе можно было легко дать другое истолкование, и она вызвала очень сильное волнение в Париже. Огромная вооруженная камнями толпа двинулась с угрозами к дому Ревельона, сожгла под окнами изображавшее его чучело, разграбила самый дом и прошла по Гревской площади, требуя смерти Ревельона.

Вызванные лишь через 24 часа солдаты открыли на улице Сент-Антуан огонь по народу, и на мостовой осталось лежать немало жертв. В чем действительно заключалась причина и смысл этого движения? Мишле, ссылаясь на длительную пассивность солдат в течение целого дня, высказывает предположение, что если двор и не разжигал этого движения, то, во всяком случае, он рад был дать ему развернуться, чтобы напугать Париж и Францию как раз тогда, когда должны были собраться Генеральные штаты; таким образом ему легче было бы держать депутатов в руках. В поведении королевского двора было столько двуличия и интриганства, что нельзя безоговорочно отвергнуть такую гипотезу. Камиль Демулен заявил без колебаний, что совершенные 27 и 28 апреля насилия были действиями разбойников, учиненными для того, чтобы скомпрометировать дело народа. Другие обвиняют некоего подозрительного священника, аббата Руа, жившего чем придется и разоблаченного Ревельоном в подделке документов, и считают, что это дело его рук, затеянное из мести. Возможно также, что движению способствовала та ненависть, которую крупная мануфактура Ревельона, давившая всех конкурентов, вызвала даже внутри третьего сословия, среди ремесленников и мелких производителей. Все же, когда читаешь протоколы допросов раненых, которых положили попарно на больничные койки Отель-Дё, то выясняется, что в действительности большинство из них вовсе и не были рабочими Ревельона и даже не проживали в предместье.

«По делу проходили» рабочие всех цехов. Многих задержанных таким образом поспешно судили и повесили. С глубоким волнением и мучительной скорбью останавливаемся мы перед этими больничными койками, где впервые видим пролетариев, сраженных пулями старого порядка за нападение на богатого буржуа, поборника Революции, перед этими виселищами, на которых были повешены несчастные рабочие, жертвы издыхающей королевской юстиции, преданные новым революционным классом и заклеенные как разбойники. Мы хотели бы быть к ним справедливыми, но их несчастные, сведенные судорогой лица не выдают нам своей тайны. Были ли они просто грабителями, поджигавшими, чтобы иметь возможность красть? Были ли они тайными агентами монархической реакции? Или бессознательным орудием первой

интриги контрреволюции? Или же в атмосфере всеобщего брожения надвигающейся Революции они поддались озлоблению голода и сбежались со всех концов столицы, не ведая иного приказа, кроме приказа их общей нищеты? Не представляют ли они, еще до начала великой революционной драмы, некий странный пролетарский пролог? Следует ли видеть в них низких прислужников старого порядка или авангард народного движения 5—6 октября? Эта проблема представляется тем более неразрешимой, что ни одна из двух готовившихся сразиться сторон, по-видимому, не попыталась в ней разобраться: двор из страха обнаружить следы работы его полиции, а революционная буржуазия из страха обнаружить в уже подготовленной почве буржуазной Революции темные и глубокие подземные ходы нищеты. Так или иначе, я отмечаю, что эта двусмысленная драма не имела никаких отголосков. Позднее народ будет мстить за побоище на Марсовом поле; но я нигде не нахожу и намека на расстрелы в Сент-Антуанском предместье и на казни осаждавших... Как будто эти виселицы, воздвигнутые у самого порога Революции, оказались вне истории. Похоже на то, что и само Сент-Антуанское предместье быстро забыло об этом мрачном эпизоде. Эти виселицы не бросают никакой тени на блестящие июльские события Революции. И такова историческая сила буржуазной Революции, так непререкаема в то время ее гордая закономерность, что буржуа и пролетарии вместе штурмуют Бастилию, и кровь рабочих, пролитая из-за буржуа Ревельона, не рождает между ними даже признаков раздора или тягостных воспоминаний. Такова истина — человечество хранит в памяти лишь тот гнев и ту ненависть, которые помогают ему в его продвижении вперед!

Но и за пределами этих двух крупных промышленных кварталов парижская буржуазия ведет различную и многообразную деятельность. Снабжение города продуктами питания является предметом широкой торговли. В Париж ежегодно ввозится 1500 тыс. мюидов * зерна, 450 тыс. мюидов вина, 100 тыс. быков, 420 тыс. баранов, 30 тыс. телят, 140 тыс. свиней¹. Погребов виноторговцев занимают по территории три четверти подземной столицы.

Для продовольственного снабжения столицы создавались крупные финансовые общества, пользовавшиеся более или менее широкими привилегиями. Искусство приготовления съестных припасов стало более изощренным, и наши солдаты находили впоследствии в магазинах Москвы продукты, отправленные туда парижскими купцами. Пекарное дело во второй половине столетия достигло

* Старинная мера емкости. — Прим. ред.

1. См.: R. P h i l i p p e. Une opération pilote: l'étude du ravitaillement de Paris au temps de Lavoisier. — «Annales. Economies, So-

ciétés, Civilisations», 1961, p. 564. Критические замечания см. в статье А. Соболя в: «Annales historiques de la Révolution française», 1961, p. 418.

огромных успехов¹. Была создана бесплатная пекарская школа, в которой преподавали замечательные ученые, с целью заменить рутинное производство научно разработанным способом. «Хлеб в Париже выпекается лучше, чем где бы то ни было,— говорит Мерсье,— во-первых, потому, что несколько булочников приложили к этому делу свое искусство. Во-вторых, химики научили нас смешивать зерно и следовать этому искусству, начиная с приготовления закваски и до выпечки. Благодаря этим профессорам, хлеб, который едят у нас в больницах, лучше того, который продается в самых богатых домах Швейцарии». Производство одежды и обуви тоже совершенствовалось. «В 1758 г. я платил 3 ливра 15 су за такую же пару ботинок, за какую ныне, в 1788 г., я плачу 6 ливров 10 су. Кожа несколько хуже, но обувь более элегантна. Сапожник, обслуживающий дворянина и богатого буржуа, одет в черное платье, парик его хорошо нанудрен, на нем шелковая куртка, вид у него секретаря суда».

Но поразительная активность и удивительный прогресс наблюдаются особенно в строительной промышленности. Начнем с некоторых указаний и краткого описания у Мерсье, относящихся к 1785 г.² «За последние 25 лет треть Парижа перестроена строительными подрядчиками. Городская земля стала объектом спекуляций. Целые легионы каменщиков были вызваны в Париж. Выскочка хочет иметь обширные палаты, а купец хочет жить по-княжески. Центральная часть города изменилась под ударами неумолимого молотка каменотесов. Приют для слепых Кенз-Вен исчез, на его территории разместилась анфилада новых симметрично построенных зданий. Дом инвалидов, которым, казалось, следовало бы отдыхать на лоне природы, окружен новыми домами. Старый Монетный двор уступил место двум улицам. Шоссе д'Антен стало новым большим кварталом. Нет больше ворот Сент-Антуан. *Только Бастилия еще твердо держится*, как будто хочет непрестанно устрашать нас своим безобразным видом. Аббатство Сен-Женевьев и церковь Мадлен окружены лебедками, поднимающими вверх огромные камни.

На соседних с Монруж равнинах можно видеть, как вращаются эти колеса, имеющие от 25 до 30 футов в диаметре. Несмотря на такое множество новых зданий, размеры квартирной платы не снижаются».

Мерсье отмечает быстрое обогащение крупных подрядчиков. «Строительные подрядчики должны были сильно разбогатеть, после нескольких лет работы они становятся вполне зажиточными. Нет ни одного ремесла, более доходного, чем их. Нобедный каменщик, погружающий свои руки в известь, подобно солдату, остается бедняком и после 10 лет работы, тогда как мастер-каменщик, который видит мастеров, но не прикасается к нему, обьезжает в экипаже рассеянные фаланги своих штукатуров и напоминает полковника, производящего смотр своим солдатам».

Финансисты, разбогатевшие буржуа, торжествующие капиталисты, выраставшие как грибы богачи спешили. И чтобы удовлетворить их нетерпение, в строительном искусстве были изобретены быстрые способы: «Зал Оперы был построен за 75 дней; здание Багатель — в 6 недель; Сен-Клу изменил свой облик за несколько месяцев. Недавно придумали новую конструкцию, позволяющую возводить остов здания с меньшим количеством толстых балок; до сих пор остовы делались излишне тяжелыми, и они утяжеляли здание».

ЧУДЕСНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ ПАРИЖА

И не надо думать, что нарисованная Мерсье картина — плод полуфантастического сочинения моралиста, с язвительным любопытством отмечающего рост роскоши. Наоборот, ему скорее можно поставить в упрек, что он не дает достаточно яркого представления о чудесном превращении, совершавшемся в Париже во второй половине XVIII в. Я заимствую у г. Монена («Состояние Парижа в 1789 г.»)³ сжатое описание работ по строительству улиц; но и это описание далеко не полное. Когда читаешь описание кварталов Парижа, которое дал Жайо в начале царствования Людовика XVI⁴, то удивляешься огромной работе по градостроительству, начавшейся при Регентстве. При Людовике XVI эта работа приняла еще больший размах. «Известно,— пишет г-н Монен,— что в последние два столетия Париж разрастался главным образом на правом берегу Сены. Это связано с относительной удаленностью возвышенностей... Но долгое время наличие большой сточной канавы (бывший ручей Менильмонтан) было причиной отдаления жилых домов. Только после того, как Мишель Этьенн Тюрго, купеческий старшина, перекрыл ее каменными сводами и обеспечил ее регулярную очистку путем устройства верхнего резервуара (1740 г.), началось изменение Гранж-Бательера, Поршерона, Виль-д'Эвека и Руля. Прежние болота превратили посредством привезенной туда земли в сады для прогулок. Шоссе д'Антен заселилось. Вслед за улицами Прованс и д'Артуа (ныне улица Лаффита) были проложены улицы Нёв-де-Матюрен (1778 г.). Нёв-дэ-Капюсин (ныне улица Жубера, 1780 г.), Сен-Никола (1784 г.). Укажем также на правом берегу Сены, в западной части — улицу д'Артуа (1775 г.), улицу Колизе (1779 г.),

1. См.: A. Birembaut. Le problème de la panification à Paris en 1790.—«Annales historiques de la Révolution française», 1965, p. 361.
2. «Tableau de Paris», t. VII, p. 190.
3. H. Monin. L'État de Paris en 1789. Études et documents sur

l'Ancien Régime à Paris. Paris, 1889, p. 430.

4. Жайо (Jaillot) (1710—1780) является автором «Recherches critiques, historiques et topographiques sur la ville de Paris, avec le plan de chaque quartier» (1772).

улицу Матиньон (1787 г.), поначалу называвшуюся улицей Милле, по имени первого лица, построившего там для себя дом; в центре и северной части — улицу Шабанэ, названную так в соответствии с жалованной грамотой, полученной маркизом де Шабанэ (1773 г.), улицу Лува, названную в соответствии с жалованной грамотой маркизу де Лува (1784 г.), улицу Траси (1793 г.); улицы Отвиль, л'Эшикье, д'Ангьен, в местности Фий-Дьё (1784 г.); улицы Мартель, Бюффо (1777 г.); улицу Рише, расширение улицы де л'Эгу (1782 и 1784 гг.); улицы Монтолон, Папийон, Рибутте (1786 г.). Продажа королевскому дому и городу Парижу земель, принадлежавших семейству Шуазель, дала возможность построить здание для Итальянской комедии и проложить улицы Нёв-Сен-Марк, де ла Террас, Турнад и д'Амбруаз. В северо-восточной части города, вслед за улицей Ланкри (1777 г.), за счет земель особняка де Буан были проложены улицы Бретейль, Буан и Крон (1787 г.). Герцог Ангулемский, великий приор Франции, получил разрешение проложить новые улицы на землях Маре дю Тампль, в том числе улицу д'Ангюлем. Наконец, восточнее Бастилии аббатисы, настоятельница и монахини королевского аббатства Сент-Антуан-де-Шан получили разрешение проложить на их землях новые улицы, устроить рынок и фонтаны (1777—1789 гг.)».

Да простят мне это перечисление, впрочем, далеко не полное. Но нет более показательной приметы поразительной деловой активности Парижа в предшествующий Революции период, нежели это градостроительство, этот внезапный рост новых кварталов. Псевдореалист Тэн, пространно описывающий причуды салонов при старом порядке, даже не обратил внимания на это громадное движение камней, свидетельствующее о громадном движении интересов. А ведь все это движение по обновлению города проводилось на протяжении двух столетий, все больше и больше, силами парижской буржуазии. Это она руководила этим движением, осуществляла его и извлекала из него выгоду. Это она, в лице своих купеческих старшин, своих эшевенов, архитекторов, подрядчиков, выработала те простые и широкие планы, которые затем осуществлялись. Буржуазию поддерживали в этом короли, обладавшие чувством величия и единообразия. Людовик XVI объявил в 1783 г. целую программу мер, предназначенных «дать путям ширину, отвечающую потребностям, и выпрямить их изгибы». Монархия, давшая Версалью столь четкую и столь величественную планировку, не могла мириться со сложностью, запутанностью и беспорядком, которые Париж унаследовал от Средних веков. И склонность гордой и активной буржуазии, стремившейся облегчить обращение товаров и движение людей и выставить на свет широких улиц фасады своих новых особняков, замечательно согласовалась с королевской склонностью к величию. И наоборот, дворяне и монахи, всеми своими чувствами связанные с прошлым, заинтересованные в сохранении под сенью своих

мощных обителей смиренных обитателей бедных домишек, сопротивлялись необходимым переменам: они смутно сознавали, что эти смело прорубаемые новые улицы, с их светом и движением, угрожают их древним привилегиям.

Длинный перечень дворян, получивших жалованные грамоты на прокладку новых улиц и на сооружение новых кварталов, не должен никого вводить в заблуждение. Для большинства из них это было лишь приличной формой отчуждения. Когда они разорялись, когда они не могли больше содержать свои просторные особняки, они жертвовали частью: продавали по высокой цене землю, рассчитывая получить от этих операций такую прибыль, которая позволит им затем выгодно продать свою недвижимость. Или же их тоже охватывала лихорадочная жажда нового и, томясь скукой в своих торжественных дворцах, они хотели вкусить той утонченной роскоши, которую видели у финансовых дельцов. Но импульс всегда исходил от парижской буржуазии. Следовательно, именно ей принадлежит честь разработки большого плана работ, на основе которого на протяжении XVII и XVIII вв. и создавался новый Париж. Ее главные усилия были направлены на то, чтобы освободить течение Сены, устранив то множество мелких островков, которые затрудняли проход по ней, и соорудив широкие и высокие, поставленные на аркады набережные, которые предотвратили бы обвалы, увлекавшие с собой прибрежные хижины. Помимо этого, буржуазия сооружала большое количество мостов, производила осушение болот, покрывавших часть квартала Монмартр и квартала Центрального рынка, и таким образом способствовала расширению Парижа на запад.¹

Буржуазии принадлежит замысел этих больших работ, она же и осуществила их. Это она выдвигала из своих рядов архитекторов, инженеров, подрядчиков, капиталистов. А дворяне, которые вначале получали концессию на производство работ, и здесь выступали лишь как паразиты, и буржуазии угломера и циркуля не терпелось страхнуть с себя эту тягостную опеку. В книге Жайо я нахожу указание на то, что в первой половине XVII в. крупному подрядчику Мари было поручено во исполнение договора, заключенного между городом и канониками Нотр-Дам, укрепить земляную площадку и покрыть ее камнем. Этот же крупный подрядчик построил и мост Мари. Позднее маркиз де Ла Фейад уступил другому крупному подрядчику-буржуа подряд на сооружение площади Виктуар, на что он получил привилегию от короля. Было бы интересно составить список архитекторов и подрядчиков XVIII в. Они представляли собой одну из главных сил парижской капиталистической буржуазии и были, безусловно, готовы служить делу Революции; во-первых, потому, что Революция, упростив отношения собственности, устранила бы с их пути бесчисленные препоны, воздвигаемые пережитками феодального права; во-вторых, потому, что они лучше других могли видеть ослабление, социаль-

ный упадок дворянства и одновременно экономический рост класса буржуазии, хозяина будущего.

В самом деле, именно буржуазия завоевывала Париж, и можно сказать, что накануне Революции она владела им почти полностью.

Конечно, еще много старинных и прекрасных особняков и некоторые из числа новых принадлежали дворянству. Однако уже многие даже из этих аристократических особняков были приобретены финансистами или членами парламента (см. каталог графа д'Окур: «Старинные особняки Парижа»¹).

На протяжении двух столетий прекрасные дома строились преимущественно «слугами короля», королевскими статс-секретарями, такими, как Кольбер, Лувуа, Филиппо де ла Врийер. Но эти детали, уже отмеченные в исторических работах и для более полного знакомства с которыми я отсылаю к весьма ценной книге Жайо, не имеют и малой доли того значения, которое имеет другой важный вопрос, донныне оставшийся в тени, а именно: кто владел в целом недвижимой собственностью в Париже? Какому обществу принадлежали 25 тыс. домов этого большого города с населением в 700 тыс. душ? Разумеется, я не говорю о церковной собственности аббатств и религиозных общин, которые во множестве мест загромождали Париж. Я говорю о домах «светских». Кому они принадлежали: духовенству, дворянству или третьему сословию, и в какой пропорции? Вот ответ на этот вопрос; и, может быть, нам дозволено будет сказать, что этот ответ представляет своего рода историческое открытие, способное внушить другим исследователям идею аналогичных поисков. Как известно, архитектор Вернике составил в 1785—1789 гг. подлинно мастерский план города Парижа². Это первый научно и тригонометрически выполненный план великого города.

Под руководством Вернике 60 инженеров работали в монастыре Кордельеров. Частенько, когда днем трудно было производить работы по обмеру из-за большого движения на улицах, они предпочитали работать ночью, при свете факелов. Этот труд вызывает восхищение. В музее Карнавале находится часть эскизов этого плана, к счастью сохранившаяся при пожаре: каждый парижский дом там точно обозначен, и над каждым написана фамилия владельца. Это указание внушило мне мысль произвести некоторые исследования, в которых мне помог г-н Марсель Руфф. Сначала я установил, что за исключением знаменитых особняков, которых насчитывалось от трехсот до четырехсот, владельцами всех домов были люди с фамилиями буржуа. Затем, сопоставляя — улица за улицей, причем для довольно значительного числа их, — помеченные в плане Вернике фамилии владельцев с фамилиями жителей, указанными в адрес-календарях того времени, своего рода маленьких Боттэнах^{*} для 1786, 1787, 1788 и 1789 гг., я пришел к следующему любопытному выводу: список домовладель-

цев почти никогда не совпадает со списком жителей той же улицы, почти никогда фамилия владельца дома не повторяется среди фамилий жителей.

Таким образом, следует считать доказанным, что еще до Революции дома Парижа отнюдь не были местом жительства для их владельцев: они были источником ренты, помещением капитала. И поскольку все фамилии домовладельцев принадлежат буржуа, даже на улицах, где проживают дворяне, то это доказывает, что буржуазия взимала арендную плату со всей недвижимости Парижа и что, за исключением нескольких сот знатных семейств, само дворянство было на положении квартиросъемщика у буржуазии. Какого же внушительного экономического могущества и какого высокого уровня социальной зрелости достигла буржуазия! Городская недвижимая собственность приобрела столь важное значение для буржуазных рантье, что даже было учреждено крупное акционерное общество по страхованию от огня³. Мерсье в своих «Картинах Парижа» отмечает, что почти на всех домах была надпись MACL (*maison assurée contre l'incendie* — дом застрахован от пожара)⁴. Так как он приводит при этом плоскую революционную шутку: «Marie-Antoinette cocufie Louis» («Мария Антуанетта наставляет рога Людовику»), то можно было бы заподозрить его в том, что он преувеличил число страхований, для того чтобы шутка произвела большее впечатление. Но в книге Жайо я нахожу указание на то, что еще в 1750 г. особняк де Жевр был приобретен страховым обществом, проводившим там свои заседания и украсившим его фасад щитом с королевским гербом. Очевидно, деятельность общества приняла значительные масштабы вместе с огромным ростом городского строительства в царствование Людовика XVI. Таким образом, мы констатируем существование в Париже в XVIII в. вполне современного типа городской недвижимой собственности. Это собственность буржуазная, и крупные страховые общества начинают занимать обширные помещения.

Бесспорно, что парижская буржуазия, для которой городская недвижимость была великолепным источником дохода, а постоянный рост населения открывал перспективы роста квартирной платы, желала обновления Парижа. Ей особенно важно было добиться отчуждения монастырских владений, неправильных по форме, мешавших своими садами, часовнями, пристройками, ог-

1. Compté d'Aucourt. Les anciens hôtels de Paris. Paris, 1880; 2e édition, 1890.

2. Вернике (1727—1804) — архитектор Королевского сада.

* Имя составителя торговых и промышленных ежегодников. — Прим. ред.

3. См.: J. Bouchary. Les Com-

pagnies financières à Paris à la fin du XVIIIe siècle. Paris, 1942, t. III.

4. Эта выдержка из Мерсье взята не из «Tableau de Paris», как пишет Жорес, а из «Nouveau Paris» (an VII); эта работа переиздана в 1867 г. под названием «Paris pendant la Révolution», chap. CXLIX.

радами развитию города, подобно огромным наростам, что задерживают развитие дерева. Не одному смелому спекулянту Революция с ее отчуждением церковных земель должна была представляться чем-то вроде прибыльной операции дорожного строительства. Движение это было столь сильным, что даже сам набожный Людовик XVI в 1780 г. отдал подрядчикам под застройку весь участок Кенз-Вен, приюта, построенного Людовиком Святым для слепых и бедных. Это знаменитое дело (почти столь же знаменитое, как дело «с ожерельем королевы»), в котором был замешан кардинал де Роган.

Участок Кенз-Вен, с его скученным странным населением, насчитывавшим 5 или 6 тыс. нищенствующих, имевших на то разрешение и нечто вроде патента, скрывал собою часть Лувра, загораживал улицу Сент-Оноре, подступы к Пале-Руаялю и выход на улицу Ришелье. Это было подобие горба Квазимоды, средневековая горбатость позвоночного столба большого современного города. Произведено было нечто вроде насильственной и благотворной экстирпации, но кардинала Рогана сильно подозревали в том, что он поддержал мошеннический подряд и уступил участок за слишком низкую сумму — 6 млн., получив при этом взятки с подрядчиков. Впрочем, операция эта была выгодна королю, поскольку она открывала Лувр, она была выгодна семейству Орлеанов, ибо открывала Пале-Руаяль, и особенно выиграла парижская буржуазия, которая получила в самом центре столицы широкие просторы для новых сооружений.

Возможно, что этой смелой операции кардинал Роган обязан тем благоприятным приемом, который ему был оказан в Учредительном собрании; она представлялась как бы прелюдией более широких операций, которые можно будет попытаться произвести над церковными имуществами.

ПАРИЖСКАЯ БУРЖУАЗИЯ

Увеличивая, таким образом, свою городскую собственность и свои доходы от недвижимости, парижская буржуазия в то же время с выгодой для себя секуляризировала городские службы. Еще в 1664 г. она секуляризировала Хлебный рынок, освободив его от так называемой третьей недели, то есть права парижского епископа взимать рыночные пошлины каждую третью неделю. Церковь была отстранена от службы продовольственного снабжения. Она была также отстранена от управления госпиталями. Например, в 1789 г. госпиталь Отель-Дёй находился под светским наблюдением совета, состоявшего из архиепископа Парижского, председателя парламента, председателя Счетной палаты, председателя высшего податного суда, генерального прокурора парламента, начальника полиции и купеческого старшины.

Сверх этого было 10 администраторов-мирян, один сборщик пожертвований благотворителей, тоже мирянин, и должностные лица (архивист, нотариус, прокурор парламента, прокурор при уголовном суде Шатле). Равным образом и в администрации больницы Сен-Луи, Неизлечимых, Санте, Нотр-Дам де ла Питье, Сальпетриер, Бисетр, Анфан Руж преобладал светский и буржуазный элемент (см. книгу Монена). Парижская буржуазия широким фронтом вела экономическое завоевание города, и в 1789 г. ее натиск был неотразим.

Для поддержания этого восходящего движения ей, конечно, недостаточно было того влияния, которым она обладала как кредитор города и короля и благодаря своим финансовым и капиталистическим операциям. Мирабо, чью категорическую фразу о коммерческой неспособности Парижа, произнесенную им в день открытия Учредительного собрания, я уже приводил, возвращается к этому в своем знаменитом мемуаре от 15 октября 1789 г., адресованном монсеньору графу Прованскому, брату короля. «Париж издавна поглощает все доходы королевства от налогов. Париж является центром фискального режима, вызывающего ненависть провинций. Париж создал задолженность. Своим пагубным ажиотажем Париж погубил государственный кредит и подорвал чести нации. Париж занят только финансовыми операциями; провинции ценят только земледелие и торговлю».

В свете общего политического плана Мирабо этот бурный выпад вполне понятен. Но он несправедлив по двум соображениям. Во-первых, та капиталистическая и финансовая деятельность, в которой Мирабо видел лишь некую болезненную горячку, была необходимым условием последовавшего затем широкого промышленного подъема. Париж лишь опережал в этом отношении всю Францию, и такая предварительная централизация средств была необходимой пружиной общего движения. Разве создание всевозможных предприятий в XIX в. было бы возможно, если бы Париж в XVIII в. уже не создал в самом центре замечательное финансово-кредитное орудие? Но Мирабо был несправедлив к Парижу еще и в том, что сводил всю его деятельность к этим финансовым предприятиям.

Основой парижской жизни были терпеливые и разносторонние усилия в области торговли и промышленности. Без этого крепкого фундамента все здание ажиотажа и даже ренты быстро рассыпалось бы как карточный домик.

Правда, вследствие пестроты и сложности жизни Парижа промышленные и торговые силы, хотя и объединенные в крепкие корпорации, не представляются главным элементом города так явно, как в Лионе, Нанте или Бордо. Это одно из оснований особого порядка избрания депутатов в Генеральные штаты, установленного для Парижа в отличие от других городов. Не только статья 29 регламента, определенного знаменитым королевским

посланием от 24 января о созыве Генеральных штатов, гласит, что город Париж один выберет своих депутатов прямо в Генеральные штаты, не проходя через голосование по бальяжам и превоствам, но и самый способ подачи голосов совершенно отличен. Статьи 26 и 27 регламента делят избирателей в крупных городах на две большие категории. Во-первых, на тех, кто принадлежит к корпорациям ремесел и к корпорациям свободных профессий, как, например, корпорации негоциантов и арматоров, и вообще «всех других граждан, объединенных выполнением одинаковых функций и образующих разрешенные собрания или общества». Во-вторых, согласно статье 27, на «жителей, принадлежащих к третьему сословию, но не входящих ни в один цех, объединение или корпорацию»; эти все собираются и все голосуют в городской ратуше.

Таким образом, во всех других городах корпоративный строй являет собой, так сказать, форму, по которой отливается процедура выборов. В Париже, наоборот, разделение избирателей имеет чисто географический характер. Столица была разделена на 60 округов, соответствовавших 60 кварталам¹, и собрания кварталов объединяли всех членов третьего сословия, к каким бы корпорациям они ни принадлежали, и даже тех, кто не принадлежал ни к какой корпорации. Текст статьи 12 регламента от 15 апреля, относящейся к этому вопросу, гласит: «Собрание третьего сословия города Парижа состоится во вторник 21 апреля; оно будет разделено на 60 окружных собраний, или по кварталам. Жители, принадлежащие к третьему сословию, французы по рождению или натурализованные, не моложе 25 лет и имеющие место жительства, будут иметь право участия в собрании того квартала, в котором они в настоящее время проживают, при выполнении ими нижеследующих условий, и никто не может послать вместо себя доверенное лицо...

Статья 15. Чтобы быть допущенным на собрание своего квартала, надлежит представить свидетельство о занимаемой государственной должности, или об ученой степени какого-либо факультета, или о выполнении каких-либо комиссий, или о постоянном занятии, или патент на звание мастера, или, наконец, квитанцию об уплате подушного налога в размере не менее 6 ливров».

Таким образом, в Париже все буржуа: капиталисты, финансовые дельцы, рантье, ученые, должностные лица, промышленники, торговцы, зажиточные ремесленники — созывались вместе в своем квартале. Очевидно, такой порядок был продиктован огромными размерами города. Было бы трудно собрать в одном месте всех членов одной и той же корпорации, разбросанных по всему городу. Еще труднее было бы собрать в городской ратуше, в едином избирательном собрании, всех жителей Парижа — рантье, финансовых дельцов, профессоров, писателей, артистов, не принадлежавших к какой-либо корпорации. Но сложность парижской

жизни была еще большим препятствием для распределения по корпорациям, чем огромные размеры города. В сущности, Лион и Марсель, не будучи столь велики, как Париж, были все же крупными городами, а между тем мы видели, что, например, в Лионе оказалось возможным произвести выборы по корпорациям: все дело в том, что почти все жители распределялись между небольшим числом крупных корпораций.

Разнообразие, подвижность, сложные переплетения парижской жизни не позволяли провести это распределение по профессиям, и именно это, быть может, и скрывало от взоров, к тому же такого предубежденного человека, каким был Мирабо, промышленную и торговую деятельность великого города. Так или иначе, это распределение по кварталам, не расчленявшее парижскую буржуазию, а, наоборот, объединявшее в каждом округе, в одном собрании все силы буржуазии, юристов, врачей, фабрикантов, купцов, ученых и философов, с самого начала обеспечило парижскому третьему сословию огромную мощь. Именно этот королевский регламент от 15 апреля 1789 г. положил начало округам и связанной с ними всей революционной жизни Парижской коммуны. Но и необходимость в самом этом регламенте возникла в результате огромных размеров города, невероятно разросшегося за последнее столетие, и бурного общественного водоворота, в котором смешивались все человеческие песчинки.

Так или иначе, владея государственными процентными бумагами и большей частью акций банковских, страховых, транспортных и снабженческих компаний, являясь собственником большей части недвижимости, извлекая большие доходы из финансовых операций и судебных должностей, обладая большим влиянием благодаря различным промыслам, то сосредоточенным в отдельных кварталах, как кожевенный в предместье Сен-Марсель и мебельный в Сент-Антуанском предместье, то разбросанным беспорядочно, как производство одежды или предметов питания, парижская буржуазия накануне 1789 г. представляла собой высшую силу в сфере собственности, производства и потребления. А могущество дворян и духовенства, подобно старым аббатам или старым аристократическим жилищам, превратилось в Париже в ветхий островок, захлестываемый огромной сверкающей волной.

Именно благодаря этому огромному могуществу богатства, которое давало ей и огромные возможности потребления, даже предметов роскоши, парижская буржуазия собирала вокруг себя пролетариев. Именно благодаря ему она могла в первый период Революции, до 10 августа и даже после этой даты, удерживать их, в общем, в своей орбите. Если бы большая часть богатств Парижа была

1. Об учреждении округов и их политической жизни см.: G. G a r r i g u e s, Les Districts parisi-

ens pendant la Révolution française. Paris, s.d.

в руках дворян, они могли бы, эмигрируя или даже просто сокращая систематически свои расходы, вызвать такую небывалую затаянную безработицу, которой не может выдержать ни одно общество. Или Революция рухнула бы в эту бездну и изголодавшийся и отчаявшийся народ потребовал бы возвращения вчерашних хозяев, которые по крайней мере давали ему возможность жить, покупая изделия мануфактур и ремесленных мастерских. Или же бурная рабочая революция, подобно волне ярости, обгоняющей волну раздражения, перекрыла бы буржуазную революцию. На такой страшный экономический кризис возлагали свои надежды эмигранты и двор.

Ферзен, вдумчивый и меланхолический швед, корреспондент и советчик Марии Антуанетты в 1790—1792 гг., хотя и порицает эмиграцию, сам выражает такую же надежду¹. Он неоднократно повторяет: «Это произойдет в ближайшую зиму». Конечно, отъезд дворян причинил Парижу немалый убыток, но, чтобы нанести решающий удар и вызвать контрреволюционный эффект, требовалась такая экономическая мощь, какой богатое дворянство по сравнению с совокупностью всех общественных сил уже не обладало.

Буржуазия уже тогда имела достаточную покупательную силу, чтобы поддержать во время опасного переходного времени равновесие всей системы. Организованная контрреволюцией забастовка покупателей могла ранить Париж, вызвать его раздражение, но она не могла сразить его и лишь толкнула дальше по революционному пути.

Способствуя своим отъездом утечке золота, как указывает Неккер, эмигранты только ускорили введение системы ассигнатов и общую экспроприацию церковных имуществ. Лишив, таким образом, часть парижских ремесленников их привычной клиентуры, они вызвали у них бешеное озлобление. Но поскольку этот внезапный недостаток работы не мог еще вызвать всеобщего разорения и крушения всей экономической системы Парижа, то эмигранты и тут достигли лишь того, что ускорили ход революционного движения.

В своих «Картинах Парижа» Мерсье отмечает, что в 1797 г.² самые яростные резолюции принимались в секциях рабочими — сапожниками, обойщиками и другими, которых эмиграция дворян лишила по крайней мере части их работы. Чего же они требовали? Они требовали, чтобы с эмигрантами вели войну до полного истребления, чтобы все оставленное ими во Франции имущество было конфисковано нацией и пущено в обращение для оживления деловой активности. Пока же эти рабочие обслуживали богатых буржуа. И в самом деле, могли ли даже те ремесла, которые требовали особенно искусной работы и которые особенно сурово осуждал Руссо, могли ли они погибнуть вследствие одного лишь воздержания дворян, если на протяжении всего XVIII в. именно

буржуазия, сказал бы я, жила на широкую ногу? Представляется даже, что большой революционный подъем, уверенность и порыв победоносной буржуазии, обеспечение государственного долга и деловое оживление, вызванное началом продажи церковных имуществ, стимулировали, по крайней мере в первые три года Революции, производство и обмен.

Будет вполне логично распространить на все производство предметов роскоши в Париже те выводы, к которым приводит ознакомление с тем, что происходило в лионской шелковой промышленности, этом производстве роскоши по преимуществу. Немецкий путешественник и талантливый музыкант Рейхардт, глубокий и верный наблюдатель³, отмечал, что в Лионе в марте 1792 г., то есть через восемь месяцев после вареннского потрясения* и когда горизонт начали омрачать первые тучи надвигающейся военной грозы, наблюдалась в высшей степени активная и блестящая светская жизнь. Крупная буржуазия Лиона устраивала множество балов, ужинов, где женщины соперничали в роскоши своих кружевных шляпок и светлых, розовых и голубых платьев. Крупная буржуазия не могла бы, конечно, так открыто и смело выставить напоказ эту роскошь и это веселье, если бы ей грозил упадок ее великолепной промышленности и если бы она чувствовала нарастание гнева народа, оставшегося без работы и без хлеба.

Я также уже отмечал на основании таблиц, составленных Жюлианни, рост торгового оборота Марселя в 1789—1792 гг. А теперь заимствую из книги Барнава одно очень важное наблюдение общего характера, применимое, очевидно, к Парижу, равно как и к другим городам королевства. В 1792 г. он писал: «Когда Учредительное собрание разошлось, нация еще не познала никаких ощутимых потерь ни в людях, ни в богатствах... Много отдельных лиц понесли имущественный ущерб, но общая масса богатств несколько не уменьшилась. Морская торговля, возможно, несколько пострадала, но сельское хозяйство продолжало процветать, и мануфактурное производство переживало такое оживление, какого оно не знало никогда прежде».

Наконец, что касается самого Парижа, то сначала Мирабо, а затем и Ферзен неоднократно пишут в 1789—1792 гг., «что рабочих

1. См.: Fersen et Marie-Antoinette. Correspondance et journal intime inédites..., publiés par Alma Soderjhelm, Paris, 1930.

2. И на этот раз речь идет о «Nouvel au Paris» (an VII), а не о «Tableau de Paris».

3. J.-F. Reichardt. Un Prussien en France en 1792: Strasbourg, Lyon, Paris, lettres intimes. Paris,

1892. Немецкий композитор и музыкальный критик, сторонник Французской революции Рейхардт (1752—1814) оставил 47 писем, из которых первое датировано 6 января 1792 г., а последнее — 2 апреля, причем десять написаны из Лиона.

* Имеется в виду бегство короля и его задержание в Варенне.— Прим. ред.

трудно удержать в мастерских». Лихорадка Революции увлекала их на улицу или в клубы. Каждому понятно, что, если бы эти рабочие были истощены длительными и частыми периодами безработицы, они не посмели бы проявлять подобное нетерпение в редкие дни спасительного труда. По-видимому, действие пагубных последствий страшной зимы 1788/89 г. ограничилось 1789 г. Я приведу тому ряд доказательств. Если, однако, уже сейчас, как бы предвосхищая, я указываю на то, что измена или мятеж дворянства не смогли обречь Революцию на глубокий экономический кризис, то только потому, что это самое убедительное доказательство экономической мощи буржуазии. Она была, даже в самый бурный и напряженный момент, достаточно сильна чтобы одной поддержать всю систему производства и обмена. Она была способна обеспечить потребление, несмотря на эмиграцию дворян и принцев с их огромными состояниями; она была в силах удержать Революцию на краю бездны, поддержав саму нацию. Она перебросила через пропасть мост на прочных опорах.

Таким образом, пролетариат Парижа, которому парижская буржуазия предоставила в достаточной мере работу и средства к существованию, не будет обречен на возвращение к старому порядку как мучимая голодом клиентела. Он сможет бесстрашно идти по пути буржуазной Революции.

ПАРИЖСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ

Но пробудилось ли у самого пролетариата как такового классовое сознание? На поставленный в столь строго современной форме вопрос невозможно дать ответ. Сознание пролетариата в то время столь же двойственно и неопределенно, как и сам пролетариат¹. Прежде всего рассмотрим вопрос о том, в какой мере социальные воззрения рабочих отличались в 1789 г. от социальных воззрений буржуазии. Андре Лихтенберже собрал в двух интересных книгах — «Социализм в XVIII в.» и «Социализм и Французская революция» — многочисленные тексты, в которых как будто нашла отражение социалистическая мысль. Но выводы А. Лихтенберже весьма осторожны и благоразумны². Он вполне справедливо замечает, что у большинства писателей и философов XVIII в. «социалистическая мысль» имеет чисто умозрительный и нравственный характер и отнюдь не является призывом к новым силам, к интересам и страстям рабочего народа. Что касается брошюр, буквально наводнявших Париж в предшествовавшие созыву Генеральных штатов шесть месяцев, то среди рассмотренных им 5 тыс. Лихтенберже нашел лишь 20, где содержался протест против страданий и зависимости наемных рабочих, поденщиков и где затрагивался вопрос о собственности. Впрочем, эти брошюры нашли лишь очень слабый отклик.

Но сам Лихтенберже, выделяя эти тексты, невольно преувеличил их значение и временами даже исказил их смысл. Например, так ли уж важно, что пролетарии Парижа могли прочесть в книге Ленге «Теория гражданских законов», опубликованной в 1767 г.³, следующее: «Поденщики стонут в своих отвратительных лохмотьях, этой ливрее бедности. Им не достается и частицы того изобилия, коего источником является их труд. Богатые как будто оказывают им милость, когда благоволят принять те дары, которые они им приносят. Богатые относятся к рабочим с самым оскорбительным презрением. Это подлинно лакеи, занявшие место крепостных в нашем обществе. Это, несомненно, очень многочисленная, самая многочисленная часть каждой нации».

Посмотрим, что в действительности выиграли эти люди от отмены рабства. И я говорю с великой скорбью и не меньшей откровенностью: все, что они выиграли, — это постоянный страх голодной смерти, беды, от которой по крайней мере их предшественники в этом низшем ранге человечества были избавлены». Так ли уж важно, что он на разные лады повторяет эту тему не жалея пылких слов? «Вы говорите, работник свободен. О, в этом-то и состоит его несчастье! Он не зависит ни от кого, но и до него никому нет дела... Поденщики рождаются, вырастают и обучаются для службы богатым, а последние не несут при этом никаких расходов, им они достаются, как дичь, которую они ловят на своих землях».

Это горькая насмешка, когда говорят, что рабочие свободны, что над ними нет господ. У них есть господин, и это самый страшный, самый властный из господ. Бедный отнюдь не свободен, он всюду прислуживает. Бедные подчиняются не одному отдельному человеку, а всем вообще».

1. В 1789 г. нельзя говорить о пролетариате в точном смысле этого слова. Поскольку речь идет о народных массах Парижа, они состояли в основном из ремесленников и лавочников. Парижский революционный авангард представлял собой не фабричный пролетариат, а коалицию мелких хозяев и работающих и проживающих вместе с ними подмастерьев. Наемные рабочие крупных предприятий составляли ограниченный сектор. Мир труда в целом еще отмечен печатью мировоззрения мелкой ремесленной буржуазии, и так же, как она, он разделяет идеологию буржуазии. Ни по своему мышлению, ни по своим действиям трудящиеся не бы-

ли тогда независимым элементом. По всем этим вопросам см.: A l b e r t S o b o u l. Les Sans-culottes parisiens en l'an II. Paris, 1958, deuxième partie.

2. A. L i c h t e n b e r g e r. Le Socialisme au XVIIIe siècle. Étude sur les idées socialistes dans les écrits français du XVIIIe siècle, avant la Révolution. Paris, 1895; e g o ж е. Le Socialisme et la Révolution française. Étude sur les idées socialistes en France de 1789 à 1796. Paris, 1899.

3. L i n g u e t. Théorie des lois civiles, ou Principes fondamentaux de la société. Londres, 1767, 2 vol. См.: A. L i c h t e n b e r g e r. Le Socialisme au XVIIIe siècle, chap. X, p. 288.

В самом деле, что могли дать рабочему эти пылкие слова, если единственной целью Ленге было сбить спесь с философии и современного общества и восславить старый феодальный строй? Он восклицал: «Пусть не ропщут американские рабы на свою судьбу, пусть они страшатся освобождения, которое повергнет их в еще более печальное состояние». Какую помощь могла оказать рабочему народу эта пылкая феодальная демагогия? Под предлогом обеспеченности она загоняла его обратно под низкие своды феодальной башни или в темницы античного рабства.

Равным образом, какой свет могли найти парижские пролетарии, рабочие мануфактур и мастерских в книгах Мабли? ¹ Правда, он писал, что единственное средство удержать законодательную власть в границах справедливости — «это установить общность имуществ и равенство положений, ибо только такое устройство может уничтожить частные интересы, которые иначе всегда будут одерживать верх над общими интересами». Правда, он решительно разоблачал рабство наемных рабочих: «Свобода, которой каждый европеец, как он полагает, пользуется, состоит лишь в том, что он может порвать одни цепи, чтобы отдаться во власть другому хозяину. Нужда создает из них рабов, и они тем более несчастны, что никакой закон не заботится об обеспечении им пропитания».

Но вместо того чтобы обратиться к пролетариям больших городов с призывом воспользоваться своей многочисленностью и сосредоточенностью для организации общей собственности, он предавался мечтам о невозможном возврате к чисто земледельческому состоянию и об уничтожении промышленности. Городскую деятельность он считал безнравственной и уродливой, и, по его мнению, промышленный рабочий класс был причастен к порокам и подлости самой промышленности. «Рабочие мануфактур — низкие люди». Подлинно реакционные бредни! В самом деле, если ослабить деятельность городов и подъем промышленности, то это привело бы не к аграрному коммунизму, а к возрождению феодализма.

Лихтенберже не отмечает в достаточной мере ретроградную суть этого мнимого социализма. И какое влияние мог он оказать на рабочих Парижа, собравшихся со всех концов Франции в этот бурлящий великий город и ощутивших там, несмотря на все, биение кипучей жизни? Рабочие мануфактур инстинктивно чувствовали себя гораздо ближе к революционной буржуазии, создававшей и расширявшей сферу промышленного труда, нежели к мнимым реформаторам, которые во имя нравственности и простоты хотели вернуть назад, на общинное пастбище, покрытое утренней росой, мирное человеческое стадо.

То же относится и к Неккеру: выдержки, которые приводит Лихтенберже, могли бы ввиду отсутствия необходимых оговорок при их истолковании ввести в заблуждение ². Правда, он разоблачает как главную причину нищеты «власть, которой обладают собственники, давать за труд, который им приятен, лишь самую

ничтожную заработную плату, то есть такую, которая составляет самое необходимое». Да, он констатирует, что «почти все гражданские установления сотворены собственниками. Можно сказать, что немногие люди, поделив между собой землю, создали законы, укрепляющие их единение и защищающие их от толпы. До сих пор почти ничего не сделано для самого многочисленного класса граждан. Какое нам дело до ваших законов о собственности, могут они сказать, ведь мы ничем не владеем! Какое нам дело до ваших законов о правосудии! Нам печего защищать. Какое нам дело до ваших законов о свободе! Если завтра мы не будем работать, мы умрем!»

Да, может показаться, что рабочие подхватят эти слова и повернут их против буржуазии. Да нет! Для Неккера все сводится к полемике с землевладельцами. Там, где умудрились узреть некий проблеск социализма, речь идет только о борьбе промышленного, торгового и финансового капитала против аграрного могущества. По сути дела, за всеми этими псевдореволюционными декларациями скрывается стремление Неккера добиться того, чтобы землевладельцы были лишены права свободно экспортировать зерно. А почему Неккер хочет удержать хлеб во Франции и, таким образом, добиться снижения его цены? Для того чтобы действительно обеспечить всему бедному классу достаточное пропитание и большее благосостояние? Ничуть не бывало, Неккер не скрывает, что главная его забота о том, чтобы французские мануфактуристы и промышленники не пострадали от повышения заработной платы вследствие повышения цен на хлеб.

Хлеб должен быть дешевым, чтобы была дешевой рабочая сила для мануфактур. Это сказано в статье «Хлеб» в «Словаре» Савари. В этом и состоит суть сочинения Неккера, и вся эта показная сентиментальность, все это показное возмущение имеют лишь одну цель: дать французским промышленникам возможность вести успешную конкурентную борьбу на иностранных рынках и привлечь во Францию возможно больше золота. По существу, все это не более как крупная промышленная и банковская операция, прикрытая покровом гуманности.

В XVIII в. сельские хозяева были сторонниками свободы торговли, надеясь продавать свое зерно по более высоким ценам, если у них будет возможность вывозить его как на внешние, так и на внутренние рынки. Промышленники и банкиры, наоборот,

1. A. L i c h t e n b e r g e r. Op. cit., chap. VIII, p. 221. Этот автор опирается в основном на две работы Мабли: «Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques» (Paris, 1768) и «De la législation ou prin-

cipes des lois» (Amsterdam, 1776).

2. A. L i c h t e n b e r g e r. Op. cit., chap. X, p. 305. Изучая Неккера, Лихтенберже опирался в основном на «Eloge de Colbert» (Paris, 1773) и «Sur la législation et le commerce des grains» (Paris, 1775).

добивались запрещения вывоза хлеба, желая, таким образом, достигнуть снижения стоимости рабочей силы: мы уже видели, как филантроп Ревельон неосторожно выступил глашатаем этой идеи. Позднее, во время борьбы между Мелином * и Леоном Сэ, сельские хозяева станут протекционистами, чтобы дороже продавать свое зерно на внутреннем рынке, а промышленники станут фритредерами, чтобы покупать это зерно по более дешевой цене. Противники поменяются местами, но борьба останется все той же. И было бы одинаково наивно приписывать какое-либо социалистическое значение как тяжеловесным рассуждениям Неккера, направленным против землевладельцев, так и выпадам Мелина против финансовых дельцов или Леона Сэ против земельной монополии. Когда однажды Леон Сэ сказал Мелину: «Протекционизм — это социализм богачей», Мелин, задетый, отпарировал: «Свободная торговля — это анархизм миллионеров». Это позабавило социалистическую галерку.

Но это не могло привести в движение пролетариат. Точно так же в словесной дуэли между Неккером и аббатом Бодо ¹, когда Неккер заявил физиократам: «Ваша экономическая свобода — это в действительности тирания собственника», Бодо мог ответить и, действительно, ответил по существу: «Ваши нападки на собственность — это коммунизм банкиров». Что во всем этом могло послужить стимулом для пролетариев?

Правда, в XVIII в. уже начинает прокладывать себе дорогу некий современный и боевой коммунизм, который отнюдь не ставит своей целью уничтожение цивилизации и обращается с призывом к народу. Я не говорю здесь о «Завещании» священника Мелье, хотя его коммунистическое звучание имеет столь глубокий и столь народный характер: Вольтер, опубликовавший те его места, которые направлены против церкви, воздержался от опубликования частей, направленных против собственности. Но «Кодекс природы» Морелли дает впечатляющий набросок жизнеутверждающего и смелого коммунизма, который не похож на печальное возвращение к первоначальной бедности и который должен поставить все ресурсы человечества на службу всем **.

Но и сам Бабеф*** в письме, написанном в 1787 г., за два года до Революции, задавался вопросом, нельзя ли при тогдашнем состоянии человеческих знаний обеспечить всем людям коллективное пользование землей и *даже продуктами промышленности* ². Это первые проблески нового индустриального коммунизма. Это уже не чисто аграрный коммунизм, примитивный и реакционный, и можно предвидеть, что он сможет оказать влияние на заводской пролетариат, на тружеников шахт, домен, на тружеников больших городов, ослепительных и нищих.

Конечно, одной из первых задач этой истории будет выяснить, каким образом мог возникнуть бабувизм в эту еще теплую, но уже безнадежно позднюю осень Революции. Но в 1789 г., в самом

начале движения, ростки коммунизма неприметны и загадочны, парижский народ о них ничего не знает. А редкие брошюры, оплакивающие судьбу поденщиков и сравнивающие бедный народ с мулом, везущим на себе дворянство и буржуазию, не имеют успеха и не производят почти никакого действия, ибо не указывают пролетариату никакой ясной политической программы, никакого пути.

Тщетно писал в 1789 г., выражаясь, впрочем, двусмысленно, кавалер де Морс: «Неправильно рассматривать третье сословие как единый класс: оно состоит из двух классов, интересы коих различны и даже противоположны». Дело в том, что в 1789 г., когда третьему сословию нужны были все его силы, народные и буржуазные, чтобы свергнуть старый порядок, такое расчленение его на два враждующих класса могло быть актом ультрареволюционного дерзания. Но могло быть и происками контрреволюции.

Да и каким образом могли бы пролетарии выразить в действиях это разделение третьего сословия на два класса? Следовало ли им атаковать буржуазию во имя прав рабочих в тот самый момент, когда буржуазия атаковала старый порядок? Они бы, таким образом, сохранили старый порядок и действовали во вред самим себе, ибо рабочий класс может возвыситься только при демократии, а коммунизм — высшее единство производства и жизни — предполагает исчезновение феодальной раздробленности, пестроты обычаев и каст.

Вот почему, даже если бы пролетарии обладали ясным классовым сознанием, даже если бы они образовали некое рабочее третье сословие, четко отличающееся от буржуазного третьего сословия, они, исходя из своих собственных интересов, почили бы вместе с революционной буржуазией.

А их, в действительности, еще неясное и как бы подчиненное классовое сознание тем более должно было увлечь их на путь буржуазной Революции.

* Жюль Мелин (1838—1925) — французский политический и государственный деятель, в конце XIX в. многократно занимал пост министра сельского хозяйства, политик правой, реакционной ориентации. — *Прим. ред.*

1. Аббат Бодо (1730—1792), сначала выступавший против физиократов, затем присоединился к ним. Он был основателем и редактором «*Ephémérides du citoyen*». Его главное произведение содержит объяснение системы Кенэ: «*Première introduction à la philosophie économique*».

** См.: В. П. Волгин. Французский утопический коммунизм. М., 1960; Б. Поршневу. Мелье. М., 1964.

*** См.: В. М. Далин. Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785—1794). М., 1974.

2. Речь идет о письме Бабефа к Дюбуа де Фоссе от 21 марта 1787 г., опубликованном В. Адвием. См.: V. A d v i e l l e. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme. Paris, 1884, 2 vol. T. II.: «Correspondance», p. 117.

Но старались ли рабочие в 1789 г. подтолкнуть по крайней мере буржуазное движение в направлении, отвечавшем народным интересам? Нельзя отметить ни одного определенного и систематического усилия в этом плане. Например, я не вижу ни одной серьезной попытки со стороны парижских пролетариев добиться избирательного права.

Статья регламента, содержащая требование уплаты прямого налога в размере не менее 6 ливров, практически исключала из избирательных собраний почти всех наемных тружеников. Но они не устраивали собраний, не составляли петиций, чтобы протестовать против этого исключения. Правда и то, что в замешательстве, порожденном новизной событий революционного движения, даже многие парижане, имевшие право голоса, не воспользовались им. При всеобщем избирательном праве было бы около 120 тыс. избирателей. Регламент устранил из них две трети, но из оставшихся 40 тыс. избирателей лишь 11 тыс., немногим более четверти, приняли участие в выборах.

Не удивительно поэтому, что те, кто был исключен, не организовали особенно энергичного движения. Необходимо, однако, отметить пассивность, с которой рабочий класс отнесся к избирательному регламенту, осуждавшему его на бессилие; эта пассивность является серьезным симптомом недостаточной подготовленности рабочего класса. Вероятно, он протестовал бы несколько более решительно, если бы не считал, что в конечном счете буржуазные выборщики сделают то же, что и сами рабочие.

Мне приходилось слышать, как порой протест, составленный в мае от имени «180 тыс. рабочих и ремесленников», оценивают как проявление пролетарских чувств. Когда же внимательно читаешь этот документ, то убеждаешься, что это, в самом точном смысле слова, буржуазный протест, или, вернее, протест хозяев.

В городе Париже избранными оказались юристы, ученые, врачи; промышленники, оказавшиеся оттесненными, жаловались, они утверждали, что рабочие и ремесленники вовсе не представлены, поскольку их естественные представители — руководители промышленности — не избраны депутатами Генеральных штатов.

Этот документ, часто легкомысленно выдаваемый за пролетарский, не только не может свидетельствовать о каком-то классовом сознании у рабочих, но, наоборот, он показывает, с какой бесцеремонностью буржуазия выдавала свои собственные интересы за интересы рабочих, а себя самое — за опекуна несовершеннолетнего пролетариата.

Если бы в Париже накануне созыва Генеральных штатов существовало какое-то рабочее общественное мнение, оно бы оказало воздействие на парижских выборщиков. Даже не присутствуя на избирательных собраниях, пролетарии сумели бы заставить их прислушаться к своим требованиям. Между тем, в наказах парижского третьего сословия нет ничего, что напоминало бы о существо-

вании пролетариата. Лишь в одной статье содержится требование, «чтобы поденщики и отцы десятирех детей были освобождены от прямого налога».

Но такая мера никоим образом не носит социального характера, она не имеет своей целью развитие рабочего класса. Она окончательно исключает рабочих из числа избирателей даже при крайне низком избирательном цензе. Это своего рода государственная милостыня неимущему и подчиненному классу.

К тому же в наказах нет ни слова о распространении избирательного права на бедных, на рабочих, на поденщиков и даже ничего не сказано относительно упразднения городских ввозных пошлин (октруа). Очевидно, что час пролетариата еще не пробил на колокольнях революционного Парижа.

Если бы в сознании народа были хоть малейшие ростки социализма, они проявились бы в идее общественных мастерских. Еще при старом порядке эта идея была весьма распространена. Также и в наказах Генеральным штатам весьма часто встречается мысль, что для избавления, особенно сельских общин, от бремени и опасности нищенства и бродяжничества, необходимо создать в каждой общине небольшие благотворительные мастерские, задачей которых было бы дать работу трудоспособным рабочим и работницам и прекратить их бродяжничество.

В самом деле, и старый порядок и Революция широко прибегали к этому способу вспомоществования, организуя земляные работы или даже создавая прядильные и ткацкие мастерские — хлопчатобумажные, шерстяные, шелковые. Много любопытных примеров этого рода можно найти во II томе большого сборника Тютте по вопросам общественной благотворительности в Париже во время Революции, озаглавленном «Благотворительные прядильные мастерские»¹.

Нигде это учреждение не поднимается выше уровня благотворительности. Нигде его не рассматривают, подобно Луи Блану, как средство постепенного освобождения людей наемного труда. В знаменитых наказах баляжа Немур, подробно затрагивая все проблемы, Дюпон де Немур подчеркивает, что в благотворительных мастерских заработная плата всегда будет ниже, чем на частных предприятиях, дабы не лишать последние рабочих рук и не поощрять лень.

Стало быть, это простая форма благотворительности, милостыня. Вот почему, как это видно из докладов, собранных в книге Тютте, дети бедняков, подобранные приютами и монастырями,

1. «L'Assistance publique à Paris pendant la Révolution. Documents inédits, recueillis et publiés» par Alexandre Tuetey. Paris, 1895—1897, 4 vol, in^o-4. T. II:

«Les ateliers de charité et de filature. 1789—1791». T. IV: «Les hospices et ateliers de filature. 1791—an IV».

немедленно направляются в благотворительные мастерские. Это способ разгрузки домов призрения и в то же время способ приучения детей к промышленному труду, вербовки рабочих рук для расширяющегося капиталистического производства.

И, что особенно показательно, даже аббат Фоше, этот необыкновенно громогласный аббат, который основал в 1790 г. «Социальный кружок» и газету «Железные уста» («La Bouche de fer») и которого Камиль Демулен обвинил в проповеди «аграрного закона», даже этот популярный евангелический трибун, собиравший у подножия своей кафедры толпы рабочих Парижа, тоже видел в этих мастерских лишь некую благотворительную администрацию¹.

Выдвигалось два основных решения социальной проблемы: ограничение земельных владений и увеличение числа общественных приютов. Но Лихтенберже, несмотря на все его оговорки, не сказал достаточно ясно, насколько жалкий характер все это носит и как далеко от социализма.

В частности, в том, что касается общественных мастерских, Лихтенберже напрасно не отметил, что аббат Фоше, точно так же, как и Дюпон де Немур, определенно требовал, чтобы заработная плата в этих мастерских была ниже средней заработной платы на частных предприятиях и соизмерялась с необходимым минимумом.

Вот точное изложение системы Фоше на основе одной главы из его книги «О национальной религии», опубликованной в 1789 г., в первые дни работы Генеральных штатов². «Закон должен заботиться о бедных не в смысле обеспечения всем им некоего достатка и участия в пользовании благами жизни — это дело добросердечия и личного великодушия каждого гражданина, который может позволить себе это достойное похвалы доброе дело, — а в том смысле, чтобы никто на всем протяжении страны не остался без самого необходимого и без помощи для поддержания существования. Таков неукоснительный долг закона.

Во всей Франции не должно быть бродяг, не должно быть нищих. А посему всюду должны быть открыты благотворительные мастерские, дабы каждый, кто имеет руки, мог найти работу, чтобы заработать себе на хлеб.

В каждом приходе должна быть создана небольшая мастерская на средства прихода, в каждом округе — средняя мастерская на средства округа, а в каждой провинции — очень крупная мастерская на средства провинции. Эти затраты будут незначительными, ибо работа, которую произведут работники, принесет доход кассе мастерской.

Оплата труда в благотворительных мастерских должна быть меньше той, которую частные лица дают нанимаемым ими рабочим. Если бы она была одинаковой, все пошло бы в общественные мастерские, это привело бы к злоупотреблениям и создало бы невозможное положение. Мужчина, женщина, ребенок, уже не-

сколько окрепший, должны зарабатывать на свое пропитание и, сверх того, восемь, шесть, четыре су на свое содержание. Еще лучше будет, если можно снабдить их непосредственно продуктами питания; при большом числе рабочих это будет выгодно. В противном случае можно приравнять стоимость необходимого пропитания для одного мужчины стоимости четырех фунтов хлеба, для женщины — трех фунтов, а для ребенка стоимости двух фунтов.

Когда фунт хлеба стоит три су, поденная плата мужчины, безусловно, должна оцениваться в 20 су: 12 су на питание и 8 су на самые необходимые расходы, в том числе на жилье, одежду, отопление и остальные его нужды. Вот самое необходимое. Поденная плата женщины должна составлять 15 су, а ребенка, способного трудиться, — 10 су».

Это совершенно недвусмысленно, и мнимый социалист Фоше высказывает точно такие же взгляды, как и экономист Дюпон де Немур. Если припомнить, что, по весьма многочисленным свидетельствам, заработная плата парижских рабочих достигала в то время от 30 до 40 су, то становится ясно, что благотворительные мастерские аббата Фоше должны были платить, по крайней мере в Париже, только половинную заработную плату. Признаюсь, я испытываю некоторое раздражение при виде того, как, вырывая из контекста несколько фраз, пытаются придать хотя бы малейший оттенок социализма этим филантропическим полицейским уставам. Напротив, решающим доказательством того, повторяю я, что ни у рабочих, ни у самих народных ораторов не было в то время ни малейшего проблеска социализма, является следующее: ни те, ни другие не попытались внести в эту систему общественных мастерских ни единой социалистической мысли, ни даже мечты об освобождении.

Впрочем, наказ парижского третьего сословия имеет в этом отношении ту заслугу, что он хоть высказывается откровенно. «Надлежит подумать о средствах уничтожения нищенства в сельских местностях, а бесчеловечный режим домов призрения нищих должен уступить место более полезным учреждениям».

Дело ясное. Все сводится попросту к мерам защиты от нищенства и к лучшему использованию бродячих элементов в интересах существующей общественной системы. Смелость этого шумного

1. Аббат Фоше (1744—1793) — конституционный епископ в Кальвадосе в 1791 г., редактировал вместе с Никола де Бонвилем (Бонневиль) «La Bouche de fer», — орган «Социального кружка», который был создан в 1790 г. (первое заседание состоялось 13 октября). Лакло первый обвинил Фоше в проповеди «аграрного закона». Это обвине-

ние повторил Камиль Демулен в «Les Révolutions de France et de Brabant», № 54. О тенденциях «Социального кружка» см.: A. Lichtenberger. Le Socialisme et la Révolution française, p. 69.

2. Abbé Claude Fauchet. De la religion nationale. Paris, 1789; BN, 8° 1b⁹⁹ 1763.

проповедника, пугавшая революционеров, не шла дальше такого жалкого идеала, и это дает представление об общем смирении, характерном для пролетарской мысли. Тут нет даже малейшего намека на то, что позднее назовут «организацией труда», и самые пылкие народные вожаки даже не подозревали тогда, что когда-нибудь можно будет открыть выход, который позволит наемным рабочим уйти от наемного труда.

Можно ли считать по крайней мере, что вопрос о продовольствии давал пролетариям особую точку опоры? И что, требуя хлеба у буржуазной Революции, голодные толпы рабочих выступят как враждебная сила против буржуазии? Отнюдь нет. Как ни парадоксально это может показаться невнимательным людям, вопрос питания — это вопрос слишком жизненный, слишком острый, чтобы стать собственным социальным вопросом. Он настолько элементарен, настолько повелителен, что нет такого правительства, какова бы ни была его форма, нет такого господствующего класса, сколь бы велик ни был его эгоизм, которые посмели бы не позаботиться о пропитании людей.

Уже монархия, особенно при Людовике XVI, предприняла в этой области немало усилий и выделила большие средства. Так или иначе, во взглядах буржуазии и в ее интересах не было ничего такого, что мешало бы ей энергично позаботиться о снабжении городов и о пропитании народа.

Она могла решительно бороться со скупщиками, монополистами, она могла реквизировать зерно у земледельца и фермера. В силу самой буржуазной правовой концепции, которую столь четко сформулировал Ленде, главный комиссар Конвента по вопросам продовольствия¹, если нация имела право для общего блага экспроприировать за надлежащее возмещение владения граждан, то тем более имела она право заставить их уступать продукты этих владений по справедливой цене.

Если добавить, что революционная буржуазия, освободив землю от десятины и феодальных прав и передав в руки земледельцев и фермеров часть огромных церковных владений, считала себя полностью вправе требовать за это регулярного поступления зерна на рынок и даже установления твердой цены на него, то легко понять, что вопрос о продовольствии не мог вызвать в народе движения подлинно пролетарского характера.

Наоборот, народ всегда был явно склонен объяснять все продовольственные затруднения, недостаток и дороговизну продуктов кознями врагов Революции, стремящихся взять ее измором. Поэтому вопрос хлеба был неким ферментом в буржуазной Революции, но он не мог стать основой подлинно социалистического и рабочего движения.

С другой стороны, мы тщетно искали бы те центры, вокруг которых парижский пролетариат мог бы объединиться в 1789 г. Я не нашел никаких указаний о деятельности в это время ком-

паньонажей². Казалось, они должны были бы по меньшей мере объединить свои усилия, чтобы защитить себя, чтобы выработать определенную тактику ввиду революционных событий. В ходе столетий промышленная и парламентская буржуазия часто подвергала преследованиям компаньонажи.

Мы видели, как их подвергали преследованиям в Сент-Этьенне и в Лионской округе. Новые, направленные против них меры должны были бы их насторожить. В 1765 г. парламент Бретани принял суровый ордонанс против нантских подмастерьев. 12 ноября 1778 г. парижский парламент объявил о запрещении собраний ремесленников, подмастерьев и других людей ремесла.

Он запретил также трактирщикам и кабатчикам принимать одновременно более четырех подмастерьев. Равным образом запрещалось способствовать «практике так называемых деуаров подмастерьев». Все это было преследованием компаньонажей.

И подмастерья, конечно, должны были задумываться о том, чего им следует ожидать от нового порядка. Они не могли не знать, что революционная буржуазия уже тогда начинала наступление против них во многих промышленных районах. Например, в наказах третьего сословия Монпелье, отражавших, очевидно, точку зрения всех заводчиков Лангедока по этому вопросу, я обнаружил формальное требование запрещения двух крупных объединений компаньонажей — Гаво и Деворан. Наказы требуют, кроме того, чтобы рабочим, ищущим работу, разрешено было обращаться только к корпорациям хозяев.

Но сколь велик контраст между буржуазным классом и рабочими! В самом Париже буржуазные корпорации, корпорации хозяев-ремесленников и купцов, как не устарела их привилегия, энергично отстаивают ее. Шесть корпораций плют петицию за петицией, добиваясь прямого представительства в Генеральных штатах.

Так, даже в самой отжившей и обреченной части своей экономической организации парижская буржуазия утверждает свою жизненную силу. И, наоборот, ни в одном документе той эпохи я не нахожу ни малейших ощутимых следов совместных действий подмастерьев. Будь у рабочих в то время хотя бы первые проблески классового самосознания, они постарались бы перед грозной

1. Ленде, Робер (1746—1825) — королевский прокурор в финансово-податном округе Берне, представитель департамента Эр в Законодательном собрании, затем в Конвенте, возглавлял Продовольственную комиссию Комитета общественного спасения во II г. Республики.

2. О компаньонажах см.: Germain-Martin. Les Associations

ouvrières au XVIIIe siècle. 1900; Martin Saint-Léon. Les Compagnonnages. 1901; E. d. Sorre a u. Note sur les compagnonnages ouvriers avant et pendant la Révolution. — «Annales historiques de la Révolution française», 1929, p. 181; E. Coornaert. Les Compagnonnages en France du Moyen Age à nos jours. Paris, 1966.

неизвестностью надвигающихся событий объединиться и покончить со старым пагубным антагонизмом между отдельными группами компаньонажей. Ведь именно их бессмысленные и кровавые распри, часто жестокое соперничество отдавали их во власть мастеров-хозяев и судебных преследований.

Чтобы держать в повиновении подмастерьев Свободы, хозяевам достаточно было пригрозить им, что они наймут вместо них подмастерьев Долга (Девуар), или наоборот. И именно стычки между бретонскими и парижскими подмастерьями дали бретонскому парламенту и парламенту Парижа предлог для вмешательства.

Еще совсем недавно, в 1788 г., подмастерья — кузнецы и инструментальщики, учинив драки, облили своей кровью улицы Нанта, и это в то самое время, когда бретонская буржуазия по всей провинции объединяла свои силы и в великодушном единодушном порыве восставала против власти дворян.

Только в 1845 г. Агриколь Пердигье попытается примирить враждующие компаньонажи, и эта его попытка вызовет почти возмущение у подмастерьев¹. Ничего похожего не было предпринято в 1789 г., и единственные объединения, которые могли бы координировать действия рабочих, пребывали сами в состоянии раздоров и конфликтов.

К тому же буржуазный класс имел немало центров объединения и помимо своих корпораций. Прежде всего, его объединяло общее сознание своих великих экономических интересов, а его торговые биржи, его юристы служили для него связующим звеном.

Пример Гильотена, передавшего в контору нотариусов Парижа петицию в поддержку требований парижского третьего сословия и призвавшего граждан приходить туда и подписываться под ней², весьма характерен: видимо, только буржуазия имела легкий доступ к нотариусам.

Итак, накануне Революции рабочий класс не создавал себя как отдельный класс и не обладал даже простейшей организацией. Значит ли это, что парижские рабочие не представляли в то время значительной силы? Они, конечно, представляли большую силу, но только действуя в рамках буржуазной революции, будучи связанными с ней, смешиваясь с ней и придавая ей своим неудержимым натиском всю ее логику и весь ее порыв. Я не говорю о «люмпен-пролетариях», о бродягах и нищих.

Если судить по цифрам, намеренно подобранным Тэном, то можно было бы подумать, что это они наводняли город, они одни владели им.

В действительности, как мы увидим, они не играли никакой роли в решающие дни Революции, и эта накипь нищеты была ничто в разыгравшийся шторм.

Однако в предшествовавшую Революции четверть века дух независимости и склонность к размышлению сильно распростра-

няются среди рабочих Парижа. Мерсье говорит об их бунтарском духе. Они, несомненно, читали, прислушивались. И новые учения о правах человека и гражданина возбуждали в них надежды.

У них еще не хватало смелости и силы, чтобы из этих учений сделать для рабочего класса четкие выводы. Но они уже почувствовали, что в результате этого всеобщего движения и потрясения все иерархии станут менее обременительными, в том числе и иерархия индустриальная. С другой стороны, экономический подъем внушал рабочим смелость, они чувствовали, что с каждым днем становятся все более необходимыми. Незадолго до этого парламент запретил мастерам-сапожникам переманивать друг у друга рабочих. Это свидетельствует о нужде в рабочей силе — обстоятельство, благоприятное для рабочих. Парламент также запретил в 1777 г. рабочим-кузнецам создавать коалиции. Это говорит о наличии брожения в некоторых ремеслах. Представляется вероятным, что это новое чувство — сознание своей силы рабочими — осталось бы весьма смутным и слабым, если бы не интриги двора против рождающейся Революции и если бы Национальное собрание, которому угрожали солдаты, не было спасено, по выражению Мирабо, «физической силой рабочих». Однако, повторяю, рабочие обретут сознание своей силы лишь на службе буржуазной Революции и сражаясь за нее.

1. Агриколь Пердигье (1805—1875), прозванный Добродетельным авианьем, был автором «Compagnonnage, rencontre de deux frères» (1839), «Le livre du compagnonnage» (1839) и «Histoire d'une scission» (1843).
2. Pétition des citoyens domiciliés à Paris du 8 décembre 1788.—BN, 4° Lb³⁹ 835. imp. 20 p.

ТРЕТЬЕ СОСЛОВИЕ — ХОЗЯИН ПОЛОЖЕНИЯ

Итак, в Париже, как и всюду, именно буржуазии принадлежит инициатива движения и руководство им. Вопреки формуле шевалье де Море, в 1789 г. третье сословие, несмотря на скрытые различия между его элементами, было все же еще одним классом. По мере повышения температуры Революции будет происходить разъединение этих элементов. Но вначале это один, единый класс, это одно, единое третье сословие, это сплоченная сила буржуа, крестьян и рабочих, которая требует *конституционных* гарантий и вступает в борьбу. В этом единении источник той уверенности в себе, которая воодушевляла буржуазию.

В знаменитом манифесте Сиейеса «Что такое третье сословие?»¹, давшем революционной мысли ее наиболее решительное выражение, автор противопоставляет ничтожному меньшинству привилегированных и паразитов всю трудовую нацию. «Что такое третье сословие? Ничто. Чем бы оно должно было бы быть? Всем. Чем оно хочет быть? Кое-чем»². А почему третье сословие должно было бы быть всем? Почему оно имеет право быть всем? Почему оно — сама нация? Да потому, что нация состоит из всех производителей. Праздные, бесплодные элементы находятся вне нации. Они потребляют, они пожирают то, что она производит; но ведь это может делать и иностранец. Только те, кто производит, действительно принадлежат к нации.

Третье сословие не только численно представляет собой 98 % нации — 25 млн. производителей против 200 тыс. привилегированных, но и по существу и учитывая реальные силу и права, оно есть сама нация, поскольку нация — это система производительных сил.

Никогда раньше новый класс не прогонял с таким высокомерием тех, кто в прошлом был привилегированным. Никогда раньше не было провозглашено столь смелой концепции национальной жизни. И если бы ныне пролетариат решил применить этот своеобразный революционный «национализм» к праздной и привилегированной части буржуазии, то пролетарии заявили бы: «Мы одни составляем нацию». Но, чтобы Сиейес мог в 1789 г. раздавить своим смелым подсчетом то, что он называет «привилегированным бесплодием», чтобы он мог объединить буржуа, крестьян и рабочих в огромное единое целое третьего сословия, необходимо было, чтобы буржуа, крестьяне и рабочие были сходными трудовыми единицами. Если бы крестьянин, если бы рабочий протестовали, если бы они заявили рантье или даже предпринимателю: «По какому праву ты причисляешь себя к силам труда на том же основании, что и мы?», то весь замечательный революционный подсчет Сиейеса утратил бы свой смысл. Но, выступая против привилегированных старого порядка, буржуазия, даже буржуа-рантье, даже капиталистическая, представляла собой усилия, действие, труд. И это позволило Сиейесу охватить все элементы третьего сословия в великом и грозном единстве производительного класса: Революция свершилась.

1. «Qu' est-ce que le Tiers État?» S. l., 1789, in-8°, 127 p. С 1789 г. эта брошюра переиздавалась трижды. Критическое издание под редакцией Э. Шампиона вышло в Париже в 1888 г.
2. Точный текст начала брошюры таков:

«План настоящего сочинения довольно прост. Нам предстоит рассмотреть три вопроса:

1. Что такое третье сословие? Все
2. Чем оно было до сих пор в политическом отношении? Ничем.
3. Чего оно требует? Стать кое-чем в политическом отношении».

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИИ

Главная мысль Жореса при рассмотрении им причин Французской революции проходит красной нитью через всю первую главу «Социалистической истории». «Французская буржуазия осознала свою силу, свое богатство, свои права, свои почти безграничные возможности развития...» «Революция поднялась не со дна нищеты». Экономический подъем и расцвет просвещения как будто подтверждают правоту Жореса и еще до него Барнава. Следует ли считать, что Французская революция была исключительно революцией буржуазного преуспевания?

Или, наоборот, она была исключительно революцией народной нищеты? Весьма близок к такому тезису Мишле, уделяющий в истории Революции главное место *народу*. «Главное действующее лицо — народ», — заявляет он в своем предисловии, датированном 1847 г. — Голод — главный двигатель Революции. «Пожалуйста, придите, посмотрите на этот народ, простертый на земле, на этого

несчастного Иова...» «Голод — это факт общественного порядка; голодают по воле короля».

Труды Э. К. Лабруса, поставившего приведенные строки Мишле и Жореса эпиграфом к своей диссертации, позволяют занять в этом вопросе среднюю, более нюансированную позицию.

Конечно, XVIII в. был веком процветания. Но его экономический апогей приходится на конец 60-х и начало 70-х годов; это был «золотой век Людовика XV». Если до Американской войны наблюдается бесспорный подъем, то он обрывается в 1778 г.: это начало «периода упадка Людовика XVI». В то же время следует сделать некоторые оговорки относительно значения этого подъема: он пошел на пользу больше привилегированным сословиям и буржуазии, нежели народным массам, которые, с другой стороны, сильнее пострадали от упадка. Период сокращения производства, а затем и регресса в народном хозяйстве завершился

циклическим кризисом 1788—1789 гг., породившим нищету. Этот кризис привел в движение народные массы как раз в тот момент, когда буржуазия, после беспрецедентного подь-

ема, оказалась ущемленной в своих доходах и прибылях. Так, по-новому освещается проблема причин Революции.

ДВИЖЕНИЕ ЦЕН

Выводы Лабруса основаны на изучении движения цен, доходов от недвижимой собственности и заработной платы во Франции и их колебаний, циклических и сезонных, на протяжении длительного времени — с 1726 до 1789 г. (курс ливра стал стабильным с 1726 г., в законодательной области, технической и социальной происходит мало изменений, война лишь в незначительной мере сказывается на жизни королевства). Для кривой общего экономического развития в XVIII в. характерно три периода: длительный период роста цен и процветания (1726—1770 гг.), затруднения периода кануна Революции (1778—1787 гг.), революционный кризис (1788—1791 гг.)

Колебание на протяжении длительного времени

Фаза роста цен начинается около 1734 г. и заканчивается лишь в 1817 г. Рост, сначала медленный до 1758 г., становится с этого года и до 1770 г. очень резким. Затем повышение приостанавливается, а накануне Революции опять усиливается. Были произведены подсчеты по 24 видам продуктов и товаров. Если взять за основу цикл 1726—1741 гг. приняв его за 100, то в среднем рост цен на протяжении длительного времени составил для периода 1771—1789 гг. 48% и достиг 65% для периода 1785—1789 гг.

Размеры повышения весьма различны для разных товаров. Для зерновых в целом оно будет соответственно 56 и 63%. Для пшеницы — 56 и 66%, для ржи — 60 и 71%. Цены на мясо повышаются за время с 1726—1741 гг. до 1771—1789 гг. на 55%, а если взять до 1785—1789 гг. — на 67%. Особое место занимает вино: рост цен на протяжении длительного времени составляет для него только 41%, и всего лишь 13—14% для периода 1785—1789 гг. Рекорд принадлежит дровам: 63 и 91%. Наоборот, рост цен на текстильные товары и железо остается ниже среднего. Общее повышение цен на шерстяные ткани составляет только 22%, на льняные ткани — 36%. Начиная с 1786 г. наблюдается заметное снижение цен на все ткани. Цена же на железо повышается на 30%.

Эти факты характеризуют экономику все еще слабую и в основном аграрную. Зерновые повышаются в цене больше, чем другие продукты сельского хозяйства: они занимали огромное место в народном бюджете, их производство возрастало медленно, тогда как население увеличивалось, а иностранная конкуренция не могла повлиять. Рожь преобладает над пшеницей: она составляла основу питания крестьян. В других условиях находится производство вина: этим объясняются особенности кривой движения цен на вино. Отис-

сительная стагнация цен на изделия мануфактур подчеркивает слабое развитие промышленности. Железо занимает последнее место, тогда как ныне цена стали — один из наиболее чувствительных показателей состояния конъюнктуры.

Циклические колебания

Чтобы иметь более точное представление о росте цен в конце старого порядка, надо также принять во внимание циклические изменения (циклы: 1726—1741, 1742—1757, 1758—1770, 1771—1789 гг.). В 1789 г. максимальное повышение цены на пшеницу для этого цикла достигает 127% по сравнению с принятой за основу ценой в период 1726—1741 гг., а цены ржи — на 136%. Более умеренное изменение цен наблюдается для дров, слабое — для мяса, еще меньшее — для текстильных изделий. Железо по-прежнему занимает последнее место.

Сезонные колебания

Наконец, необходимо сопоставить с циклическими изменениями и изменениями длительного времени сезонные. Для зерновых эти колебания почти незаметны в периоды изобилия. Они становятся огромными в неурожайные годы. Цена может тогда вырасти с осени и до следующего лета на 50—100% и больше. В 1789 г. сезонный максимальный рост, совпавший с первой половиной июля, достиг для пшеницы 150% по сравнению с принятой за основу ценой 1726—1741 гг., а для ржи — 165%.

Циклические и сезонные скачки цен действуют в том же направлении, как и повышения за длительное время: они увеличивают амплиту-

ду колебаний цен, особенно для зерновых. Это влечет за собой важные последствия в социальной области. Таким образом, конъюнктура в основном проявлялась тогда в стоимости жизни, тогда как в наше время она выражается прежде всего в ценах крупных промышленных изделий.

Эти движения цен в какой-то мере объясняют происхождение Революции. Но надо предварительно найти объяснение причин самих этих движений. Что касается циклических и сезонных колебаний, а следовательно, и кризисов, то их причины следует искать в общих условиях производства и в связях между различными районами страны. Каждая область живет замкнутой жизнью и размеры урожая определяют, следовательно, стоимость жизни в этой области. Промышленность, в основном ремесленного характера и мало производящая на вывоз, находится в зависимости от внутреннего потребления и, следовательно, от колебаний цен на сельскохозяйственные продукты. Причиной промышленных кризисов являются сельскохозяйственные кризисы, плохие урожаи.

Но как объяснить рост цен на протяжении длительного времени, который в конечном счете определяет все экономическое развитие? По мнению Симьяна (Simiand), он объясняется увеличением количества денежных средств. В XVIII в. значительно выросла добыча драгоценных металлов, особенно в период 1721—1740 гг. В дальнейшем продолжается рост добычи серебра, чего нельзя сказать о золоте. С этой точки зрения, относительное замедление добычи драгоценных металлов в период 1761—1780 гг. и объясняет, что рост цен на протяжении длительного вре-

мени в какой-то момент замедлился, чтобы затем, после 1780 г., вновь возобновиться. Рост добычи драгоценных металлов происходил преимущественно в Мексике, где были введены в эксплуатацию новые месторождения. Это позволило утверждать, что взятие Бастилии было подготовлено косвенным путем — вследствие денежной инфляции и роста цен, — в глубине рудников Мексики.

Библиографические указания. — См.: F. Simiand. Recherches anciennes et nouvelles sur le mouvement général des prix du XVIe au XIXe siècle. Paris, 1931; «Recherches et documents sur l'histoire des prix en France de 1500 à 1800». Paris, 1936, составленный под руководством Озе (H. Hauser); см. также критические замечания Марка Блока в «Annales d'histoire sociale», 1939, p. 141. См. следующие работы Э. К. Лабрусы: «Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle». Paris, 1933, 2 vol.,

и «La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution». T. I.: «Aperçus généraux, sources, méthodes, objectifs. La crise de la viticulture». Paris, 1944. Написание этих фундаментальных работ было облегчено следующими статьями Жоржа Лефевра: «Le mouvement des prix et les origines de la Révolution française». — «Annales historiques de la Révolution française», 1937, p. 289 (перепечатана в «Études sur la Révolution française», 2e éd., 1963, p. 197), и «La crise de l'économie française». — «Annales historiques de la Révolution française», 1947, p. 168. См. также: C. E. Labrousse. Prix et structure régionale. Le froment dans les régions françaises. 1782—1790. — «Annales d'histoire sociale», 1939, p. 382; P. De Sa-
in t - J a c o b. La question des prix en France à la fin de l'Ancien Régime d'après les contemporains. — «Revue d'histoire économique et sociale», 1952, № 2.

ДВИЖЕНИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Социальные последствия роста цен были усилены в результате демографического подъема, причем оба эти явления были взаимосвязаны.

Считается, что старая демографическая структура сохранялась вплоть до 1740 г., что был некий «долгий демографический XVII в.». О происшедшем после 1740 г. демографическом скачке можно судить как по материалам больших обследований, проведенных по провинциям, так и по монографиям. Он характеризуется прежде всего изменением типа кризиса: глубокие демографические депрессии XVII в. сме-

няются кризисами, протекающими легче и быстрее и менее связанными с продовольственными кризисами, которые после 1750 г. имеют характер лишь «скрытого голода». В результате наблюдается регулярное превышение рождаемости над смертностью; так же регулярно возрастает численность самых молодых возрастных категорий, особенно после 1760—1770 гг. Результаты этого превышения дали себя почувствовать в царствование Людовика XVI и во время Революции, когда молодые возрастные категории достигли своего возраста воспроизводства.

Рождаемость сохраняет высокий уровень, около 40%: от 3 до 4 родившихся на каждый брак. Однако легкое снижение рождаемости имело, по-видимому, место во второй половине XVIII в. в некоторых социальных категориях, так среди аристократии, и в некоторых областях, например в Лангедоке. Смертность продолжает колебаться с года на год, но, как правило, остается ниже рождаемости. Наиболее характерная особенность — снижение детской смертности, особенно начиная с 1760—1770 гг. Главным фактором, объясняющим это явление, следует, по-видимому, считать исчезновение кризисов старого типа с их огромной детской смертностью. Сокращение детской и юношеской смертности, в свою очередь, является основным фактором роста народонаселения.

Демографический подъем скажется больше на городах, нежели на деревне. XVIII в. был веком роста городов. Если отнести к категории *городов* все населенные пункты, насчитывающие более 2 тыс. жителей, что служило критерием в переписи 1846 г., то можно считать, что городское население составляло к концу старого порядка 16% всего населения страны. Рост городов, как и общий демографический подъем, вызывает увеличение спроса на продукты сельского хозяйства и способствует повышению цен. Но в то же время открываются новые рынки сбыта для текстильной промышленности, производство получает новый стимул и города привлекают к себе новую рабочую силу. Иммиграция сельских жителей является главным фактором роста городов, поскольку рождаемость в городах ниже, смертность выше и безбрачие распространено более широко.

В конечном счете результаты демографического подъема, рассматриваемые в масштабе столетия, представляются скромными. Накануне Революции численность населения королевства можно оценить в 25 млн. человек. Если учесть, что в конце XVII в. она была 19—20 млн., и принять во внимание территориальные приращения, то увеличение населения составит 5—6 млн., то есть меньше чем на треть, от 30 до 40% в зависимости от области. В некоторых государствах наблюдался более значительный рост народонаселения, например в Англии (80%), но в Англии было только 9 млн. жителей, а в Испании — 11 млн. Франция оставалась наиболее населенной страной Европы.

Как ни скромен и неравномерен демографический рост Франции в XVIII в., он все же создавал серьезные проблемы для королевской администрации. Увеличивая социальную напряженность, этот рост в какой-то мере является одной из причин Революции, хотя и не решающей, но заслуживающей внимания.

Библиографические указания. — Общий обзор дается в работе: M. Reinhard et A. Armengaud. Histoire générale de la population mondiale. Paris, 1961. Более конкретно о конце XVIII в. см.: E. Esmonin. Statistique du mouvement de la population en France de 1770 à 1789. — «Études et chroniques de démographie historique», 1964, p. 27; M. Reinhard. Étude de la population pendant la Révolution et l'Empire, речь там идет об Инструкции, с приложением статистических таблиц, опубликованной в «Bulletin d'histoire économique et sociale de la Révolution française», 1961, 1962,

1963. См. также: P. Goubert Beauvais et le Beauvaisis de 1660 à 1770. Paris, 1960. В этой диссертации следует ознакомиться со страницами, посвященными «исчезновению старой демографической структуры после 1740 г.» (p. 59). О взаимосвязи демография — средства пропитания см.: M. Reinhard. Les répercussions démographiques des crises de subsistances en France au XVIIIe siècle. — «Actes du quatre-vingt-unième congrès des Sociétés savantes», 1956, p. 68; J. Godechot et S. Moncassin. Démographie et subsistances en Languedoc (du XVIIIe au début du XIXe siècle). — «Bulletin d'histoire économique et sociale de la Révolution française», 1964, p. 23.

В качестве локальных или региональных примеров см.: E. Gautier et L. Henry. La Population de Crulay, paroisse normande. Étude historique. Paris, 1958, классическое исследование не только с точки зрения методологической, но и как вклад в изучение данных демографии с конца XVII до XIX в.; «Contributions à l'histoire démographique de la Révolution française», par M. Reinhard (Paris, 1962),

содержанием коих фактически является «демографический XVIII век»; J. Ganiage. Trois villages de l'Île-de-France. Étude démographique. Paris, 1963; E. Le Roy Ladurie. Démographie et funestes secrets: le Languedoc, fin XVIIIe — début XIXe siècle. — «Annales historiques de la Révolution française», 1965, p. 385. О городах см. в основном: R. Moles. Introduction à la démographie historique des villes d'Europe. 1954—1956, 3 vol.

Движение народонаселения, движение цен. Современная историография выделяет среди различных причин Революции влияние конъюнктуры. Но, помимо экономических и демографических условий, объясняющих взрыв кризиса, важное значение имели основные социальные антагонизмы. Глубокие причины Революции заложены также в подчеркнутых Барнавом и позднее Жоресом противоречиях, подрывавших социальные и политические институты старого порядка. Эти-то противоречия и определили, в конечном счете, характер Французской революции, Революции, по определению самого Жореса, «широко буржуазной и демократической».

ДВОРЯНСТВО И ФЕОДАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Библиографическая справка

1. О феодальном порядке с общей точки зрения см.: Ph. Sagnac. La législation civile de la Révolution française. Paris, 1898; M. Garaud. Histoire générale du droit privé français (de 1789 à 1804). T. II: «La Révolution et la propriété foncière». Paris, 1959. См.: Региональные и локальные исследования: J. De La

Monneraye. Le Régime féodal et les classes rurales dans le Maine au XVIIIe siècle. 1922; J. Ramière de Fortanier. Les Droits seigneuriaux dans la sénéchaussée et le comté de Lauragais, 1553—1789. 1932; J. Millot. Le Régime féodal en Franche-Comté au XVIIIe siècle. 1937. P. De Saint-Jacob. Le droit de lods en Bourgogne à la fin de l'Ancien Régime. — «Mémoires

de la Société pour l'histoire du droit des anciens pays bourguignons», 1952, p. 159; R. L a u r e n t. La perception des cens dans la seigneurie de Bartrouville et de Sainte-Marie, au cours de la seconde moitié du XVIIIe siècle.—«Annales historiques de la Révolution française», 1953, p. 340; abbé M o u s c h. L'exploitation seigneuriale au XVIIIe siècle d'après les terriers.—«Actes du quatre-vingt-unième congrès des Sociétés savantes», 1956, p. 161; M. B o q u e r e a u. Des banalités en Poitou aux XVIIe et XVIIIe siècles.—«Bulletin de la Société des antiquaires de l'Ouest», 1959, p. 216, 279; 1960, p. 385; L. A. B o u s l y d e L e s d a i n. La fin du régime féodal et du domaine seigneurial à Lesdain.—«Bulletin de la Commission historique du Nord», 1959; P. D e y o n. Quelques remarques sur l'évolution du régime seigneurial en Picardie. XVIe —XVIIIe siècles.—«Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1961, p. 271; A. D u b u c. L'estimation des redevances en nature au bailliage de Rouen de 1694 à 1790.—«Actes du quatre-vingt-septième congrès des Sociétés savantes», 1962, p. 813; R. D e s c a d e i l l a s. Rennes et ses derniers seigneurs, 1730—1820. 1964. О сеньориальных судах см.: A. P o i t r i n e a u. Aspects de la crise des justices seigneuriales dans l'Auvergne du XVIIIe siècle.—«Revue du droit français et étranger», 1962, № 4. О феодальной эксплуатации крестьянства см. также библиографическую справку к разделу о крестьянских наказах, 300.

Жорес, как и деятели Революции, под общим выражением «феодальный порядок» понимал и феодальный порядок, и сеньориальный порядок. Феодальный порядок пона-

чалу касался взаимоотношений между сеньором-сюзереном и его вассалами. Для него характерны иерархия лиц и иерархия земель, находившихся в зависимости одна от другой через посредство тех, кто этими землями владел. Рассматриваемые, таким образом, земли были подчинены феодальному праву. Но эти земли, или *держания*, были либо дворянские, то есть *фьефы*, подлежавшие при переходе собственности к другому лицу особому обложению (droit de relief, droit de quint, droit de franc-fief, взимавшемуся с недворян, приобретавших дворянское имущество), либо недворянские (*roturières*), то есть *цензивы*, с коих взималась ежегодная денежная рента (*цена*) или подать в натуре (*шампар*), а также казуальные платежи (*lods et ventes*).

Сеньориальный порядок касался взаимоотношений между сеньором-собственником и крестьянами. Сеньориальные права вели свое происхождение от некогда узурпированной сеньорами государственной власти, которую монархия мало-помалу изъясла у них обратно, оставив, однако, сеньору на правах родового владения некоторые прерогативы и некоторые казуальности: основа сеньориальных привилегий заложена в верховной власти, которую сеньоры осуществляли в Средние века. Февдисты создали некую классификацию сеньориальных прав, впоследствии послужившую основой для декретов Учредительного собрания от 5—11 августа 1789 г. и закона от 15 марта 1790 г. Основным остается право юрисдикции, из него проистекают почетные права, а равно и права, вытекающие из личной зависимости (сеньориальная талья и барщина), и право регламентации и баналитеты (монопольное право сеньора на печь,

мельницу, давяльную, а также быка, борова, преимущественное право снокоса, жатвы, сбора винограда, банвен); добавим право взимания сборов за проход по мостам и дорогам (пеаж), сборов за торговлю на рынках и ярмарках (право рынка), права охоты, рыбной ловли, голубятни.

Об этих проблемах и о подлежащей уточнению терминологии см.: M a r c e l G a r a u d. La Révolution et la propriété foncière. 1959. Première partie: «Les formes de la Propriété foncière et le régime féodal en 1789». См. также замечания Жоржа Лефевра относительно дискуссий по вопросу о переходе от феодализма к капитализму («La Pensée», janvier-février 1956, p. 22): «Поскольку в этой дискуссии на первом плане была организация производства, о феодальном порядке не было речи и выражение «феодализм» не подходило; ибо существо феодального порядка заключается в иерархии сюзерена и его вассалов, а также в распределении сюзереном *фьефов* между вассалами. Точно так же нельзя было применять выражения «сеньориальный порядок», потому что власть сеньора над вилланами его поместья вытекает из расчленения государственной власти, при которой часть королевской власти переходила от суверена к сеньору. Наиболее точным было бы выражение «домениальный порядок», которое, впрочем, ведет свое происхождение от самого отдаленного прошлого и, собственно, не связано с последними столетиями Средневековья». Но если под выражением «феодальный порядок» понимать не только социальные институты, но также и понятие экономической истории, точнее — исторический способ производства, то мож-

но утверждать, что феодальный порядок как способ производства (régime domanial, manorial system, Grundherrschaft) был основан на земельной собственности. Как решительно утверждает Жорес, переход от феодального общества к капиталистическому обществу мог осуществиться только путем уничтожения этой земельной собственности феодального типа и освобождения крестьян от сеньориальных прав и феодальных рент, которыми они были обременены.

2. О дворянстве, для ориентации в исследовании см.: M a r c B l o c h. Sur le passé de la noblesse française; quelques jalons de recherche.—«Annales d'histoire économique et sociale», 1936, p. 366. Более конкретно см.: P. D e V a i s s i è r e. Gentilshommes campagnards de l'ancienne France. Paris, 1903; H. C a r r é. La Noblesse de France et l'opinion publique au XVIIIe siècle. Paris, 1920; F. F. F o r d. Robe and sword, The regrouping of French aristocracy after Louis XIV. 1953; M. R e i n h a r d. Élite et noblesse dans la seconde moitié du XVIIIe siècle.—«Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1956, p. 5. В качестве региональных примеров см.: R. F o r s t e r. The Nobility of Toulouse in the eighteenth century. 1960; D. R o c h e. Recherches sur la noblesse parisienne au milieu du XVIIIe siècle: la noblesse du Marais.—«Actes du quatre-vingt-sixième congrès des Sociétés savantes», 1961, p. 541; особенно см.: J. M e y e r. La Noblesse bretonne au XVIIIe siècle. Paris, 1966, 2 vol. О дворянстве и армии см.: A. T u e t e y. Les Officiers sous l'Ancien Régime. Nobles et roturiers. Paris, 1908; A. L a t r e i l l e. L'Armée et la nation à la fin de l'Ancien Régime.

Paris, 1914; E. G. L é o n a r d. La question sociale dans l'armée française au XVIIIe siècle.—«Annales E.S.C.», 1948, p. 135. Того же автора: «L'Armée et ses problèmes au XVIIIe siècle». Paris, 1958. О финансовых предприятиях дворян и их участии в экономической деятельности см.: H. L é v y - B r u h l. La noblesse de France et le commerce à la fin de l'Ancien Régime.—«Revue d'histoire moderne», 1933, p. 209; G. Z e l l e r. Une notion de caractère historico-social: la dérogation.—«Cahiers internationaux de sociologie», 1957, p. 40; G. R i c h a r d. La noblesse de France et les sociétés par actions à la fin du XVIIIe siècle.—«Revue d'histoire économique et sociale», 1962, № 4.

Страницы, которые Жорес посвятил дворянству времен конца старого порядка, следовало бы дополнить соображениями о дворянстве манттии, об аристократической реакции второй половины XVIII в. и, наконец, о земельном богатстве дворянства.

1. *Дворянство манттии*. Это дворянство приобретенное; лица, его получившие, хотя и не допущены ко двору, но им уже не в чем завидовать родовитому дворянству, дворянству шпаги, с которым они часто связаны браками. См.: R. M o u s n i e r. La Vénalité des offices sous Henri IV et Louis XIII. 1945; J. E g r e t. L'aristocratie parlementaire française à la fin de l'Ancien Régime.—«Revue historique», juillet-septembre 1952, p. I; P h. D a w s o n. Sur le prix des offices judiciaires à la fin de l'Ancien Régime.—«Revue d'histoire économique et sociale», 1964, № 3. См. региональные исследования: A. C o l o m b e t. Les Parlementaires bourgeois à la fin du XVIIIe siècle. 1937;

C h. C a r r i è r e. La recrutement de la Cour des comptes, aides et finances d'Aix-en-Provence, à la fin de l'Ancien Régime.—«Actes du quatre-vingt-unième congrès des Sociétés savantes», 1956, p. 141; F r. B l u c h e. L'Origine des magistrats du Parlement de Paris au XVIIIe siècle. Paris, 1956 (в действительности это генеалогический словарь); т о г о ж е а в т о р а : «Les Magistrats du Parlement de Paris au XVIIIe siècle, 1715—1771». Paris, 1960; J. C. P a u l h e t. Les parlementaires toulousains à la fin du XVIIIe siècle.—«Annales du Midi», 1964, № 2.

2. *Аристократическая реакция*. Общего труда, посвященного этой проблеме, не существует. Эта реакция проявлялась различным образом: в усилении кастового духа, в исключительно дворянском характере командных кадров армии (в 1781 г. эдиктом графа де Сегюра, военного министра, было установлено, что, для того чтобы стать офицером, не пройдя службы рядовым, надо быть дворянином не менее, как в четвертом колене), флота (см.: V. B a r o l. Dans la marine de l'Ancien Régime: les Rouges et les Bleus.—«L'Information historique», 1953, p. 133), церковной иерархии, в исключительно дворянском характере парламентов, королевской администрации (большинство интендантов в царствование Людовика XVI были дворянами в четвертом колене). В деревне *сеньориальная реакция* сказалась в стремлении извлечь возможно больше из поборов, взимаемых с крестьян. Во второй половине XVIII в. эта тенденция усиливается отчасти потому, что дворяне буржуазного происхождения уделяют больше внимания управлению своими имениями, отчасти потому, что

мелкие обедневшие провинциальные дворяне пытались увеличить свои доходы, и, наконец, потому, что крупные сеньоры, уже не проживавшие в своих имениях, сдавали их в аренду, включая и сбор феодальных повинностей, буржуазным управляющим, заинтересованным, очевидно, в извлечении наибольшего барыша из их аренды. К тому времени, когда Жорес писал свой труд, эту важную проблему исследовал Ф. Саян: P h. S a g n a c, Quomodo jura dominici aucta fuerint regnante Ludovico sexto decimo. 1898. Позднее этой проблемой занимался А. Олар: A. A u l a r d. La Révolution française et le régime féodal. Paris, 1919. «Как мы видим, нет никакой уверенности в том, что феодальный порядок стал более тяжелым при Людовике XVI, если он действительно стал более тяжелым (...). Быть может, не строй стал более тяжелым, но люди стали менее покорны». Эта проблема заслуживает того, чтобы к ней вернулись на основе конкретных локальных исследований. Крестьянские волнения, происшедшие в эпоху Революции, дают представление об этой *сеньориальной реакции*, как и о тяжести феодального порядка. Эти волнения доказывают, что власть сеньоров над крестьянами не была такой отеческой и доброжелательной, как это любят иногда изображать.

3. *Земельная собственность дворянства*. Она различна в разных областях. Она особенно крупна в северных областях, в Пикардии, в Артуа, в западных областях, в Бургундии. Она менее значительна в областях центра, юга, юго-востока. В общем, дворянство, по-видимому, владеет примерно пятой частью всей земельной собственности в королевстве (20%).

Парижский район. Бри — 40%. В департаменте Сена-и-Уаза, в сеньориях, исследованных Лучицким, налицо подавляющее преобладание дворянской собственности. Из 75 тыс. арпанов дворянству принадлежало 68%, духовенству — 10%, крупной буржуазии — 22%. Вокруг Версаля крестьянская собственность почти отсутствует.

Север. В департаменте Нор (диссертация Жоржа Лефевра) дворянская собственность составляла 21—22%. В Артуа — 32%. В департаменте Эна (район Лаона) — 30%.

В Бургундии — 35%.

Запад. Департамент Кот-дю-Нор — от 20% в восточной части до 74% в западной. Дистрикт Вир (Кальвадос) — от 13 до 23%. Ле Мож (Анжу) — 60%.

Центр, Лимузен — от 14% (финансово-податной округ Тюль) до 16% (финансово-податной округ Брив). Верхняя Овернь — 11%. Район Тьера — 17%.

Юго-Запад. Тулузский дистрикт — 44%. Дистрикт Сен-Годенс — 16%. Керси — 15%. Беарн (Олоронское сенешальство) — 1%; однако, по данным взимания двадцатины, Лучицкий считает 20% (не указывая, однако, охвата произведенного им обследования).

Средиземноморский юг. Гражданский диоцез Монпелье — 15%.

Юго-Восток. Верхний Грезиво-дан: владения эмигрантов (дворян) составляли 20%.

Конкретный пример земельного богатства дворянства — дворянство департамента Сарта в конце XVIII в. Можно различить три категории. Шесть крупных собственников владели имениями площадью от 2 тыс. до 3 тыс. га (в том числе граф де Тессе); около 30 — владели имениями

примерно в 500 га; «множество мелких дворян» владели имениями размером около 200 га. Речь идет о пахотных землях, лесах и пустошах. Семейству Тессе принадлежала собственность в 31 приходе (оно также получало огромные феодальные повинности): всего 3 тыс. га, 10 замков и усадеб, 77 ферм и 17 мельниц. При этом следовало бы еще разыскать владения этого дворянства Сарты

в других областях. Имеются свидетельства о продаже, национальных имуществ, из которых мы узнаем, что дворяне Сарты владели землями и в департаменте Уаза и даже в Кот-д'Ор, не говоря уже о соседних департаментах (Abbé Ch. Girault. La propriété foncière de la noblesse sarthoise à la fin du XVIIIe siècle.—«La Province du Maine», t. XXXV, 1955, p. 201).

ЦЕРКОВЬ

Библиографическая справка

Не существует общего труда, посвященного церкви или духовенству Франции времен конца старого порядка. О «церковном обществе» есть две отличные локальные монографии: М. L. Frascard, La Fin de l'Ancien Régime à Niort. Essai de sociologie religieuse. 1956; J. Mac Manners. French ecclesiastical society under the Ancien Régime. A study of Angers in the eighteenth century. 1960. Относительно богатства этого сословия см. одно региональное исследование: A. Rébillon, La Situation économique du clergé à la veille de la Révolution dans les districts de Rennes, de Fougères et de Vitry. 1913. О черном духовенстве см.: P. Chevallier, L'ordre monastique, 1766—1789. Paris, 1959—1960, 2 vol. (исследование о деятельности Комиссии по религиозным орденам, учрежденной в 1765 г.). В качестве регионального исследования см.: R. Tavenaux. Les monastères lorrains à la fin de l'Ancien Régime.—«Annales de l'Est», 1961, № 3; G. Lemarchand. Les monastères de Haute

Normandie au XVIIIe siècle. Essai d'un bilan économique.—«Annales historiques de la Révolution française», 1965, p. 179. О белом духовенстве см.: Ch. Berthelot du Chesnay. Le clergé diocésain français au XVIIIe siècle et les registres d'insinuation ecclésiastique.—«Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1963, p. 241. В качестве региональных примеров см.: G. Gagneux. Le bas clergé sous l'Ancien Régime: l'exemple d'une cure au XVIIe et XVIIIe siècles.—«Annales E.S.C.», 1959, p. 745; M. Vovelle. Le chapitre cathédrale de Chartres à la fin de l'Ancien Régime.—«Actes du quatre-vingt-cinquième congrès des Sociétés savantes», 1960, p. 235. О внутреннем управлении духовенства см.: M. Peronnet. Les assemblées du clergé de France sous le règne de Louis XVI, 1775—1788.—«Annales historiques de la Révolution française», 1962, p. 8. Об янсенизме в XVIII в. см. в основном: E. Préclin. Les Jansénistes au XVIIIe siècle et la Constitution civile du clergé. Le développement du richisme. Sa propagation dans le bas clergé. 1713—1791. Paris, 1929; E. Appolis. L'histoire provinciale du

Церковь

jansénisme au XVIIIe siècle.—«Annales E.S.C.», 1952, p. 87; R. Tavenaux. Le jansénisme en Lorraine, 1640—1789. 1960. См. также: E. Appolis. Entre jansénistes et zelanti, le «Tiers parti» catholique au XVIIIe siècle. 1960. О настроениях низшего духовенства см.: Ch. Porée. Les cahiers des curés et des communautés ecclésiastiques du bailliage d'Auxerre pour les États généraux de 1789. 1927; M. Bernard. Revendications et aspirations du bas clergé dauphinois à la veille de la Révolution.—«Cahiers d'histoire», 1956, p. 327.

По вопросу о десятине см.: M. Marion. La Dîme ecclésiastique en France au XVIIIe siècle et sa suppression. 1912; M. Fauchoux. Un ancien droit ecclésiastique perçu en Bas-Poitou: le boisselage. 1953; J. Nicolas. Le problème des dîmes en Savoie, à la veille de la Révolution.—«Actes du quatre-vingt-neuvième congrès des Sociétés savantes», 1964, p. 271.

1. *Земельная собственность духовенства.* На страницах, посвященных церкви, Жорес справедливо проявляет большой интерес к проблеме земельной собственности привилегированных слоев, проблеме в то время, когда он писал, мало исследованной, которой в дальнейшем занялся Жорж Лефевр и другие вслед за ним. О проблеме в целом см. ниже, раздел «Крестьянские наказания», библиографическую справку о распределении земельной собственности.

Земельная собственность духовенства была городской и деревенской. Духовенство владело весьма многочисленными недвижимостями в городах. Они приносили ему арендную плату, которая в ходе столетия выросла вдвое. По-видимому, для

черного духовенства городская собственность была более важной, нежели собственность в деревне; в некоторых городах монастыри владели весьма многочисленными земельными участками и недвижимостями. Церковные владения в деревне были еще более значительными. Трудно оценить эту собственность церкви для всей страны в целом. Бесспорно, в то время была тенденция переоценивать земельные богатства духовенства и доходы, которые оно из него извлекало. Вообще говоря, собственность духовенства была раздроблена на множество изолированных ферм, приносящих скудный доход, в частности вследствие плохого ведения хозяйства и отсутствия на месте владельцев бенефициев.

При попытках более точной оценки земельной собственности духовенства на основании локальных и региональных исследований приходилось к выводу, что размеры ее изменялись в зависимости от областей, уменьшаясь в западных и южных областях страны. Для страны в целом ее удельный вес редко превосходит 20%, но опускается и ниже 1%. По-видимому, в среднем она составляла не более 10% земельной собственности во всей стране. Это много, если учесть незначительную численность этого сословия.

Парижская область. Бри — 20%

Север. Департамент Нор (диссертация Жоржа Лефевра) — от 19 до 20%. Артуа — 20%. Пикардия — 18%. Департамент Эна (район Лаона) — 20%.

Бургундия — 11%. Департамент Йонна — 15%.

Запад. Департамент Кот-д'Ор — незначительная, от 1/35 до 1/40 %. Дистрикт Вир (Кальвадос) — 1,6%. Дистрикт Сен-Ло (Манш) — 2,2%.

Дистрикты Ренн, Витре и Фужер — 3,4%. Ле Мож (Анжу) — 5%.

Центр. Берри — 15%. Лимузен — от 3,7% (финансово-податной округ Тюль) до 0,8% (финансово-податной округ Брив). Верхняя Овернь — 3,5%. Район Тьера — 0,60%.

Юго-Запад. Тулузский дистрикт — 6,5%. Дистрикт Сен-Годенс — 2%. Керси — 1,9%. Беарн (Олоронское сенешальство) — собственность духовенства там ничтожна (0,003%), однако на основании изучения данных взимание двадцатины Лучицкий указывает 1,5%.

Средиземноморский юг. Гражданский диоцез Монпелье — 6%.

Юго-Восток. Дофине (в среднем) — 2%. Верхний Грезиводан — менее 2%.

Конкретный пример земельного богатства духовенства: владения церкви в департаменте Сарта в конце XVIII в. Они оцениваются примерно в 63 тыс. га, то есть более 10% земельной площади всего департамента; это не дает основания говорить о концентрации земель в руках церкви, но это нельзя считать и незначительной частью. Такая пропорция даже заметно выше того, что можно было бы предполагать, учитывая значительное уменьшение размеров церковной собственности в западных и южных областях страны. Однако эта пропорция сильно колеблется в зависимости от дистрикта, достигая более 16% в дистрикте Ле-Ман, около 13% — в дистриктах Сабле и Сийе, тогда как в других она составляет от 5 до 10%. Белому духовенству принадлежит менее одной трети этих имуществ, остальное является собственностью монашеских орденов (Abbé Ch. Girault. Les biens d'Eglise dans la Sarthe à la fin du

XVIIIe siècle.—«La province du Maine». 1953.

2. *Численность духовенства.* Экономическое могущество духовенства и значение его привилегий можно верно оценить, лишь сопоставив их с его численностью. По сравнению со всей нацией его численность очень мала. В конце старого порядка черное духовенство переживало упадок и ряды его сокращались. Оно, по видимому, насчитывало приблизительно 60 тыс. человек (20 тыс. — 25 тыс. монахов и около 40 тыс. монахинь). Что касается белого духовенства, то, по данным «Almanach royal», существовало 139 епископств, из них 18 архиепископств и 34 658 приходов. Высшее духовенство включало 2900 прелатов и кафедральных каноников, от 5 тыс. до 6 тыс. коллегияльных каноников, 3 тыс. духовных лиц без бенефициев; низшее духовенство состояло приблизительно из 60 тыс. приходских священников и викариев. Моо в своей работе (Moheau. Recherches sur la population de la France) оценивает численность духовенства для 1777 г. максимально в 130 тыс. человек. В таком случае, оно составляло около 1,8% всего населения страны.

3. *Ришеризм.* Среди течений, разделявших духовенство в XVIII в., Жорес не упоминает ришеризма, к которому позднее привлек внимание Э. Преклен (в работе, упомянутой выше, с. 200). Рише (Richer, 1560—1631), раскаявшийся член Лиги, в 1608 г. — синдик богословского факультета, опубликовал в 1607 г. «Libellus de ecclesiastica et politica potestate» в антиультрамонтанском духе, был осужден. Удалившись на покой, он написал свою «Histoire du syndicat d'Edmond Richer», которая была опубликована лишь в 1753 г.

и содержит изложение существа его доктрины. Власть создания непогрешимых законов принадлежит вселенской церкви. Осуществление этой власти возложено на общину пастырей, исключая прихожан. Управление церковью имеет характер умеренной аристократии; папа есть монарх, стоящий во главе этой аристократии, но он подчинен; епископат (первое сословие духовенства) — всемогущ. Приходские священники (второе сословие духовенства) стоят ниже прелатов, но, учрежденные Христом, полностью приобщившим их к священству, они не подчинены безоговорочно власти папы и прелатов. Они составляют сенат церкви. Собравшись на синоды, под председательством епископа, они участвуют в управлении епархией; будучи призваны на соборы, они обладают там правом решающего голоса. Итак, управление церкви являет собою умеренную аристократию, в коей пастыри, учрежденные Христом, а не прихожанами, осуществляют власть, носителями которой в большей ее части являются епископы, в меньшей — приходские священники.

Таким образом, ришеризм представляет собою компромисс между ультрамонтанством (папская монархия), протестантскими религиозными течениями (клерикальная и народная демократия) и галликанством. Существует полная противоположность между ришеризмом и ультрамонтанством, с точки зрения которого приходские священники учреждаются папой. Между ришеризмом и парламентским галликанством существует согласие в вопросе о взаимоотношениях церкви и государства. Между ришеризмом и церковным галликанством существует согласие по вопросам верховенства соборов

над папой, высокого сана епископов и приходских священников, учреждений Христом. Но галликанство видит в епископе главный источник миссии приходского священника, оно отказывает второму сословию (духовенства) в праве решающего голоса на канонических соборах. Между ришеризмом и галликанством расхождения все более и более углубляются, вплоть до полного разрыва после 1730 г. Первоначальный янсенизм (до 1675 г.) не принял идей Рише: ведь это означало бы вступить в конфликт с папой и, что особенно важно, с епископами — этими действительными или потенциальными союзниками в борьбе против иезуитов. В то время янсенисты исповедуют некое умеренное галликанство, близкое к тому, которого придерживался Боссюэ и которое позволяло им сближаться то с папой, то с епископами. После 1675 г. идеи ришеризма были восприняты приходскими священниками-янсенистами, которым угрожал союз короля с епископами и папой. Некий демократический янсенизм определился в начале XVIII в. Янсенисты заимствовали из богословского арсенала Рише аргументы против буллы «Unigenitus» (1713 г.). В конечном счете, ришеризм и янсенизм в значительной мере объясняют происхождение Гражданского устройства духовенства 1790 г.

4. *Соблюдение религиозных обрядов.* Чтобы иметь возможность судить об отношении общественного мнения к духовенству и церкви (см.: В. С. Schaffer. Quelques jugements de pamphlétaires sur le clergé à la veille de la Révolution.—«Annales historiques de la Révolution française» 1939, p. 110) и для того, чтобы зараннее уяснить себе важное значение религиозной проблемы в период Ре-

волюции, как и быстрое восстановление культа после заключения concordата, было бы необходимо уточнить здесь, в какой мере соблюдались религиозные обряды. Конечно, трудно судить о духовном состоянии отдельных личностей по их внешнему конформизму. Но большая часть нации — народные массы, средние слои, буржуазия — оставалась очень набожной, за исключением лишь аристократического или буржуазного меньшинства; в XVIII в. атеизм аристократичен. О соблюдении религиозных обрядов см.: M. Join-Lambert. La pratique religieuse

dans le diocèse de Rouen de 1707 à 1789.—«Annales de Normandie», 1953, p. 247; 1955, p. 35; G. Le Bras. État religieux et moral du diocèse de Châlons au dernier siècle de l'Ancien Régime.—«Études de sociologie religieuse». Paris, 1955; M-me T. Jean-Schmitt. L'Organisation ecclésiastique et la pratique religieuse dans l'archidiaconé d'Autun, de 1650 à 1750. 1957; Y.-M. Hilaire. La pratique religieuse en France de 1815 à 1878.—«L'Information historique», 1963, p. 53 (с обширным введением о старом порядке и Революции).

ДЕФИЦИТ

Библиографическая справка

О финансовом положении монархии к концу старого порядка см.: R. Stourm. Les Finances de l'Ancien Régime et la Révolution. 1885, 2 vol.; Ch. Gomel. Les causes financières de la Révolution. 1892—1893, 2 vol.; M. Marion. Histoire financière de la France depuis 1715. T. I.: «1715—1789». 1913. Первоисточенное значение имеет труд: F. Bressch. Finances et monnaies révolutionnaires, 2e fasc.: «Les recettes et les dépenses du Trésor pendant l'année 1789; le compte rendu au roi de mars 1788; le dernier budget de l'Ancien Régime». Paris, 1936.

Финансовое положение накануне Революции. Оно известно по «Compte du Trésor de 1788», этому «первому и последнему бюджету» монархии, хотя это и не был бюджет в точном смысле этого слова, поскольку не все финансовые дела королевства проходили по отчетности казначейства. По данным этого «Compte» 1788 г.,

расходы превышали 629 млн. ливров, доходы же достигали 503 млн.—дефицит составлял около 126 млн., то есть 20% расходов. Отчет казначейства предусматривал выпуск займа на 136 млн. Гражданские расходы составляли 145 млн., то есть 23%. Но в то время как на народное просвещение и общественную благотворительность ассигновалось 12 млн., то есть меньше 2%, двор и привилегированные получали 36 млн., то есть около 6%, и то после того, как в 1787 г. бюджет королевского дома был сильно урезан. Военные расходы (армия и флот) и дипломатические превышали 165 млн., то есть 26% бюджета, из них 46 млн. на жалованье 12 тыс. офицеров, обходившихся казне дороже, чем все войско. Проценты по долгам и погашение составляли самую большую статью бюджета — 318 млн., то есть более 50%. В бюджете 1789 г. авансы в счет поступлений достигали 325 млн. ливров, всякого рода уловки составляли около 62% доходов.

ДУХ ФИЛОСОФИИ

Библиографическая справка

По этому предмету имеется огромная библиография. Мы ограничимся упоминанием лишь нескольких работ, затрагивающих общие проблемы. См.: D. Mornet. Les Origines intellectuelles de la Révolution française. 1932; P. Vernière. Spinoza et la pensée française avant la Révolution. 1954, 2 vol. (второй том относится к XVIII в.). В более частном плане (истoki социалистических идей) см.: A. Espinas. La Philosophie du XVIIIe siècle et la Révolution française. Paris, 1898; A. Lichtenberger. Le Socialisme au XVIIIe siècle. Paris, 1899. По некоторым большим темам см.: R. Mauzi. L'Idée de bonheur dans la littérature et la pensée françaises au XVIIIe siècle. Paris, 1960; J. Ehrard. L'Idée de nature en France dans la première moitié du XVIIIe siècle. Paris, 1963. Об экспериментальном рационализме и развитии наук см.: M. Caullery. La Science française depuis le XVIIe siècle. 1933; «Histoire générale des sciences» (под редакцией P. Татона). T. II: «La Science moderne (de 1450 à 1800)». 1958; D. Mornet. Les Sciences de la nature en France au XVIIIe siècle. 1911.

О главных писателях эпохи см.: E. Carcassonne. Montesquieu et le problème de la constitution au XVIIIe siècle. 1927; особенно см.: L. Althusser. Montesquieu: La politique et l'histoire. 1959, а также R. Shackleton. Montesquieu. A critical biography. 1961; J. Prost. Diderot et l'Encyclopédie. 1962; E. Derathé. Le Rationalisme de J.-J. Rousseau. 1948; его же: «J.-J. Rousseau et la science politique de son temps». 1950.

О распространении идей просвещения см.: J.-P. Belin. Le Mouvement philosophique de 1748 à 1789; его же: «Le Commerce des livres prohibés à Paris de 1750 à 1789». 1913; F. Brunot. Histoire de la langue française. T. VII: «La propagation du français en France jusqu'à la fin de l'Ancien Régime». Paris, 1926; M. Bouchard. De l'Humanisme à l'Encyclopédie. Essai sur l'évolution des esprits dans la bourgeoisie bourguignonne sous les règnes de Louis XIV et de Louis XV. 1929; L. Trénard. Histoire sociale des idées. Lyon, de l'Encyclopédie au préromantisme. Paris, 1958, 2 vol.; M. Bordes. Contribution à l'étude de l'enseignement et de la vie intellectuelle dans l'intendance d'Auch au XVIIIe siècle. 1958.

БУРЖУАЗИЯ

О сложной проблеме французской буржуазии в XVIII в. по понятным причинам нет ни одной обобщающей работы. Для ориентации в исследовательской работе см.: J. Aynard. La Bourgeoisie française. 1934; B. Groethuyzen. Ori-

gines de l'esprit bourgeois en France. T. I.: «l'Eglise et la bourgeoisie». Paris, 1927; F. Borkenau. Der Uebergang vom feudalen zum bürgerlichen Weltbild. Studien zur Geschichte der Philosophie der Manufakturperiode. 1934; См. замечания Лю-

сьена Февра в «Annales d'histoire économique et sociale», 1934; см. особенно: E. L a b r o u s s e. Voies nouvelles vers une histoire de la bourgeoisie occidentale aux XVIIIe et XIXe siècles.—«X Congresso internazionale di scienze storiche...», 1955. «Relazioni», t. IV, p. 365. Для более конкретных данных можно использовать локальные и фамильные монографии.

Локальные монографии.—См.: F. M i r e u r. Le Tiers État à Draguignan. 1911; H. S é e. La population et la vie économique à Rennes, vers le milieu du XVIIIe siècle, d'après les rôles de la capitulation.—«Mémoires de la Société d'histoire de Bretagne», 1923, p. 89. См. ряд работ на тему о буржуазии в томе, опубликованном по случаю 150-й годовщины Революции: «Assemblée générale de la Commission centrale...» (экономическая история Французской революции), 1939; t. I (1942); см. там, в частности: A. C h a b a u d. Essai sur les classes bourgeoises dirigeantes à Marseille en 1789, p. 47; а также J. V i d a l e n c. La bourgeoisie à Evreux en 1789, p. 224; P. L é o n. Recherches sur la bourgeoisie française de province au XVIIIe siècle.—«L'Information historique», 1958, p. 101; G. L e f e b v r e. Études orléanaises. T. I: «Contribution à l'étude des structures sociales à la fin du XVIIIe siècle». Paris, 1962.

Фамильные монографии.—См.: C h. P o u t h a s. Une famille de bourgeoisie française de Louis XIV à Napoléon [о семействе Гизо]. 1931; F. V e r m a l e. Le père de Casimir Périer, 1742—1801. 1935; J. L a m b e r t. Essai sur les origines et l'évolution d'une bourgeoisie. Quelques familles du patronat textile de Lille. 1789—1914. 1954; F. D o r n i c. L'évolution de l'industrie textile aux XVIIIe et

XIXe siècles: l'activité de la famille Cohin.—«Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1956, p. 38; P. G o u b e r t. Familles marchandes sous l'Ancien Régime: les Danse et les Motte de Beauvais. Paris, 1959; P. L é o n. Marchands et spéculateurs dauphinois dans le monde antillais du XVIIIe siècle. Les Dolle et les Raby. Paris, 1963; P. B a r r a l. Les Périer dans l'Isère au XIXe siècle d'après leur correspondance familiale. Paris, 1964.

1. *Финансовая буржуазия.* Ею Жорес больше всего интересуется. Речь идет главным образом об обслуживании государства. Если в течение долгого времени (поскольку денежные операции, связанные с обслуживанием государства, были не лишены риска) и вплоть до начала XVIII в. в финансовой сфере появлялись люди очень скромного происхождения, которые быстро возвышались, занимая видное положение в обществе, то к концу старого порядка эта социальная категория приобретает стабильный характер. Во главе ее находятся генеральные откупщики, эти «сорок плебейских королей», по выражению Вольтера. У них проявляется тенденция к созданию касты или по меньшей мере узкой олигархии, связанной с самыми крупными семействами; многие из них приобрели дворянство. Сорок генеральных откупщиков образуют откупное ведомство, которое с 1720 г. стало постоянной организацией. Откупщики сдавались с торгов каждые шесть лет. В 1726 г. полученная сумма составила 80 млн., в 1774 г.—152 млн. В 1780 г. косвенные налоги и сбор повинностей с королевских владений (всего около 100 млн.) были изъяты из откупного ведомства; тем не менее в 1786 г. было сдано откупов на 150 млн.

Другая составная часть финансовой буржуазии — банкиры. Из них самые крупные те, которые занимаются делами государства или двора, например Лаборды. К концу XVIII в. эта группа банковских дельцов становится все более многочисленной в Париже. Это преимущественно иностранцы. Наиболее известные банкиры — выходцы из Швейцарии, как Неккер и Клавьер. Есть также голландцы — де Кок, Ванденивер, банкир мадам дю Барри, бельгийцы — братья Симон, англичане — Бойд. Среди французов самые крупные — Туртон и Равель, чей банк существовал с XVII в. Поразительно, что финансирование промышленности занимает еще в то время незначительное место в деятельности этих банкиров.

«Кэсс д'эсcont» (Учетная касса) была вначале исключительно частным предприятием (4 тыс. акций по 3 тыс. ливров каждая). Созданная в 1776 г. эта касса (ее не решаются называть банком) занимается исключительно учетом из 4%. Затем она становится эмиссионным банком. Выпускаемые им банкноты вначале имели хождение только в Париже (крупные купюры по 500 ливров и больше): их было выпущено в 1781 г. на 20 млн., а в 1789 г. — на 140 млн. В 1789 г. эта фактическая привилегия была узаконена королевским указом: касса получила на 30 лет монопольное право эмиссии банкнот. Несмотря на видимость блестящего подъема, ее деятельность оставалась слабой: она больше авансировала средства королевскому казначейству, нежели миру торговли и промышленности. «Кэсс д'эсcont» прекратила свое существование в 1793 г., после того как декретом Конвента были упразднены все крупные акцио-

нерные компании, учрежденные до 1789 г. Однако опыт «Кэсс д'эсcont» открыл путь к созданию в 1800 г. Французского банка.

О проблеме кредита и банковской организации в конце старого порядка см.: H. H a u s e r. Réflexions sur l'histoire des banques à l'époque moderne.—«Annales d'histoire économique et sociale», 1929, p. 335; R. B i g o. Les Bases historiques de la finance moderne. 1933; H. L é v y - B r u h l. Histoire de la lettre de change aux XVIIe et XVIIIe siècles. 1933; ег о ж е: «Histoire juridique des sociétés de commerce en France aux XVIIe et XVIIIe siècles». 1938; J. B o u c h a r y. Le Marché des changes à Paris à la fin du XVIIIe siècle. 1939, 1940, 1943, 3 vol.; ег о ж е: «Les Compagnies financières à Paris à la fin du XVIIIe siècle». 1940, 1942, 2 vol. В качестве локального примера см.: M. V i g n e. La Banque à Lyon du XVe au XVIIe siècle. 1903. Частный случай: H. L u t h y. La Banque protestante en France, de la révocation de l'édit de Nantes à la Révolution. T. II: «De la banque aux finances, 1730—1794». Paris, 1961.

2. *Буржуазия рантье.* Это буржуазия пассивная, вышедшая из рядов деловой буржуазии и живущая на доходы от превращенных в капитал барышей. Так как в течение столетия буржуазия разбогатела, то число рантье непрерывно увеличивалось. В 1784 г. Неккер оценивал более чем в 125 млн. ливров общую сумму рент, «которые государство должно выплачивать до полного погашения их капитала», а пожизненные ренты он оценивал в 81 млн. ливров. Итого 206 млн. ливров ежегодно выплачиваемых процентов. Займы, выплаченные преемниками Неккера, способствовали еще большому

увеличению этой огромной суммы. К процентам, выплачиваемым государством, следует добавить проценты, которые выплачивали по своим долгам города и главным образом духовенство.

В качестве локального примера укажем Гренобль, где категория рантье непрерывно расширялась в XVIII в. В 1779 г. рантье составляли 21,9% от общей численности буржуазии, судейские — 13,8, торговцы — 17,6%. В 1789 г. доля торговцев уменьшилась до 11%, тогда как доля рантье поднялась до 28%. В Тулузе рантье составляют в то время около 10% всей буржуазии. В Альби эта пропорция снижается до 2—3%. Группа рантье, по-видимому, составляла около 10% буржуазии.

Необходимо, однако, подчеркнуть величайшее разнообразие облика рантье. В Гавре один историк отмечает «наличие оскудевшей буржуазии из мелких и мельчайших рантье». В Ренне рантье можно встретить на всех ступенях социальной лестницы. Под «рантье» надо понимать известный образ жизни («vivre bourgeoisement»), предполагающий самый разный уровень соответственно огромному разнообразию состояний.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В настоящее время нет работ, охватывающих в целом экономическую жизнь в конце старого порядка. Относительно крупной торговли см. подстрочные примечания.

3. *Земельная собственность буржуазии.* Север. Департамент Нор (диссертация Жоржа Лефевра) — от 16 до 17%. Артуа — 9%. Департамент Эна (район Лаона) — 19%.

Восток. Дистрикт Бар-ле-Дюк (департамент Мёз) — 15%.

Бургундия — 20%. Дистрикт Санс (департамент Йонна) — 15%.

Запад. Департамент Кот-дю-Нор от 11% на западе до 32% на востоке. Дистрикт Вир (Кальвадос) — 12%. Ле Мож (Анжу) — 15,5%.

Центр. Лимузен — 25,8% в финансово-податном округе Тюль и 26,7% в финансово-податном округе Брив. Район Тьера — 18%.

Юго-Запад. Тулузский дистрикт — 25%. Дистрикт Сеп-Годенс — 38%.

Средиземноморский юг. Гражданский диоцез Монпелье — 20%.

В целом по стране процент буржуазной земельной собственности колеблется от 12 до 45%. Средняя для всего государства составит, по-видимому, около 30%. Доля буржуазной собственности, естественно, увеличивается вокруг городов, поскольку приобретение земельных владений вблизи от их городских резиденций всегда было любимым способом помещения капитала для разбогатевших на торговле буржуа.

Библиографическая справка

О начальной стадии развития крупной промышленности см.: Н. Сée. *Les Origines de l'industrie*

capitaliste en France.—«Revue historique», novembre — décembre 1923; особенно см., и не только в качестве регионального примера: P. L é o n. *La Naissance de la grande industrie en Dauphiné (fin XVIIe siècle — 1869)*. Paris, 1954, 2 vol. О техническом прогрессе см.: Ch. B a l l o t. *L'Introduction du machinisme dans l'industrie française*. 1923; F. B r u n o t. *Histoire de la langue française*. T. VI, 1e partie: «Le mouvement des idées et les vocabulaires techniques». Paris, 1930; A. R é m o n d. John Holker. 1946; S. T. M a c C l o y. *French inventions in the eighteenth century*. 1952; P. L é o n. *Tradition et machinisme dans la France du XVIIIe siècle*.—«L'Information historique», 1955, p. 5; R. M o u s n i e r. *Progrès scientifique et technique au XVIIIe siècle*. Paris, 1958. О текстильной промышленности см.: Ch. S c h m i d t. *Les débuts de l'industrie cotonnière en France, 1760 — 1806*.—«Revue d'histoire économique et sociale», 1913, p. 261, et 1914—1918, p. 26; F. D o r n i c. *L'Industrie textile dans le Maine et ses débouchés internationaux, 1650—1815*. 1955; V. P r é v o s t. *L'industrie lainière sous l'Ancien Régime*.—«Revue du Nord», 1957, p. 205; G. A n t h o n y. *L'industrie de la toile à Pau et en Béarn, de 1750 à 1850*. 1961; P. D e y o n. *Le mouvement de la production textile à Amiens au XVIIIe siècle*.—«Revue du Nord», 1962, № 3. О металлургической промышленности см.: Ch. B a l l o t. *La révolution technique et les débuts de la grande exploitation dans la métallurgie française. L'introduction de la fonte au coke en France et la fondation du Creusot*.—«Revue d'histoire économique et sociale», 1912, p. 29; G. et H. B o u r g i n. *L'In-*

dustrie sidérurgique en France au début de la Révolution. 1920. A. D e m a n g e o n. *La répartition de l'industrie du fer en France en 1789*. «Annales de géographie», 1921, p. 204; B. G i l l e. *Les Origines de la grande industrie métallurgique en France*, 1947; ег о ж е: «Les Forges françaises en 1772». 1960; в качестве региональных примеров см.: J. V i d a l e n c. *La petite métallurgie rurale en Haute Normandie sous l'Ancien Régime*. 1946; G. R i c h a r d. *La grande métallurgie en Haute Normandie à la fin du XVIIIe siècle*.—«Annales de Normandie», 1962, № 4; P. L é o n. *Deux siècles d'activité minière et métallurgique en Dauphiné: l'usine d'Allevard, 1675—1870*.—«Revue de géographie alpine», 1948, p. 215; ег о ж е: «Les Techniques métallurgiques dauphinoises au XVIIIe siècle». Paris, 1961. Об угольной промышленности см.: M. R o u f f. *Les Mines de charbon en France au XVIIIe siècle, 1744—1791*. 1922; A. D e S a i n t - L é g e r. *Les Mines d'Anzin et d'Aniche pendant la Révolution*. 1935, 1939, 4 vol.; G. L e f e b v r e. *Les mines de Littry (1774 — an VIII)*. — «Annales historiques de la Révolution française», 1926, перепечатано в: «Études sur la Révolution française», 2e éd., 1963, p. 159.

Рост промышленности. С самого начала XVIII в. наблюдается коренное различие между двумя секторами промышленности. Один, включающий традиционные виды промышленности (суконая, производство полотен из льна и конопля, значительная часть горной и металлургической промышленности), пребывает в состоянии застоя. Другой сектор динамичен (промышленность, производящая предметы роскоши, и оружейная промышленность,

коим королевское правительство дало импульс и предоставило привилегированное положение под наименованием «*королевских мануфактур*»). На протяжении всего XVIII в. сохраняет силу кольберовская система управления (дирижизм), которая, по-видимому, не парализует, а стимулирует деятельность находящихся под наблюдением и контролем предприятий. Этот дирижизм является признаком слабого роста промышленности, которая еще нуждается в поддержке и покровительстве. В плане технического развития также заметно преобладание традиции, связи с прошлым. Если производство чугуна на коксе было впервые осуществлено в Англии в 1709 г., то на заводе Крезе оно было реализовано лишь в 1785 г., и новая металлургическая техника начинает по-настоящему распространяться во Франции только в 1820—1830 гг. — с опозданием на столетие по сравнению с Англией.

Медленно развивающиеся секторы — это основные отрасли промышленности: традиционные текстильные производства, сукноделие, полотняные изделия из льна и конопли. Рост производства во Франции в целом был, по-видимому, относительно слабым, в ходе «промышленного XVIII столетия» (1730—1830) он оценивается в 61%. Следует, конечно, учитывать региональные различия. В Лангедоке производство выросло на 143% в 1703—1789 гг., в финансовых округах Монтобанском и Бордоском оно за эти же годы выросло на 109%. В Шампани отмечается рост на 127% в 1762—1789 гг., в Берри — на 81%, в Орлеане — на 45%, в Нормандии только на 12% за те же годы. В Оверни, Пуату, по-видимому, не наблюдалось роста производства.

В некоторых провинциях, по-видимому, имел место даже упадок, например в Лимузене (—18%), в Провансе (—36%).

Быстроразвивающиеся секторы производства — это «новые» отрасли промышленности, стимулируемые прогрессом техники и крупными инвестициями: угольная, металлургическая промышленность, новые текстильные производства. В угольной промышленности, с учетом приблизительного характера статистических данных, рост производства оценивается в 700—800%. На рудниках Анзена, по которым мы располагаем непрерывными рядами статистических данных, коэффициент роста за время с 1744 по 1789 г. составил 681%. В металлургии в целом рост производства до Революции довольно скромный: 72% за время с 1738 до 1789 г. Что касается хлопчатобумажных тканей и цветного полотна — новых производств, то общих цифровых данных нет, но в районе Руана для первых отмечен рост на 107% за 1732—1766 гг., тогда как оборот по мюлузским ситцам увеличивается на 738% за время с 1758 по 1786 г. Шелковая промышленность, хоть и старинная, благодаря общему процветанию развивается в ритме новой индустрии; в Лионе за время с 1720 по 1788 г. число станков выросло на 185%; в Дофине производство шелка-мулине выросло за 1730—1767 гг. на 400% (по весу).

Таким образом, мы видим, что рост промышленности в XVIII в. происходит весьма неравномерно. Основная масса изделий поставляется по-прежнему отраслями промышленности, находящимися в состоянии застоя (сукна и полотна). Одна из причин такого положения заключается в слабом распростране-

нии технического прогресса: не надо предаваться иллюзиям относительно этого века, проявлявшего столь большой интерес «к искусствам и ремеслам». С другой стороны, психология разных социальных групп не способствует политике развития промышленности. Как аристократы, так и буржуа часто избегают вложений в промышленность: первые под влиянием предрассудка, считая такое дело недостойным дворянина, вторые проявляли расчетливую робость и предпочитали подниматься по социальной лестнице путем покупки должностей или земельных владений.

Влияние промышленного развития на общий экономический рост страны было, по-видимому, незначительным. Наоборот, рост народонаселения оказал, очевидно, влияние на развитие промышленности путем создания более широкого рын-

ка потребления и рабочей силы. Влияние оказало, видимо, сельское хозяйство благодаря повышению земельной ренты и росту доходов от сельского хозяйства, что повлекло за собой крупные инвестиции в промышленные предприятия. Что касается торговли, то на ее структуре рост промышленности отражался непрерывно. С 1716 до 1787 г. экспорт промышленных изделий вырос на 220% (общий рост французского экспорта 298%). Оставляя в стороне колониальную торговлю, доля промышленного сырья в экспорте выросла за это время с 12 до 42%.

См. в основном: P. L é o n. *L'industrialisation en France en tant que facteur de croissance économique du XVIIIe siècle à nos jours.* — «Première conférence internationale d'histoire économique», Stockholm, 1960, p. 163.

ПАРИЖ

Библиографическая справка

Нет общего труда о Париже конца старого порядка. Мы можем здесь указать только некоторые исследования, посвященные отдельным аспектам. С точки зрения экономического см.: L. G u é n e a u, *Le rôle de Paris dans les industries et le commerce de la soie et de la soierie à la fin de l'Ancien Régime.* — «Revue d'histoire moderne», 1926, p. 280, 424; L. C a h e n. *Ce qu'enseigne un péage du XVIIIe siècle. La Seine entre Paris et Rouen, et les caractères de l'économie parisienne.* — «Annales d'histoire économique et sociales», 1931, p. 487; L. J a n r o t. *L'activité économique autour de Paris au XVIIIe siècle.* — «Bulletin du Comité de Seine-

et-Oise pour l'histoire économique de la Révolution», 1938—1939, p. 89; D. P i n k n e y. *Paris, capitale du coton sous le premier Empire.* — «Annales E.S.C.», 1950, p. 56; P. V e r l e t. *Le commerce des objets d'art et des marchands merciers à Paris au XVIIIe siècle.* — Ibid., 1958, p. 59. С социальной точки зрения см.: A. D a u m a r d et F. F u r e t. *Structures et relations sociales à Paris au milieu du XVIIIe siècle.* 1964; F. F u r e t. *Structures sociales parisiennes au milieu du XVIIIe siècle. L'apport d'une série fiscale.* — «Annales E.S.C.» 1964, p. 939.

Рабочее население Парижа. Из 600—650 тыс. человек, составлявших население Парижа в 1789 г., около половины было занято в про-

мышленности. Наиболее населенные районы — это Сент-Антуанское и Сен-Марсельское предместья и в самом центре Парижа два района по обоим берегам Сены. Распределение рабочего населения соответствует этим двум последним районам. Документы по обмену крупных ассигнатов на мелкие купюры для выдачи заработной платы рабочим в 1791 г. позволяют определить численность рабочих приблизительно в 75 тыс. человек. С учетом членов семьи это дает численность рабочего населения от 280 тыс. до 300 тыс. человек, то есть половину всего населения Парижа. Эта рабочая масса была гораздо менее сосредоточена, чем в наше время. Рабочих можно было найти во всех кварталах столицы, кроме западных. В Сент-Антуанском предместье было 4519 рабочих, в среднем по 14,9 на одного хозяина. В центре Парижа эта средняя повышается до 27,9 (секция Рынков) и до 31,8 (секция Фобур-дю-Нор). Это в основном кварталы, расположенные в центре Парижа, на правом берегу, от Сены до бульваров и далее, вплоть до стены Генеральных откупщиков. Там находилось около 28 тыс. наемных тружеников; на фабриках тканей и трикотажа было занято по 200—300 рабочих. Другой народный квартал расположен на левом берегу Сены, между Новым мостом и мостом Сен-Мишель: там находилось более 10 тыс. тружеников. Но концентрация рабочих по мастерским там не так сильна, как на правом берегу (на каждого хозяина в среднем приходится 15,6 рабочих).

Однако эти документы не дают точного представления о социальной структуре мира труда столицы. Крупные ассигнаты разменивали только

хозяева, которые должны были выдавать заработную плату своим рабочим; мелкое ремесленное производство фактически не отражено в этой статистике. Списки, составленные в июне 1793 г. секцией предместья Монмартр, позволяют судить о концентрации рабочей силы на предприятиях плотницких, каретных, слесарных, столярных; она сильнее в ремеслах, требующих капиталовложений и более солидного оборудования; она более заметна в плотницком деле, чем в слесарном. В июне 1793 г. на 9 плотницких предприятиях был занят 81 рабочий, то есть в среднем 9 рабочих на предприятие. Концентрация слабее в каретном производстве: 146 рабочих на 23 предприятия, то есть 6,1 в среднем на предприятие. В столярных мастерских среднее число подмастерьев снижается до 5,2. Еще ниже оно в слесарном производстве: 51 подмастерье на 25 мастерских. Если ограничиться четырьмя вышеуказанными ремесленными корпорациями, то среднее число рабочих на одного хозяина составит для секции предместья Монмартр в июне 1793 г. 5,5 человек. Жизнь парижского мира труда явно протекает под знаком ремесла.

Что касается Сент-Антуанского предместья (и если придерживаться документов об обмене ассигнатов в 1791 г.), то примечательно, что в этом районе не заметно ни большой плотности рабочего населения, ни очень крупных предприятий. Та же картина в Сен-Марсельском предместье. В Сент-Антуанском предместье среднее число рабочих на каждого хозяина составляет 14,9; оно меньше среднего числа для всего Парижа (16,6), и, несомненно, оно было еще ниже. Известно, какую роль в Революции сыграло «славное предместье»:

самым революционным элементом народных слоев были мелкие ремесленники, а не заводской пролетариат, едва только начинавший развиваться.

Надо еще учесть давление жалкой и голодной массы неимущих. По данным доклада от 14 жерминаля II года (3 апреля 1794 г.), Генеральному совету Коммуны, число неимущих, получавших пособия, достигало 68 981 человек, то есть около одного на 9 жителей. Конечно, процент бедняков изменяется в зависимости от секций. Он особенно высок в исторических предместьях: один на 3 в Сент-Антуанском предместье и один на 2,3 в Сен-Марсельском предместье. Вопрос о хлебе насущном преобладает здесь над всякими другими соображениями. В народных кварталах на левом берегу Сены, между мостами Сен-Мишель и Новым, насчитывали одного неимущего на каждые 6 жителей. Так выяв-

ляются разные оттенки общей картины социальных категорий мира труда Парижа, и вместе с тем подтверждается наличие решающего фактора революционных движений: голода.

Библиографические указания. —

См.: F. Braesch. Essai de statistique de la population ouvrière de Paris en 1791. — «La Révolution française», 1912, p. 289. Данное Брешем толкование подверг критике А. Собыль. См.: A. S o b o u l. Les Sans-culottes parisiens en l'an II. Paris, 1958, p. 435. См. также: G. L e f e b v r e. Quelques documents sur le prolétariat parisien en 1789. — «Annales, historiques de la Révolution française», 1953, p. 265; L. C h e v a l i e r. Classes laborieuses et classes dangereuses. Paris, 1958 (рисует положение в Париже к концу старого порядка); G. R u d é. The Crowd in the French Revolution. Oxford, 1959.

ПРОЛЕТАРИАТ

Библиографическая справка

О городских народных слоях см.: H. S é e. Les classes ouvrières et la question sociale à la veille de la Révolution. — «Annales révolutionnaires», 1922, p. 373; C. B l o c h. L'État et l'assistance à la fin de l'Ancien Régime. 1908; R. P i c a r d. Les Cahiers de 1789 et les classes ouvrières. 1910. Статистические указания можно найти у: A. M a t h i e z. Note sur l'importance du prolétariat en France à la veille de la Révolution. — «Annales historiques de la Révolution française», 1930, p. 497; H. S é e. Statistique des pauvres de Rennes vers la fin de l'ancien régime, d'après les rôles de la capitation. — «Annales

de Bretagne», 1934, p. 474. В качестве локальных или монографических примеров см.: G. G o d a r t. L'Ouvrier en soie à Lyon. 1907; L. G u é n e a u. L'Organisation du travail à Nevers aux XVIIe et XVIIIe siècles, 1660—1790. 1919; P. C h a u v e t. Les Ouvriers du livre en France des origines à la Révolution de 1789. 1959; P. M a r é c h a l. La vie des métiers à Dreux aux XVIIe et XVIIIe siècles. — «L'Information historique», 1963, p. 81.

Об условиях жизни народных масс см., в основном, работы Э. К. Лабруса, указанные выше (с. 193). Дополнительно, в качестве локальных и монографических примеров, см.: L. G u é n e a u. Les conditions

de vie à Nevers à la fin de l'Ancien Régime. 1919; L. C a h e n. La question du pain à Paris, à la fin du XVIIIe siècle.—«Cahiers de la Révolution française», 1934, № 1; H. G a c h e t. Conditions de vie des ouvriers papetiers au XVIIIe siècle.—«Actualité de l'histoire», 1955, № 10; см.: статьи Л. Тренара и Ж. Руссе о Лионе, указанные выше; G. L e m a r c h a n d. Les troubles des subsistances dans la généralité de Rouen (seconde moitié du XVIIIe siècle).—«Annales historiques de la Révolution française», 1963, p. 401. О важной проблеме нищенства см.: P. M a s s é. Disette et mendicité en Poitou (XVIIIe et XIXe siècles); J.-C. I. P e r r o t. Note sur deux sources de l'histoire de la mendicité au XVIIIe siècle.—«Actualité de l'histoire», 1959, № 27, p. 1, 12.

Условия жизни народных масс. Они ухудшились в XVIII в. Рост населения городов в условиях роста цен способствует нарушению равновесия между заработной платой и стоимостью жизни. Как видно из фундаментальных работ Лабруса (упомянутых выше, с. 193), для правильной оценки движения заработной платы необходимо предварительно уточнить стоимость жизни народных масс. Неравномерность роста цен по-разному поражает различные классы населения в зависимости от структуры их бюджета.

1. *Стоимость жизни народных масс.* Зерновые поднялись в цене больше, чем все остальные продукты, и это жестоко ударило главным образом по народу, учитывая рост народонаселения, особенно его низших социальных категорий, и огромную роль хлеба в народном питании. Для определения индекса стоимости жизни народных масс надлежит при-

близительно установить соотношение различных статей расходов в народном бюджете. Э. К. Лабрус предполагает, что на хлеб уходит половина дохода (это минимум), на овощи, сало, вино — 16%, на одежду — 15, на отопление — 5, на освещение — 1%. Применяя индексы длительного времени к ценам этих различных статей народного бюджета, Лабрус приходит к заключению, что по сравнению с отправным периодом 1726—1741 гг. стоимость жизни в период 1771—1789 гг. увеличилась на 45%, а в 1785—1789 гг. — на 62%. Между тем, сезонные колебания дополнительно оказывают катастрофические воздействия. Накануне 1789 г. доля хлеба в народном бюджете в результате общего роста цен дошла уже до 58%. В 1789 г. она достигла 88% и на остальные расходы оставалось только 12%. Рост цен падает зажиточные социальные категории и гнетет бедняков.

2. *Движение заработной платы.* Проблема заключается в выяснении того, уравнесило ли движение заработной платы воздействие повышения цен на стоимость жизни народных масс или оно усугубило это воздействие. Принимая за отправной период 1726—1741 гг., составленные Лабрусом статистические ряды дают увеличение заработной платы на 17% для периода 1771—1789 гг.; но в половине случаев (речь идет о локальных статистических рядах) повышение заработной платы не достигает 11%. Для 1785—1789 гг. повышение составляет 22%; в трех финансовых округах (généralités) оно превышает 26%. Повышение заработной платы различно в разных профессиях: в строительном деле оно составляет 18% (1771—1789 гг.) и 24% (1785—1789 гг.); для сельско-

хозяйственных поденщиков — 12 и 16%; рабочие текстильного производства находятся где-то посередине. Стало быть, повышение заработной платы на протяжении длительного времени очень незначительно по сравнению с ростом цен (48 и 65%): заработная плата следует за ценами, не догоняя их. К тому же циклические и сезонные колебания заработной платы еще усугубляют разрыв, поскольку они совершаются в направлении, противоположном колебаниям цен. В самом деле, в XVIII в. крайняя дороговизна вызывает безработицу: плохой урожай сокращает потребности крестьянства. Сельскохозяйственный кризис развязывает промышленный кризис, потому что огромная доля хлеба в народном бюджете при повышении его цены влечет за собой уменьшение других покупок.

Сопоставляя рост номинальной заработной платы с ростом стоимости

жизни, мы констатируем, что реальная заработная плата снизилась. Э. К. Лабрус считает, что за время с 1726—1741 гг. до 1785—1789 гг. снижение составило по меньшей мере 25%. Если принять во внимание циклические и сезонные колебания, это снижение превысит 50%. Поскольку условия жизни того времени были таковы, что сокращению подверглось в основном потребление предметов питания, период роста цен в XVIII в. повлек за собой распространение нищеты; голод мобилизовал народные массы.

Эта тенденция была еще более усугублена в результате демографического скачка, который особенно сказался у низших классов. Спрос на рабочую силу уже не соответствует предложению рабочей силы, предложение превосходит спрос, и это влечет за собой такие же последствия, как и рост цен.

Глава вторая

*

ВЫБОРЫ И НАКАЗЫ

После некоторых проволочек и колебаний созыв Генеральных штатов был окончательно назначен на 4 мая 1789 г.¹ Выборы происходили в атмосфере лихорадочного возбуждения умов. Представители нации не созывались с 1614 г., а с 1614 до 1789 г. прошло слишком много времени. Вся нация отнеслась к выборам с таким энтузиазмом, сразу так смело и горячо заговорила об обеспечении гарантий и об основах свободы, стала так храбро обсуждать в бесчисленных книгах и брошюрах все проблемы, что двор пришел в ужас и начал строить планы контрреволюции именно в тот момент, когда под давлением силы вещей он дал выход Революции.

Наивное сопротивление! Тщетно парламент, испугавшись и негодую, осудил на сожжение революционные брошюры; движение было непреодолимо. Согласно королевскому регламенту, третье сословие одно должно было иметь столько депутатов, сколько два других сословия — духовенство и дворянство, вместе взятые.² И хотя это соотношение далеко не соответствовало реальному соотношению сил, оно было достаточным, чтобы обеспечить преобладание третьего сословия. И третье сословие с доверием и увлечением приняло участие в приготовлениях к выборам. Несмотря на краткость сроков, оно везде сумело изложить в наказах с поразительной точностью и полнотой свои предложения реформ, ибо они уже давно были готовы: от всех общин, от всех бальяжей, от всех городов исходили одни и те же пожелания, или, вернее, одни и те же требования.

МЕХАНИЗМ ВЫБОРОВ

Механизм выборов был довольно сложен³. Избирательным округом был бальяж или сенешальство. Бальяж и сенешальство были делениями феодального происхождения. Бальи и сенешаль были представителями сеньора; его именем они и осуществляли военную или судебную власть. С исчезновением феодальной власти эти функции исчезли, и в новой монархической Франции, в военном отношении разделенной на губернаторства, в гражданском — на интендантства, в судебном — на областные судебные округа, бальяж и сенешальство более не представляли собой никаких реальных и живых сил. Но в старой Франции долго сохранялись отжившие формы, и феодальная мозаика бальяжей и сенешальств еще вырисовывалась на более однородном фоне монархической Франции.

Эти старые феодальные деления, бывшие избирательными округами при выборах в Генеральные штаты в 1614 г., все еще выполняли эту роль в 1789 г.⁴ Но после 1614 г. свершился важный

1 См. ниже дополнительные замечания о *бунте аристократии*.

2 После того, как 8 августа 1788 г. король принял решение о созыве Генеральных штатов в мае 1789 г., полемика сосредоточилась на вопросе об удвоении числа представителей третьего сословия. По мнению партии *патриотов*, третье сословие должно было иметь столько же депутатов, сколько дворянство и духовенство, вместе взятые, что влекло за собой голосование не по сословиям, а поголовное. 12 декабря 1788 г. принцы крови вручили королю прошение, настоящий манифест аристократии, восстававший против требования третьего сословия «Сможет ли Ваше величество решиться принести в жертву, унижить свое честное, древнее и почтенное дворянство?» Однако Парижский парламент, стоя на прелней позиции, своим постановлением от 5 декабря одобрил удвоение числа представителей третьего сословия, но не высказался по вопросу о поголовном или поголовном голосовании Неккер, пожелавший угодить всем сторонам, занял такую же позицию в своем докладе Королевскому совету от 27 декабря 1788 г. Нельзя было сохранить те же формы, какие сущест-

вовали в 1614 г. «Этот промежуток времени принес большие перемены во всем Богатства, состоящие в движимом имуществе, и государственных заимых приобщили третье сословие к общественному достоянию, знания и просвещение стали общим достоянием» Пожелание третьего сословия, когда оно единодушно, будет всегда считаться пожеланием нации. Неккер высказался за удвоение. Принятые решения были опубликованы в «Résultat du Conseil du roi tenu à Versailles, le 27 décembre 1788».

3. Указ о созыве Генеральных штатов и регламент выборов были опубликованы 24 января 1789 г. О происхождении этого механизма выборов см.: J. Cadart. Le régime électoral des États généraux de 1789 et ses origines, 1952. Особенно «Recueil de documents relatifs à la convocation des États généraux de 1789» (опубликованы А. Бреттом, Paris, 1894—1915), 4 vol in-8°.

4 См. атлас в публикации Бретта: «Atlas des bailliages ou juridictions assimilées ayant formé unité électorale en 1789, dressé d'après les actes de convocation conservés aux Archives nationales» (33 cartes).

факт — рост третьего сословия, который характеризовался ростом городов. Поэтому специальный список, добавленный к королевскому регламенту, содержит длинный перечень городов, которые могут направить довольно значительное число делегатов — большее, чем в 1614 г., — на общее собрание баляжа, где состоится окончательное избрание депутатов.

Например, в то время как незначительные города могут направлять на собрание баляжа только 4 делегатов, Труа может послать 24 делегата, Тур — 24, Анжер — 30, Амьен — 36, Кан — 30, Тулон — 40, Версаль — 36, Сент-Этьенн — 12, Реймс — 30, Нант — 50, Монпелье — 20, Ним — 30, Тулуза — 50, Руан — 80, Марсель — 90, а Лион — 150 делегатов.

Эти цифры дают нам приблизительное представление об относительном значении городов в 1789 г., во всяком случае, насколько это могла установить королевская администрация на основании весьма ненадежных статистических данных. Поскольку этот список чрезвычайных делегаций охватывает около 200 городов — всех, где существует какая-либо торговая или промышленная деятельность, то именно промышленной и торговой буржуазии Франции обеспечивается ощутимое широкое пропорциональное представительство; и ничто лучше не свидетельствует о развитии класса буржуазии, чем это отступление от регламента 1614 г.

Благодаря такому значительному числу делегатов на собраниях баляжей городская буржуазия влияла на избрание депутатов не только прямо, в силу самого числа голосов, которым она располагала. Она воздействовала и престижем всех своих общественных сил, собравшихся здесь воедино, и, так сказать, накладывала свою печать и определяла тип и форму пожеланий и наказов.

Каков же был механизм выборов в каждом баляже? существовало две категории баляжей: баляжи, пользовавшиеся, как это было в 1614 г., правом посылать своих депутатов прямо в Генеральные штаты, — это были «главные баляжи», и баляжи, которые не могли направлять своих депутатов прямым путем и присоединялись к другому баляжу; их делегаты сначала направлялись для участия в дебатах в какой-либо округ главного баляжа. Это были «второстепенные баляжи».

Но если все второстепенные баляжи присоединялись при выборах к главному баляжу, то не все главные баляжи имели дополнение в виде второстепенного баляжа. Отсюда, с точки зрения избирательной процедуры, по регламенту от 27 декабря 1788 г., предусматривались две различные группы баляжей. Были главные баляжи, к которым присоединялись один или даже несколько второстепенных баляжей и которые должны были совместно с ними образовать общее собрание. Были и главные баляжи, к которым не присоединялось никаких второстепенных баляжей

и которые образовывали общее собрание самостоятельно. Для последних избирательная процедура упрощалась на одну ступень; но, помимо упразднения одного из промежуточных звеньев, механизм выборов был один и тот же для обеих групп баляжей. Вот его основные особенности: для дворянства выборы депутатов в Генеральные штаты всегда прямые; для духовенства они частично прямые и частично многостепенные; для третьего сословия выборы всегда многостепенные.

Весь механизм выборов в баляже должен был привести в конечном счете к созданию высшего органа — «общего собрания», состоящего из окончательных выборщиков, избравших депутатов в Генеральные штаты.

Итак, все дворяне — независимо от того, владели они или не владели фьефами¹, — созывались прямо на общее и окончательное собрание. Им не нужно было сначала выбирать своих представителей: все они на равных основаниях и в равной степени должны были принять прямое участие в выборах депутатов от своего сословия.

Королевская власть так далеко заходила в своем уважении к гордости каждого дворянина, что, согласно особому регламенту, сам Париж был разделен на 20 округов для устройства дворянских собраний, чтобы все дворяне могли принять в них личное участие.

Единственное различие между дворянами, владевшими фьефами, и дворянами, ими не владевшими, состояло в том, что первые могли послать вместо себя на собрания свое доверенное лицо и, таким образом, располагали по всей Франции столькими голосами, сколько было баляжей, где они владели фьефами; напротив, дворяне, не владевшие фьефами, пользовались правом голоса лишь в одном баляже, должны были лично являться на общее собрание и не имели права посылать вместо себя доверенное лицо.

Но, помимо этого чисто формального различия, все дворяне в каждом баляже пользовались одинаковыми правами. Самые бедные имели такое же право голоса, как и самые богатые.

Не обязательно даже, чтобы они были собственниками. Достаточно, чтобы они обладали потомственным дворянским достоинством и жили в баляже. Можно догадаться о последствиях этих предписаний.

Большинство дворянского собрания составит не богатое дворянство, не высшая придворная знать, а бедные и гордые дворяне, озлобленные мелкопоместные дворянчики, отставные офицеры без состояния и веса; они будут во многом диктовать свою волю или

1. Вопреки прежней практике. Ранее созывались только дворяне, владевшие фьефами. Жорес правильно подчеркивает это новшество и его последствия. Однако совер-

шили ошибку, когда оскорбили получивших личное дворянство и отбросили их в ряды третьего сословия.

внесут в наказания дворянства некоторый дух ворчливого протеста и свободы¹.

Это было проявлением гнева общественного мнения против получавшей огромные пенсии алчной придворной знати. Это также было следствием озлобления королевы против высокопоставленного, аристократического окружения ее врага, графа д'Артуа.

Если я отмечаю эти детали, казалось бы, слишком мелкие для общей широкой картины, то делаю это потому, что при возникновении революций очень многие факты приобретают исключительное значение: какая-нибудь незаметная черточка, существующая лишь в зародыше, в своем развитии приводит к непредвиденным последствиям, и, несомненно, третье сословие не получило бы в первые, столь критические, недели Революции поддержки меньшинства дворянства, если бы не эти особенности выборной процедуры для дворянства. Это хороший урок для пролетариев — не пренебрегать никакими мелочами, никакими средствами воздействия, даже косвенного и такого, результаты которого скажутся в дальнейшем.

Что касается духовенства, то капитулы, клир и религиозные конгрегации должны были избрать из своих членов определенное число делегатов, которые представляли бы их на общем собрании. Также и духовные лица, жившие в городах баляжа, должны были собраться у юре того прихода, где они жили, и избрать своего делегата. Таким образом, для клира и для этой категории городских духовных лиц избирательная процедура была двустепенной.

Напротив, все бенефициарии и все духовные лица, принадлежавшие к орденам и не жившие в городах, созывались для прямого личного участия в общем собрании баляжа.

Если вспомнить, что все приходские священники получали бенефиций и что многие викарии жили в деревне, то станет ясно, что избирательная система, которая предусматривала избрание капитулами каноников только одного делегата от 10 каноников, а религиозными конгрегациями, монахами и монахинями — только 1 делегата от общины, широко благоприятствовала низшему духовенству — приходским священникам и викариям, из которых каждый пользовался правом прямой подачи голоса².

Здесь опять-таки перемены в мнении века, крайне сурового к монаху-паразиту и весьма благосклонного к бедному приходскому священнику, презираемому князьями церкви, отразились на избирательной процедуре 1789 г. и, следовательно, на первых шагах Революции.

Отныне можно предвидеть, что в первый период Революции духовенство не будет представлять собой единого целого и под влиянием низшего духовенства в конце концов даже присоединится к третьему сословию. Именно это раздробление, этот раскол внут-

ри враждебного класса предвещал великие социальные потрясения.

Для третьего сословия процедура выборов была крайне сложна. Избирательным правом пользовались все жители, французы или натурализованные, достигшие 25 лет и внесенные в податные списки. Как же функционировала эта система в главном баляже, имеющем в качестве придатка второстепенный? Возьму два примера: довольно крупный город и сельский приход, деревенскую общину.

В городе имелись различные корпорации — ремесленные и торговые; были также и жители, не принадлежавшие ни к промышленной, ни к торговой корпорации. Члены корпораций собирались в обычном месте своих собраний и выбирали по одному делегату от каждых 100 членов промышленных корпораций и по два делегата от каждых 100 членов торговых корпораций.

Разумеется, избиратели давали своим делегатам указания, которые представляли собой если и не всегда точную редакцию наказов, то хотя бы их первую подготовительную редакцию.

Тем временем жители, не принадлежавшие ни к какой корпорации, собирались в ратуше, где они выбирали по 2 делегата от каждых 100 участников данного собрания. Там, разумеется, тоже составлялись наказания в их первой редакции.

Но до сих пор мы имели дело лишь с отдельными собраниями, или, как говорилось в регламенте, частными собраниями. Надо было объединить делегатов различных корпораций с делегатами жителей, не принадлежавших к корпорациям.

Тогда в ратуше, под председательством муниципальных должностных лиц, созывалось собрание, именовавшееся в регламенте «собранием третьего сословия города», то есть, если говорить точнее, пленарное собрание первичных делегатов третьего сословия. Именно это пленарное собрание и должно было составить генеральный наказ третьего сословия города.

Это — первая ступень. Одновременно в деревенском приходе, в сельской общине тоже происходят выборы делегатов. Тут жители, собравшись в обычном месте своих собраний, непосредственно составляют свой наказ и выбирают своих делегатов, по 2 на каждые 200 домов и менее, причем первичным делегатам поручается передать наказания более общим собраниям.

1. Из 270 депутатов дворянства фактически насчитывалось лишь около 90 депутатов-«патриотов»; все они принадлежали к высшей знати. Большинство депутатов дворянского сословия принадлежало к мелкому дворянству; их глашатаям был Казалес, драгунский

офицер, мелкий дворянин с юга. 2. Среди 291 депутата от духовенства было более 200 приходских священников, готовых к реформам и либерально настроенных, из которых наибольшую известность вскоре приобрел депутат от баляжа Нанси, аббат Грегуар.

Итак, первичные делегаты избраны и наказания составлены во всех городах и во всех местечках и сельских общинах бальяжа. В редакции наказов городов, где имелись корпорации, и сельских приходов заметны различия.

В городах наказ составлен делегатами на пленарном собрании в ратуше. Напротив, в деревенских общинах, в сельских приходах он составлен непосредственно жителями. Но, помимо этого различия, двумя сторонами совершено одно и то же действие, пройден один и тот же этап.

Казалось бы, остается объединить в каком-нибудь пункте бальяжа всех делегатов всех городов, всех приходов, чтобы это общее собрание бальяжа приступило к составлению единого наказа третьего сословия и к избранию депутатов, которые отправятся в Генеральные штаты, передадут наказ и будут его отстаивать.

И это было бы так, если бы главный бальяж был сам по себе; в главных бальяжах, действительно не обремененных присоединением к ним второстепенных, общее собрание бальяжа образуется именно таким образом, непосредственно из выбранных делегатов.

Но там, где главный бальяж связан со второстепенным, который должен действовать совместно с ним, или, больше того, с несколькими второстепенными бальяжами, было бы затруднительно, да и стоило бы это дорого, собрать всех первичных делегатов всех бальяжей в одном месте. И вот, регламент отделяет временно два бальяжа, которые образуют связанную между собой пару или несколько бальяжей, которые образуют систему, и решает, что в каждом из этих бальяжей отдельно состоится собрание делегатов. Это общее собрание каждого бальяжа именуется в регламенте прелиминарным собранием, которое, как мы видим, является промежуточным между местными собраниями каждого города и каждого прихода и окончательным общим собранием, где будут собраны делегаты всех бальяжей — главного и второстепенных, образующих единый избирательный механизм.

На каждом из этих прелиминарных собраний бальяжа делегаты выбирают из своего состава одну четверть, и эти делегаты, число которых, таким образом, сокращено до одной четверти первоначальной численности делегатов главного и каждого из второстепенных бальяжей, направляются на одно и то же общее собрание, где они встречаются с делегатами дворянства и духовенства.

Итак, в то время как для дворянского сословия выборы — прямые, одноступенные, в то время как для духовного сословия они — частично прямые и частично двуступенные, для третьего сословия — они трехступенные, и даже можно сказать, что процедура выборов для третьего сословия предусматривает четыре этапа, во всяком случае, в городах: сначала имеют место отдельные собрания различных корпораций и жителей, не принадлежащих к корпорациям, затем пленарное собрание делегатов третьего сословия города, затем прелиминарное собрание бальяжа, на-

ко общее собрание делегатов всей системы бальяжей и всех сословий.

Очевидно, — и именно этим интересны все эти подробности, — что если бы мысль третьего сословия была неопределенной или робкой, если бы ей не хватало ясности или силы, то она затерялась бы в этих странствиях и, пройдя сквозь все звенья этого сложного механизма, дошла бы искаженной и, если можно так выразиться, выхолощенной.

Но так как третье сословие как в сельских общинах, так и в городах обладало весьма ясным и отчетливым пониманием своих интересов, и так как Революция уже совершилась в умах, сложность механизма выборов ему отнюдь не повредила, а, наоборот, позволила лучше сформулировать главное в его мысли.

Хлынул стихийный поток жалоб и пожеланий, поскольку в сельских коммунах жители непосредственно составляли свои наказания и поскольку в городах частные собрания, очевидно, начинали излагать свои пожелания; итак, толчок, данный народом, был мощным, и в то же время сама необходимость согласовать все эти частичные пожелания, все эти отдельные наказания корпораций, городов, сельских приходов, различных бальяжей заставила третье сословие взяться за работу по их отбору и систематизации.

Много воплей страдания народа и особенно страдания крестьян было, таким образом, смягчено, и очень часто историку приходится подниматься вверх по каналам, где третье сословие как бы упорядочило свою мысль, к живым и бурным истокам приходских наказов.

Но зато, передавая Генеральным штатам только концентрированные пожелания из наказов буржуа, ремесленников и крестьян, эта избирательная процедура придавала требованиям третьего сословия несравненную силу единства и действенности. Существовала опасность: на общем и окончательном собрании делегаты третьего сословия могли составить свой окончательный наказ совместно с представителями дворянства и духовенства и могли также избрать депутатов в Генеральные штаты совместно с двумя другими сословиями. Третье сословие постаралось избежать этой ловушки.

Королевский регламент равно предусматривал для общего собрания бальяжа возможность либо отдельных действий каждого сословия, либо совместных. Он объявлял, что делегаты трех сословий могут объединиться для совместного составления общего наказа и совместного избрания депутатов; но заявлял также, что если одно из сословий будет возражать против таких совместных действий, то каждое сословие может отдельно составить свой наказ и отдельно выбрать своих депутатов в Генеральные штаты.

Везде или почти везде сословия совещались и голосовали порознь. Если в Генеральных штатах третье сословие будет с жаром требовать смешения трех сословий и поголовного голосования,

так как такая система обеспечивала ему большинство, то при составлении наказа и при избрании депутатов оно будет требовать отдельного обсуждения и голосования по сословиям, дабы огрaдить свою мысль от малейшего противоположного влияния или даже просто от малейшей примеси.

Более того, в большинстве наказов городов, приходо́в или прелиминарных собраний делегатам третьего сословия было дано формальное указание выбирать в качестве депутатов в Генеральные штаты только представителей третьего сословия и даже отводить тех из них, кто, будучи управляющим, фермером, сеньоральным судьей, мог зависеть от дворянства или от церкви. В виде исключения из этого общего правила третьим сословием были избраны, как революционеры, Мирабо и Сиейес. Но в Париже классовый ригоризм буржуазии зашел так далеко, что кандидатура аббата Сиейеса вызвала некоторые затруднения и протесты. В конце концов, необычайный блеск, с каким были написаны его книги¹, одержал верх над всем, и он был избран, несмотря на свое духовное прошлое.

Если не говорить об этих исключениях, поистине подтверждавших правило, то третье сословие послало в Версаль в качестве депутатов только своих людей, избранных в соответствии с его наказами².

НАКАЗЫ ТРЕТЬЕГО СОСЛОВИЯ

Эти наказа́ы поразительны по своей полноте, жизненности, ясности и единству. Я не хотел бы, чтобы это изложение истории, искреннее и совершенно безличное, показалось вдохновляемым духом полемики с Тэном. Но он снабдил новые поколения реакционеров стольким числом ошибочных формулировок, что невозможно не разъяснить попутно его наиболее серьезные ошибки.

Он полагал, что вся литература XVIII в. носила общий и абстрактный характер, и не находил, читая ее, ничего такого, что стоило бы отметить. Он полагал, что Революция была порождена этим абстрактным духом.

Между тем я не знаю ничего более полного, более прочного и более вещественного, чем эти наказа́ы третьего сословия, которые являются как бы высшим выражением французской литературы XVIII в., я бы сказал, величайшей национальной литературы, какой нет ни у одного другого народа.

Язык их изумителен по точности и выразительности: в нем одновременно чувствуется и размеренная, богатая нюансами, острая манера Монтескье, и сдержанная, горькая и сильная манера Жан-Жака в его «Общественном договоре». Там нет ни одной пустой фразы, никакой декламации, ни одного порыва ненужной чувствительности. Надо внимательно прочитать не только замечательные наказа́ы, составленные Дюпоном де Немуром, о которых я

говорил уже не раз; не только наказа́ы Пуатье и Шательро, составители которых мне неизвестны и которые представляют собой шедевры³, но почти все наказа́ы, и тогда вы увидите, что никогда в истории народ не владел в таком совершенстве и с такой уверенностью искусством точной речи.

Мнимая революционная декламация — это не более, чем фраза: в каждом из этих наказов заключен и как бы собран целый мир страданий и злоупотреблений, а также и целый мир новых институтов. Вопреки тому, что говорит Тэн, который их, по-видимому, не читал, из них можно почерпнуть бесчисленные сведения о малейших частностях общественной жизни.

Даже в общих наказа́ах, в которых поневоле пришлось опустить многочисленные местные и индивидуальные особенности, собранные в приходских наказа́ах, выступает, я бы сказал, выпуклое изображение разноликости Франции. От раскаленных скал Прованса, где живущие в деревнях бедняки плетут изделия из дрока, получая за них жалкие гроши, до берегов Бретани, где бедные пахари борются с алчными сеньорами за право собирать принесенные штормом и оставленные на берегу отливом водоросли; от погребов виноделов Бургундии, где служащие фиска составляют протоколы об уклоняющихся от уплаты налогов, и до сервов Сен-Клода, которые не могут вступать в брак без разрешения аббатства; от дубильного мастера в Ножан-ле-Ротру до нантского арматора-работоговца — все разнообразие общественной жизни ярко отражено в наказа́ах. Но самое замечательное — это единство движения. Везде ставились одни и те же проблемы, и везде они получали одни и те же решения.

И в первую очередь все наказа́ы третьего сословия заявляли, что голосование в Генеральных штатах должно быть поголовным, а не посословным, как это было в Генеральных штатах прежде: в этом и был ключ к Революции.

При голосовании по сословиям духовенство и дворянство имели бы два голоса, а третье сословие — только один: какой ему

1. Сын нотариуса из Фрежюса, ставший каноником в Шартре, Сиейес (1748—1836) был уже известен своим «Опытом о привилегиях» («Essai sur les privilèges»), когда в январе 1789 г. опубликовал брошюру под названием «Что такое третье сословие?» («Qu'est-ce que le Tiers État?»).

2. Около половины депутатов третьего сословия составляли юристы: из 578 депутатов насчитывалось около 200 адвокатов. Деловой мир был представлен сотней коммерсантов, банкиров или промышленников, деревенская бур-

жуазия — более чем 50 богатыми землевладельцами. Напротив, крестьянам и ремесленникам не удалось избрать из своего числа ни одного депутата.

3. Наказ третьего сословия главного сенешальства Пуатье был опубликован у: H. et P. Beauchet-Filleau. Tiers État du Poitou en 1789. Procès verbaux, cahier de doléances et liste des électeurs. Fontenay-le-Comte, 1888, а также в: «Archives parlementaires», t. V, p. 406. Наказ главного сенешальства Шательро см. в: «Archives parlementaires», t. II, p. 690.

тогда прок от того, что оно одно имеет столько депутатов, сколько два других сословия, вместе взятые, если депутаты, образующие половину всего состава Генеральных штатов, при голосовании будут обладать только третью голосов?

Напротив, при поголовном голосовании депутаты третьего сословия были уверены не только в том, что их голоса уравновесят голоса депутатов духовенства и дворянства, взятых вместе, но и в том, что благодаря их собственной сплоченности и разногласиям среди других сословий они сразу бы составили революционное большинство собрания. В этом, можно сказать, и была их господствующая позиция в бою.

Кроме того, все указы третьего сословия заявляли, что нация не хочет больше покрывать дефицит без получения гарантий, или, вернее, без организации свободы. Они заявляли, что ни один налог не будет вогитрован, ни один заем не будет предоставлен, пока не будет составлена конституция. Третье сословие поняло, что «дефицит,— как замечательно сказал Мирабо,— это богатство нации», и твердо решило использовать до конца финансовые затруднения монархии, чтобы навязать ей национальную конституцию.

Все указы провозглашают, что закон должен быть выражением общей воли, что истинный закон — только тот, о котором вынесла решение нация, и что нация должна сообщать свою волю посредством выборных собраний, периодически созываемых и ведущих обсуждение совершенно свободно, вне досягаемости для королевского произвола и военной силы.

Все указы, несомненно, признают, что королевская власть, передаваемая по наследству по мужской линии, должна быть сохранена. Третье сословие 1789 г. было вполне роялистским, но поскольку законодательная власть принадлежит нации, поскольку именно она будет осуществлять учредительную власть, то королевская власть не останется просто историческим наследственным правом: она освящается волеизъявлением нации.

Ни в одном наказе не говорится, что королевская власть подлежит отмене, пока она не будет санкционирована нацией. Буржуазия сочла бы весьма неосторожным вырыть такую пропасть, разве только для того, чтобы потом ее заполнить. Но фактически, поскольку указы объявляли временно незаконными все налоги, пока они не будут признаны и санкционированы нацией, и поскольку взимание налога есть решающий акт королевской власти, то третье сословие высказалось за своего рода временную отмену королевской власти и взяло на себя обязательство выработать сначала конституцию не только для обеспечения свободы, но и для подлинного восстановления монархии.

Конституция эта не должна будет представлять собой крайнее средство. Она родилась из дефицита и финансового кризиса, но нельзя, чтобы она рисковала стать такой же преходящей, как

сам кризис. Следовательно, конституцию нужно связать с каким-либо постоянным условием и, если можно, с вечной идеей. Вот почему большинство наказов требует, чтобы основой конституции служила декларация прав человека, неизменных, вечных, неотъемлемых. Что это, метафизика? Нет, это высокая тактика ума и жизненная предосторожность, чтобы отметить революционное дело печатью вечности и противопоставить основанному на традиции и древности королевскому и феодальному праву еще более древнее право.

Тем, кто для оправдания своих привилегий ссылается на авторитет веков, третье сословие противопоставляет современное право человека и самый древний из всех институтов — самое человечество.

Замечательный инстинктивный маневр, который вытесняет привилегию из крепости времени, где она хотела укрыться, и придает новой свободе силу веков.

Первое из прав человека — индивидуальная свобода, свобода собственности, свобода мысли, свобода труда. Отсюда вытекает целая система политических и юридических институтов для защиты свободы человека.

В вопросе о собственности третье сословие столкнулось с опасным затруднением. Оно хотело обеспечить уважение к собственности, и как могло бы оно не хотеть этого, если буржуазная собственность была как раз той силой, которая подготовляла Революцию? Следует отметить, что здесь защита собственности имела революционный характер, поскольку речь шла об устранении королевского произвола, который путем незаконного взимания налогов насильственно экспроприировал производительные классы.

Но если буржуазия хотела оградить собственность от произвола при обложении налогами, если она хотела спасти от банкротства собственность рабье, составлявшую весьма значительную часть буржуазной собственности, то она отнюдь не хотела освящать феодальную и церковную собственность.

Но как настаивать на высшем праве собственности во имя освобождения и укрепления буржуазной собственности, не подтверждая в то же время собственности монахов и дворян, феодальных прав и церковной собственности? В своих наказах дворянство и духовенство, особенно первое, провозглашали абсолютное уважение собственности, *любой собственности*, и во имя права собственности намеревались не только отстаивать свои привилегии от всяких попыток их отчуждения, но даже воспротивиться обязательному выкупу феодальных повинностей.

Таким образом, они заимствовали у буржуазной Революции ее магическую формулу, чтобы продолжать злоупотребления прошлого.

Итак, даст ли буржуазия себя обмануть ее же собственными принципами, и сможет ли враг, чтобы проникнуть в лагерь, завла-

деть самим паролем буржуазного класса? Третье сословие спаслось благодаря смелому ходу.

Оно сослалось одновременно и на естественное право, и на историю и провозгласило, что собственность дворянства и церкви, либо противоречащая естественному праву, либо более не отвечающая своей первоначальной цели, никогда не была собственностью или перестала ею быть.

Вот формула третьего сословия Парижа по вопросу о собственности: «Да будут отменены все права, которые никогда не могли быть правами собственности, ибо представляют собой постоянное нарушение естественного права, а также и те права, которые, будучи в принципе правами собственности, перестали ими быть ввиду исчезновения ныне причины, с которой они были связаны».

Оказавшись в тисках, феодальная и церковная собственность не могла не быть раздавлена. Это сочетание естественного права с историческим правом было мастерским ходом. Сослаться на одно только естественное право означало бы затруднить отмену той части феодальной собственности, права на которую явно вытекали из договора, и отмену церковной собственности, которая весьма часто складывалась из добровольных дааний.

С другой стороны, сослаться только на историческое право, ограничиваться констатацией того, что собственность отжила свой век, ибо не отвечает более своему первоначальному назначению, значило бы подчинить всю собственность, в том числе и буржуазную, закону времени и тем самым поставить ее под угрозу.

Напротив, по теории третьего сословия, буржуазная собственность противопоставлялась феодальной и церковной в двойном отношении, так как, во-первых, она соответствовала естественному праву, поскольку была результатом свободной деятельности человека, и, во-вторых, соответствовала историческому праву, поскольку отвечала и всегда будет отвечать своему назначению, которое состоит в том, чтобы придать свободе каждого человека конкретное выражение и гарантию.

Не будем сетовать на то, что буржуазия сослалась на естественное право, чтобы оправдать и подвести основу под буржуазную собственность. Очевидно, она относилась к категории вечного права один из периодов истории человечества.

Тешась оригинальной иллюзией, она верила в то, что буржуазное государство, где имущие классы заставляют работать на них наемных тружеников, было конечным выражением человеческого права, олицетворением человеческой природы.

Но именно эта иллюзия дала революционерам 1789 г. силу отменить феодальную и церковную собственность, столь же далекую от буржуазной собственности, сколь варварская сила далека от естественного права. Отсюда та определенность и настойчивость, с какими наказания требуют отмены или по меньшей мере обязательного выкупа феодальных прав.

Отсюда также и исключительная смелость некоторых наказов, которые, опережая ход Революции, заявляют, что церковные имущества должны быть проданы, а вырученные деньги должны пойти на обеспечение уплаты государственного долга. Не следует заблуждаться относительно значения этой меры.

В то время как в наше время исчезновение государственного долга, как и всякой капиталистической собственности, и организация совершенно новой системы гарантий и прав представляют собой революционную необходимость, в 1789 г. сохранение и консолидация государственного долга были революционным актом во всем значении этого слова.

Банкротство, разорив буржуазию, не подняло бы пролетариат, оно попросту закрепило бы грабеж монархии и паразитизм дворянства и задушило бы в зародыше капиталистический строй, эту необходимую подготовительную ступень к социализму.

Употребляя деньги, вырученные от продажи церковных имуществ, на уплату государственного долга, революционная буржуазия совершала двойной маневр: она ускоряла крушение старой системы и укрепляла новую систему, или, иначе говоря, использовала отдельные плиты от старого дома для сооружения или укрепления нового.

И когда, еще даже до созыва Генеральных штатов, до провала первых финансовых операций, не оставившего Революции иного средства, кроме национализации церковных имуществ, третье сословие в некоторых своих наказах предусматривает эту меру, оно проявляет поразительную революционную прозорливость.

Таким образом, в наказах содержалась вся Революция: они намечали и ее средства, и ее цель. Конечно, редкие наказания прямо касаются некоторых наиболее решительных и смелых акций, — таких, как всеобщая экспроприация церковных имуществ, — но почти все наказания подходят близко к этой проблеме.

И все или почти все наказания намечают точный план административного и политического устройства нового общества: они предусматривают ответственность министров перед нацией и делают выборы как в муниципальные собрания, так и в Национальное собрание источником власти.

Как бы в доказательство того, что жгучее и мягкое дыхание философии XVIII в. растопило прежнее варварство, все наказания требуют большей гуманности даже в карательных законах, отмены пыток, уважения к обвиняемому, применения смертной казни только в самых редких случаях. Порой, подобно неяркой звезде, сияющей над суровой вершиной, над крутым гребнем Революции загорается чарующий и мягкий свет милосердия и добра.

Какой из всех этих наказов, столь живых и всеобъемлющих, выбрать, чтобы дать конкретное представление об этом великом совещании нации? Я приведу лишь некоторые части наказа третьего сословия Парижа и Парижа вне городских стен.

Если я выбрал их, то именно потому, что за свои некоторые удачные и сжатые формулировки они удостоились великой чести составить значительную часть Декларации прав человека. В Национальном собрании именно шестое бюро, бюро депутатов Парижа, представит проект Декларации, которому будет оказан наилучший прием, а этим депутатам пришлось лишь обратиться к наказаниям Парижа. Итак, именно Париж в своих наказах сформулировал бессмертную Декларацию, и именно с этого дня Париж стал столицей Революции и Франции.

Вот некоторые наиболее важные статьи наказа Парижа вне городских стен¹. Можно восхищаться их прозорливостью, решительностью, революционным сознанием и практическим смыслом.

РЕВОЛЮЦИЯ ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ

«Самая могущественная нация Европы собирается даровать сама себе политическую конституцию, то есть создать для себя неизбежное существование, при котором будут невозможны злоупотребления властью.

Эта великая задача не будет трудна, если воля будет едина и обсуждение — свободно.

Для того чтобы свобода и единство преобладали в Национальном собрании, надо, чтобы их царство началось в подготовительных собраниях.

Поэтому как от своего имени, так и от имени всей нации мы протестуем против той формы, в какой состоялись собрания выборщиков;

против того, что после их созыва и открытия в них все еще председательствовали должностные лица, тогда как свобода требовала, чтобы они сами избрали своих председателей немедленно после своего образования;

против того, что они были подчинены временным решениям балли, хотя свобода требовала, чтобы порядок поддерживался избранными ими председателями и чтобы вопросы решались большинством голосов;

против того, что собрания были вынуждены сократить свой состав, хотя свобода требовала, чтобы граждане были представлены на них всеми депутатами, которых они избрали;

против того, что национальное представительство было образовано незаконным способом, так как духовенство и дворяне выбрали своих представителей непосредственно, тогда как представители третьего сословия выбирались для общин, входящих в мелкие балляжи, собраниями выборщиков, а для общин, входящих в крупные балляжи, двустепенным путем: первым собранием выборщиков и вторым собранием сокращенного состава; для городов — трехстепенным путем: депутаты, избранные корпорациями, затем часть этих депутатов, избранная в ратушах, и, наконец, незначи-

тельная часть этих депутатов, еще более сокращенная, избранная в собраниях балляжей;

против того, что духовные лица и дворяне пользовались привилегией посылать вместо себя на собрания в несколько балляжей своих доверенных лиц, тогда как члены третьего сословия обладали правом подачи только одного голоса, и действительно, один человек ни в коем случае не может приниматься за двух;

против того, что обычай использования доверенных лиц порождает еще одно злоупотребление, а именно увеличивает влияние тех, кто им пользуется, обеспечивая им несколько голосов;

наконец, против того, что повсюду нарушался основной принцип, согласно которому органы исполнительной власти после своего образования и принесения присяги не должны никогда ни сами, ни через своих должностных лиц осуществлять в избирательных собраниях какую-либо власть, действия которой всегда ущемляют свободу и часто оказывают на выборы тем более опасное влияние, что оно может оставаться незамеченным.

И тем не менее ввиду срочности предложений и величия общественных интересов, которые влекут всех нас к Национальному собранию, мы, оставляя суду будущего наши протесты Генеральным штатам, приступаем к изложению своих наказов.

Раздел I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ

Члены Генеральных штатов будут объявлены неприкосновенными лицами со дня их избрания.

Ни в каком случае, ни в какое время они не смогут быть привлечены к ответственности никакими властями, судебными или другими, кроме самих Генеральных штатов, за свои действия, предложения или речи в Генеральных штатах.

Никакие войска не смогут приблизиться ближе чем на десять лье к месту, где соберутся Генеральные штаты, без согласия или просьбы Штатов.

Отмена всех финансовых изъятий, от пользования которыми поспешно отказались духовенство и дворянство превотства и виконтства Парижа вне городских стен, будет преобразована Генеральными штатами в национальный закон.

К этому будет добавлено единообразие наказаний для граждан всех сословий, их равное допущение к постам, должностям и званиям, объявление торговой и промышленной деятельности совместимой с человеческим достоинством и отмена всех видов личной зависимости.

1. Тетрадь просьб и наказов третьего сословия Парижской округи (Ch.-L. Chassin. Les élections et les Cahiers de Paris en

1789 ..., t. IV, p. 428). Жорес цитирует этот документ, выделяя курсивом некоторые его абзацы.

После того как эти статьи будут приняты, мы желаем, чтобы Генеральные штаты решали вопросы поголовным голосованием, и если это пожелание встретит сначала некоторые затруднения, то мы желаем, чтобы по крайней мере в тех случаях, когда сословия не достигнут согласия при раздельном, по сословиям, обсуждении, сословия собрались вместе для вынесения окончательного решения.

Все налоги, взимаемые с нации, будут объявлены незаконными; все же из взимание будет временно разрешено; но только до последнего дня заседаний Генеральных штатов.

Мы считаем существенно важным, чтобы Генеральные штаты спешно установили для своих заседаний неизменный порядок, который, как нам кажется, должен быть основан на следующих принципах:

Председатель должен быть облечен большой властью в том, что касается порядка.

Председатель должен избираться не позднее, чем через каждые две недели.

Председатель общего собрания должен избираться попеременно из числа представителей трех сословий.

Должны быть приняты точные правила и неторопливый образ действий во избежание принятия поспешных решений.

Мы желаем, чтобы все предложения, мнения и решения ежедневно предавались гласности посредством их напечатания.

Генеральные штаты в своих обращениях и речах будут выражать королю самое глубокое уважение к его священной особе, но никого из членов Генеральных штатов нельзя принуждать к формам, унижающим достоинство человека и оскорбляющим величие нации. Церемониал будет один и тот же для всех сословий.

Нам представляется уместным, дабы Генеральные штаты спешно объявили, что немедленно после того, как будет выработана конституция, королевский долг будет обращен в национальный долг.

Генеральные штаты обратят самое пристальное внимание на нынешнюю дороговизну зернового хлеба и подумают о средствах устранения этого положения.

Они настоятельно потребуют освобождения всех граждан, заключенных под стражу за деяния или под предлогом деяний, связанных с охотой.

Раздел II ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ

Мы требуем, чтобы в основном, конституционном законе было зафиксировано:

Что все люди рождаются свободными и имеют равное право на безопасность и равное право распоряжаться собой и своим имуществом¹.

С в о б о д а

Следовательно, ни один гражданин не может быть лишен законного суда, которому он подсуден.

Ни один гражданин не может быть лишен свободы, кроме как по предписанию правомочного судьи, отвечающего за злоупотребления вверенной ему властью.

Под страхом телесного наказания всем лицам воспрещается посягать на свободу какого-либо гражданина, разве что на то будет распоряжение суда.

Против любого лица, которое будет испрашивать так называемый королевский указ об аресте или высылке без суда и следствия, министерский приказ или иной подобный приказ или подпишет таковой на основании какого бы то ни было доноса, будет возбуждено судебное преследование перед обычным судом, и оно будет подвергнуто суровому наказанию².

Если при некоторых обстоятельствах Генеральные штаты сочтут необходимым временный арест, то арестованного в течение двадцати четырех часов обязаны передать в руки законного суда, которому он подсуден, и, за исключением случаев правонарушений, могущих повлечь за собой телесное наказание, будет всегда разрешено временное освобождение под поручительство.

Никакое постановление о взятии под стражу не будет выноситься, кроме случаев обвинения в преступлении, влекущем за собой телесное наказание.

Ни один гражданин не будет приговорен к какому-либо наказанию, кроме случаев тяжкого нарушения права другого человека или его безопасности, причем это нарушение будет определено на основании точного и официально установленного закона.

В соответствии с естественным правом каждого гражданина он может быть осужден за уголовное преступление только по решению суда себе равных.

Никто не может быть обвинен, подвергнуться судебному преследованию или наказанию за свои воззрения и слова, когда они не сопровождаются никакими действиями, направленными непосредственно к совершению преступления, караемого законом³.

1. См. статью 1 Декларации прав от 26 августа 1789 г.: «Все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах...» Статья 2: «Целью всякого политического общества является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению».

2. Статья 7 Декларации: «... те, кто испрашивает, отдает, исполняет или заставляет исполнять произвольные приказы, подлежат наказанию...»

3. Статья 10 Декларации: «Никто не должен подвергаться преследованию за свои воззрения, даже религиозные, при условии, что их проявление не нарушает порядка, установленного законом».

За обвиняемым будет всегда сохраняться право свободного использования средств защиты.

Каждый гражданин, к какому бы сословию и классу он ни принадлежал, может свободно заниматься той профессией, тем искусством, ремеслом и торговлей, которые он сочтет для себя подходящими.

Всякое нарушение тайны переписки будет строжайше запрещено и сурово караться.

Все граждане имеют право говорить, писать, печатать или отдавать в печать, не подвергаясь никакому наказанию, все, что они пожелают, если это не является нарушением прав других людей, признанных таковым законом¹.

Крепостная зависимость подлежит отмене.

Рабство негров противоречит естественному праву.

Различие религии, даже между договаривающимися сторонами, не может быть препятствием ни к вступлению в брак, ни к гражданскому состоянию граждан.

Принудительный набор в ополчение и вербовка матросов должны быть упразднены.

С о б с т в е н н о с т ь

Всякая собственность неприкосновенна; поэтому никто не может быть лишен собственности, даже если это вызывается общественными интересами, без предварительного возмещения, что должно иметь обратную силу в пользу собственников, которые могли бы быть лишены своего имущества без возмещения².

Да будут отменены все права, которые никогда не могли быть собственностью, так как представляют собой постоянное нарушение естественного права, а также и те права, которые, будучи в принципе собственностью, перестали ею быть ввиду исчезновения ныне причины, с которой они были связаны.

Ввиду того что все общественные должности, даже самые высшие, предоставляются только в интересах нации, они не могут ни превращаться в собственность, ни создавать для занимающих их должностных лиц никакого рода права, которое можно было бы противопоставить изменениям и усовершенствованию общественной организации, признанному необходимым нацией.

[Эта статья, очевидно, имеет в виду судебных и парламентских должностных лиц, а также, несомненно, в осторожной форме, духовных лиц, в которых Революция, по выражению Мирабо, увидит «служителей морали».]

Что касается собственности, основанной на документах, то, если она вредит общественным интересам, она подлежит выкупу.

Каждый собственник или земледелец должен быть вправе уничтожить на своих землях любую дичь, наносящую ущерб его собственности.

Королевские дорожные барщины должны быть навечно отменены и заменены денежными платежами, взимаемыми со всех сословий.

Судоходные реки и большие общественные дороги должны принадлежать, в том, что касается права пользования ими, нации, что же касается права собственности на них, то они никому не должны принадлежать.

Важнейшим правом всех граждан должно быть право собираться, делать представления и подавать петиции, а также избирать делегатов, дабы они следили за результатами этих петиций, как при Генеральных штатах, так и при органах исполнительной власти³.

Раздел III

О КОНСТИТУЦИИ

Мы поручаем своим депутатам в Генеральных штатах приложить все усилия и все усердие, дабы способствовать введению конституции в соответствии со следующими принципами:

Сохраняется монархический образ правления; королевская власть наследуется по мужской линии сообразно праву первородства и умеряется законами.

Законодательная власть принадлежит нации, и закон может быть только выражением общей воли, санкционированной королем⁴.

Король один является носителем исполнительной власти.

Судебная власть, существенно отличающаяся от законодательной власти, может осуществляться именем короля только чиновниками судебного ведомства или судьями, утвержденными нацией.

Положение чиновников судебного ведомства и судебных должностных лиц не будет зависеть ни от каких актов исполнительной власти: они будут полностью зависеть от законодательной власти нации.

Ни один гражданин, даже находящийся на военной службе, не сможет быть лишен занимаемой им должности иначе, как по суду.

1. Статья 11 Декларации: «Свободный обмен мыслями и мнениями — одно из наиболее драгоценных прав человека; поэтому каждый гражданин может свободно говорить, писать, печатать обо всем, за исключением предусмотренных законом случаев злоупотребления этой свободой».

2. Статья 17 Декларации: «Так как собственность есть нерушимое и священное право, то никто не может быть ее лишен, за исключени-

ем тех случаев, когда того с очевидностью требует общественная надобность, законно засвидетельствованная, и при условии справедливого и предварительного возмещения».

3. Право петиций значит не в Декларации прав от 26 августа 1789 г., а в «Основных положениях», гарантированных конституцией.

4. Статья 6 Декларации: «Закон есть выражение общей воли...»

Ни один закон не будет опубликован без формулы, выражающей законодательное право нации.

Министры и другие служащие администрации будут ответственные перед нацией за действия, совершаемые ими в силу вверенной им власти.

Для будущих Генеральных штатов следует определить их устройство и полную, регулярную организацию, дабы депутаты избирались равным, свободным и всеобщим голосованием исключительно своими сословиями, причем ни один гражданин не может быть представлен во время голосования доверенным лицом и между гражданами и их представителями не может быть более одной промежуточной ступени, а именно выборщиков.

Ни одна часть нации не может быть лишена права представительства; следовательно, французские колонии пошлют своих депутатов в Генеральные штаты, если возможно, на их ближайшую сессию.

Мы считаем весьма важным, чтобы Генеральные штаты собирались периодически не позднее, чем через каждые три года, так как законодательство и государственные дела не терпят никакого отлагательства, причем для каждого созыва Генеральных штатов будут проведены новые выборы.

Генеральные штаты, прежде чем разойтись, должны указать место своего следующего пребывания.

Депутаты Генеральных штатов должны рассматриваться не как лица, облеченные частными полномочиями, но как представители нации.

Не будет учреждено никакой палаты, члены которой не избирались бы нацией свободно и регулярно. [Мера предосторожности против всякой системы, предусматривающей учреждение аристократической верхней палаты.]

Генеральные штаты не должны учреждать никакой промежуточной, представляющей их комиссии, ни позволить какому-либо государственному органу осуществлять такое представительство.

В промежутке между созывами Генеральных штатов могут быть приняты только временные постановления, необходимые для выполнения законов, уже одобренных нацией, но сила закона им может быть придана только Национальным собранием.

Будут учреждены провинциальные собрания, дистрикты которых будут определены Генеральными штатами, и соответственно вторичные и муниципальные собрания; эти собрания будут состоять из лиц, свободно избираемых гражданами¹.

Без согласия нации, собравшейся в Генеральных штатах, не может быть установлен ни один прямой или косвенный налог, выпущен заем, учрежден государственный банк, созданы управление или комиссия.

Никакой налог не может быть одобрен, кроме как на время, ограниченное созывом следующей сессии Генеральных штатов;

следовательно, взимание всякого налога, если Генеральные штаты его не возобновили, прекращается под страхом обвинения сборщиков в лихоимстве и ДАЖЕ ПОД СТРАХОМ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУДУ ТЕХ, КТО БУДЕТ ДОБРОВОЛЬНО ПЛАТИТЬ ЕГО, ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД НАЦИИ².

Все утвержденные налоги будут равным образом взиматься с граждан всех сословий без исключения; взимание налогов должно производиться по одним и тем же правилам, по одним и тем же податным спискам.

Сумма налоговых поступлений от каждой провинции будет установлена Генеральными штатами на основании сведений, которые они получают от провинциальных административных органов и иным путем.

Все налоговые поступления будут вноситься в главную кассу, и управляющие ею обязаны отчитываться в них перед Генеральными штатами; ни один налог не может быть разложен, взыскан и получен никем, кроме самой нации, которая возложит это исключительно на провинциальные, вторичные и муниципальные собрания.

В случае оборонительной войны, вторжения или нападения врага король, как лицо, облеченное исполнительной властью, примет срочные меры для обеспечения обороны государства, и в этом случае, как и в случае объявления королем наступательной войны, Генеральные штаты должны собраться в течение двух месяцев.

Генеральные штаты примут меры, какие они признают наиболее уместными, чтобы оградить граждан от последствий воинской дисциплины, согласуя, однако, требования национальной безопасности с правами общественной свободы.

Все военные в обычных случаях будут подчинены гражданским властям и подсудны общим судам, как и все прочие граждане.

Таковы главные положения Декларации прав конституции, на основе которых мы поручаем избранным нами национальным представителям разработать Национальную хартию; и мы полагаем, что указанные представители добьются для этой хартии королевской санкции, ее безоговорочного внесения в реестры всех судов высшей и низшей инстанции, всех главных, второстепенных и муниципальных администраций и опубликования в виде афиш по всему королевству прежде, чем сможет быть вотирован какой бы то ни было налог и размещен какой бы то ни было государственный заем...

1. Жорес опускает здесь многие абзацы текста наказа.

2. См. декрет, принятый Национальным собранием 17 июня 1789 г.,

для обеспечения взимания налога «только до дня роспуска этого Собрания».

Ввиду того что однажды выработанной конституции должны будут подчиняться все части государства и даже Генеральные штаты, только одна нация, представляющая собой конституционную власть, сможет осуществить или передать соответствующим представителям право исправлять, улучшать и изменять конституцию, которая будет разработана на предстоящих Генеральных штатах, причем для этой цели будет созвано чрезвычайное Национальное собрание, которое соберется в срок, назначенный в соответствии с доведенным до всеобщего сведения желанием двух третей органов провинциальной администрации».

Таков был проект конституции, назначенный в наказе Парижа вне городских стен. При всем своем желании показать посредством точных цитат, какой ясности и зрелости достигла мысль революционной буржуазии, я не могу воспроизвести здесь статей, касающихся законодательства. И все-таки я должен привести часть, относящуюся к уголовному судопроизводству, которая вдохновляется столь прекрасным чувством гуманности...

«Что касается уголовных законов, то мы требуем:

Более мягкого и более гуманного уголовного кодекса, соразмеряющего наказание с правонарушением и сохраняющего смертную казнь лишь для самых тяжких преступлений.

Равенства наказаний для граждан всех сословий.

Разделения функций судей, устанавливающих факт преступления, и судей, применяющих закон.

Уничтожения пыток, скамей для подсудимых и карцеров.

Гласного следствия и предоставления судьям возможности допрашивать свидетелей об обстоятельствах дела и об их показаниях.

Предоставления обвиняемому возможности выбрать себе такого защитника, какого он сочтет для себя подходящим, и пользоваться его помощью во время следствия.

Назначения бесплатных защитников для тех, кто не в состоянии обеспечить себе их сам.

Мы желаем, чтобы каждый приговор или постановление об аресте содержали мотивировку осуждения и дословное воспроизведение текста закона, в силу которого обвиняемый подлежит осуждению, причем обвиняемый ни в коем случае не может быть осужден за правонарушения, выявившиеся во время процесса;

отмены конфискации имущества осужденных;

погребения казненных, ничем не отличающегося от погребения прочих граждан, без упоминания в свидетельстве о смерти ее причины;

допускация родственников осужденного к занятию всех должностей — гражданских, военных и церковных».

Все эти наказания Парижа вне городских стен поистине замечательны. Они не только точно и трезво формулируют права человека, лежащие в основе всякой свободной конституции, не только наме-

чают чрезвычайно четкий план конституции, но они еще, очевидно, предвидят и стараются предупредить до мелочей все опасности, которые могут грозить национальной свободе. Они предвидят возможность военного переворота, попытку которого действительно предпринял двор в дни, предшествовавшие 14 июля, и требуют, чтобы войскам было запрещено приближаться к месту заседаний Генеральных штатов ближе, чем на 10 лье. Они хотят обеспечить неприкосновенность нации в лице ее пользующихся неприкосновенностью представителей. Они даже доходят до предвидения того, что беспорядочные и шумные прения могут привести к дискредитации Собрания, к его бессилию, и заранее определяют регламент: и действительно, Национальное собрание избирало нового председателя каждые 15 дней, и он пользовался широкими полномочиями в деле определения и поддержания порядка.

Они так настойчиво требуют периодичности созыва Генеральных штатов, что по смыслу фактически устанавливают непрерывность их заседаний; запрещая Генеральным штатам учреждать в промежутке между их созывами представляющую их комиссию, они лишают королевскую власть средства превратить эту комиссию, постепенно подчинив ее себе, в своего рода фиктивное национальное представительство и таким образом уклониться от созыва Генеральных штатов.

Они намечают очень четкие контуры всей административной системы Революции, системы, которая будет представлять собой иерархию выборных собраний; посредством этой организации они вырывают Францию из-под контрреволюционного влияния королевской исполнительной власти.

Хорошо понимая, что верховная санкция Революции состоит в отказе от утверждения налогов, во всеобщей налоговой забастовке, они объявляют, что все существующие налоги незаконны; что на их взимание можно согласиться только после того, как конституция будет выработана, провозглашена и обнародована посредством афиш; они доходят до того, что объявляют мятежниками граждан, противящихся собственной свободе, граждан, которые согласились бы платить налог, на который не согласна нация.

Наконец, они очень хорошо понимают, что среди бурь и трудностей предстоящей эпохи последним прибежищем всегда будет нация, что она представляет собой высшую силу, последний оплот Революции, и поэтому решают, что даже для самих Генеральных штатов конституция будет неприкосновенной, после того как они ее приняли; что для пересмотра конституции нация, как единственная в стране учредительная власть, должна будет созвать чрезвычайное Собрание, которому будут даны специальные полномочия.

Так в изумительном блеске революционной мысли Парижа мы можем предугадать появление после Законодательного собрания,

которое было правомочно издавать законы, но не пересматривать конституцию, грозного Конвента, отменившего Конституцию 1791 г. и упразднившего королевскую власть. Революционная буржуазия далеко намечает и освещает предстоящий ей путь; и в самом деле, между предвидениями, или предусмотрительно предлагаемыми мерами, которые мною приведены выше, и революционными событиями существует изумительная согласованность. Это как бы мысль в зародыше, которая, развиваясь, превращается в историю. Как смешны реакционные теоретики, обвиняющие этих удивительных прозорливцев и революционных организаторов в увлечении абстракцией!

Теперь, не рискуя представить составителей наказов как умы, увлекающиеся пустой абстракцией, я могу выделить из наказа Парижа внутри городских стен, столь содержательного и решительного, прекрасную декларацию прав, которая после некоторых поправок стала знаменитой Декларацией прав человека и гражданина ¹.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ

«Во всяком политическом обществе все люди равны в правах. Права нации будут установлены и провозглашены в соответствии со следующими принципами:

Вся власть исходит от нации и должна осуществляться лишь на благо нации ².

Закон есть выражение общей воли; его соблюдение обеспечивается силами общественного порядка.

Только нация может разрешать введение налога: она вправе определять его характер, ограничивать его срок, производить его раскладку, указывать его употребление, требовать в нем отчета, притязать на его обнародование ³.

Законы существуют только для того, чтобы гарантировать каждому гражданину права собственности на имущество и личную безопасность.

Всякая собственность неприкосновенна. Ни один гражданин не может быть арестован и подвергнут наказанию иначе, как на основании законного решения суда.

Ни один гражданин, даже находящийся на военной службе, не может быть смещен без постановления суда.

Каждый гражданин имеет право доступа ко всем должностям, профессиям и званиям ⁴.

Естественная, гражданская и религиозная свобода каждого человека, его личная безопасность, его полная независимость от всякой власти, кроме власти закона, исключают всякое расследование, касающееся его воззрений, речей, писаний и действий, пока они не нарушают общественного спокойствия и не ущемляют прав других людей.

В соответствии с декларацией прав нации наши представители решительно потребуют упразднения личной зависимости без всякого возмещения, реальных повинностей с выплатой возмещения их владельцам, принудительного военного набора, всех чрезвычайных комиссий, нарушений тайны почтовой переписки, всех исключительных привилегий, кроме привилегий, предоставляемых изобретателям на определенное время.

Как следствие этих принципов, печати должна быть предоставлена свобода, при условии, что авторы будут подписывать свои рукописи, что издатель будет отвечать за них и что и те и другие будут нести ответственность за последствия придания их гласности.

Декларация этих естественных, гражданских и политических прав, в том виде, в каком она будет принята Генеральными штатами, станет национальной хартией и основой французского правительства».

После того как мы познакомились с этими статьями наказа третьего сословия Парижа, подумаем о том, что во всех бальяжах и сенешальствах Франции третье сословие отстаивало один и тот же принцип, держалось одного и того же метода, провозглашало одни и те же права человека и нации, ту же необходимость пологового голосования, ту же тактику, ставшую в зависимость от голосования от принятия конституции, и мы поймем, какую непреодолимую, сплоченную силу, опирающуюся на сознание всей страны, представляли депутаты третьего сословия.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ СОСЛОВИЯ

В противовес этому столь сплоченному третьему сословию духовенство и дворянство были ослаблены глубокими разногласиями, которые нашли отражение в их наказах. Прежде всего дворянство не особенно благоволил к духовенству, находившемуся в отно-

1. Наказ третьего сословия города Парижа. Декларация прав (Ch.-L. Chassin. Les élections et les Cahiers de Paris en 1789..., t. III, p. 334).

2. Статья 3 Декларации прав от 26 августа 1789 г.: «Принцип всей верховной власти, по существу, пребывает в нации».

3. Статья 14 Декларации: «Все граждане имеют право устанавливать сами или через своих представителей необходимость государствен-

ных налогов, свободно соглашаться на них, следить за их употреблением, определять их долю, распределение, взимание и срок».

4. Статья 6 Декларации: «Все граждане, будучи равны перед законом, одинаково допускаются ко всем званиям, местам и общественным должностям в соответствии с их способностями и без иных различий, кроме различий в их добродетелях и талантах».

нении налогов в еще более привилегированном положении, чем оно само. Затем, духовенство, как мы видели, состояло как бы из двух сословий или даже из двух классов: превосходно обеспеченного высшего духовенства и плохо оплачиваемого и униженного низшего духовенства.

Борьба заходит так далеко, что в первые же недели после созыва Генеральных штатов священники, желающие объединиться с третьим сословием, призывают нацию гарантировать государственный долг церковным имуществом; это значило поразить высшее духовенство в самое сердце.

27 июня меньшинство духовенства, собравшееся без крупных сановников церкви, заявило: «Пусть церковное имущество, подлежащее, как и светское имущество, обложению налогами, кои необходимы для защиты и благоденствия государства, *послужит также гарантией и залогом погашения национального долга*, когда он будет признан и должным образом проверен». От этого всего лишь один шаг до национализации церковных имуществ; интересно отметить, что эта великая мера по экспроприации, самая революционная и плодотворная, вызвавшая также наибольшее негодование церкви, которая еще и теперь возмущается ею, была предложена самим духовенством, доведенным до крайности. Среди дворянства существовали такие же разногласия, такое же соперничество между бедным мелкопоместным, служилым дворянством и придворной знатью. Но, кроме того, в том, что можно было бы назвать политическим и социальным сознанием дворянства, имелось одно неразрешимое противоречие.

С одной стороны, дворяне цепко держались за свои привилегии. Правда, во многих наказах они заявляли, что жертвуют своими привилегиями в области налогообложения, но почти во всех настаивали на голосовании по сословиям.

Однако такое голосование, обеспечивая дворянству политическое главенство, сводило на нет социальную уступку, о которой объявило дворянство, так как оно всегда могло взять ее обратно; помимо этого, посредством пословного голосования оно намеревалось спасти все свои феодальные права, все поземельные ренты, все свои права на шампар и другие поборы, какие оно налагало на крестьянство. В большинстве своих наказов дворянство изобличает обязательный выкуп феодальных прав как посягательство на собственность и для защиты их впервые прибегает к маневру, который с того времени так часто повторяли крупные землевладельцы и аграрная и антисемитская партия. Оно представляет дело так, будто отмена феодальных прав будет на руку «капиталистам», поскольку, упрощая владение собственностью, она облегчит накопление ее в руках у денежных воротил.

И действительно, мы знаем, что, пока не будет установлен коммунистический строй, собственность будет переходить от одно-

го класса к другому без участия во владении ею всей совокупности граждан, производителей. Но это движение собственности не безразлично для народа; оставив землю в руках сеньоров и церкви, он закрыл бы путь для будущего. Искореняя феодальную систему и могущество церкви, народ не действовал прямо и непосредственно себе на благо, но он вызывал к жизни буржуазную демократию, при которой мог, наконец, развиваться городской и сельский пролетариат.

Обвинительные речи дворянства против богатой буржуазии, феодалов — против капиталистов тоже не смогут подействовать на революционный народ.

Но в то время как дворянство, по-видимому, упорствует в защите прошлого, оно также по-своему способствует революционному движению. Я имею в виду не только тех, кто не остался равнодушен к возвышенной философии XVIII в.: Лафайет, оба Ламета и герцог Ларошфуко-Лянкур вошли в Учредительное собрание как избранники дворянского сословия. Но дворянство как сословие почти все хотело изменения политического устройства.

Оно требовало «свободы», подразумевая под этим, что всемогущество короля должно быть ограничено и что министерский деспотизм должен быть обуздан. В сущности, оно было побеждено королевской властью и хотело взять реванш. Оно не могло взять его прямо, путем восстания крупных вассалов, как в XV в., или путем новой Фронды. Оно больше не могло надеяться, как во времена герцога де Сен-Симона и Фенелона, что ему достаточно было бы протянуть руку к простодушному и робкому государю, чтобы вновь получить свои права.

Дворянство со снисходительностью, правда, смешанной с сильным беспокойством, смотрело на движение третьего сословия. Оно воображало, оставаясь на позициях своего рода революционного паразитизма, что сможет использовать это движение для сокрушения королевского абсолютизма, ограничения власти интендантов, представителей центрального правительства, и восстановления в провинциях владычества старой аристократии.

Эта мысль ясно выражена, например, в наказах дворянства Шатильона¹. «Дворянство бальяжа Шатильон действительно просит, чтобы управление имуществом общин было сосредоточено либо в руках провинциальных Штатов, либо в руках провинциальной администрации в том немыслимом случае, если интенданты не будут упразднены в соответствии с единодушным желанием нации». Многие дворяне полагали, что благодаря своему личному престижу, власти своего богатства и имени они будут

1. Наказ дворянства бальяжа Шатильон на Сене опубликован в:

«Archives parlementaires», t. II, p. 702.

обладать в выборных собраниях много бóльшим влиянием, чем то, каким они пользовались при монархии; при старом порядке городами управляла буржуазная олигархия и хозяином провинции был королевский интендант. Дворянство, преследуемое воспоминаниями о прошлом, принимавшем форму мечты, ждало от широкой децентрализации возрождения своей былой власти.

Между этой олигархической и полуфеодальной децентрализацией, которая снова разделила бы страну на наследственные поместья и ленные владения, и децентрализацией демократической, какой хотело третье сословие, не было ничего общего. Последнее подчиняло воле нации иерархию местных и провинциальных собраний, а для того, чтобы административная децентрализация не выродилась в олигархию, оно хотело, чтобы ее вершиной было всемогущее Национальное собрание.

Напротив, посословное голосование, которого требовало дворянство, раздробило бы и свело бы на нет волю нации, и никакая национальная и центральная власть не могла бы служить противовесом местным правам сюзерена, которые дворянство надеялось вновь завоевать. Но чтобы вести такую игру и руководить народным движением, надо было говорить о свободе и правах нации.

Отсюда возникает подобие революционного единодушия, которое вскоре будет разбито. Но это своего рода двусмысленное положение подрывало и силу сопротивления дворянства. Это стало ясно через несколько недель после созыва Генеральных штатов, когда двор, нанося третьему сословию наиболее опасный удар, предложил, чтобы король был арбитром в споре о выборах; это значило передать королю всю власть и уклониться от поголовного голосования в тот момент, когда общины, казалось, были близки к тому, чтобы добиться его. Если бы в этот момент все дворянство выступило вместе с двором и поддержало тактику короля, то третье сословие было бы вынуждено либо капитулировать, либо взять на себя страшную ответственность открытой борьбы не только против привилегированных сословий, но и против короля.

Дворянство находило, что это предложение санкционировало абсолютизм короля и деспотизм министров; старая закваска оппозиционного и мятежного духа забродила вновь, и третье сословие было спасено дворянством от ужасной ловушки, составленной ему двором. Таким образом, дворянство было одновременно реакционным в своих целях и революционным в некоторых из своих средств. Оно хотело вернуть Францию назад к феодальному порядку, но нуждалось для этого в революционном движении.

Отсюда парализующее противоречие, которое вскоре отдало дворянство во власть третьего сословия, последовательного и еди-

ного, революционного как в своих средствах, так и в своей цели. Движение дворянства напоминало как бы бурный водоворот, такой же стремительный, как река, но оно шло не в том направлении и не могло остановить мощного течения.

Прибавлю, что мы не постигли бы тайны дум дворянства того времени, если бы забыли о том, какая жажда деятельности и какая невыносимая скука томила дворян; они утратили действительное руководство обществом; ничтожное число дворян возмещало это блеском службы при дворе. Какое нетерпение должен был пробуждать в их по-прежнему пылких душах рокот приближавшихся великих событий! жжжж

Талейран писал о провинциальном дворянстве середины XVIII в.: «Нравы дворянства Перигора были похожи на его старые замки; в них было нечто величественное и прочное; свет проникал в них слабо, но был мягким; вперед к более просвещенной цивилизации шли с осторожной медлительностью... Даже Революции не удалось разрушить чары старинных жилищ, где обитала верховная власть. Они остались стоять, подобно тем покпнутым древним храмам, из которых ушли верующие, но к которым традиция поддерживала еще благоговение».

Очаровательная и грустная картина! Но этот свет знаний XVIII в. не всегда медленно и спокойно проникал в эти немного печальные парадные покои. В юных сердцах он пробуждал жажду деятельности, пламенные мечты. Мирной и немного торжественной безмятежности этих замков Перигора отвечает с берегов Бретани внутренний рокот Комбурского замка, таящая бурю тишина в душе Шатобриана. Один из наиболее отважных героев восстания шуанов Тюффен де ла Руери ездил в Америку, чтобы утолить свою жажду деятельности. Лафайет, еще почти юношей, бросил все и отправился на край земли в поисках приключений, свободы, деятельности, славы; в письме к молодой жене, написанном в каюте корабля, он говорил, стараясь передать беспредельную печаль морских просторов: «Мы наводим грусть друг на друга».

Многие дворяне искали забвения от скуки в оккультизме и магии. Как же могло не увлечь их волшебство Революции, которое должно было изменить сами основы и людей?

«Поднимайся, желанная буря!» — даже если ты унесешь нас далеко, словно сорванный с дерева лист. По крайней мере наша беспокойная душа будет трепетать и содрогаться в вихре бури. Неужели надо оставить бедным мечтателям вроде Жан Жюа, восторженным ремесленникам, охваченным лихорадкой плебеям, в чьих сердцах сама природа зажигает восторг, опьянение возвышенными чувствами, а людям привилегированным это не будет доступно? Так французское дворянство шло навстречу своей судьбе.

Вихрь эмиграции, изгнания и смерти унесет без труда эти беспокойно кружившиеся листья, теплый осенний цвет которых был последним и тщетным зовом к жизни.

Итак, ни в одном из двух привилегированных сословий не было сплоченной силы, которая могла бы послужить противовесом организованной и монолитной мощи революционного третьего сословия. Но вопреки всему силы старого порядка и контрреволюции были огромны, и перед нами встает главный вопрос: могут ли революционные буржуа, которые получили наказания и должны были собраться в Версале, рассчитывать на решительную поддержку крестьянства? Смогут ли страдания крестьян превратиться в действия по первому же сигналу вожakov третьего сословия? Ответ на этот вопрос дан в наказах деревенского третьего сословия. Они чрезвычайно красноречивы, но их нельзя понять до конца без предварительного анализа положения в деревне.

КРЕСТЬЯНСКИЕ НАКАЗЫ

Я уже показал, какое бремя феодальных повинностей, церковной десятины и королевских налогов давило на крестьян. Но за последние полвека, и особенно за последние 25 лет, в деревне обнаружилось новое явление, которое я назвал, по Марксу, аграрным капитализмом, приложением капитала к земле для ее научной и интенсивной обработки. Это явление начинало глухо сказываться на положении крестьян.

Нельзя отрицать, что с 1760 и до 1789 г. имел место значительный прогресс в земледелии, широкое применение новых методов, орудий и построек. Н. Кареев в своей книге «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции», где кое-какие интересные документы затерялись среди множества неточных или неясных утверждений, настаивает на том, что в предшествовавший Революции период в сельском хозяйстве наблюдались бедственное положение и упадок¹. Мне непонятно, чем можно доказать такое утверждение.

Известно, что во время своей поездки по Франции Артур Юнг отметил плохую обработку земли во многих местах; французское земледелие, конечно, значительно уступало английскому, но Артур Юнг не мог сравнить состояние сельского хозяйства Франции в 1789 г. с его состоянием в 1760 г.

АГРАРНЫЙ КАПИТАЛИЗМ И ИНТЕНСИВНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Однако некоторые важные свидетельства и значительные экономические явления показывают, что за эти 25 лет во Франции

1. Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в., М., 1879.

произошел большой сдвиг в сторону интенсивного земледелия. Прежде всего, значительная часть земель перешла в руки буржуазии, разбогатевшей благодаря торговой и промышленной деятельности. Этот факт подтверждается не только уже приводившимися выше свидетельствами Буйе и Барнава. Но и аббат Фоше с прозорливостью отмечает этот переход части земельной собственности дворян к буржуа как один из факторов, подготовивших и сделавших возможной Революцию.

В 1789 г. он пишет: «Если бы крупные имения не перешли частично к третьему сословию благодаря его доходам от торговли, благодаря его положению в финансовом мире, благодаря самому разложению многих старинных знатных фамилий, владевших большей частью земель в королевстве и промотавших из-за своего роскошного и разгульного образа жизни огромные состояния своих отцов, то нация, которая и долее находилась бы во власти одного сословия богатей, была бы все еще поработана кастой тиранов, от которых зависело бы существование всех остальных граждан. Священная сила общественной свободы не смогла бы к этому моменту достигнуть такого напряжения, чтобы свергнуть древнее рабство...»

Да, исключительно потому, что третье сословие владеет значительными богатствами, оно обладает энергией и силой. Без этого преимущества бы пребывали бы в состоянии поработки и гражданской смерти.

Итак, именно вследствие того, что отныне существовала двоякая земельная собственность, стало возможным освободительное движение. Если бы вся земельная собственность давила единой глыбой на третье сословие, то оно, несмотря на свое промышленное и движимое богатство, возможно, оказалось бы не в состоянии подняться. И часть земельной собственности, приобретенная буржуазией, должна была быть довольно значительной, чтобы это приобретение можно было рассматривать как один из источников Революции.

Но как можно предполагать, что эта буржуазия, уже разбогатевшая на промышленной деятельности, не приложит к земле своих навыков производства и управления. Правда, Артур Юнг констатирует, что в таких промышленных районах, как Нормандия, где многие имения были приобретены городскими буржуа, земледелие было далеко не усовершенствованным; но, несмотря на всю ценность его наблюдений, невозможно понять, как могло это проникновение «капиталистической» буржуазии в деревню не изменить системы землепользования. Впрочем, не одна только буржуазия изменяла методы ведения хозяйства, ее примеру следовало и дворянство. Достаточно видеть, с каким уважением и сочувствием физиократы, в частности Бодо, отзывались о сельском дворянстве, чтобы понять, что оно приняло систему физиократов и не скупилось на «предварительные вложения» в землю.

Та тщательность, с какой школа физиократов анализировала вложения в землю, первоначальные и ежегодные, показывает, что отныне в землю начали вкладывать значительные капиталы. Мирабо-отец, «Друг людей», в своих «Элементах сельской философии» высказывает мнение, что наличие крупного оборотного капитала есть неперемнное условие всякого хорошего землепользования¹. «Угасание этой движимой собственности [он так называет оборотный капитал, предназначенный для обработки земли] означает угасание земельной собственности, которая тогда превратится в пустыню». Он считает его столь важным элементом, столь решающей категорией в сельском производстве, что заботу обеспечения движимого капитала поручает определенной группе лиц.

Собственник земли предоставить движимый капитал не может. Предоставив землю, он как бы уже исчерпал свои функции: предварительные вложения должны делать богатые арендаторы. Так возникает как бы особая категория сельскохозяйственных капиталистов, которая вмешивается в производство.

«Этот движимый капитал, без которого, по нашему мнению, земля остается бесплодной, не должен присовокупляться к собственности на землю; напротив, важно, чтобы землевладелец, пользуясь свободным и твердым доходом, был обременен лишь расходами на содержание имения и мог выполнять различные общественные обязанности. Богатства, получаемые от земледельческого производства, должны принадлежать самому земледельцу, который арендует землю, мы называем его фермером. Только совершив грубую ошибку, посягнули на неприкосновенность движимого капитала и ограбили земледельцев, и землевладельцы — вынужденные под угрозой превращения их земель в залежи сами предоставлять оборотные средства, что они делали в недостаточных размерах, — передали земли бедным наемным хлебопашцам, которые делили с землевладельцем, сделавшим предварительные затраты, жалкий доход от дурной обработки земли и жили за счет истощения богатств, которые должны были их кормить. Поэтому богатства, употребляемые на обработку земли, должны быть священны». Это было написано в 1767 г. и вовсе не было чистой теорией.

Класс крупных фермеров, крупных капиталистов, вкладывавших деньги в сельское хозяйство, получил значительное развитие к концу существования старого порядка; они брали в аренду, либо для непосредственной эксплуатации, либо для сдачи в суб-

1. Мирабо, маркиз, де (1745—1789), один из видных физиократов, опубликовал в 1756 г. «L'Ami des hommes ou Traité de la population». В 1763 г. в Амстердаме появилась

его «Philosophie rurale ou Économie générale et politique de l'agriculture». В Гааре в 1767 г. были опубликованы его «Les Éléments de philosophie rurale».

аренду, многочисленные поместья. Мерсье посвящает им в 1785 г. особую главу, где говорит об окружавшей их невероятной роскоши и об их богатствах¹.

Маркиз де Мирабо останавливается на подробностях, касающихся этого арендного капитала. «Первоначальные затраты на приобретение плуга, который тащат четыре сильные лошади, и на вспомогательное обзаведение в виде скота, орудий, удобрений, фуража и других необходимых запасов, на питание и аванс слугам и работникам, повседневные расходы на содержание и пропитание фермера и его семьи, которые необходимо сделать, чтобы предпринять и выполнить сельскохозяйственные работы прежде, чем они принесут плоды, — эти предварительные затраты исчисляются мною в 10 тыс. ливров...

Ежегодные затраты на один плуг, с помощью которого обрабатываются различные земли для получения продукта, оцениваются в 2100 ливров».

Как мы видим, для поместья, где имеется несколько плугов, сумма необходимых затрат для того типа крупного и мощного сельскохозяйственного производства, который рекомендуют экономисты, весьма значительна. Правда, эти расчеты применимы главным образом к областям фермажа, где в земледелии используются лошади, — к Иль-де-Франсу, Фландрии, Пикардии и др., но это главные сельскохозяйственные районы.

Благодаря этому аграрному капитализму земледелие быстро развивалось. Отметим в докладе Калонна нотаблям в 1787 г.² следующее крайне знаменательное заявление: «Этим объясняется то, что королевских владений не коснулась эта счастливая революция, которая в течение 20 лет удвоила доход от земли». Калонн, несмотря на всю свою дерзость и легкомыслие, никогда не держал бы подобных речей в Собрании, где присутствовало много крупных землевладельцев, если бы этот факт не был бесспорен.

Во многих районах деревенские наказания содержат жалобы на то, что землевладельцы «сносят лачуги» на своих землях, что мелкие фермы вытесняются крупными хозяйствами; несомненно, что во второй половине и особенно в последней четверти XVIII в. было построено много больших ферм, которые еще и в наше время можно увидеть в Иль-де-Франсе или во Фландрии. Обширные работы по реконструкции и переустройству деревни велись одновременно с работами по обновлению городов. Но каков был бы смысл всех этих расходов, если бы землевладельцы не хотели перейти к более научным методам ведения хозяйства и более совершенной технике? Жалкие, разбросанные в разных местах лачуги заменялись одним просторным строением, чтобы можно было разместить солидные упряжки, огромные запасы удобрений и фуража.

В Париже в 1785 г. было основано Королевское общество земледелия для научного руководства этим движением аграрного

возрождения; сборник его трудов представляет собой одну из самых содержательных книг. Общество ставило своей задачей постепенно распространить на всю Францию усовершенствованные методы ведения сельского хозяйства, применявшиеся в Иль-де-Франсе.

Председатель общества, маркиз де Герш, сказал в своей речи, произнесенной им в 1786 г. по случаю основания общества: «Не следует делать вывод о расцвете сельского хозяйства во Франции на основании его блестящего состояния в окрестностях столицы, где, несмотря на тощие земли, большое количество удобрений позволяет снимать такой урожай, какой дают наилучшие земли. Сравнение этих мест, волей обстоятельств находящихся в благоприятном положении, с другими местами, часто расположенными рядом, ясно показывает, что *промышленность должна прийти на помощь запущенному земледелию отдаленных провинций*».

Это прозвучало как манифест ведения научного и интенсивного земледелия; и маркиз де Герш настойчиво просит «помощи химиков, механиков и натуралистов». Общество неоднократно провозглашает, что оно хочет оживить и одновременно регулировать развитие сельского хозяйства и оградить земледельцев от рутинности и от злоупотребления системами. Один из наиболее влиятельных членов общества, герцог де Лианкур, тот самый, который сделал в Учредительном собрании превосходный доклад об общественной благотворительности³, непрестанно повторяет, что нельзя приходить в уныние из-за предрассудков и косности крестьян. «Надо, — заявил он с позиций несколько высокомерного филантропа, — заставить крестьян разбогатеть вопреки их желанию».

В 1786 г. общество организует сельскохозяйственные выставки, которые устраиваются в каждом кантоне Парижского податного округа, в ратуше или в замке. Для распространения новых пород овец с высококачественной шерстью оно дает баранов для *общинного стада каждого кантона*.

Любопытная инициатива, показывающая, что технический и научный прогресс в земледелии мог бы сочетаться с сохранением и даже с расширением общинных владений. Но не будем забегать вперед.

Работы Парижского королевского общества земледелия нашли по всей сельской Франции такой отклик, что его стали считать образцом, по которому должны создаваться подобные провин-

1. «Tableau de Paris», t. II, p. 120.

2. Calonne. Collection des mémoires présentés à l'Assemblée des notables. Versailles, 1787, 2 vol.; BN, Rés. 4° Le²¹ 8.

3. Ларошфуко-Лианкур, герцог де

(1747—1827), депутат от дворянства баляжа Клермон-ан-Бовези в Генеральные штаты, докладчик комитета Учредительного собрания, занимавшегося вопросом нищенства.

циальные общества. Так, например, я прочел в наказах третьего сословия Пуату:

«Особенно желательно, чтобы при создании сельскохозяйственного общества, которое собираются основать в Пуатье, был принят устав Парижского общества земледелия; тогда не ограничатся теоретическими рассуждениями о первом и самом полезном из искусств. Будут поощряться лучшие культуры; будут способствовать улучшению качества шерсти, переняв обычай пользоваться загонами для домашнего скота в соответствии с принципами Добантона¹; увеличат численность лучших пород овец; то же сделают и для крупного рогатого скота, лошадей и мулов, заботясь о снабжении провинции лучшими образцами наиболее подходящих племенных животных».

Наказы Шателъро, высказываясь против десятины, осуждают ее прежде всего не как несправедливую и обременительную для земледельцев, а как мешающую прогрессу земледелия и великому обновлению сельского хозяйства, начавшемуся в провинции. Нигде лучше не ощущается противоречие между устаревшим социальным порядком и развитием производительных сил: земледельцы восстают против старого порядка не потому, что земледелие находится в «упадке», а потому, что старый порядок задерживает начинающееся бурное развитие.

И поощряя земледелие, но, будучи не в состоянии уничтожить препятствия, мешавшие ему, королевское правительство само подготавливало свое падение. «Все согласны с тем, — говорится в наказах, — что существует только одно эффективное средство против всех зол (низких урожаев с тощей почвы, малочисленности и дороговизны скота): оно заключается в расширении естественных лугов и травосеяния. *Правительство, которое осознало важность этого, распорядилось о распространении через посредство интендантов, а затем через провинциальные собрания инструкций о расширении лугов и применении лучших методов для достижения этого.* Но если преимущества такого земледелия для плодородия земли беспредельны, то и затраты на него тоже беспредельно велики. К прямым расходам на создание лугов надо еще прибавить издержки на покупку семян и удобрений, а также и отсутствие дохода в течение первых лет, очень стеснительное для тех, кто имел смелость пойти на подобные начинания. Мы видим, что некоторые получатели десятины торопятся задушить эти старания в кантонах, где десятина с лугов (зеленая десятина) не взималась.

Они требуют уплаты десятины с новых и с искусственно созданных лугов. Они грозят и запугивают наиболее робких, заставляя их, таким образом, платить этот вид десятины...»²

«Между тем, последствия этих противозаконных поборов губительны для земледелия. Легко доказать, что десятина из одиннадцатой доли с виноградников и новых лугов, очень дорогого вида хозяйства, не может быть меньше одной пятой, чаще всего —

одной четвертой, а иногда и третьей части чистого дохода. Введение такого огромного налога на луга может лишь разорить земледельца и привести его в отчаяние. Это злоупотребление создает еще новые помехи, так как земледельцы считают невыгодным распахивать старые луга, с которых получатели десятины ее не взимают, и заменять их новыми, с которых они ее требуют. *А как раз такое постоянное превращение лугов в пахотные земли и пахотных земель в луга* могло бы сделать почву более плодородной, возродить земледелие и вдохновить земледельцев; и как раз этой спасительной реформе противодействуют получатели десятины вопреки разуму, справедливости и своим собственным интересам».

Здесь очевидно наличие целого идейного движения, целой системы новой практики, а последние приведенные нами фразы свидетельствуют об исчезновении парового поля, то есть о первой характерной особенности интенсивной системы землепользования, которая вскоре должна распространиться повсюду, если этому не будут противодействовать нелепости социальной системы.

Из всех этих фактов, из всех этих признаков, которые можно было бы привести в еще большем числе, с очевидностью вытекает, что в последнюю треть XVIII в. в земледелии наблюдался значительный прогресс. Правительство не издало бы эдикта от 14 января 1763 г., разрешавшего осушку болот и освобождавшего от налога осушенные земли, не издало бы эдикта от 13 августа 1766 г., поощрявшего, тоже путем освобождения от налога, распахку земель под посевы, если бы оно не знало, что повсюду пробуждается энергичная деятельность.

ИНТЕНСИВНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ОБЩИННЫЕ СЕРВИТУТЫ

Но вот каковы оказались прямые и грозные социальные последствия этого широкого сельскохозяйственного движения. Поскольку интенсивная и усовершенствованная обработка земли давала хорошие результаты и почти везде позволила землевладельцам повысить арендную плату³, о чем свидетельствуют доклады Коро-

1. Добантон (1716—1800) — знаменитый натуралист, создавший в 1776 г. монбарское стадо, откуда велуд начало бургундские мериносы.
2. Речь идет о новой десятине (*dîmes novales*), которую крестьяне считали *противоречащей* обычаю (*insolite*) и много раз оспаривали.
3. В своих работах по изучению движения цен и доходов в XVIII в. Э. К. Лабрус рассматривал изме-

нение земельной ренты. Согласно изученным арендным договорам, денежная арендная плата повысилась на 82% между 1730—1739 гг. и 1770—1790 гг. и на 98%, если рассматривать только 1786—1790 гг. Повышение ренты следует, несколько запаздывая, за повышением цен, но его масштабы значительно больше. Существовал настоящий антагонизм между традиционной и новой системами земледелия.

левского общества земледелия, у власть имущих разгорелись аппетиты; и они решительно взялись за укрепление и расширение своей частной собственности, добиваясь отмены всех ограничений, налагаемых обычаем в интересах общины на их права собственников.

В системе земельной собственности старой Франции было много черт первобытного коммунизма.

Существовало право сбора колосьев после жатвы; право выгона скота на сжатые поля (*vaine pâture*), а главное — существовало общинное имущество, то, которое мы теперь называем коммунальными угодьями, будь то леса или луга. И вот в последнюю треть XVIII в. выявилось весьма сильное стремление землевладельцев избавиться от сервитута сбора колосьев и выгона скота после первого укоса и поглотить владения общин. Социальные последствия этого движения были крайне сложны. Если в том, что касается феодальных прав и дворянских привилегий, третье сословие деревни и буржуазия городов выступали в полном или почти в полном согласии против дворянства, то по поводу права сбора колосьев и выгона скота на жнивье и на луга после первого укоса, как и по поводу общинных угодий, в третьем сословии возник разлад. Прежде всего существовало противоречие или по меньшей мере расхождение между городской буржуазией и частью сельского населения.

Городские буржуа, приобретя владения в деревне и желая получать от них возможно более высокий доход, очень хотели запретить доступ на свои земли сборщикам и сборщицам колосьев, а особенно стадам всей общины, которая после укоса в течение довольно значительного времени года пользовалась правом выпаса скота на лугах частных собственников. Что касается общинных угодий, то землевладелец-буржуа был мало заинтересован в них; применяя новейшие методы земледелия он не придавал большого значения возможности пасти свой скот на общинных землях, поскольку у него имелись большие запасы кормов. Иногда он даже мог желать, чтобы раздел общинных владений позволил ему купить на выгодных условиях новые обширные земельные участки. Наоборот, бедные крестьяне были весьма заинтересованы в сохранении права сбора колосьев, дававшего им немного зерна и соломы, которой они крыли свои жалкие хижинки. Они были также крайне заинтересованы в сохранении права выпаса скота по жнивью и на лугах после первого укоса, что позволяло им часть года кормить корову и нескольких овец. Наконец, как могли они отказаться от своего права пользования общинными угодьями, когда у них не было никаких надежд приобрести какую-нибудь часть их, если бы они были отчуждены?

Итак, по всем этим пунктам существовала некоторая противоположность между стремлениями городской буржуазии, владевшей недвижимостью в деревне, и частью крестьян. Но разногласия

и сомнения существовали и среди самих крестьян, среди земледельцев. Многие крестьяне, владевшие землей, тоже относились с осуждением к праву сбора колосьев и выпаса скота. Их земли, часто уже обремененные феодальными повинностями, страдали еще от своего рода сервитута в пользу бедняков или общины. Их личная собственность была как бы зажата в тиски между феодальными правами, осуществляемыми посредством десятины, шампара, ценза, и своего рода примитивным коммунизмом.

Отдав получателю десятины или шампара немало снопов своего урожая, они должны были еще оставлять жителям коммуны упавшие на землю колосья или довольно высокую солому. Отдав получателю зеленой десятины часть сена, они должны были в течение нескольких месяцев пускать на свои луга стада, которые там паслись. Таким образом, происходили как бы вечное вторжение на их земли и их захват то именем феодального сюзерена, то именем общины. И крестьяне-собственники стремились избавиться свои земли от всех этих вторжений, освободить свою собственность от всех этих ограничений. По выражению Бонсерфа, они стремились к общему упрощению своих прав собственности для ее защиты как от слабого и убогого деревенского коммунизма, так и от сильной дворянской олигархии.

ЗА И ПРОТИВ ПРАВА СБОРА КОЛОСЬЕВ

Итак, они входили в соглашение с большинством сеньоров или с их арендаторами об ограничении, насколько это было возможно, права сбора колосьев и выпаса скота по жнивью и после первого укоса. Идя навстречу этому движению, королевская власть рядом своих эдиктов или постановлений парламента, особенно эдиктом об огораживании 1766 г., предоставила землевладельцам право при определенных условиях огораживать свои земли; это право огораживания вызвало в деревне очень горячие споры. Его одобряли и требовали богатые землевладельцы, а бедняки возражали против него. Наказы Генеральным штатам отражают эти колебания и эту борьбу по поводу права сбора колосьев и выпаса скота после первого укоса. Так, община Бурже требует в статье 16 своего наказа, «чтобы были оставлены в силе старые постановления, которые предписывают всем арендаторам, обрабатывающим землю, оставлять после жатвы свои поля по меньшей мере на 24 часа свободными для доступа сборщиков колосьев»¹. Это доказывало, что исключительное право собственности, в конце концов, привело к отмене права сбора колосьев после жатвы. Приход

1. Наказ прихода Бурже Парижского округа был опубликован в: «Archives parlementaires», t. IV,

p. 371. См. также: Ch.-L. Chassin. Les Elections et les Cahiers de Paris en 1789..., t. IV, p. 264.

Эпинэ-ле-Сен-Дени требует «выполнения законов о сборе колосьев после жатвы», и не известно, подразумевает ли он под этим, что отмененное право сбора колосьев должно быть восстановлено или, напротив, что беспорядочный сбор колосьев должен быть сведен к справедливым размерам¹.

Приход Ла-Кё-ан-Бри требовал, «чтобы постановления и правила, касающиеся сбора колосьев после жатвы, выполнялись и по форме и по содержанию и чтобы впредь собирать колосья разрешалось только немощным беднякам и тем, кто совершенно не в состоянии участвовать в жатве»². Здесь одержало верх противодействие сбору колосьев: ясно, что если собирать колосья будут только немощные, только люди, совершенно нетрудоспособные, то осуществление права сбора колосьев будет отдано на усмотрение землевладельцев, ибо от них всегда будет зависеть, признать ли им сборщика колосьев достаточно бедным и достаточно немощным.

Дворянство Булоннэ в своем наказе в статье о сборе колосьев после жатвы крайне резко настаивает на исключительности прав землевладельца³: «Если бы собирали колосья только дети и нетрудоспособные, то собственники полей рассматривали бы этот род десятины как благотворительность, против которой они бы не возражали; но в действительности — это занятие бездельников и бродяг; они не только не ждут, чтобы хлеб был сжат и свезен, но берут колосья из пучков и снопов и уносят их по ночам; собственники и арендаторы больше не хозяева на своих полях вовремя уборки урожая; в земледелии не хватает рабочих рук, а сборщиков колосьев, его паразитов, имеется множество, и они полны сил; их не смущают ни жалобы, ни надзор, ничто не останавливает их хищений; люди без веры и без чести, они предпочитают это занятие работе жнеца, так как она менее выгодна и требует большего труда, чем сбор колосьев.

Эти люди не знают других законов, кроме выгоды и грабежа; страх — единственное средство, способное их остановить. Поэтому было бы желательно увеличить отряды конной жандармерии, столь полезные для обеспечения безопасности городов и деревень, чтобы во время жатвы конная стража разъезжала по полям, где происходит уборка, и чтобы ее там видели, чтобы она карала расхитителей и тех, кто будет собирать колосья раньше времени, предписанного ордонасами, и чтобы она разрешала собирать колосья только детям, старикам и нетрудоспособным людям, которые будут признаны таковыми согласно удостоверению, выданному приходским священником и синдиком». Какая жестокость! И в то же время какое признание!

Труд работавших на уборке бедняков-поденщиков оплачивался так низко, что сбор колосьев оказывался более выгодным; и ясно, что, запрещая сбор колосьев, землевладельцы хотели увеличить число рабочих рук, находящихся в их непосредствен-

ном распоряжении, и еще больше снизить таким образом плату за труд. Но если мы обратимся к наказу третьего сословия того же сенешальства Булоннэ, то в статье 17 найдем такое же осуждение права сбора колосьев⁴: «Они должны требовать, чтобы при толковании постановлений, принятых относительно сбора колосьев, было запрещено всем *под страхом тюремного заключения* собирать колосья, не имея на то письменного разрешения полиции или синдиков, которые смогут их выдавать только детям до 14 лет, старикам в возрасте 70 лет и калекам».

Землевладельцы-дворяне призывают на поля, где лежат упавшие колосья, конную стражу, а землевладельцы — буржуа или крестьяне — требуют для сборщиков колосьев тюремного заключения. Везде с одинаковой жестокостью и силой исключительное право личной собственности восстает против древнего права бедняков.

Наоборот, деревня Пэн горько жалуется на помехи, чинимые сбору колосьев после жатвы⁵. Бедные жители деревни говорят в статье 6 своих «Тетрадей жалоб»: «Фермеры столь жестоки, что допускают сбор колосьев только тогда, когда одновременно на полях пасется их скот; это наносит значительный ущерб бедным жителям, которых лишают свободы подбирать оставшиеся на земле колосья. Нужно распорядиться о том, чтобы было разрешено собирать колосья по мере того, как вывозятся снопы, и чтобы фермерам было запрещено выгонять скот на поля, пока сбор колосьев не будет закончен полностью».

И они прибавляют: «У фермеров есть *отвратительное обыкновение заставлять косить хлеба, вместо того чтобы жать их серпами*, и это отвратительное обыкновение приводит к действительным потерям зерна, которое падает на землю и пропадает для нас, населения всего королевства, причем фермеры придумали этот способ косить хлеб только для того, чтобы получать солому, которую они очень дорого продают в Парпже, и, таким образом, лишают жителей большей части соломы».

В наказе прихода Виллерон мы читаем, что «беднякам не дают собирать колосья хлеба, которого они не вырастили; их лишают

1. Наказ прихода Эпинэ-ле-Сен-Дени Парижского округа был опубликован в «Archives parlementaires», t. IV, p. 517. См. также: Ch.-L. Chassin. Op. cit. t. IV, p. 262.

2. Наказ прихода Ла-Кё-ан-Бри Парижского округа был опубликован в «Archives parlementaires», t. IV, p. 637.

3. Наказ дворянства главного сенешальства Булонь-сюр-Мер был

опубликован в «Archives parlementaires», t. II, p. 424.

4. Наказ третьего сословия главного сенешальства Булонь-сюр-Мер был опубликован в «Archives parlementaires», t. IV, p. 431.

5. Речь, несомненно, идет о приходе Пэн второстепенного баляжа Орбек (ныне кантон Лизьё), наказ которого опубликовал: Hippreau. Le Gouvernement de Normandie aux XVIIe et XVIIIe siècles, t. VII.

и соломы, остающейся от колосьев, а солома — это топливо. Наконец, они лишены пастбищ, которые архиепископ Экса оставляет себе после сенокоса; они терпят один урон за другим»

В другом наказе мы читаем, что «фермерам должно быть разрешено отводить под травы [превращать в луга] только одну шестую часть их земель, чтобы бедные жители деревни не лишились возможности собирать колосья». Таким образом, мы видим, что борьба велась внутри самой деревни, даже среди деревенского третьего сословия, между частной собственностью и старинным правом бедняков.

Ясно также, что отступает старинное право бедняков, а победу одерживает частная собственность одновременно в лице собственников — дворян, буржуа и крестьян.

Ах, конечно, не следует вносить путаницу. Нельзя отождествлять величественный современный коммунизм, признанный в наше время пролетариями-социалистами, с этим жалким и примитивным коммунизмом. При современном коммунизме трудящиеся не пойдут, словно нищие, тайком собирать колосья на чужих землях; все вместе они будут гордо снимать общий урожай, освобожденный от всех поборов со стороны буржуазии или дворянства.

Коммунизм наших дней поставит на службу освобожденным и объединенным крестьянам всю мощь науки; и, напротив, я признаю, что старинные обычаи, такие, как право сбора колосьев после жатвы, мешавшие в конце XVIII в. интенсивности земледелия и возраставшей исключительности права личной собственности, часто препятствовали прогрессу.

Запрещать пользоваться косой под тем предлогом, что серп оставляет сборщику колосьев более высокую солому, мешать расширению естественных лугов и травосеянию, ограничивать разведение скота под тем предлогом, что сборщики колосьев имеют право на определенную площадь полей для сбора колосьев, — это значит продлевать рутину и нищету. В итоге жестокий индивидуализм сеньоров, фермеров, буржуа, богатых пахарей лучше послужил будущему человечеству, чем почти нищенский и дремотный, примитивный коммунизм, сохранить который хотели бедняки.

Не менее верно и то, что все это интенсивное развитие земельной собственности отнимало у бедных крестьян часть их привычных ресурсов и прав и что, когда наступит пора свести счета между имущими и неимущими, деревенский пролетариат сможет потребовать коммунизм в современном понимании, как своего рода возмещение и восстановление в правах.

Если бы дворяне были хитрее и не участвовали сами в этом великом движении за интенсивное земледелие, оттеснявшем мало-помалу живший в бедности народ, то они могли бы приобрести в деревне внушительное число сторонников, защищая деревенских бедняков от экспроприации, какой их подвергали землевладельцы-

буржуа или богатые крестьяне, владевшие землей; энергично отстаивая право сбора колосьев после жатвы, право выпаса скота по жнивью и после первого укоса, они могли бы объединить вокруг себя множество бедняков, как армию контрреволюции.

Они могли бы сказать: «Видишь этого богатого крестьянина? Он не хочет платить мне ценз, или шампар, который всегда платил его отцы и который он мне должен; и в то же время он хочет лишить тебя права собирать на его земле упавшие колосья, которые утоляют твой голод, и солому, которая немного обогревает тебя зимой; он хочет лишить тебя права выгонять на его луга, когда он уже собрал сено, твою отоцавшую корову, которая дала бы тебе немного молока; давай объединимся против этого себялюбивого бунтовщика, который причиняет ущерб своему сеньору и не жалеет бедняков».

По-видимому, в некоторых районах и в определенные моменты сеньоры подумывали о том, чтобы выступить в этой роли, прибегнув к феодальной демагогии, что создало бы для Революции огромное препятствие.

В сборнике трудов Королевского общества земледелия упоминается один весьма любопытный процесс, который в 1785 г. слушался в Королевском государственном совете. «Жители деревни Ирвиллер и еще 14 других деревень, входивших в бальяж Сен-Кантен, свободно пользовались, по примеру своих соседей, правом убирать урожай зерновых косой или серпом, в зависимости от того, что было им выгоднее при тех или иных обстоятельствах.

Лейтенант бальяжа Сен-Кантен, сеньор Ирвиллера, 12 сентября 1779 г. заставил своего судью вынести решение, запрещавшее на тех полях, на которых эти жители жали, срезать хлеба под корень, приказывавшее оставлять на полях солому для бедняков Ирвиллера и осуждавшее их».

Все крестьяне-собственники этого района ссылались на то, что, когда хлеба еще не вполне созрели и зерна крепко держатся в колосьях, они косили их, так как могли низко срезать их без потери зерна; напротив, когда хлеба были слишком зрелые, их нельзя было скосить без больших потерь зерна, и они пользовались серпом.

И они делали вывод: когда мы косим хлеба, мы не оставляем бедным соломы, но почему нам хотят запретить самим пользоваться соломой, оставшейся после жатвы серпом? Не хотят ли нас заставить, дабы не лишиться соломы, всегда пользоваться косой, даже тогда, когда зерно будет высыпаться из чересчур спелых колосьев? Сеньор упорно осуждал их.

Заслуживающая внимания борьба бедняков, поддерживаемых сеньором, против всех крестьян-собственников, упорно не желавших хоть что-нибудь оставлять даже голодным людям из урожая, стоившего им столько трудов, из урожая, из которого, к тому же, сеньор и получатель десятины забирали так много прекрасных

снопов. Борьба эта, если бы она распространилась повсеместно и приобрела систематический характер, сколь ни лицемерно ее вели эксплуататоры-дворяне, могла бы иметь серьезные последствия.

Наказ о претензиях местечка и прихода Шель¹ содержал следующую статью, направленную против сбора колосьев после жатвы и против снисходительности сеньоров и их судей по отношению к сборщикам: «Ни в обычном праве Парижа, да и почти ни в одном другом обычном праве не упоминается о сборе колосьев после жатвы; парламент, ревностно заботящийся о соблюдении общественного порядка, издал постановления, согласно которым на сжатые поля нельзя выгонять никаких животных раньше, чем через три дня после уборки урожая, дабы бедные имели время собрать то, что там могло остаться; сборщики могут приступать к сбору колосьев только после полного вывоза урожая, причем собирать колосья могут только бедняки — нетрудоспособные по возрасту или немощные, как старики, или дети, а не зажиточные и трудоспособные люди; но судья сеньора не следит за выполнением этих постановлений, и животным позволяют поедать то, что должно оставаться для бедных, и допускают, чтобы зажиточные и трудоспособные люди отнимали у настоящих бедняков это незначительное вспомоществование. Надо обязать сеньоров заставить своих судей выполнять постановления парламента».

По существу, несмотря на умелую соразмерность требований и мнимый интерес к положению бедных, шельский наказ направлен на ограничение и почти полную отмену сбора колосьев, причем он упрекает судей сеньора в слишком большой снисходительности. Итак, потворство подобного рода сеньоров самым бедным крестьянам, направленное против зажиточных «пахарей», было отнюдь не редким.

Но оно могло бы иметь социальное значение только в том случае, если бы было постоянным и повсеместным. Однако чаще всего и в большинстве мест фермеры сеньора столь же яростно защищали свое поле, как и владеющий землей крестьянин, а из наказа Булоннэ мы видели, как озлоблено было против сборщиков колосьев само дворянство. Итак, его тактика в этом вопросе не была постоянной. И оно не сможет использовать в интересах сопротивления и контрреволюции колебания и разногласия, которые вызвал в третьем сословии деревни прогресс интенсивного земледелия и жестокий индивидуализм собственности.

ЗА И ПРОТИВ ПРАВА ВЫПАСА СКОТА ПО ЖНИВЬЮ И НА ЛУГАХ ПОСЛЕ ПЕРВОГО УКОСА

Такие же колебания третьего сословия и такая же бессильная непоследовательность дворянства проявлялись и в столь важном вопросе, как право выпаса скота по жнивью и на лугах после первого укоса. Пожелания, содержащиеся в наказах третьего

сословия, были весьма противоречивы. Они требовали либо отмены, либо строгой регламентации, либо восстановления, либо расширения права выпаса скота по жнивью и после первого укоса.

Местечко Шель требовало точной регламентации: «Обычное право Парижа обходит полным молчанием обычай общинного выпаса, оно не говорит, когда доступ на луга должен быть запрещен; оно не предусматривает числа животных, которых каждый житель вправе выгонять на общинный выпас, и это умалчивание порождает в упомянутом приходе и во многих других приходах округа много злоупотреблений, а именно: 1) отдельные лица, ничем не владеющие и не извлекающие доход из какого-либо имущества, берут на постой лошадей и кормят их за счет общины; 2) другие, принадлежащие приблизительно к той же категории, разводят скотину или покупают ее, торгуют ею и кормят ее на общинных пастбищах и даже на лугах до цветения трав, что делает луга бесплодными, наносит ущерб владельцам или их арендаторам, которые не могут держать для обработки земли столько скота, сколько нужно, чтобы возделывать ее надлежащим образом.

Следует принять закон, который установит время, когда луга будут под запретом, который определит, что количество равного скота, которое каждый житель сможет выгонять летом на общинный выпас, должно равняться тому количеству, какое он кормил в течение зимы из своего урожая сена, снятого с его собственных или с арендованных им лугов. То, что мы предлагаем по этому вопросу, соответствует справедливости, буквальным указаниям обычного права многих районов, духу ряда других, а именно записям обычного права Оверньской марки, Мелёна, Монтаржи и пр., а также судебной практике верховных судов».

Очевидно, здесь опять-таки стараются отеснить бедняков, которые могли прокормить немного скотины только летом, когда открывалась возможность общинного выпаса.

И чтобы еще увеличить эти ограничения, наказ прибавляет: «Овцы наносят такой вред искусственно создаваемым и естественным лугам, что парламент вынес три постановления, запрещающие пастись им на естественных лугах в какое бы то ни было время года; но парламент, с одной стороны, недостаточно строго следит за выполнением своих постановлений, а с другой стороны, ничего не предусмотрел в отношении искусственно созданных лугов. Закон, который вынесет решение об обычае общинного выпаса, должен будет вынести решение и по этому предмету».

И вот, наконец, во имя интересов животноводства подлинное объявление войны праву свободного прогона и выпаса скота на сжатых полях. «Важно позаботиться об увеличении поголовья

1. Наказ прихода Шель Парижского округа был опубликован в:

«Archives parlementaires», t. IV, p. 253.

скота, чтобы добиться удешевления мяса, масла, сыра, свечного сала и т. п., но *это увеличение поголовья скота наступит только тогда, когда будет издан закон, сохраняющий за каждым землевладельцем или его арендатором право неограниченного пользования его лугами, как естественными, так и искусственными, и лишаящий такого права всех остальных...* Обычай превращать луга в общинные сразу после сенокоса вредит не только земледелию, не давая земледельцу возможности вторично скосить траву на своем лугу, если это возможно, или сохранить отаву, чтобы откормить ту скотину, которую он пожелает.

Этот обычай прямо посягает на собственность; он ограничивает ее право приблизительно четырьмя месяцами в году, в течение которых растет трава и заготавливают сено, а в течение остальных восьми месяцев права собственности не существует. Однако землевладелец платит с этой собственности все налоги, даже если он сдает ее в аренду, так как арендатор, зная, что налоги будут уплачены, исходит из этого расчета при аренде. Нет обычая, более несправедливого, чем этот.

Но вы скажете, что этот обычай, введенный по необходимости, должен быть сохранен ввиду невозможности его отменить, так как на этой общей площади естественных лугов приблизительно в 200 или 300 арпанов, которыми владеют 20 или 30 собственников, причем одни из них имеют по пять — шесть участков, другие — по два — три, а третьи — только по одному и все участки смежные и не отделены один от другого ни межами, ни тропинками. ведущими от одного участка к другому, невозможно пользоваться отдельно тем, что тебе принадлежит.

Ответим: 1) Даже предполагая, что последует возражение, этот обычай должен относиться только к землевладельцам и их арендаторам, имеющим участки на этих лугах общей площадью 200—300 арпанов; каждый из них должен пользоваться лугами только соразмерно принадлежащей ему доле. 2) Разрешив обмен земельных участков даже с менмортаблями, без всяких издержек по контролю, без сотого денье и меновых пошлин, землевладельцы сумели бы устроить так, чтобы тот, у кого было четыре или пять участков, вскоре имел бы только один или два, а преимущество, которое они извлекут от использования своей собственности так, как найдут нужным, очень скоро побудит их устроить проходы, дабы каждый из них имел доступ к своему владению.

Свободный беспошлинный обмен [участков] даст земледелию величайшие преимущества, сделав пользование ими более удобным и менее обременительным.

Нет надобности указывать, что это — закон самой алчной индивидуальной собственности, до некоторой степени прогрессивной, но беспощадной.

В противоположность этому столь явному осуждению права выпаса скота после первого укуса, как противоречащего одновре-

менно и интересам земледелия, и высшему праву собственности, наказ прихода Кубер¹ заявляет: «Существует настоятельная необходимость восстановить в провинции Бри свободный выпас на лугах стад овец, который был повсюду запрещен постановлениями Парижского парламента от 23 января и 7 июня 1779 г., хотя последующим постановлением от 9 мая 1783 г. он был разрешен или восстановлен в приходах, расположенных в местах действия обычного права Витри-ле-Франсуа и Вермандуа, которое допускает его».

Приход Балленвилье заявляет²: «Выпас скота на сжатых полях есть неотъемлемое право, распространяющееся на национальную территорию. На него посягают всеми возможными способами. Одни позволили себе огородить почти целые поля, чтобы устроить роскошные парки; другие огородили участки в поле; и вообще препятствуют выпасу скота (*vaine pâture*) в лесах, хотя это право существовало еще до возникновения всякой собственности».

Во-вторых, нельзя ничего огораживать, кроме жилищ, и площадь парков не должна превышать 60 арпанов, только в этом случае она не облагается налогом, который должен возмещать народу ущерб за излишек. В-третьих, было бы справедливо воспретить сооружение любых оград в полях и обеспечить свободный прогон скота в лесах».

Это прямое столкновение внутри самого третьего сословия своего рода первобытного, примитивного коммунизма с собственностью. Приведем наказ Пранжи и Вевра³ в защиту интересов бедняков:

«Жители требуют, чтобы им разрешалось пасти свою скотину в лугах их общины, носящих название Сешере... на участках, засеваемых клевером и эспарцетом, где вырастает трава, которую невозможно косить...»

Вот еще жалоба от общины Виллен-ан-Дюмуа⁴: «Дело касается арендованной доменiallyной земли. В состав этих земель входит участок луга в 500 га, называемый Ретре. Вокруг луга выкопано несколько канав, но доступ на него не совсем закрыт, и он не огорожен. Тем не менее жители общины Виллен не смеют выгонять на эти луга свою скотину в тот период, когда после первого укуса разрешается выпас. Они умоляют Его величество распоря-

1. Наказ прихода Кубер Парижского округа был опубликован в «Archives parlementaires», t. IV, p. 464.

2. Наказ прихода Балленвилье, прелатство и виконтство Парижа вне городских стен, был опубликован в «Archives parlementaires», t. IV, p. 337.

3. Мы исправляем здесь на Пранжи и Вевр (а не Франжи, как пишет Жорес), бальяж Шатильон-сюр-Сен.

4. Мы исправляем здесь на Виллен-ан-Дюмуа (а не Виллен-ан-Дюмон, как пишет Жорес), бальяж Шатильон-сюр-Сен.

диться, чтобы им впредь разрешалось выгонять свою скотину на этот участок луга после первого укуса».

Третье сословие бальяжа Осонн ясно требует в статье 29 своего наказа, «чтобы был отменен эдикт об огораживании и чтобы можно было свободно пасти скот в период выпаса после первого укуса»¹.

Третье сословие Дуэ требует в статье 34 своего наказа, «чтобы всем сеньорам было запрещено загораживать виконтские дороги, ланды и пустоши, сдавать в аренду какую-либо часть их, попира́ть право жителей общин выгонять на них скот после покоса, а также признать недействительными все акты, заключенные за последние 20 лет в нарушение этого»².

Деревня Дюри (часть ее относилась к Фландрии, часть — к Камбрези, часть — к Артуа) требует «сохранения за нею права выпаса на виконтских дорогах, которые указанный сеньор хочет присвоить себе»³.

Третье сословие Этампа заявляет в статье 8 своего наказа⁴: «Существует несколько пастбищ и строений для деревенского стада; необходимо позаботиться об их сохранении и о том, чтобы их не заливало водой из-за того, что мельники дурно сооружают мельницы».

Третье сословие Мо принимает умеренное решение⁵. В статье 8 своего наказа оно говорит: «Превратить в постоянный закон эдикт 1771 г. об огораживании и обмене участков с тем ограничением, что луга и пастбища, на которые выгоняют после первого укуса скот общины, не могут быть огорожены».

Третье сословие Мелёна требует регламентации выпаса скота после первого укуса, равносильной почти его отмене⁶: «Пусть будут разработаны регламенты относительно пастбищ для разных видов скота ввиду различных неудобств, к каким может привести общий выпас всей скотины».

Жители Брюйер-ле-Шатель, напротив, требуют⁷: «Пусть жителям деревень будет разрешено косить и уносить на корм для скотины траву, растущую в лесах, лишь бы они не выгоняли туда ни коров, ни другой скотины и соблюдали осторожность, дабы не повредить лесной поросли».

Крестьяне Дравей горько жалуются⁸: «Статья 2. Участники собрания говорят, что вот уже приблизительно 15 лет, как под предлогом охоты они полностью лишены права, которым всегда пользовались их предки: оно состояло в неограниченном преимуществе косить траву в лесах на корм принадлежащему им скоту, и это наносит огромный вред земледелию, так как они не имеют и четвертой части необходимого количества скота. Поэтому они требуют, чтобы для них и для их соседей это преимущество было восстановлено».

Наконец жители Пон-л'Эвека требуют, чтобы право выпаса было распространено на угодья, расположенные за пределами

прихода⁹; это уже не местный коммунизм, а своего рода региональный коммунизм, который они хотели бы установить в отношении выпаса. «Жители Пон-л'Эвека и многие другие хотели бы, чтобы право выпаса было всеобщим и взаимным для всех общин, что представляется вполне справедливым¹⁰. Все жители — подданные короля или, лучше сказать, принадлежат к одной семье. Разве не справедливо, чтобы недостаток пастбищ для прокорма скота на одних землях был возмещен на соседних землях, где имеются излишки?»

Я старался привести возможно больше цитат, так как нужно, чтобы на страницах этой истории крестьяне как бы сами рассказывали об экспроприации, которой они подверглись. Ясно, что со времени возникновения движения за интенсивное земледелие и издания эдикта 1771 г. об огораживании, который был следствием этого движения, право выпаса скота по жнивью и после первого укуса находилось под угрозой: оно из года в год ограничивалось. Я не считаю его совместимым с интенсивной эксплуатацией земли, и социализм, несомненно, призовет крестьян к совместному владению землей в других формах. Тем не менее имела место экспроприация, которая была еще одним основанием для деревенских пролетариев выдвинуть в будущем свои требования.

В этой борьбе, которую крестьяне вели за право выпаса против права собственности, принимавшего все более исключительный характер, они сталкивались, главным образом, с сеньорами. Когда речь шла о праве сбора колосьев после жатвы, то конфликты, как мы видели, часто возникали между деревенскими бедняками и богатыми «пахарями» из третьего сословия. Собственники-крестьяне и даже сеньоры иногда делали вид, что они на стороне бедняков, ибо пахотные земли большей частью принадлежали

1. Наказ третьего сословия второго степенного бальяжа Осонн был опубликован в «Archives parlementaires», t. III, p. 144.

2. Наказ третьего сословия бальяжа Дуэ был опубликован в «Archives parlementaires», t. III, p. 179.

3. Мы исправляем на «Дюри» (а не Дюрси), приход в бальяже Дуэ, наказ которого был опубликован в «Archives parlementaires», t. III, p. 174.

4. Наказ третьего сословия Этампа был опубликован в «Archives parlementaires», t. III, p. 283.

5. Наказ третьего сословия главного бальяжа Мо был опубликован в «Archives parlementaires», t. III, p. 727.

6. Наказ третьего сословия глав-

ного бальяжа Мелён был опубликован в «Archives parlementaires», t. III, p. 743.

7. Наказ прихода Брюйер-ле-Шатель Парижского округа был опубликован в «Archives parlementaires», t. IV, p. 677.

8. Наказ прихода Дравей Парижского округа был опубликован в «Archives parlementaires», t. IV, p. 494.

9. Наказ третьего сословия второго степенного бальяжа Пон-л'Эвек был опубликован в «Archives parlementaires», t. V, p. 603.

10. *Droit de parcours* — это в точном смысле слова межобщинное право взаимного выпаса скота на сжатых полях и лугах соседних общин.

третьему сословию. Наоборот, леса и луга, где осуществлялось исконное право выпаса скота общины, принадлежали, главным образом дворянству и духовенству. По этому вопросу нам сообщает очень интересные цифры Дюпон де Немур:

«Леса, луга, пруды и другие угодья подобного рода не облагаются тальей с эксплуатации, но подлежат обложению тальей, взимаемой за владение, если они принадлежат трудящемуся сословию; они не подлежат никакому обложению, если их владелец — дворянин, духовное или привилегированное лицо; и *имущества такого рода составляют наибольшую часть богатства высших сословий*, а следовательно, значительную часть богатства нации, поскольку *эти сословия, соответственно, самые богатые*.

Писатели и администраторы, которые больше всего занимались исследованиями стоимости урожая и доходов королевства, оценивают в 490 млн. общий доход от лугов и всего лишь в 120 млн. расходы по орошению, охране и покосу; остается 370 млн. чистого дохода от лугов и пажитей. Они оценивают общий доход от лесов в 225 млн., а ежегодные расходы на насаждения, охрану и эксплуатацию — в 55 млн.; таким образом, чистый доход от лесов составляет 170 млн.

Четыре пятых имуществ такого рода принадлежат дворянству и духовенству. Следовательно, около 560 млн. чистого дохода не подлежат обложению главным поземельным налогом.

Что касается пахотных земель, то собираемый с них урожай, вместе с продуктами подсобных птичьих дворов, оценивается приблизительно в 1800 млн., что дает около 600 млн. дохода, причем *не более одной шестой части чистого дохода принадлежит двум высшим сословиям* либо вследствие земельной собственности, либо в виде десятины, шампара и других феодальных поборов.

Итак, если в течение 20 лет крестьяне с каждым днем все более и более лишались права выпаса скота, если они обнаруживали, что доступ на луга, куда они на протяжении многих веков выгоняли для пастбы своих овец и коров, закрыт, если они даже не могли набрать для своей скотины травы, дико растущей в лесах, что им разрешалось по старинному обычному праву, то все это происходило потому, что они наталкивались на возросший эгоизм дворян и монахов. Если эти праздные люди не могли отобрать у третьего сословия пахотную землю, вознаграждающую своим плодородием труд человека, то они владели обширными лугами и лесами, где богатства создаются почти одной лишь силой природы¹. И они не только владели ими, не только не платили своей доли налога с огромных доходов, которые им приносили леса и луга, но, вдобавок, их право собственности на эти луга, казалось, манившие к себе скотину для долгой и свободной пастбы, и на эти леса, казавшиеся на земле, раздираемой частной собственностью, высшим прибежищем примитивного коммунизма, становилось с каждым днем все более исключительным.

К бремени старинных феодальных прав для крестьянина прибавлялись новые запреты; и самые успехи земледелия способствовали его угнетению. Какой гнев закипал в его душе! Гнев, тем более ожесточенный, что крестьянин не мог с доверием поведать о нем городскому третьему сословию, которого вопросы эти нисколько не занимали и чьи интересы иногда носили противоположный характер.

Так в душе крестьянина мало-помалу возникало странное и сложное чувство. Он хорошо понимал, что не сможет освободиться без городской буржуазии, богатой, предприимчивой, смелой, и ждал от нее первого толчка, сигнала к избавлению. Но крестьяне также хорошо понимали, что, когда движение начнется, им самим придется добиваться своих целей; они не удовлетворяются робкими решениями великих буржуазных собраний, и бесчисленные выступления крестьянства толкнул колеблющуюся Революцию вперед.

БОРЬБА ЗА ОБЩИННЫЕ ВЛАДЕНИЯ

Гораздо более возмутительной, чем отмена права выпаса, была произведенная сеньорами в последнюю треть XVIII в. конфискация значительной части общинных владений. На эти общинные владения посягали уже в течение нескольких столетий. Уже в XVI в. третье сословие жалуется в своих наказах на беспрепятственные захваты сеньорами, главным образом, лесов. По мере того как дворяне окружали себя все большей и большей роскошью и их расходы росли, они старались получить общинные владения в полную собственность.

В XVIII в. общинные владения находились под угрозой одновременно вследствие задолженности городов и деревень теорий агрономов и алчности сеньоров. Для уплаты задолженности по займам города и деревни превращают, так сказать, в источник денежного дохода то, что было собственностью, на которую распространялись права пользования всех жителей. Виноградники, пахотные земли и даже луга и леса сдаются в аренду. Доходы от аренды поступают в общую кассу для уплаты расходов общины. Тем не менее жители теряют свое исконное личное и прямое право на траву для прокорма их скотины, на пользование лесами, чтобы отапливать свои жалкие лачуги. В то же время теоретики политической экономии утверждают, что если бы общинные земли были

1. Права пользования лесами и рощами составляли часть традиционной аграрной системы и обеспечивали бедным крестьянам немалые выгоды: они имели дрова

для топки, лес для построек и изготовления сельскохозяйственных орудий, пастбища для свиней (*право сбора желудей*), для быков, коров и лошадей.

разделены, особенно если бы они были распределены между наиболее зажиточными жителями, способными вложить в них капиталы, то доходы от них значительно повысились бы.

И, наконец, сеньоры помышляют о том, как бы использовать все это движение, чтобы дешево или даже бесплатно выкроить для себя, истолковав по-новому старинные грамоты на владение, обширные личные владения из расчленяемых общинных земель. Королевская власть, отчасти по внушению экономистов, отчасти под влиянием алчного и хищного дворянства, способствует такому процессу расчленения; посредством ряда эдиктов и постановлений, особенно эдикта 1777 г., она подтверждает право сеньоров на триаж, то есть на нарушение неделимости общинных владений. Сеньор считается совладельцем этих земель вместе с жителями: ему разрешалось требовать определения той части, на которую он имеет право, причем это делали назначенные по его усмотрению судьи — сеньориальные судьи.

Деревенское третье сословие плохо защищается от этих попользований к присвоениям и конфискациям. Во-первых, его недостаточно поддерживает городская буржуазия, которая так же, как и сеньоры, видит в разделе общинных земель средство расширить свои собственные владения путем выгодной покупки земель. Но главное — между самими крестьянами не было согласия, и резкое столкновение их противоречивых эгоистических интересов выдает их с головой врагу. Обычно беднейшие крестьяне, не имеющие земли, но имеющие немного скотины, горячо настаивают на нераздельности общинных земель, без которых они не смогут прокормить своих коров и овец. Крестьяне-собственники, особенно наиболее зажиточные, те, что имеют больше всего земли, напротив, часто желают раздела и требуют выделения доли, пропорциональной количеству скота, которое каждый житель выгонял пастись на общинные земли. Если решали произвести раздел, то начинались споры между теми, кто хотел раздела по числу душ, и теми, кто требовал раздела по числу дворов. Эти споры иногда выливались в ожесточенные драки или приводили к нескончаемым судебным тяжбам.

Пока крестьяне препирались, сеньориальный суд действовал без стыда и совести. Если бы между крестьянами было согласие, то они могли бы прежде всего сообща применять на общинной земле усовершенствованные научные методы обработки и примирить этот род традиционного коммунизма с требованиями прогресса земледелия. Таким образом, они создали бы некий тип крупной собственности, одновременно крестьянский и применяющий научные методы, что вскоре позволило бы им оспаривать землю Франции не только у городов, но и у буржуазии. Во всяком случае, если бы они решили провести раздел на разумных и справедливых основаниях, то могли бы вместо того, чтобы враждовать друг с другом, не упустить из виду пагубных для них

действий сеньоров и бороться против них. Это — большой и суровый урок для тружеников земли, еще и в наше время далеких от единодушия, которое спасло бы их.

Сеньоры старались пробудить в крестьянах корыстолюбие. Они предлагали раздел общинных земель, оставляя за собой на основе в высшей степени искаженного права триажа третью часть. Когда же им не удавалось добиться согласия части крестьян, они обходились и без этого и открыто нарушали закон. Ожесточенная борьба между общинами и сеньорами велась уже при Людовике XIII и Людовике XIV. В своем докладе Учредительному собранию о ней напоминает крупнейший законовед Мерлен: «О том, что общины плохо защищались от любителей нововведений, которые стремились отнять у них посредством триажа часть их владений, свидетельствует тот факт, что в августе 1667 г. Людовик XIV счел себя вынужденным аннулировать все триажи, совершенные после 1620 г., и подвергнуть их пересмотру, при котором все права могли бы быть внимательно проверены и беспристрастно взвешены. Все сеньоры, как говорится в эдикте, изданном в то время в пользу общин, претендующие на право получения третьей части общинных угодий или общинных земель или добившиеся после 1620 г. триажа в свою пользу, обязаны отказаться от этих земель и предоставить их в полное и свободное владение указанным общинам, несмотря на все контракты, сделки, постановления, судебные решения и все прочее, противоречащее сему».

Но дворянство очень быстро преодолело сопротивление короля, и эдикт 1669 г. подтвердил право сеньоров на триаж, правда, выдвинув два условия: чтобы остающиеся за общиной две трети земель «были достаточны для удовлетворения ее потребностей» и, кроме того, чтобы общинные земли передавались сеньором общине безвозмездно.

При Людовике XVI сеньоры не соблюдают даже этих двух условий: они прибегают к хитроумным толкованиям знатоков феодального права, к грубым уловкам комиссаров по составлению кадастров, и, даже когда общинные земли были ими уступлены общине *на условиях денежного возмещения* и жители уже даже его выплатили, сеньоры пытались присвоить себе третью часть земель на основании права триажа. Очень часто это им удавалось путем запугивания крестьян или, по выражению Мерлена, «под личиной ложного рвения и заботы о прогрессе земледелия».

Так, в Лилле балыи четырех главных сеньоров пытались разделить в их пользу общинное владение, когда-то давно купленное жителями, и Мерлен отмечает как проявление необычайной смелости сопротивление, оказанное несколькими общинами, которые апеллировали к парламенту. В общем, в последнюю треть XVIII в. широко применялась целая система грабежа, конфискаций и воровства в пользу сеньоров и в ущерб крестьянам. Наказы содержат

многочисленные следы этой борьбы, в которой так часто оказывался побежденным крестьянин.

Третье сословие Грэ в главе III своего наказа заявляло, что его депутаты «будут настаивать на том, чтобы коммунальные владения в городах и деревнях были объявлены неотчуждаемыми в соответствии с декларацией 1667 г., и, следовательно, на том, чтобы общинам было разрешено, на основании имеющихся у них документов, требовать возвращения им всех общинных владений и других прав, узурпированных у них, отчужденных или отнятых после завоевания провинции, несмотря на все противоположные права собственности»¹.

Дворянство Бюже, набоorst, заявляло в статье 54 своего наказа²: «Принимая во внимание состояние общинных владений Франции и управление ими, особенно в данной провинции... надо признать, что для достижения этой столь желанной цели [уплаты государственных налогов] одним из лучших средств был бы раздел общинных земель, которые в данной провинции значительны и почти везде находятся в полном запустении, причем привести их в порядок представляется невозможным, пока эта собственность будет общинной; следовательно, надо распорядиться, чтобы общинные леса были разделены и распределены соответственно порядку, который будет признан наиболее справедливым и приемлемым без ущерба для прав сеньора». Какие пустые отговорки! Наоборот, опыт показал, что леса прекрасно могли оставаться общинной собственностью без всякого ущерба для общественного богатства.

Но третье сословие городов часто высказывалось в том же духе, что и сеньоры. В Кане третье сословие города требует, «чтобы общинные земли были распаханы и разделены; чтобы из тех земель, которые надо осушить, часть была выделена для лиц, которые возьмут на себя расходы по осушению, в тех случаях, когда община сама не произведет его в установленные сроки»³. Правда, третье сословие Кана хочет принять кое-какие меры предосторожности в интересах бедняков: оно требует, «чтобы в каждой общине всегда была выделена часть общинных земель для сдачи в аренду в пользу бедных, дабы удовлетворять их нужды в случае бедствий, покупать для них скотину, обеспечивать их бельем и одеждой и снабжать их в натуре тем, что им понадобится, но никогда не давать им денег».

Это немного смягченная экспроприация, но все же экспроприация. В статье 27 третье сословие говорит, что «при разделе, который предстоит произвести, надо уделять бедным семьям больше внимания, чем крупным собственникам, и что если этот раздел не будет производиться подворно, то по меньшей мере нужно заранее выделить какую-то часть на каждый двор, прежде чем приступить к разделу земельной собственности навечно». Таким образом, сначала жителям будут выделены равные пар-

целлы, но после этого равного изъятия каждый получит участок пропорционально той собственности, которой он уже владеет. Следовательно, по существу, выгоду из этого извлекут крупные собственники, дворяне или буржуа.

Дворянство Кутанса высказывается весьма категорически⁴: «Депутаты потребуют издания закона, разрешающего и регулирующего раздел общинных земель, с некоторого времени ставших предметом безграничных алчных домогательств и причиной волнений и беспокойства для жителей приходов, где они расположены». Третье сословие этого города высказывается уклончиво. Статья его наказа кажется направленной одновременно и против бедняков, которые будут лишены общинных владений, и против сеньоров, которые их частично уже захватили: «Ради блага земледелия общинные земли, ланды, поросшие вереском пустоши, болота и песчаники, на которые приходы имеют права и которыми они владеют, должны быть разделены, и незаконные раздачи их, которые могли быть совершены в ущерб общинам, должны быть признаны недействительными».

Разумеется, эта статья представляет собой сделку между городской буржуазией, желающей раздела, и жителями приходов, желающими хотя бы отобрать у сеньора ту часть земель, которую он незаконно захватил. Этот наказ стремится к установлению индивидуальной собственности — буржуазной или крестьянской.

Напротив, в бальяже Сен-Совёр-ле-Виконт, приданном бальяжу Кутанс, третье сословие горячо протестует против захвата или раздела общинных земель; здесь высказываются крестьяне, которых поддерживает буржуазия: «Многие города, приходы и общины владеют с незапамятных времен болотами и ландами; эти земли — единственный источник существования для бедных семей и единственное облегчение для богатых, обремененных налогами, — во все времена возбуждали алчность власть имущих; последние всеми средствами старались присвоить их; нет таких ухищрений, к каким бы они ни прибегли для достижения своей цели; число судебных постановлений, которых они добились, устрашает: они добивались пожалований, инфеодаций; затем они захотели заставить жителей приходов представить документы на право владения общинными землями, словно документы,

1. Наказ третьего сословия второго степенного бальяжа Грэ (главный бальяж Амон) был опубликован в «Archives parlementaires», t. I, p. 177.

2. Наказ дворянства главного бальяжа Белле (Бюже) был опубликован в «Archives parlementaires», t. II, p. 479.

3. Наказ собрания третьего сословия города Кана был опубликован в «Archives parlementaires», t. II, p. 498.

4. Наказ дворянства главного бальяжа Кутанс был опубликован в «Archives parlementaires», t. III, p. 51.

удостоверяющие более чем тысячелетнее владение, могли сохраниться после войн и волнений, время от времени потрясавших Францию; они передавали дела в суд, и *многим из них удавалось отбирать у приходов их земли*; хотя в Нормандии, согласно своду законов, касающихся частной собственности, владение в течение 40 лет равносильно наличию документов, в судах еще ведутся бесконечные тяжбы, которые приводят в уныние и разоряют многие города и приходы. Третье сословие требует, чтобы жители городов и приходов, где имеются общинные имущества, были ограждены, чтобы их право на владение и пользование указанными общинными имуществами было подтверждено и навсегда защищено от каких бы то ни было нарушений. Вследствие этого все уступки, инфеодации и другие акты о передаче права собственности на эти земли иным лицам, кроме указанных жителей, должны быть объявлены недействительными и как бы вообще никогда не существовавшими».

В данном случае богатая буржуазия, платящая налоги, явно заинтересована в том, чтобы часть налогового бремени погашалась доходами от общинных имуществ, и выступает заодно с крестьянами против привилегированных, против дворян, которые не платят никаких налогов и захватывают земли.

Третье сословие Доля тоже ясно заявляет в статье 23 своего наказа¹: «Предоставляемое сеньорам право триажа в лесах и на общинных землях будет отменено как в отношении прошлых разделов, так и на будущие времена». Третье сословие Орнана провозглашает своего рода общинную аренду, «сдачу в аренду в пользу общин плодов и листвы фруктовых деревьев, находящихся на общинных землях».

Третье сословие бальяжа Дуэ требует восстановления общинных владений²: «Чтобы по примеру того, как был решен вопрос для провинции Артуа постановлением совета от 8 сентября 1787 г., общинные земли, раздел которых по числу дворов и их распахка предписывались жалованными грамотами на основании постановления от 27 марта 1777 г., были возвращены в их первоначальное состояние, если того потребуют общины».

Новые права, предоставленные сеньорам теми же жалованными грамотами и статьей XXV ордонанса о водах и лесах от 1669 г., должны быть отменены; эдикт от апреля 1667 г. должен выполняться по форме и содержанию, дабы, в соответствии с его положениями, ни один сеньор не мог претендовать ни на какое право триажа в отношении общинных земель и дабы жителям общин были возвращены их прежние владения, несмотря ни на какие контракты, сделки, решения, судебные постановления, подтвержденные жалованные грамоты и другие документы противоположного характера».

Это сказано весьма энергично и ясно. Но здесь есть одно слабое место, так как третье сословие совершенно не указывает,

каким образом и посредством какой организации можно будет извлекать пользу из этих общинных владений. Индивидуалистская буржуазная и крестьянская концепция собственности вполне позволяла третьему сословию сохранять и даже восстанавливать, борясь против захватов дворянства, прежний традиционный и примитивный коммунизм; но она не позволяла ему должным образом изучить и правильно организовать научную и интенсивную эксплуатацию обширных общинных земель. Впрочем, третье сословие города Дуэ, буржуазное третье сословие, идет не так далеко, как деревенское третье сословие того же бальяжа. Оно требует восстановления для сеньоров положений ордонанса 1669 г., а деревенское третье сословие требует даже отмены этого ордонанса и возврата к эдикту 1667 г., предписывавшего сеньорам вернуть то, что они захватили.

Третье сословие города Орши требует, чтобы доход от общинных болот не был более, если можно так выразиться, коммунализован и, вместо того чтобы поступать в городскую кассу, распределялся непосредственно между жителями. Третье сословие Маршиенна хочет лишить сеньоральных судей права разбирать тяжбы, касающиеся общинных земель, и требует, чтобы сеньоры обязали представлять в присутственные места документы, подтверждающие их право на собственность, на которые они ссылаются в споре со своими вассалами. Жители общины Варлен говорят в своем наказе: «8. Заметим еще, что община оказалась настолько обремененной налогами, что у нее 13 лет назад были отчуждены из общинных земель сроком на 84 года 30 полей, засеянных репой, что вызывает вполне обоснованное резкое недовольство всех жителей, поскольку они одни несут бремя налогов, тогда как сеньор стремится еще отобрать из их огородов 8 земельных участков, засеянных репой, на которые он не имеет ни малейшего права, так как он не живет в Варлене и не является сеньором указанных земель»³.

Жители деревни Дюри (об их требованиях, касающихся права выпаса скота после первого укоса, мы уже знаем) требуют, «чтобы общинные земли и болота, которыми указанная община пользовалась с 1242 г. для сбора топлива и выпаса скота, дававшего ей жеребят и телят, были возвращены ей сеньором маркизом де ла Родери, который их полностью захватил без всякого основания и права и теперь в упомянутых болотах заставляет добывать для него торф; он также приказал засеять другие общинные

1. Наказ третьего сословия главного бальяжа Доля был опубликован в «Archives parlementaires», t. III, p. 160.

2. Наказ третьего сословия бальяжа Дуэ был опубликован в «Ar-

chives parlementaires», t. III, p. 179.

3. Наказы приходов Маршиенна, Орши и Варлен были опубликованы в «Archives parlementaires». t. III.

земли, так что упомянутые жители полностью лишены доходов, какие они привыкли извлекать из этих земель...» Это была бесовская экспроприация крестьян. И неслыханная вещь! Даже когда жители какого-нибудь прихода, становясь на путь прогрессивного земледелия, несли расходы, чтобы улучшить общинные земли, сеньор отнимал у них эти земли.

Так в общине Этерпиньи бальяжа Дуэ жители требуют ¹ «возврата и сохранения в общем владении общинных земель, ланд и пастбищ, чтобы пользоваться ими сообща; кроме той трети, которую сеньор получил на болотах общины, он захватил большую часть оставшейся земли, так что жители как этой общины, так и соседних общин, израсходовав около 20 тыс. флоринов на осуществление своих двух третей, увидели, как рухнули их надежды; эти две трети почти полностью вошли в состав владений сеньора, поэтому общины, которым принадлежали эти две трети, теперь впали в ужасающую нищету: у них почти не осталось скота, нет топлива, которых община лишена и которые составляют основу благополучия деревенских жителей».

Третье сословие бальяжа Эврэ, по-видимому, колебалось между теориями агрономов или интересами буржуазной собственности и желаниями деревни ²: «Пусть Генеральные штаты решат, что выгоднее — оставить ли общинные земли в общем владении или произвести их раздел». Третье сословие Фореза требует, чтобы раздел общинных земель был разрешен общим законом ³.

В Жекс требования дворянства и третьего сословия в одних случаях совпадают, в других противоречат друг другу ⁴. Дворянство «требует, чтобы к наибольшей выгоде земледелия и общественного блага раздел общинных земель везде производился в равных долях между различными собственниками, платящими королевские и местные налоги, без всяких иных преимуществ для сеньоров и других лиц, кроме того, что в их владении останутся участки, на которые они докажут свое право в силу инфеодации. пожалований или законных грамот, согласно Савойскому эдикту от 21 августа 1509 г.». По этому вопросу третье сословие хранит молчание: по-видимому, оно выступает за *статус-кво*. Но дворянство и третье сословие вполне согласны в одном: в требовании, чтобы каменоломни, которыми завладел арендатор королевских владений, были возвращены общинам. Это довольно любопытный пример общинной собственности, как и опасностей, грозивших ей со всех сторон. Итак, дворянство требует, «чтобы каменоломни, входящие в состав общинных и родовых владений жителей этой местности, захваченные арендатором владений Его величества, были возвращены упомянутым общинам, являющимся их владельцами, и чтобы жители этих мест, расположенных среди скал Юры и Альп, не были вынуждены покупать для постройки жилищ камень, которым их в изобилии снабдила природа». Третье сословие, по существу, высказалось точно в таком же духе.

Разногласия по вопросу об общинных имуществах существовали между дворянством и третьим сословием Лиона ⁵. Дворянство требует, «чтобы раздел общинных земель поощрялся, дабы привязать к отечеству посредством собственности большее число подданных и способствовать расцвету земледелия». Напротив, третье сословие говорит: «Мы, наконец, требуем, чтобы общинные имущества оставались фактически во владении общин, которым будет разрешено добиваться возвращения им отчужденных или захваченных у них земель, какова бы ни была продолжительность времени, в течение которого упомянутым имуществом владели другие лица».

Третье сословие Макона высказывается весьма решительно ⁶: «Комиссары расследуют, какие общинные земли были узурпированы у общин; их возвращение совершенно необходимо для земледелия».

Напротив, третье сословие бальяжей Мант и Мёлан ⁷ «просит издать закон, который внес бы порядок в управление общинными имуществами», и в числе прочих требований настаивает «на разделе этих земель повсюду, где они находятся в нераздельном владении нескольких приходов». Выступить с таким предложением нас заставляют мир и единство граждан, кои принесет эта мера, так же, как принципиальные соображения побуждают нас требовать выкупа тех земель, которые находятся в нераздельном пользовании у нескольких владельцев». Третье сословие Гере в От-Марш тоже выступает за раздел ⁸: «Вопрос о разделе общинных имуществ заслуживает рассмотрения. В них входят обширные земли, которые служат только для общинного выпаса. Для общего блага следовало бы одну часть их распахать для земледелия, а на другой посадить лес». Судя по подписям, этот наказ Гере составляли городские буржуа, негоцианты или даже буржуа, возведенные в дворянское звание, и я сомневаюсь, чтобы они верно передавали пожелания крестьян.

Но вот кажущееся исключение: дворянство Миркура вопреки почти всеобщей тактике дворянства требует сохранения общинных

1. Наказ общины Этерпиньи бальяжа Дуэ был опубликован в «Archives parlementaires», t. III.

2. Наказ третьего сословия бальяжа Эврэ был опубликован в «Archives parlementaires», t. III, p. 300.

3. Наказ третьего сословия бальяжа Форез (в Монбризоне) был опубликован в «Archives parlementaires», t. III, p. 385.

4. Наказ дворянства главного бальяжа Жекс был опубликован в «Archives parlementaires», t. III, p. 392.

5. Наказ дворянства и наказ третье-

го сословия Лионского главного сенешальства были опубликованы в «Archives parlementaires», t. III, p. 602, 608.

6. Наказ третьего сословия главного бальяжа Макон был опубликован в «Archives parlementaires», t. III, p. 628.

7. Наказ главного бальяжа Мант был опубликован в «Archives parlementaires», t. III, p. 566.

8. Наказ третьего сословия сенешальства От-Марш, принятый в Гере, был опубликован в «Archives parlementaires», t. III, p. 685.

владений¹. В своем наказе оно говорит, что «если будет предложен раздел общинных земель, то надо будет требовать, чтобы этот вопрос передали на рассмотрение Провинциальных штатов, причем следует отметить, что многие кантоны провинции полагают раздел пагубным для земледелия, единственного богатства Лотарингии; что недостаток лугов может быть восполнен только правом выпаса скота на общинных землях; что раздел, если бы он состоялся, увеличил бы существующее несоответствие между площадью лугов и площадью пахотных земель, лишил бы жителей важного средства, помогающего им содержать скот, привел бы к разорению собственности и пахарей, число которых уменьшается так сильно, что в настоящее время их можно найти только с величайшим трудом».

Приведены веские доводы; но этому отклонению от общих высказываний дворянства перестает удивляться, когда в одной из статей наказа третьего сословия Миркур читаешь²: «В провинции Лотарингия общины расплачиваются деньгами от продажи того, что они собирают с общинных земель, которые предназначены для оплаты возложенных на них общественных расходов. *Прежде всего треть этих денег получают сеньоры, и это право известно под названием третьего денье*. То же самое происходит в приходе Номени: треть общинных доходов отчислялась в пользу сеньоров, обладавших высшей судебной властью. Разумеется, в тех общинах, где сеньоры завладели доходами от общинных владений, они меньше настаивали на разделе, и это кажущееся исключение только подтверждает правило.

Дворянство Домба, Нижнего Бивара, Верхней Оверни, ссылаясь на интересы земледелия или на постоянные волнения и распри из-за общинных владений, требовало их раздела³.

В рядах третьего сословия я констатирую колебания: в Оверни, Керси, Родезе, Сен-Бриё третье сословие требовало раздела⁴. В Ренне оно просило изучить вопрос о том, принесет ли раздел пользу или вред. По-видимому, третье сословие колебалось между желанием вырвать у сеньоров захваченные ими общинные земли и желанием укрепить путем раздела преобладающий тип индивидуальной собственности⁵. Но ясно, что раздела настоятельно требовали, главным образом, те наказания, в которых преобладало влияние городской буржуазии. Отметим, например, что под наказом Керси, почти в грубой форме требовавшим раздела, стоят исключительно подписи буржуа: должностных лиц или юристов. Если бы в нашем распоряжении были повсюду наказания приходов, то все это, несомненно, звучало бы иначе. Доказательством служит то, что приходские наказания Парижа вне городских стен, дошедшие до нас в довольно большом числе, все содержат требование сохранить или возвратить общинные владения. Но даже в общинах, где крестьянин заставляет прислушаться к его голосу, возникают осложнения и трудности. Крестьяне тоже

иногда соблазнялись возможностью присвоить себе клочок общинных владений, и часто они следовали примеру сеньоров; последние возводили для себя на общинной земле роскошные дома, а крестьяне строили жалкие лачуги. И когда случалось требовать возвращения общинных владений всем жителям в целом, то приходилось отбирать собственность не только у сеньора, надо было отбирать собственность и у нищего крестьянина. Это — серьезное затруднение, и сеньор использует его, чтобы увековечить свою узурпацию. Вот, например, весьма любопытная и хватающая за душу статья наказа Сен-Пьер-ле-Мутье, бальяжа Ниверне⁶. В статье 76 третье сословие говорит: «Пусть жители городов и деревень сохраняют в тридцатилетнем владении в тех местах, где этого достаточно, и в вечном владении в тех местах, где этого требует местное обычное право, все их общинные земли — луга, леса, пустоши, не возделанные земли вместе с дорогами, служащие для выпаса их скота; пусть все захваты этих земель, совершенные в этих приходах со времени королевской декларации 1766 г. [эдикт об огораживании], будут объявлены отмененными и недействительными; пусть вследствие этого всех владельцев упомянутых земель, без всякого различия, обяжут возвратить их общинам в шестимесячный срок со дня обнародования закона, который будет издан на этот счет; пусть все жилища, построенные после указанного времени в лесах, на которые распространяются права пользования жителей, или в лесах сеньоров или частных лиц, будут снесены в этот же срок; а ввиду того что общественные бедствия ввергли многих людей в нищету и вынудили их строить себе хижины и поднимать целину, то пусть этих несчастных объявят владельцами упомянутых хижин независимо от того, завладели ли они землей, на которой они их построили, или же она была предоставлена им, причем ни сеньоры, ни общины не смогут взимать с них какую бы то ни было арендную плату или поборы; пусть каждому из них будет оставлен один арпан земли».

1. Наказ дворянства бальяжа Миркур был опубликован в «Archives parlementaires», t. IV, p. 1.

2. Наказ третьего сословия бальяжа Миркур был опубликован в «Archives parlementaires», t. IV, p. 6.

3. Наказы дворянства главного бальяжа Треву (Домб), главного бальяжа Сен-Флур (Верхняя Овернь), главного сенешальства Вильев-де-Берг (Нижний Бивар) были опубликованы в «Archives parlementaires», t. VI, p. 65, 177, 690.

4. Наказы третьего сословия глав-

ного сенешальства Клермон-Ферран (Овернь), главного сенешальства Каор (Керси), главного сенешальства Родез, частного собрания Сен-Бриё были опубликованы в «Archives parlementaires», t. II, p. 729; t. V, p. 490, 555, 629.

5. Наказы третьего сословия Реннского сенешальства и города Ренна были опубликованы в «Archives parlementaires», t. V, p. 538.

6. Наказ главного бальяжа Сен-Пьер-ле-Мутье был опубликован в «Archives parlementaires», t. V, p. 635.

примыкающей к упомянутым хижинам, чтобы обеспечить их пропитанием вместе с семьями, — с условием, что те, кто забрал или кому было предоставлено большее количество земли, должны возратить ее общинам без всякого возмещения, причем в дальнейшем никто не должен присваивать себе остальные общинные земли. и пусть сеньоры, которые захватили или которым были уступлены земли такого рода, с которых общины обычно платят им подати, довольствуются владением с 13 августа 1766 г.». В данном случае, как мы видим, налицо вычужденное сочетание общинной собственности и раздела в пользу беднейших крестьян.

НАКАЗ КРЕСТЬЯН-БЕДНЯКОВ ВЭРА

В других местах, в общинах, где бедняки живут в таких тесных лачугах, что не могут держать скот, они нисколько не заинтересованы в сохранении общинных владений, где пасут свой скот только богатые землевладельцы и фермеры. И там возникает очень сильное движение, направленное на то, чтобы прежде всего вырвать из рук сеньоров захваченные ими земли, а затем распределить эти общинные земли между всеми. Пусть меня не упрекают за эти подробности и цитаты: на крестьянскую жизнь **надо** смотреть с довольно близкого расстояния, чтобы уловить, если можно так выразиться, ее беспрестанное движение. Ни в народной, ни в отражающей действительную жизнь литературе я не знаю ни одной страницы, столь яркой и впечатляющей и такой трогательной, как наказ крестьян-бедняков Вэра¹. Как могли бы мы проследить ваши, крестьяне Франции, исторические судьбы, сквозь гром революций и бесконечную суету событий, если бы мы не выслушали вас не спеша, в этот необычный час, когда сама земля, немая и словно изнемогшая в течение веков, как бы вновь обретает душу и издает глубокий стон?

«Мы имеем честь сообщить Вам, господа, что наш приход состоит всего из 16 частных лиц, двух фермеров и господина де Жевра — сеньора, обладающего правом средней и низшей юстиции и владеющего приблизительно 400 арпанами земли. Вот каков состав нашего прихода; из его 18 жителей, как частных лиц, так и фермеров, только один, по имени Потен, депутат от нашего прихода, имеет дом и три арпана земли и платит ренту монсеньору герцогу де Жевру. *Что касается остальных жителей, то они живут в убогих и тесных хижинах, где им негде поместить скотину, ни единой головы, и даже птицу;* достаточно сказать, что нам приходится покупать все необходимое для существования, и Вы поймете, в какой нищете живет такой приход! Вообразите, как человек, зарабатывающий 20, а порой 24 су, может прокормить семью, где имеется шесть или даже восемь человек детей, на свои 24 су в день, когда ему надо покупать хлеб по 44 су за

12 фунтов, соль — по 14 су за фунт и масло — по 24 су; при этом мы вынуждены покупать овощи, так как у нас нет ни пяди земли и мы не можем получить ее; а ведь в нашем приходе имеется 130 арпанов или около того общинной земли, представляющей собой скверное пастбище, *от которого нам нет никакого проку из-за тесноты наших жилищ.* Мы просим, чтобы нам было дано право вступить во владение упомянутыми землями, причем обязуемся платить по 4 ливра ренты за арпан и *внести сумму в 100 ливров, дабы иметь школьного учителя.* Это позволило бы нам воспитывать своих детей в страхе божьем и *дать им знания, приличествующие человеку; оставшаяся часть денег служила бы подспорьем приходу в случае таких бедствий, как пожар, наводнение, для помощи вдовам, сиротам и больным.* Если упомянутые земли будут нам предоставлены, да будет нам разрешено на них строиться; это избавит нас от необходимости платить по 40 ливров в год за наем жилища. Если бы земля была нам предоставлена, то мы распахали бы ее и не пожалели труда, чтобы привести ее в хорошее состояние, после чего она могла бы давать нам хлеб, чтобы прожить часть года; упомянутая земля давала бы нам сено для прокорма двух коров и одной лошади, и мы могли бы завести кур и иметь огороды, на которых выращивали бы овощи; это позволило бы нам иметь часть того, что необходимо для жизни, и мы жили бы гораздо лучше, чем жили до сего времени, и это избавило бы нас от цепей, в которых мы давно пребываем ввиду нашей полной зависимости от этих сеньоров. С тех пор как несколькими приходам было разрешено вступить во владение такими землями, это принесло им много добра; с тех пор, как приходам Нуази-ле-Гран, Кампан, Тье и многим другим были предоставлены эти земли, они смогли обеспечить средствами к существованию многих наемных работников. Жители их одни земли распахали, другие — оставили под ивняком, третьи — превратили в луга, на четвертых — устроили питомники деревьев и всею преуспели. *Фермеры нашего прихода отнюдь не разделяют нашего мнения о том, что упомянутые общинные земли должны быть разделены; они очень заинтересованы в том, чтобы не давать на это согласия, поскольку они одни извлекают выгоду из прав пользования...* На наших глазах эти фермеры захватили как общинные земли, так и общественные дороги, не менее 20 арпанов, и, не платя никаких налогов, получают с этих земель очень хорошие урожаи. Вот как расхищаются общинные земли приходов; через некоторое время оказывается, что пользование этими землями и доходы с них принадлежат сеньорам, а бедный люд всегда страдает, как я вам изложил выше. Фермер извлекает выгоду из урожая, а зем-

1. Наказ прихода Вэр, Парижского округа, был опубликован в «Archives parlementaires», t. V, p. 149.

левладелец — из земли. Было бы справедливее, чтобы этими землями пользовались и за них платили крестьяне, а не эти фермеры, которые за них ничего не платят, и чтобы эти земли не пропали; но никто не поддерживает нашего прихода, и все мы зависим от этих сеньоров и фермеров. Вот почему мы пользуемся созывом Генеральных штатов, чтобы изложить Вам, как бедствует бедный люд во многих приходах. Все же следовало бы обратить внимание на нищету простого народа... Мы заявляем Вам, что многие земли, представляющие собой негодные пастбища, давали бы гораздо больше, будь они распаханы под посевы, чем они дают, пребывая в своем нынешнем состоянии. *Посмотрите на окрестности Парижа: там удаляют даже камни и скалы, чтобы на их месте посеять хлеб или посадить овощи;* вокруг Парижа на расстоянии двух или трех лье не оставляют ни одного клочка земли под пастбищами, хотя там имеется множество коров; в такой местности, как наша, можно искусственно создать луга, посеяв люцерну, клевер, бобы, траву, ранний ячмень, горох, вику, которые обеспечат скоту подножный корм, в нашей местности они дадут урожай трав гораздо больший, чем болота.

В нашем приходе имеются также принадлежащие общине шесть арпанов лугов, дающие очень хорошее сено, но ими завладели сеньоры, которые делят между собой урожай, принадлежащий не им, а жителям прихода.

И крестьяне-бедняки Вэра заканчивают уверением в своей вечной признательности тем, кто *«поможет им вернуть себе то, благодаря чему они смогут дать необходимое воспитание своим детям и что наполовину облегчит им жизнь»*.

Итак, в то время как все дворяне требуют раздела общинных владений, чтобы осуществить свое мнимое право на триаж и все другие права, которые для них раскапывают и измышляют кадастровые комиссары, в то время как городское третье сословие колеблется и склоняется к разделу, протестуя против захватов сеньоров, в то время как в большинстве деревенских общин крестьяне, владеющие небольшим количеством скота, резко противятся разделу общинных земель, существуют также общины, где очень бедные крестьяне, не имеющие никакого скота, требуют раздела, для того чтобы вести на приобретенной в собственность и улучшенной ими общинной земле интенсивное хозяйство.

По существу, в желаниях крестьян нет противоречия. Все они желают получить обратно общинные земли, нагло присвоенные сеньорами. Все они желают пользоваться землей, где в форме коллективного, где в форме индивидуального владения. И даже — именно это наиболее поразительно — крестьяне, требующие раздела общинных земель, по-видимому, испытывают некоторые сомнения. Они не хотели бы, чтобы это индивидуальное присвоение носило грубо эгоистический характер. Они хотят платить

приходу ренту, которая будет тратиться на общественные нужды, на взаимопомощь и на воспитание детей.

Следовательно, уже в те времена среди страшной деревенской нищеты в глубине крестьянского сознания существовали зачатки полукommунистических тенденций и солидарности, которые при систематическом их развитии могли бы преобразовать систему земельной собственности в широко гуманном духе. К несчастью, из различных текстов, которые мы привели или на которые мы ссылались, ясно вытекает, что крестьяне в целом не были подготовлены к научному и интенсивному ведению хозяйства на общинных землях и что городская буржуазия очень мало заботилась о том, чтобы научить этому крестьян-бедняков. Поэтому не было никаких оснований полагать, что Революция совершит истинно коммунистическое перераспределение и обновление этих земель, захваченных сеньорами. Но борьба из-за общинных земель, которая велась в течение 30 лет, главным образом между дворянством и крестьянами, усиливала раздражение крестьян, и бесчисленные тяжбы между крестьянами и сеньорами, бесчисленные захваты, цинично совершавшиеся сеньорами, были в тот момент одним из наиболее активных возбудителей революционных страстей. Сам прогресс земледелия, разжигая аппетиты сеньоров, в некотором смысле усугублял нищету тружеников деревни и их гнев. Но крестьяне, становясь жертвой экспроприации со стороны дворян, пускавших в ход против них как свое феодальное могущество, так и капиталистические доводы, возвысили голос протеста, какого еще не слыхала история, но который будущее одобрит. Они заявляют о своем праве на землю, о своем праве на жизнь; наглости власть имущих они противопоставляют своего рода предшествующее коммунистическое право. «Ложно изображали, — говорится в одном из их обращений, — что право выпаса скота после первого укуса было не чем иным, как сервитутом; это право жителей общины является общественной собственностью, более древней, чем частная собственность... Ее существование предшествовало самому возникновению земледельческих обществ».

ПРОТИВ ОБЪЕДИНЕНИЯ ФЕРМ

Во многих местах крестьяне страдали от практиковавшейся с недавнего времени системы создания крупных ферм¹. Усилия землевладельцев, направленные в течение трети века на то, чтобы

1. В областях крупного земледельческого хозяйства именно объединение ферм, то есть концентрация не земельной собственности, а эксплуатации земли, было важной проблемой. С целью сокращения

своих общих производственных расходов крупные фермеры берут в аренду несколько имений. Это движение капиталистической концентрации резко усилилось после 1760 г., оно охватывало в особен-

получить от своих земель наибольший доход, тяжело отражались на положении земледельца; наказания содержат множество протестов против этого, особенно наказания Иль-де-Франса, Бри, Вермандуа, района Шартра, района Нор, района Отёна и др.

Почти на всем протяжении области фермажа происходило одно и то же. Крестьян лишали земли двумя способами: либо землевладелец (монастырь или дворянин) сносил лачуги и ничего не строил на их месте; он довольствовался тем, что сдавал землю участками в аренду фермерам, которые уже и так собрали в своих руках немало земли и находили выгодным расширить свою деятельность; либо землевладелец сам заменял большой центральной фермой несколько мелких деревенских хозяйств.

Наказания решительно восстают против этих способов сгона крестьян, требуя вмешательства государства. Например, в тетради жалоб, просьб и заявлений «земледельцев округа Шартра, переданном собранию баляжа, состоявшемуся в Шартре 2 марта 1789 г.» (этот наказ был напечатан в 1848 г. в ежегоднике департамента Эр-и-Луар), мы читаем заявление прихода Клевилье-ле-Мутье: *«Пусть сеньоров или других землевладельцев обяжут восстановить фермы, которые они велели снести, причем некоторые из них сохранили только голубятню и домик для своего егеря; на этих фермах раньше жили фермеры, а теперь во многих местах две или три фермы соединены в одну, что разоряет большую часть земледельцев, которые не обладают состоянием, достаточным для ведения столь крупного хозяйства»*. Начиналась капиталистическая концентрация аренды.

Вот что говорит община Морансез: «О сносе ферм: уже несколько лет, как во Франции, и особенно в округе Шартра, совершаются злоупотребления, заслуживающие внимания правительства: это — снос жилых домов. Он наносит одинаковый ущерб и населению, и земледелию. Владельцы неотчуждаемого имущества (духовенство) подали в этом пример, которым соблазнились и которому последовали светские землевладельцы. Вот какие соображения приводят при сносе жилых домов землевладельцы, как духовные, так и светские: 1) дабы избежать расходов по ремонту; 2) дабы сдать в аренду по гораздо более высокой цене земли, образующие единое хозяйство, отдав их (как это называют в районе Шартра) участками, то есть небольшими долями, в аренду разным лицам, пользующимся наемным трудом для их обработки.

Имеются приходы, где вследствие этого треть земельной площади не вверяется заботам и знаниям пахарей. Если с тех пор, как возникла мания разрушения строений, в районе Шартра было снесено 300 домов, то это значит, что осталось без крова не менее 300 семей и более 900 работников, которые в большинстве случаев могли бы вступить в брак, теперь вынуждены, оставаясь одинокими, бежать в города, чтобы найти себе заработок».

Эта капиталистическая концентрация аренды, при которой лучше использовалась рабочая сила, приводила к тому, что некоторое число поденщиков оказывалось излишним. В наказе общины Морансез в заключение говорилось: «Нам представляется необходимым положить конец этой дурной политике, побуждать к восстановлению жилых домов светских землевладельцев и предписывать их восстановление духовенству».

Кареев приводит пожелания такого же рода, высказанные большим числом приходов¹. Приходы требуют, чтобы «собственники, владеющие несколькими фермами, не сдавали их в аренду одному фермеру, но чтобы на каждой ферме, как прежде, был свой фермер. А главное, пусть крупные фермы, имеющие по четыре или пять плугов, будут разделены на две, с тем, чтобы самая крупная не превышала 300 арпанов пахотной земли».

Приход Триель требует, «чтобы ни один фермер не был вправе арендовать больше одной фермы, какова бы она ни была, за исключением случаев, когда для ее обработки необходимо менее трех плугов»².

Один из наиболее интересных наказов — это наказ прихода Оннег, расположенного близ Валансьенна³: в этом обращении крестьян к властям, к государству требование регламентации землепользования выражено наиболее четко. «В деревнях, где имеются крупные фермы, жалуются на то, что там чересчур много людей, которые хотят их получить. Наш депутат докажет противоположное, тем более, что если установить размеры каждой фермы в 150 манкоде вместо 1050, которые они занимают теперь, то эти фермы, разделенные между 7 лицами, дали бы вдвое больше скота, обеспечили бы средствами к жизни вдвое больше работников и в то же время дали бы на одну треть больше хлеба и продуктов питания... Разумеется, в приходах возникнут затруднения, так как найдутся люди, которые захотят иметь 10 манкоде, тогда как им будет полагаться только пять. Иной мелкий фермер захочет увеличить свою ферму и, возможно, так и сделает. Но, во избе-

ности север Франции, Пикардию, нормандский Вексен, сельские районы вокруг Парижа. Согласно наказу третьего сословия Булоннэ, за 25 лет таким образом исчезло более 300 ферм. Отсюда требование раздела крупных ферм, выдвинутое безземельными крестьянами. См.: Georges Lefebvre, Questions agraires au temps de la Terreur. 2e éd., La Roche-sur-Yon, 1954, p. 58, chap. II; «Les grandes fermes et les conditions du fermage».

1. Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. М., 1879.
2. Наказ прихода Триель Парижского округа был опубликован в «Archives parlementaires», t. V, p. 143. См. также: Ch.-L. Chassin. Op. cit. t. IV, p. 40, 95, 97.
3. Мы исправляем Доннен на Оннег, прелатство-графство Валансьенн. Манкоде составляет от 22 до 33 аров.

жание всех этих затруднений, было бы целесообразно иметь инспектора, который бы собирал сведения о приходе и регулировал распределение земли между фермерами и отдельными лицами; в тех случаях, когда у новых фермеров не оказалось бы домов, землевладелец должен разрешить им строиться на арендуемой ими земле, а если фермер покинет ферму, то землевладелец должен будет возместить ему расходы согласно определению суда).

Приход Байе (Париж вне городских стен) в статье 5 своего наказа утверждает¹: «Было бы желательно, чтобы сеньоры ради блага и пользы своих вассалов согласились разделить свои земли на несколько участков и дать каждому вассалу одну часть. Эта мера принесла бы сеньорам утешение, ибо они увидели бы, что и вассалы их могут жить; или по меньшей мере пусть каждый фермер пользуется только одной фермой, тогда как теперь многие имеют две, или три, или четыре фермы, и пусть он занимается только земледелием и не ведет никаких других дел; между тем многие не довольствуются еще этим занятием; они берутся за другие дела и нанимают лишь половину того числа поденщиков, какому могли бы дать работу четыре фермера. *Живет только один фермер. Все поденщики находятся в полной зависимости от него; он платит им столько, сколько хочет, довольно жалкую цену. Лишь бы только накопить, — и они довольны.*

Есть и другие, они пользуются большим расположением, но их мало. Лет 30 или 40 тому назад у них были лошаденки стоимостью в три-четыре луидора, и притом у самых богатых; они жили, и народ тоже. Теперь у них лошади стоимостью в 30—40 луидоров и больше; у некоторых есть и кабриолеты. Если где-нибудь на ферме продается пахотная земля, они стараются приобрести ее по любой цене, так что только большинство из них и живет».

Третье сословие Парижа вне городских стен настоятельно требует (статья 14 раздела о земледелии), «чтобы каждый земледелец мог пользоваться только одной фермой, сколько бы арпанов она ни насчитывала, за исключением тех случаев, когда она имеет меньше 400 арпанов; тогда фермер может прибавить недостающее до этой нормы количество земли»².

Крупные фермеры вызывали жалобы бедных арендаторов не только потому, что они, владея значительными капиталами, брали в аренду многочисленные фермы. Богатые фермеры еще играли прибыльную роль посредников: они арендовали много ферм и даже мыз, а затем сдавали их от себя в аренду менее состоятельным фермерам или издольщикам³. Жалобы на это содержатся почти во всех приходских наказах Отёнуа, собранных г-ном де Шармасс⁴.

«Почти во всем крае Отёнуа, — говорит, например, община Комель-су-Бевре, — землю во всех имениях возделывают земледельцы, которые получают или по меньшей мере должны были бы

получать половину всего урожая и всего дохода от скота; землевладелец должен получать другую половину. Ныне же почти все землевладельцы сдают свои имения в аренду фермерам, которые нанимают земледельцев и договариваются с ними, но не только не отдают им половины дохода, но обременяют их столькими поборами, что те едва получают четверть. Они обязывают этих землепашцев платить им ежегодно более или менее значительную сумму, в зависимости от стоимости владения; они заставляют их платить ренту и двадцатину; они оставляют за собой несколько журналей* земли, которые издольщики должны обрабатывать безвозмездно. Одним словом, их так обижают, что, когда кончается срок аренды, они почти всегда оказываются разоренными.

1. Наказ Байе, Парижского округа, был опубликован в «Archives parlementaires», t. IV, p. 332.
2. Наказ третьего сословия Парижского округа был опубликован в «Archives parlementaires», t. V, p. 237.
3. По-видимому, Жорес здесь смешивает концентрацию аренды в областях крупной аренды и в областях издольщины. В XVIII в. в областях издольщины шире распространяется *генеральная аренда*, занимающая промежуточное место между землевладельцем и обрабатывающим землю издольщиком. Генеральный фермер берет в аренду все фермы; у одного или у нескольких землевладельцев и сдает их от себя издольщикам (половникам). Чаще всего генеральный фермер — это представитель делового мира, нотариус, оптовый торговец хлебом; часто он одновременно арендует сеньориальные права и десятины. Генеральный фермер требует дополнительные платежи, иногда деньгами (например, в центральной части страны — *redevance colonique*), своего рода арендную плату сверх получаемого исполу. В результате этого издольщина очень часто доходила до двух третей или трех четвертей дохода, по свидетельству издольщиков из округа Отёна. В то же время уменьшается срок аренды и усиливается угроза сгона с земли. В Берри аренда на четыре с половиной года заменяет аренду на девять лет. *Гене-*

ральная аренда практиковалась в районах, граничивших с областями фермажа в собственном смысле слова, — в Бретани, Босе, Берри, Лимузене, Бурбонне, Бургундии, Франш-Конте. Таким образом, наряду с «объединением ферм» и концентрацией аренды появляется и другой тип аграрной концентрации: концентрация управления участками, предназначенными для издольной аренды, которая приводит к концентрации товарного урожая.

По этому важному вопросу см.: G. L e f e b v r e. Les métayers et les fermiers généraux. — «Questions agraires au temps de la Terreur. Paris, 1932; 2e éd., 1954, p. 91. Для отдельных местностей см.: H. S o a n e n. Le métayage dans la région thiernoise au XVIIIe siècle, — «Annales historiques de la Révolution française», 1935, p. 289; L. M e r l e. La Métairie et l'évolution agraire de la Gâtine poitevine, de la fin du moyen âge à la Révolution. Paris, 1958.

4. A. d e C h a r m a s s e. Cahiers des paroisses et communautés du bailliage d'Autun pour les États généraux de 1789... Autun, 1895. Приходские наказа главного баляжа Отён были опубликованы также в: «Mémoires de la Société éduenne», t. III—VI (1874—1877).

* Журналь — старинная французская мера площади, равная тому количеству земли, которое один человек может обработать за день. — *Прим. ред.*

Это достойное порицания ростовщичество; ведь аренда исполу есть своего рода сообщество, где каждый из участников должен был бы получать половину. Нижеподписавшиеся требуют, чтобы для предотвращения таких злоупотреблений были приняты решительные меры».

Мы не собираемся обсуждать здесь, насколько были обоснованы эти обвинения по адресу крупных ферм и генеральной аренды. Хочу только отметить, что этот новый, капиталистический метод ведения хозяйства, сочетавшийся в конце XVIII в. с еще ощутимыми пережитками феодальной системы, довершил разорение жителей деревни.

КРИЗИС ВИНОГРАДАРСТВА

Из-за отсутствия достаточного капитала виноградары тоже все более и более попадали в зависимость от крупных торговцев и крупных землевладельцев. В сборнике трудов Королевского общества земледелия мы читаем:

«Чтобы извлечь какую-нибудь выгоду от продажи вин, совершенно необходимо хранить вино до того времени, когда этот продукт будет пригоден для продажи. На деле же виноградарь никогда не обладает достатком, который позволил бы ему выждать благоприятного момента для продажи своего вина. Сокрушаясь о положении виноградаря, мы могли бы добавить, что для его благополучия нужно было бы, чтобы он мог не только продать свое вино, но и сберечь часть своих доходов в годы изобилия, дабы иметь средства к существованию в неурожайные годы.

Поговорка, гласящая, что вино становится лучше, старея в погребах, и что цена на него растет вместе с его возрастом, вообще применима только к зажиточному виноторговцу; владельцы виноградников, сами возделывающие их, а тем более виноградары почти никогда не могут хранить вино долго. У виноградаря есть всего несколько небольших погребов, у него часто нет подвалов, а для хранения большого числа бочек нужны огромные подвалы.

Поэтому при обильном урожае виноградарь бывает вынужден избавляться от своего вина, как только он его изготовил, и отдавать его по столь низкой цене, что даже не окупаются дни, затраченные им на возделывание виноградника».

Артур Юнг тоже указывает на бедственное положение виноградарей и на господство крупных собственников или торговцев.

«Мнение, что бедность — спутница виноградарей, здесь (в Шампани) распространено так же сильно, как и во всех других частях Франции: *мелкие собственники всегда живут в нищете*. Причина этого очевидна. Нелепо, чтобы человек, обладающий лишь небольшим капиталом, занимался столь ненадежной культурой... Здесь обыкновенно говорят, что для того, чтобы сделать виноградники доходными, человеку надо иметь треть своей собственности

в ренте, треть — в фермах и треть — в виноградниках. *Легко понять, что преуспевают в занятии этой культурой всегда те, кто обладает наибольшими капиталами. Поэтому и слышишь рассказы об успехах торговцев, владеющих не только многими арпанами виноградников, но и скупающих вина у всех своих небогатых соседей.* В погребах господина Ланье в Аи всегда хранится от 50 до 60 тыс. бутылок вина, а в погребах господина Дорсе — от 30 до 40 тыс.»

Юнг говорит в примечании к своей книге: «Господин Ролан де ла Платьер, с которым я имел приятную беседу в Лионе, писал в «Журналь де физик» за май 1790 г., что «самые бедные во всей стране — винодельческие районы, а их население — самое нищее». Юнг утверждает, что такая нищета — результат чрезвычайного дробления мелкой земельной собственности. «Этот вид культуры зависит почти полностью от применения ручного труда и не требует иного капитала, кроме земли и пары рук: ни скот, ни повозки, ни плуги не нужны; такое облегчение невольно побуждает бедных людей заняться этой культурой... Так их внимание отелекается от всяких других производств, и они оказываются привязанными к земле, которую они должны были бы покинуть, но их удерживают на ней ложно понимаемые ими интересы... *В результате они изо всех сил работают на своих богатых соседей, их маленькие виноградники приходят в запустение, и эта культура, безусловно выгодная, если ею занимается богатый землевладелец, становится разорительной для тех, у кого нет достаточных средств.*»

Так, виноградары, хотя они и владеют несколькими арпанами земли, в своих наказах причисляют себя по своему общественному положению и нищете к батракам. В наказе прихода Онэ-де-ла-Кот говорится: «У нас 100 жителей, из которых 12 — пахари (это зажиточные собственники хлебных полей), остальные — *виноградары и поденщики*. Тем самым приход хочет подчеркнуть их бедственное положение.

Как мелкие фермеры и поденщики протестуют не только против феодального порядка и фискального произвола, которые их гнетут, но и против роста аграрного капитализма, так и виноградары восстают не только против десятины, против налогов, косвенных налогов или против чрезмерных надбавок к талье, посредством которых они откупаются от этих косвенных налогов; их гнев, несомненно, обращен и против крупных торговцев и землевладельцев, присваивающих себе львиную долю общего дохода. Отметим, что в 1792 г. владельцы больших винных складов обвинялись в спекулятивной скупке вина так же, как богатые пахари и фермеры — в скупке зерна. В деревне начиналась глухая борьба против «богача». И если не отметить этой особенности, если не подчеркнуть в крестьянских наказах всех проявлений гнева и ненависти к скупщикам, к крупным землевладельцам — «сеньорам и другим», к спекулянтам и капиталистам, то был бы непонятен

ход Революции, было бы непонятно, каким образом демократические и народные силы Парижа, подавив умеренную буржуазию, смогли управлять при поддержке крестьян. Уже в 1789 г. разрыв между буржуазией и народом был в деревне намного резче, чем в городе. Вернее, в городах на первых порах существовало единодушие буржуазного и рабочего третьего сословия. Между крестьянами и городской буржуазией уже начиналось недоверие.

Дюпон де Немур констатирует эгоистическое неведение городов о страданиях крестьян: «В городах смутно знают, что третье сословие не было благоприятствуемым сословием; но там знают лишь очень малую долю того, что оно выстрадало в деревне. И надо долго жить среди земледельцев, чтобы составить себе правильное представление об этом. Всю Францию населяет один и тот же народ; но семьи, обосновавшиеся в городах, благодаря более тщательному воспитанию, близости литературы и искусства и возможности наслаждаться прекрасным, привыкнув, подобно духовенству и дворянству, пользоваться плодами чужого труда, не могли не перенять кое-каких предрассудков высших сословий и часто полагают, — и может быть, это действительно так, — что их интересы противоположны интересам деревни».

С другой стороны, в деревенских наказах нередко можно найти проявления некоторой враждебности к городским буржуа. Иногда, но крайне редко, крестьяне доходят до требования рассмотреть и составить отдельный наказ. Чаще всего они указывают на привилегии, которыми пользуется буржуазия, а на ее обширные земельные владения.

Например, в наказе прихода Булонь говорится¹: «Монахи Монмартра и Лоншана и принц де Конти не обязаны платить этих двух налогов (барщины и двадцатины); принадлежащие буржуазии дома и сады тоже не облагаются этими двумя налогами, так как их владельцы, дворяне или финансисты, живут в Париже и как привилегированные или жители столицы освобождаются от них; третьего налога они не платят под предлогом того, что их дома и сады служат только для удовольствия и не приносят им никакого дохода, как будто обширные сады, отнятые у земледельцев для удовольствия одного человека, не подлежат обложению налогом так же, как земля, орошаемая потом земледельца».

Наказы окрестных приходов Шартра содержат множество жалоб по адресу городов. В наказе прихода Андевиль говорится: «Привилегии городов порождают значительное увеличение налогов с деревенских жителей, которые едва в состоянии прокормиться, занимаясь самым разнообразным трудом».

Приход Сен-Дени-де-Сернелль заявляет: «Привилегии, предоставляемые горожанам, приводят к тому, что значительная часть налогов перелagается на жителей деревни, которых едва кормит земледелие».

Жители прихода Морансез говорят: «Пахари возмущены пре-

зрительным отношением к ним. Их раздражает, когда судебный пристав, разбогатевший за счет ста семейств, наглый чиновник податного ведомства, совершенно бесполезный буржуа, разговаривая с честным пахарем, называет его *мушиком* и, сам требуя от него почитательности, говорит ему «ты»».

Наказы не проводят никакого различия между буржуазной и дворянской собственностью. И та, и другая отнята у крестьянина. Приход Барзувиль заявляет: «В нашем приходе 21 арпан лугов, из коих с 12 арпанов сбор идет в пользу собственников-дворян, а с остальных — в пользу владельцев неотчуждаемых имуществ; имеется 9 арпанов виноградника, с коих урожай идет в пользу буржуазных собственников, общины и владельцев неотчуждаемых имуществ; имеется 15 арпанов лесной поросли, которыми пользуются *сеньор, буржуа, община, владельцы неотчуждаемого имущества*; имеется 12 арпанов земли под огородами и фруктовыми садами, доход от которых извлекают собственники, *сеньор, община, буржуа* и владельцы неотчуждаемого имущества».

Если просмотреть еще недостаточно изученные наказания приходов, то заявления подобного рода можно найти в наказах всех районов.

Значит ли это, что крестьяне готовы были вести борьбу того же порядка и, так сказать, одного плана и против буржуазии, и против дворянства? Отнюдь нет. Во-первых, население деревни больше всего страдало от прав и привилегий дворянства и духовенства, от десятины, от шампара, от освобождения привилегированных сословий от налогов, а буржуазия до некоторой степени будет помогать крестьянам освободиться.

Во-вторых, какую бы досаду и зависть ни вызывало у крестьян это буржуазное землевладение, возникавшее рядом с дворянской собственностью и еще более урезывавшее крестьянскую долю земли, оно было обязано своим происхождением сравнительно недавним актам купли и продажи: в конце концов, оно покоилось на тех же юридических основах, что и крестьянская собственность. И крестьяне, «пахари», были бы вынуждены отрицать свою собственность, если бы стали отрицать собственность буржуазную; напротив, они могли освободить свое поле от десятины и шампара, не подрывая основ своего права собственности. Только во имя коммунизма они могли бы повести борьбу против буржуазной собственности так, как они вели ее и против собственности дворянской, а к этому они были совершенно не готовы.

Итак, их главные усилия направлены против старого порядка; но в своем освободительном движении они, разумеется, не посчитаются с удобствами буржуазии: они даже не были бы против того,

1. Наказ прихода Булонь, Парижского округа, был опубликован

в «Archives parlementaires», t. IV, p. 367.

чтобы буржуазию темного потрепала буря, которая сметет дворянство. Кипение всех этих многообразных страстей придает крестьянским наказаниям необычайную силу. Я имею в виду главным образом приходские наказания, крестьянский революционный тон которых ощущается гораздо сильнее, чем в наказаниях бальяжей, смягченных буржуазией.

Они подобны страстной и живой описи земель, окрашенной любовью и ненавистью: «Это обширный лес — он принадлежит сеньору; эта земля плодородна — она принадлежит буржуа; а вот тощая земля — она моя, и я люблю ее; но после того, как я немало потрудился на ней, у меня отбирают в виде налога лучшие снопы».

Кем были составлены и подготовлены эти крестьянские наказания? По-видимому, во многих местах почти все крестьянство действительно принимало участие в выборах. Прежде всего многие из них удовлетворяли требованиям закона: надо было числиться в податных списках; но в них числился хозяин самой бедной хижинки, самого жалкого клочка земли. Кроме того, во многих деревенских общинах существовали традиции созыва народных собраний при всеобщем участии.

Когда дело касалось избрания раскладчиков, дорожных работ, ремонта церкви, дома священника, школы, то созывались все жители; обсуждение происходило на деревенской площади, и нотариус записывал результаты голосования¹.

Созванные в 1787 г. провинциальные собрания² попытались заменить этот род всеобщего голосования крестьян голосованием собственников, голосованием на основе ценза, но крестьяне воспротивились этому; следует отметить, что многие наказания требовали, чтобы собрания деревенских общин, «нересчур многочисленные и шумные», были регламентированы. Следовательно, их продолжали созывать, и эта традиция, несомненно, помогла крестьянам, даже самым бедным, даже самым обездоленным, заставить услышать их голос.

Даже если поденщики, батраки, деревенские пролетарии не всегда принимали прямое участие в составлении наказов и в избрании депутатов, они все же не были забыты в наказаниях. Очевидно, в большинстве случаев наказания писали не сами крестьяне: они прибегали к услугам каких-нибудь знающих людей, которым были известны их нужды. Доказательством этого служит изобилие латинских цитат, которыми пересыпаны наказания, даже наиболее ярко отражающие крестьянскую жизнь. Ибо этим людям — подлекарям, ветеринарам или стряпчим — были одинаково хорошо известны как страдания батраков, так и невзгоды мелких арендаторов и мелких собственников.

Они жили в тесном общении и с теми, и с другими и старались изложить в наказаниях жалобы всех. Таким образом, наказ поистине был, по средневековому выражению, «зеркалом» общины.

Так, некоторые наказания приходов края Отёнуа, приведенные де Шармассом, содержат поразительно точный и тонкий анализ категорий деревенского населения. Эти наказания (особенно наказания прихода Грюри) различают в деревенском третьем сословии четыре группы: скромных собственников-буржуа, живущих довольно скудно на доходы от своих земель; собственников, которые сами возделывают свою землю, издольщиков и, наконец, батраков.

Приведу всего несколько отрывков: «Собственников, которые сами обрабатывают землю, пятеро, вместе с семьями — сорок человек; после уплаты огромной ренты и всякого рода повинностей, какими отягощена их земля, им остается менее трети чистого дохода, из которой приходится платить королевские налоги, так что они находятся в не менее бедственном положении, чем следующая за ними группа».

Чья кисть могла бы правдиво изобразить положение несчастных людей, относящихся к этой третьей группе? Их судьба намного хуже судьбы рабов, которых покупают за деньги. Ибо владельцы последних, боясь, как бы они не погибли, и желая извлечь выгоду из их труда, по меньшей мере дают им пищу, чтобы поддержать их силы, тогда как тем несчастным, о которых мы говорим, ее чаще всего не хватает. Пятнадцать, восемнадцать, до двадцати земледельцев обрабатывают землю и за свой труд должны получать половину урожая. Сгибаясь от зари до зари над этой землей, орошаемой их потом, они снимают обильный урожай, который обеспечивает горожанам благополучие и щедро снабжает средствами к жизни и продуктами сильных мира сего; но сами они, несмотря на свой тяжелый труд, едва могут позволить себе три раза в день поесть хлеб, так как их тощей доли урожая не всегда на это хватает; небольшое количество шерсти, которую они получают от своих овец, и немного конопли, которую они собирают, дополняют их средства к жалкому существованию; выручки от продажи скота едва может хватить на то, что они должны отдать землевладельцу и уплатить как свою долю тальи.

Есть еще один род тальи — злополучная габель; она одна поглотила бы все их доходы, если бы они потребляли нужное им

1. См.: Albert Babeau. Le Village sous l'Ancien Régime. Paris, 1878.

2. Первая попытка созыва провинциальных собраний была предпринята по инициативе Неккера; было создано четыре таких собрания: в Берри в 1778 г., в Верхней Гие-ни и в Дофине в 1779 г. и в Бургундии в 1781 г. Июньским эдиктом 1787 г. этому опыту был при-

дан общий характер. Эти собрания были созваны только один раз, в конце 1787 г. Кратковременность их существования не позволяет судить о том, в какой степени этот институт мог бы оказаться полезным. См.: P. Renouvin. Les Assemblées provinciales de 1787. Origines, développement, résultats. Paris, 1924.

количество соли; но у них нет на это средств, и большинство земледельцев вынуждено отказываться от этого продукта первой необходимости. Это приводит к появлению слабости, вызывающей вырождение и преждевременную старость в возрасте, когда человек должен был бы находиться в расцвете сил; в сорок лет они кажутся дряхлыми стариками».

И наконец, еще ниже, в нищете и неуверенности прозябает батрак. По-видимому, человек, писавший эти строки, кем бы он ни был, говорил от имени всей этой бедноты; кажется, что содрогается вся земля до самых ее недр.

Проблемы, поднимаемые этими крестьянскими наказаниями, столь разнообразны и, если можно так выразиться, многоступенчаты, что их не под силу разрешить одной революции. Несомненно, они направлены прежде всего против грабительского старого порядка, заставляющего крестьян голодать, против тальи, против шампара и ненавистной габели; но в них изобличается также и паразитизм праздных собственников, которые оставляют изнемогающему от труда издолщику только половину плодов его труда.

К какому заключению приходят наказания, изобличающие этот паразитизм? Никаких непосредственных и определенных выводов они не содержат. Но уже в Революции 1789 г. таились в зародыше грядущие революции. В 1789 г. крестьян остановило не суеверное уважение к «индивидуальной собственности» и «индивидуальной инициативе». Мы видели, как для обуздания крупных фермеров они вызывают к вмешательству государства; многие наказания требуют, чтобы частная торговля хлебом с заграницей была запрещена, чтобы только на государство была возложена закупка за границей и продажа за границу хлеба, дабы не допустить голода в стране. Но крестьяне еще не могли представить себе ту общественную систему, которая позволила бы уничтожить буржуазную собственность, обеспечив полную независимость крестьянского труда; и пока это было так, они страдали, жаловались и озлоблялись.

Но они стремились непосредственно нанести удар по тому, до чего они могли добраться и что могли разрушить немедленно: по привилегиям дворянства, по феодальной системе, по королевской налоговой системе. Они не могли бросить все семена, содержащиеся в их наказах, в борозду буржуазной революции, на самом дне мешка сеятеля-крестьянина остались семена для новых борозд.

В присутствии сеньоров или их управляющих крестьяне часто стеснялись высказать все, что они думают. Наказ Андевиля начинается следующими словами: «Андевиль — 36 дворов, 13 выборщиков, поименованных в протоколе от 25 февраля 1789 г., 2 депутата, С. Лево и Ж. Б. Летанг. Жители заявили, что прежде чем заняться составлением их Тетради жалоб, просьб и заявлений, необходимо убедить общее собрание бабльжа Шартр в том, что

объединение трех наказов трех сословий в один может иметь лишь дурные последствия для третьего сословия и стеснит его свободу. Кто из деревенских жителей осмелился бы высказать перед собранием, состоящим из его сеньоров и хозяев, свои справедливые жалобы на их злоупотребление своей властью и своими привилегиями, которое приводит его самого и его земляков к разорению? Кто посмеет упрекнуть их в несправедливостях и притеснениях, полностью поработивших его предков и порабоощающих его потомков?

Всем известно, с каким презрением сеньоры относятся к несчастному жителю деревни. Они смотрят на него как на ничтожество, хотя и имеющее немалую ценность; как на нечто никчемное, хотя и очень полезное и ценное для государства.

Это — мужик, говорят они, он создан, чтобы исполнять наши капризы и повиноваться нам; надо его прижать. Они смотрят на него, как на вьючное животное. Может ли он возопить против этого гнусного злоупотребления, не прогневив, не озлобив и не возмущив против себя своего сеньора? Если бы Тетради жалоб, просьб и заявлений третьего сословия, хотя и вполне справедливые и отражающие царящие злоупотребления, если бы, повторяем, эти наказания стали известны двум высшим сословиям, то они могли бы только причинить вред представившим их приходам, которые стали бы впоследствии жертвой мести сеньоров. Поэтому очень важно, чтобы наказания эти оставались неизвестны двум другим сословиям и составлялись отдельно». В некоторых приходах этот страх перед дворянином, председательствовавшим лично или через своего балли на собрании, парализовал крестьян и помешал им высказать свои пожелания.

Но почти везде порыв был так силен, страдания столь велики, что крестьяне смогли высказаться ясно и громко. И если их крик возмущения и боли был тотчас же смягчен и заглушен, то это было сделано из предосторожности городской буржуазией, которая была готова использовать против старого порядка и абсолютизма движение в деревне, хотя и опасалась насилий со стороны крестьян.

ЖАЛОБЫ КРЕСТЬЯН ПРИХОДА ФОСС

Но в приходах и общинах, где общие взгляды и смелые конституционные устремления буржуазии сочетались с резкими требованиями крестьянства, революционный дух проявляется во всей своей полноте и силе; так, например, было в приходе Фосс¹, чей

1. Наказ прихода Фосс, Парижского округа, был опубликован в:

«Archives parlementaires», t. IV, p. 561.

замечательный наказ следовало бы привести полностью, но из-за недостатка места я процитирую лишь несколько статей, ни с чем не сравнимых по их бунтарскому тону. Если сопоставить этот крестьянский наказ, в котором земля вопиет о своих страданиях и изливает свой гнев, с ярким и всеобъемлющим наказом Парижа, то весь процесс революционной мысли в сжатом виде предстанет перед нами.

Выслушаем же, прежде чем окупиться в водоворот событий, некоторые требования и жалобы крестьян прихода Фосс: «Мы горячо желаем, чтобы из множества подлежащих отмене налогов были прежде всего отменены налоги на те предметы, потребление коих необходимо как для бедных, так и для богатых, например на соль. Нет налога, раскладка которого производилась бы столь дурно, несправедливо и нелепо. По-видимому, те, кто придумал его, решили: надо найти средство заставить бедных участвовать в расходах государства наравне с богатыми; но так как мы не можем обложить их тальей и надбавками к ней, промысловым сбором, барщиной, подушной податью, двадцатиной, потому что они не стали бы их платить и мы не нашли бы у них ничего для их покрытия, то установим высокую пошлину на соль: ведь они, как и богатые, обойтись без соли не могут; поэтому их расходы на соль отчасти возместят налоги, которыми мы не можем их обложить; таковы безжалостные умозаключения, к которым, вероятно, пришли клеветы фиска, придумавшие этот гнусный налог.

И действительно, мы на себе испытываем верность того, что мы только что сказали о потреблении этого продукта.

В нашем приходе есть очень бедная семья, состоящая из мужа, жены, восемнадцатилетней дочери и десяти- или двенадцатилетнего сына; она потребляет одну четверть фунта соли за другой, каждый раз расходуя на нее по три с половиной су; в год ее потребление соли составляет 78 фунтов.

Другая такая же бедная семья, состоящая из трех человек, в том числе двух молотильщиков, потребляет не менее 60 фунтов соли в год, тогда как нам известно, что буржуазная семья такой же численности потребляет не более 25 фунтов соли в год. Следовательно, мы с полным основанием жалуемся на этот налог, как на несправедливо распределяемый.

Мы требуем уничтожения охотничьих королевских округов (королевских охотничьих заповедников)... так как они приносят большой вред государству вследствие огромного ущерба, какой они причиняют земледелию... Нам неизвестно, что нынешний роскошный образ жизни богачей и множество мануфактур, основанных в окрестностях Парижа, требуют большого расхода дров, что приводит к значительному уничтожению лесов; но дичь в королевских охотничьих округах уничтожает гораздо больше, так как она ничему не дает расти; едва из земли появляется росток, как она его пожирает...

И сколько есть семей в деревне, доведенных до крайней нищеты штрафами, взыскиваемыми без разбора с несчастных жертв этого недуга (браконьерства), часто даже с невиновных, иногда платящихся жизнью за незначительное правонарушение, совершенное по неосторожности или по незнанию законов о королевских охотничьих округах!

В Санлисе никогда не забудут убийства бедной женщины, собиравшей землянику, которую застрелил подлец-лесник Делион, и убийства несчастного юноши Куа, собиравшего хворост в лесу Шантильи, тоже застреленного два года назад лесником Они. Можно было бы привести еще много таких же трагических случаев. Но кто поверит, что эти отвратительные преступления карались только переводом людей, их совершивших, на другие, лучшие места?

Мы требуем, чтобы каждому разрешалось пользоваться столь естественным правом истреблять на своих полях опустошающую посевы дичь, не посягая на принадлежащее сеньорам, как они утверждают, право охотиться на всем протяжении их фьефов, лишь бы они никому не причинили вреда, хотя мы хорошо знаем, что право это представляет собой не что иное, как захват, *совершенный после того, как двести лет назад крестьян обезоружили* (см. введение к своду законов об охоте)¹.

Но почему мы, крестьяне, у которых не хватает средств, чтобы иметь свои голубятни, должны снабжать кормом голубей сеньоров и крупных землевладельцев? Неужели при том, что мы так бедствуем, что порывом ветра прибивает к земле то малое количество хлебов, что растет на наших полях, нам, в довершение своих бед, придется либо тратиться на охрану полей от голубей, либо дать этим птицам нас окончательно разорить, ведь они тучей налетают на хлеба, чтобы их пожирать?²

Так же обстоит дело и с гречихой и с другими зерновыми, которые нам приходится охранять три недели подряд, чтобы не допустить их опустошения голубями; получается, что мы обязаны кормить не только кроликов сеньора, его зайцев, фазанов, куропаток, ланей, серн, оленей и кабанов, но еще и его голубей, а вскоре и всех его домашних животных, которых ему вздумается завести.

И не приходится ли нам при всем том платить землевладельцам и вносить множество душащих нас налогов, которые падают на его земли?

1. Ординанс 1669 г. давал право охоты исключительно сеньорам, обладавшим правом высшей юстиции, и дворянам.
2. Право голубятни признает только за сеньорами право владения особым строением в форме башни для

голубей. Недворяне (ротюреры) не обладали правом иметь голубятню; им разрешалось, при определенных условиях, устраивать для голубей простые птичники (клетки или домики).

Если кто-нибудь жалуется на это, то — как это ни невероятно — находятся сеньоры, которые не краснея говорят: когда ты разоришься, я буду давать тебе хлеб. Боже праведный! Неужели французы созданы для того, чтобы стать нацией нищих, живущих подаянием нескольких богачей?

Мы полагаем, что было бы весьма своевременно обуздать посягательства богатых землевладельцев, большинство которых только и стремится увеличивать свои владения за счет собственности бедняков. И так же, как в 1749 г. был наложен справедливый запрет на увеличение земель владельцами неотчуждаемого имущества¹, ничто, кажется, не помешало бы и теперь установить определенные пределы частных владений для каждой территории, ограничив их какой-то частью — одной четвертой или одной пятой земель прихода для сеньоров и одной шестой или одной седьмой для всех других лиц.

Пусть прочтут документы на владение крупными имениями; увидят, что большинство из них состоит из одних только мелких земельных участков, захваченных разными способами.

Терпящего нужду крестьянина соблазняют наличными деньгами; потребность в деньгах у него вызывают той легкостью, с какой их ему ссужают, с жестоким расчетом, пока не окажется, что он уже не в состоянии вернуть долг; тогда на его имущество налагают арест и продают его за бесценок в пользу займодавца; он подвергается тысяче мелких придилок, его запугивают разорительным процессом, что заставляет его пожертвовать жалким имуществом, которое давало его семье средства к существованию.

Алчность подсказывает богатым тысячу средств увеличить свои владения, что и является главным источником нищеты населения деревни...

Мы полагаем, что — вопреки мнению современных агрономов — было бы чрезвычайно полезно устроить, по мере возможности, во всех деревнях общинные пастбища; пусть тех, кто захватил их много лет назад, заставят их возвратить, так же как и пустоши, и пусть они восстановят в прежнем виде проселочные дороги.

Эти земли и эти дороги, которые многие сеньоры и другие лица распахали для себя, служили пастбищами для коров, и то, что бедных жителей деревни их лишили, и есть еще одна из причин их нищеты, *но для богатых делалось все, а для бедных — ничего*.

Итак, на первые акты Революции деревня откликнулась со всех концов Франции с горячим сочувствием. И многочисленное деревенское население не только полностью поддержало революционную буржуазию, столь могущественную благодаря своей экономической силе и силе идей, но и было готово излить избыток своего гнева за пределы, намеченные третьим сословием городов. Когда из глубин океана возникает большой остров, огромные волны вздымаются далеко вокруг, но непреодолимое обратное

движение откатывает волны назад, и они бьются о внезапно восставшие из вод берега.

Так и внезапно вспыхнувшая Революция всколыхнула все страсти, весь гнев, все надежды огромного крестьянского моря, дремавшего в течение многих веков, и огромная волна крестьянского движения обрушится на берега буржуазной Революции и выбросит на них обломки старой феодальной системы.

1. Выражение «*владельцы неотчуждаемого имущества*» («gens de main-morte») относилось к таким институтам, как религиозные конгрегации, ремесленные цехи, коллежи, госпитали, пользовавшимся правом вечного владения. Их имущества не передавались по наследству, в отношении их сеньоры и казна были лишены права наследования. Эдиктом от авгу-

ста 1749 г. всякое создание институтов, обладающих правом неотчуждаемого имущества, требовало получения жалованной грамоты. Речь шла о том, чтобы не допустить в результате приобретений лиц, обладающих правом на неотчуждаемое имущество, чересчур сильного сокращения имущества, остающихся в сфере торговли.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ВЫБОРЫ И НАКАЗЫ БУНТ АРИСТОКРАТИИ (1787—1788)

Эпоха социального кризиса и кризиса государственных институтов, годы, предшествовавшие событиям 1789 г., были временем глубокого политического кризиса, вызванного финансовым бессилием монархии и ее неспособностью перестроиться: каждый раз, когда какой-нибудь министр-реформатор хотел модернизировать государство, аристократия вставала на защиту своих привилегий. Отличительной чертой XVIII в. была аристократическая реакция; ее кульминацией был бунт аристократии, который предшествовал Революции и еще до 1789 г. способствовал потрясению монархии.

Жорес не рассматривает этого важного эпизода, к которому первым привлёк внимание ученых Ф. Саньяк. «Патриции, — писал уже Шатобриан, — начали Революцию, плебеи довели ее до конца». В промежуток времени между созывом Собрания нотаблей 22 февраля 1787 г. и решением Парижского парламента от 23 сентября 1788 г. (что Генеральные штаты, созываемые согласно постанов-

лению Королевского совета от 8 августа, должны состоять, так же как и в 1614 г., из трех сословий, предполагающих одинаковым числом представителей и голосующих раздельно) попытки реформ Калонна, а затем его преемника Ломени де Бриенна были пресечены сопротивлением Собрания нотаблей, а затем и возмущением палаты пэров и провинциальных парламентов. Навязав королевской власти свою волю — созыв Генеральных штатов, аристократия победила.

А. Матез назвал этот эпизод «дворянским бунтом», а Ж. Лефевр — «аристократической революцией». Последнее наименование нам кажется двусмысленным. Если дворянство (это вскоре доказали его наказы) допускало конституционный режим и вотирование налогов Генеральными штатами, если оно требовало передачи управления выборным провинциальным штатам (Генеральным штатам и провинциальным штатам, где бы оно господствовало благодаря сохранению их аристократической

структуры), если оно проявляло озабоченность по поводу личной свободы, то оно совсем не допускало равенства в области налогообложения и единодушно стремилось к сохранению сеньюральных прав. Не может быть никакого сомнения в том, что аристократия начала борьбу против абсолютизма ради восстановления своего политического преобладания и сохранения своих отживших социальных привилегий; борьбу эту она продолжала вплоть до ее логического завершения — контрреволюции.

Проблематику этого «промежуточного этапа» рассмотрел Ж. Эгре (J. Egre. *La Pré-révolution française, 1787—1788*. 1962), который подчеркнул не социальное содержание этого эпизода, а стремление монархии к реформам. Ломени де Бриенн, в частности, мужественно взялся за проведение реформ в целях спасения осужденного на гибель порядка; но разве было в его силах изменить его социальное содержание?..

Если сеньюральные суды и были осуждены, то не могло быть и речи о том, чтобы затронуть феодальные права. Военная реформа не задела прерогатив придворной знати; офицерское звание было по-прежнему недоступно для ротюрьеров (недворян). Хотя дворянство и духовенство и утратили часть своих налоговых привилегий, но они сохранили свое социальное превосходство, а духовенство — свою исконную административную автономию. Реформы не затрагивали аристократической структуры старого порядка. Если речь шла о подготовительном этапе буржуазной революции, то можно ли уже говорить о «предреволюции»? На этом «промежуточном этапе» главной особенностью является победоносное сопротивление аристократии. Но, подрывая королевскую власть, последняя не отдавала себе отчета в том, что она губит естественную защитницу своих привилегий. *Бунт аристократии* открыл путь третьему сословию.

НАКАЗЫ ТРЕТЬЕГО СОСЛОВИЯ

Библиографическая справка

В те времена, когда писал Жорес, многочисленные наказы были опубликованы главным образом в первых томах «Archives parlementaires». Впоследствии Комиссия по разысканию и публикации документов, относящихся к истории Французской революции, основанная по инициативе Жореса в 1904 г., издала значительное число сборников наказов. См.: Beatrixe Hyslop. *Répertoire critique des Cahiers de doléances pour les États généraux de 1789*. Paris, 1933, дополненный «Supplément au répertoire critique des Cahiers de dolé-

ances pour les États généraux de 1789». Paris, 1952; комментарии и дополнения к последнему изданию были опубликованы в «Annales historiques de la Révolution française», 1955, p. 115; см. также изданный тем же автором специальный перечень наказов баляжей и сенешальств, с добавлением текстов не опубликованных ранее ста наказов: «A guide to the general cahiers of 1789, with the texts of unedited cahiers». 1936.

Новейшие сборники наказов включают наказы баляжа Понт-а-Муссон, изданные в 1946 г. Арсани (Z.-E. Harsany); наказы баляжа Ро-

морантен, изданные в 1949 г. Б. Эде-ном (B. Edeine); наказы бальяжей Лонгюйон, Лонгви и Виллер-ла-Монтань, изданные в 1952 г. П. Д'Арбуа де Жюбенвилем (P. D'Arbois de Jubainville); сборники наказов третьего сословия Руанского бальяжа, изданные в двух томах в 1957 и 1960 гг. М. Булуазо (M. Bouloiseau); наказы третьего сословия сенешальства Шато-дю-Луар, изданные в 1960 г. П. Буа (P. Bois); наказы третьего сословия края и судебного округа Ривьер-Верден, изданные в 1961 г. Д. Лигу (D. Ligou).

О наказах корпораций см.: B. Hyslop. Les élections et les Cahiers inédits de la ville de Montargis en 1789.—«Annales historiques de la Révolution française», 1946, p. 115; A. Perrier. Cahiers de doléances des corps et corporations de la ville de Tulle.—«Bulletin de la So-

ciété archéologique de la Corrèze», 1955.

О составлении одного наказа см.: J. Richard. L'élaboration d'un Cahier de doléances, Pierre-Claude Perrot, curé de Brazey-en-Plaine.—«La Révolution en Côte-d'Or», nouvelle série, fasc. 11, 1961.

Для ориентации в исследованиях см.: A. Dupront. Cahiers de doléances et mentalités collectives.—«Actes du 89e Congrès national des Sociétés savantes, Lyon, 1964. Section d'Histoire moderne et contemporaine». Paris, 1964, t. I, p. 375. Что касается методического разбора наказов и составления трех указателей — понятий, образов и лексикографического, см.: A. Burgnière. Société et culture à Reims à la fin du XVIIIe siècle: la diffusion des «Lumières» analysée à travers les Cahiers de doléances.—«Annales. E.S.C.», 1967, p. 303.

КРЕСТЬЯНСКИЕ НАКАЗЫ

Библиографическая справка

О земледелии общие сведения и постановку проблем см.: Marc Bloch. Les Caractères originaux de l'histoire rurale française, 1931; 2e éd., 1956, 2 vol. (том II представляет собой «Дополнение», написанное Р. Довернем на основании работ автора); G. Lizerand. Le Régime rural de l'Ancienne France. Paris, 1942; J. Meuvret. L'agriculture en Europe aux XVIIe et XVIIIe siècles.—«X Congresso internazionale di Scienze storiche, Roma, 1955». T. IV: «Relazioni», p. 139. В следующих трех статьях изложены основные проблемы Франции XVIII в., бывшей, в сущности, еще сельскохозяйственной страной: Marc

Bloch. La lutte pour l'individualisme agraire dans la France du XVIIIe siècle.—«Annales d'histoire économique et sociale», 1930, p. 329, 510; Georges Lefebvre. Les études relatives à la répartition de la propriété et de l'exploitation foncières à la fin de l'Ancien Régime.—«Revue d'histoire moderne», 1928, p. 103, и его же: «La Révolution française et les paysans».—«Cahiers de la Révolution française», 1934, № 1 (эти две последние статьи перепечатаны в: «Études sur la Révolution française». Paris, 1954; 2e éd., 1963, p. 279, 338).

Об общинном порядке и о коллективных сервитутах см.: A. Soboul. La communauté rurale française (XVIIIe-XIXe siècles). Prob-

lèmes de base.—«La Pensée», 1957, № 73; G. Thuillier. Les communautés de laboureurs en Nivernais du XVIIIe au XIXe siècle.—«Revue d'histoire économique et sociale», 1960, № 4; P. De Saint-Jacob. Documents relatifs à la communauté villageoise en Bourgogne, du milieu du XVIIe siècle à la Révolution. Paris, 1962; его же: Études sur l'ancienne communauté rurale en Bourgogne.—«Annales de Bourgogne», 1941, p. 169; Ibid., 1943, p. 173; Ibid., 1946, p. 237; Ibid., 1953, p. 225. О праве выпаса скота после первого укоса см.: H. Séé. La question de la vaine pâture en France, à la fin de l'Ancien Régime.—«Revue d'histoire économique et sociale», 1914; E. Appolis. La question de la vaine pâture en Languedoc, au XVIIIe siècle.—«Annales historiques de la Révolution française», 1938, p. 97. Об общинных землях см.: P. De Saint-Jacob. Les grands problèmes de l'histoire des communaux en Bourgogne.—«Annales de Bourgogne», 1948, p. 124.

О новой системе земледелия в XVIII в. см.: M. Faucher. La révolution agricole des XVIIIe-XIXe siècles.—«Bulletin de la Société d'histoire moderne», 1956, № 2; E. Justin. Les Sociétés royales d'agriculture au XVIIIe siècle, 1757—1793. 1935. О положении в различных провинциях см.: P. Goubert. Les techniques agricoles dans les pays picards aux XVIIe et XVIIIe siècles.—«Revue d'histoire économique et sociale», 1957, p. 24; A.-J. Bourde. L'agriculture à l'anglaise en Normandie au XVIIIe siècle.—«Annales de Normandie», 1958, p. 215; A. Davies. The new agriculture in Lower Normandy, 1750 — 1789. — «Transactions of the Royal historical Society»,

1959, p. 129; J. Dupaquier. La situation de l'agriculture dans le Vexin français (fin XVIIIe — début XIXe siècle), d'après les enquêtes agricoles.—«Actes du 89e Congrès des Sociétés savantes. Lyon, 1964. Section d'histoire moderne et contemporaine», t. I, p. 321. F. Gay. Production, prix et rentabilité de la terre au Berry, au XVIIIe siècle.—«Revue d'histoire économique et sociale», 1958, № 4.

Ввиду отсутствия работ общего характера о деревенском обществе (укажем тем не менее хотя и устаревшую, но еще полезную работу: J. Loutchisky, L'Etat des classes agricoles en France à la veille de la Révolution, 1911 — И. В. Луцкий. Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789—1793 гг. Киев, 1912) следует обратиться к монографиям локального и регионального характера: F. Vermales. Les Classes rurales en Savoie au XVIIIe siècle, 1911; G. Lefebvre. Les Paysans du Nord pendant la Révolution française. Lille, 1924; 2e éd. Bari, 1959; J. Loutchisky. Régime agraire et populations agricoles dans les environs de Paris, à la veille de la Révolution.—«Revue d'histoire moderne», 1933, p. 97; G. Debien. En Haut-Poitou. Défricheurs au travail. XVe-XVIIIe siècles. Paris, 1952; P. Massé. Varennes et ses maîtres. Un domaine rural de l'Ancien Régime à la monarchie de Juillet, 1789—1842. Paris, 1956; R. Laurent. Les Vignerons de la Côte-d'Or au XIXe siècle. Paris, 1958; L. Merle. La Métairie et l'évolution agraire de la Gâtine poitevine, de la fin du Moyen Age à la Révolution. Paris, 1958; P. Bois. Paysans de l'Ouest. Des structures économi-

ques et sociales aux options politiques depuis l'époque révolutionnaire dans la Sarthe. Paris, 1960; P. De Saint-Jacob. Les Paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de l'Ancien Régime. Paris, 1960; R. Baehrel. Une Croissance: la Basse-Provence rurale, fin du XVIe siècle — 1789. Paris, 1962; A. Plaisance. La Baronnie du Neubourg. Essai d'histoire agraire, économique et sociale. Paris, 1962; P. Goubert. Recherches d'histoire rurale dans la France de l'Ouest, — «Bulletin de la Société d'histoire moderne», 1965, № 2, A. Poitrineau. La Vie rurale en Basse-Auvergne au XVIIIe siècle, 1726—1789. Aurillac, 1965.

1. Земельная собственность крестьян.

Некрестьянские общественные группы владеют значительной частью земли, совершенно не соответствующей их численности. Духовенство в среднем владеет 10% земельной площади, дворянство — 20%, буржуазия — 30% (см. выше, стр. 201, 199, 208). Если принять в расчет общинные владения, земельную площадь, занятую под постройками, дороги, ...то для крестьянской массы остается около 35% земельной площади.

Размеры крестьянской собственности весьма различны в разных районах и колеблются в пределах от 22 до 70%. На богатых землях, пригодных под посевы зерновых или пастбища, на землях севера, северо-запада и запада ее размеры невелики; они значительны в районах, первоначально занятых кустарником или лесом, или в горах, где подъем нови был делом личной инициативы; наоборот, они невелики в районах, где улучшение почвы (например, осушение) требовало значительных за-

трат, или в окрестностях городов, где землями завладели привилегированные сословия и буржуазия.

Парижский район. Вокруг Версаля доля крестьянской собственности — от 1 до 1,5% земельной площади. Но в 9 субделегатствах (будущий департамент Сена и Уаза) эта доля достигает 17%.

Север. Департамент Нор (диссертация Ж. Лефевра): доля крестьянской собственности 30—31% (от 20% на приморской равнине Фландрии до 28% в Камбрези и до 50% в Пеио-Буа). В Артуа (на плато) — 38%, в Эне (район Лаона) — 30%.

Бургундия. В бальяжах Семюр-ан-Осуа, Сольё и Арнэ-ле-Дюк — 33%.

Запад. В департаменте Кот-д'Ор — от 48% на востоке до 18% на западе. В дистрикте Вир (Кальвадос) — 40—70%. В Мож (Анжу) — 18%.

Центр. В Лимузене (финансово-податные округа Тюль и Брив) — около 55%. В районе Тьера — 60%.

Юго-Запад. В Тулузском дистрикте — 22,5%. В дистрикте Сен-Годенс — 29%. В Беарне (Одоронское сенешальство) — более 98%.

Средиземноморский Юг. В гражданском диоцезе Монпелье — 34% (57% в ландах, но только 22% на равнине, где доля дворянской и доля буржуазной собственности гораздо больше).

Если доля собственности всего крестьянства в целом кажется довольно значительной (около 35%), то доля каждого крестьянина ничтожна, учитывая огромную численность сельского населения; для многих крестьян эта доля была равна нулю.

Парцеллярные крестьяне. Главной чертой крестьянской земель-

ной собственности является ее крайняя раздробленность. В Лимузене (статистические данные охватывают 5314 крестьян-собственников) 58% крестьян владеют менее 2 га; только у 18% крестьян земли достаточно, чтобы жить независимо. В округе Лаона три четверти крестьян владеют менее 2 га каждый. В департаменте Нор, к югу от реки Лис, три четверти крестьян-собственников имеют менее 1 га. Чтобы получить ясное представление об этой проблеме, необходимо взять для сравнения в качестве отправной точки преобладающий тип ферм или метерий, меняющийся в зависимости от плодородия земли и многочисленных местных факторов. Так, чтобы жить независимо на своей земле с семьей, крестьянин должен был иметь 10 га в Камбрези, 5 га — во Фландрии, где земля была очень плодородна. Только 16% крестьян-собственников располагали во Фландрии этим минимумом, причем этот процент падает до 5 или 6, если брать в расчет крестьян — глав семьи.

Безземельные крестьяне. Чтобы оценить остроту социальной проблемы в деревне, надо знать число безземельных крестьян по отношению к общей массе крестьянства. В департаменте Луаре в 13 коммунах безземельные крестьяне составляли 24%, в Лимузене в 98 приходах финансово-податного округа Тюль — 17%. В департаменте Нор на равнине Камбрези насчитывалось от 15 до 20% безземельных крестьян; их доля повышается до 75% в приморской Фландрии. В Нижней Нормандии 40% крестьян не имели земли. Вокруг городов процент безземельных крестьян возрастает: прибли-

зительно 70% вокруг Версаля; вероятно, так же обстояло дело в районе Бри и Тулузы, — везде, где укреплялась буржуазная земельная собственность. Если безземельные крестьяне не находят земли, чтобы взять ее в аренду, если они не могут наняться на работу к землевладельцу или к фермеру, если они не могут заняться каким-нибудь ремеслом или сельским промыслом, то эти сельские пролетарии вынуждены побираться с сумой или переселяться в города. Однако вследствие демографического роста этих сельских пролетариев становится все больше и больше по мере того, как идет время и XVIII в. близится к концу.

Увеличилась ли крестьянская собственность в XVIII в.? И в каких размерах? Согласно данным Лучицкого, крестьянская собственность в финансово-податных округах Брив и Тюль, в Лимузене, возросла за счет земельной собственности буржуазии и дворянства. То же произошло в округе Бар-ле-Дюк в Лотарингии. Однако в окрестностях Лаона, а также и Тулузы рост крестьянской собственности, по-видимому, шел очень медленно: с 1750 и до 1785 г. она увеличилась на 264 га в 17 приходах округа Лаона и всего лишь на 30 га — в 60 приходах округа Тулузы с 1760 и до 1787 г. В департаменте Нор, по данным Ж. Лефевра, крестьянская земельная собственность вообще не увеличилась. С другой стороны, следовало бы уточнить, было ли связано такое увеличение с покупкой земли или с распашкой целины, затрагивало ли оно безземельных крестьян или крестьян, уже владевших землей. Увеличение числа крестьян-собственников не обязательно означает, что увеличивается земельная площадь, находя-

щаяся в их владении: в департаменте Нор раздели в силу наследования повлекли за собой увеличение числа очень мелких собственников. Демографический рост усиливает эту тенденцию: даже если общая площадь принадлежащих крестьянам земель увеличивается, то средняя площадь на главу семьи сокращается. Бесспорно, что к концу существования старого порядка число безземельных крестьян быстро возрастало.

2. *Распределение арендуемой земли.* Важно установить, в какой мере смягчало распределение арендуемой земли кризис, который переживала крестьянская земельная собственность. Чаще всего духовное лицо, дворянин или буржуа, владевшие землей, сами не занимались сельским хозяйством, а отдавали землю в простую или в полную аренду. Более того, земли привилегированных или буржуазных собственников дробятся на parcels или на имения средних или малых размеров; крупные хозяйства встречаются относительно редко. Таким образом, многие крестьяне могут брать землю в аренду.

Вопрос о распределении арендуемой земли к концу старого порядка плохо освещен из-за отсутствия конкретных исследований. Районы, где крупные фермеры сосредоточили в своих руках почти всю землю, по-видимому, немногочисленны; речь идет, главным образом, об областях крупного зернового хозяйства: о пикардийской равнине, Бри, Бос. В департаменте Нор областью фермажа была Фландрия: в приморской Фландрии арендаторы составляли 75%, если прибавить к ним крестьян, владевших землей и дополнительно арендовав-

ших небольшие участки (occupants mixtes), то доля эта достигнет 87%. Очевидно, сдача в аренду земель привилегированных сословий и буржуазии способствовала смягчению аграрного кризиса: в приморской Фландрии, где 75% крестьян не владело землей, только одна треть глав семейств не имела арендуемых хозяйств; в Камбрези, где имелось от 15 до 20% безземельных крестьян, доля крестьян, не имевших арендуемых хозяйств, равнялась всего 10%.

Необходимо еще уточнить средние размеры крестьянской аренды. В департаменте Нор, между реками Самбр и Лис, от 60 до 70% арендуемых хозяйств были менее 1 га, от 20 до 25% — от 1 до 5 га; в приморской Фландрии арендуемые хозяйства площадью меньше 1 га составляли около 60% от общего числа. Еще более серьезным обстоятельством была тенденция к концентрации арендуемой земли. В приморской Фландрии, как и в валлонской Фландрии, средние размеры арендуемой земли увеличились. В областях крупного хозяйства крупные фермеры концентрировали в своих руках все больше арендуемой земли, отсюда требование крестьян о *разделе ферм*.

Аграрный кризис во французской деревне накануне Революции был следствием диспропорции между огромной массой крестьян и недостаточным количеством земли, находившейся в их распоряжении либо на правах собственности, либо на правах аренды. Хотя об этом свидетельствуют крестьянские наказания, следовало бы осветить этот вопрос на основании точных цифровых данных, которыми Жорес не располагал, когда работал над своим трудом.

Библиографические указания — Помимо монографий, указанных выше (с 301), особенно монографии Ж. Лефевра о департаменте Нор (1924 г), см.: E. P a t o z La Propriété paysanne dans les bailliages de Semur, Saulieu et Arnay-le-Duc. 1909, J. L o u t c h i s k y. La Propriété paysanne en France à la veille de la Révolution. Paris, 1912; P. D e S a i n t - J a c o b Le mouvement de la propriété dans un village bourguignon à la fin de l'Ancien Régime. — «Revue d'histoire économique et sociale», 1948, p. 47; G. S a n g n i e r. L'Évolution de la propriété rurale dans le district de Saint-Pol pendant la Révolution. 1951; M. C h a m b o u x. Répartition de la propriété foncière et de l'exploitation dans la Creuse. Les paysans de la Creuse à la fin de l'Ancien Régime. Paris, 1955; J. D u p a q u i e r. La Propriété et l'exploitation foncières à la fin de l'Ancien

Régime dans le Gâtinais septentrional Paris, 1956; A. S o b o u l. Les Campagnes montpelliéraines à la fin de l'Ancien Régime Propriété et cultures d'après les compoix. Paris, 1958; M. V o v e l l e. Propriété et exploitation dans quelques communes beauceronnes (fin XVIIIe — début XIXe siècle) — «Mémoires de la Société archéologique d'Eure-et-Loir», 1961. С более общей методологической точки зрения см.: G. L e f e b v r e. Les recherches relatives à la répartition de la propriété et de l'exploitation foncières à la fin de l'Ancien Régime. — «Revue d'histoire moderne», 1928, p. 103 (перепечатано с библиографией в: «Études d'histoire révolutionnaire». Paris, 1954, 2e éd., 1963, p. 279); A. S o b o u l. Sur l'étude des documents fonciers au XVIIIe siècle. Terriers, cadastres et compoix. — «Paysans, sans-culottes et jacobins». Paris, 1966, p. 43.

Глава третья

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДНИ

(20 ИЮНЯ, 14 ИЮЛЯ, 5 и 6 ОКТЯБРЯ¹)

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ

4 мая депутаты Генеральных штатов в первый раз собрались и отправились все вместе, образовав процессию, в церковь св. Людовика, чтобы прослушать напутственную мессу, которую отслужил епископ Нансийский. Огромная толпа, сбежавшаяся из Парижа, созерцала блестящие костюмы проходивших мимо принцев и темную, плотную массу избранников третьего сословия, одетых в черное.

На следующий день, 5 мая, депутатов пригласили на первое заседание в зал «Малых забав»*, получивший название Зала трех сословий. Это было обширное помещение прямоугольной формы, в котором могло поместиться приблизительно 1200 человек и около 2 тыс. на галереях². Депутаты медленно, после довольно долгого ожидания, вступили в зал: депутаты третьего сословия получили места в центре, дворянство и духовенство — по бокам.

Что же это были за люди? Тэн говорил о них с презрением, как о пустоголовых теоретиках или жалких стряпчих и сутягах из провинциальных городишек. Он сетует на то, что не призвали подлинно сведущих людей Франции, всех тех, кто уже вершил делами, иначе говоря, тех, кто, связав свою жизнь со старым порядком, был заинтересован в его сохранении. Но ведь такой опыт уже был сделан.

Кто обладал большими познаниями и более возвышенным умом, чем Тюрго, интендант Лиможа? Став министром, он пытался провести несколько крупных реформ, но был удален³. Кто обладал большим общественным опытом и большим авторитетом, чем «нотабли», созданные Калонном? Здесь собрались принцы, архиепископы, видные деятели парламента, интенданты, все силы старого

порядка и все его светила: но все эти блистательные эгоисты не сделали ровным счетом ничего⁴. Настало время для нации прибегнуть к помощи других людей, сильных своими идеями. Да, среди 571 депутата третьего сословия числилось мало властей предрежающих и много легистов⁵. Но это были легисты, создавшие новую монархию, новую Францию: это они упорядочили и изыскали формулу и законные обоснования для королевской революции, то же делают они и для Революции буржуазной.

Они были носителями великих идей XVIII в.: именно эти идеи объединили их и возвысили самых скромных до самых великих. Идеи эти были достаточно разнообразны и широки, чтобы люди, вдохновленные ими, никогда не поддались духу сектантства и смогли примениться к обстоятельствам. Монтескье, Вольтер, «Энциклопедия», Руссо, с их порой противоречивыми тенденциями, формировали их мышление; и когда изучаешь вплотную акты, декларации членов Учредительного собрания, то видишь, что документы эти представляют собой как бы синтез идей всех великих умов века.

У Вольтера они заимствовали веротерпимость и религиозную свободу, а, возможно, также и внешнее и осмотнительное почтение к католическим институтам. Монтескье, теоретик английской конституции и разделения и равновесия властей, казался им несколько старомодным: он был бы великим целителем Революции, если бы она произошла в 1740 г., в тот момент, когда он писал, и до значительного роста могущества буржуазии; к концу столетия вымышленное им хрупкое и затаенливое равновесие сместилось в сторону буржуазной демократии. Что касается Руссо, то члены

1. Замечание Жореса в Списке опечаток и замечаниях к первому изданию (т. I, р. 759): «Я разделил повествование на крупные отрезки, каждая глава охватывала какую-то большую проблему. Но из-за технических погрешностей необходимый заголовок не был помещен на стр. 230. Словами: «4 мая депутаты Генеральных штатов в первый раз собрались» начинается новая глава, заглавие которой должно гласить: «Революционные дни (20 июня, 14 июля, 5—6 октября)».

* «Малые забавы» («Menus plaisirs») — название одного из версальских дворцов. — Прим. ред.

2. Необходимо отметить это положение. Зрителей собралось множество, и у них вошло в привычку, сохранившуюся до самого конца

существования Конвента, вмешиваться в обсуждение: это повышало престиж третьего сословия и ставило представителей под контроль и влияние революционного общественного мнения.

3. См.: Edgar Faure. 12 mai 1776: La disgrâce de Turgot. Paris, 1961.

4. О реальных попытках реформ см.: J. Egret. La pré-Révolution française, 1787—1788. Paris, 1962.

5. Трудно указать точное число депутатов Генеральных штатов, в частности депутатов третьего сословия. В «L'Etat numérique des députés à présenter au roi» (s.d.) приводится цифра 488 депутатов для третьего сословия («Recueil de documents relatifs aux séances des États généraux...», р. 106).

Учредительного собрания пренебрегли его антисоциальными парадоксами, но крепко ухватились за идею прав.

И наконец, *«Энциклопедия»* внушила им ту пламенную и всеобъемлющую любовь к науке, которая не раз нейтрализовала влияние на них янсенизма или узкого деизма Жан Жака. Итак, все эти люди, собравшиеся в центре зала «Малых забав» напротив трона, овладели всем идейным богатством века; народ уже различал и приветствовал среди них блестящие имена, но нам не хочется выделять их пока: великое общее озарение XVIII в. почиет в них и над ними.

С этой самой первой встречи между революционной буржуазией и королевской властью уже ощущались натянутость и начало разрыва. Во время выборов власти предоставили событиям идти своим ходом. В своих мемуарах Малуэ упрекает короля и министров в том, что они не наблюдали за выборами, не вмешались, чтобы оказать давление на избирателей и добиться, таким образом, избрания умеренных депутатов. Эту сдержанность нельзя было бы поставить в вину королевской власти, если бы она в самом деле решила оказать доверие нации. Король мог это сделать и 5 мая. Против него не было ни малейшего предубеждения.

Он мог объявить себя вождем великого преобразовательного движения, и он, несомненно, сохранил бы силу исполнительной, то есть королевской, власти при этой новой, свободной конституции. Но он, напротив, с первой встречи с нацией, которую он создал, дал почувствовать свое неистребимое недоверие к ней: «Всеобщее брожение, чрезмерное стремление к нововведениям овладели умами, и если не поторопиться отрезать их с помощью советов мудрых и умеренных, это может окончательно ввести в заблуждение общественное мнение...

Умы возбуждены, но собрание представителей нации будет, разумеется, внимать лишь голосу мудрости и осторожности. Вы сами можете судить, господа, что в некоторых недавних случаях были допущены отклонения от этого. Но господствующий дух ваших обсуждений будет отвечать чувствам благородной нации, отличительной чертой которой всегда была любовь к своим королем: я отрешусь от всех других воспоминаний».

Весьма жалкое увещание, в котором страх прикрывался сентиментальным тоном! И ни одного слова, чтобы обеспечить заседания нового собрания, чтобы урегулировать тот важный вопрос о голосовании — поголовном или посословном, который вначале парализует Революцию, а потом приведет к ее обострению. Такими же посредственными, такими же ничтожными были и речи министров. Хранитель государственной печати Барантен ставит вопрос о поголовном голосовании, но не осмеливается его разрешить¹:

«Было выражено почти единодушное желание просить о двойном представительстве для наиболее несчастного из трех сословий,

того сословия, на котором главным образом лежит бремя налогов. Снизойдя к этой просьбе, господа, Его Величество отнюдь не изменил форму ваших прежних совещаний, и, хотя поголовное голосование, дающее лишь один результат, по-видимому, имеет то преимущество, что позволяет лучше узнать общую волю, король пожелал, чтобы эта новая форма применялась лишь при условии свободного согласия Генеральных штатов и с одобрения Его Величества».

Что за опасная тактика! Передать на усмотрение сословий этот первостепенный вопрос, вопрос, который решает все. Дать третьему сословию двойное представительство — это логически означало разрешить поголовное голосование; почему же не пойти до конца? Зачем принуждать общины завоевывать революционным путем право, которое королевская власть могла даровать им одним своим словом?

Неккер был столь же тщеславен. Богатый женеvский банкир, который уже дважды управлял финансами Франции и который благодаря своему личному влиянию и нескольким удачным займам справился с трудностями, вызванными войной в Америке, был в тот момент весьма популярен². Именно ему приписывали инициативу созыва Генеральных штатов, и если бы он был настоящим государственным деятелем, если бы он не был ослеплен пагубным тщеславием, он мог бы сыграть решающую роль и содействовать своим финансовым опытом торжеству счастливой и мирной Революции.

Он мог бы заявить о своем бессилии сбалансировать бюджет, пока контроль самой нации не уничтожит всех злоупотреблений. А он, наоборот, в своем пространном финансовом отчете, который зачитал перед Генеральными штатами³, невольно пытался дока-

1. Барантен (1736—1819) — член судебной коллегии, позднее заместитель прокурора при Парижском парламенте, председатель Высшего податного суда в 1775 г., хранитель печати в 1788 г. Сторонник сопротивления требованиям третьего сословия 5 мая 1789 г., он 23 июня, изблеченный Мирабо, покидает министерский пост. Эмигрировал в конце 1789 г., вернулся из Англии в 1814 г.

2. Неккер (1732—1804) — выходец из английской семьи, обосновавшийся в Женеве, прибыл в Париж в 1747 г. и начал свою карьеру в качестве банковского служащего. Спекулируя на акциях Ост-Индской компании, создал се-

бе большое состояние и в 1765 г. основал банк на улице Клерв. Генеральный директор финансов с 1777 по 1784 г. (как протестант, он не мог стать контролером); 25 августа 1788 г. он был вновь призван в качестве генерального директора финансов с включением его в Государственный совет. От него ждали чудес, но он оказался не на высоте положения.

3. Первое заседание 5 мая 1789 г. Речь генерального директора финансов. «Recueil des documents relatifs aux séances des États généraux...» (под редакций Ж. Лефевра и А. Терруан). Т. I: «Les préliminaires. La séance du 5 mai». Paris, 1953, p. 292.

зять им, что они... ни к чему. Он, Неккер, сам, при помощи нескольких ловких комбинаций, сумеет восстановить равновесие бюджета: несколько удержаний из пенсий, некоторая экономия в бюджете внешних сношений, пересмотр договоров с генеральными откупщиками, некоторое повышение пошлин на товары, ввозимые из Индии, и дефицит, составляющий-то всего 56 млн., легко может быть покрыт. Более того, эти вышеназванные обычные ресурсы позволят обеспечить заем, необходимый для текущего года.

Слушая этот доклад, депутаты, которые, правда, с трудом понимали его, должны были задавать себе вопрос: но зачем же мы нужны? И если положение столь благополучно, зачем нас здесь собрали? Действительно, казалось, что Неккер пригласил их только для того, чтобы дать им представление о своем финансовом гении: и в самом деле, он, будто фокусник, воскликнул: «Какая это нация, господа, которой достаточно очень немного, чтобы поправить общественные дела!»

Неккер не замечал, что, объявляя себя единственно необходимым лицом, он жестоко оскорблял нацию! Он лишал третье сословие моральной силы, необходимой ему для того, чтобы установить режим контроля и свободы, ибо дела пойдут чудесно и без этого режима, по одному мановению руки многоопытного банкира.

Я уже цитировал великолепные слова Мирабо: «Дефицит — это богатство нации». Неккер похитил у нее это богатство, и он еще удивлялся в своем наивном тщеславии тому, как холодно был принят его доклад. Он писал в своих мемуарах: «И все же, возвращаясь к своему прошлому, я не могу без горечи вспомнить, как были обмануты мои ожидания, когда, преисполненный радости от того, что могу объявить Генеральным штатам, сколь мало обоснованы все слухи, распространяемые по поводу размера дефицита и неразрешимости финансовых трудностей, я заранее наслаждался тем впечатлением, какое произведет на Собрание это неожиданное извещение, а встретил только холодность и молчание».

Даже много позднее Неккер ничего не понял. Он даже не отдавал себе отчета в том, что, преуменьшая трудность положения, он удружил только контрреволюции, а Людовик XVI, слушавший его несколько сонно, но не без удовольствия, мог сказать себе: «В конце концов, если эти люди не будут разумны, я смогу без ущерба разогнать их».

Система Неккера вела прямо к попытке государственного переворота, которая была предпринята на королевском заседании 23 июня: «великий министр», собственная особа которого заслоняла от него весь мир, совершенно этого не сообразил. Однако Собрание, несмотря на свою неискренность, поняло это; и расходясь, депутаты были охвачены тяжелым чувством мучительной неуверенности. О, как на этом первом заседании должен был трепе-

тать от нетерпения и гордости Мирабо, видя никчемность правителей! Он, без сомнения, поклялся в тот день преследовать их без устали, дабы вырвать у них из рук Революцию, вождем которой он хотел стать, и монархию, которую он хотел спасти.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ СОСЛОВИЯМИ

На следующий день между сословиями начались раздоры по вопросу о поголовной подаче голосов. Духовенство, дворянство и третье сословие собрались в отдельных помещениях: третье сословие ввиду своей многочисленности заседало в зале «Малых забав», где накануне состоялось общее заседание, и потому оно как бы имело видимость Собрания.

Дворянство определило свою позицию сразу: по предложению Монлозье, вопреки противоположному предложению виконта Кастеллана, герцога Лианкура и маркиза Лафайета¹, оно решило 188 голосами против 47 конституироваться в отдельную палату и приступить отдельно к проверке полномочий своих депутатов. Если бы это решение дворян восторжествовало и третье сословие подчинилось ему, путь перед Революцией был бы закрыт. Духовенство приняло аналогичное решение, но гораздо меньшим большинством — 133 голосами против 114. Депутаты третьего сословия, собравшись в девять часов, тщетно ожидали до половины третьего присоединения к ним обоих других сословий. Но последние не явились, и третье сословие поняло, что Революция с первой минуты оказалась в опасности, или, скорее, что ее могут спасти лишь твердость и умелые действия общин.

Что оставалось делать? Были предложены две различные тактики. Малуэ, весьма умеренный, весьма консервативный, предложил депутатам третьего сословия конституироваться, хотя бы временно, и разработать свой регламент. Но, по мнению Мирабо, это значило бы признать разделение сословий: «До тех пор пока полномочия не проверены совместно, мы составляем всего лишь сборище индивидуумов». Есть только одна подходящая к случаю тактика: бездействие и ожидание. Тем самым третье сословие докажет нации, что остальные сословия, обособившись, откладывают учреждение верховной власти нации. Система временного бездействия была принята. Но как придерживаться ее, не вызывая раздражения страны и самих общин? Малуэ, настаивая на предложенной им тактике, вновь требует, чтобы третье сословие

1. Граф Кастеллан (1758—1837) — депутат дворянства от барона Шатонёф-ан-Тимрэ; Ларошфуко, герцог Лианкур (1747—1827) — депутат дворянства от барона

Клермон-ан-Бовеиз; Мотье, маркиз де Лафайет (1757—1834) — депутат дворянства от Риомского сенешальства.

организовалось, чтобы оно послало делегатов к другим сословиям и поторопило их присоединиться к нему, хотя бы для проверки полномочий; решение других вопросов, а именно о поголовной или посословной подаче голосов, пока откладывается; и делегаты третьего сословия одновременно заверили бы духовенство и дворянство в своем искреннем желании уважать любого рода собственности и все права.

Но не явится ли, таким образом, достигнутое объединение моральным унижением третьего сословия, предварительным освящением феодальной системы и всех привилегий? Общины энергично отвергают тактику Малуэ, и Мунье предлагает разрешить депутатам третьего сословия в частном официозном порядке отправиться к депутатам других сословий, чтобы уговорить их присоединиться к третьему сословию¹. То была бесполезная мера, но она начала выводить третье сословие, не компрометируя его, из его изоляции и бездействия! Делегаты не нашли в палате дворянского, кроме комиссаров, на которых была возложена обязанность проверять полномочия; и те невозмутимо продолжали заниматься своим делом.

Тем временем духовенство, расколовшееся и увлекаемое весьма сильным меньшинством приходских священников, предлагало какие-то неопределенные меры примирения. Оно предлагало, чтобы каждое сословие назначило своих комиссаров, которые будут согласовывать свои действия с действиями комиссаров других сословий. Указание было весьма неопределенным: дворянство приняло это предложение, уточнив, что у его комиссаров не будет иных полномочий, кроме объяснения общинам, почему дворянство конституировалось в отдельную палату. На заседании 15 мая Мирабо в порыве гнева воскликнул²: «Уж не думают ли господа дворяне, что оказывают милость другим сословиям, назначая комиссаров для переговоров с ними? Коли они сочли себя вправе сепаратно проверять свои полномочия, конституироваться в палату без согласования с остальными, то кто помешает им пойти еще дальше, разработать конституцию, упорядочить финансы, обнародовать законы? Разве дворяне не составляют соль земли Франции? Что такое сообщество 24 млн. индивидуумов? Стоит ли труда сколько-нибудь считаться с ними?»

Этими полными надменной иронии, язвительными словами он воодушевил третье сословие на сопротивление; но столь же озабоченный тем, чтобы избежать непоправимых шагов, сколь и предупредить какую бы то ни было слабость, он пока не вносил никаких предложений и довольствовался тем, что подогревал гневное ожидание общин и нации. Депутат из Ренна, бретонец Ле Шапелье, верный мощному революционному духу своей провинции, первый предложил перейти к действиям³. В то время как пастор Рабо Сент-Этьенн⁴ предлагал третьему сословию направить комиссаров к другим сословиям, но с поручением поддержать по-

головное голосование и нераздельность Собрания, Ле Шапелье требовал снабдить комиссаров следующим грозным мандатом:

«Депутаты общин заявляют, что они признают законными представителями лишь тех, чьи полномочия будут проверены комиссарами, назначенными общим Собранием». И Ле Шапелье уже называет общины «национальным корпусом». Это означало дать понять другим сословиям, что без третьего сословия они — ничто, третье же сословие, если они будут упрямиться, одно в состоянии представлять нацию. Это было объявление войны. Мирабо испугался, ибо неизвестно, каковы будут последствия? И в чем третье сословие найдет точку опоры, если другие сословия не испугаются его угроз и его настойчивых требований? Поэтому он посоветовал избрать более гибкий путь. Он знал, что духовенство, расколотое, колеблющееся, не пойдет добровольно за дворянством; и он был намерен углубить раскол между двумя привилегированными сословиями, чтобы спасти третье: «Пошлите, господа, комиссаров к духовенству, но не посылайте к дворянству, ибо дворянство только приказывает, а духовенство вступает в переговоры. Назначайте, кого хотите, для переговоров с комиссарами духовенства, лишь бы ваши посланцы не стали сами проявлять чрезмерную сговорчивость, ибо по основному вопросу — о проверке полномочий в Национальном собрании — вы не должны идти ни на какие уступки. Что же до дворянства, согласитесь на то, чтобы ваши представители договаривались с ними как частные лица; но не давайте им никаких поручений, ибо это будет бесполезно и небезопасно».

Руководствуясь изумительным революционным чутьем, он хотел вбить клин во враждебный блок; он не утверждал догматически, что между духовенством и дворянством, между обоими привилегированными сословиями не существует никакой разницы, он старался разъединить их, чтобы помочь Революции. Сначала общины отклонили предложение Мирабо и решили направить комиссаров для переговоров с комиссарами духовенства и дворянства; но когда эти переговоры не достигли цели, Мирабо повторил свое предложение.

«Я прошу вас назначить депутацию к духовенству, депутацию, весьма многочисленную и весьма торжественную, которая, учитывая все, на что наши противники столь ловко ссылаются, все, что

1. См.: Jean Egret. La Révolution des notables. Mounier et les Monarchiens, 1789. Paris, 1950.

2. «Archives parlementaires», t. VIII, p. 38.

3. Ле Шапелье (1754—1794) — адво-

кат при парламенте, депутат третьего сословия от Реннского сене- шальства.

4. Рабо Сент-Этьенн (1743—1793) — протестантский пастор, депутат третьего сословия от Нимского сене- шальства.

наши комиссары-примирители так хорошо высказали, будет заклинять служителей господа во имя мира внять голосу разума, справедливости, истины и присоединиться к нам, дабы сделать новую попытку убедить дворянство; если упования, которые мы возлагаем на большую часть духовенства, обоснованы, они осуществятся немедленно; и для нас безразлично, придется ли нам, приглашая дворянство, требуя в случае надобности, выступая против него, если, к несчастью, это потребует, действовать совместно с духовенством либо же изолированно от него. Но каков бы ни был исход подобного шага, он сделает вам честь, он заставит общественное мнение всего мира признать вашу умеренность и вашу твердость.

Предложение Мирабо было принято единогласно и тут же осуществлено. Оно, вероятнее всего, имело бы решающее значение: ободренные торжественным демаршем такого большого числа депутатов третьего сословия, приходские священники порвали бы с епископами; сословие духовенства оказалось бы расколотым или даже вынужденным объединиться с третьим сословием, и это объединение окончательно подорвало бы позиции дворянства.

Мирабо хорошо это знал, когда взывал к общинам, указывая, что «духовенству угрожают внутренние разногласия». Но как раз в тот момент, когда действия третьего сословия, после долгих и бесполезных отсрочек, приобрели решительный характер, неожиданно вмешался король. 28 мая он заявляет, что сам разрешит весь этот спор, и после нескольких язвительных слов заключает: «Я желаю, чтобы комиссары-примирители, уже избранные всеми тремя сословиями, завтра же в 6 часов вечера возобновили свои заседания в присутствии моего хранителя печати и комиссаров, которых я к нему присоединю, дабы непосредственно получать сведения о предпринимаемых мерах примирения и дабы я мог сам содействовать столь желанной и столь настоятельно необходимой гармонии». Это вмешательство, очевидно, было подсказано королю высшим духовенством. Последнее чувствовало, что приходские священники ускользают из-под его власти, и посоветовало Людовику XVI взять дело в свои руки. Это был искусный ход: король становился третейским судьей Революции; он отводил комиссарам Генеральных штатов, стало быть, самим Генеральным штатам, второстепенную роль, он собирался навязать им свое решение в вопросе о поголовном или посословном голосовании, то есть в основном вопросе, от которого зависели все остальные; и высшее духовенство, подавив с помощью вмешательства короля пока еще робкое сопротивление приходских священников, торжествовало в лице короля: наряду с ним оно становилось арбитром всех событий, верховным примирителем Революции. Вот как ловко, каким смелым маневром ответила церковь на прямой удар, нанесенный Мирабо. Общины были в сильном замешательстве. Согласиться на предложенные совещания?

Это значит подчинить все произволу короля, отдать саму Революцию на милость Королевского совета и его решений. Отказаться? Это значит вступить в борьбу с самим королем, которого поддерживают другие сословия. Малуэ хотелось не только отправить делегатов на это совещание, но и снабдить их самыми широкими полномочиями. Он упрямо мечтал о сердечном согласии между общинами и «цветом привилегированных классов». Ле Шапелье и бретонские депутаты возражали против любых совещаний, и снова Мирабо указал и уговорил избрать средний путь. Он разоблачил западную, скрытую в предложении короля, тайные козни высшего духовенства, внушившего королю это предложение, и сказал в заключение, что было бы неразумно и немислимо отказаться от совещаний, но что одновременно следует отправить непосредственно к королю депутацию и убедительно разъяснить ему, что Национальное собрание избрано Францией и ничто не в состоянии сломить единство национального представительства. Так и решили, и тут же сочинили адрес королю, составленный, кстати, в довольно сдержанных и осторожных выражениях. Пошли эти опасные совещания, высшее духовенство, на сей раз бывшее господином положения и увлекшее за собой запуганных приходских священников, сформулировало свое весьма коварное предложение. В нем все три сословия призывались пойти на примирение, дабы сообща бороться с дороговизной продовольствия и обеспечить народу хлеб. Это был дьявольски ловкий маневр. Высшее духовенство надеялось таким путем завоевать популярность и, кроме того, отвлечь внимание народа от политических вопросов: зачем препираться из-за способа голосования, поголовного или посословного? Не лучше ли заняться бедным людом? Конечно, ради куска хлеба или надежды получить кусок хлеба народ отвернется от Революции.

Негодующие общины начали терять терпение. Они ответили, что ежели духовенство и впрямь решило заняться страждущим народом, ему следует всего лишь объединиться с депутатами третьего сословия; они дали понять, что, если духовенство столь торопится умерить беды общества, ему стоит лишь отказаться от роскоши, которой оно окружено. Однако общины, связанные начавшимися совместными совещаниями и вмешательством короля, еще не осмеливались с подлинной революционностью восстать против всего этого лицемерия и всех этих препон. Они выжидали с возрастающим гневом и нетерпением, задавая себе порой вопрос: не сбросит ли их в пропасть раздраженная и уставшая от ожидания страна, прежде чем они начнут действовать. Но страна обладала поразительной прозорливостью, и, предупрежденная письмами депутатов¹, она оказывала революционной буржуазии

1. Так, Мирабо решил держать своих избирателей в курсе работы Гене-

ральных штатов, публикуя «Journal des États généraux». Коро-

доверие в течение долгих месяцев мучений и ожидания, лишь бы, выбрав благоприятный момент, та утвердила свое положение.

Неккер, от имени короля, прекратил совещания, которые тянулись бесконечно, предложив формулу мнимого примирения, которая отдавала все на произвол короля. Каждое сословие должно было в отдельности проверить полномочия своих членов; если возникнут возражения со стороны других сословий, обсудить их призвана общая комиссия, а если и тут не удастся достигнуть согласия, последнее слово оставалось за королем. Стоило лишь распространить эту процедуру и на другие вопросы, как вся судьба Революции оказалась бы в руках короля. Неккер, несомненно, говорил себе, что в таком случае она окажется в его руках. Это было окончательное освящение произвола короля и министерского деспотизма.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Далее колебаться было невозможно, и, как ни велика была опасность открытой борьбы с министрами короля и с самим королем, отступить нельзя было больше ни шагу, не рухнув в пропасть. На заседании 5 июня Мирабо гневно изболел маневры министров и призвал оказать им отчаянное сопротивление¹. «Принять предложение комиссаров короля значило бы изменить самим себе, господа, нарушить свой долг: оно посягает на права нации, мало того, оно оскорбляет как справедливость, так и обычай; принятие его имело бы самые пагубные последствия; оно бы парализовало, убило Национальное собрание еще до того, как оно заявило о своем существовании; оно уничтожило бы последнюю надежду нации». Почувствовал ли он в тот момент колебание и слабость Собрания? Позднее в одном из своих посланий двору он писал: «Собрание родилось лишь для того, чтобы капитулировать». Горькие и несправедливые слова, ибо все поведение третьего сословия говорило столько же о твердости, сколько о мудрости, а Мирабо достиг величия только потому, что сумел распознать в умонастроении самого Собрания точку равновесия между оправданной отвагой и необходимой осторожностью.

Третье сословие дало себе несколько дней передышки под предлогом, что оно ожидает подписания протоколов заседания, и за эти несколько дней, с 6 по 10 июня, дворянство дало ему в руки средство разрубить узел. Оно не без зависти наблюдало за растущим влиянием духовенства и не без тревоги — за действиями всемогущих министров. Дворянство понимало, что такая развязка Революции обернется к выгоде высшего духовенства и короля и что само оно выйдет из этой авантюры еще более униженным и даже будет выглядеть несколько смешным. По-

этому оно заявило, что еще вынесет свое окончательное суждение о правильности полномочий некоторых категорий депутатов. Третье сословие жадно ухватило за средство спасения, которое, само того не желая, предоставило ему дворянство. Оно заявило, что, наконец, выяснилось, насколько все эти заседания были бесполезны; и, поскольку теперь третьему сословию не оставалось ничего иного, как утвердить свои суверенные права, аббат Сиейес, до тех пор хранивший молчание, взял на заседании 10 июня слово². Он решил воспользоваться своей знаменитой формулой: третье сословие — это вся нация. Поэтому он с удивительной сдержанностью и силой призвал общины отказаться от своего долгого бездействия, образовать жизнедеятельное Собрание и «потребовать» от членов обеих привилегированных палат явиться в зал третьего сословия, дабы присутствовать при общей проверке полномочий, содействовать и подчиниться ей.

Собрание, всегда старавшееся смягчать столкновения, добилося от неумолимого поборника логики замены слова «потребовать» словом «пригласить»³. Кроме того, оно приняло решение отправить королю адрес, чтобы ознакомить его со своими доводами, причем было отдано предпочтение энергичной редакции этого адреса, сделанной молодым Барнавом, а не редакции Малуэ. Одновременно Собрание организовалось: оно разделилось на 20 бюро⁴ и приступило к поименной перекличке всех депутатов — от дворянства, духовенства и от третьего сословия⁵. Оно выступило, стало быть, как Национальное собрание и готово было исключить из списков тех, кто не явится.

Такая твердая позиция придала мужества беднейшей части духовенства, и 13 июня приходский священник Жалле⁶ и несколько других появились среди депутатов третьего сословия. Теперь враждебные силы начали распадаться, и с этого момента можно было надеяться, что общины выиграли сражение. Однако трудности были еще велики, и, когда поименная перекличка депутатов была закончена, аббат Сиейес на заседании 15 июня поставил перед озабоченным Собранием роковой вопрос: Как органи-

левский совет немедленно запретил это издание. Тогда депутат из Экса написал «Письма графа Мирабо к своим доверителям» («Lettres du comte de Mirabeau à ses commettants»).

1. «Archives parlementaires», t. VIII, p. 70.
2. «Archives parlementaires», t. VIII, p. 84.
3. 10 июня 1789 г. было принято решение о необходимости и способах конституироваться. За этим реше-

нием следовал адрес, направленный королю (D u v e r g i e r, t. I, p. 24).

4. Постановление об организации Собрания в виде бюро было принято 7 июня 1789 г.
5. 12 июня 1789 г. было принято постановление о перекличке депутатов (D u v e r g i e r, t. I, p. 26).
6. Жалле (1732—1791) — кюре из Шеринье, депутат духовенства от сенешальства Пуатье.

зоваться и какое наименование принять? Парламентские ухищрения, — скажут поверхностные умы; нет, нарождающаяся Революция вся целиком зависела от этих форм. Аббат Сиейес сказал следующее¹:

«Теперь, когда проверка полномочий завершена, необходимо безотлагательно заняться конституированием Собрания. Согласно результатам проверки полномочий, бесспорно, что это собрание состоит из представителей, непосредственно избранных не менее чем 96% нации. Такая масса депутатов не может оставаться бездейственной из-за отсутствия депутатов от нескольких бальяжей или от нескольких групп граждан; ибо не явившиеся, которые были названы, отнюдь не могут помешать присутствующим осуществлять всю полноту их прав... Более того, поскольку право выражать волю нации принадлежит только прошедшим проверку представителям и поскольку все прошедшие проверку представители находятся в этом Собрании, из этого необходимо сделать вывод, что ему и только ему дано право выражать и представлять общую волю нации; никакая другая палата депутатов, только еще предполагаемых, не вправе лишить силы его решения... Наименование *Собрание признанных представителей французской нации, полномочия которых проверены*, является единственным наименованием, подобающим Собранию при настоящем положении вещей, единственным, какое оно может принять, пока оно не потеряло надежды объединить в своих рядах всех пока еще отсутствующих депутатов».

По существу, резолюция Сиейеса провозглашала верховные права третьего сословия; лишь оно одно, несмотря на отсутствие других сословий, могло проверять мандаты депутатов, и, с другой стороны, проверка, проведенная другими сословиями сепаратно, была недействительна. Существовало одно сословие, которое заключало в себе нацию, — третье сословие: остальные, если они не присоединятся к нему, не имеют никакого веса.

Мирабо, всегда озабоченный тем, чтобы Революция развивалась, избегая резких конфликтов, испугался остроты и силы формулировок Сиейеса и предложил общинам принять название, дающее им, если можно так выразиться, широкий простор для существования, но которое не отрицает столь грубо существования других сословий. «Называйте себя, — сказал он, — *представителями французского народа*»². Мишле удивлен и скандализован этой осторожностью Мирабо. «Он попытался, — сказал историк, — преградить путь Сиейесу, он — трибун, он, только вчера вознесенный Революцией, только в ней черпавший свою силу, захотел, повторяю, противопоставить себя ей и вообразил, что может ее остановить. Всякий другой навсегда погубил бы себя таким шагом.

Что может быть более трудным, чем отстаивать тезис Мирабо? Перед этой взволнованной, восторженной толпой, перед народом,

поднявшимся над самим собой благодаря величию кризиса, он пытался утверждать, что «народ не интересуется подобными дискуссиями, что ему бы только не платить того, что он может не платить, и спокойно влачить свою нищенскую жизнь...» После этих слов, недостойных, прискорбных, обескураживающих и к тому же несправедливых, он осмелился поставить вопрос принципиально: «Кто вас здесь собрал? Король... Дают ли вам ваши наказания, ваши мандаты право объявить себя Собранием единственных признанных и прошедших проверку представителей? А что, если король откажет вам в санкции... Последствия этого очевидны. Вы начнете грабежи, резню, у вас не останется даже омерзительной чести назвать это гражданской войной»³.

Мишле слишком быстр и суров в своих суждениях о Мирабо. То, в чем он видит неразрешимое противоречие, — всего лишь логическое следствие всей тактики, принятой трибуном. Все время, с самого ее зарождения, мы видели, как он двигал Революцию вперед, но старался всякий раз, чтобы она не столкнулась с королевской властью, как с непримиримым врагом. Почему? Монархист до мозга костей, он хотел, чтобы Революция была направлена против привилегий, против знати, парламента, но не против короля; он мечтал о королевской демократии, при которой свобода нации — носительницы верховной законодательной власти — находила бы защиту у конституционной власти короля, и он страстно желал избежать всего, что могло потрясти трон. Он желал избежать любого конфликта, который поставил бы по одну сторону общины, а по другую — короля и привилегированных. И он боялся, как бы король, отказавшись признать чересчур напоистые формулировки Сиейеса, не восстал решительно против третьего сословия. Впрочем, было ли малодушие, чуть ли не измена, как, по-видимому, хочет доказать Мишле, в том, что Мирабо задавал себе со страхом вопрос об умонастроении народа?

Коварные маневры духовенства в продовольственном вопросе могли ввести в заблуждение часть нации. Кто до 14 июля мог бы с уверенностью предсказать, что народ восстанет и сокрушит силу деспотизма? Мирабо не без оснований опасался, что роспуск или отсрочка заседаний Генеральных штатов вызовет лишь беспомощный бунт, который очень скоро будет потоплен в крови. Его план, быть может и более благоразумный, нежели план Сиейеса,

1. P. h. B u c h e z et P. C. R o u x. Histoire parlementaire de la Révolution française, ou journal des Assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815, t. I, p. 443 (далее: B u c h e z et R o u x).

2. Еще до Мирабо Мунье предложил Собранию конституироваться в

«Законное Собрание представителей большей части нации, действующее в отсутствие представителей ее меньшей части».

3. J. M i c h e l e t. Histoire de la Révolution française. Éd. G. W a l t e r, t. I, p. 103.

тоже не был лишен смелости. Он желал, чтобы общины, причислив себя самым названием к народу, направили усилия на завоевание широкой популярности. Они должны были в качестве временной меры вотировать великие реформы, уничтожить налоговые привилегии и сказать нации: «Все принятые нами меры пока могут быть только пожеланиями, но они станут законами в тот день, когда привилегированные сословия присоединятся к нам». Таким путем общины пустили бы глубокие корни в народе, они заставили бы отделившиеся от них сословия присоединиться к ним, устранив опасность кровавого столкновения. Зачем же клеветать на этот превосходный план, который, если даже и не имел смелости бросить открытый вызов привилегированным, напал на самые привилегии и обеспечивал третьему сословию поддержку общественного мнения? Во всяком случае, Мирабо был вправе упрекать Сиейеса в намеренной распылчатости выбранного им наименования. По сути говоря, он хотел, чтобы депутаты третьего сословия стали Национальным собранием, но он этого не говорил открыто, и из-за этого терялась революционная сила, которую откровенность и лаконичность наименования придали бы общинам. Последние дебатировали, находясь в сильном замешательстве. Мунье предложил им название: «Законодательное собрание представителей большей части нации, действующее в отсутствие представителей ее меньшей части». Это было очень длинно; кроме того, признавая за депутатами других сословий, чьи полномочия еще не были проверены, те же права, что и за избранными третьим сословием, это предложение на самом деле уж очень смазывало национальный характер общин. Последние еще колебались на заседаниях 15 и 16 июня; но, превосходя своих наиболее прославленных вождей прозорливостью и мужеством, они поняли, что их спасет только ясность и смелость, и, по предложению Леграна, депутата от Берри¹, они, наконец, 17 июня приняли решение, заявив, что «единственное достойное их наименование — это *Национальное собрание*»². В тот же день Собрание с великолепной решимостью продемонстрировало свою верховную власть. Оно объявило, что все существующие налоги взимаются противозаконно, но Собрание придает им временную законность, только «до первого дня роспуска этого Собрания, по какой бы причине он ни произошел»³. Таким образом, всякий акт насилия против Собрания сразу уничтожил бы законность взимания налогов и сделал бы законным сопротивление всех граждан. От этого Собрания, столь долго соблюдавшего осторожность, теперь исходят великие революционные решения. И в этих людях злобная либо педантичная реакция желает видеть только пустоголовых теоретиков или же безыдейных сутяг! Никогда еще в человеческой деятельности не проявлялось столь замечательное сочетание умения и отваги, мудрости и героизма.

КЛЯТВА В ЗАЛЕ ДЛЯ ИГРЫ В МЯЧ

Двор и привилегированные сословия были весьма обескуражены. После этого сокрушительного удара им не оставалось ничего иного, как полностью подчиниться либо прибегнуть к насилию. И чтобы получить хоть какой-нибудь шанс на успех, они должны были действовать быстро. Но в своей растерянности они потеряли три дня. Дворянство, бывшее столь надменным несколько недель назад, направляет королю 19 июня слезное послание: «О сир, сословию дворян остается только взывать к вашему сердцу... Депутаты третьего сословия сочли себя вправе сосредоточить единственно в своих руках власть Генеральных штатов, не ожидая содействия всех трех сословий и санкции Вашего Величества; они сочли себя вправе превращать свои декреты в законы; они распорядились их напечатать, опубликовать и разослать по провинциям; они отменили налоги и они же их восстановили; они, без сомнения, решили, что могут присвоить себе право короля и всех трех сословий. Мы вручаем в руки Вашего Величества наш протест».

В их жалобах чувствуется смятение: эти привилегированные, беседуя на берегу, внезапно увидели катившийся на них огромный вал, и тут они вдруг осознали, насколько сами малы. Но уже среди них появилось меньшинство, осмелившееся заявить свой протест. А главное, низшее духовенство, ободренное отвагой третьего сословия, победило свой страх и решило 19 июня присоединиться к нему для совместной проверки полномочий. Нижеследующая резолюция, еще несколько нерешительная по форме, была принята 149 голосами: «Большинство собравшихся здесь лиц духовного звания придерживается того мнения, что окончательная проверка полномочий должна быть произведена на общем собрании, с той оговоркой, что право на разграничение сословий будет оставлено в силе». Еще один шаг — и это будет объединение без всяких оговорок. Потрясенные кардинал де Ларошфуко и архиепископ Парижский помчались в Марли, где находился король⁴; и там, по наущению духовенства, было решено, что король совершит государственный переворот.

На следующий день, 20 июня, в 9 часов утра, когда Байи, председатель Национального собрания, и два его секретаря подо-

1. Легран (1748—1817) — королевский адвокат в бальяже Шатору, депутат третьего сословия от бальяжа Буржа.

2. 17 июня 1789 г., декларация об учреждении Национального собрания (Duvergier, t. I, p. 27)

3. 17 июня 1789 г., декрет об обеспечении взимания налогов и об

уплате государственного долга (Duvergier, t. I, p. 27).

4. Ларошфуко (1712—1800) — кардинал, архиепископ Руанский, примас Нормандии, депутат духовенства от Руанского бальяжа. Леклер де Жюинье (1728—1814) — архиепископ Парижский, пэр Франции, депутат духовенства от города и предместий Парижа.

шли к главному входу, они увидели, что путь прегражден солдатами! Председатель потребовал вызвать офицера охраны. Появился граф Версан, представился и сказал, что получил приказ не пропускать никого в зал, чтобы не мешать приготовлениям к королевскому заседанию.

Председатель выразил протест и объявил заседание открытым. Неважно, что зал был заперт. Собрание объявило, что в это утро, в 9 часов, состоится заседание: следовательно, оно состоится. И если даже оно будет проведено на улице, все равно оно состоится. Такова воля нации, а это — высший закон для всех.

Под проливным дождем депутаты ищут не укрытия от непогоды, а уголок, где они могли бы обсуждать свои дела. Довольно обширное помещение служило для игры в мяч; это был большой зал с окнами, на половине высоты голых стен которого тянулись деревянные галереи. Именно здесь состоялось собрание нации, именно здесь все депутаты, за исключением одного, Мартена Доша¹, принесли по предложению Мунье клятву не расходиться до тех пор, пока не будет выработана конституция. Крупный юрист Тарже составил текст клятвы². «Национальное собрание, принимая во внимание, что оно призвано разработать конституцию королевства, возродить общественный порядок и отстоять истинные принципы монархии, что ничто не должно мешать ему продолжать свои заседания, в каком бы месте ни пришлось их проводить, и что, наконец, повсюду, где бы члены его ни собрались, там и пребывает Национальное собрание,

Постановляет, что все члены этого Собрания приносят в эту минуту торжественную клятву собираться повсюду, где этого потребуют обстоятельства, и не расходиться до тех пор, пока не будет выработана и на прочной основе утверждена конституция королевства, и что, принеся указанную клятву, все члены Собрания в целом и каждый из них в отдельности скрепят своей подписью это непоколебимое решение»³.

Так все избранники третьего сословия в тот час великой опасности связали себя друг с другом и все вместе с нацией священными узами. Они могли бестрепетно встретить королевское заседание, назначенное на 22 июня, и государственный переворот; они были воплощением величия нации и величия клятвы. На следующий день, 21 июня, заседание Собрания не состоялось, ибо то было воскресенье; но, чтобы особо подчеркнуть непрерывность своей деятельности, которую отныне никто не смеет нарушить, оно отложило это заседание на понедельник, 22-е, постановив при этом, что, если королевское заседание состоится в национальном зале, все члены Собрания останутся на месте до тех пор, пока оно не закончится, а потом будут продолжать свои прения и свою повседневную работу. Знаменитый ответ Мирабо де Дрё-Брезе выражал не что иное, как единодушное мнение великих буржуа-революционеров.

В понедельник утром, 22 июня, герольды возвещают, что королевское заседание переносится на завтра, 23 июня. Странное смещение насилия и проволок. Эта задержка на один день дает возможность большей части духовенства осуществить свое решение и присоединиться к общинам. Третье сословие, ставшее своей волей Национальным собранием, заседало в церкви св. Людовика, когда явились приходские священники и объявили о своем решении заседать совместно. Они были встречены горячими аплодисментами. Это присоединение накануне королевского заседания сделало позицию духовенства едва ли не революционной. Низшему духовенству явно надоели полумеры: оно только что направило архиепископам и епископам гордое послание, напоминая им, что решение большинства является законом для всего сословия в целом. Ветер Революции начал перерастать в бурю, когда король в сопровождении принцев и высшего духовенства сделал попытку противопоставить ей свой переворот 23 июня.

КОРОЛЕВСКОЕ ЗАСЕДАНИЕ 23 ИЮНЯ⁴

Огромный аппарат насилия был приведен в боевую готовность против общин утром, в день королевского заседания. Многочисленная охрана окружила зал «Малых забав». На соседних улицах и Парижской авеню расположились отряды французской, швейцарской и превотальной гвардии, а также конной жандармерии, главные улицы были перекрыты. Очевидно, ставилась цель удалить и рассеять скопления народа, который нескончаемым, возбужденным потоком устремился в Париж, чтобы наблюдать за драматической борьбой нарождающейся Революции против деспотизма. Вход в зал публички был строжайше запрещен.

Контрреволюция уже боялась манифестаций на галереях, и все принятые ею меры предосторожности лучше всего указывают на умонастроение общества. На первом заседании 5 мая галереи были полны зрителей и король без опасений показывался «своему народу». И всего через полтора месяца после этого на заседании за закрытыми дверями, охраняемом войсками, угрожающая, но смятенная королевская власть бросает вызов представителям нации.

1. Мартен Дош (а не д'Ош, как его пишет Жорес) — лицензиат права, депутат третьего сословия от сенешальства Кастильонадари.
2. Тарже (1733—1806) — бывший адвокат при парламенте, депутат третьего сословия от Парижского округа.

3. См.: A. Brette. Le Serment du Jeu de Paume... Paris, 1893.
4. Относительно королевского заседания 23 июня 1789 г. см. в основном: «Recueil de documents relatifs aux séances des États généraux, mai-juin 1789» (под редакцией Ж. Лефевра), т. I, II: «La séance du 23 juin». Paris, 1962.

Двери зала растворяются, и г-н де Брезе, главный церемониймейстер, впускает сначала членов обоих привилегированных сословий¹. Больше часа под проливным дождем ожидали общины, вернее, в их лице саму нацию подвергли таким образом унижению. Возмущенные депутаты нации уже грозили удалиться, когда наконец подошла их очередь войти.

Трон помещался в глубине зала: духовенство посадили по левую сторону, дворянство — по правую. Третье сословие разместилось в центре, как и 5 мая. При виде того, как три сословия разместились точно так же, в том же зале, можно было подумать, что все будет так, как в тот первый день. Но между двумя датами произошла целая революция; и какая подспудная драма разыгрывалась в душе этих людей, пока они ожидали появления короля! Депутаты третьего сословия вступили в борьбу, в которой они рисковали своей головой, а вместе с тем и свободой нации. И неужели король, престиж которого еще довлел над ними и которого они в мыслях пытались отделить от привилегированных, обрушит на них кулак солдата? Неужели государственные темницы вскоре примут в свои стены закованных в кандалы доблестных представителей буржуазии? Дворянство, изумленное растущим возбуждением меньшинства в его рядах, которое не разделяло его воззрений, бросало странные взгляды на это дерзкое третье сословие, которое осмелилось именовать себя нацией.

Его, разумеется, скоро обуздают и унижат: но не будет ли при этом закреплено навсегда всемогущество короля и министров и окончательно принижено дворянство при этой общей деградации? Впрочем, кто знает, каких вспышек можно ожидать от этого взбунтовавшегося третьего сословия, от этой черной массы легистов, превратившихся в революционеров? Может быть, даже кое-кто из них, даже из числа наиболее непримиримых, вроде Казалеса², с некоторым сожалением говорили себе, что слова их нашли бы более мощный отзвук и принесли бы им больше славы в общем Собрании нации, чем в ограниченном кругу изолированного дворянства? Только надменные прелаты, которые и замыслили этот план контрреволюции, торжествовали в глубине души, предвкушая, что желанный переворот укрепит трон и возвычит ослепительный алтарь, на который народы будут возлагать свои приношения.

Между тем сопротивление приходских священников и даже отступничество нескольких высокопоставленных прелатов, как, например, архиепископа Бордоского, должны были заронить искру тревоги в их полные злобы сердца³. Все эти разнообразные ожидания были бы мучительными, если бы они не умерялись сомнением: а не чересчур ли поздно начал действовать король? Кажется, слишком многое уже успело свершиться, чтобы вмешательство короля могло круто изменить ход событий; и депутаты третьего сословия, решившие, что они будут продолжать свое

заседание по окончании королевского, в сущности, заранее свели задуманный переворот к незначительному событию, неспособному даже нарушить ход их совещаний.

Под возвышением, на котором был установлен трон, сидели министры; но одно кресло, а именно кресло Неккера, пустовало. Министр не пожелал рисковать своей популярностью, участвуя в этой аванюре: он осудил ее уже своим отсутствием; но он всего лишь отсутствовал, а не был смещен. Король, следовательно, стерпел, что его министр протестовал против воли своего властелина. Это сделало еще более малозначительным заседание и ослабило напряженность всеобщего ожидания.

Около одиннадцати часов король выехал из дворца. Перед его каретой и позади нее следовали сокольничие, пажы, шталмейстеры и четыре отряда лейб-гвардии; он словно хотел укрыться за всей пышностью старого порядка, чтобы остановить Революцию и укрепить собственную уверенность в своих пошатнувшихся правах.

Он вошел в зал в сопровождении принцев крови, герцогов и пэров, а также капитанов лейб-гвардии. Депутаты встали и вновь уселись. Король заговорил⁴. Какая это была лицемерная речь! Какой вероломный обвинительный акт против Генеральных штатов!

«Генеральные штаты открыты вот уже почти два месяца, и до сих пор они не сумели договориться относительно предварительных условий своей деятельности. Одна любовь к отечеству должна была бы породить полное единомыслие, а между тем пагубный раскол вселяет тревогу во все сердца». Король забывает сказать, что именно двор несет за это ответственность. Именно двор согласился на двойное представительство третьего сословия и отверг неизбежно вытекающее из него поголовное голосование, чем создал безвыходное положение. Король забывает сказать, что в ту минуту, когда торжественный демарш общин должен был побудить низшее духовенство примкнуть к ним и принудить к этому и дворянство, именно он неожиданно подстрекнул сопротивление привилегированных, заявив о своем желании самому рассудить конфликт, который вот-вот должен был быть улажен. Из-за слабодушия или двуличия, он встал на сторону упрямых

1. Дрё-Брезе, маркиз де (1766—1829) — главный церемониймейстер с 1781 г. Ему по должности надлежало организовать церемониал Генеральных штатов. Эмигрировав после 10 августа, он вскоре вернулся, и никто его не потревожил во времена террора.
2. Казалес (1758—1805) — шевалье, капитан полка конных егерей Фландрии, депутат от дворянства

Ривьер-Вердена (финансовый округ Ош).

3. Шампион де Сисе (1735—1810) — архиепископ Бордоский, депутат духовенства от Бордоского сене-шальства.

4. См. текст речи короля в: «Recueil de documents relatifs aux séances des États généraux, mai-juin 1789» (далее: «Recueil de documents»), t. I, II: «La séance du 23 juin», p. 274.

дворян и прелатов-интриганов, а теперь обвиняет нацию. Я себе представляю, что в самом молчании общины звучал глухой протест. И что же предлагает король, чтобы положить конец этому конфликту? Он предлагает навечно закрепить притязания привилегированных и бессилие нации; он говорит в пункте первом своей декларации: «Король желает, чтобы исконное различие трех сословий государства было полностью сохранено, так как оно неразрывно связано с устройством самого королевства; чтобы собранием представителей нации рассматривали только депутатов, свободно избранных каждым из трех сословий, образовавших три палаты, совещающихся отдельно по сословиям и могущих, с одобрения государя, договариваться о совместном обсуждении своих дел. Тем самым король объявляет недействительными решения, принятые депутатами третьего сословия 17 числа сего месяца, а также те, которые могут за ними последовать, как незаконные и противоречащие институтам королевства».

Он, стало быть, разрывает единство национального представительства. Более того, во втором пункте, присваивая себе право трех сословий, он заявляет, что признает действительными все мандаты, которые не вызвали никаких споров. И наконец, он категорически отвергает право совместного обсуждения «всех вопросов, касающихся старинных и связанных с институтами государства прав трех сословий, а также организации, какую падлежит придаг будущим Генеральным штатам, вопросов, касающихся феодальной и сеньориальной собственности, полезных прав и почетных prerogatives первых двух сословий».

Итак, само дворянство будет решать, должно ли сохранить или отменить феодальную собственность; сами дворяне будут решать судьбы дворянства; само духовенство будет решать вопрос о привилегиях духовенства; итак, единство, которое, по мнению буржуазии, она дала Франции, всего лишь иллюзия: существуют по-прежнему три сословия, отделенные друг от друга пропастью; и каждое из них представляет собой крепость, в которой заключены его привилегии. Но и такие гарантии недостаточны для духовенства, и, чтобы его успокоить, король заявляет в специальном пункте: «Особое согласие духовенства будет необходимо для принятия всех распоряжений, которые могут касаться интересов религии, церковной дисциплины, распорядка орденов и черного и белого духовенства». Король не только глумится над нацией, он унижает саму королевскую власть, он увековечивает над собой власть привилегированных сословий.

И, словно народное представительство еще недостаточно унижено, король постановляет, что в тех редких случаях, когда все три сословия совместно будут обсуждать какие-нибудь, кстати сказать, незначительные вопросы, публика на эти заседания допускаться не будет. «Должный порядок, благопристойность и сама свобода голосования требуют, чтобы Его Величество запретил, что

он недвусмысленно и делает сейчас, кому бы то ни было, за исключением членов трех сословий, составляющих Генеральные штаты, присутствовать на их заседаниях, независимо от того, будут ли эти заседания совместными или разделенными». Вот как заперли в клетку третье сословие, пресекли его живые связи с великим и пылким народом, который до сих пор его поддерживал и подталкивал. Это было чем-то вроде заключения депутатов общин в Бастилию; и никогда тюремщик-король не опустит подъемного моста.

Чего стоят после этого заверения короля, когда он, излагая свои намерения, утверждает, что стремится к бережливости и к более справедливому распределению налогов? Даже если бы его намерения были серьезны, даже если бы оговорки и двусмысленность не лишали почти их смысла, если бы даже король решительно не санкционировал всю старую феодальную систему, «десятины, ценз, оброки, феодальные и сеньориальные права и повинности», какие гарантии оставались бы у нации, что обещания будут выполнены, что реформы сегодняшнего дня не будут отменены? Неслыханная вещь: монарх, разоружив нацию, разоружил сам себя, и бессильный король провозглашает всеобщее рабство. Какая слабость и непоследовательность! И тем не менее после этих странных заявлений, которые доказывали ничтожество короля, он осмеливался утверждать, что это ничтожество есть все, уладит все.

Отказавшись от власти в пользу дворянства и духовенства он намеревался всех подавить своим самодержавием: «Вы сейчас выслушали, — заявил он голосом жестким и неестественным, — изложение моих предписаний и намерений; и если вы, по фатальной случайности, далекой от моей мысли, не поддержите меня в столь прекрасном начинании, я один добьюсь блага для своих подданных; я буду рассматривать одного себя их подлинным представителем; ознакомившись с вашими наказаниями, зная о полном согласии, кое существует между желаниями большинства нации и моими благотворными намерениями, я почерпну всю нужную мне уверенность в столь редкой гармонии. Я повелеваю вам, господа, разойтись тотчас же и собраться завтра утром каждому сословию в отведенных вам палатах, дабы возобновить свои заседания. Я повелеваю церемониймейстеру сообщить вам мою волю».

Эти заявления короля, который отдал дворянству и высшему духовенству осколки своей власти и брал затем на себя одного спасение нации, которую он и создал лишь по причине полного бессилия королевской власти, были настолько ни с чем не сообразны, что, несомненно, вызвали не столько страх, сколько изумление. С первой же минуты началось неповиновение королю. Вместо того чтобы разойтись, как повелел король, депутаты третьего сословия остались заседать. Мирабо, который по своим внезапным озарениям и впечатляющей силе своих наиболее обдуманных порывов был героем решающих мгновений, поднялся первым.

«...Что это за оскорбительная диктатура? Собрать против нас войска, нарушить святость национального храма, чтобы приказывать нам быть счастливыми? И кто же отдает вам такой приказ? Ваш уполномоченный. Кто вам навязывает эти самовластные законы? Ваш уполномоченный — тот, кто должен получать законы от вас, от нас, господа, облеченных политическим званием, священным и неприкосновенным; от нас, наконец, от которых одних 25 миллионов человек ожидают счастья, счастья надежного, ибо оно должно быть установлено, дано и принято всеми».

Маркиз де Брезе приближается к председателю и говорит ему: «Мосье, вы ведь слышали повеление короля». Негодующий Мирабо встает и взволнованно, своим мощным голосом и с энергичным жестом, заявляет: «Да, мосье, мы слышали намерения, *внушенные королю*; вы же не можете стать его посредником перед Генеральными штатами, вы, не имеющий здесь права ни находиться, ни говорить, не смеее напоминать нам об его речи. Однако во избежание всяких кривотолков и проволочек я вам заявляю, что если вам поручено заставить нас уйти отсюда, вам придется запросить приказ о применении силы; подите скажите вашему господину, что мы находимся здесь по воле народа и покинем наши места, только уступая силе штыков».

Все Собрание криками одобрения встречает его слова. Не возразив ни слова, церемониймейстер удаляется. Собрание с минутой хранит молчание, и Сиейес возвращает его к полному сознанию реальности и его прав, произнеся нижеследующие решительные и спокойные слова: «Мы сегодня те же, что были и вчера: начнем же совещание»¹.

Как бы накануне боя, Мирабо хочет облечь избранных нации в броню неприкосновенности. Собрание издает декрет, согласно которому личность каждого депутата неприкосновенна; и всякий, кто посягнет на это высшее право, объявляется бесчестным человеком, изменником нации, виновным в преступлении, караемом смертной казнью. Вооружив себя таким могучим оружием, Собрание разошлось с тем, чтобы возобновить завтра свое заседание.

Так закончился этот странный день неудавшейся попытки переворота. Как же велико было заблуждение двора, если он мог бросить вызов Революции, совершенно не подготовившись одним ударом подавить всякое неповиновение? Третье сословие в тот же час и оказало неповиновение королю, а грозная военная сила, выставленная против Собрания, осталась бездейственной и бесполезной. Неужели двор совсем не предвидел сопротивления, которое, однако, чувствовалось еще 20 июня? Почему король выказал такое высокомерие по отношению к нации в то время, как он не осмелился даже уволить Неккера, выразившего открытое неодобрение действий короля? Противоречие клонящейся к закату власти, беспорядочное насилие которой выдыхалось и которая изменяла самой себе.

Этот вызывающий и бессмысленный поступок короля имел лишь то последствие, что ускорил объединение сословий. Меньшинство дворянства поняло, что пришла пора сделать выбор между переворотом и общинами: и оно решительно повернуло к общинам; точно так же поступило и духовенство². Чтобы как-то благопристойно завуалировать поражение высшего духовенства, покинутого и как бы отвергнутого приходскими священниками, король в письме от 27 июня рекомендовал сословию духовенства целиком присоединиться к общинам³.

Итак, Национальное собрание было окончательно организовано благодаря объединению трех сословий: и сам король, четыре дня спустя после его речи в Собрании, санкционировал единство национального представительства. Было ли это снова наивысшим проявлением коварства и двор желал усыпить недоверие, чтобы спокойно подготовить более успешный, нежели королевский, военный переворот? Или же это было проявление слабости и растерянности короля после глубокого морального поражения 23 июня? Нет никакого точного свидетельства, никакого решающего признания, которое позволило бы выяснить причины нерешительности короля в те смутные дни.

Но избранные третьего сословия поторопились объяснить себе это новое выступление короля, сколь оно ни было двусмысленно, как возврат Людовика XVI к его подлинным чувствам.

Собрание пребывало в каком-то странном умонастроении; оно не хотело уничтожать монархию; оно даже не помышляло о такой возможности, а Камиля Демулена, единственного в то время объявившего себя республиканцем, считали ветрогоном, не заслуживающим ни малейшего внимания.

С другой стороны, оно не могло закрывать глаза на то, что вот уже два месяца поведение короля по отношению к нации представляло собой сочетание слабости и насилия. Как разрешить этот ужасный внутренний конфликт? Снисходительно и упорно Собрание поддерживало фикцию: король добр и все, что подсказывает ему его сердце, превосходно, но он подпал под влияние развращенных советников, искажающих его добрые намерения.

Следовательно, протестовать против действий короля вовсе не означало протестовать против самого короля: напротив, это значило почтительно восстанавливать его волю, искаженную подлыми советчиками. Эта фикция позволяла Собранию быть

1. Главному церемониймейстеру Байи ответил: «Собравшейся нации не приказывают». Потомство предпочло запомнить выражение Мирабо. О тексте его еще будет много споров.

2. 24 июня большинство духовенства слилось с третьим сословием в

Национальное собрание; на следующий день 47 депутатов от дворянства во главе с герцогом Орлеанским последовали их примеру.

3. «Archives parlementaires», t. VIII, p. 161.

одновременно монархическим и революционным, роялистским и непокорным королю.

Возможно, что такой образ мыслей, который сегодня нас удивляет и от которого нас даже коробит, был необходим в тот первый период Революции. Если бы Собрание честно призналось себе, что король был естественным союзником и сознательным сообщником привилегированных, восставших против нации, если бы оно возложило на короля личную и прямую ответственность за переворот 23 июня, оно было бы вынуждено обвинить и низложить его.

Однако монархическая традиция была настолько сильна, идея республики настолько чужда умонастроению французов, что Франция полагала, что, отвергнув королевскую власть, она повиснет в пустоте. Может, надо было сменить короля? Поставить на его место герцога Орлеанского или графа Прованского? Это значило бы восстановить одного представителя королевской власти против другого, привести в замешательство страну. Могла ли она быть уверена, впрочем, что новый король не вернется вскоре к исконной форме и притязаниям королевского абсолютизма? Оставалось лишь одно решение: закрывать глаза на правду и упорно отделять короля от его же поступков.

Но если даже подобная ложь, которой Собрание убаюкивало себя, была действительно на некоторое время необходима, она была тем не менее пагубна: она проникла, так сказать, в самое сердце Революции, нарушала его биение. Даже после бегства в Варенн, которое было уже открытой изменой, Собрание все еще упорствовало в самообмане, в плену которого оно оказалось: «Виноват не король» — и окажется проще стрелять в петиционеров на Марсовом поле, чем порвать с жалкой фикцией, с которой Революция могла жить и от которой она едва не погибла¹.

Кине, который хочет подчинить историю совести, утверждает, что ложь вовсе не была необходима и что, сразу высказав всю правду, а именно об ответственности короля, Революция избежала бы многих препятствий и заблуждений². Но глубокая логика вещей нередко бывает более смелой, нежели логика ума.

Революционная действительность подсказывала необходимость установления республики еще до того, как сознание французов созрело, чтобы прийти к такому же заключению; именно это несоответствие между новыми требованиями, выдвигаемыми ходом событий, и привычными взглядами даже наиболее смелых умов и составляет драму истории; и высокомерный моралист не в силах устранить эту драму. Мирабо жестоко страдал из-за попытки переворота, предпринятой королем 23 июня, так как она могла на смерть посорить Революцию с королем и заставить ее пойти по кровавому пути.

Уже взволнованный и возмущенный народ начал подниматься. Уже народные силы пришли в движение, и скоро Собрание не

в состоянии будет их сдержать. Поэтому, когда король 27 июня высказал духовенству и дворянству свое странное и запоздалое желание о полном объединении сословий, Мирабо спешит повернуть общественное мнение в пользу королевской власти и в пользу короля. Его упорный замысел состоял в том, чтобы оторвать короля от аристократии и сделать его вождем Революции.

С его помощью путь к этому облегчался: Собранию, обладавшему двойной силой — разумом и авторитетом королевской власти, — не было нужды прибегать к бурлящим силам народа; нация мирно возьмет в свои руки верховную власть, не запятнав свою победу ни единой каплей крови.

То была, конечно, химерическая надежда, постоянно раздираемая в клочья, которую он упорно, до самой смерти, пытался латать и которую он унес с собой в могилу как траур по монархии. Итак, 27 июня он просит Собрание отправить своим доверителям адрес, дабы успокоить умы, и в разгар революционных действий вернуть им доверие к мирным и легальным средствам.

Во власти великолепной полуневольной иллюзии скорого согласия он восклицает: «Пусть же послужит во славу Франции, нас всех, что эта великая Революция не будет стоить человечеству ни злодеяний, ни слез! Самым мелким государствам часто удавалось добиваться тени свободы только наиболее дорогой ценой, ценой крови. Нация, которая чрезмерно кичится своей Конституцией и указывает на пороки нашей нации [Англии], более века страдала от потрясений и междоусобных войн, прежде чем утвердила свои законы.

Даже Америка, чей гений — хранитель мира служит ныне как бы воздаянием за то освобождение, кое явилось делом наших рук, обрела это неоценимое благо только после кровавых невзгод, после длительной борьбы с переменным успехом. А мы, господа, мы увидим, как наша революция свершится единственно силой просвещения и патриотических намерений... История слишком часто повествовала нам лишь о действиях диких зверей, среди которых изредка можно было различить героев; нам позволено надеяться, что нам дано положить начало истории людей».

1. Объяснение гораздо сложнее. Это страх перед демократией и страх социальный определили после Варенна поведение Учредительного собрания. Оно создало легенду о *позиции* короля. Подтверждением тому служит пламенная речь Барнава 15 июня 1791 г.: «Будем ли мы кончать Революцию или начнем ее сначала?... Еще один шаг вперед был бы гибельным и преступным, еще один шаг

в сторону свободы означал бы низвержение королевской власти, в сторону равенства — уничтожение собственности».

2. Труд Кине «La Révolution» был опубликован в 1865 г. Одно из его основных положений состоит в том, что террор вовсе не был необходим, что он даже не был полезен, что он являл собой само отрицание Революции.

Еще никогда не было сказано более достойных восхищения слов; как хотелось бы запомнить и донести этот призыв к человечности до грядущей пролетарской революции. Он прозвучал не напрасно в 1789 г., в начале Революции, ибо, несмотря ни на что, эта была одна из наиболее человечных и наиболее кротких революций.

Так Мирабо в порыве, в котором не было ни капли двоедушия, то разражался великолепным гневом, когда Революция оказывалась в опасности, то смягчал сердца, когда появлялась надежда на мирное достижение успеха.

ПРИЗЫВ К СОЛДАТУ¹

В то время как Собрание, считая, что оно, наконец, одержало победу, взялось за устранение последствий потрясения, перенесенного 23 июня, двор вновь перешел в наступление, или, возможно, обнаружил новые планы нападения, от которых он никогда и не думал отказываться: он стягивал войска, имея в виду нанести одновременный удар и по Парижу и по Версалию. Он понял, что недостаточно сразу уничтожить и центр национального сознания в Версале, и центр национальной силы в Париже. И надо же, чтобы в своем глубочайшем ослеплении двор предпринял это неслыханное контрреволюционное выступление как раз на следующий день после того, как Собрание приняло в свое лоно дворянство, часть которого была искренна, и привлекло на свою сторону духовенство, в большинстве своем революционно настроенное.

Чтобы мобилизовать войска и сосредоточить их между Парижем и Версалем, двор воспользовался как предлогом инцидентами, имевшими место в тюрьме Аббатства. С тех пор как началась борьба между Собранием и двором, народ Парижа, с его тонким революционным чутьем, понял, что необходимо обеспечить себе поддержку солдат, и пытался завоевать их на сторону Революции. Это было не очень трудной задачей, потому что именно для армии были более всего невыносимы дворянские привилегии: только дворян могли производить в офицеры; дисциплина была сурова, жалованье мизерное. Солдаты получали на свое пропитание всего по 8 су в сутки. И большинство из них были вынуждены, чтобы прокормиться, дополнять свое жалованье, занимаясь каким-нибудь ремеслом в свободные часы, оставляемые им печальной жизнью в казарме, где они должны были провести восемь лет. Вот почему они были недовольны и приобщены к лихорадочной жизни нации: стало быть, полностью созрели для вовлечения их в революцию. Народ Парижа вел непрерывную пропаганду, особенно среди французских гвардейцев.

В конце июня несколько солдат из французской гвардии, обвиненные своими начальниками в неповиновении, были заключены в тюрьму Аббатства, и вскоре по Парижу распространился слух, что их переведут в омерзительную тюрьму Бисетр, в этот ужасающий вертеп пороков, безумия, нищеты и заразы. Возмущенный народ взломал ворота Аббатства, освободил заключенных солдат и отвел их в Пале-Руаяль, где их охраняла большая толпа. Это должно было произвести огромное впечатление в казармах. Однако военные власти потребовали возвращения солдат и заявили о своем намерении вернуть их силой. Депутация парижских граждан явилась в Собрание и попросила его заступиться перед королем за французских гвардейцев.

Такая просьба поставила Собрание в затруднительное положение. Сначала оно отказалось принять депутацию. Вмешаться — это значило посягнуть «на исполнительную власть», это, возможно, значило также поощрять уличные беспорядки и волнения в казармах, за которые Собрание не желало брать на себя ответственность. Такую позицию энергично поддерживали правые и умеренные, Мунье и Клермон-Тоннер². Но отдать солдат во власть жестоких репрессий монархии представляло, с другой стороны, смертельную опасность для Революции. Это значило отдать армию контрреволюции. Чтобы избежать подобной опасности, Мирабо предложил отправить в Париж послание для успокоения народа и депутацию к королю, чтобы просить помилования для солдат. Ле Шапелье со своим бретонским темпераментом возлагал ответственность на двор и самого короля. «Было бы опасно, — сказал он, — проявить жестокое безразличие к тем, кто был бы виновен при любых других обстоятельствах, но *сегодня заслуживает самого большого снисхождения*. В самом деле, какова причина волнений, вспыхивающих в Париже? Это — королевское заседание; это — удар, нанесенный Генеральным штатам; это — насилие, узурпация исполнительной властью прав законодательной власти». Почти вся левая аплодировала Ле Шапелье. И Собрание направило к королю депутацию, умоляя его восстановить порядок своим милосердием. Таким образом, Национальное собрание не захотело порвать связи с народом Парижа. Обособившись, оно было бы обречено на гибель.

Король помиловал солдат, но, руководствуясь советами королевы и принцев, он, безусловно, усмотрел в парижских волнениях возможность восстановить свой авторитет силой. И он как нельзя более ясно дал понять это Собранию в своем послании от 3 июля³.

1. См.: P. Caron. La tentative de contre-révolution, juin-juillet 1789. — «Revue d'histoire moderne», 1906, p. 5, 649.

2. Клермон-Тоннер, граф, де (1757-1792) — полковник королевского

Наваррского полка, депутат от дворянства Парижа и Парижского округа.

3. «Archives parlementaires», t. VIII, p. 184.

«Я не сомневаюсь в том, что Собрание придает такое же большое значение успеху всех мер, принимаемых мною для восстановления порядка в столице. Дух распущенности и неповиновения разрушает все связи, и если он будет возрастать, не только счастье всех граждан будет омрачено, но, *быть может, кончится тем, что останется непризнанным благородный труд, которому собираются посвятить свои силы представители нации*».

Эта фраза изобличает весь план двора. Именно в Париже он собирается теперь нанести удар великому версальскому Собранию. Двор пришел к выводу, что открытое нападение на Национальное собрание успеха иметь не может. Последнее противопоставляет двору спокойное величие, которое почти непобедимо, и после заседания 23 июня королевская власть уже не осмеливалась разогнать представителей силой. Но если бы в Париже вспыхнули беспорядки, если бы удалось посеять страх, если бы войска были сосредоточены в столице, то Собрание либо оказалось бы заодно с королем, и тогда погубило бы себя в глазах народа, либо выступило бы с протестом, и тогда король мог бы обвинить Собрание как прямого или косвенного виновника всех волнений в Париже и под предлогом восстановления общественного порядка заставить его прервать свои работы на неопределенный срок. Во всяком случае, воодушевляемые своей борьбой против парижского «бунта», полки без колебаний выступили бы против Собрания, и оно оказалось бы разгромленным, пораженное как бы рикошетом парижскими событиями.

Моральная сила Собрания в тот момент была столь велика, что двору казалось легче усмирить сначала Париж, чем прямо атаковать Собрание: стало быть, теперь судьба Революции решалась в столице. Но в первые же дни июля помилование солдат положило конец брожению, хотя концентрация войск все еще продолжалась. 8 июля с трибуны Собрания Мирабо в великолепной речи предупреждает об опасности и обращается непосредственно к солдатам со страстным призывом¹.

«С чего началось брожение? С передвижения войск, с военных приготовлений к королевскому заседанию. До того все было спокойно; все волнения начались в тот грустный и достопамятный день. Разве наша вина в том, что народ, наблюдавший за нами, стал роптать, что он встревожился, когда увидел, что орудия насилия направлены не только против него, но и против Собрания, которое должно быть свободно, чтобы свободно заниматься устранением причин, вызывающих жалобы? Как может народ не волноваться, когда он полон страха потерять единственную остающуюся ему надежду? Разве он не понимает, что, если мы не разобьем его оков, они сделаются намного тяжелее, что этим мы закрепим угнетение, оставим без защиты наших сограждан перед безжалостными ударами их врагов, усилим наглое торжество тех, кто грабит и оскорбляет их?

Пусть те, кто советует прибегнуть к подобным пагубным мерам, скажут нам, уверены ли они, что сумеют поддержать во всей суровости военную дисциплину, предоставить все последствия вечного соперничества между национальными войсками и иностранными, *заставить французских солдат оставаться бездушными автоматами, отгородить их от интересов, мыслей, чувств своих сограждан?* Какая неосторожность в их образе действий — приблизить солдат к месту наших собраний, наэлектризовать их контактом со столицей, пробудить в них интерес к нашим политическим дискуссиям? *Нет, несмотря на слепую готовность к военному повиновению, они не забудут, что мы собой представляем; они увидят в нас своих родных, своих друзей, свою семью, защищающую самые насущные их интересы, ибо они составляют часть нации, которая доверила нам заботу о своей свободе, своей собственности, своей чести. Нет, такие люди, такие французы никогда полностью не утратят разума; они никогда не поверят, что их долг наносить удары, не спрашивая, кто их жертвы*».

Какой благородный призыв к неповиновению ради свободы! Мирабо закончил свою речь предложением направить королю адрес с просьбой отозвать войска. Одновременно он предложил создать в Париже буржуазную гвардию, которая поддерживала бы в нем порядок, не угрожая свободе.

Собрание отложило принятие резолюции о создании буржуазной гвардии, но немедленно составило адрес, в котором просило короля «успокоить своих верных подданных, дав необходимые распоряжения о немедленной отмене мер, и бесполезных, и опасных, и сеющих тревогу, о скорейшем отводе войск и артиллерии в те места, откуда их вызвали». Этот адрес был принят единогласно, за исключением четырех. Ни высшее духовенство, ни дворянство не посмели открыто присоединиться к насильственной акции, которая готовилась против Парижа и Собрания, чем, без сомнения, и объясняются нерешительные действия короля в знаменательный день 14 июля. Но какую же бессмысленную игру затеяла монархия, которая бросила вызов нации, не будучи уверена в поддержке самих привилегированных? Не будь у королевской власти вековых глубоких корней, она была бы уничтожена в один день из-за собственного безумия.

В самом адресе Собрание угрожало королю переходом войск на сторону народа: «Французские солдаты, приблизившись к центру дискуссий, приобщившись к страданиям и интересам народа, могут забыть, что обстоятельства сделали их солдатами, и вспомнить, что природа создала их людьми». Ответ короля, полученный

1. Buchez et Roux, t. II, p. 42. Первого июля 1789 г. Мираб выступил памфлет в таком же духе: «Avis au peuple, ou les minist-

res dévoilés» («Обращение к народу, или разоблаченные министры»).

11 июля, вызвал крайнюю тревогу¹. «Всем известно о беспорядках и скандальных сценах, которые разыгрались и затем возобновились в Париже и в Версале на моих глазах и на глазах Генеральных штатов; я вынужден воспользоваться средствами, находящимися в моей власти, чтобы восстановить и поддерживать порядок в столице и ее окрестностях. Одна из первейших моих обязанностей — забота об общественной безопасности, таковы мотивы, заставившие меня сосредоточить войска вокруг Парижа. Но если необходимое присутствие войск в окрестностях Парижа вызывает тревогу, то я согласен, по просьбе Генеральных штатов, переместить их в Нойон и Суассон; и тогда я сам перееду в Компьен, чтобы поддерживать необходимые сношения с Собранием».

Какое надувательство! Мало говорить о слабости характера Людовика XVI, он, безусловно, находился под влиянием королевы и принцев; но он уверил себя, что, в конце концов, у него есть обязательства только по отношению к самому себе и что он может без угрызений совести обманывать своих взбунтовавшихся подданных: ложь была составной частью самодержавной власти. В то самое время, когда он заверял Собрание, что хочет только «предупредить» беспорядки, он принял решение об отставке Неккера, Монморена, Сен-Приста, Ла Люзерна — словом, всех умренных министров, которые не хотели служить контрреволюции². Король не мог не знать, что увольнение Неккера вызовет в Париже чрезвычайно сильное волнение, и он готовился подавить беспорядки, вызванные им самим; вот он, действительно, отвечает за всю ту кровь, которая должна была пролиться. Собрание смолкает перед этим упорством, перед этим обманом короля; не имея еще сведений об увольнении Неккера, оно не знает на заседании 11 июля, что предпринять. Тщетно Мирабо торопит Собрание, чтобы оно настаивало на отзыве войск: оно чувствует свое бессилие и не принимает его предложение³.

А может быть, лучше всего было именно молчать? Еще раз умолять короля? Это и напрасно и даже унижительно, если ограничиться этим. Бросить Парижу революционный клич? Это противоречило бы всей тактике, которой следовало до сих пор Собранию, и к тому же — будет ли его клич услышан? Только Париж разрубит узел, который невозможно было распутать.

14 ИЮЛЯ

Уже несколько дней великий город готовился к сопротивлению. Когда Мирабо 8 июля предложил Собранию создать буржуазную гвардию, он говорил устами революционной буржуазии Парижа. Собрание отложило решение этого вопроса, но Париж не стал его откладывать. И его инициатива спасла Революцию. Известно, что выборы в Париже происходили по округам (дистриктам); 60 округов избрали 407 выборщиков, которые уже избрали депутатов. Но после выборов первичные собрания в округах не были распущены. Они продолжали собираться, и в этих многочисленных и чутких центрах отражались и находили отклик все события Революции. Этот революционный резонанс округов и помог установить духовную связь между Собранием в Версале и Парижем⁴.

1. Buchez et Roux, t. II p 74.

2. Монморен (1745—1792) — министр иностранных дел; арестованный после 10 августа, он погиб, став жертвой сентябрьских избиений. Сен-Прист (1735—1821) — министр без портфеля, государственный секретарь королевского двора после взятия Бастилии; министр внутренних дел с августа 1790 г., смещенный в декабре, он сразу эмигрировал; вернулся в 1814 г. Он оставил свои мемуары (Paris, 1929, 2 vol.). Ла Люзерн (1737—1799) — министр военно-морского флота с 1787 г., после взятия Бастилии снова занимал

этот пост, ушел в отставку в 1790 г. и эмигрировал в Англию, а позднее в Австрию.

3. Buchez et Roux, t. II, p 75.

4. Что касается документальных материалов по истории Парижа во время Революции, см.: A. Tuetey. Répertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolution française. Paris, 1890—1914, 11 vol.; M. Tournoux. Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Révolution française. Paris, 1890—1913, 5 vol. Речь идет в основном о печатных источниках.

Собрания выборщиков продолжались; даже после 10 мая, даже после окончания выборов эти 407 человек решили заседать, чтобы поддерживать связь со своими избранниками и следить за ходом событий. Уже 25 июня, после королевского заседания, они собрались на улице Дофине, в помещении музея Парижа, а 28 июня они перебрались в Большой зал самой ратуши. Таким образом, стихийная революционная энергия Парижа создала еще до издания какого бы то ни было муниципального закона своего рода парижский муниципалитет, который функционировал наряду с прежними городскими властями. Так, бьющая через край деятельность буржуазии и народа, охватывавшая весь Париж через многочисленные окружные собрания, в то же время сосредоточивалась в ратуше, в лице Общего собрания выборщиков. К 407 выборщикам третьего сословия присоединились несколько священников и дворян.

Уже 30 июня собрание выборщиков вмешалось в события, разыгравшиеся в тюрьме Аббатства; 6 июля, отправив в Национальное собрание депутацию, оно как бы отчитывалось в своем участии в этих важных событиях: «Брожение в Пале-Руаяле достигло крайней точки; в таком же состоянии пребывали и более чем 2 тыс. граждан, которые присутствовали на наших совещаниях, надвигалась ночь, народ был взбудоражен, мы приняли решение, успокоившее умы своими справедливыми идеями! Мы заявили, что не позволительно сомневаться в справедливости государя; что, как только арестанты будут водворены на место, 24 выборщика отправятся в Версаль, чтобы ходатайствовать за них... Ночь еще не миновала, а арестанты уже были возвращены в тюрьму Аббатства. Скопление народа у Пале-Руаяля рассеялось, и в Париже воцарилось спокойствие...» Председатель ответил депутации поздравлением, и собрание выборщиков, как бы возмеченное этой своего рода национальной инвеститурой, преисполнилось бодрости и расширило свою роль.

10 июля в ратуше Карра предложил выборщикам «организоваться в настоящее, действительное собрание парижских общин» и в качестве такого обрести присущие ему права, а именно прямое и немедленное избрание должностных лиц Коммуны, а также упорядочение функций муниципальных властей, охрана и защита города, его прав и его собственности¹. Однако собрание выборщиков сочло наиболее неотложной задачей организацию буржуазной гвардии; оно отложило проект Карра и приняло 11-го решение немедленно потребовать создания парижской вооруженной силы.

В воскресенье, 12 июля, после полудня, Париж узнал об отставке Неккера. Потрясение было огромным. Париж почувствовал, что над ним нависла опасность государственного переворота; по улицам носили бюст Неккера, окутанный траурным крепом; немецкие полки Рейнаха и Эстергази были сосредоточены на Ели-

сейских полях и на площади Людовика XV; толпа бросала в них камни, те отвечали выстрелами, а полковник Ламбеск со своими драгунами проникли в сад Тюильри, где в панике сбили с ног и растоптали копытами лошадей какого-то старика. Вечером народ направился к театрам, к Опере и потребовал прекращения всех спектаклей по случаю траура отечества. Был дан приказ, как об этом свидетельствует венецианский посол, осветить во всех домах окна, чтобы предупредить любые маневры войск и любые попытки грабежа; в таком возбуждении, среди ослепительных огней, Париж ожидал завтрашних боев. В то же время пылали ненавистные заставы Ведомства косвенных налогов.

Народ понимает, что для успеха сопротивления оно должно быть организованным. Он ставит двоякую цель: он хочет, чтобы гражданская милиция тотчас же стала законным институтом и чтобы собрание выборщиков всерьез взяло в свои руки оборону Парижа. Один из выборщиков, врач Гильотен, депутат от Парижа, был отправлен в понедельник, 13 июля, в Собрание, чтобы добиться постановления о создании в Париже буржуазной гвардии². Очевидно, революционная буржуазия Парижа чувствует себя более сильной перед лицом иностранных солдат, если она является органом нации и закона.

Национальное собрание, очнувшись от охватившего его 11 июля оцепенения, оказалось достойным Парижа. Осторожный и боязливый Мунье, вновь обретя при виде попорченной законности былую гордость, проявленную им в свое время в Дофине, протестует против увольнения министра-патриота и восклицает: «Мы никогда не забудем, что любим монархию ради Франции, а не Францию ради монархии!»

Сначала кажется, что предложение Гильотена, призывающего Собрание помочь формированию буржуазной гвардии, встретит некоторое сопротивление. Кое-кто в Собрании еще не решается вооружать Париж, словно Париж в эти трагические часы не был олицетворением самой Революции; но энергичные слова Ле Шапелье уносят последние колебания³: «Вам следует прежде всего обсудить вопрос о враждебных и иностранных войсках,

1. Ж. Л. Карра (1742—1793) — служавший Королевской библиотеки, выборщик от округа Фий-Сен-Томе, впоследствии представитель от департамента Сона и Луара в Конвенте. Жорес в этом месте сделал в скобках пометку: «См.: Sigismond Lacroix. Actes de la Commune de Paris». Это, без сомнения, ссылка по памяти: «Les Actes de la Commune de Paris pendant la Révolution»,

опубликованные и прокомментированные С. Лакруа (Paris, 1894—1914, 16 vol.), освещают события начиная с 25 июля 1789 г.

2. Гильотен (1738—1814) — доктор медицины Парижского медицинского факультета, выборщик, депутат третьего сословия от города Парижа и Парижского округа.

3. Buchez et Roux, t. II, p. 88.

осаждающих народ, добрый и преданный; льется кровь, собственность наша в опасности; и наконец, скандал с взбунтовавшимися немецкими полками переполнил чашу терпения. Одна только буржуазная гвардия в состоянии избавить нас от всех этих бед. Опыт учит нас: только народ должен охранять народ». Гильотен, вернувшись в Париж, мог сообщить революционной буржуазии, что гвардия организуется с согласия нации. Одновременно округа обязуют собрание выборщиков образовать *Постоянный комитет*. Это как бы сочетание старого легального муниципалитета с новым революционным муниципалитетом. Он был составлен из восьми членов тогдашнего городского управления и из четырнадцати членов, назначенных выборщиками. На этот комитет возложили обязанность отразить контрреволюционное наступление немецких орд, наемников короля.

Что больше всего в этот час поражает в революционной буржуазии Парижа, что нагляднее всего показывает историческую закономерность возвышения этого класса — это ее абсолютная уверенность в себе. Она не боится быть раздавленной, оказавшись между восстанием бедняков и государственным переворотом, который задумал король. Напрасно некоторые, самые робкие указывают ей наверх, на вершины Монмартра, на грязную девятитысячную толпу рабочих, занятых в благотворительных мастерских. Она ничуть не боится, что этот нарыв нищеты может лопнуть при революционной встряске и захлестнуть ее. Она не боится раздавать оружие; она знает, что достаточно сильна, чтобы следить за его применением... Она устраивает, разоружает всех тех, кто, не владея никакой собственностью сам, не может гарантировать сохранность чужой собственности; 14 июля Банкаль Дезиссар сообщает Национальному собранию, что буржуазная милиция разоружила много штатских лиц. В разгар революционной бури парижская буржуазия придает своей милиции буржуазный характер, и она знает, что пролетарии, которых она увлечет за собой, роптать не будут: они станут бросать в контрреволюционеров камни, если не смогут послать в них пули. Посол Венеции отмечает, с какой быстротой и решительностью парижская буржуазия сумела за два дня организовать революционные действия и наладить буржуазный порядок.

14 июля, уже с утра, все население Парижа — буржуа, ремесленники, пролетарии — готовилось к сражению. Отряд драгун пересек Сент-Антуанское предместье и приблизился к стенам Бастилии. Народ решил, что Бастилия должна стать центром крупного скопления войск, оперативной базой части войск, действующих против Парижа; очутившись между этими частями и теми, что были стянуты к Елисейским полям, Париж был бы раздавлен. Следовательно, тактическая необходимость заставила направить усилия народа против Бастилии. Тут сыграла роль и застарелая ненависть. Мрачный и печальный замок, где томи-

лось столько политических узников, как простолудинов, так и дворян, который, возвышаясь над беспокойным Сент-Антуанским предместьем, казалось, преграждал путь к жизни и радости, был отвратителен Парижу, всему Парижу. Мы уже слышали пожелание Мерсье, чтобы при проведении новых улиц снесли, наконец, ненавистную тюрьму: в своих наказах парижские нотабли пишут: «Умолять Его величество приказать разрушить Бастилию». Не было сословия, не было общественного класса, у кого бы в бездонной глубине черных казематов не страдал кто-нибудь из близких. Если даже третье сословие и дворянство вкладывали разный смысл в слово «свобода», в одном они, во всяком случае, были единодушны — в общей ненависти к этому памятнику министерского деспотизма. И штурм Бастилии был со стороны народа гениальным революционным актом. Ибо даже дворянство великого города не могло, не опровергая позорно собственные слова и былую ненависть, сопротивляться этому движению. Тем самым двор в своем намерении произвести государственный переворот оказался без всякой поддержки: против иностранных полков, угрожавших Революции, поднялись не только революционеры, поднялся весь Париж.

Прежде всего надо было раздобыть оружие: между 9 и 11 часами утра огромная толпа направилась к Дому инвалидов, где находился большой склад ружей, и, действительно, она захватила там 28 тыс. ружей и 5 пушек. Теперь можно было штурмовать Бастилию. Постоянный комитет выборщиков, собравшись в ратуше, попытался вначале предотвратить столкновение; но, уступив непреодолимому натиску народа, он постарался по крайней мере добиться капитуляции крепости мирным путем. Но при второй попытке лица, посланные для переговоров, были встречены ружейными выстрелами: было ли то недоразумение? Или вероломство? Комендант Делонэ вскоре заплатил своей головой за это нарушение законов войны. Предводительствуемая несколькими смельчаками, которые перебрались через рвы и обрубili цепи подъемных мостов, толпа взяла штурмом цитадель; солдаты, среди которых не было единодушия и уверенности, сдались. Французские гвардейцы сыграли при штурме крепости решающую роль. Трудно составить подлинный список участников штурма, «победителей Бастилии»¹. Уже на следующий день были заявлены бесчисленные претензии. Газета «Революсьон де Пари» привела очень краткий список особо отличившихся: «Г-н Арне, гренадер французской гвардии из роты Рессювеля, родившийся в Доле, Франш-Конте, двадцати шести лет от роду, первый захватил коменданта тюрьмы, повсюду проявлял храбрость, получил несколько легких ранений и увенчан в ратуше гражданским

1. См.: J. 'D u r i e u x. Les Vainqueurs de la Bastille. Paris, 1911.

венком и награжден крестом св. Людовика, который носил г-н Делонэ¹.

Г-н Юлен, директор прачечных королевы в Брише, который уговорил гренадеров Рессювели и стрелков Люберсака отправиться к Бастилии с тремя пушками, к которым вскоре добавили еще две; г-н Юлен был одним из руководителей осады: он появлялся повсюду, где этого требовала необходимость; одним из первых вскочил на подъемный мост и проник в Бастилию; он был также одним из тех, кто сопровождал коменданта в ратушу².

Г-н Эли, офицер пехотного полка королевы, который бесстрашно добрался под вражеским огнем к подводам с навозом, разгрузил их и поджег; эта удачная хитрость помогла нам чудесным образом; тот же г-н Эли принял капитуляцию, первым бросился на мост, чтобы заставить открыть ворота Бастилии, и отвел вместе с г-ном Тамплеманом вероломного коменданта на Гревскую площадь³.

Г-н Майяр-сын, который нес знамя и на минуту отдал его другому, чтобы перебежать по доске, переброшенной через ров, и принять капитуляцию⁴.

Луи Себастьян Кюниве, двенадцатилетний мальчик; сын садовника из Шантильи, пятым проник в крепость, взбежал на башню Базиньер, где развевалось знамя, завладел им и смело размахивал им на верхушке башни.

Мосье Эмбер, живущий на улице Ирцуа, который был опасно ранен⁵.

Г-н Тюрпен, стрелок из роты Блаша, помещавшейся в казарме Попенкур, предводительствовал гражданами, которые первыми были убиты между двумя мостами; сам он был ранен одной пулей в правую руку и второй — в плечо.

Г-н Гино получил две легкие раны, он доставил в ратушу серебро, принадлежавшее коменданту Бастилии.

Г-н де Ла Рени, молодой литератор, проявивший незаурядную храбрость».

Собрание представителей Коммуны, произведя обследование, установило на заседании 13 августа, что «господа Юлен, Эли, Майяр, Ришар дю Пэн, Эмбер, Легри, Дюкостель, Жорже и Марк отличились при штурме и взятии Бастилии, и приняло решение рекомендовать их округам, предложив им найти для них занятие, достойное их мужества и патриотизма, независимо от того, к какому округу принадлежит каждый из них, ибо граждане, столь много сделавшие для спасения столицы и отечества, должны рассматриваться как принадлежащие всем округам». Надо полагать, что собрание рекомендовало их на должности офицеров во вновь созданной национальной гвардии.

Как мы видели, люди, руководившие движением, были профессиональными военными, офицерами, как Эли, скромными предпринимателями, как Юлен, мелкими буржуа, как Майяр-сын;

но и самые бедные пролетарии самоотверженно выполнили свой долг. В этот героический день буржуазной Революции кровь рабочих пролилась ради свободы. Среди ста бойцов, убитых у стен Бастилии, были люди настолько бедные, настолько безвестные, настолько скромные, что в течение нескольких недель после событий не удавалось установить их имена; и Лустало в своей газете «Революсьон де Пари» горюет об этих людях, которые проявили столько высокого самопожертвования и чьи имена так и остались неизвестными: более тридцати из них оставили своих жен и детей в такой нужде, что им была необходима немедленная помощь⁶.

Спустя двадцать месяцев, в письме, адресованном Марату, рабочие-плотники жаловались на эгоизм крупных предпринимателей, которые хотят присвоить себе все выгоды Революции, между тем как в дни опасности они попрятались по углам. Очевидно, рабочие-плотники сыграли активную роль при штурме Бастилии: хорошо умея управляться с топором, они были как бы импровизированными саперами, или «инженерными войсками» Революции.

В списке бойцов не обнаружишь ни рантье, ни капиталистов, для которых, в частности, и делалась Революция; только средние и мелкие буржуа, писцы, ремесленники и пролетарии нанесли в тот день смертельный удар королевскому деспотизму. Там, под убийственным огнем крепости, не существовало различия между

1. См.: «Le héros de la Bastille sans récompense ou Le vrai mérite oublié», брошюра, восхваляющая Арне (Toungneux. Op. cit., t. I, n° 1151).

2. Юлен (1758—1841) сделал блестящую военную карьеру. Капитан, командовавший ротой Победителей Бастилии в октябре 1789 г., капитан линейных войск в 1791 г., командир бригады в 1797 г. во время Итальянской кампании, он принимал участие в государственном перевороте 18 брюмера; генерал в 1803 г., он был председателем Военного суда, который 20 марта 1804 г. осудил на смерть герцога Ангуйенского. Граф Империи в 1808 г.

3. См.: «L'Achille français, le héros de la Bastille ou le brave Elie récompensé». Эли (1746—1825) был взят в армию в 1766 г., солдат полка королевы с 1781 г., капитан наемной парижской гвардии с сентября 1789 г., в линейных войсках

с 1791 г., бригадный генерал в 1793 г. (Toungneux. Op. cit., t. I, № 1150).

4. Речь идет о знаменитом Майяре (Станислав), прозванном Крепкий кулак, прославившемся во время октябрьских дней 1789 г., а также сентябрьских 1792 г. См.: P. Caron. Recherches biographiques. Les Maillards.—«La Révolution française», 1932, p. 61; J. Durieux. Note complémentaire sur les Maillards.—Ibid., 1932, p. 149.

5. См.: «Journée de Jean-Baptiste Humbert, horloger, qui, le premier, a monté sur les tours de la Bastille», 1789 (Toungneux. Op. cit., t. I, № 1103).

6. См.: G. Rudé. La composition sociale des insurrections parisiennes de 1789 à 1791.—«Annales historiques de la Révolution française», 1952, p. 256; е го ж е: «The crowd in the French Revolution», 1959.

«активными» и «пассивными» гражданами. Тем самым людям, что платили недостаточно высокие налоги, чтобы стать избирателями, было дозволено сражаться и умирать за общую свободу.

Месть народа, попавшего под предательские пули Бастилии, обрушилась на ее коменданта Делонэ, а также на купеческого старшину Флесселя, бывшего, несомненно, сообщником двора, который обманул сражавшихся: он обещал дать им ружья, но подсунул им вместо этого ящики с бельем. Делонэ убили на ступенях ратуши, несмотря на героические усилия Юлена спасти его, а старшине Флесселю раздробили голову выстрелом из пистолета¹, когда его вели на суд в Пале-Руаяль.

По правде говоря, эти казни были лишь продолжением сражения, и не следует удивляться взрыву гнева толпы, едва избежавшей опасности и в течение трех суток подвергавшейся угрозам беснующихся солдат.

Двое виновных ускользнули от народа: государственный советник Фуллон², на него было возложено снабжение продовольствием армии, которая должна была произвести государственный переворот, и его зять, интендант Бертье³. В самый день взятия Бастилии народом было перехвачено письмо военного министра к Бертье: оно не оставляло ни малейшего сомнения в том, что Бертье состоял в сговоре с двором. Несколько дней спустя Фуллон, который распространил слух о своей смерти и даже инсценировал собственные похороны, был арестован и обезглавлен; его голову, насаженную на пику, носили по улицам в сопровождении огромной толпы, а его зять Бертье, которого тащили позади этого мрачного трофея, тоже вскоре был убит при истуканных изьявлениях восторга.

Не только те, кого называют «чернь», наслаждались радостью убийства; по свидетельству Гуи д'Арси, который выступил в Соборании, большое число приличных граждан, а также зажиточных буржуа ликовали, участвуя в этом печальном и жестоком cortege⁴. Ведь именно революционной буржуазии непосредственно угрожала королевская солдатня, и в этой неожиданной беспощадности ощущались еще остатки бывшего страха. Сюда примешивались и традиции жестокости старого порядка. О, как прекрасно понял и почувствовал это наш добрый и великий Бабеф! И какую гордость, какую надежду вселяет в нас то, что в один из дней буржуазной Революции, лишенных человечности, до нас донеслись прекрасные, гуманные и мудрые слова того, кто положил начало современному коммунизму!

Он видит проходящий cortege и в тот же день, 25 июля 1789 г., пишет своей жене⁵: «При мне протащили голову тестя, а позади следовал зять, окруженный более чем тысячной толпой вооруженных людей; так, под взглядами народа он проделал весь долгий путь от предместья и улицы Сен-Мартен, среди 200 тыс. зрителей, которые его оскорбляли и ликовали вместе с сопровождавшими

cortege войсками, под будоражащий бой барабанов. О, как мне было больно от этого ликования! Я был одновременно удовлетворен и недоволен; я говорил себе: тем лучше и тем хуже. Я понимаю, народ взял на себя право судить; я одобряю этот суд, когда он удовлетворяется уничтожением виновных; но мог ли этот суд сегодня не быть жестоким? Казни всякого рода, четвертование, пытки, колесование, костры, виселицы, палачи повсюду внедрились среди нас такие дурные нравы! Наши властители, вместо того чтобы приобщить нас к культуре, превратили нас в варваров, ибо сами они — варвары. Они пожинают и будут пожинать то, что посеяли, ибо все это, моя бедная, милая женушка, будет иметь ужасающие последствия: ведь мы видим только начало.

О нынешние властители, задумайтесь над этими словами, и отныне внедряйте в нравы и в законы как можно больше гуманности, чтобы обрести ее вновь в дни неизбежных революций!

А вы, пролетарии, запомните, что жестокость не что иное, как остатки рабства, ибо она свидетельствует о том, что в нас самих еще живет варварство режима угнетения.

Не забывайте, что в 1789 г., когда толпа рабочих и буржуа позволила себе на мгновение поддаться жестокому опьянению убийством, первый из коммунистов, первый из великих освободителей пролетариата почувствовал, как у него сжалось сердце.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВЗЯТИЯ БАСТИЛИИ

Впечатление от взятия Бастилии было огромным. Народам всей земли показалось, что рухнула темница всего человечества. То было нечто большее, чем Декларация прав человека; то была декларация силы народной на службе прав человека. То был не только свет, который засиял из Парижа всему угнетенному человечеству, то была надежда; и в миллионах и миллионах сердец, живших во мраке рабства, занялась в тот час заря свободы.

1. Замечание Жореса в его «Списке опечаток и замечаниях» (t. I., p. 757): «Это по ошибке я на с. 266 употребил слово *револьвер* вместо слова *пистолет*».
2. Фуллон (1717—1789) — главный интендант армии во время Семилетней войны, затем военно-морского флота; затем интендант финансов в 1771 г.; государственный советник в 1789 г.; после отставки Неккера на него было возложено продовольственное снабжение войск.
3. Бертье де Совиньи (1737—1789) — докладчик в Государственном со-

вете, с 1768 г. заместитель интенданта, позднее — интендант города Парижа; в качестве такового был ответствен за снабжение столицы продовольствием.

4. Гуи д'Арси, маркиз, де (1753—1794) — полковник кавалерии, депутат от западной провинции Сан-Доминго, был избран также заместителем депутата от дворянства бальяжей Мелён и Море.

5. Это письмо было частично опубликовано у: V. Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme. Paris, 1884, 2 vol.

Победа! Парижа решительно положила конец наступлению королевской власти и двора. Король, подстрекаемый королевой и принцами, выступил против Собрания и Революции на королевском заседании 23 июня; он начал поход против Парижа и Революции в неустойчивые и бурные дни июля. Всюду потерпев поражение, он отныне замкнулся в мнимой обороне; теперь уже ему придется выдерживать повторяющиеся атаки; 6 октября, во время его бегства в Варенн, 20 июня, 10 августа он предоставит революционному народу инициативу открытого наступления. Главная пружина королевского могущества была сломлена 14 июля; во всяком случае, могущество это было так сильно подорвано, что никогда уже не смогло достигнуть прежней силы. Даже в дни попытки государственного переворота и наступательных действий уже чувствовалось, что власть до некоторой степени парализована.

Когда Бастилия была осаждена, ни Безанваль, ни маршал де Брولли не рискнули напасть на народ с тыла¹. Чего они ожидали и почему отдали Делонэ приказ держаться до последнего, вместо того чтобы поспешить к нему на помощь?

Очевидно, новый страх ответственности охватил их закостенелые сердца, привыкшие лишь к одной форме опасности, и широкое восстание всего народа, не убив в них мужества, привело их в замешательство. Впрочем, полученные ими инструкции были тоже, по-видимому, весьма расплывчатыми. 14 июля Людовик XVI ответил посланцам Собрания, что, по его мнению, события в Париже не могли быть следствием приказов, отданных войскам; каков же был план короля?

Быть может, чтобы успокоить свою совесть, он систематически закрывал глаза на вероятные последствия событий. Быть может, он воображал, что Париж, уstraшенный и как бы подавленный одним лишь присутствием в нем огромной военной силы, перестанет быть для Собрания бурной опорой и последнее, почувствовав отныне на себе мертвящий груз приведенной в оцепенение столицы, будет идти вперед неуверенной, тяжелой поступью, готовое упасть при первом же толчке.

Король, наутченный событиями 14 июля, начал считаться с силой Революции: он будет хитрить с нею или призывать против нее огромные иностранные армии; но с этого дня он отказывается от любого прямого нападения, от всякого открытого наступления.

Теперь Собрание, хотя все еще вынужденное обезвреживать интриги короля, но уже не опасаясь его и не имея надобности отражать королевские силы, может начать борьбу с другой могущественной силой прошлого — с церковью.

День 14 июля не только освободил Национальное собрание, но одновременно позволил народу впервые осознать свою силу, а Парижу — понять свою роль. Конечно, Собрание оставалось великим — в дни испытаний к нему непрерывным потоком шли

депутации Постоянного комитета выборщиков, — а парижская Революция чувствовала себя подлинно законной и сильной лишь благодаря связи с национальной Революцией.

Кстати, само Собрание подало первые прекрасные примеры твердости и даже героизма. Его клятва в Зале для игры в мяч, его спокойное и непреодолимое сопротивление после заседания 23 июня зажгли все сердца, а для самых отважных борцов Парижа не было большей чести, чем показать себя достойными великих революционных буржуа, которые победили без оружия, единственно силой своей правоты и своего мужества. Не менее верно, однако, что в одиночку, без поддержки народа Парижа, Национальное собрание, в конце концов, потерпело бы поражение. Таким образом, Революция, у которой до сих пор был только один очаг, один центр — Собрание, отныне имеет два очага и два центра, связанных друг с другом, а именно — Собрание и народ Парижа.

Через несколько дней после 14 июля г-н Бессен, оратор от Сент-Антуанского предместья, явился к барьеру Собрания и попросил денежной помощи тем рабочим предместья, которые в эти три дня волнений лишились своего заработка; он воскликнул: «Господа, вы — спасители отечества, но и у вас есть спасители». Судя по протоколу, это энергичное выступление привлекло внимание Собрания. Я этому охотно верю: в тот миг Собранию открылся весь смысл великого события 14 июля. Какова бы ни была сила Собрания, каково бы ни было его величие, оно вдруг почувствовало себя под покровительством Парижа; и может быть, немного смущения примешалось к радости недавней победы.

Но все это были, несомненно, только еле различимые нюансы, и когда 15 июля Собрание послало в столицу делегатов, чтобы санкционировать и в некотором роде узаконить Революцию, их встретила огромная толпа с энтузиазмом, смешанным с почтением. Даже Мунье, щепетильный и богатый буржуа, всегда с подозрением относившийся к демократии, и то был покорен почтительным и сердечным теплом этого приема.

Париж, между тем, в тот же день проявил самостоятельность: в ходе развернувшихся событий, он симпровизировал свое муниципальное устройство еще до того, как Собрание смогло организовать муниципалитеты путем издания общего закона, до того, как оно смогло разработать национальную Конституцию.

Прежнее городское управление, в контрреволюционном строении которого, олицетворяемом старшиной Флесселем, уже

1. Вечером 12 июля барон Безанваль, военный комендант, привел свои войска на Марсово поле. После взятия Бастилии он отвел их к Сен-Клу. Концентрация

войск вокруг Парижа (22 июня — 10 июля) подробно освещена у: J. G o d e c h o t. 14 juillet 1789. La prise de la Bastille. Paris, 1965, p. 226.

смогли убедиться на опыте, было смещено. Мэром Парижа без голосования был провозглашен Байи; Лафайета назначили главнокомандующим Парижской буржуазной гвардии. Благодаря этим двум именам Париж связал себя с Национальным собранием и с двумя величайшими воспоминаниями о борьбе за свободу: имя Байи напоминало о клятве в Зале для игры в мяч; имя Лафайета — об Американской революции.

Париж, обладавший тонким революционным чутьем и гуманностью, в тот самый момент, когда он создавал свою муниципальную организацию, широко, так сказать, открыл свое сердце навстречу свободе двух миров. Так же как крепостные валы вырисовываются на фоне далекого горизонта, так и очертания города Парижа выделялись на фоне ослепительного сияния всемирной свободы. Он представлял как круг на горизонте человечества, и чувствовалось, что этот круг муниципальной жизни может вдруг расшириться до бесконечности и объять все человечество. По примеру Парижа бесчисленные коммуны начали создаваться во всех уголках Франции, чтобы управлять и сражаться, чтобы подавлять любую попытку контрреволюции и возмещать все недочеты королевской исполнительной власти, либо внезапно смещенной, либо урезанной. Все эти коммуны, рожденные, так сказать, общей жаждой свободы, общей потребностью в порядке, стремятся установить федеративные узы с Коммуной Парижа. С первых же недель многочисленные местные отряды буржуазной гвардии присоединяются к буржуазной гвардии Парижа, и братские адреса со всех сторон полетели в парижский муниципалитет.

Не удивительно, что год спустя праздник Федерации был назначен на 14 июля. Потому что федерация коммун Франции на самом деле родилась 14 июля 1789 г.: один и тот же инстинкт подсказал в один и тот же час всем группам граждан, всем городам, что свобода будет непрочной и бессильной, если она будет опираться только на Национальное собрание, и что ей следует создать столько же очагов, сколько имеется коммун. Слившись, таким образом, с повседневной жизнью граждан, вдохновляемая и обновляемая на местах энергией бесчисленных людей, Революция будет непобедима.

Но политическим центром всей этой энергии муниципалитетов, стихийной и многообразной, было Собрание главным очагом — Париж, а идейным центром — Революция. Эти коммуны естественно и неизбежно объединились в федерацию. То были великие дни, когда в самом пылу сражения утверждалась ясная и решающая идея! Вспышки грозы, казалось, слились в ослепительное сияние летнего дня.

Вызвав к жизни муниципальную жизнь, события 14 июля несколько приблизили к главной арене борьбы пролетариат, пока еще пребывавший в тени заднего плана. Правда, рабочие,

бедняки все еще были довольно далеки от того, чтобы подчинить себе муниципальную власть. Они не будут допущены, как мы скоро увидим, в буржуазную гвардию и они не будут заседать в окружных собраниях: муниципальная жизнь Парижа еще довольно долгое время будет носить характер более узкобуржуазный, нежели центральная деятельность Собрания. Но невозможно было организовать в Париже легальную власть сначала в 60 округах, а затем в 48 секциях, без того, чтобы очень скоро в определенной части этих округов или этих секций не забила ключом вся сила и вся страсть народа¹. В то время как голос Робеспьера в Национальном собрании был наполовину приглушен и как бы придавлен, голос Дантона гремел во всю мощь в округе Кордельеров. Осмелюсь сказать, что умножать число пунктов власти — значит умножать число пунктов соприкосновения самой власти с народом: это значит, следовательно, увеличивать, несмотря на все легальные барьеры ценза, шансы и возможности для вмешательства народа и подталкивать буржуазную Революцию если не к социализму, самой идее которого еще предстояло родиться, то, во всяком случае, к демократии. Если бы продолжала существовать полная раздробленность и распыленность, если бы каждая коммуна представляла замкнутый мирок, то буржуазная олигархия в конце концов наложила бы руку на все эти разрозненные и весьма хрупкие механизмы.

Но когда эта многообразная деятельность на местах сочетается с огромным общим движением, которое, если позволено так выразиться, дает импульс всем этим механизмам, то непрерывность действия и его сила постепенно отдают власть в руки наиболее пылких, наиболее деятельных и наиболее сильных. Вот почему день 14 июля был не только великой победой буржуазии, но и великой победой народа. Спору нет, прямое участие народа, сражавшегося в тот великий день, не имело для пролетариев немедленных последствий. Революция в самых глубоких своих истоках была настолько по существу буржуазной, что, когда через несколько недель после 14 июля Национальное собрание, спасенное народом от покушений двора, определило порядок выборов и исключило из числа голосующих миллионы бедняков — лиц наемного труда, ни одному депутату, даже из наиболее демократически настроенных, не пришла в голову мысль напомнить, что у стен Бастилии парижские рабочие завоевали для пролета-

1. Разделение Парижа на 60 округов, согласно избирательному регламенту от 13 апреля 1789 г., существовало до издания муниципального закона от 21 мая — 27 июня 1790 г., когда было организовано 48 секций — административное и политическое деление,

которое было отменено только с концом Конвента, 19 вандемьера IV г. (26 октября 1795 г.). См.: E. Mellié. Les Sections de Paris pendant la Révolution française (21 mai 1790—19 vendémiaire an IV). Organisation. Fonctionnement. Paris, 1898.

риев Франции право быть активными гражданами. Это непосредственное участие народа в великих событиях Революции казалось случайностью, одновременно славной и опасной, которая не могла стать законом для нормального хода вещей в упорядоченном и свободном обществе.

Тем не менее Революции с самых первых ее шагов пришлось прибегнуть к жару сердец и силе мускулов рабочих, и это не прошло бесследно. Когда война против вандейцев, против эмигрантов, против иностранных государств достигнет наивысшего революционного напряжения, когда народ бок о бок с героической буржуазией будет защищать Революцию, придется наконец дать ему гражданские права; подобно тому как древние рабы завоевывали себе свободу на полях сражений, так и пролетариат завоюет на полях сражений буржуазной Революции право голоса и несколько кратких часов политического господства.

Долго был путь и краток миг победы. Но тот факт, что пролетариат смог, смело поднимаясь по ступеням событий и боев, возвыситься на краткий миг до руководства буржуазной Революцией или по меньшей мере участвовать в этом руководстве наряду с наиболее отважными буржуа, является его большой заслугой и обещанием на будущее. Итак, мы без смущения замечаем в огромной толпе, которая 14 июля заняла сперва Дом инвалидов, а потом Бастилию, бесчисленное множество пролетариев. Пусть они идут на штурм: они не останутся в дураках. Завтра, возможно, недоверчивая буржуазия разоружит их, а через два года будет расстреливать на Марсовом поле, тем не менее они оставили печать своего мужества и своей силы на великих днях Революции, и благодаря этим доблестным людям нет сегодня ничего под солнцем, что бы целиком и полностью принадлежало буржуазии, включая и саму ее Революцию.

ВЕЛИКИЙ СТРАХ

Но самый горячий отклик взятие Бастилии нашло в деревнях, среди крестьян. С самого открытия Генеральных штатов крестьяне все ждали: когда же Собрание вспомнит об их страданиях? Издалека, но хорошо информированные теми, кто помогал им составлять их наказы, они следили за борьбой третьего сословия против привилегированных сословий и двора: Ах! Если бы третье сословие победило, как быстро можно было бы сбросить тиранию дворян! И тут 14 июля оказалось решающим. Париж взял Бастилию: крестьянам оставалось лишь взять свои, все те феодальные Бастилии, все те замки с бойницами и голубятнями, что господствовали над равнинами и деревнями.

И внезапно деревня поднялась, как лопнувшая пружина. И в этом величайшем восстании явственно различалось два дви-

жения, на первый взгляд даже противоречившие друг другу. Сначала возникло как бы движение всеобщего страха. Древняя власть королей, охранявшая их в течение веков и столько же их угнетавшая, казалась поверженной, и, так как она была для жителей деревень единственной осязаемой формой власти, крестьянам на первых порах показалось, что рушится само общество и что теперь, если они не будут защищаться, они будут отданы на произвол всякого рода разбойников. И в этот период своего рода междувластия родилась внушавшая страх легенда: «Вот они, разбойники! Они жгут леса, косят хлеба, надо быть бдительными, надо вооружаться!» Из конца в конец страны крестьяне и выправду вооружаются и устраивают облавы по деревням в поисках пресловутых «разбойников», которых они, конечно, не находят¹.

Этот период паники оставил в умах крестьян глубокий и прочный след; в деревнях нашего юга еще и сейчас говорят о «l'appanado de la raou» — «годе страха». Можно сказать, что это воспоминание стерло все остальные. Но каков же был повод, какова была непосредственная и конкретная причина этой охватившей всех паники? Мало сказать, что грандиозное социальное потрясение, прологом к которому как бы послужило взятие Бастилии, располагало умы к самым таинственным ужасам и что на закате какого-либо строя, как на закате дня, возникают смутные и пугающие призраки.

Такое мистическое объяснение избавляло от необходимости искать подлинные причины этого явления. Был ли то лозунг, брошенный аристократией, контрреволюцией, старавшейся повсюду распространять панику? Собрание было, по-видимому, такого мнения, по крайней мере этим оно пыталось объяснить панику.

В мотивировке декрета Собрания от 10 августа говорилось: «Национальное собрание, принимая во внимание, что враги нации, утратив надежду помешать путем насилия и деспотизма возрождению общества и установлению свободы, замыслили преступный план достигнуть той же цели посредством беспорядка и анархии; что среди прочих средств они в одно и то же время, почти в один и тот же день, вызвали ложную тревогу в различных провинциях королевства...»

В действительности движение не было столь абсолютно внезапным, чтобы можно было объяснить его своего рода заговором, и Собрание само сказало «почти в один и тот же день».

1. Жорж Лефевр различает шесть очагов паники: во Франш-Конте, вследствие аграрного восстания, в Шампани, в Бовези, в Мене, в районе Нанта, а также Рюффека. Они и породили страх, который быстро распространился и охва-

тил большую часть Франции в период с 20 июля по 6 августа. В Бретани, Эно, Лотарингии и Эльзасе сохранялось спокойствие. См.: G. Lefebvre. La Grande Peur de 1789. 1932; 2 éd., 1956.

Если бы все страхи возникли по единому наущению и повсюду сразу, они бы и закончились везде в один и тот же день, после того как, если можно так выразиться, обнаружилась вся их беспочвенность. Замечу, однако, что еще в конце августа ярмарка в Бокере была отсрочена на несколько дней «из страха перед разбойниками», которые и в самом деле могли бы там прекрасно поживиться. Так что это не был просто маневр контрреволюции.

Не внушили ли себе сами крестьяне этот страх? Не могли ли сборища, которые они устраивали в деревнях, чтобы напасть на замок и сжечь грамоты, подтверждавшие права на феодальную собственность, быть восприняты в других местах, как сборища разбойников? И не была ли паника результатом некоего обоюдного недоразумения? Это возможно и даже вполне вероятно. Но вероятно и то, что наряду с этим движением крестьян-собственников, выступающих против дворянства, чтобы освободить свои земли от всех феодальных тягот, в этот час всеобщего потрясения возникло и другое движение лишенных собственности, бедняков, бродяг, голодающих? Во многих местах они объединялись в банды, восклицая, что и они имеют право есть и жить.

Некоторые муниципалитеты докладывали Национальному собранию, что в ночь на 25 июля «разбойники скосили еще зеленые хлеба». В эту пору даже в департаменте Нор хлеба должны были уже почти созреть, и те, кого называют «разбойниками», играющими на руку контрреволюции, были, без сомнения, просто голодными людьми, которые не захотели ждать, пока зерно окончательно созреет и будет убрано косой владельца и спрятано в его амбаре.

Несколько выступлений такого рода оказалось достаточно, чтобы посеять страх в деревнях, где уже и без того царил постоянный ужас перед нищими. Я склонен верить, что «великий страх» — не что иное, как раздувание этой постоянной боязни. Прочитайте указы всех сельских баляжей, приходов, и вы увидите: земледельцы повсюду жалуются, что они отданы во власть нищих. Им надо дать кров, надо накормить, подать им милостыню, в противном случае они прибегают к угрозам, и нет для них ничего проще, как действительно предать огню помещения фермы и собранную жатву.

Великая экономическая эволюция второй половины XVIII в., рост промышленности и городов, перестройка сельскохозяйственной экономики лишили многих деревенских жителей источников существования: дороги и деревни кишели бродившими с места на место людьми, которые навели страх на земледельцев. Эти последние говорят о бродягах с гневом, ужасом и презрением. Нет ничего более горестного, чем видеть, как в тех же наказах, где крестьяне жалуются на угнетение и грабеж со стороны своего сеньора и требуют права косить для своего скота

траву в лесах, они разоблачают как большую опасность бродяг, нищих, или, как они выражаются, «всякие отбросы общества».

Еще ниже оседлых бедняков стоят бродячие нищие, и последние у первых вызывают презрение и ужас. Вспомните жалобы самих крестьян-собственников на множество собирателей колосьев, наводнявших только что сжатые поля; и я спрашиваю себя, не эти ли мужчины и женщины, гонимые голодом и возбужденные потрясениями Революции, объединялись в шайки и скашивали хлеб. Так, к бродягам, к странствующим нищим порой присоединялись беднейшие жители деревень, не имевшие земли.

Газета «Револьюсьон де Пари» в своих сообщениях из провинции в начале сентября¹ писала следующее: «В письмах из Женевы сообщают, что какие-то обитатели соседних гор двинулись толпой по направлению к Ферне; туда направился женеvский гарнизон, подкрепленный волонтерами; туда же привезли пушку, и горцы разбежались. *Невежество, или, скорее, глупость народа в отдельных провинциях позволили ему вообразить, что равенство и свобода допускают в некотором роде раздел имущества; этим и объясняются в большинстве случаев опустошения, которые поселили горе в наших провинциях.*»

Итак, представляется очевидным, что в дни, последовавшие за потрясением 14 июля, имел место натиск бедноты. Революция так и не сможет избавиться от страха перед «аграрным законом».

Не подлежит сомнению, что именно в первые дни Революции, наиболее лихорадочные и наиболее бурные, и родился этот страх. У нас нет почти никаких данных относительно этого движения сельского пролетариата. Оно было, безусловно, чисто инстинктивным: нигде нельзя найти ясной формулировки его целей, и, по-видимому, у него не было сознательных вождей.

Они ограничивались чаще всего ночными тайными грабежами сжатого незрелого урожая, или же движение это терялось в революционном движении имущих крестьян. Когда крестьяне из Маконне и Лионне, например, идут поджигать замки и жечь документы кадастровых комиссаров, составлявших поземельные описи, я не могу не вспомнить, что в наказах приходов довольно часто «богатый и бесполезный буржуа» ставился рядом с дворянином; и, конечно, ничего не стоило направить разъяренные, вооруженные вилами толпы, берущие приступом замки аристократов, на крупные владения, принадлежавшие буржуа.

Буржуазия почти везде вскоре почувля опасность, и буржуазная гвардия поспешила в сельские местности, дабы удержать или обуздать крестьян. 27, 28 и 29 июля из Лиона можно было видеть, как пылали замки Лора, Лёза, Комба, Пюизиньяна, Сен-Приста. Буржуазная гвардия выступила против крестьян, и, когда она

1. В № 9 от 5—12 сентября 1789 г. (События с 5 по 11 сентября.)

вернулась в город, рабочие Гийотьера, принявшие сторону восставших крестьян, встретили ее градом камней и черепицы. Одно время могло показаться, что весь нищий пролетариат — и рабочие и крестьяне — поднимется одновременно и против старого феодального порядка, и против нового буржуазного порядка и классовая борьба, глубокая, жестокая борьба всех неимущих против всех собственников придет на смену поверхностной революции буржуазной и крестьянской собственности против привилегий дворянства. Но то были бессильные посягательства! Беспорядочные и тщетные попытки!

Еще время не пришло для такого движения, и олицетворением первых случайных восстаний являются на самом деле тайные ночные налеты бродячих банд, скашивающих еще зеленый хлеб... Но был момент, когда хозяйственные мужички, мелкие собственники, жители деревень, имевшие огороженный участок, огород, клочок пашни, почувствовали, как заколыхалась под ними вся безымянная масса бедняков.

Как связать себя целиком с Революцией, как идти на штурм феодальных бастилий, если грозит опасность, что на тебя самого нападет нищий и грозный пролетариат?

К чему вырывать у сеньора снопы хлеба, которые он отнимает у тебя по праву шампара, если вчерашние смиренные сборщики колосьев, превратившись в мятежных жнецов, унесут вообще все твои снопы? И захочешь ли ты рисковать вовсе потерять свою собственность ради того, чтобы освободить ее от тягот?

Стало быть, самое срочное дело сейчас — это дать отпор «разбойникам», вооружиться, организоваться. Вот почему также по всей Франции создаются сельские муниципалитеты. Но когда крестьяне-собственники убедились, что «разбойников» мало или совсем нет, что пролетариат не обладает ни достаточной дерзостью, ни достаточным сознанием, ни достаточной организованностью, чтобы заменить Революцию своей революцией, они с легким сердцем пошли в наступление на замки и обратили против старого порядка то оружие, за которое ухватились в инстинктивном порыве страха.

Имело место, значит, как бы некое консервативное движение сжатия, за которым последовало революционное расширение. Встревоженные неизвестностью и брожением среди неимущих масс, деревенские общины обдумали создавшееся положение, избрали доверенных людей, создали милицию; обеспечив, таким образом, положение собственности в революции, они устремились против феодальной системы.

Или вернее, эти два движения — одно консервативное, другое революционное — были связаны друг с другом и почти слились воедино в эту необычайную эпоху, когда чрезмерно возбужденные возвышенные умы, казалось, в силах были справиться сразу со всеми проблемами. Подобно тому как в Париже в дни опасности,

предшествовавшие событиям 14 июля, революционная буржуазия сумела вооружить свою милицию против королевских полков и разоружить людей, которые, по ее мнению, угрожали собственности, так и в деревне третье сословие сразу организовало свои силы, чтобы защитить от всяких посягательств крестьянскую собственность и сокрушить феодализм.

Новый порядок преодолел все опасности, и это верный признак его исторической правомерности. Но поверхностным окажется историк, если под революцией буржуазии и собственников-крестьян, которые организовали свои силы и восторжествовали в эти плодотворные дни июля — августа, он не разглядит глубокое беспокойство и стихийное возмущение тех, у кого не было ни клочка земли. Не владея собственностью, они воспринимали Революцию не как освобождение собственности, избавление ее от феодального гнета, они рассматривали ее как освобождение человека, избавление его от нищеты и голода. Инстинктивно, с диким простодушием, как те альпийские горцы, которые спустились в Ферне и собирались разделить между собой богатства, оставшиеся от Вольтера, они вообразили, что настал час для всех людей пользоваться плодами земли, и они собирались спокойно обосноваться в Революции, будто в собственном доме. Но тут они натолкнулись на пушки буржуазии и на вилы крестьян-собственников, и они вернулись к своей нищете, повторяя, наверное, тихонько про себя, что они просто ничего не понимают.

Правда же заключается в том, что они поняли, да слишком рано. История заперла двери перед этими «нищими» и сказала им грубо: «Придете в другой раз!» И они в самом деле придут, и дверь в один прекрасный день растворится перед ними, но когда они уже не будут «нищими», когда у них будет собственность, я имею в виду идею, когда умами их завладеет идеал нового мира, когда они станут крестьянами-социалистами.

В то время как в деревне сказывались последствия 14 июля, Национальное собрание старалось, так сказать, сохранить равновесие в своей победе.

Оно было спасено, охвачено энтузиазмом и в то же время встревожено. Неккера вернули на его пост. Король в сопровождении депутации от Собрания должен был прибыть 17 июля в Париж; и как ни старались отделить короля «от его развращенных советников» и оказать ему торжественный прием, все равно, то был визит побежденного к победителям.

Париж набирал силы очень быстро. И Собрание чувствовало, как растет его дружеская и в то же время соперничающая с ним сила. Оно с некоторой нервозностью спланивалось вокруг короля, стараясь само забыть преступные ошибки Людовика XVI, чтобы заставить забыть о них всю Францию.

Странная и тягостная солидарность революционного Собрания с королем старого порядка, обращенным, да недостаточно,

под давлением народа в дурного сторонника нового порядка. В Сен-Жермене вспыхнули беспорядки, заставы по взиманию ввозных пошлин были снесены, а фермеру Томассену, обвиненному в скупке продовольствия, угрожалась смерть. Тотчас же умеренные в Собрании, в лице Лалли-Толандаля, предложили обратиться с посланием к нации, направленным против зачинщиков беспорядков, посланием, которое в силу допущенных в нем преувеличений способно было лишь посеять панику и осложнить положение. Более того, движение в Сен-Жермене было как бы следствием великих событий в Париже: не хотели ли также коварным путем отказаться признать великую революционную самоотверженность столицы?

Бретонские депутаты протестовали, и вместе с ними протестовал Робеспьер¹. Он тут же раскрыл опасность, которой консервативный модерантизм подверг бы Революцию, все еще опутанную множеством козней и ненавистью. «Необходимо любить мир, но также необходимо любить свободу. А есть ли что-либо более законное, нежели возмущение против ужасного заговора, организованного на погибель нации? Поводом к бунту в Пуасси послужила скупка, в Бретани царит мир, в провинциях все спокойно: прокламация вызовет там тревогу и подорвет к нам доверие. Не будем действовать чересчур опрометчиво: кто вам сказал, что враги государства потеряли вкус к интригам?»

Что составляло отныне и еще в течение длительного времени силу Робеспьера? То, что, жетая Революцию, он принимал как ее последствия, так и ее условия и не выказывал глупого или лицемерного возмущения по поводу беспорядков, которые он считал неизбежным следствием вооруженного сопротивления королевскому произволу.

Собрание отвергло предложение Лалли-Толандаля, но ведь вначале ему аплодировали, и эти колебания свидетельствовали о том, что если Собрание весьма нудалось в народе, то оно уже начало и побаиваться его. Но эти мимолетные тревоги еще не тормозили его порыва, и, преисполненное чудесной веры в разум, оно тут же приступило к составлению Декларации прав человека послужившей преамбулой к конституции.

НОЧЬ 4 АВГУСТА

Собрание было целиком поглощено этой возвышенной и благородной работой, когда до него дошли первые известия о волнениях в деревне². В последние дни июля и в первые дни августа оно со всех сторон узнавало, что крестьяне, опережая или даже превышая своими стихийными действиями решения законодательной власти, отказывались платить наиболее ненавистные им налоги, вроде габели и феодальных прав, ценза, шампара и т. д. Вооружившись, они проникали в замки и, воздерживаясь от всякого насилия над людьми, захватывали и сжигали старинные дворянские грамоты, старые и новые документы, узаконивающие феодальную эксплуатацию. Это была насильственная ликвидация всей феодальной системы. Это была великая крестьянская революция, совершавшаяся вне легальных форм и вопреки воле законодателей.

Огромное волнение царило в Собрании. можно было подумать, что оно опасается вплотную приступить к разрешению проблемы феодализма. Оно чувствовало, что нередко будет трудно провести грань между феодальной и буржуазной собственностью, что отметить например, право на взимание ценза, полученное на основании заключенного договора, значило бы посягнуть на самый принцип договора, то есть на легальную форму и гарантию самой бур-

1. Œuvres de Maximilien Robespierre, t. VI «Discours, 1789—1790» (издано под редакцией М. Булазо, Ж. Лефевра и А. Собуля). Paris, 1950, p. 39.

2. Собрание создало 7 июля свой Конституционный комитет, а 11 июля Лафает представил свой проект Декларации прав

жуазной собственности. Вот почему революционная буржуазия смягчала и приглушала, сколько было в ее силах, общую редакцию наказов баляжей, резкие требования крестьян.

Будь Собрание предоставлено само себе, оно, вероятно, ограничило бы тем, что уничтожило налоговые привилегии и отменило остатки личной зависимости. Что касается феодальных повинностей в целом, оно самое большее, согласилось бы на систему добровольного и долгосрочного выкупа. Резкие крестьянские выступления ставили его в очень трудное положение. Следовало либо осуществить в деревне по всей стране репрессии, весьма нелегко осуществимые и весьма опасные, либо уступить натиску восставших крестьян.

Все первые внесенные предложения требовали репрессий. На заседании 3 августа Саломон от имени Комитета докладов нарисовал мрачную картину: «Из писем, приходящих из провинций, явствует, что собственность, *какого бы характера она ни была*, стала добычей самого преступного разбоя; во всех концах страны поджигают замки, разрушают монастыри, подвергают разграблению фермы. Налоги, сеньориальные повинности — ничто не признается. Закон потерял силу, а власти — авторитет, правосудие — не более как призрак, ибо тщетно было бы искать его в судах».

Поистине, Комитет бил в набат, сея страх. И он предложил Собранию принять следующее постановление: «Национальное собрание, информированное о том, что крестьяне упорно отказываются от уплаты ренты, десятины, ценса, сеньориальных повинностей; что жители приходов собираются и закрепляют в актах обязательство соблюдать этот отказ; что тем, кто не хочет ему подчиниться, угрожают самыми страшными карами и подвергают самому дурному обращению; что вооруженные лица повинны в насилии, что они врываются в замки, завладевают документами и грамотами, которые затем сжигают во дворах;

заявляет, что, неустанно занимаясь всеми вопросами, касающимися конституции и возрождения государства, оно не может, сколь ни срочны частные проблемы, кои ему надлежит решить, отвлечься от задачи, которой оно всецело занято, и прервать работы, чья важность не терпит отлагательств;

заявляет, что никакие доводы не могут оправдать отказ от уплаты налогов и выполнения всех прочих повинностей до тех пор, пока Собрание не выскажет своего мнения по поводу различных прав; заявляет, что никакой предлог не может освободить от их уплаты; что оно с горестью узнает о волнениях, вызванных подобными отказами, и что отказы эти решительно противоречат принципам публичного права, которые Собрание будет неукоснительно отстаивать».

Если бы это предложение было принято, Революция оказалась бы в опасности. Как, в самом деле, подавить это почти всеобщее

восстание крестьян? Прибегнуть к исполнительной власти короля, значило бы выдать ему Францию. Направить против крестьян вооруженную буржуазную гвардию городов значило бы развязать междоусобную войну между двумя силами Революции — буржуазией и крестьянством, причем старый порядок был бы увековечен этим расколом. Чутье заставило Собрание отказаться от предложения своего Комитета докладов, оно решило ограничиться прокламацией.

Раздалось уже несколько робких голосов в защиту восставших крестьян. Неизвестный депутат, отчет не сохранил даже его имени, сказал: «Не следует называть законными права несправедливые и в большинстве случаев основанные на силе и произволе. Не надо говорить о феодальных правах; жители деревень ждут их отмены, и, сделав подобное заявление, мы только вызовем их раздражение». Но было ясно, что люди, наиболее влиятельные, те, кого уже называли «предводителями общественного мнения», воздерживались высказывать свое мнение.

СОБСТВЕННОСТЬ ФЕОДАЛЬНАЯ И СОБСТВЕННОСТЬ БУРЖУАЗНАЯ

Поддержка феодальной собственности против восставших крестьян могла погубить Революцию. Но позволить крестьянам насильно искоренять феодализм, не значило ли это поколебать некоторые основы буржуазной собственности? И, несмотря на все, к чести Собрания следует сказать, что оно сумело в решающий час подняться над этими колебаниями и этими страхами и осмелилось вслед за крестьянами по-революционному решить вопрос о феодальной собственности. Вначале, даже на вечернем заседании 4 августа, можно было подумать, что шепетильные поборники законности и строгого порядка восторжествуют. Можно было подумать, что они собираются подвести феодальную собственность под понятие нерушимого права собственности вообще¹.

При открытии заседания Тарже зачитал от имени Редакционного комитета следующий проект постановления: «Национальное собрание, принимая во внимание, что в то время, как оно всецело занято заботой об упрочении счастья народа на основах свободной конституции, волнения и насилия, потрясающие некоторые провинции, сеют тревогу в умах и посягают самым пагубным образом на *священные права собственности* и безопасность личности...

Заявляет, что старые законы существуют по-прежнему и должны соблюдаться до тех пор, пока властью нации они не будут упразднены или изменены...

1. О подготовке знаменитого заседания 4 августа 1789 г. см.: G. L e -

f e b v r e. La Révolution française. Paris., 3e éd., 1963, p. 150.

Что все обычные повинности и платежи должны выплачиваться, как и прежде, до тех пор, пока Собрание не решит по-другому».

То было, в сущности, предложение Саломона, только выраженное в более мягкой форме. Но как могло Собрание, которое, казалось бы, объявило о пересмотре, пусть частичном, этих законов и тем самым само придало им временный характер, как могло оно настаивать на их выполнении страждущим и возмущенным народом? Следовало избрать иной путь и избрать решительно. Два депутата от дворянства, виконт де Ноай и герцог д'Эггйон, выручили Собрание¹. Оба они потребовали, чтобы крестьянам немедленно возвести о великой реформе феодальной системы. Весьма интересно с социальной и моральной точки зрения определить истинную причину и значение этого великого акта: возможно, что за словами обоих ораторов мы сможем разглядеть их сокровенные помыслы. Послушаем же их: «Как можно надеяться успокоить брожение в провинциях, не зная причин восстания, происходящего в королевстве? И как вылечить болезнь, не устранив причины, ее порождающие?»

Общины (то есть деревенские приходы) выдвинули свои требования. *Им нужна не конституция, — они высказали это пожелание только в балаяжах; так чего же они требовали?* Они требовали отмены косвенных налогов (акциза), упразднения субделегатов, облегчения или выкупа сеньориальных прав.

Эти общины видят, как вот уже больше трех месяцев их представители занимаются тем, что мы называем, и это так и есть, общественным делом; но общественное дело заключается, по их мнению, главным образом в том, чего они жаждут.

Во всех разногласиях, которые возникли между представителями нации, в деревне усмотрели лишь борьбу между людьми, которым она доверяла и которые бились за ее счастье, и могущественными особами, которые этому противились.

Что же произошло в этих обстоятельствах? Общины решили, что они должны вооружиться против силы, и отныне они уже не ведают никакого удержу; из всего вышеизложенного вытекает, что королевство стоит сегодня перед выбором: либо разложение общества, либо создание правительства, которое будет вызывать восхищение и уважение всей Европы...

Чтобы добиться необходимого спокойствия, я предлагаю: 1. Заявить до того, как будет выпущена предлагаемая Комитетом прокламация, что представители нации решили, что налоги будут платить все граждане королевства пропорционально своим доходам.

2. Что общественными налогами будут облагаться отныне все одинаково.

3. Что все феодальные права подлежат выкупу общинами за деньги или возмещению по справедливой оценке, то есть на

основании среднегодового дохода из расчета дохода за десять лет.

4. Что сеньориальные барщины, держания на основе права мертвой руки и прочие виды личной зависимости будут отменены без всякого выкупа».

Но вот перед нами другой дворянин, один из крупнейших капиталистов XVIII в., представитель одной из тех аристократических фамилий, которые со времен Лоу спекулировали, скупали, монополизировали, — герцог д'Эггйон. Он говорит о том же, что и виконт де Ноай, но с большей силой.

«Речь идет не только о разбойниках, которые, вооружившись, стремятся к личному обогащению за счет всенародного бедствия: во многих провинциях весь народ объединяется в лиги, чтобы разрушать замки, опустошать поля и особенно, чтобы завладеть архивами, где хранятся грамоты, удостоверяющие феодальную собственность. Он пытается сбросить с себя иго, которое гнетет его уже много веков, и следует признать, господа, что для этого восстания, хотя и преступного (ибо любое использование насилия преступно), можно найти оправдание в тех притеснениях, жертвой которых является народ. Владельцы фьефов, сеньориальных земель, согласимся с этим, сами довольно редко бывают виновны в чрезмерных жестокостях, на которые жалуются их вассалы; но поставленные ими люди большей частью не ведают жалости, и несчастный земледелец, подчиненный варварским пережиткам феодальных законов, еще существующих во Франции, стонет от принуждения, жертвой которого он является. Эти права, незачем скрывать, являются собственностью, а всякая собственность священна; но они тягостны для народа, и все признают, что они служат для него источником постоянных стеснений».

Я не сомневаюсь в том, что владетели фьефов, сеньоры земли, далекие от того, чтобы отрицать эту истину, не расположены все же принести в жертву справедливости свои права. Они уже отказались от своих привилегий, налоговых изъятий, которыми они пользовались; и в настоящую минуту нельзя требовать от них простого отказа от их феодальных прав.

Эти права — их собственность. Они представляют собой единственное достояние многих частных лиц, и справедливость воспрещает требовать отказа от любой собственности без предоставления взамен справедливого вознаграждения владельца, который жертвует своими выгодами ради общественного блага.

1. Эггйон, герцог, де (1761—1800) — пэр Франции, наместник провинции Бретань, депутат дворянства от сенешальства Аженуа в Аже-

не. Ноай, виконт, де (1756—1804) — наместник Гпени, главный балый Немура, депутат дворянства от Немурского балаяжа.

На основании этих убедительных соображений, господа, и чтобы дать почувствовать народу, что вы по-настоящему печетесь о наиболее дорогих для него интересах, я хотел бы выразить пожелание, чтобы Национальное собрание заявило, что налогами будут облагаться одинаково все граждане соразмерно их возможностям и что отныне все феодальные права, связанные с владением фьефами и сеньориальными землями, могут быть выкуплены вассалами этих фьефов и земель, коли они того пожелают; что выплата будет производиться в размерах, установленных Собранием; и я придерживаюсь такого мнения, что она должна составлять сумму, в 30 раз превышающую годовой доход, приносимый сеньору этой повинностью».

В заключение герцог д'Эгийон представил Собранию очень детально составленный проект, состоящий из восьми параграфов. Каков смысл выступления двух этих знатных сеньоров? Прежде всего, нужно отбросить мысль об увлечении, о некоем великодушном стихийном порыве. Слишком часто ночь 4 августа изображали как неожиданное опьянение самопожертвованием, как пиршество права. Предложения виконта де Ноая и герцога д'Эгийона, явно составленные заранее и точно рассчитанные во всех деталях, говорят, напротив, о хорошо продуманном и хладнокровно осуществленном плане.

Чего же они добивались? Было бы, безусловно, слишком смело утверждать, что к их поступку не примешивалось никакого порыва или, если угодно, никакой иллюзии великодушия. Наступает час, когда некоторые привилегии, устаревшие и, к стати, мало доходные, становятся бременем даже для их обладателей или, во всяком случае, для некоторых из них. Но столь же очевидно, что инициатива обоих дворян — весьма искусный политический ход. Они лучше знакомы, чем большинство революционных буржуа, легистов и горожан, с подлинным устроением деревни, и виконт де Ноай выражает в тех местах, которые я выделил, подлинный дух приходских наказов, где проявилась сама суть крестьянской мысли.

Дворяне, стало быть, понимали, что открыто упорствовать в защите феодальных прав значит начать против всего населения деревень бесконечную и беспощадную войну, которая сделает невозможной жизнь владельца в замке. И с какими силами могли они ввязаться в эту борьбу? Виконт де Ноай заявил об этом весьма недвусмысленно: никакой силы у дворянства не было, кроме непопулярности, которую оно заслужило в первые месяцы Революции. Конечно, дворянство могло призвать себе на помощь в этой битве с крестьянами колеблющуюся буржуазию. Но дворяне прекрасно понимали, что революционные буржуа, как ни велик был страх этих законников и собственников перед взбунтовавшимися крестьянами, не могли серьезно ввязаться в эту борьбу, и в конечном счете именно дворянам придется распла-

чиваться за эту войну своими жизнями или своим имуществом. Имело больше смысла прибегнуть к смелому маневру, выступить перед Собранием инициаторами этого движения. От такой инициативы дворяне могли только выиграть и ничего не теряли. Прежде всего, они могли одним ударом вернуть себе в деревне популярность, которая обеспечила бы им восстановление их влияния и власти.

И вот перед этими городскими буржуа, робкими, запуганными, так сильно дрожавшими за свою собственность, что они были готовы защищать ее даже в отвратительной феодальной форме, предстали смелые вельможи, которые, казалось, предлагали пожертвовать своими наиболее ненавистными привилегиями. Что они теряли? Ничего. Ибо эти привилегии, с которыми они готовы были расстаться, фактически уже уничтожены всеобщим восстанием крестьян; как вернешь эти сожженные грамоты? Как сохранишь вокруг замков хотя бы тень прежнего страха и почтения? Крестьяне развеяли их навеки огнем своих факелов. И для дворянства было выгоднее — и предложения де Ноая и герцога д'Эгийона были единственным для того средством — найти путем выкупа эквивалент утраченных привилегий.

На своих бурных сходах крестьяне, уничтожая архивы, думали избавиться навсегда и безвозмездно от ценза, шампара и всего остального. Надо было торопиться ввести в законные рамки движение, чтобы сдержать его и, возможно, даже подавить. Как только будет издан закон, станет затруднительно решать вопрос об экспроприации дворян без возмещения, ибо даже в своих приходских наказах крестьяне еще не осмеливались требовать хладнокровно такой грубой экспроприации и требовали только выкупа.

Постановлением Собрания можно было заставить Революцию отступить к требованиям наказов, свести на нет решающие результаты широкого стихийного восстания крестьян и потихоньку отнять у них богатую феодальную добычу, которую нельзя было вырвать у них силой.

Прикрываясь величием Национального собрания, дворянство перешло в наступление, увлекая за собой само третье сословие. Этим и объясняется та настойчивость, с какой де Ноай и герцог д'Эгийон утверждали, что феодальные права — это священная собственность и что Собрание вправе лишить ее дворян лишь путем выплаты справедливого и даже богатого возмещения, в 30 раз превышающего приносимый ею годовой доход.

Для того чтобы Собрание встретило две эти речи взрывом энтузиазма, понадобилось поистине, чтобы третье сословие оказалось в странной растерянности. Ему было трудно вступить в борьбу с крестьянами. Оно не хотело легкомысленно посягать на права собственности, мнимое самопожертвование дворян показалось ему, без сомнения, выходом из положения.

«ОТМЕНА» ФЕОДАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Было бы, право, очень печально, если бы отмена, пусть даже мнимая, феодальных привилегий была результатом только маневра дворян, и было бы горестно, если бы суровый голос крестьян не прозвучал в ту историческую минуту в великом буржуазном Собрании, перед сеньорами, предложившими им свою более чем сомнительную жертву, в которой, безусловно, может быть, даже без их ведома, заключалось столько же расчета, сколько великодушия.

Но вот безвестный депутат из бретонской провинции, который столько выстрадал от жестокости дворян, поднялся с места, и можно было подумать, что вдруг взорвалась земля от долго сдерживаемых и как бы погребенных страданий.

О, какая прекрасная речь, страстная и суровая, вся преисполненная грусти и возмущения! Леган де Керангаль не то чтобы разглядел или разоблачил интригу в столь ловком даре дворян, наоборот, он закончил свою речь, «отдавая должное патристическим добродетелям двух предыдущих почтенных ораторов, которые, будучи сами высокопоставленными сеньорами, имели мужество первыми обнародовать правду, до сих пор погребенную во мраке феодализма, и которые столь могущественны, что могут содействовать благоденствию Франции».

Он не только не посмел предложить экспроприацию без возмещения, он, пожалуй, даже не смел об этом мечтать. Напротив, он просит о возможности выкупа и предлагает за отмену ненавистного побора, который фермер сеньора взимал с бедных крестьян за помол зерна, возмещение, которое в 20 или даже в 25 раз превышает приносимый этим побором доход. Он указывает даже, что феодальные права будут и впредь соблюдаться, вплоть до полной выплаты всей выкупной суммы; но, с другой стороны, он раскрывает все беззаконие и произвол этих мнимых прав с такой силой, что и выкуп сам по себе логически выглядит беззаконием.

Его негодование и само изложение фактов перечеркивают его заключение, и, подобно занесенному случайно в почву ветром бури желудю, из которого вскоре вырастет дуб, зародыш мысли о полной экспроприации заронен отныне в революционную почву.

«Господа, вы бы предотвратили сожжение замков, если бы поторопились объявить, что ужасное орудие, в них заключенное и терзающее народ в течение долгих веков, будет уничтожено путем предписанного вами принудительного выкупа. Народ, страстно жаждущий справедливости, поторопился уничтожить эти грамоты, памятник варварства наших отцов.

Будем же справедливы, господа, пусть принесут сюда эти грамоты, которые оскорбляют не только стыдливость, но само человечество. Пусть нам доставят сюда эти грамоты, которые оскорбляют род людской, ибо требуют, чтобы людей впрягали

в плуги, словно рабочий скот. Пусть доставят сюда эти грамоты, которые заставляют людей проводить ночи напролет у пруда, разгоняя лягушек, дабы они не нарушали сон их сластолюбивых сеньоров.

Кто из нас, господа, в наш просвещенный век не захочет сложить искупительный костер из этих подлых пергаментов и не поднесет к нему огонь, чтобы принести этим жертву на алтарь отечества?»

Какие слова именно в тот час, когда повсюду во дворах замков пылали костры избавления, пожирившие старинные грамоты! Казалось, весь огонь, зажженный крестьянами, запылал в самом Национальном собрании, на алтаре отечества, который стал костром для сожжения удостоверяющих рабство грамот!

Нарисовав эту грандиозную картину, собравшую воедино в очаге законов бесчисленные разрозненные огни крестьянского гнева, Леган де Керангаль не только узаконивает этот гигантский костер, он идет дальше: он как бы приобщает к нему само Национальное собрание, и от его имени, его руками он бросает в освободительное пламя постыдные грамоты, узаконивающие угнетение. Да, то была грандиозная картина, но мысль оратора еще робка, ибо пока что Леган де Керангаль предает огню только грамоты, подтверждающие личную зависимость. Для других, менее униженных, но гораздо более кабальных, он оставляет дворянам преимущество выкупа.

Но это неважно! Пусть себе Собрание пытается притушить пламя, зажженное крестьянами, пусть оно вытаскивает из костра, чтобы восстановить их в другой форме, полусожженные грамоты на сеньориальную эксплуатацию, на ценз. шампар. поземельные ренты.

Когда такие слова, как слова, сказанные Леганом де Керангальем, уже произнесены, весь горизонт как бы занимается пламенем, и вопреки своей воле Собрание доходит до отмены самого выкупа в силу той формы, в какой оно его провозглашает. Послушайте, однако, продолжение этой речи, столь искренней и одновременно столь противоречивой:

«Господа, вы не восстановите покоя в восставшей Франции, пока не пообещаете народу, что превратите *все существующие феодальные права* в денежный оброк, который можно будет по желанию выкупать, пока законы, которые вы примете, не уничтожат без следа все зло, на которое народ справедливо жалуется. Скажите ему, что вы признаете несправедливость этих прав, приобретенных во времена невежества и мрака.

Во имя блага мира, поспешите дать Франции эти обещания; мы слышим единодушный вопль, вы не должны терять ни минуты, один день промедления породит новые пожары; крушение целых империй возвещается меньшим грохотом. Или вы намерены издавать законы для разоренной Франции?»

Призыв был великолепен, но в нем было глубокое противоречие: все эти права несправедливы, тем не менее все они должны быть выкуплены! Опять крестьянин вынужден расплачиваться!

Нетрудно догадаться, что перед Собранием стояла огромная трудность, которую удастся устранить лишь ценой больших усилий в ходе Революции; но в тот момент Собрание, по-видимому, не приняло этого во внимание. Оно поддалось порыву энтузиазма, будто решение проблемы, которая лежала на нем тяжелым грузом, было окончательно найдено. С одной стороны, представители дворянства сами осуждали старую феодальную систему, предлагали отменить часть феодальных прав без возмещения и произвести принудительный выкуп остальных. С другой стороны, пылкий глашатай крестьян сам тоже признавал идею выкупа. Не было ли тут достигнуто согласие между крестьянами и сеньорами?

Более того, при таком обоюдном согласии на выкуп принцип договора оставался в силе; буржуа, держатели некоторых феодальных земельных рент, уже не рисковали, что у них отнимут их собственность без возмещения, и феодальная система могла исчезнуть, не поколебав основ буржуазной собственности. Отсюда и неожиданный энтузиазм Собрания: оно вообразило, что может погасить все костры междоусобной войны, зажженные в деревнях, не вызвав при этом раздражения сеньоров, не породив недовольства крестьян, не подвергая опасности буржуазию.

В этом радостном порыве сказался, несомненно, в какой-то мере благородный дух жертвенности, и, когда дворяне поспешили отказаться от своих налоговых привилегий и от своего исключительного права охоты, когда духовенство отказалось от десятины, когда города и провинции пожертвовали ради великого единства французов своими привилегиями и обычным правом, радость братства на время возвысила сердца над жалким уровнем жизни. Но эти искренние проявления чувства были бы невозможны, если бы предусмотренные решения не предстали перед всеми сословиями как гарантия интересов каждого из них.

Дворянство было защищено от насильственной экспроприации, и под защитой закона о выкупе оно могло до бесконечности сохранять свои права, если крестьянин будет не в состоянии выкупить их, в противном случае оно получит за них прекрасное вознаграждение. И третьему сословию уже не приходилось делать выбор между неукоснительным соблюдением права собственности, защищать которое входило в интересы самой буржуазии, и революционными силами крестьянства.

В наиболее уязвимом положении в ту ночь 4 августа оказалось духовенство: ему было трудно не расстаться, подобно дворянству, со своими феодальными правами, которыми оно располагало в качестве собственника; ему было так же трудно не согласиться на выкуп десятины. Но у духовенства с выкупом был связан

весьма щекотливый вопрос. Оно было собственником лишь условно; в то время как феодальные права дворян являлись их личной и абсолютной собственностью, десятина взималась церковью лишь при условии, что она обеспечивала отправление культа.

Вот почему невозможно было оставить в распоряжении обладателя бенефиция капитал, который будет получен при выкупе десятины. Это значило бы превратить в личную и абсолютную собственность каждого священника то, что до сих пор составляло собственность всего духовенства и служило определенным целям. Духовенство прекрасно это понимало, ибо, когда епископ Нансийский, в ночь 4 августа, потребовал выкупа за церковные земли, он добавил: «И я требую, чтобы выкуп не послужил к выгоде духовных сеньоров, а был использован ко благу неимущих».

Но поскольку собственность духовенства носила иной характер, чем собственность дворян, поскольку она составляла собственность совершенно особого рода, не имея ничего общего с индивидуальной буржуазной собственностью, у третьего сословия не было никаких причин ее шадить.

Дворянин мог сказать: «Я получил эту земельную ренту в обмен на такой-то участок земли, уступленный мною, и отнять у меня эту землю без возмещения значило бы нарушить договор о собственности, аналогичный тем, которые служат основой буржуазной собственности». Вот почему буржуазия не решалась экспроприировать собственность дворян. Она боялась ударить по самой себе. Но, если собственность духовенства предназначалась главным образом для обеспечения общественных нужд, то не была ли она в силу этого собственностью нации? Следовательно, можно было передать ее нации, не нарушая договоров, которые служили основой права частной собственности, и в то время как в ночь 4 августа дворянство искусно спряталось от крестьянской экспроприации за спину буржуазии, церковь, наоборот, оказалась незащищенной: она была изолирована в силу особого характера ее права на собственность, и именно ей ночь 4 августа грозила непосредственной опасностью.

Поэтому 6 августа многие представители духовенства, прекрасно понимая, сколь велика была опасность, протестовали против непродуманных, на их взгляд, решений, принятых в ночь 4 августа. Тогда Бюзо, поднявшись на трибуну, впервые произнес решающие слова, вызвавшие невероятное волнение¹. «Я считаю своим долгом, — воскликнул он, — открыто отвергнуть предложения предыдущих ораторов — представителей духовенства, и прежде всего я настаиваю на том, что церковное имущество принадлежит нации». Часть Собрания ответила на его слова

1. Бюзо (1760—1794) — адвокат из Эврё, депутат третьего сословия от бальяжа Эврё, будущий пред-

ставитель от департамента Эр в Конвенте.

гневными выкриками, а левая им аплодировала. Так был провозглашен один из величайших актов Революции, тот, которому она обязана своим спасением, а именно — национализация церковных имуществ.

Импровизированные декреты 4 августа были встречены народом с восторгом. Правда, доктринер и педант Бриссо в своей газете «Патриот франсе»¹ отозвался о них холодно и упрекал Собрание в чрезмерной поспешности, словно восстания в деревнях оставляли ему время для долгих дискуссий. Зато в газете «Революсьон де Пари»² Лустало, чье революционное чутье не было притуплено непомерными претензиями Бриссо, рассказывал, что, услышав новость о декретах, уничтоживших сословные привилегии и феодальную тиранию, граждане обнимались на улицах; в деревне отклик на эти события был чрезвычайно бурным.

Окончательный текст, составленный Дюпором³ и принятый на заседании 6 августа, гласил:

«Национальное собрание полностью отменяет феодальный порядок; оно постановляет, что все права и повинности, как феодальные, так и цензуальные, реальные и личные повинности, связанные с держаниями, на которые распространяется право мертвой руки, те, что связаны с личной крепостной зависимостью, и те, что являются выражением ее, подлежат отмене без возмещения. Все остальные объявляются подлежащими выкупу, причем размер выкупных платежей и порядок их взимания будут определены Национальным собранием. Вышеупомянутые права, которые не отменяются данным декретом, будут считаться действительными до окончания выкупной операции»⁴.

Каково же было фактически социальное значение этого великого акта? Необходимо рассеять одно недоразумение. Не вся собственность сеньоров была отменена или подлежала выкупу, а только феодальная ее часть. Но эта часть составляла лишь небольшую долю их состояния. На основании феодальных грамот они имели право получать ренту или же изымать часть урожая с других, им не принадлежащих владений; именно это-то право либо аннулировалось, либо подлежало выкупу. Но им непосредственно принадлежали весьма обширные имения, которые они эксплуатировали при помощи либо фермеров, либо управляющих, и эта прямая собственность, безусловно самая значительная, совершенно не была затронута декретами от 4 августа, оформленными 6 августа.

Следовательно, если бы даже феодальные права дворян все были отменены без возмещения, их земельные богатства уменьшились бы весьма незначительно. По подсчетам того времени, правда, довольно неточным, все феодальные повинности приносили 120 млн. ежегодно. Стало быть, если валовой чистый доход от земледелия Франции составлял сумму свыше 2 млрд. и если на дворянство приходилась пятая или четвертая часть этой суммы,

то декрет от 4 августа коснулся приблизительно 20—25% доходов дворян от земли. Это довольно много, но даже после такой операции богатство дворян и их экономическое могущество далеко не были утрачены.

Иногда приходится слышать, как говорят: «У дворянства была их ночь 4 августа, надо бы и буржуазии устроить такую же». Подобная аналогия ошибочна: коммунистическая и пролетарская Революция будет гораздо более широкой и более глубокой, нежели Революция в имущественных отношениях 4 августа 1789 г.

В грядущей Революции речь пойдет не о части экономического могущества буржуазии. Она охватит всю капиталистическую систему производства и обмена; она будет, следовательно, гораздо более обширной; кроме того, она потребует от пролетариата нового напряжения мысли, проявления новых способностей. Пролетариат должен будет по-другому организовать производство и распределение. Ему придется взять на себя в сфере труда функции управления, которых он сегодня не осуществляет.

И напротив, крестьянину, освобожденному от ценса, от десятины, от шампара, не требовалось новых изменений, он продолжал обрабатывать свое поле, как и прежде, он только избавился от повинностей, от кабалы и от долга. Что же из этого следует? А то, что пролетариату, чтобы стать хозяином коммунистического общества и обеспечить его функционирование, нужна будет экономическая и интеллектуальная подготовка более высокая, чем у крестьянина-собственника 1789 г.

Следует ли, однако, считать, что упразднение феодальной системы было незначительным историческим фактом? Отнюдь нет. Крестьяне в ближайшие несколько лет не только освободились от повинностей, порой очень тяжелых, но и перестали, так сказать, жить под сенью сеньориальной власти, поэтому и смогла возникнуть крестьянская демократия, чья важная роль будет освещена в этом труде.

ВЫКУП ФЕОДАЛЬНЫХ ПРАВ

Но был ли на самом деле уничтожен феодальный порядок декретами 4 августа? Прямо и непосредственно — нет, но логически и в непродолжительном времени — да. Крестьяне поняли

1. «Le Patriote français» Бриссо начал выходить с 28 июля 1789 г.
2. «Les Révolutions de Paris», № 4. (События 2—8 августа.)
3. Дюпор А. (1759—1798) — судья при Парижском парламенте, депутат дворянства от города Парижа.

4. «Национальное собрание полностью отменяет феодальный порядок»: это далеко не соответствовало действительности; ибо пощадил право первородства и почетные прерогативы, в то время как обязательство выкупа повинностей обещало им долгую жизнь.

и запомнили только первую фразу декрета: Национальное собрание полностью отменяет феодальный порядок. Она показала им как бы освящением их революционного восстания законом, и начиная с этого дня они определенно считали, что больше ничего не должны своим сеньорам. Напрасно Собрание предписывало выкуп большинства феодальных прав и постановляло, что повинности должны выплачиваться до полного их выкупа. Напрасно сеньоры, вооружившись этими распоряжениями Собрания, требовали от крестьян его именем платежей в осуществление своих прав.

Крестьяне вынуждены были на какое-то время подчиниться, но они терпели эти требования как своего рода посмертную тиранию поверженного насмерть режима; все распоряжения, касавшиеся выкупа, казались им скандальным и, безусловно, временным опровержением формулы освобождения, которой открывался декрет Национального собрания.

И в самом деле, система выкупа оказалась неосуществимой. Я не собираюсь сейчас оспаривать порядок выкупа, установленный Национальным собранием. Последнее, терзаемое колебаниями, определило этот порядок лишь несколько месяцев спустя, в марте 1790 г., и немедленно натолкнулось на отчаянное сопротивление крестьян. Дело в том, что в тот революционный период самый принцип выкупа, каков бы ни был способ его осуществления, был неприемлем, и от него неминуемо пришлось отказаться в пользу безоговорочной отмены. И никто не вправе упрекнуть Национальное собрание, что оно не поняло этого сразу.

Было бы ребячеством требовать от Революции в тот период, когда она двигается вперед неуверенно и ощупью, логических и крайних решений, к которым приведет развитие кризиса. Фактически ни один из демократов левой, сочувствовавшей народу, — ни Робеспьер, ни Петийон — не осмелился говорить об экспроприации без возмещения. Это им даже в голову не приходило. Поскольку многие буржуа приобрели по договору феодальные ренты, поскольку форма договора охраняла большинство феодальных прав, необходимо было резкое обострение революционного кризиса, чтобы осмелиться разорвать все договоры без возмещения.

Понадобилось, чтобы Революция была ввергнута в борьбу против дворянства и его союзников за границей, в борьбу, столь ожесточенную, столь ужасную, чтобы Революция помышляла только об одном — нанести смертельный удар врагу, даже рискуя причинить ущерб кое-каким собственным интересам, неотделимым от интересов аристократии. Разве возможно это было в августе, в атмосфере того успокоения, которое последовало после победы 14 июля, при том, что дворяне весьма ловко взяли на себя инициативу частичной реформы системы?

Стало быть, Собрание вполне заслуживает извинения, приняв поначалу решение неэффективное и половинчатое; но такое решение не могло выдержать испытания. Либо фактически выкуп

совершался бы очень медленно; и как тогда можно было надеяться, чтобы класс крестьян, столь жестоко угнетаемый в течение столетий, согласился еще долго нести свое невыносимое бремя, когда великие революционные события внушили ему отныне сознание своей силы, а надежда разожгла желания?

Ритм Революции не терпел подобных длительных операций. Либо, напротив, операция выкупа была бы осуществлена очень быстро, скажем, немедленно, но за счет каких средств? Если общий доход от феодальных поборов оценивался в 120 млн. в год и большинство из них подлежало выкупу, то при 30-кратном возмещении получалась огромная сумма в 3600 млн.

Каким образом крестьянская собственность могла бы извлечь, если позволительно так выразиться, из своего чрева эту чудовищную сумму? Как могла бы она это сделать, особенно после двух крайне неурожайных лет, разоривших земледельца и приведших к утке за пределы страны значительного количества звонкой монеты, поскольку Франция была вынуждена покупать много зерна за границей?

Добавим к этому: 4 августа было объявлено, что и десятина подлежит выкупу¹. И так как она тоже достигала суммы почти в 120 млн., то французские земледельцы должны были выплатить еще дополнительно более 3 млрд. Как же могли они заплатить дворянству и духовенству *свыше 6 млрд.*?

Кстати, для Революции было крайне опасно допустить такое чудовищное увеличение финансового могущества дворян и священников, которым даже после отмены феодальных прав все еще принадлежала половина земли Франции. Революция превратила бы их в крупнейших капиталистов Франции, так же как они в свое время стали крупнейшими землевладельцами. И декреты от 4 августа, если бы условия выкупа были в точности и быстро осуществлены, обеспечили бы контрреволюции колоссальные денежные суммы для ведения борьбы.

Наконец, широкая финансовая операция, с помощью которой Собрание восстановило равновесие своих финансов, — я имею в виду распродажу церковных имуществ, что в принципе было решено в ноябре, — была бы невыполнима, если бы крестьяне и собственники-буржуа всерьез занялись выкупом феодальных прав. Как могли бы они приобретать национализированное церковное имущество и пополнять тем самым государственную казну, если бы им одновременно надо было выплачивать дворянству миллиарды в качестве выкупа за феодальные повинности?

1. В ночь 4 августа десятина была превращена в повинность, подлежащую выкупу. Но поскольку решения, принятые в ту ночь, еще нуждались в редакции, де-

баты возобновились на следующий день и длились до 11-го. Десятина была отменена без возмещения.

Никто, если не ошибаюсь, не отметил это противоречие между политикой выкупа феодальных прав, декретированной Собранием 4—6 августа, и политикой, которую оно собиралось проводить в отношении церковных имуществ. Между тем, это противоречие было настолько вопиющим, что, на мой взгляд, его не могли не осознать государственные деятели Собрания. Вот почему, с какой стороны ни смотри, декреты от 4 августа с их условиями выкупа оказались недолговечными. Революция встала перед дилеммой: либо, несмотря на иллюзорные формулы освобождения, она фактически продлит существование феодализма и сохранит сеньориальные повинности, теоретически подлежащие выкупу, но фактически невыкупаемые; либо постепенно, под постоянным нажимом крестьянства, она заменит выкуп экспроприацией без возмещения.

К такому именно выводу и придут в конце концов Законодательное собрание и Конвент, вынужденные отказаться от ограничительной и консервативной политики в отношении феодальной системы, которую проводило Учредительное собрание¹. А пока что члены Учредительного собрания, надо полагать, верили, что экспроприация церковных имуществ на некоторое время достаточно отвлечет умы от сложной феодальной проблемы.

Они, очевидно, надеялись, что если и в самом деле немедленно освободить крестьян от десятины, если к тому же позволить им приобрести часть церковных имуществ, о чем те столь пламенно мечтали, то они согласятся еще долго терпеть феодальные повинности, которые выкупались очень медленно.

Таким образом, основные усилия Революции не пришлось бы направлять на тот щекотливый вопрос, где феодальная собственность, покоящаяся на договоре, соприкасается с собственностью буржуазной — и феодализм, если его выкорчевывать с осторожностью, не нанесет ущерба примыкающей к нему части буржуазного права.

Решительные слова Бюзо, брошенные им Собранию на заседании 6 августа, дают нам право утверждать, что с той минуты левая определила свою позицию. А если она решила уже в тот день национализировать имущество духовенства, то как могла она серьезно настаивать на выкупе части церковных имуществ?

ПРОБЛЕМА ДЕСЯТИНЫ

Ясно, что в ночь 4 августа Собрание исходило из совершенно ошибочной аналогии, объявив, что десятина так же подлежит выкупу, как и феодальные права. Собрание не замедлило в этом вопросе выкупа десятины раскрыть свой истинный замысел: в течение недели, с 4 по 11 августа, все совершенно переменялось. Статья 7 законопроекта, зачитанного 6 августа, гласила:

«Десятины, выплачиваемые натурой, церковные, светские и на основе инфеодации, могут быть обращены в денежные повинности и выкуплены по желанию тех, с кого они взимаются, в размерах, устанавливаемых либо по добровольному соглашению, либо законом; но получатели десятины не имеют права использовать эти суммы для своих нужд».

6 августа, стало быть, речь шла еще о выкупе десятины. Но уже 8 августа, в связи с проектом займа, предложенным Неккером, маркиз де Лакост и Александр де Ламет потребовали не только отмены десятины без всякого возмещения, но и отчуждения всех церковных имуществ². А 11-го, когда подошли вплотную к обсуждению статьи, касающейся десятины, лишь несколько представителей духовенства, да и то тщетно, напомнили Собранию, что 4-го оно приняло постановление о ее выкупе.

Аббат Монтескью³ в очень ловко составленной речи в защиту корпоративной и условной собственности церкви напал на индивидуальную собственность дворянства и буржуазии:

«Существует два вида собственников: собственники свободные и те, на кого возложено бремя служения обществу. Общественное мнение чрезмерно возвышает ныне свободных собственников как наиболее важный класс государства. Было бы точнее сказать, что они в основном являются наиболее состоятельными гражданами. Это и отличает их от других, а вовсе не приписываемое им превосходство над классами. Великий интерес государства сосредоточен в самой собственности, а не в том или ином собственнике. Для того чтобы земли давали высокие урожаи, нужны опытные земледельцы, нужны значительные вложения.

Праздный потребитель чистого дохода [имеется в виду праздный собственник] не является, что бы об этом ни говорили, важнейшей причиной воспроизводства, ибо труд и вложения в землю продолжали бы существовать, без сомнения, и тогда, когда потребитель перестал бы быть праздным. Для государства важно, чтобы земли были хорошо обработаны и чтобы они облагались высоким пропорциональным налогом.

Человека, способного к размышлению, никогда не удастся убедить в том, что ради общественного блага необходимо, чтобы чистый доход попадал в руки праздного человека, а не того, кто, помимо этого, да и в качестве собственника, выполняет какую-

1. Законодательное собрание отменило выкуп феодальных прав, за исключением тех случаев, когда предъявлялись первоначальные грамоты, 18 июня 1792 г. для казуальных («случайных») прав, а 25 августа того же года — для всех остальных. Конвент отменил их безоговорочно 17 июня 1793 г.,

приказав сжечь все феодальные грамоты.

2. Лакост-Мессельер, маркиз, де (1760—1806) — полковник кавалерии, депутат дворянства от баляжа Шароль (Бургундия).

3. Аббат де Монтескью — депутат духовенства от города Парижа.

нибудь общественную обязанность. Между тем, господствует предвзвешенность, согласно коему крупный собственник, свободный и всецело занятый своими личными удовольствиями, простодушно рассматривает себя как существо самое важное, как драгоценный предмет, ради которого только и вертится вся политическая машина и для кого должны работать и стараться все классы граждан, которых он называет своими наемниками. Сколько заблуждений предстоит устранить, прежде чем мы сможем получить хорошую конституцию!»

Ах, как жаль, что в Учредительном собрании не нашлось оратора-коммуниста! Он мог бы ознакомиться с взаимными обвинениями, которыми осыпали друг друга корпоративная собственность церкви и индивидуальная собственность праздных дворян и буржуа!

Да, сказал бы он аббату Монтескому, не праздным людям должен идти чистый доход от земли, но он не должен идти ни на потребу праздного духовенства с его корпоративной организацией, ни праздным индивидуумам — сеньорам и буржуа. Чистый доход от земли должен распределяться между нацией, на великие дела, представляющие общественный интерес, и теми, кто обрабатывает землю.

Если церковный культ действительно является служением обществу, на него будет выделяться определенная часть чистого дохода, получаемого нацией; но мы далеки от мысли сохранить за некоторой частью собственности корпоративный характер, а желаем придать всей собственности в целом общественный характер. Ничего — праздным, кто бы они ни были, праздными из замков, из буржуазных домов или из духовенства; все — нации и крестьянам!

Но коммунизм был настолько чужд даже самым смелым демократам, что ни один член Учредительного собрания и в мыслях не имел использовать против всей собственности праздных энергичные нападки аббата де Монтеского на экономистов и «свободных и праздных крупных собственников». По существу, речь аббата Монтеского была актом отчаяния. Чувствуя, что над церковной собственностью нависла угроза и приоритет десятины утерян, он мстил за это, потрясая основы индивидуальной собственности.

Аббат Сиейес, столь отважный революционер в вопросе организации общественных властей, но столь консервативный в вопросе церковной собственности, попытался вмешаться в том же духе. Он представил отмену десятины без возмещения как подарок богатым собственникам. И это в известной мере было справедливо.

«Я знаю не хуже других все несообразности десятины... Но именно потому, что десятина является подлинным бичом для земледелия, именно потому, что освободить землю от этого бремени более необходимо, чем от любой другой повинности, и именно потому еще, несомненно, что сумма, полученная от выку-

па десятины, может быть распределена с большей пользой и большей равномерностью, нежели сама десятина, я и считаю, что не следует дарить около 70 млн. ренты земельным собственникам.

Когда законодатель требует или принимает жертвы в обстоятельствах, подобных нашим, жертвы эти не должны оборачиваться на пользу богачей. 70 млн. ренты были огромным ресурсом, и ныне он утерян... Я пытаюсь уяснить, что же выиграл народ от этой важной операции, но не нахожу; зато я вижу отчетливо все преимущества ее для богачей: они пропорциональны состоянию, и выходит, что человек выигрывает тем больше, чем он богаче.

Кроме того, я здесь слышал, как кто-то благодарил Собрание за то, что оно одним своим постановлением подарило ему дополнительно 30 тыс. ливров ренты. Многие убеждают себя, что десятину пожертвовали арендаторам. Так могут говорить только те, кто плохо знает причины, обуславливающие повсюду размеры арендной платы; в общем, любое понижение налога или земельной подати идет на пользу собственника.

Крупные собственники не станут от этого более полезными членами общества и не станут лучше обрабатывать свои поля от того, что вместо 10 тыс. или 20 тыс. ливров ренты они будут получать в будущем соответственно 11 тыс. или 22 тыс.

Что касается мелких землевладельцев, которые сами обрабатывают свои поля, то они заслуживают, без сомнения, большего внимания. И что же! Была возможность помочь им в случае принятия предложенного мною плана выкупа: следовало лишь сделать в каждом приходе скидку со всей причитающейся с него суммы выкупа в пользу мелких земледельцев пропорционально их нуждаемости».

Вся эта аргументация была благовидна и искусна, но, несмотря на досаду, что деньги за десятины действительно приходилось отдавать крупным и богатым землевладельцам, Революция поступила мудро, издав декрет об их полном уничтожении без выкупа. Прежде всего, поскольку Учредительное собрание принесло крестьянам лишь иллюзорное облегчение в смысле отмены феодального порядка, оно должно было, дабы ободрить и привязать их к себе, немедленно благодетельствовать их уничтожением десятины.

Незначительные льготы, которые, кстати, довольно трудно было определить и которые Сиейес предложил для собственников-земледельцев, были явно недостаточны. К тому же подлинно революционную ценность уничтожению десятины без выкупа придавало то обстоятельство, что, поступив так, Собрание взяло на себя обязательство пойти еще дальше по пути экспроприации церкви.

Как, в самом деле, обеспечить содержание приходских священников? Путем налогов? Но они больше не поступали. Стало быть, безоговорочное уничтожение десятины еще более увеличивало дефицит и толкало Собрание на полное отчуждение церковных

имущества. По сравнению с этими двумя большими революционными достижениями — ростом популярности Революции в деревне и национализацией церковного имущества — какое значение имеет досадный подарок в несколько миллионов, выпавший на долю крупных землевладельцев!

Сиейес хорошо понимал, на какой путь вступило Собрание, решившись на экспроприацию, потому-то он и протестовал с самого начала. В революционной печати Сиейесу вторил один только легкомысленный и тщеславный Бриссо, всегда гнавшийся за оригинальностью.

В Собрании аббата Монтеस्कью и Сиейеса не поддержал никто. Дворяне, из эгоизма, хранили молчание. Не только потому, что они подсчитывали, насколько отмена десятин увеличит их земельные доходы, прежде всего они думали о том, что это немедленное удовлетворение, полученное за счет духовенства, ослабит стремление крестьян к отмене феодальных прав; они надеялись отвести от себя грозу, направив ее на собственность церкви. Неверный расчет! Ибо крестьяне, наоборот, теперь еще меньше будут понимать, почему надо платить выкуп за феодальные права, если их освободили от выкупа десятины; и когда нация проведет секуляризацию церковной собственности и создаст чудовищный аппарат ассигнатов, ей будет легче применить ту же систему экспроприации и к имуществу эмигрантов.

Но дворянство оказалось близоруким, оно думало только о непосредственно грозящей ему опасности. Эти несколько ограниченные расчеты были, очевидно, единственной причиной полного молчания, которое дворянство хранило во время обсуждения вопроса о десятинах: ради собственного спасения оно принесло в жертву духовенство.

Но зато третье сословие, которое оказалось в затруднительном положении при рассмотрении вопроса о феодальных правах, теперь энергично выступило против выкупа десятин, за их полное и безоговорочное уничтожение. Все усилия третьего сословия были направлены на то, чтобы провести различие между десятиной и феодальными правами.

Арну высказался недвусмысленно: «Выкуп или возможность превращения десятин в денежную повинность является лишь *призрачным благодеянием. Десятина не заслуживает тех послаблений, каких заслуживают феодальные права.* Последние предлагают первоначальную уступку земель и являются их ценой; между тем, земли, обложенные десятиной, духовенство не уступало. Десятина — это не плата за землю, это налог, подать: она для духовенства является тем же, чем казенные налоги являются для исполнительной власти.

Нация обязана содержать служителей культа, но нужными для этого средствами она должна распоряжаться сама. Статья постановления, в той редакции, в которой она дана Комитетом

[то есть с выкупом], недостойна законодательного корпуса — это настоящая сделка».

Никто в Собрании не встал с места и не сказал: но если уничтожение десятин на условиях выкупа всего лишь призрачное благодеяние, то ведь и к отмене феодальных прав с выкупом это также относится? Третье сословие хорошо понимало шаткость своего положения, но оно пыталось обойти трудности и не осмеливалось подойти к ним вплотную. Дворяне радовались благоприятной для них непоследовательности, которая их защищала. Духовенство же само понимало, что, если оно разоблачит бесплодность декретов 4 августа в целом, оно сделает тем более неизбежным уничтожение десятин без возмещения.

Дюпор, пользовавшийся огромным авторитетом как юрист, поддержал предложение Арну, и Мирабо, хранивший молчание 4 августа, сейчас выступил весьма энергично. Он доказывал невозможность выкупа.

«Статья 7, редакцией которой вы сейчас занимались, плохо выражает ваши намерения. Вы не могли, я на этом настаиваю, господа, вынести постановление, о котором как будто говорится в этой статье, а именно: что десятина будет заменена эквивалентной денежной суммой; ибо она настолько обременительна, что мы не можем, не нарушив свой самый святой долг, продлить ее существование, будь то в форме натуральной повинности, будь то в форме эквивалентной ей денежной повинности».

Он доказывал далее, что лицам, взимающим десятину, фактически достается треть чистого дохода; и наконец, он так охарактеризовал права и функции духовенства, что лишил последнее не только права собственности на десятину, но и вообще на все церковные имущества.

«Вы получите правильное представление об этой обременительной дани, которую кое-кто хотел бы прикрыть прекрасным словом «собственность».

Нет, господа, десятина отнюдь не является собственностью; право собственности распространяется только на тех, кто может отчуждать свое имущество, а духовенство никогда такого права не имело... Десятина всегда была для духовенства только ежегодным правом пользования, простым владением, которое может быть отменено по воле верховной власти. Более того, десятину нельзя даже рассматривать как владение, как было сказано выше: она представляет собой подать, предназначенную для той части общественных услуг, которая касается служителей церкви: это субсидия, за счет которой нация оплачивает труд служителей морали и просвещения».

Пока шли эти дебаты, духовенство, чувствуя всю бесполезность сопротивления, которое лишь делало его ненавистным народу, но не могло сохранить десятину, вдруг решило ее пожертвовать. Весьма возможно также, что приходские священники, раз-

драженные несправедливым распределением десятины, которая обогащала лишь владельцев крупных аббатских бенефициев, и надеясь, что непосредственно получаемое от нации вознаграждение будет более справедливым, заставили высшее духовенство пойти на этот шаг.

На заседании 11 августа архиепископ Парижский и кардинал Ларошфуко, от имени духовенства Франции, торжественно отреклись от десятины без возмещения; и статья, которая отменяла десятину без выкупа, была принята единогласно. Так внутренняя сила Революции сломала сопротивление. Великое буржуазное Собрание, еще несколько дней назад сотрясаемое шквалом крестьянских волнений, именно в эту минуту могло поздравить себя с успехом.

Отменив десятину, оно оказало крестьянам великое благодеяние: тем самым оно тесно связало их с Революцией; и в самом деле, спустя три года, когда враги ворвались во Францию и спрашивали крестьян: «За что вы любите революционеров?» Первым их ответом было: «Они отменили десятину».

Собрание надеялось также, что это великое благодеяние настолько укрепит его моральный авторитет, что ему будет легче поддерживать порядок в деревнях. В отношении феодального порядка оно было куда менее смелым и куда менее последовательным. Оно фактически сохранило подати, получаемые дворянами с земли, в то время как юридически феодализм был им уничтожен.

Революция вскоре сметет эту двусмысленную систему, но, возможно, следует все-таки порадоваться тому, что, разъединив собственность церкви и феодальную собственность, буржуазное Собрание на время раскололо враждебные силы.

Шадя поначалу дворянство и изолируя духовенство, оно, в конце концов, добилось единогласного принятия декрета о безоговорочной отмене десятины, что придавало этому выдающемуся революционному акту экспроприации несравненную моральную силу, а также в какой-то степени окончательный характер. Вскоре мы увидим, что Собранию еще придется столкнуться с неразрешимыми трудностями принятой им системы выкупа феодальных прав. Вскоре мы вновь услышим гневный ропот обманутых крестьян; но, несмотря ни на что, 4 и 11 августа, в общем и целом, ускорили и утвердили развитие Революции.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ

Начав, таким образом, урегулирование своих расчетов с крестьянством, Национальное собрание смогло вновь вернуться к всестороннему обсуждению прав человека и первых основных статей конституции. Я уже определил смысл Декларации прав, когда говорил о наказах, наметивших ее в общих чертах.

Я отнюдь на этом не настаиваю. И все же это возвышенное провозглашение принципов, прозвучавшее в самый разгар бури и восторжествовавшее над ней, сохраняет некую трагическую красоту. Члены Собрания, упорно добиваясь, невзирая на события, утверждения прав человека, переживали, все без исключения, и глубокий энтузиазм, и некоторое смущение. Трудность для них состояла в том, чтобы примирить естественное право, как они его понимали, то есть как предшествовавшее обществам и стоявшее выше их, с правом историческим.

Да, человеку принадлежит исконное право передвигаться, трудиться, мыслить, жить и пользоваться свободой, в полном смысле этого слова, не знающей иных ограничений, кроме свободы другого человека. Да, когда он отказывается от одиночества естественного состояния, когда он принимает общественные отношения или ищет их, он это делает отнюдь не для того, чтобы отказаться от своей исконной свободы, а для того, чтобы ее укрепить и обеспечить; и Сийес был прав в своем прекрасном метафизическом заключении, сказав, «что общественное состояние благоприятствует свободе и увеличивает ее».

Но, если это так, если человек должен обрести в общественном состоянии и в политической организации свою исконную свободу укрепленной и возросшей, то каков смысл, какова законность функций властей, которые существуют и с которыми должна считаться Революция?

Каковы, например, права королевской власти? И как глубоко уходят ее корни? Конечно, революционные теоретики могут сказать, что она представляет собой счастливое сочетание, под сказанное вековым опытом и предназначенное смягчать столкновение соперничающих свобод и обеспечивать непрерывность порядка, который является необходимым условием независимости.

Не менее правильно и то, что роль королевской власти, таким образом, сводится к роли великого исторического посредника: главной и первостепенной является свобода человеческой личности, и, следовательно, она должна взять верх над королевской властью, если между ними возникнет конфликт. В построениях Учредительного собрания имеется целый метафизический период, когда королевской власти еще не существовало, когда еще не известно было даже, появится ли она вообще, и многие члены Учредительного собрания поспешили обратиться к конкретному порядку, к порядку позитивного закона, благодаря которому действительность проникается естественным правом, но отнюдь не уничтожается им.

Им казалось опасным создать или признать родину, основанную на праве, предшествовавшем истории и главенствующем над ней, где для великих монархических институтов не было места.

Кто знает, не подорвет ли первоначальная и естественная свобода, возрожденная в социальной системе, саму эту систему?

Ведь эту свободу можно сравнить со сверкающим облаком, возникшим на первоначальном горизонте и надвигающимся на ослепленные и встревоженные города. Вот почему умеренные вроде Малуэ и Мунье не переставали напоминать, что Франция родилась не вчера, что она вышла не из чащи лесов, что она не возникла внезапно, прервав течение веков.

Мирабо, вдруг испугавшись того, что все труднее становится связать цепь исторических необходимостей с этой первичной и идеальной естественной свободой, пытается добиться, чтобы Собрание отложило общее определение прав до того, как будут приняты статьи конституции. После того как Революция создаст необходимые институты, она сможет, не подвергаясь опасности, дать прочному зданию своего рода метафизическое освящение.

Собрание упорствовало. Оно желало, чтобы Декларация прав явилась преамбулой конституции. И оно было право даже с исторической точки зрения. В конечном счете, именно ход истории, именно сам прогресс цивилизации и мысли должны помочь людям освободиться когда-нибудь силой духа от всех второстепенных и изменчивых институтов и утвердить идеальную свободу человека, как высшее мерило ценности общества.

Лишь вековой труд, лишь научная и экономическая деятельность буржуазии освободили человеческий дух; и когда человеческий дух, воспользовавшись добытой наконец свободой, отыскал и утвердил это естественное право человека, он отнюдь не отрицал историю, он лишь санкционировал и прославлял ее результаты.

И даже в такие институты, завещанные нам минувшими веками, как монархия, он вдохнул свободу, также полученную в наследство благодаря огромным усилиям человека. Значит, не было неразрешимого противоречия между естественным и историческим правом, но трудность состояла в том, чтобы добиться их слияния.

Как и королевская власть, собственность с трудом вписывается в область естественных прав. Сам Снейес это признает. Попытавшись сначала изобразить собственность как следствие и расширительное толкование идеи личности, он вынужден добавить:

«Земельная собственность является важнейшей частью вещной собственности. При нынешнем ее состоянии она обусловлена не столько личными потребностями, сколько социальными. Теория ее носит различный характер, и здесь не место ее излагать».

Мне хорошо известно, что члены Учредительного собрания ввели понятие собственности уже в статью 2 Декларации прав: «Целью любого политического сообщества является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека. Эти права суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению». Но как расплывчато звучит здесь слово «собственность»?

Существуют бесчисленные формы собственности, и есть среди них такие, как собственность феодальная, в подлинном смысле

этого слова, которые само Учредительное собрание признало незаконными.

По каким же принципам могут граждане отличать законные формы собственности от ее притеснительных форм? Но, по правде говоря, членам Учредительного собрания казалось, что буржуазная собственность благодаря своей подвижности и гибкости гармонирует с естественной свободой.

Не было никаких замкнутых каст, никакого экономического предопределения: каждый человек, каково бы ни было его происхождение, может, согласно буржуазному праву, приобретать, владеть, производить, торговать; и даже договор, соединяющий фабриканта и пролетариев, собственника и его батраков, поскольку его всегда можно расторгнуть, казался совместимым со свободой и с естественным правом.

Но если бы социалист, если бы коммунист потребовал слова от имени наемных рабочих, если бы он спросил членов Учредительного собрания: «Какими узами связан пролетариат с общественным строем? Вы сами признаете его зависимость, поскольку вы собираетесь, в силу самой этой зависимости, отказать ему в праве голоса; но можете ли вы в таком случае утверждать, что общественный порядок расширил для него первоначальную и естественную свободу?»

Члены Учредительного собрания, безусловно, не могли бы привести ему ни малейшего возражения. Но не существовало еще такого пролетарского сознания, чтобы даже поставить этот вопрос, и метафизикам от буржуазии удалось поэтому протащить буржуазную собственность в число естественных и неотъемлемых прав.

Даже эта иллюзия происходила из реальности, почти сплошь буржуазной. Но настанет час, когда пролетариат сможет поразмыслить над своей судьбой и своими классовыми интересами, он увидит резкий контраст между естественными правами каждого человека, провозглашенными буржуазной Революцией, и его собственной социальной зависимостью; и тогда Декларация прав человека, изменив свой смысл и свое содержание, по мере того как меняются исторические условия, делается формулой Революции пролетарской: ибо, как может общественное состояние гарантировать пролетариям свободное применение их способностей и расширение их естественной свободы, если оно не обеспечивает их собственностью?

Малуэ, обладавший чутьем консерватора, предвидел опасность и сказал 1 августа в Собрании:

«Я знаю, что американцы [в своей Декларации прав] извлекли человека из лона природы и представили его миру во всей его первозданной суверенности. Но американское общество, только что созданное, состоит целиком из собственников, уже привыкших к равенству, незнакомых как с роскошью, так и с нищетой. Среди

наших же сограждан, господа, имеется неисчислимое множество людей без собственности... которые иногда возмущаются, и не без оснований, при виде роскоши и изливств.

Никто, я надеюсь, не заподозрит, что я делаю из этого вывод, будто данный класс граждан не имеет равного со всеми права на свободу. Я далек от подобной мысли. Свобода должна быть похожа на дневное светило, которое сияет для всех. Но я думаю, господа, что в большом государстве необходимо, чтобы люди, находящиеся в зависимом положении, видели не столько расширение естественной свободы, сколько справедливые ее границы».

Тщетное и даже опасное благоразумие, ибо если революционная буржуазия, боясь разбудить дремлющий и пассивный пролетариат, не решится воззвать к правам человека и слить свои права с правами всего человечества, она лишится силы, необходимой ей для борьбы со старым порядком, с феодализмом, с церковью и всеми видами ополчившейся против нее тирании вселенной. Для нее было бы более надежно провозгласить, как сигнал к бою, возвышенный идеал прав человека, пусть даже этот гордый сигнал привел бы вскоре в движение многочисленные массы наемных рабочих, которые устремятся к новым революциям.

Для того чтобы вести борьбу с высоких позиций, революционная буржуазия должна была возвыситься до человечества, рискуя даже нарушить границы своего собственного права и возвестить для далекого будущего новое право. Именно эта классовая отвага, именно это бесстрашие, с которым она ковала суверенное оружие, которое история в один прекрасный день обратит против победителя, и составляют величие революционной буржуазии. Благодаря этому дело Революции на целый исторический период стало делом всего мира.

Дюпор, выступая в Собрании 18 августа, сказал: «Вы пожела-ли составить декларацию, приемлемую для всех людей, всех наций. Таково обязательство, которое вы взяли на себя перед всей Европой». Это обязательство Революция выполнила, разработав Декларацию прав. Пустая химера. скажут нам, абстракция! Нет, разумеется, стоит лишь вспомнить, как это сделал Барнав, что экономические и политические условия, породившие во Франции Революцию, имели место в разной степени и в других странах Европы.

Революция существовала в Европе в различной степени и в скрытом виде, и единственный способ, каким Франция могла упорядочить и вдохнуть жизнь в эту всемирную Революцию, заключался в том, чтобы действительно придать всемирный характер собственному движению. Повсюду, в силу своей исторической эволюции, народы в конце XVIII в. были уже готовы потребовать признания своих прав, утвердить достоинство человека, и Французская революция, обнаружив глубокое историческое чутье, обратилась с гуманным призывом к полностью созрев-

шему для этого человечеству. Она никогда еще не выказывала столь великого и столь блистательного реализма, как в тот час, когда провозгласила свой возвышенный идеал¹:

«Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах».

«Целью всякого политического сообщества является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека. Эти права суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению».

«Принцип всей верховной власти пребывает, по существу, в нации. Ни одна корпорация, ни один индивидуум не может осуществлять власти, которая не исходила бы определенно от нации».

«Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право лично или же через своих представителей содействовать его разработке. Он должен быть одинаков для всех, и тогда, когда он защищает, и тогда, когда карает. Все граждане, будучи равны в его глазах, имеют одинаковый доступ ко всем званиям, местам и должностям сообразно их способностям и без всяких иных различий, кроме различий в их добродетелях и талантах»².

Но, обсуждая эти высокие материи, Собрание наталкивается на серьезные трудности. В течение этих месяцев, с августа по октябрь, столь заполненных событиями и столь удивительно слож-ных, ему приходится бороться и с тайным сопротивлением королевской власти и с совершенно новыми революционными волнениями в Париже.

1. Здесь Жорес цитирует статьи 1, 2, 3 и 6 Декларации прав. Он опускает вторую фразу статьи 1: «Общественные различия могут быть основаны только на общей пользе».

2. Приходится поражаться, что Жорес уделил так мало внимания Декларации прав. Для более полного анализа см.: G. Lefebvre. La Révolution française Paris, 3e éd., 1963, p. 163.

СЕНТЯБРЬСКИЙ КРИЗИС

Король и двор, потерпев сокрушительное поражение 14 июля, отказались от открытого наступления, но Людовик XVI все еще надеялся измотать Революцию и, наконец, подавить ее. Как только ему стали известны решения 4 августа, он заявил, что никак не согласен с ними. Вместо того, чтобы сделаться вождем Революции, которая даже после 14 июля не желает ничего иного, как приветствовать его, он остается главой и защитником привилегированных.

КОРОЛЬ И РЕШЕНИЯ 4 АВГУСТА

Он пишет архиепископу Арльскому Дюло: «Я никогда не соглашусь на то, чтобы ограбили мое духовенство, мое дворянство; я никогда не санкционирую декреты, ведущие к их разорению, ибо тогда французский народ в один прекрасный день сможет обвинить меня в несправедливости и слабости. Монсеньор архиепископ, Вы подчиняетесь велениям Провидения, я тоже считаю, что подчиняюсь им, не поддаваясь тому энтузиазму, который охватил все сословия, но который не задевает моей души».

Этими словами король компрометировал не только себя самого, но и лишил всякой видимости искренности жертву, принесенную привилегированными, ибо народ с полным основанием говорил себе, что, если дворяне действительно, без задней мысли отказались от своих привилегий, они убедили бы своего главу, короля согласиться на это вместе с ними и от их имени.

Король не ограничился своим намерением отклонить декреты, и в письме, адресованном Собранию 18 сентября, он пытался уклониться от санкционирования постановлений 4 августа, нагро-

мождая против них множество мелочных возражений. Он требовал, чтобы возмещение выплачивалось также и за отмену личных повинностей, за отмену крепостной зависимости, которые уже давно были заменены денежными; особенно он желал увековечить феодальные права, сделав выкуп их почти невозможным. И для этого он хочет заставить крестьян выкупить сразу все права, которыми они обременены.— не только ценз или шампар, которые они выплачивают ежегодно, но и пошлину, взимаемую сеньором при переходе земли в другие руки, которую они платят лишь в определенных случаях.

Крестьяне, не имея тех больших денег, которые требовались для полного выкупа, должны были бы и дальше терпеть тиранию феодалов. «Собрание,— говорит король,— конечно, убедится, что некоторые права не могут выкупаться отдельно одно от другого; что так, например, нельзя допустить выкуп крестьянами права на ценз, который подтверждает и санкционирует право сеньора, если не выкупят одновременно казуальные права и все те, что вытекают из цензового права».

Но он пошел еще дальше и под предлогом защиты мелкой собственности, связанной, по его словам, с феодальным порядком, он предлагает Собранию сохранить этот порядок. «Далее, я предлагаю Национальному собранию подумать над тем, действительно ли выкуп ценза и пошлины, взимаемой при переходе земли в другие руки, послужит ко благу государства. Эти права, самые простые из всех, удерживают богатых людей от округления своих владений за счет мелких хозяйств, прилегающих к их землям, ибо они заинтересованы в том, чтобы сохранить почетные доходы своих сеньорий. Потеряв это преимущество, они постараются упрочить свое внешнее положение путем расширения своих земельных владений, и мелкая собственность будет таять с каждым днем. Между тем, общепризнано, что ее исчезновение наносит ущерб земледелию; что ее исчезновение ограничивает и суживает гражданский дух, сокращая число лиц, привязанных к земле; что ее исчезновение, наконец, может подорвать принципы морали, все больше и больше сводя обязанности людей к роли слуг и наемных работников». Какая ирония! Выходит, в интересах крестьянской собственности сохранить феодальные права, тяготевшие над ней. Король, в сущности, утверждает, что независимость крестьянской собственности вообще невозможна. Либо крестьяне-собственники будут платить подати дворянам, либо дворяне, если они не смогут больше распространять таким образом на большое число мелких хозяйств свои сюзеренные права и привязывать к себе вассальными узами большое число земледельцев, начнут скупать мелкие хозяйства. Либо вассал, либо батрак на ферме — вот выбор, который король оставляет крестьянам. И если это правда, что уничтожение феодальной собственности неизбежно даст новый толчок росту крупного, капиталистического землевладения, то

какой же вывод из этого следует? Отнюдь не тот, что крестьяне должны терпеть феодальное иго, напротив, сбросив его с себя, они должны освободиться также от ига собственников.

Собрание не заглядывало так далеко в будущее, но ответ короля показался ему неприемлемым. Ведь он, и в самом деле, означал полную отмену декретов 4 августа. Оно настаивало на их обнародовании, а король, еще раз прибегнув к хитрости, заявил в письме от 21 сентября, что он не может обнародовать декреты 4 августа, пока они не приняли окончательной формы закона, но что он их *опубликует*, и добавил: «Я нисколько не сомневаюсь, судя по обнаруженным вами намерениям, что я буду в состоянии, не нарушая высшей справедливости, санкционировать все законы, принимаемые вами по различным вопросам, о которых идет речь в ваших постановлениях». Тем самым король публично выражал надежду, что Собрание в своих окончательных постановлениях так ловко обойдет свои декреты, принятые в принципе 4 августа, что даже он, хранитель феодального права, сможет легко санкционировать эти законы, обманывающие народ. Собрание, которое, как мы видели, уже и без того не решалось по существу, уничтожить феодальную собственность, унизились до того, что аплодировало ответу короля. Население деревень могло задать себе вопрос: кого тут обманывают? Народ Парижа, во всяком случае, забеспокоился из-за уклончивой политики Собрания. После 14 июля в Национальном собрании наметился глубокий кризис. Духовенство и дворянство, составлявшие около половины его членов, уверились, что, вместо того чтобы ввязываться в опасные и бессильные попытки государственного переворота, им гораздо выгоднее ловко использовать свою легальную силу, чтобы ослабить результаты Революции. Умеренные, как Малгуэ и Мунье, объединившись с правыми, могли навязать Собранию своего рода модерантизм, который обезоружил бы революционные силы¹. Уже в течение августа — сентября пришлось долго спорить по поводу трех жизненно важных вопросов. Будет ли Собрание непрерывным? Будет ли Законодательный корпус разделен на две палаты? Будет ли королю предоставлено право безусловного вето в отношении решений законодателей? Но что останется от Революции, если Собрание решит, что оно не будет непрерывным и что король будет созывать Генеральные штаты нерегулярно, по мере надобности; если оно решит, что вторая палата, прибежище и центр аристократии, разделит власть с избранниками нации; если оно, сверх того, даст королю право без конца отказывать в своей санкции решениям Законодательного корпуса и наносить, таким образом, удары по законной воле Франции? Осуществление этих трех мер оставило бы от Революции только тень, и могучие социальные силы прошлого, церковь и феодализм, очень скоро превратили бы Революцию, связанную по рукам и по ногам, в фарс.

Оказывается, можно было попытаться организовать против Революции нечто вроде законодательного государственного переворота, куда более опасного, нежели военный государственный переворот, потому что первый имел бы видимость законности и привел бы к порабощению Франции волей самих ее избранных.

Естественно, что революционное чутье буржуазии заставило ее насторожиться перед таким полным отречением от своих прав; да и низшее духовенство, несмотря на то, что его постепенно охватывали беспокойство и тревога в связи с проектами, которые пока еще смутно угрожали церкви, тоже не могло согласиться отдать себя во власть злопамятных крупных прелатов. Да и среди самого дворянства довольно сильное меньшинство хотело вернуть себе утраченную популярность. Поэтому казалось невозможным, чтобы в августе — сентябре, чуть ли не на завтра после общей победы народа и Собрания, Революция могла сделать шаг назад.

Однако, выступив от имени Конституционного комитета, то есть в некотором роде от имени самого Собрания, Лалли-Толандаль и Мунье на заседании 31 августа предложили крайне консервативный план конституции. Согласно ему, над всеми влияниями должны были возобладать две великие сдерживающие силы — королевская власть и собственность. Конечно, они требуют непрерывности заседаний, то есть чтобы сессии созывались каждый год и чтобы всегда имелись депутаты. Это — гарантия для свободы; но они предложили разделить Законодательный корпус на две палаты: вторая, Сенат, будет состоять из 200 членов, предложенных провинциальными собраниями и назначенных королем. Они будут сенаторами пожизненно, причем избранными могут быть лишь те лица, которые владеют земельной собственностью. Даже для того, чтобы быть допущенным в народную палату, необходимо было иметь собственность.

«Трудно отрицать, — сказал Лалли-Толандаль, — что человек, наиболее независимый, более способный защищать свободу, что человек, наиболее заинтересованный в сохранении страны, будет служить ей лучше всего; что человек, который больше всего боится общественного осуждения, меньше всего будет способен предать общественные интересы; но кто же наиболее независим — тот, кто имеет имущество, или тот, кто не имеет ничего? Кто наиболее заинтересован в сохранении страны: тот, чья собственность, само существование связаны с землей этой страны, или тот, кто, покинув ее, ни о чем не пожалеет? Кто больше должен бояться общественного осуждения — тот, кого это осуждение может лишить собственности в наказание за преступление, или же тот,

1. По этому вопросу см. в основном: J. Egrat. La Révolution des

notables. Mounier et les Monarchiens. Paris, 1950.

кто, скрывшись бегством, может насмеяться над справедливым возмущением своих сограждан, которых он предал?»

В этом вся теория консервативной буржуазии, отстаивающей избирательный ценз. Если к этому еще добавить, что каждая из двух палат, согласно плану комитета, будет иметь право неограниченного вето в отношении решений другой и что у короля будет право неограниченного вето в отношении обеих палат; если вспомнить, что даже для того, чтобы стать избирателем, чтобы участвовать в работе первичных собраний, надо платить прямой налог в размере трехдневного заработка, то невольно приходишь к заключению, что проект конституции, предложенный Национальному собранию, представлял собой само отрицание демократии. Миллионы бедняков, рабочих, батраков, лишенных избирательного права, законодательный корпус, разделенный и обреченный из-за этого разделения на бессилие, сенаторы, назначаемые пожизненно да еще королем, право короля на неограниченное вето — какие же средства остаются в распоряжении нации и народа, чтобы достичь цели или хотя бы выразить свою волю?

Любопытно и символично, что этот план был предложен временно дворянином неопределенно-либеральных воззрений и умеренным буржуа. Это была как бы концентрация всех консервативных сил: наименее непримиримые представители старого порядка и наиболее консервативные представители нового порядка сошлись и договорились между собой воздвигнуть на пути Революции бесчисленные преграды. Не должно ли было это соглашение между Лалли-Толандаем, Мунье, а также Малуз, то есть, по нынешней терминологии, между умеренной правой, правым центром и левым центром, свести к минимуму освободительное движение Франции?

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПАРИЖЕ

Наступил поистине критический час для Революции: предстояло узнать, будет ли она узкобуржуазной и консервативной или же, наоборот, широкобуржуазной и демократической. В Париже тревога достигла предела, в городе царил чрезвычайное возбуждение. Но вместе с тем в Париже в организации муниципальной жизни и в расстановке социальных сил наметился конфликт между буржуазной олигархией и демократией. Конечно, было бы преувеличением утверждать, что новое Собрание представляло исключительно к партии умеренной и консервативной буржуазии. Байи, мэр Парижа, председательствовал, когда в Зале для игры в мяч приносили присягу, и, несмотря на свое мелкое самолюбие, он всем сердцем был предан Революции. Лафайет, командующий национальной гвардией, помогал установлению в Америке республики, и он не согласился бы рисковать своей популярностью,

пытаясь открыто остановить ход Революции. Но тем не менее, если брать вещи в целом, Собрание представителей и национальная гвардия олицетворяли, скорее всего, дух буржуазной осторожности и сдержанности, то были начатки олигархии.

25 июля и 1 августа 60 округов Парижа, созданные Байи, его временным мэром, назначили 184 члена Собрания представителей Коммуны. Избирательные собрания были многочисленными, но участвовать в них могли только те граждане, которые занимали какую-нибудь общественную должность, или имели звание мастера, или платили не менее 6 ливров подушного налога. Выбор падал почти всегда на буржуазных нотаблей, крупных купцов, нотариусов, адвокатов, банкиров, знаменитых ученых, известных журналистов. Среди них было много достойных людей. Так, например, Сижисмонд Лакруа называет среди избранников 25 июля Бриссо де Варвиля, редактора «Патриот франсэ», депутата Законодательного собрания и Конвента; Леонара Бурдона де ла Кроньер, бывшего адвоката, затем директора одного учебного заведения, депутата Конвента; Бурдона де Планша, публициста; Брусса де Фошре, драматурга, члена дирекции департамента в 1791 г.; аббата Шовье, верховного главу конгрегации матюренов*; Даримажу, публициста; де Жолли, адвоката, секретаря-архивариуса Конвента, предшественника Дантона на посту министра юстиции; Дюзю, академика, члена Конвента; Гравье де Верженна, докладчика в Государственном совете; Юга де Семонвиля, дворянина, примкнувшего к третьему сословию еще до 14 июля, ставшего послом при Республике; Моро де Сен-Мери, бывшего председателя выборщиков, депутата Учредительного собрания; Перье, члена Академии наук, механика, новатора, изобретателя пожарного насоса; Периля, профессора медицинского института; Катремера де Кэнси, археолога, депутата Законодательного собрания, а затем члена Совета пятисот; Туэна, ботаника, профессора Эколь нормаль в 1795 г., члена Института Франции; де Вовилье, профессора Коллеж де Франс, академика, впоследствии члена Совета пятисот, и т. д.

На дополнительных выборах 5 августа были избраны: Бигот де Преаме — адвокат парламента, будущий депутат Законодательного собрания, член Государственного совета и министр по делам культов при Империи; Бруссоне — естествоиспытатель, член Академии естественных наук, депутат Законодательного собрания; Кае де Жервиль — адвокат, заместитель прокурора Коммуны, назначенный министром внутренних дел в конце 1791 г.; Карон де Бомарше — автор «Женитьбы Фигаро»; Жибер де Мольер — будущий член Совета пятисот; Геру-старший — профессор риторики, позднее — директор Эколь нормаль¹; Лакре-

* Монахи ордена тринитариев. — 1. Жорес написал Кероне (Querónet). Это просто оглядка.

тель-старший — адвокат, литератор, член Французской академии, депутат Законодательного собрания и член Законодательного корпуса при Империи; Лагарп — знаменитый литературный критик, член Французской академии; Ле Ру де ла Вилль — бывший директор королевских соляных копей, глава ведомства общественных налогов с 30 июля 1792 г.; Реаль — прокурор суда в Шатле, ставший заместителем Шометта, общественным обвинителем, членом Государственного совета, префектом полиции; Тюрио де ла Розьер — депутат Законодательного собрания и член Конвента, и другие.

Новое Собрание представителей Парижской коммуны отнюдь не состояло из посредственностей, и его избиратели не требовали даже от него умеренности. Отмечу любопытную деталь: Бриссо де Варвиль, в ту пору передовой журналист, был избран в том самом округе Фий-Сен-Тома, где осела и господствовала финансовая и банковская буржуазия и который Марат очень скоро и очень резко стал избличать как очаг контрреволюции. Стало быть, в те дни конца июля у буржуазных нотаблей Парижа не было никакого намерения сопротивляться демократии, никакого желания сблизиться с бывшими господствующими классами, чтобы сдержать или отбросить демократию; некоторые ее избранники были даже отважными демократами, как, например, Бриссо или Реаль. Но в этом собрании людей, очевидно, совершенно отсутствовал дух общественного сознания. Избравшая их парижская буржуазия гордилась своей победой 14 июля; но, слишком дорожа своим покоем и потому склонная доверять королю, она питала отвращение ко всяким волнениям и даже ко всяким начинаниям; она хотела, чтобы у народных масс было как можно меньше поводов собираться вместе.

Впрочем, само непостоянство полномочий этого коммунального собрания, избранного исключительно для того, чтобы наметить план муниципальной организации, его непрестанные конфликты с мэром Байи очень его ослабляли; и когда 30 августа мэр решил отделаться от этого собрания и обратился к округам с предложением избрать новое, состоящее из 300 членов, это последнее, сформированное также среди распрей, оказалось не более жизнедеятельным.

Собрание приступило к работе 19 сентября, и очень скоро выяснилось, что, хотя в нем остались наиболее выдающиеся люди из первого коммунального собрания и оно приобрело новых блестящих членов, таких, как Дюверье, Гарран де Кулон, опытный финансист Моллиен, писатели Боннвиль и Фрерон, великие ученые — ботаник Жюсьё, химик Лавуазье, директор обсерватории Кассини и, наконец, философ Кондорсе, у него не было ни четкого политического плана, ни достаточной смелости.

Лустало в своей газете «Революсьон де Пари» еще в августе не без горечи говорил о разногласиях между округами, о распы-

лении муниципальной жизни: «Разлад, царящий в округах, противоречия в их принципах, их постановлениях, их полиции представляют собой, с тех пор как миновала первая опасность, зрелище ужасающей анархии. Представьте себе человека, у которого каждая нога, каждая рука, каждый орган имел бы свой ум и свою волю, одна нога которого намерена идти вперед, в то время как другая хочет отдыхать, глотка которого замкнулась, в то время как желудок требует пищи, уста которого поют, а глаза в это времяотягощены сном, и вы увидите яркую картину прискорбного положения, в котором пребывает столица».

При таких несогласиях между округами, при намечавшемся различии в принципах среди парижской буржуазии, трудно было ожидать, чтобы у центрального Собрания были единые побуждения и единые действия. И уже с того времени можно было предвидеть, что Париж будет участвовать в великих революционных событиях только в форме отдельных, локальных выступлений, только в форме частичных и стихийных движений.

Что касается центрального Собрания коммуны, то оно, правда, не сидело, сложа руки; оно управляло Парижем, проявляя добрую волю и умеренную рассудительность. Оно весьма добросовестно занималось повседневным обеспечением Парижа продовольствием; но не похоже, чтобы оно сумело заставить другие коммуны Франции, весьма ревниво оберегавшие запасы хлеба для своего собственного потребления, услышать его пламенные призывы, которые, возможно, обеспечили бы более обильное снабжение Парижа хлебом.

В отношении рабочих, множество которых собралось в благотворительных мастерских на Монмартре и в Шайо, буржуазные представители Коммуны проявляли недоверие, но отнюдь не жестокость. Они хотели рассредоточить рабочих из мастерских Монмартра, насчитывавших уже более 10 тыс. человек, причем число их росло с каждым днем за счет бедняков, стекавшихся в Париж из провинций. Но сначала они проявили некоторую осторожность. Они даже решили, что воскресные дни также будут оплачиваться рабочим, поскольку скудость их заработка делает невозможным для них перерывы в его получении. Но они не замедлили снизить ставки заработной платы, жалуясь на непомерные расходы, лежащие на столице. И наконец, последовал приказ рабочим Монмартра разойтись¹.

Лустало, который был демократом и обладал отзывчивой душой, с сочувствием говорит об этих людях, но и он желает рос-

1. Приказ о роспуске благотворительных мастерских был отдан Генеральным контролем финансов 23 августа 1789 г. См.: А. Т у е -

М. Л. Н. Г. у. L'Assistance publique à Paris pendant la Révolution, t. II, p. 99.

пуска мастерских и не предлагает никакого общего плана, чтобы облегчить участь всех этих нищих.

«Невозможно, — пишет он, — описать тягостное чувство, переполняющее душу при виде этих собранных в одном месте 10 тыс. человек, одетых в рубище, с измощенными лицами, с запавшими глазами и щеками, взоры которых полны страха, беспокойства, а иногда и угрызений совести. Господин командующий [Лафайет] говорил с ними доброжелательно, он выслушал их жалобы и старался их утешить; но в то же время он остался тверд, и это исключило ропот и обескуражило наглых; он сообщил рабочим, что столица будет и впредь выдавать им поденную плату в 20 су на их пропитание и что вскоре она будет вынуждена отправить большинство из них в их родные провинции».

Собственно говоря, мы еще не присутствуем, очевидно, при зарождении социального конфликта. Эти пролетарии ничуть не похожи на рабочих национальных мастерских 1848 г.; они отнюдь не представляют собой «рабочую армию», в сознание которой уже начали проникать социалистические идеи, а революционная буржуазия 1789 г. не испытывает потребности доказывать себе свою силу, подавляя этих несчастных.

Однако в беглом рассказе Лустало об увольнении рабочих из мастерских Монмартра 29 августа¹, уже чувствуется, что у буржуазии начинает пробуждаться дикий страх. Видно также, что установленные парижские революционные власти готовы пойти на беспощадные репрессии.

«Еще одно событие вызывало в умах тревогу. Рабочих Монмартра должны были уволить в тот же вечер, и пришлось принять грозные меры предосторожности при закрытии этих благотворительных мастерских: туда притащили пушку; были доставлены отборные войска, состоявшие в основном из тех, кто отличился при взятии Бастилии, под командованием мосье Юлена; четыре комиссара стояли у входа и выдавали паспорта.

Рабочие выходили попарно и сдавали инструменты, которые были им предоставлены; они получили по 24 су² и паспорт; всего выдали около 4 тыс. паспортов. Все происходило без малейших волнений; не слышалось даже угроз; люди озлобленные, преступные и опасные потонули, без сомнения, в этой массе несчастных; но тем, кто так часто и так бесчеловечно твердил, что надо по ним стрелять картечью, следовало бы увидеть их в ту минуту; кто знает, возможно, душераздирающее зрелище их безмерной нищеты и благодеяний города, столь экономно распределяемых, тронуло бы их черствые сердца, если в них еще сохранилась хоть капля чувства».

Итак, сами победители Бастилии готовились атаковать Монмартр; ничто не доказывает яснее, до какой степени Революция была буржуазной. Герои, рискуя жизнью, вырвали крепость из лап деспотизма, не понимали, как они пятнают свою

славу, готовясь пролить кровь изголодавшихся пролетариев; гравюры той эпохи почти с такой же симпатией изображают «славный подъем» буржуазных пушек на Монмартр, как и взятие Бастилии.

Ни малейшее угрызение совести не остановило вчерашних отважных бойцов; и они считали, что так же верно послужат Революции, сметая с лица земли эту толпу несчастных, как и уничтожая гарнизон Бастилии. Наиболее демократичные, как Лустало, снизились до жалости; но наряду с ними революционные буржуа, предвосхищая в своем страхе эпоху царствования Луи Филиппа, хотели, чтобы с этими людьми покончили картечью. Собрание представителей, осторожное и довольно гуманное, желало успокоить и «очистить» Париж, не проливая крови рабочих; и это ему удалось.

Национальная гвардия начала превращаться в некоторое подобие аристократии богатства. Она состояла из двух элементов: наемных частей, живших в казармах, и «волонтеров», «солдат-граждан». Эти последние все или почти все принадлежали к зажиточной буржуазии. И в самом деле, чтобы вступить в ряды буржуазной милиции, приходилось затратить довольно большую сумму денег.

Теоретически было достаточно быть избирателем и иметь постоянное местожительство в дистрикте; поэтому, казалось бы, в национальную гвардию могли попасть даже довольно бедные ремесленники. Но по регламенту требовалась форма; и этот синий мундир с зеленым воротником, с белыми обшлагами и лацканами стоил очень дорого — 4 луйдора. Эта обязательная форма была придумана Военным комитетом намеренно, с таким именно расчетом, чтобы создать милицию парижских собственников и зажиточных буржуа.

С самых первых дней посты, замещавшиеся в национальной гвардии путем выборов, стали объектом неистовых интриг и тщеславия: красоваться в блестящем костюме и полновластно царить на улицах, следя за порядком, — какая слава и какая гордость! С первых же дней начались трения между буржуазной милицией и народом, который осуждал ее дух исключительности, высокомерие и даже грубость.

Читаю в «Револьюсьон де Пари» от вторника, 18 августа: «Столичные подмастерья-парикмахеры собрались на Елисейских полях; первым делом они направили в ближайший округ депутацию,

1. «Révolutions de Paris», N 8, 29 août — 5 septembre 1789.

2. Рабочие получали «вознаграждение» в 24 су в момент их отъезда и субсидию по 3 су за каждое льё, которая должна была им выдаваться в городах и деревнях, ког-

да они будут через них проходить; а также по 12 су ежедневно в течение семи дней, после того, как они придут к месту назначения» (А. Туэтеу. Op. cit., t. II, p. 99).

дабы попросить разрешения на встречу; один буржуазный офицер в сопровождении своих подчиненных делал обход; он подошел к парням, объявил их мятежниками, стал им угрожать и на самом деле ударил саблей одного из подмастерьев, который, желая отвести удар, получил серьезное ранение в руку. Заметьте, что все эти парни были невооружены, у них даже не было палок».

Недоверие и взаимное непонимание зашли так далеко, что во время событий 5—6 октября, когда буржуазная гвардия увлекла Лафайета в Версаль, народ подумал было, что она собирается оказать помощь лейб-гвардии с черными кокардами и служить контрреволюции. Народ ошибался; буржуазная гвардия прекрасно знала, что все права и даже только зарождающиеся привилегии буржуазии будут у нее отняты в случае насильственного восстановления старого порядка; и она выступила на помощь Революции. Но первоначальная инициатива, конечно, исходила не от нее.

Собрание представителей Коммуны тоже готово отразить атаки контрреволюции; его возмущает вызывающее выставление напоказ черных кокард, оскорбления, наносимые трехцветной кокарде, но не оно подает сигнал к революционному протесту, не оно встанет во главе движения.

В эти месяцы, август — сентябрь — октябрь, импульс исходил из другого источника.

ВОЛНЕНИЯ В ПАЛЕ-РУАЯЛЕ

Есть в Париже несколько центров революционной и народной активности. Наиболее оживленный из них — Пале-Руаяль, представляющий собой нечто вроде колоссального митинга, где всегда бурлят страсти. Со своими рощицами, галереями, запутанными переходами, со своими лавками, это было место свиданий, кипевшее уже много лет интригами, финансистами, аферистами и девицами легкого поведения.

С первых дней Революции Пале-Руаяль стал местом встреч революционеров. Именно здесь 12 июля Камиль Демулен, взобравшись на стол и прицепив к своей шляпе листок дерева вместо кокарды, возвестил о неизбежности военного государственного переворота и о приближении «Варфоломеевской ночи для патриотов».

С тех пор Пале-Руаяль так и остался очагом новостей, резолюций, волнений. Трудно установить и даже уловить социальное лицо этой шумной толпы, пребывающей в вечном движении, без конца обновляемой и представляющей смешение разнообразных элементов. Совершенно очевидно, что отсутствие какой бы то ни было организации благоприятствовало интригам; любая группировка легко могла распространять там свои лозунги, свои тенденциозные новости и так мало-помалу воздействовать на весь Париж.

Точно известно, что у герцога Орлеанского, ожесточенного врага двора, были в Пале-Руаяле свои люди на жалованье, распространявшие и собиравшие новости, услужливые приспешники, обрабатывавшие общественное мнение в его пользу: ведь не случайно толпа решила 12 июля пронести по улицам бюст герцога Орлеанского, да еще одновременно с бюстом Неккера.

Какой цели добивался герцог? Надеялся ли он, что революционное движение вознесет его на трон? Возможно, что эта двоедушная, порочная и слабая личность, истрепанная низменным развратом и низкопробной магией, не ставила перед собой твердой цели; но все интриганы и все паразиты, умевшие пользоваться его деньгами и его пороками, тешили себя надеждой насладиться вволю огромной властью и великолепными оргиями, если им удастся водворить в королевском дворце своего порочного господина. И весьма возможно, что одно время они рассчитывали на содействие Мирабо.

Этот последний с первых дней Революции нащупывал, так сказать, своей могучей рукой всевозможные орудия действия, рассыпанные вокруг него; и весьма вероятно, что он видел в герцоге Орлеанском, в случае, если ослепление двора и глупость Людовика XVI доведут до гибели династию, нечто вроде принца на случай, которого Революция сделает своим королем.

Друзья герцога в Париже, конечно, раздували популярность Мирабо, чтобы потом ею воспользоваться. Без этой довольно темной интриги было бы трудно объяснить, почему в конце августа — начале сентября, в тот самый момент, когда Мирабо, в сущности, поддерживал право короля на абсолютное вето¹, в Пале-Руаяле распустили слух о том, что контрреволюционеры, сторонники вето, желают избавиться от Мирабо, хотя бы путем убийства. В этом ясно видна систематическая и обдуманная фальсификация фактов. Пале-Руаяль посещало множество людей, не имевших в Париже легально постоянного местожительства. Газета «Революсьон де Пари» писала в августе: «В Париже находится 40 тыс. человек, снимающих меблированные комнаты; они не считаются постоянными жителями, и тем не менее они являются гражданами. Не принадлежат к Парижской коммуне, они не имеют права участвовать в совещаниях парижских округов; но, поскольку в округах обсуждаются нередко вопросы, которые интересуют не только Коммуну, а всю Францию, эти чужаки исподволь образовали в Париже свой округ, и этот округ — Пале-Руаяль».

Легко угадать, что эти люди, в большинстве своем приехавшие в Париж, чтобы вблизи наблюдать за ходом Революции, для которых Революция была как бы волнующим спектаклем,

1. «Discours... sur la sanction royale». S. l. n. d.; BN, 8° Le 29 2004. Эта речь была произнесена в Учре-

дительном собрании 1 сентября 1789 г.

стояли всегда за самые смелые, самые решительные и самые неистовые предложения.

Не лишено, впрочем, вероятности, что эмиссары европейской дипломатии, такие, например, как еврей Ефраим, посланный королем Пруссии, тоже смешивались с этой живой и изменчивой толпой, над которой невозможно было установить какой бы то ни было контроль.

Когда спустя год, в декабре 1790 г., Мирабо нарисовал при дворе ужасающую картину того, что он назвал «исступленной демагогией Парижа», он отметил наличие «множества иностранцев с независимым положением, которые сеют раздоры во всех общественных местах».

Он, конечно, заимствовал в Пале-Руаяле краски для своих картины. Но, каково бы ни было участие этих текучих и даже подозрительных элементов, какова бы ни была роль орлеанистских или космополитических интриганов, в общем и целом в Пале-Руаяле все же господствовала и распоряжалась революционная буржуазия Парижа, ее самые пылкие элементы.

Прежде всего к их числу принадлежали те, кого на языке консерваторов называли «деклассированными», то есть люди, которые, не достигнув при старом порядке положения, соответствующего их способностям, их честолюбию и аппетитам, надеялись получить все блага, богатство, славу, широкое поле деятельности, блеск и кипение жизни от этого гигантского социального движения, которое должно было обновить все общественное управление, создать бесчисленные выборные должности, умножить во много раз шансы, когда энергия создает состояния и при внезапном перемещении огромной массы собственности обещает ловким дельцам богатую добычу.

Можно себе представить лихорадочное возбуждение этих людей, когда им показалось, что Революция вот-вот погибнет или по меньшей мере будет приостановлена, что означало потерю непредвиденных возможностей, на которые они возлагали все свои упования.

Можно себе представить их гнев, когда они узнали, что коалиция умеренных и правых в Собрании собирается предоставить королю право абсолютного вето, что, безусловно, означало бы сохранение и продление влияния всех сил старого порядка.

Можно себе представить также ярость рантье, когда чуть ли не полное восстановление королевского абсолютизма, неразрывно связанного с церковью, стало угрожать им потерей вожделенного залога в виде церковных имуществ, составлявших отныне единственное надежное обеспечение для их кредитов.

31 августа, в момент, когда казалось, что Национальное собрание вот-вот признает право короля на абсолютное вето, оно стало получать полные угрозы анонимные письма¹. Их зачитали; вот одно из них, адресованное председателю;

«Собрание патриотов Пале-Руаяля имеет честь довести до Вашего сведения, что партия аристократов, состоящая частично из духовенства, частично из дворян, а также из 120 членов общин, несведущих или же подкупленных, продолжает нарушать гармонию и все еще добивается безоговорочной санкции; 15 тыс. человек готовы осветить их дворцы и их дома и, в частности, Ваши, мосье».

Другое анонимное письмо, адресованное «господам секретарям», гласило:

«Вам неизвестно, каково влияние Собрания патриотов [Пале-Руаяля] и что оно способно предпринять против власти аристократов. Мы уже просветили г-на председателя, учитывая его неперемнное желание добиться одобрения права абсолютного вето, что мы рассматриваем это вето как силу, губительную для свободы. Следует опасаться, как бы этого не случилось, и мы виним в том козни духовенства и дворянства против общественного блага, мы осуждаем 120 членов общин, которые позволили себя совратить. Две тысячи писем уже подготовлены для отправки в провинции, чтобы рассказать им о поведении их депутатов; вы ответите своими домами за высказанное вами мнение, и мы надеемся вернуться к урокам, которые уже вам давали. Подумайте об этом и о вашем спасении!»

Эти полные угроз письма сочинялись, я полагаю, несколькими отчаявшимися писцами, которые вдруг увидели, как им преграждают пути великой буржуазной авантюры, или взбешенными рантье, дрожавшими за свои бумаги.

Легко угадать, что эти нетерпеливые субъекты питали мало симпатии к буржуазным нотаблям, засевшим в ратуше, которые в большинстве своем либо получали королевские пенсии за ученые труды, либо нажили огромные состояния торговлей или промыслом, либо занимали выгодные должности в судебном ведомстве.

Во всяком случае, Пале-Руаяль считал бесполезным постоянно подогревать своими резолюциями этих буржуа — представителей Коммуны, искренне преданных Революции, но слишком инертных, на взгляд более нетерпеливых. Но и в Пале-Руаяле было достаточно бескорыстных демократов; не следует забывать, что в то время в Париже еще не существовали могущественные клубы. Бретонский клуб, впоследствии превратившийся в Якобинский клуб, находился тогда в Версале, поближе к Национальному собранию². Поэтому все граждане, пылко и страстно преданные свободе, все те, кто жаждал знать все новости Революции и следить за ней, стекались в Пале-Руаяль, представлявший собой как бы огромный, открытый клуб, центр информации и дей-

1. Buchez et Roux, t. II, p. 370. 2. Начало Бретонскому клубу было положено в конце апреля 1789 г.

ствия. В решающие моменты Пале-Руаяль обсуждал дела именно под воздействием этих пылких и добросовестных людей, и тогда уже порой проявлялось, несмотря на царивший в нем гомон, несмотря на пестроту собиравшихся там элементов, это буржуазное корректирование, ставшее в скором времени отличительной чертой якобинцев.

Пале-Руаяль колебался между духом законности и конституционных действий, с одной стороны, и революционным брожением — с другой, и эти колебания прекрасно отражены в рассказе Лустало, молодого журналиста 26 лет, столь вдумчивого и одновременно столь пылкого, который иногда посещал сборища в Пале-Руаяле. В Париже распространился слух, в субботу, 29 августа, якобы должен быть принят декрет о праве абсолютного вето и якобы противникам его грозит опасность.

«После полудня [в воскресенье, 30 августа ¹] граждане стали собираться и делиться своими мыслями и опасениями; бурные дебаты на заседании накануне, казалось, подтверждали существование заговора и грозные новости, которыми спешили поделиться друг с другом; все направлялись в Пале-Руаяль, в клубы. в кафе, дабы получить подтверждение этих катастрофических новостей; группы людей росли с каждой минутой; речь шла о неслыханной измене, о том, что над головами лучших патриотов нависла угроза.

Напрасно более благоразумные пытались водворить спокойствие; ежеминутно люди, известные своими гражданскими добродетелями, разоблачали с растущим беспокойством неминуемую опасность, грозящую свободе, несправедливости и покушения, которые готовились совершить на ближайших заседаниях.

К вечеру в кафе Фуа были внесены различные предложения; одни требовали созыва окружных собраний; но медлительность их действий, неуверенность в успехе, недостаток полномочий для формирования законной депутации, которая была бы принята представителями Коммуны, отсутствие патриотизма, в котором отдельные голоса обвиняли некоторых из ее членов, заставили, по-видимому, наконец, отказаться от несостоятельных попыток.

Между тем, говорили, необходимо действовать немедленно: через три дня Франция будет обращена в рабство, и такая же участь постигнет всю Европу! Перед этой жестокой альтернативой все слушались только голоса самого пламенного патриотизма. В горячке прений некто сочинил резолюцию, предлагавшую, в сущности, немедленно отправиться в Версаль и заявить, что им неизвестен заговор аристократии с целью протащить право абсолютного вето; что они не отступят, что 15 тыс. человек готовы выступить; что они будут просить нацию разогнать этих изменников-представителей и назначить на их место других; что, наконец, они будут умолять короля и дофина перебраться в Лувр,

чтобы их особы находились в безопасности; таково было содержание этой резолюции.

Маркиз де Сент-Юрюг ² и с ним несколько других лиц были избраны, чтобы вручить Национальному собранию эту резолюцию, но, опасаясь, как бы аристократия не сорвала их миссию силой, решили, что пойдет достаточное число людей, которых нельзя будет остановить.

Было около 10 часов, когда 200 человек вышли из Пале-Руаяля, без оружия, следом за депутацией. В Париже уже знали, что в Пале-Руаяле идут бурные споры; командиры [национальной гвардии], которые поклялись нации в том, что она останется свободной, встревожились, увидев, как друзья свободы примчались ее защищать; они отдают приказы — гренадеры становятся на пути этих храбрых граждан; они их останавливают, и поскольку посланцы не имеют ни законных полномочий, ни положения, то пусть уж, если отечество в опасности, оно лучше погибает, нежели позволить спасти его, нарушая правила законности.

Заметьте, что, когда этих граждан остановили, их едва насчитывалось 50 человек: и все же тащат пушки; все посты были подняты в ружье; в Париже царит тревога, вестники переносят ее в Версаль, страх распространяется и там, готовятся к обороне... У парижан 15 тыс. человек... все погибло...

Нет, Брюль со своей ордой убийц вызвал бы меньше тревоги и страха, чем действия этих граждан! Видимо, среди нас еще слишком много трусливых рабов и дурных граждан, если клич свободы и акты патриотизма сеют более глубокий ужас, нежели ненавистные преступления деспотизма.

Между тем, маркиз де Сент-Юрюг и с ним семь или восемь депутатов вернулись в кафе Фуа; теперь его доверители направили его в ратушу, чтобы потребовать у представителей Коммуны пропуска. Но эти депутаты не являются депутатами округа; следовательно, их положение незаконно; и они остаются у порога зала, где заседали коммунальные власти, так и не добившись, чтобы их впустили.

Патриоты в кафе теряют терпение: одни предлагают послать вторую депутацию, другие возражают, что и она не будет принята; говорят, что необходимо отправиться в округ, в собрания. Но время идет, царит неуверенность... В конце концов, назначают вторую депутацию из пяти человек, все местные жители и граждане; глава депутации — врач, капитан парижской гвардии...

1. «Révolutions de Paris», N 8, 29 août — 5 septembre 1789. События с 29 августа по 4 сентября.
2. Сент-Юрюг (около 1750—1810) в течение трех лет находился в заключении в Шарантоне (1781—1784) по королевскому указу о за-

точений, затем был выслан в свое поместье, откуда бежал в Англию, вернулся в 1789 г. Агитатор в Пале-Руаяле. Арестованный по делу давтонистов в жерминале II г., он был освобожден после 9 термидора.

Подходят к ратуше; после некоторых затруднений в виде особой милости их впускают: депутаты излагают господину мэру, господину генералу и господам — членам Коммуны опасения и заботы собравшихся в Пале-Руаяле граждан; они настаивают на своих опасениях по поводу абсолютного вето; они требуют, чтобы их депутатии придали законный характер, чтобы она могла высказать свои жалобы Национальному собранию; они требуют хотя бы разрешения на это; им отказывают во всем и разрешают только, чтобы они в качестве частных лиц, не облеченных никакой миссией, представили мемуар.

Итак, через несколько недель после великого выступления 14 июля в партии Революции начинается раскол. На одной стороне — буржуазный модерантизм, представленный Собранием представителей Коммуны и большинством офицеров национальной гвардии, на другой стороне — партия действия, желающая обеспечить Революции солидные гарантии и развить ее завоевания.

Конфликт между Пале-Руаялем и ратушей ожесточается; ответы Коммуны делегатам Пале-Руаяля делаются все суше, резче, и Лустало следующим образом описывает понедельник 31 августа:

«Среди множества отчаянных предложений, выдвигавшихся накануне вечером в Пале-Руаяле под влиянием страха вновь попасть под иго дворян и духовенства, отдельные сведения и ревностные граждане тщетно пытались добиться того, чтобы их голоса были услышаны. В то утро кафе Фуа было спозаранку набито людьми, желавшими узнать о результатах посланной накануне депутатии. Говорили, будто в ратуше сказали, что надо собрать округа.

Этот ответ казался маневром, имевшим целью не дать народу высказать свою волю и дать партии, поддерживавшей в Национальном собрании право вето, время довершить свое дело. Говорили, что многие округа отказываются созывать чрезвычайное общее собрание, потому что аристократия запутала в свои сети большую часть тех самых людей, которым народ доверил лишь временную власть. Наконец, возмущение достигло высшего предела.

Время от времени раздавался единодушный крик протеста против вето, на который народ, собравшийся вокруг кафе, отвечал: Пойдем ли в Версаль? Брать ли с собой оружие? Явимся ли перед Собранием как просители? Сколько человек пойдет? Предложения были примерно такого же характера, что и накануне, но тут один гражданин [это был сам Лустало], уступая просьбам нескольких граждан, которым он изложил свои мысли, поднял свой голос; в нем тотчас же признали того человека, кто восстановил спокойствие в Пале-Руаяле во время истории с французскими гвардейцами, освобожденными из тюрьмы Сен-Жерменского аббатства. С тех пор он не бывал в кафе, и его появление показалось добрым предзнаменованием. Воцарилась полная тиши-

на. Приводим смысл и почти дословно содержание его речи:

«Все мнения, которые я здесь услышал, господа, кажутся мне неразумными или опрометчивыми. Вы желаете идти в Версаль? С какой целью? Чтобы оказать давление или чтобы нарушить ход совещаний Национального собрания? Но неужели вы не чувствуете, что, если мнения не будут свободными, то принятые постановления не получают силы закона? Бросьте же всякую мысль о походе в Версаль. Однако вы боитесь, как бы не декретировали право абсолютного вето, ибо число депутатов, стоящих за него, весьма значительно; но, прежде всего, какое право вы имеете распоряжаться депутатами из провинций? Никакого, а то право, которое вы имеете в отношении депутатов от Парижа, ограничивается наблюдением за их поведением и отзывом их, если они не заслуживают больше вашего доверия, и, наконец, разъяснением им, если они его плохо поняли, смысла вашего наказа по вопросу о королевской санкции.

В Собрании, говорите вы, свыше 400 депутатов от аристократии. Что же, господа, покажите провинциям великий пример осуждения их путем отзыва, но не в Пале-Руаяле вы можете законно выразить свое мнение по поводу вето и изучить вопрос, не изменили ли ваши депутаты своим мандатам; это следует делать в округах.

Я слышал здесь разговоры о том, что трудно добиться созыва чрезвычайного общего собрания округов; что еще труднее добиться того, чтобы округа, словно по вдохновению, занялись теми же вопросами.

Я думаю, господа, что если вы обратитесь к Собранию представителей и попросите его назначить общее собрание округов с целью обсудить вопрос о вето и причины вашего недовольства своими депутатами, то вы получите его согласие. И тогда ваши обсуждения станут очень простыми и сведутся к следующим вопросам: хочет Коммуна или не хочет предоставить королю право вето, пользуясь той долей законодательной власти, которой она располагает. Какие претензии она может предъявить депутатам? В чем может их упрекнуть?»

Речь эта была встречена дружными аплодисментами; все закричали: *«В ратушу, в ратушу, за общее собрание округов! Никакого вето, долой аристократов! Долой тиранов!»*

Другой гражданин сказал: «Господа, пусть все, кто придерживается мнения, что следует просить Коммуну назначить чрезвычайное общее собрание, подымут руки!» Все руки взвились в воздух.

Но Собрание представителей Коммуны указало делегатам, что у них нет законного мандата и что оно отнюдь не намерено вести с ними переговоры. Столкнувшись с таким сопротивлением умеренной буржуазии, революционное воодушевление в Пале-Руа-

яле сникно; сам маркиз Сент-Юрюг старался поддержать там порядок с помощью буржуазных патрулей, а внимание созданных окружных собраний было больше сосредоточено на великом вопросе о «мундире», возбуждавшем тщеславие буржуазных нотаблей, нежели на вопросе о вето. Итак, в этой первой стычке «умеренной» буржуазии с «радикальной» победу одержала умеренная буржуазия. Представляется даже, что партия действия испугалась своей дерзости: она вскоре постаралась избавиться даже от всякой видимости «ниспровергателей». Некий оратор воскликнул в понедельник вечером (31 августа): «Отправимся завтра в 4 часа в округа; облачимся, для кого это возможно, в мундиры, а те, кто их не носит, пусть прилично оденутся и хорошо причешутся; ибо Национальное собрание и Коммуну уверяют, что в Пале-Руаяле собираются только люди с Монмартра»¹.

И без этих последних слов ясно, что даже в Пале-Руаяле революционное движение, каким бы пылким и бурным оно ни казалось, было по сути своей буржуазным. Примечательно, что в дни этих волнений не было сказано ни слова об избирательном цензе. Между тем, еще в августе, согласно проектам конституции, представленным комитетом Собрания, избирателями признавались лишь те, кто платил прямой налог в размере трехдневного заработка². Кроме того, избранными могли быть только те, кто владел земельной собственностью. Следовательно, эти столь важные положения, исключавшие из общественной жизни миллионы бедняков, не вызвали в те грозные дни в Пале-Руаяле ни малейшего протеста. О них даже не упоминалось. Весь гнев, все мысли были обращены против вето. Этот вопрос и впрямь имел первостепенное значение: вето могло действительно остановить Революцию; порядок же выборов всегда мог быть изменен и расширен нацией, если она останется суверенной.

ВОПРОС О ВЕТО

Естественно, стало быть, что основные революционные усилия были в тот момент направлены против права вето. Но, если бы у народа, иногда присутствовавшего на собраниях в Пале-Руаяле, было развито политическое сознание своих классовых интересов, если бы буржуазия, которую я, за неимением более точного термина, каким можно было бы охарактеризовать ее в тот момент, назову «радикальной», была проникнута демократическим духом, то должны были все же раздаваться кое-какие голоса протеста против предложенной избирательной системы, так же как против права вето.

И все же, несмотря ни на что, зарождавшиеся в рядах буржуазии конфликты не могли не оказать воздействия на рабочий люд. Инстинктивно он пошел за партией действия, то есть той, которая

желала придать буржуазной Революции самый широкий размах: «Невероятно,— говорил Лустало,— с какой быстротой народ разобрался в этом действительно деликатном и сложном вопросе.

В воскресенье один рабочий, услышав возгласы против вето, спросил, из какого округа этот господин. А второй заявил, что коль скоро этот «Вето» так всех беспокоит, его просто следует повесить на фонаре. Нет сейчас ни одного столь ограниченного человека, который бы сегодня не знал, что воля одного человека не может поколебать волю 24 миллионов».

Страстные споры имели следствием не только то, что они положили начало политическому воспитанию рабочего люда, пока еще поразительно неопытного и невежественного. Вынуждая наиболее пылкую часть буржуазии искать в народе опоры против могучей силы буржуазного модерантизма, расхождения среди буржуазии поднимали роль пролетариев: эти последние начали выступать, пока еще очень слабо, как возможные арбитры Революции.

Революционное движение в Париже, хотя и закончившееся провалом, все же не прошло бесследно для Национального собрания. Я не думаю, чтобы последнее, даже и без этого выступления, отдало себя в руки короля и его советников, предоставив королю право абсолютного вето. Но беспорядки в столице, безусловно, уменьшили шансы короля на абсолютное вето.

Во всяком случае, оно, судя по всему, весьма смутило и озаботило Мирабо. В глубине души он был сторонником прерогативы короля, права абсолютного вето, но, дабы не потерять своей популярности, он был вынужден так завуалировать свою мысль и принять такие меры предосторожности, что не мог, конечно, предпринять сколько-нибудь эффективных шагов³.

Сиейес обрушился на вето со всей силой: он изображал его как некое подобие Бастилии, куда заключали отныне уже не отдельных людей, а всю нацию⁴:

«Это был бы именной указ о заточении в тюрьму всенародной воли». Тем, кто, поддерживая королевское вето, ссылался на опасность, грозящую общественным свободам со стороны деспотизма Собрания и «аристократии представителей», Петион де Вильнёв ответил⁵: «Санкционирование законов может быть доверено наро-

1. Buchez et Roux, t. II, p. 379.

2. После принятия Декларации прав, 26 августа 1789 г., 28 августа началось обсуждение конституции. Buchez et Roux, t. II, p. 346.

3. Мирабо выступил 1 сентября 1789 г. Buchez et Roux, t. II, p. 382.

4. Сиейес выступил 7 сентября 1789 г. Buchez et Roux, t. II, p. 405.

5. Петион де Вильнёв (1759—1794)—адвокат, субделегат интенданта Орлеана в Шартре, депутат третьего сословия от Шартрского бальяжа.

ду». Это было первое законодательное выражение идеи «референдума».

В словах Петиона отражалось широкое дыхание демократии, а в его мысли — благородная вера в восприимчивый к просвещению разум народа:

«Я знаю лишь одну-единственную причину, которая может помешать гражданам вмешиваться в составление законов и в проверку тех, что были составлены от их имени: это когда их лишают такой возможности. Всякий раз, когда нации представляется возможность ясно выразить свои намерения, она должна это сделать, и было бы преступлением мешать ей в этом.

Почему народы выбирают себе представителей? Потому что трудность действовать самим непосредственно почти всегда непреодолима; ибо если бы эти большие организмы могли так функционировать, чтобы легко перемещаться, в депутатах не было бы нужды, я даже скажу больше — они были бы опасны.

Итак, я повторяю, только невозможность, абсолютная невозможность того, чтобы многочисленная нация сама разрешала великие политические задачи, от которых зависит ее счастье, может служить оправданием закона, лишаящего ее права разрешать эти задачи.

Если считать эту истину ясной и доказанной, то из нее неизбежно вытекает и это следовало бы доказать, что если какая-нибудь статья закона является спорной и расплывчатой, если власти не могут по поводу нее договориться, то нация должна сыграть роль посредника между противоположными позициями; и я не вижу в этом ничего невозможного.

Напротив, разрешение подобных разногласий, на мой взгляд, представляется простым и легким делом; речь идет об определенном предмете, известном и изученном в ходе народного обсуждения, по которому первичные собрания могли бы высказать свое мнение в самой четкой форме — *да* или *нет*, или если им это больше нравится, то иначе: *я согласен утвердить это или отказываюсь*. Вся нация, разделенная на крупные секторы, выскажет таким образом без труда свое мнение.

Можно было бы даже получить мнение каждого избирателя. и какой громоздкой ни покажется на первый взгляд эта операция, она упростится сразу, когда подумаешь, что в каждом первичном собрании легко составить особый список и что изучение этих списков даст общий и точный итог».

Он добавил:

«Гут высказывается много сомнений по поводу целесообразности этих соображений, и, обосновывая свои сомнения, ссылаются на невежество народа... Не следует позволять обманывать себя словами; народ — это нация, а нация — это собрание всех индивидуумов, следовательно, неверно говорить, что народ невежествен весь без исключения.

В любом обществе, как известно, часть его членов посвящает свои силы земледелию и механическим ремеслам, и у них нет времени развивать свой интеллект, они несведущи в различных областях политической экономии и управления; их кругозор недостаточен широк, но разум достаточно ясен; эту часть народа, однако, гораздо легче, чем это может показаться, просветить, мало-помалу заинтересовать ее общественными делами и привить ей вкус к образованию.

При малейшем проблеске свободы вы можете наблюдать, как люди, огрубевшие под игом деспотизма, ревниво стремятся узнать, каковы их права; все, что касается управления, все, что может повлиять на их судьбу, становится темой их повседневных бесед, они читают общественную прессу, они хотят знать, что творится вокруг; в Англии и в Америке мало найдется ремесленников, которые не были бы в курсе прений, происходящих в их парламентах, и которые не могли бы о них рассуждать.

А каковы были несколько веков тому назад классы общества, сегодня наиболее просвещенные? Они едва умели читать; они были окутаны мраком, еще более глубоким, нежели тот, в котором прозябают ныне обитатели наших деревень.

Почему мы должны держать в невежестве тех, кто имеет несчастье пребывать в нем? К чему пользоваться затем этим их состоянием, чтобы скрывать от них их права?.. Обращение к народу — одно из наиболее действенных средств ускорить развитие просвещения».

Петион станет одним из вождей Жиронды. Мысль его уже благородна и широка, но несколько туманна и расплывчата, такой она будет и у жирондистов. Так же, как Петион, Саль, тоже будущий жирондист, требует обращения к народу в случае возникновения спора по поводу законов между Собранием и королем¹. Создается впечатление, что это смелая политика; но это мнимая смелость, ибо, в сущности, Петион и Саль, предлагая обращение к народу, уклонялись от необходимости отказать королю в приостанавливающем вето.

Робеспьер же, наоборот, на заседании 11 сентября идет напролом к цели²: он отказывает королю как в приостанавливающем, так и в абсолютном вето, и разоблачает, как опасную химеру, предлагаемое обращение к народу.

«Кое-кто, — сказал он, — любит представлять себе приостанавливающее вето короля как идею обращения к народу, в котором видят верховного судью, выносящего решение о предлагае-

Саль (1759—1794) — врач из Везелиза, депутат третьего сословия от Нансинского баляжа.

2. Робеспьер выступал по вопросу

о вето 29 августа, 7 и 11 сентября 1789 г. «Œuvres de Maximilien Robespierre», Т. VI: «Discours 1789—1790», p. 72, 75, 76.

мом законе в случае спора между монархом и представителями народа.

Но кто может не заметить с самого начала, насколько эта идея химерична? Если бы народ мог вырабатывать свои законы сам, если бы все граждане, собравшись, могли обсуждать преимущества и недостатки этих законов, то какая была бы у них необходимость назначать представителей? Итак, эта система сведется на практике к тому, что подвергнут закон обсуждению в отдельных собраниях различных балляжей или округов, которые сами являются не чем иным, как собраниями представителей; это значило бы распылить законодательную власть общего Собрания между отдельными первичными собраниями разных провинций, где, без сомнения, пришлось бы собирать отдельные пожелания, подсчитывать голоса, разнообразные до бесконечности, дабы заменить ими общую и единообразную волю Национального собрания.

Совершенно очевидно... что при такой системе законодательный корпус превращается в ничто, что роль его ограничивается единственной функцией представлять проекты, которые сначала подвергнутся оценке короля, а затем будут приняты либо отвергнуты собраниями балляжей.

Я предоставляю воображению здравомыслящих граждан заботу подсчитать все отяжки, колебания, тревоги, которые может породить столкновение мнений в разных частях обширной монархии, и возможности, которые монарх сможет извлечь из этих разногласий и анархии, их неизбежного следствия, чтобы наконец утвердить свое могущество на обломках законодательной власти...»

Говоря об этом, имевшем место в августе — сентябре 1789 г. конфликте между двумя демократами, Петионом и Робеспьером, по вопросу обращения к народу, я не могу не вспомнить, что четыре года спустя, в январе 1793 г., в трагический час, когда Конвент судил Людовика XVI, жирондисты пытались передать смертный приговор на утверждение народа, а робеспьеристы, напротив, отвергли этот предлог для отсрочки.

В 1789 г. по важному вопросу обращения к народу позиции ясно определились... Уже тогда Петион, связывая приостанавливающее вето короля с прямым обращением к высшей власти народа, обрекал Революцию бог весть на какие благородные и робкие колебания, Робеспьер же, целиком отрицая прерогативы короля, провозглашал необходимость власти народа, но власти твердой и концентрированной.

Этот конфликт двух тенденций, имевший место в рядах крайней левой, так сказать, в самом передовом отряде, не вызвал, однако, ни малейшего волнения в Собрании: вопрос о референдуме не был поставлен перед ним с должной серьезностью и оно, конечно, видело в тезисе Петиона лишь хитроумный выпад.

Настоящие дебаты развернулись вокруг вопроса о двухпалатной или однопалатной системе, вокруг абсолютного или при-

останавливающего вето без референдума. Уступая неопровержимой логике Революции, которая не могла допустить создания палаты аристократов, Собрание 10 сентября постановило 849 голосами против 89 и при 122 воздержавшихся, что будет существовать единая палата.

Уступая той же революционной логике, которая не могла допустить окончательного подчинения воли нации воле короля, Собрание постановило 11 сентября 673 голосами против 325 и при 11 воздержавшихся, что королю будет предоставлено вето, но лишь приостанавливающее.

Через несколько недель оно уточнило в статье 12 конституции, что «приостанавливающее вето короля теряет свою силу во время второй по счету легислатуры после той, на которой был внесен закон». По правде говоря, это не было удовлетворительным решением вопроса и народ Парижа не совсем был неправ, опасаясь, как бы королю не было предоставлено право абсолютного вето. Ибо в период Революции, когда необходимо перестраивать все законодательство страны и отвечать на происки контрреволюции действиями решительными и быстрыми, король, который может отложить выполнение воли законодателей на весь срок полномочий Собрания, а потом еще на целый срок следующего Собрания и который обязан подчиниться только после третьего обращения к стране, может таким образом дать силам реакции и заговорщикам достаточно времени, чтобы сплотить свои силы и нанести Революции давно замышлявшиеся удары. На самом деле, как только король применит статью конституции, которая предоставляет ему право приостанавливающего вето, на всю революционную машину обрушится сокрушительный удар и Собраниям придется добиваться от короля путем просьб или угроз, чтобы он снял свое вето, пока, они наконец не уничтожат это вето, уничтожив саму королевскую власть. В день, когда Национальное собрание предоставило Людовику XVI право приостанавливающего вето, оно вынесло ему смертный приговор.

Это решение, весьма расплывчатое и, если хотите, даже несколько лицемерное, эта двусмысленная сделка между верховным правом воли нации, с одной стороны, и консервативными тенденциями большого числа членов Собрания — с другой, казалось, привело к успокоению в Париже.

В четверг, 10 сентября, в момент, когда стало известно, правда, только о принципиальном одобрении приостанавливающего вето, газета «Револьюсьон де Пари»¹ писала следующие успокоительные слова: «Несогласие короля может иметь всегда только приостанавливающее действие. Следовательно, защита национальной свободы, наконец, окончательно обеспечена». Такие демократы,

1. «Les Révolutions de Paris», № 9, 5—12 septembre 1789. События с 5 по 11 сентября.

как Лустало, были явно обеспокоены движением, которое, казалось, поднимало Париж против Версаля, и они пытались успокоить умы.

Но брожение в Париже было слишком глубоким и слишком широко распространилось, чтобы можно было остановить его такими мерами. Спесь аристократов раздражала народ; они уверяли, что муниципалитет на их стороне. Последний, по их словам, разогнал разбойников с Монмартра и принудил к молчанию Пале-Руаяль; они, казалось, ожидали от муниципалитета чего-то вроде умеренной контрреволюции. Патрули национальной гвардии прибегали к все более строгим мерам против скоплений народа и разгоняли прикладами «составителей резолюций» Пале-Руаяля; по ставшему знаменитым выражению на одном из эстампов, «патрулизм» изгонял патриотизм; во главе отрядов стояли герцоги, графы, маркизы, биржевые маклеры.

Возмущение народа все больше нарастало. Всех охватило чувство, что Революция станет жертвой обмана. «Вчера, — говорили, — деспотизм был львом, сегодня он превратился в лисицу». Единодушие, царившее в буржуазном и народном движении и заставившее в первые дни врага отступить, теперь, по-видимому, было расколото; и многие боялись, что предательство умеренных, склонявшихся к примирению с людьми и явлениями старого порядка, выдаст врагу парализованную Революцию. «Аристократия богачей», окопавшаяся в национальной гвардии, во многих парижских округах, отчасти в муниципалитете, заняла, как они говорили, место аристократии дворян, или, вернее, стремилась слиться с нею для общего сопротивления Революции.

Статья закона, предоставившая королю право приостанавливающего вето и дававшая королевскому произволу огромный срок в шесть лет, оскорбляла чувства народа как некая насмешка. Граждане Парижа, обеспокоенные отъездом из Франции знатных и богатых людей и преувеличивая их возможности потребления, боялись закрытия мануфактур. И эта тревога была готова перерасти в гнев.

РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ

К этому всеобщему волнению умов, к этому беспокойству интересов примешивались весьма сильные экономические волнения среди рабочих, наиболее интенсивные, я полагаю, из всех, какие мы наблюдали в период Революции. То ли потому, что ввиду повышения цен на хлеб рабочие были вынуждены просить прибавки к заработной плате? Или же всеобщее потрясение рождало эти требования? Но казалось, что рабочие повсюду чего-то требуют. 18 августа около 3 тыс. подмастерьев-портных собрались на газоне против Лувра; чтобы никто посторонний не пробрался в их ряды, они придумали себе примету: показывали палец, изуродо-

ванный ежедневными уколами иглы; после предъявления этого знака подлинности их допускали в круг. У них был свой оратор, который ими руководил; они тут же послали 20 депутатов в ратушу, в том числе шесть мастеров-портных; это заставляет думать, что и последним был не безразличен повод, собравший их рабочих¹.

«Вот в чем заключались требования этих рабочих: 1. Чтобы им платили по 40 су в день, независимо от сезона. 2. Чтобы торговцам-старьевщикам запретили изготовлять новую одежду, так как одна из главных жалоб состояла в том, что один из этих торговцев недавно предложил брать за пошив одного комплекта формы для национальных гвардейцев не больше 4 ливров 10 су. Первое из этих требований, — добавляла газета «Револьюсьон де Пари», — покажется, без сомнения, законным и разумным; каждый человек должен жить работая, и поэтому, что касается второго требования, то оно покажется гораздо менее приемлемым в такой момент, когда требуют свободы и уничтожения всех привилегий. Мы узнаем также, что городской комитет разумно отказался высказать свое мнение по тому, и по другому требованию: по первому — потому что он в этом вопросе не компетентен, а по второму — потому что оно противоречит воззрениям дня. Если бы три месяца назад или того ранее увидели 3 тыс. человек, собравшихся вместе, это сочли бы за мятеж, и тревога заставила бы закрыть все лавки; сегодня же даже лавки заинтересованных лиц, в данном случае старьевщиков, не были закрыты: дело в том, что не было никакого бунта».

Нет необходимости подчеркивать, насколько нечетким было движение подмастерьев-портных. К требованию о повышении заработной платы примешивается притязание на монополию в пользу мастеров-портных. Возможно, кое-кто из этих хозяев сказал своим рабочим, своим *подмастерьям*: «Помогите нам выиграть спор с нашими конкурентами, торговцами-старьевщиками, и тогда мы сможем повесить вам заработную плату». Так корпоративный дух старого порядка как бы смешался с рабочими требованиями. И в то же время это было все-таки пролетарское движение, рожденное и поощряемое революционным потрясением.

В тот же день подмастерья-парикмахеры столицы собрались на Елисейских полях: их первой заботой было послать в ближайший округ депутацию с просьбой разрешить их сходку...

«Целью их собрания было заставить отменить стеснительное для них злоупотребление. Когда подмастерье-парикмахер хочет получить место, он обязан обзавестись в цеховом бюро карточкой или билетом, за который надо заплатить 20 су; кроме того, он выну-

1. Относительно собрания подмастерьев-портных, о котором Жорес рассказывает на основании сообщения в «Les Révolutions de Paris»,

см.: S. Lacroix. Actes de la Commune de Paris, t. I, p. 265, 268; Bailly. Mémoires, t. II, p. 276, 277.

жеден отдать от 3 до 6 ливров вознаграждения писарю того же бюро, который по своему произволу либо дает место, либо отказывает, что для подмастерьев обременительно и невыгодно. Поэтому они требуют положить конец этому злоупотреблению и чтобы карточку им выдавали за 6 су, сумму, далеко превышающую расходы на эти билеты; кроме того, они требуют, чтобы излишек от этих расходов был использован на оплату коек в Отель-Дье и на облегчение в дальнейшем положения подмастерьев из цеха в случае болезни. Представители Коммуны, приняв их требования, с полным основанием отослали их к судебной администрации округов».

В данном случае рабочие протестовали против неправомерных действий бюро по найму, которое им навязала корпорация мастеров.

Несколько дней спустя «господа подмастерья-сапожники столицы собрались на Елисейских полях: по совету нескольких почтенных участников собрания, было решено, что те, кто будет шить пару башмаков дешевле установленной цены, будут по праву изгнаны из страны. Кстати, комитет данного собрания взял на себя заботу о сборе пожертвований или складчине с целью поддержать в нужде собратьев, оставшихся без работы»¹.

Конечно, в этих рабочих выступлениях обнаруживается большая неопытность; и подмастерья-сапожники несколько чрезмерно увлеклись иллюзией, вообразив, что смогут наказывать изгнанием из страны тех из них, кто запросит за свой труд цену ниже установленного уровня. Но и сама эта наивность, и свобода рабочих сборищ, все более учащавшихся на газоне перед Лувром или на Елисейских полях, свидетельствуют о том, что совершенно новое чувство веры пробудилось в пролетариях; хотя у них не было ни ясного классового сознания, ни четко определенной социальной программы, им казалось с этой минуты, что Революция, которой они помогли свершиться, должна хоть что-нибудь принести и для них; и эти первые симптомы вторжения класса пролетариев в буржуазную Революцию представляют собой исключительный интерес. Как-никак, а эти движения пролетариата еще более усиливали общее воодушевление в Париже и еще больше поднимали его тонус.

Но самое большое брожение в народных массах вызывал вопрос о хлебе: хлеб был дорог, а главное, поступал нерегулярно; фунт его стоил 4 су, то есть, если сравнить тогдашний заработок, который даже в наиболее высокооплачиваемых корпорациях не достигал и 50 су, с сегодняшним заработком, то хлеб в те годы обходился в три раза дороже, чем сейчас. За один фунт хлеба надо было отдать шестую часть среднего заработка; это был слишком обременительный расход для народа. Мало того, частенько приходилось долго простаивать в ожидании у дверей булочных; нередко распространялся слух, что мука не прибыла, что хлеба не хватит; и обезумевшие женщины мчались по улицам к лавкам

булочников². Какова была причина всех этих затруднений? Если урожаи 1788 г. был очень плох, то в следующем году он был превосходителен. Казалось бы, подвоз зерна в Париж в октябре 1789 г. должен был быть обильным. Правда, молотьба производилась куда медленнее, чем сейчас. Но к концу сентября хлеба должно было быть намолочено достаточно. Народ много кричал о скупке; и нам теперь очень трудно прийти к каким-то точным и надежным выводам. Компанию братьев Лелё, например, обвиняли в том, что она отправляет зерно из Франции за границу, а потом импортирует его обратно, чтобы получить премию, которую выплачивали импортерам, Лустало, наоборот, брал братьев Лелё под защиту, и Неккер, который, бесспорно, был заинтересован в обеспечении Парижа продовольствием, им покровительствовал.

Во всяком случае, вряд ли возможно, что спекуляция зерном была в то время главной причиной дороговизны и недостатка хлеба. Но в обстановке всеобщего потрясения первых дней Революции каждая коммуна осмеливалась не подчиняться центральным властям; страх остаться без хлеба побуждал жителей деревень препятствовать какой бы то ни было отправке хлеба; обозы с зерном, направлявшиеся в столицу, часто задерживались в городах, лежавших на пути: а так как каждая задержка доводила Париж до истощения, столица жила в постоянной лихорадке, это было нечто вроде голодной лихорадки, хотя в общем-то хлеба хватало.

В августе — сентябре торговли Центрального рынка, организовавшись в корпорацию, стали как бы выразительницами, глашатаями всех женщин бедных семей Парижа. Несколько раз они посылали делегатов в ратушу, чтобы пожаловаться на слишком долгое стояние в очередях у дверей булочных, и потребовать снижения цены на хлеб до 2 су за фунт, как только поступит зерно нового урожая. Благодаря им все страдания бесчисленных рабочих семей Парижа обрели плоть и голос. И точно так же, как в момент, когда обсуждался вопрос о вето, у революционеров Пале-Руаяля возникла идея похода на Версаль, чтобы заставить Национальное собрание выполнить их волю, так и у женщин Парижа родилась мысль, что, если вырвать короля из атмосферы придворных интриг и привезти его в Париж, туда вместе с ним хлынет и изобилие. Поход из Парижа в Версаль, задуманный и подготовленный в конце августа, остается, стало быть, постоянным искушением для умов. Под революционным брожением буржуазии кипело великое страдание народа. И все эти взбудораженные силы должны были устремиться по одному склону.

1. См. S. Lacroix. Op. cit., t. I, p. 416; Buchez et Roux, t. II, p. 417.
2. См.: Buchez et Roux, t. II, p. 360, 440; t. III, p. 1.

МАРАТ И «АМИ ДЮ ПЁПЛЬ»

А в глубинах этого брожения, в неизмеримых безднах гнева и возмущения начинает действовать мысль Марата. Она была подобна мрачному подземному огню отчаяния и ненависти. 12 сентября начинает выходить газета «Публисист де Пари», которая через несколько недель была переименована в «Ами дю пёпль»¹. И сразу этот писатель поражает необычайной смесью фанатизма и острым чувством реальности. Неверно говорили, будто он постоянно стремился возбуждать чрезмерные подозрения. Он столь же часто распекал людей за безрассудное недоверие, как и за их слепую доверчивость. В первых же номерах своей газеты он взял под защиту де ла Салья, которого сгоряча обвинили в заговоре. «В ту минуту, когда умы были столь доступны недоверию, он, возможно, стал бы жертвой народного негодования, если бы г-н Лафайет не сумел принять мудрых мер предосторожности». «Весть об освобождении г-на де ла Салья была воспринята с удовлетворением всеми гражданами, за исключением немногих, крайнее недоверие которых ни с чем не сравнимо, кроме разве слепого доверия, которое они порой оказывают своим любимцам». Он восхваляет, и даже чрезмерно, Лафайета, который отказался от вознаграждения, предложенного ему муниципалитетом за выполнение обязанностей главнокомандующего национальной гвардии: «Этот благородный гражданин, чья душа открыта лишь для чувств, возвышающих человечество, отверг презренный металл, которым хотели вознаградить его преданность отечеству».

Марат не хотел, чтобы народ заблуждался в своих подозрениях. Он не хотел также, чтобы народ тратил свои силы на беспорядочные насилия, подрывающие авторитет Революции. «Эмиссары [аристократов], проникшие в народ, стараются толкнуть его на крайние эксцессы; они хотят, чтобы народ, вкусив все злосчастья своеволия, проникся отвращением к свободе».

Успокаивая таким образом мятущиеся и безрассудные страсти, Марат предлагает народу поразмыслить над маневрами контрреволюции.

Последняя, по его мнению, преследует двойную цель. Прежде всего, она хочет усыпить бдительность народа кажущимися уступками. Неожиданная сцена, разыгравшаяся в ночь 4 августа, была ловко подстроена; аристократы сделали великодушный жест и сумели тем самым помешать утверждению решающих принципов, которые должны были спасти Революцию.

Как могут аристократы восхвалять себя за жертвы, на которые они пошли только под угрозой крестьян? «Поймите же! — восклицает Марат. — Ведь они лишь при зареве пожаров своих подожженных замков проявили великодушие, отказавшись от привилегии держать в оковах людей, завоевавших себе свободу с оружием в руках!»

Контрреволюция пытается одурачить народ, но одновременно она замышляет взять его измором. Она хочет довести его до безумия непрерывными тревогами, измотать его, без конца заставляя участвовать в патрулях и караулах, она рассчитывает довести его до неизбежного изнеможения, чтобы снова ввергнуть нацию в рабство, которое станет единственно возможной формой покоя.

Рабочие, охваченные восторгом, опьяненные свободой, воображают, что она даст им силы долго терпеть ради Революции, но они ошибаются; эта экзальтация быстро угаснет: «Вы держите в руках всего только призрак; ваши мастерские опустели; ваши мануфактуры заброшены; заработок рабочих и хозяев уменьшается мало-помалу [по мере приближения зимы] вместе с уменьшением светового дня, и это усугубит всеобщую нужду; легионы слуг, выброшенных на улицу, умножат толпы неимущих». Надо расстаться с иллюзиями и трезво взглянуть в лицо реальности. «Сколько краснобаев превозносят сверх всякой меры прелести свободы. Она имеет ценность для мыслителя, который не желает пресмыкаться, и человека, призванного по своему состоянию и положению играть какую-то роль, но она ничто для народа. Что ему до Бастилий? Он знал о них только понаслышке».

И Марат, дав тому, что можно было бы назвать классовым духом, самое узкое определение, добавляет следующие странные слова: «Вот философу предмет для удивительных размышлений: почему несчастные рабочие так самоотверженно рисковали своей жизнью ради разрушения этого памятника деспотизма, существовавшего только для их угнетателей?» Как? Неужели рабочие Парижа должны оставаться равнодушными ко всякому движению, которое не имеет своей непосредственной целью обеспечить им кусок хлеба?

Неужели Марат не видит, что, лишь участвуя в каждом революционном движении, пролетарии умножат свои шансы на будущее? Но Марат хотел оградить Революцию от любых мимолетных экзальтированных увлечений. «Единственное счастье, — говорил он, — каким могут наслаждаться двенадцать двадцатых граждан, — это достаток, удовольствия и мир». Отсюда вывод: нельзя затягивать Революцию, ибо народ скоро сникнет от усталости. Но как ускорить Революцию? Как форсировать ее ход? Концентрируя революционную власть.

Эту мысль о сильной власти, которую Революция претворит в жизнь в минуту высшей опасности, создав Комитет общественного спасения, Марат сформулировал в самом начале Революции,

1. «Le Publiciste parisien, journal politique, libre et impartial, par une Société de patriotes et rédigé par M. Marat». Первый номер датирован 12 сентября 1789 г.

Начиная с шестого номера от 16 сентября (а не через несколько недель, как пишет Жюрес) название меняется на: «L'Ami du peuple ou le Publiciste parisien...»

в сентябре 1789 г. Пребывая в руках слишком многих, революционная активность зачахла: нельзя отдавать Францию ни во власть анархии чересчур возбужденных, слепых толп, ни во власть анархии слишком многочисленных собраний. И Марат предлагает: 1) Создать революционный суд присяжных, избранный путем жеребьевки среди граждан 60 округов, который будет проводить от имени народа, но более верно, нежели он, необходимые репрессии. 2) Заменить Собрание, заседающее в ратуше, беспорядочное и нередко проявляющее беспомощность, комитетом, не столь многочисленным и очень решительным.

Марат ожесточенно нападал на Собрание в ратуше и, конечно, в глубине своей уязвленной души он, которого осмеяли в Академии, возмущался тем, что среди членов Собрания находились официально признанные знаменитые ученые. Он яростно разоблачал Собрание; он нападал на Бомарше, интригана и спекулянта, в строках, брызжащих гневом; он заявлял, что многие избранные внушают подозрение, ибо не имеют постоянного местожительства, снимают меблированные комнаты и даже не платят подушной подати.

С одинаковым недоверием он относится и к «деклассированным» беднякам и к богачам. Патрули национальной гвардии вырывают его газету из рук разносчиков. Он удваивает свои нападки. Вызванный на заседание Собрания в ратушу, он гордо заявляет: «Я — око народа, а вы — всего лишь его мизинец».

И он по-прежнему требует, чтобы нескольким людям, надежным, сильным, наделенным острым умом, было доверено за несколько дней довести до конца Революцию. Следует ли видеть в настойчивости, с какой Марат с самого начала драмы добивался этой мощной концентрации власти, этой диктатуры общественного спасения, к которой прибегнет впоследствии Революция, признак огромного политического чутья?

Его почитатели часто называли его пророком; но требовать крайних мер прежде, чем положение вещей сделает их возможными или хотя бы постижимыми для достаточно большого числа умов, — это еще не служит доказательством политической прозорливости.

В сентябре — октябре 1789 г. политика Марата, вероятно, привела бы к установлению диктатуры умеренного комитета, назначенного Национальным собранием. Во всяком случае, пока существовал король, а с ним и его двор, подобная абсолютная концентрация власти была бы невозможна. Либо ее передали бы королю, и тогда это была бы тирания, либо короля отстранили бы от этой верховной власти, и тогда король оказался бы фактически низложенным. И вот Марат, весьма гордящийся своей неустрашимой логикой, остановился на полпути. Он не посмел предложить, он не смел и предвидеть уничтожение королевской власти, он даже говорил «наш добрый король». Эта робость в корне подрывала

его систему, ибо именно сосуществование Революции и королевской власти старого порядка и создавало подлинный дуализм власти.

Вначале теории Марата, я думаю, возбуждали в самом народе скорее всего изумление и даже казались скандальными. Он не раз нападал в своих газетах на Мирабо; тем не менее 6 октября торговки с Центрального рынка требуют в Версале «нашего папашу Мирабо». «Ами дю пёпл» еще не обрела достаточно сильной власти над умами народа. И все же, никто из страждущих не мог остаться бесчувственным и не содрогнуться, слыша его крики возмущения и отчаянного гнева. По поводу предложенного разделения на граждан активных и граждан пассивных, лишенных права голоса из-за их бедности, Марат писал: «Участь бедняков, всегда подчиненных, всегда поработанных и всегда угнетаемых, никогда не удастся улучшить мирными средствами. Вот это и есть, несомненно, самое убедительное доказательство влияния богатства на законы. Впрочем, законы обладают властью лишь постольку, поскольку народы готовы им подчиняться. Они сбросили с себя иго дворянства, они точно так же сбросят и иго богатства. Главная задача — просветить эти народы, дать им почувствовать свои права, и тогда революция неизбежно свершится, и никакая сила в мире не сможет этому воспрепятствовать».

Марат, в сущности, не делает определенного и смелого социального вывода; он заканчивает следующими довольно умеренными и уклончивыми словами: «Единственное средство, остающееся у богачей, чтобы избежать грозящего им удара, это покориться добровольно, поделившись с бедняками частью своего избытка».

Но мало-помалу слова эти вызовут в народе глубокое волнение и, независимо от всякой системы, пробудят в только еще формирующемся пролетариате революционное сознание. «Чтобы уничтожить привилегии дворян, плебеи воспользовались великим аргументом, аргументом неопровержимым, а именно — что все люди, будучи равны, имеют и одинаковые права. Чтобы уничтожить привилегии богачей, обездоленные прибегнут к тому же аргументу. В силу какого священного права, скажут они им, вы хотите сохранить богатства, почти все нажитые бесчестным путем, почти все вырванные у бедняков при помощи плутней или насилия, почти все являющиеся плодом всяких льгот, мошенничества, жульничества, вымогательства и издоимства?»

Эти слова порой словно обжигают, столько в них неизмеримого страдания. Когда встал вопрос о всеобщем рекрутском наборе, Марат поднял голос от имени бедняков (ноябрь 1789 г.): «Где родина тех, кто не владеет никакой собственностью, кто не может надеяться ни на какую должность, кто не извлекает никаких выгод из общественного договора? Они повсюду обречены служить кому-нибудь; если они не находятся под игом одного хозяина, они попадают под власть своих сограждан; и какая бы ни произошла рево-

люция, их участью всегда останется рабство, нищета и угнетение. Чем же они обязаны государству, которое только и сделало для них, что навеки узаконило их нищету и окончательно поработило их. Они могут ответить ему только ненавистью и проклятиями. Ах, спасайте его, государство, вы, кому оно обеспечивает спокойную и счастливую долю; и не требуйте ничего от нас, достаточно и того, что горькая судьба обрекла нас на жестокую необходимость жить среди вас».

И это, в самом деле, звучит как вопль отчаяния осужденных на вечное проклятие, то крик ненависти тех осужденных на рабство и нищету, которые лишены даже того жестокого утешения, что все страдают одинаково: ибо во мраке их ада нет-нет да вспыхнет ослепительное видение жизни привилегированных и счастливых людей.

ОКТАБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ

В то время, как глухое брожение растет в Париже, взбудораженном резолюциями, принимаемыми в Пале-Руаяле, нищетой народа, бесконечными петициями женщин, отчаянными вспышками ярости Марата, конфликтами между демократической и умеренной буржуазией, вдруг разносится весть, что двор готовит новый государственный переворот. Король не торопится утвердить Декларацию прав человека. В Собрании коалиция умеренных и правых провела Мунье на пост председателя. Возобновилось передвижение войск. Фландрский полк и полк Монморанси под весьма неубедительными предложениями были сконцентрированы в Версале; к концу сентября предполагалось частичное обновление лейб-гвардии: зачислили новых, но сохранили старых, как бы с целью удвоить силы войска, преданного королю, которое к тому же еще не принесло гражданской присяги¹.

Очень многие офицеры, в ряде армейских полков, получили полугодовые отпуска и направились в Версаль, куда стекались также дворяне, кавалеры ордена св. Людовика. Это было похоже на концентрацию сил для государственного переворота, распространился слух, якобы это войско собирается похитить короля и увезти его в Мец, где маркиз де Буйе командовал войсками, частично состоявшими из иностранных солдат. В Париже вспыхнула тревога и демократы вместе с Лустало восклицали: для того, чтобы спастись, необходим «еще один взрыв Революции»². Како-

1. О передвижении войск и вызванных этим волнениях см.: Buchez et Roux, t. III, p. 14. См также: Bailly. Mémoires, t. III, p. 212.

2. Жорес следует здесь изложению событий в: «Les Révolutions de Paris», № 11. События от 19 до 25 сентября 1789 г. См Buchez et Roux, t. III, p. 14.

бы были в действительности планы двора? И на этот раз можно допустить, что не было вполне определенного плана, двор колебался, ожидая, что события сами подскажут, как действовать. Но подозрительные приготовления, двусмысленные интриги были не только преступлением против зарождавшейся свободы нации: это была и огромная оплошность. Ибо угроза контрреволюции неизбежно спланивалась перед лицом общей опасности обе буржуазные фракции, между которыми уже начала разгораться война.

Сохрани королевская власть лояльность, соблюдай она без задней мысли конституцию, прими она искренне сторону Революции, она бы за несколько месяцев стала верховным арбитром буржуазных партий. Между умеренными и демократами начинался спор, такой резкий, такой страстный, что народная партия уже составляла список подозрительных среди офицеров национальной гвардии, подозреваемых в том, что они — шпионы на службе двора. Но неразумие и непоследовательность аристократов в несколько дней спаяли воедино все революционные силы. 1 октября в Оперном зале Версальского дворца был дан парадный обед для лейб-гвардии: принцессы, маркизы, герцогини обходили зал и подогревали энтузиазм роялистов: музыканты играли знаменитую арию «О Ричард, о мой король, весь мир тебя покидает».

Ведя за руку дофина, появилась королева, встреченная приветственными кликами; короля, вернувшегося с охоты, тоже приводят в праздничный зал. Вино и преданность королю кружат головы; несколько лейб-гвардейцев срывают свои трехцветные кокарды, топчут их ногами, а придворные дамы раздают им вместо них черные. Лекуантр, подполковник национальной гвардии Версаля, отказывается снять свою трехцветную кокарду, его осыпают оскорблениями. Присутствие на праздничном обеде его и еще нескольких офицеров его корпуса как бы указывает на то, что у двора не было определенного плана. Но кто знает, возможно, двор надеялся, смешав с лейб-гвардией национальную гвардию, озлобленную нападениями и насмешками народа, привлечь последнюю на свою сторону? Один из офицеров национальной гвардии, крупный мясник из Версаля, и в самом деле присоединяется к аристократам и, по их примеру, срывает с себя трехцветную кокарду. Контрреволюционная горячка возбуждает умы.

ПОХОД НА ВЕРСАЛЬ

Внезапно Париж оказался во власти революции. Со всех концов собираются толпы граждан; у въезда на мосты, у Центрального рынка организовываются сборища; в Сент-Антуанском предместье рабочие все как один поднимаются на защиту свободы; тор-

говки Рынка устраивают процессию, они ходят по домам, призывая женщин присоединиться к ним. Мужчины, вооруженные пиками, ружьями, окружают женщин и следуют за ними.

Во всех группах разоблачают вероломство двора и слабость *Трехсот* в Собрании представителей Парижа. Подвоз хлеба становится все реже; говорят, что Париж хочет бежать от самого себя, дабы бежать от голода. 5 октября, в 9 часов утра, с криками: «В Версаль, в Версаль!» — огромная толпа сгрудилась перед ратушей; представители, заседавшие накануне допоздна, еще не собрались. Женщины хотят войти в ратушу; кавалер д'Эрминьи, полковой врач национальной гвардии, строит своих людей в каре и они направляют штыки против наседающих женщин¹.

В национальных гвардейцев летят камни; те, избегая кровавых столкновений, укрываются в ратуше; женщины врываются туда, кавалер д'Эрминьи просит их об одном: не впускать мужчин; они обещают и, действительно, сами выставляют посты у главного входа в ратушу. Но в эту минуту взламывают маленькую дверь, находящуюся под аркой: теперь бесполезно охранять главный вход, и огромная толпа мужчин и женщин наводняет залы ратуши. Представители, предупрежденные набатом, в который ударили во всех округах, подходят один за другим, народ требует организации движения для спасения свободы. Представители отказываются вести переговоры при подобном шуме; к полудню округа начинают посылать свои батальоны, «батальоны порядка», как их называли в 1848 г.; батальон из Бельвиля под командованием де Сена прибыл первым.

При помощи гренадеров 1-го батальона от округа Сен-Жак-Л'Опиталь он оттесняет народ, во всяком случае удерживает его на месте и отрезает ему доступ в ратушу. Три батальона гренадеров, приведенные начальником штаба командующего Гувьеном, проникают в самую ратушу и очищают здание. В полдень можно было подумать, что умеренная буржуазия овладела Парижем. Но женщины, вошедшие в ратушу безоружными, вышли оттуда вооруженными: они взломали двери складов, где хранилось оружие и боеприпасы; отступая под напором гренадерских штыков, они уносили с собой ружья, пороха, пушки. Национальная гвардия, то ли в нерешимости, то ли уже увлеченная общим порывом, не посмела их разоружить. Женщин было около 4 тыс. И совсем неверно, как утверждает реакция, будто это были жаждавшие крови мегеры или девицы легкого поведения.

1. Для ознакомления с событиями 5 и 6 октября 1789 г. следует обращаться к рукописным документам, упомянутым в: «Répertoire général» Тюте (t. I, № 947—1039), и к опубликованным доку-

ментам, указанным в «Bibliographie» Турье (t. I, № 1405—1573). См. также рассказ, приводимый у: Buchez et Roux, t. III, p. 70.

Это были добрые и доблестные женщины, их материнские сердца невыносимо страдали от жалоб голодных детей. Некоторые из них были зажиточными и образованными, как, например, Мария Луиза Леноэль-Шере, которая оставила нам яркий рассказ об этих октябрьских днях и которая, как она сама сообщила, «занималась в Пасси весьма прибыльной торговлей»¹.

Этих женщин к бунту привела жалость. Они прекрасно понимали, обладая верным инстинктом, маневры аристократии и прелатов против Революции. И они приписывали этим маневрам голод, от которого страдал Париж, нищету, душившую народ. В конце концов, разве они ошибались? И разве не эта смутная тревога, вызываемая повсюду непрерывными интригами контрреволюции, парализовала в эти беспокойные месяцы работу и довела дело до хлебных бунтов? Во всяком случае, любопытно наблюдать, как неожиданно парижские женщины, возмущенные несправедливостью и доведенные до иступления страданиями, оторвались от духовенства. Всего за несколько недель до октябрьских событий торговли Центрального рынка ревностно посещали церкви и религиозные церемонии. Они, казалось, отдавали новорожденную Революцию под защиту Распятых. Но в октябрьские дни вероломство двора и части духовенства резко разорвало старые узы, связывавшие их с религией. И женщины, идущие на Версаль, тащат пушки и кричат: «Долой попов!» Госпожа Шере с симпатией говорит об «этих добрых подругах», появление которых наводит ужас «на попов».

Храброе, маленькое женское воинство, только что выдворенное из ратуши, решает идти на Версаль. Для руководства походом они призывают волонтеров и героев штурма Бастилии: Юлен, Ришар дю Пэн, Майяр становятся во главе движения, пушки водружают на тележки, привязав их веревками. В путь, на Версаль!

В это время, не обращая внимания на батальоны гренадеров, толпа народа на площади Ратуши продолжала расти, она нетерпеливо требовала, чтобы национальная гвардия вся последовала примеру женщин и отправилась тоже в Версаль, чтобы раздавить заговорщиков, спасти депутатов — друзей свободы, вырвать короля из рук изменников. Народ заклинал национальных гвардейцев сохранять верность Революции и остерегаться своих офицеров, среди которых было много аристократов и врагов отечества. Многие национальные гвардейцы уговаривали Лафайета и даже требовали, чтобы он повел их в Версаль. Лафайет, испугавшись, несомненно, возможных последствий этого движения, отказался. «Просто удивительно! — воскликнул один солдат, — г-н Лафайет хочет командовать Коммуной, в то время как Коммуна должна командовать им: он должен идти с нами, мы все этого желаем». Генерал ответил, что он может повиноваться только законному приказу и что такой приказ могут дать ему только представители Коммуны.

В половине пятого пополудни последние все еще совещались; они не более, чем Лафайет, были склонны взять на себя ответственность. Наконец, видя нарастающий гнев народа и солдат, Лафайет отправляет записку представителям, сообщая им, что невозможно дальше сопротивляться народу. Те посылают ему приказ, но все еще пытаются застраховать себя: «Общее собрание представителей Парижской коммуны ввиду обстоятельств и желания народа, а также сообщения главнокомандующего о том, что отказываться более невозможно, разрешает главнокомандующему и даже приказывает ему отправиться в Версаль, оно рекомендует ему в то же время принять необходимые меры предосторожности для безопасности города; что же касается принятия других мер, то оно полагается на его благоразумие».

Ну, конечно же, не от этих робких людей можно было ждать решительных действий. Париж поднялся благодаря силе народного чувства, энергии его рабочих, его женщин, а также благодаря бунтарской афише адвоката Дантона, звавшего к оружию взбудораженный округ Кордельеров; в те дни писцы, обосновавшиеся там в большом количестве, актеры из «Комеди франсэз», мечтавшие о роли Брута, придавали Революции налет отваги и театральности, который станет отличительной чертой гения Дантона.

6 октября становится ясно, что Революция ускользает из-под власти умеренной буржуазии, слишком немощной, чтобы ею руководить.

Лафайет побледнел, получив приказ, утверждавший его поход на Версаль; он тотчас же отправил три роты гренадеров и одну роту стрелков с тремя пушками в качестве авангарда. От 700 до 800 человек, вооруженных ружьями, пиками и кольями, двинулись на расстоянии двухсот шагов впереди этого авангарда.

В 5 часов 7 минут национальная гвардия тремя колоннами продефилировала по набережной Пеллетье. Лафайет отвечал на приветствия с видом человека, говорящего: «*Вы этого хотели!*» Шествие продолжалось 40 минут.

Между тем, народ, убежденный, что многие офицеры и даже солдаты национальной гвардии далеко не благонадежны, стал гоняться за всеми мужчинами, одетыми в форму, которые попадались на пути, требуя, чтобы они присоединились к частям, участвующим в походе. Барабаны грохотали, в воздухе развеялись знамена: «Вперед, славные граждане! От вас зависит судьба Франции; наши сердца с вами, помогите нашему королю, спасите наших депутатов, поддержите величие нации. Четыреста тысяч рук готовы вам рукоплескать, мстить за вас!»

1. Ch é r e t (Marie-Louise Lenoël).
Événements de Paris et de Versailles, par une des dames qui a eu

l'honneur d'être de la députation
à l'Assemblée générale. Paris, s. d.;
BN, 8° Lb³⁹ 7941.

В НАЦИОНАЛЬНОМ СОБРАНИИ

В то утро, еще до прихода женщин, в Национальном собрании чувствовалось крайнее возбуждение. Открывая заседание, председатель Мунье зачитал ответ короля по поводу Декларации прав человека, представленной ему на утверждение:

«Новые конституционные законы можно правильно оценить только в их совокупности: в таком огромном и важном труде все взаимосвязано. Однако я считаю естественным, что в момент, когда мы призываем нацию прийти на помощь государству, явив доказательство доверия и патриотизма [патриотический заем], мы должны успокоить ее насчет главного, интересующего ее предмета.

Итак, веря, что первые статьи конституции, которые вы мне представили, соединенные с плодами дальнейших ваших усилий, осуществят желание моих народов и приведут к счастью и процветанию королевства, я, сообразно вашему желанию, изъявляю согласие на эти статьи, но с одним непременным условием, от которого я никогда не откажусь, а именно — конечный итог ваших решений должен быть таков, чтобы исполнительная власть целиком находилась в руках монарха. Целый ряд фактов и наблюдений, общий обзор которых будет вам представлен, докажет вам, что при настоящем положении вещей я не в состоянии должным образом обеспечить ни поступления законных налогов, ни свободного подвоза продовольствия, ни личной безопасности граждан...

Я не собираюсь высказывать свое мнение по поводу вашей Декларации прав человека и гражданина; в ней содержится много здравых мыслей, которыми вы сможете руководствоваться в своей работе; но принципы, кои можно применять и даже толковать по-разному, невозможно справедливо оценить, да и надобности в том нет до того момента, пока их подлинный смысл не будет закреплён в законах, для которых они должны служить первоосновой».

Итак, король принимал конституционные законы лишь условно; он, в сущности, отказывался утверждать саму Декларацию прав, иначе говоря, принципы, на которых зиждется вся конституция. Все левое крыло Собрания возмутилось. Мюге де Нанту воскликнул ¹: «Какой двусмысленный и лукавый ответ вы только что услышали!» Робеспьер решительно заявил ²: «Ответ короля сводит на нет не только всю конституцию, но и право нации иметь таковую. Статьи конституции принимаются только с непременным условием: тот, кто может предъявлять условия конституции, имеет право и воспротивиться этой конституции; он ставит свою волю выше права нации». Напоминая со всей строгостью принципы Общественного договора, он добавил: «Вас уверяют, что не все статьи вашей конституции достигли совершенства; не высказывают своего мнения о Декларации прав; разве это дело исполнительной власти — критиковать власть учредительную, которая

является ее источником? Нет такой власти на земле, которая имела бы право разъяснять принципы нации, ставить себя над нацией и критиковать ее волеизъявления. Вот почему я рассматриваю ответ короля как противоречащий принципам и правам нации, как несовместимый с конституцией».

Опираясь на логику демократии, Робеспьер достигает огромной революционной смелости; в его речах, которые часто упрекали в расплывчатости, звучала сила и решимость: «У вас нет иного средства преодолеть препятствия, как сокрушить эти препятствия. Кто имеет право набросить на права нации покрывало, которое служит только одному — облегчить посягательства на них?»

Буш предлагает принять весьма ясное и весьма воинственное решение ³: «Декларация прав человека и гражданина, а также конституция будут приняты монархом, иначе нация не признает никаких налогов. Как только выработка конституции будет закончена, монарх явится в Национальное собрание; там он от своего имени и от имени престолонаследников Франции поклянется соблюдать Декларацию прав человека и гражданина, а также конституцию. После этой присяги Национальное собрание в свою очередь принесет присягу нации в присутствии монарха, дабы солидности взаимности между двумя сторонами, из которых одна должна поклясться управлять, а другая — подчиняться в соответствии с законами».

Аббат Грегуар говорит о голоде и произносит речь, отзвук которой мы тотчас же находим в выступлении Майяра: «Я спрашиваю, к чему было послано это письмо мельнику вместе с 200 ливрами и это обещание передавать ему такую же сумму еженедельно, если он откажется молоть зерно?»

Дюпор и Петион упоминают о банкете для лейб-гвардейцев. Вопрос щекотливый ввиду роли, которую играла там королева. Мирабо просит не затрагивать этот вопрос, но принять меры предосторожности, запретив в дальнейшем подобные военные празднества; к королю будет отправлена депутация с просьбой «разъяснений, которые успокоили бы народ, по поводу этого условного принятия» ⁴.

Мирабо явно старается еще раз смягчить конфликт между Революцией и королем. Какой-то неразумный дворянин маркиз

1. Buchez et Roux, t. III, p. 97. Мюге де Нанту (1760—1808) — лейтенант в бальяже Гре, депутат третьего сословия от бальяжа Амон в Везуле.
2. См.: M. Robespierre. Œuvres, t. VI: «Discours. 1789—1790», p. 99.
3. Речь идет, безусловно, о Буше

- (1737—1795) — адвокат при парламенте, депутате третьего сословия от сенешальства Экс, а не о Буше, именуемом Буш-младший, депутате третьего сословия от сенешальства Форкалькье.
4. Выступления Дюпора, Петиона, Мирабо см.: Buchez et Roux, t. III, p. 99, 100, 101.

де Монпе, думая поставить в затруднительное положение Петтиона и желая его скомпрометировать, потребовал от него письменно изложить и представить президиуму свое разоблачение касательно банкета лейб-гвардейцев. Этот дуралей не понимал, что ставит под удар Марию Антуанетту. Мирабо встает и предостерегает правых в Собрании несколькими грозными словами: «Прежде всего, заявляю, что, на мой взгляд, только что спровоцированное разоблачение в высшей степени неapolитично; однако, если на нем настаивают, я готов сам изложить все подробности и подписаться под ними; но прежде я требую, чтобы это Собрание заявило, что одна лишь особа короля неприкосновенна, все же остальные индивидуумы в государстве, кто бы они ни были, одинаково подчиняются закону и отвечают перед ним». Напуганный маркиз понял его и снял свое предложение.

Так поступал Мирабо, прикрывая свою осторожную тактику смелыми революционными речами, которые вызывали трепет, и в то же время ограждая королевскую семью от тех молний, которые, казалось, ей угрожали.

В конце концов, Собрание принимает решение, очень простое и очень твердое: «Собрание постановляет, чтобы господин председатель во главе делегации отправился сегодня же к королю, дабы умолять Его Величество сообразоваться безоговорочно принять Декларацию прав человека и гражданина, а также девятнадцать статей конституции, которые были ему представлены».

Несмотря на зарождавшийся союз между реакцией и умеренными, Собрание вновь обрело всю свою силу, чтобы защитить саму душу своего дела; и Декларация прав сообщила ему невозмутимое мужество. Но уступит ли король? Захочет ли он санкционировать революционную и гуманистическую философию XVIII в., включенную в Декларацию прав? Неожиданное выступление народа решило этот вопрос.

Едва бюро Собрания успело назначить 12 депутатов для отправки к королю, как вдруг появились прибывшие из Парижа женщины. Было около 4 часов пополудни. Они прибыли в строгом порядке, несмотря на дождь, от которого раскисли дороги. Майяр, шедший во главе, научил их дисциплине. Председатель сообщил, что женщины требуют, чтобы их допустили к барьеру. Они уже начали наседать на часовых. Их впустили, и Майяр заговорил от их имени.

Я рассказываю на основании парламентских архивов («Archives parlementaires») об этой своеобразной сцене, одновременно неясной и очень впечатляющей¹:

«Мы пришли в Версаль, чтобы потребовать хлеба, а также, чтобы добиться наказания лейб-гвардейцев, нанесших оскорбление патриотической кокарде. Аристократы хотят уморить нас голодом. Как раз сегодня одному мельнику прислали банкнот

в 200 ливров, предлагая ему отказаться молотить зерно и обещая за это еженедельно посылать такую же сумму».

Собрание ответило на слова Майяра криками возмущения, со всех сторон требовали: «Назовите имена!»

Майяр заговорил снова: «Я не могу назвать имен ни тех, кого разоблачают, ни тех, кто разоблачает, ибо я их равно не знаю; но трое неизвестных, ехавших в придворной карете, которых я встретил сегодня утром, сообщили мне, что некий приходский священник собирается разоблачить это преступление перед Национальным собранием».

Тогда у барьера раздался голос, назвавший архиепископа Парижского. Все Собрание поторопилось заверить, что этот прелат неспособен на подобное преступление.

Майяр добавил: «Я вас умоляю, ради восстановления мира, ради успокоения всеобщего брожения и предотвращения несчастья, послать делегацию к лейб-гвардейцам, дабы побудить их вновь надеть национальные кокарды и тем самым искупить оскорбление, нанесенное ими этой кокарде».

Кое-кто из членов Собрания закричал, что слухи, распространяемые о лейб-гвардейцах короля, — чистая клевета.

Несколько несдержанных выражений, говорится в отчете, вырвавшихся у оратора, побудили председателя призвать его соблюдать должное уважение к Национальному собранию.

Председатель добавил, что все, кто хотят быть гражданами, могут быть ими, это зависит только от их доброй воли, и никто не вправе их принуждать.

Майяр ответил: «Нет человека, который не считал бы для себя честью носить это звание и, если в этом высочайшем Собрании найдется человек, считающий его для себя позорным, его следует исключить немедленно».

Весь зал огласился аплодисментами и ему хором ответили: «Да, да, все должны быть гражданами, все мы — гражданами!»

В ту же минуту Майяру передали национальную кокарду от лейб-гвардейцев. Он показал ее женщинам, как залог их мирных намерений, и все закричали: «Да здравствует король! Да здравствуют лейб-гвардейцы!»

В заключение Майяр сказал: «Я весьма далек от того, чтобы разделять подозрения, овладевшие всеми умами. Но я думаю, что необходимо, ради блага мира, уговорить Его Величество отправить отсюда этот полк, который при жестоком голоде, поразившем столицу и ее окрестности, усугубляет беды народа уже тем, что неизбежно увеличивает ежедневное потребление съестных припасов».

1. «Archives parlementaires», t. IX, p. 346. Идентичный рассказ при-

водится у: Buchez et Roux, t. III, p. 105.

Рассказ Мунье несколько отличается от текста отчета. Согласно Мунье, вовсе не Майяр выступил первым: он предоставил слово сначала одному из своих товарищей и неожиданно вмешался, чтобы заявить: «Мы заставим всех носить патриотическую кокарду». После этого он уже говорил все время.

В его речи есть несколько наивных несообразностей, ибо как можно приписать вину за голод города с населением 700 тыс. человек какой-то тысяче лейб-гвардейцев. Но есть в ней и нечто от глубокой мудрости и искренности; и наконец, он резюмировал всю мысль народа в двух решительных словах: хлеба и трехцветную кокарду! А это значит: жизнь и Революция. Женщины, совершенно очевидно, пришли в Собрание не с ненавистью, а с глубокой надеждой: при первом же дружеском жесте со стороны лейб-гвардейцев они растрогались и стали их приветствовать.

Собрание дополняет мандат депутатов, которых оно посылает к королю: помимо утверждения Декларации прав, они требуют, чтобы были приняты решительные меры для обеспечения столицы продовольствием. Около 5 часов председатель Мунье выходит вместе с делегатами и направляется во дворец. Женщины толпой следуют за ними: договорились, что делегацию будут сопровождать только двенадцать из них. Одна из женщин, Луиза Шабри, обратилась к королю с речью, он ее обнял и отвечал ей с волнением, видимо, растроганный страданиями народа.

Мунье настаивал перед министрами, чтобы король немедленно и безоговорочно признал статьи конституции и Декларацию прав. Это было единственным средством успокоить брожение умов. Король, извещенный об этом требовании, удалился в другую комнату, чтобы обсудить дело со своим советом. Но для королевской власти было жестоким ударом санкционировать принципы Революции: и даже среди сумятицы и нараставшей угрозы этого октябрьского дня она все еще сопротивлялась. Мунье, сгорая от нетерпения, ждал ответа с 5.30 до 10 часов вечера.

Пока король так совещался, на аллеях Версаля началось кровопролитие. Женщины быстро окружили фландрский полк, выстроенный в боевом порядке. Солдаты уверяли их в своей преданности нации; и все же завязалась схватка между женщинами и полком лейб-гвардейцев, которым командовал граф де Гиш. Несколько женщин были ранены ударами шпаги. Волонтеры, штурмовавшие Бастилию, открыли огонь по гвардейцам и убили несколько человек.

В это время король приказал позвать Мунье и после пятичасовых колебаний заявил о безоговорочном утверждении. «Я его умолял, — рассказывает Мунье, — дать мне ответ в письменном виде. Он написал его и передал мне из рук в руки. Он услышал выстрелы. Можно себе представить его волнение, можно себе

представить и мое. С разбитым сердцем я вышел, чтобы вернуться к своим обязанностям».

Так, словно право страждущего народа должно было быть вписано в самые торжественные акты буржуазной Революции, именно под натиском бедных парижских женщин, требующих хлеба, была санкционирована Декларация прав человека. Именно рабочими руками был вручен новому человечеству этот торжественный документ.

За время отсутствия председателя Мунье толпа постепенно проникала в зал заседаний Собрания. Она вмешивалась в обсуждения и громкими криками требовала, чтобы Собрание приняло закон о снижении цен на хлеб, мясо и свечи. Собрание, как бы затопленное этой народной волной, разбежалось; фактически, заседание было сорвано; и как бы утверждая совсем по-детски еще верховную власть народа, какая-то женщина, имя которой осталось неизвестным, уселась в председательское кресло. Какой-то момент, когда король заседал во дворце, а Собрание разбежалось, казалось, осталась одна только народная власть. Но какой смысл захватывать власть, если за этим не стоит никакой идеи? Женщина, занявшая председательское кресло, охотно уступила его Мунье; барабанщик прошел по улицам Версаля, снова созывая депутатов; и, ожидая возобновления заседания, женщины, сгрудившись вокруг Мунье, отчитывали его одновременно и по-матерински, и сурово. В них не было и следа упорного озлобления; сам Мунье это подтверждает: «Окружившие меня женщины беседовали со мной, некоторые выражали сожаление по поводу того, что я защищал это *подлое veto* (по их выражению), и говорили мне, чтобы я *остерегался фонаря*. Я отвечал, что их обманывают; что они не вправе судить депутатов; что я обязан слушаться голоса своей совести; что я предпочитаю пожертвовать своей жизнью, чем покрывать душой. Они, видимо, одобрили мой ответ и выказали мне самое живое участие».

Это не была, как видите, грубая и озверелая толпа, что утверждала реакция. Это был народ, новичок еще, который легко поддавался на хитроумные рассуждения умеренного Мунье, но в общем великодушный и прозорливый. Эти женщины, на минуту занявшие кресло председателя Собрания, а после этого беседовавшие с ним со смелой и сердечной фамильярностью и наконец упевшие, слившись с могучим потоком толпы, чтобы предоставить буржуазному Собранию полную свободу действий, — это и есть олицетворение народного движения в эпоху Революции. Бедняки внезапно выступают из тени и вдруг предстают перед властью; они обращаются к ней с запросами, они сурово ее отчитывают, они ее окружают, порой направляют, но не умеют и не могут взять ее в свои руки.

И тут, в 11 часов вечера, по разбитой, грязной дороге приехал Лафайет. Его прибытию предшествовало его послание

королю, в котором он умолял верить ему и заверял, что парижская национальная гвардия прибыла сюда, чтобы навести порядок. Заседание Собрания возобновилось, и с подчеркнутым безразличием к событиям, какое обычно проявляют собрания, подгоняемые бурным потоком народа, оно стало обсуждать уголовные законы; однако женщины, присутствовавшие при дебатах и почти смешавшиеся с членами Собрания, перебивали их непрерывно криками: «Хлеба! Хлеба! Хватит долгих разговоров!» Многие из них ничего с утра не ели.

Мирабо встал с грозным видом. «Хотелось бы мне знать, — воскликнул он, — по какому праву берут тут на себя смелость диктовать нам законы?»

Народ ответил ему аплодисментами; велико еще было обаяние этого трибуна, и, кроме того, женщины явились в Версаль вовсе не для того, чтобы принуждать или унижать Собрание, все еще очень могущественное; народ отнюдь не относился к Собранию враждебно, он был, напротив, его горячим союзником, вторгшимся с самыми лучшими намерениями.

Около 3 часов пополудни Лафайет сообщил Мунье через своего адъютанта, что он может закрыть заседание; он заверил его, что все меры предосторожности приняты, что царит полное спокойствие и можно без всякой опасности отложить заседание до завтра. И заседание действительно закрылось, а Лафайет, изнемогающий от усталости, отправился спать.

Часть народа, не имевшая пристанища, провела ночь на улице, распевая песни и танцуя вокруг больших костров; как только рассвело, сильно возбужденные группы людей растеклись по улицам Версаля. Один лейб-гвардеец высунулся из своего окна, на него посыпались оскорбления, угрозы. Он в ответ выстрелил. Народ ворвался в дом, убил восемнадцатилетнего юношу-гвардейца; ему отсекли голову и насадили ее на пик. Народ осадил казарму лейб-гвардейцев, занял ее и разграбил. Началась охота на лейб-гвардейцев, которые бежали и скрывались во дворе королевского дворца, затем, действительно увлекшись этим видом охоты, народ бросился вверх по лестнице и проник в апартаменты короля. Королева, внезапно разбуженная, прибежала к королю; народ попытался разоружить лейб-гвардейцев, дежуривших в передней; сбегались придворные и национальные гвардейцы, чтобы охранять апартаменты короля; Лафайет, слишком поздно предупрежденный, примчался сломя голову.

Аристократы обвинили его в том, что он для того и отправился спать, чтобы отдать короля в руки этих разбойников. «Он спал, предав своего короля», — утверждали они; обвинение это было абсурдным. Лафайет, страж Революции против маневров двора и страж королевской фамилии против насилия со стороны народа, играл роль, которая больше всего льстила его гордости. Падая от усталости и от волнения, обманутый, вдобавок, кажущимся

спокойствием народа, он лишь проявил недостаточную предусмотрительность. Он убедил короля показаться вместе с королевой и дофином на балконе, выходящем во двор.

Король, глубоко подавленный, не мог вымолвить ни слова. Лафайет от его имени уверил народ, что будут приняты все меры в интересах народа. Минуту спустя король, несколько успокоившись, вновь вышел на балкон и в трогательных словах умолял народ пощадить жизнь преследуемых лейб-гвардейцев. «Короля — в Париж! Короля — в Париж!» — вопила толпа. «Да, я вернусь в Париж, — ответил король, — но с условием, что я поеду со своей женой и своими детьми».

Он знал, как непопулярна королева, и, заключая подобное соглашение с народом, он как бы ставил ее под защиту честности Парижа. Душа Людовика XVI далеко не разгадана и более сложна, чем это предполагают. Из-за своей слабости он иногда проявлял двоедушие, но он мог быть и велик в своей доброте.

«КОРОЛЯ — В ПАРИЖ!»

«Короля — в Париж!» — вот один из решающих лозунгов, один из решающих моментов Революции! Отныне драма сосредоточена в Париже: вот король в руках народа, как и Собрание, которое не захочет расставаться с королем! Именно в Париже сконцентрированы народные силы. Именно в Париже, сердце Франции, наиболее всемогуща идея французского единства. Король в Париже — это внушает уверенность, что Революция будет демократической и единой. Если бы очаг общественной жизни и Революции переместился в провинцию, могли бы возобладать федерализм и модерантизм; чтобы воспрепятствовать действиям Парижа, которые отныне рассматривались бы как раскольнические, умеренная буржуазия объединилась бы с силами старого порядка, и французская Революция стала бы всего лишь сколком с революции английской, революции компромисса, а не революцией порыва, логики и всемирного потрясения.

Бедные женщины из народа, которые 5 октября утром отправились из Парижа в Версаль, чтобы потребовать хлеба, и которые привезли с собой короля, сыграли, таким образом, чрезвычайно важную роль, одну из самых великих, несомненно, какие знает история: они связали крепчайшим узлом Революцию с Парижем, и ни одна рука аристократа или жирондиста не сможет отныне его развязать, ни один меч — ни прусский, ни английский, ни казачий — не сможет его разрубить.

В тот же день, то есть 6 октября, король выехал в Париж¹.

1. Собрание декретировало, что «король и Национальное собрание неразделимы».

Впереди шествовала длинная процессия женщин, которые несли ветви деревьев, уже тронутые красками осени; пушки были замаскированы зеленой листвой; на склоне дня, около 6 часов вечера король въехал в Париж; дома были иллюминированы, и в этих причудливых сумерках, в этом смещении пышности и грусти Революция шагала, полная энтузиазма, но недостаточно уверенная в себе; народ приветствовал короля, а король, словно поднятый волной этого бескрайнего моря, плыл, как во сне, к туманному горизонту. Причудливый и смутный час, когда поражение королевской власти выглядело как ее торжество, когда Париж наполовину победивший, наполовину обманутый, был опьянен своей бурной радостью и забыл о вчерашних кознях.

Странное дело! Этот великий кризис октябрьских дней как бы притушил революционное возбуждение в Париже. На два года мы вступаем в полосу относительного покоя. Революция развивается вглубь, а на поверхности заметно лишь слабое волнение.

Нужда, которая последовала за неурожаем 1788 г., усугубленная неуверенностью первых дней Революции, очень скоро смягчилась; вновь стало поступать продовольствие, трудовая деятельность оживилась. Цена хлеба снизилась с 4 до 3 су за фунт. Зима 1789/90 г. была исключительно мягкой; в феврале погода была настолько теплой, что строительные работы не прерывались. Мануфактуры работали весьма интенсивно, а созданные муниципалитеты занимали на общественных работах еще остававшихся без работы людей; к концу 1790 г. они смогли даже закрыть большинство этих мастерских истроек, поскольку экономическая жизнь в стране сильно оживилась. Лихорадка голода и нужды стихла, и Революция смогла приступить к своей основной задаче.

К тому же неожиданность октябрьских событий, внезапный взрыв насилия, поставивший под угрозу жизнь короля, обеспокоили даже революционную буржуазию. Собрание с неудовольствием вспоминало о вторжении женщин, и если оно последовало за королем в Париж, то с твердым намерением немедленно самыми суровыми мерами пресечь уличные волнения. Его революционный авторитет, все еще огромный, позволит ему издать закон о военном положении, не вызвав в ответ разгула народных страстей, и действительно, у него в течение двух лет не появлялось необходимости прибегнуть к подобной мере. Якобинский клуб оказал Собранию большую помощь в упорядочении движения; он дисциплинировал революционные силы.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Итак, начался период легальной и уравновешенной деятельности, и в атмосфере этого относительного затишья, последовавшего за столькими кризисами, партии смогли оформиться и определить свои позиции. Каждый человек, каждая группа людей могли заняться самоанализом и окончательно избрать свой путь.

Две самые крупные антагонистические партии — партия революции и партия контрреволюции, в свою очередь, имели много разветвлений. В партии контрреволюции, на крайнем правом крыле ее, находилась партия принцев, непримиримая и сварливая. Граф д'Артуа, брат Людовика XVI, стоял во главе этой группы. Сразу же после 14 июля он вместе с принцем Конти и принцем Конде подал сигнал к эмиграции¹.

Находясь при туринском дворе, где он нашел прибежище, он плел непрерывные интриги с целью спровоцировать во Франции восстания и втянуть европейских монархов в войну против Революции. Октябрьские события напугали аристократов и ускорили эмиграцию: многие депутаты знатного происхождения покинули Собрание и переехали за границу.

Граф д'Артуа, чьи легкомысленные шутки уже давно оскорбляли королеву, действовал самочинно, независимо от Марии Антуанетты или Людовика XVI. Более того, часто он действовал вопреки их воле. Он утверждал, что королева ветрена, что Людовик XVI слаб волен и к тому же находится уже в плену Рево-

1. Об эмиграции принцев и деятельности графа д'Артуа в Турине см.: E. m. Vingtrinier. La Co-

ntre-révolution. Première période: 1789—1791, t. I, Paris, 1924.

люции и что его, графа д'Артуа, долг — спасти королевскую власть без них и вопреки им.

Тайная переписка графа Мерси-Аржанто, опубликованная в 1891 г., позволяет нам установить дату первого воззвания контр-революции к границе¹. 12 октября 1789 г. граф д'Артуа пишет из Монкальери австрийскому императору Иосифу II, брату Марии Антуанетты: «Стремясь уничтожить навеки самую прекрасную монархию на свете, *хотят столкнуть ее к позорнейшей из демократий* и, чтобы добиться этого, идут на все преступления, какие существуют на земле, дабы низвергнуть нас в полнейшую анархию. Вы — монарх, Ваше Величество. Вы сумеете оценить справедливые права, принадлежащие этому титулу; Ваше Величество знает все обязанности верного союзника... Я умоляю Ваше Величество разрешить мне высказать одно соображение, а именно, что *дело короля Франции — это дело всех государей, что все они должны опасаться подобной участи, если они не освободят того, кого можно упрекнуть разве что в излишней доброте и кротости...*»

С того ужасного дня, 6 октября, с того мгновения, когда бунтовщики выказали всю свою свирепость, мое молчание становилось преступлением, а моя сдержанность — трусостью... Я должен, кроме того, сообщить Вашему Величеству, что французские принцы крови, разделившие мою судьбу, разделяют и мои чувства и что мы с восторгом отдадим всю свою кровь до капли, дабы послужить нашему королю и *нашему отечеству...*»

Стало быть, призыв к иностранным державам прикрывается словом «отечество». Оставим в стороне патетический тон; я прекрасно понимаю, что для графа д'Артуа Франция равнозначна монархии и что, служа монархии, он может полагать, будто служит Франции. Однако уже сама история его династии могла просветить графа д'Артуа насчет того, что монархия в течение веков несколько раз меняла свою форму и свой характер и что в часы кризиса она обновлялась благодаря призыву к национальному чувству.

В таком отказе, с самых первых дней, от всякой надежды достигнуть согласия между Революцией и преобразованной монархией проявлялось по меньшей мере скандальное легкомыслие или, вернее, преступный эгоизм в отказе от каких бы то ни было преобразований королевской власти.

Призывать солдат Европы, чтобы воспрепятствовать французской нации поставить на традиционной монархии печать новых времен, было, даже по воззрениям, присущим принцам крови в те времена, настоящим преступлением, преступлением легкомыслия, эгоизма и чванства.

Иосиф II был глубоко возмущен этим призывом. У него были важные интересы на Востоке, и он не желал позволить безрас-судно вовлечь себя в войну против Франции. Он, кстати, сам

боролся в Австрии с могуществом духовенства и знати и знал, что даже у абсолютизма не может быть неизменной формы; и он резко напомнил графу д'Артуа, что ему следует уважать Францию и ее волю. Наиболее суровое осуждение эмиграции выразилось в том, что первые эмигранты получили урок патриотизма от самих государей Европы.

«Я прошу Ваше королевское высочество принять во внимание, что, как ни огорчительны события, имевшие место в течение последних недель в Генеральных штатах в связи с обсуждением конституции и в целях принципиального упорядочения государственных финансов, однако со стороны короля, у которого для этого, если бы он того пожелал, более чем достаточно возможностей, не последовало ни единой жалобы, ни единого возражения; напротив, все официальные документы свидетельствуют о том, что он полностью согласен с нацией по всем статьям, которые уже были обсуждены и обнародованы. По какому же праву кто-либо мог бы предпринять малейший шаг или поднять голос против всего того, что уже решено и санкционировано самой неоспоримой властью на свете, а именно: *королем совместно с нацией, законно представленной ее депутатами?*»

Я, разумеется, не являюсь ни демократом, ни неограниченным властителем: у меня нет, надеюсь, ни такой репутации, ни такой тенденции; но я не могу не признать, что все эти истины неопровержимы и что *Ваше королевское высочество, а также все принцы, которые сочли своим долгом покинуть Францию, — всего лишь граждане, поистине весьма избранные, но не составляющие особого сословия и не имеющие никакого другого права не подчиняться всему, что король совместно с нацией сочтут за благо постановить.*

Если Вам дороги счастье Франции, король, королева и всё, что с ними связано, не упускайте единственной возможности вернуть им всем спокойствие и счастье: объединитесь все, дабы положить конец тому виду оппозиционной партии, которую называют, неизвестно почему, аристократической, но которая, будучи слабой сама по себе и не имея возможности принести то благо, кое ей видится и коего она желает, пока в состоянии причинять только зло; именно дух этой партии, нечего скрывать, породил все события, злосчастия, обрушившиеся на королевство и на отдельных людей. Отставка министров, стягивание войск вокруг Парижа побудили вообразить существование ужасных планов, которые со злым умыслом были приписаны этой партии и которые напу-

1. Мерси-Аржанто, граф, де (1727—1794) — австрийский посол во Франции с 1766 по 1790 г. См.: «Correspondance secrète... avec l'empereur Joseph II et le prince

de Kaunitz», опубликованную шевалье Альфредом д'Арнетом и Жюлем Фламмермоном в двух томах в 1889—1891 гг. в Париже.

гали и сейчас еще пугают народ и вызывают его озлобление; это и заставило Национальное собрание поспешить с выбором средств, трудность которых оно само признает... Постарайтесь же, чего бы это ни стоило, стереть в общественном мнении всякую мысль о существовании противной, или так называемой аристократической партии, объединившись все во имя блага государства и подчинив *Вашу точку зрения на это благо точке зрения большинства, которое обладает решающим влиянием*.

Поучение было суровым и даже грубым. Оно доказывает, что эмигрантам оказалось чуждым не только национальное сознание, но и монархическое.

Небольшая клика иступленных и предателей не поняла этого. Вот как оценил ответ Иосифа II г-н де Водрёйль, которому граф д'Артуа сообщил его¹:

«Для меня нисколько не неожидан этот ответ... Что касается содержащихся в нем принципов, то они меня не удивляют. Это те принципы, которыми двор Иосифа II руководствуется и жертвой которых он в конечном счете станет. Уничтожение духовенства и унижение дворянства уже давно стали его системой, как и во Франции; и я твердо убежден, что это заблуждение, наиболее глубокое, в какое может впасть монархия, было нам подсказано, сообщено именно этим двором и что ослабление французской монархии всегда было целью проводимой им политики».

Наивное противоречие: если австрийский двор советовал французской монархии ограничить власть знати и духовенства с целью ослабить саму монархию, то почему сама Австрия, в своих собственных владениях, ограничила власть дворян и священников? И как могли все эти ветрогоны, все эти фаты не понять и не признать неизбежность того движения, которое развивалось не только в философской Франции, но и в старой, абсолютистской Австрии?

Обвиняя Иосифа II в том, что и он революционер, они уличают сами себя. Но их влияние на людей и на события было еще весьма слабым. Пока еще в воздухе носился едва различимый дух измены. И все же партия правых в Собрании была душой с этими безумцами. Правые практиковали своего рода законодательную эмиграцию, все более и более избегая появляться на заседаниях и участвовать в голосовании.

Им казалось, что Революция, без удержу устремляясь вперед, непременно сломает себе шею. Кроме того, движение вандейцев, пока еще смутное и неопределенное, начало вырисовываться яснее. Дворянство Нижнего Пуату заняло контрреволюционную позицию.

Оно протестовало, почти в мятежных выражениях, против решения короля удвоить число представителей от третьего сословия; барон де Лезардьер попытался под покровительством принца Конде организовать нечто вроде дворянской Лиги, и из одного

замка в другой передавались с самых первых месяцев Революции призывы к гражданской войне².

Колония эмигрантов в Турине и заговорщики Марэ или Бокажа обменивались бессмысленными проектами. Граф д'Артуа хотел насильно похитить короля: восстание дворян на западе явилось бы в тот момент полезным отвлекающим маневром. В мае 1790 г. Туринский комитет написал королеве три письма, настоятельно умоляя ее уговорить короля дать себя похитить. Проект был настолько серьезен, что Мерси-Аржанто, которому австрийский двор поручил давать советы Марии Антуанетте, немедленно послал ей 15 мая встревоженное письмо³:

«Проекты Турина вызывают во мне ужас тем легкомыслием, с каким они рискуют подвергнуть опасности судьбу государства и, скажу прямо, саму жизнь высочайших особ; они не знают иных мер, иных планов, кроме предположений, кроме догадок, опровергаемых здравым смыслом; выступление их закончится, едва начавшись, жестокой катастрофой — вся королевская семья будет схвачена и отдана на произвол разъяренной черни, предвидеть границы жестокости которой невозможно».

Но что поистине столь же неслыханно, сколь и преступно, — *это мысль похитить короля силой*... Я без колебаний заявляю, что те, кто носит с преступной мыслью насильно похитить короля и будет столь безрассуден, чтобы предпринять такую попытку, заслуживают смертной казни. Было бы огромной ошибкой не высказаться со всей резкостью по этому поводу; остается только надеяться и желать, чтобы королеве удалось преодолеть природную доброту короля и *уговорить его осудить этот проект самым резким и недеуслысленным образом*.

Очевидно, Мерси-Аржанто опасался, что король не отвергнет эти проекты с должной твердостью, и счел своим долгом раскрыть перед ним всю их опасность:

«Полное отсутствие продовольствия, оружия, боеприпасов, всего, наконец, что необходимо для вооружения любой армии, для ее передвижения и существования в походе... Эту картину, столь же печальную, сколь и правдивую, следует сравнить с наличием 300—400 тыс. человек национальной милиции, более или менее дисциплинированных, но хорошо вооруженных и еще

1. Водрёйль, граф, де (1740—1817) — один из фаворитов Марии Антуанетты, большой друг графа д'Артуа, вместе с которым он эмигрировал в ночь с 16 на 17 июля. См. «Correspondance intime du Comte de Vaudreuil et du Comte d'Artois pendant l'émigration» (опубликовано Л. Пенро), Paris, 1889, 2 vol.
2. О происках контрреволюции в Нижнем Пуату, о деятельности барона де Лезардьера и его связях с графом д'Артуа см.: Е. м. Vingtrinie r. Op. cit. t. I. p. 243.
3. См.: «Correspondance secrète...» t. II, p. 302.

более воодушевленных внушенными им принципами и всяким бредом; отряды этой милиции, расположенные во всех городах, местечках, деревнях королевства, перекрывают все дороги, особенно ведущие из столицы, в окружности более чем 40 лье.

Как при подобном положении вещей можно поверить в возможность похищения короля и королевской семьи? Как можно даже допустить мысль об опасности, коей подверглись бы король и его августейшая супруга, если их задержат в дороге: а их, без всякого сомнения, задержат, прежде чем они достигнут безопасного места. Перо выпадает из рук, когда представишь себе неисчислимы последствия подобной катастрофы».

Какое пророческое предвидение Варенна! И какой ужасный обвинительный акт против партии контрреволюции!

Как! С самых первых месяцев Революции, когда королевской семье еще не грозила никакая опасность, уже вынашивались планы гражданской войны!.. Когда видишь, как Мерси-Аржанто боялся этого проекта похищения короля, уже невозможно сомневаться в том, что маркиза Маи де Фавра, арестованного в декабре 1789 г. и повешенного в феврале 1790 г. по обвинению в составлении планов гражданской войны и похищения короля, безусловно, поощряли по меньшей мере туманными одобрениями и искусными недомолвками¹.

Весьма возможно, судя по серьезным признакам, что граф Прованский, старший из братьев короля, был осведомлен о финансовой подготовке задуманного предприятия, и если Фавра сумел сохранить полное величия молчание, то вся цепь фактов: неожиданный отъезд за границу графа д'Артуа, слухи о похищении короля, которые распространились в Версале в день 5 октября, презрительные слова графа д'Артуа по адресу графа Прованского, когда последний, испугавшись, отрекся от Фавра, упорная конспирация, беспокоившая Мерси-Аржанто, — все это доказывало, что небольшая кучка принцев и сорвиголов-эмигрантов, действовавших как бы на грани контрреволюции, находила поддержку в доброжелательной реакции двора.

Значит ли это, что с 1789 г. король и королева мечтали о бегстве и об обращении к иностранным державам? Никоим образом! Королева как бы колебалась между двумя чувствами: ненависти и уязвленной гордости. Она ненавидела графа д'Артуа, который так часто, в блестящие дни, оскорблял ее и клеветал на нее. Она ни за что не хотела предоставить ему руководящую роль и отдать судьбы королевства в руки принцев. Но она ненавидела также и, главное, боялась толпы, волны гнева которой докатывались до нее.

Какой путь избрать? И где было меньше опасности? Она выжидала. Гораздо менее приверженная религии, нежели король, сестра государя-философа, она мало беспокоилась об опаснос-

ти, которой могла подвергнуться в один прекрасный день церковь. Ее больше всего занимала собственная участь и участь ее сына.

Иногда, когда она видела, что одного ее слова было достаточно, чтобы растрогать народ и перечеркнуть годы ненависти, она, наверное, давала увлечь себя надежде, что сможет покорить этот народ очарованием своей красоты, униженной и надменной, прелестью своей грустной улыбки.

Когда Байи вечером 6 октября, повторяя огромной толпе народа в ратуше краткую речь короля, пропустил одно его слово, выражавшее доверие, королева подсказала его с известной долей королевского кокетства². Но если она и мечтала порой, не знаю уж, о каком примирении с враждебной и изменчивой толпой, если она и склонялась с некоторым любопытством над этой зыбкой бездной, кипящей бурным волнением и озаренной отблесками солнца, она не доверялась этим надеждам безоглядно.

Она всегда смотрела на контрреволюцию и эмиграцию с их бессмысленными проектами как на крайнее средство, и, неуверенно нащупывая путь, она не закрывала перед собой ни одного пути к спасению.

Такая же неуверенность парила и в душе короля. Над ним больше, чем над королевой, довлело религиозное чувство; уничтожение десятины, планы секуляризации церковных имуществ мучили его робкую совесть, над которой властвовал священник.

В ту пору, после повторных ударов июльских и октябрьских событий, он явно хочет попытаться жить в добром согласии с Революцией. Но и для него это всегда *только попытка* и отсюда основная двойственность и кажущееся двуличие его поведения. Если ему никак не удастся ограничить Революцию, выражая ей доверие, он попробует что-нибудь другое. Если он в чем и упрекал своего брата, графа д'Артуа, то отнюдь не в том, что тот задумал свой нелепый и преступный план отделить короля от нации, а лишь в том, что он прибегнул слишком рано, не убедившись в бесплезности более умеренных средств, к отчаянным и крайним мерам, которые следует прибегнуть для последнего часа. Отсюда и его раздражение против брата, отсюда и отсутствие точных и строгих запретов, о которых умолял Мерси-Аржанто, чтобы раз и навсегда прекратить постоянные интриги, поощряемые мягкостью короля.

1. Тома де Маи, маркиз де Фавра (1744—1790) — первый лейтенант швейцарцев графа Прованского, был обвинен в намерении похитить короля; повешен на Грев-

ской площади 19 февраля 1790 г. Для осуществления своего проекта Фавра сделал заем в 2 млн. под гарантию графа Прованского.
2. «Moniteur», t. II, p. 44.

Однажды, то было 4 февраля 1790 г., можно было подумать, что король сделал решительный шаг и прочно связал себя с Революцией. Он неожиданно явился в Собрание и произнес там длинную речь, которую можно было принять, судя по отдельным выражениям, за окончательное и бесповоротное присоединение к делу Революции¹.

«Время исправит все недостатки, кои могут остаться в своде законов, которые выработает это Собрание; но любая попытка, имеющая своей целью поколебать принципы самой конституции, всякий стовор с целью отменить их или ослабить благотворное их влияние, послужат лишь тому, что посеют среди нас ужасное бедствие — раздоры; если предположить, что подобная попытка, направленная против моего народа и меня, будет иметь успех, результат ее непоправимо лишит нас ряда благ которые обещает нам в перспективе новый порядок вещей».

При этих словах левая разразилась аплодисментами. Партия аристократов хранила молчание; сами умеренные были смущены, спрашивая себя, не зашло ли их сопротивление в интересах короля далее того, чего желал сам король?

Но как быстро это ясное и сильное впечатление потонуло в длинной и путаной речи, изобиловавшей намеками. Король так долго настаивал на необходимости сохранить родовые привилегии дворянства, что одну минуту казалось, будто именно в этом заключалась подлинная цель его выступления. Больше всего он настаивал перед Собранием на укреплении «исполнительной власти»:

«Я отнюдь не смею сомневаться в том, что, завершив свое дело, Вы, несомненно, со свойственными Вам мудростью и чистосердечием, займетесь укреплением исполнительной власти, ибо это условие, без которого не может существовать твердый порядок внутри страны и ее престиж за границей».

Это Неккер надоумил короля выступить, он и речь его сочинил. Камиль Демулен, которого сразу насторожил поток сентиментальной фразеологии в проповеди короля, писал в № 12 газеты «Револьюсьон де Франс э де Брабан»:

«То место в речи государя, где он заявил Собранию: «Вы со свойственным вам чистосердечием займетесь укреплением исполнительной власти», — вызвало улыбку. Хорошо видно, что министр, манеру которого легко узнать в речи короля, который столь ловко вложил в уста последнего свои доводы, сумел сделать из этой длинной речи зеркало, в котором отразилось его опостылевшее всем лицо».

Да, даже в этом выступлении, которое могло стать решающим, король не смог выразить ни собственной мысли, ни твердой воли. Это Неккер слишком явственно руководил его побуждениями и словами. Это Неккер, чье тщеславие было оскорблено господствующей ролью Собрания, призывал последнее под предлогом

уважения к исполнительной власти признать его собственное влияние, считаться с его финансовыми планами, беспомощными, посредственными и неудачными. Этот вечный припев об исполнительной власти уже порядком надоел.

По существу, у Революции было чувство и идея организации исполнительной власти. Чтобы преобразовать политический и социальный порядок, необходимы были концентрированные и решительные действия; ее коммуны, только-только созданные, связали себя федеративными узами, чтобы действовать сообща и энергично.

Революционная буржуазия вдвойне нуждалась в сильной власти, чтобы, во-первых, сломать институты прошлого, а во-вторых, удерживать бурлящие народные силы в рамках буржуазного порядка. Королевской власти, которая искренне пошла бы вместе с ней, Революция дала бы реальную силу, какой у нее еще не бывало, ни с чем не сравнимую исполнительную власть, соразмерную законодательной власти самой нации.

Уже тогда нерушимая наследственная королевская власть, получающая огромные средства, назначающая министров и высших офицеров, вооруженная приостанавливающим вето на шесть лет, была силой высшего порядка; ей не хватало лишь одного: доверия революционной нации.

Вместо того чтобы сетовать за короля о «личных потерях», Неккеру следовало восхвалять рост авторитета и власти, которым королевская власть обязана была освободившейся нации. Но бедная, расплывчатая фразеология этого человека вполне соответствовала нерешительности короля.

Несмотря на всю добрую волю Собрания, королевская речь оставила неглубокое и весьма мимолетное впечатление. Невзирая на эту министерскую проповедь, Людовик XVI остался вне Революции, на некой обособленной территории, или в нейтральной зоне, где он вскоре должен был оказаться под ударами с двух сторон. Из этой-то нейтральной зоны и решил вырвать его Мирабо, чтобы бросить королевскую власть в гущу революционного движения, чтобы возвеличить ее, «национализировав».

ПЛАН МИРАБО

Этот великий человек пришел в Собрание, уже обогащенный опытом и овеванный славой. Самое необычайное в Мирабо то, что сам пыл его страстей пробудил в нем огромное чувство порядка. Мирабо немало пострадал от тирании старого порядка; его отец

1. «Moniteur», t. III, p. 297.

не раз добивался именных указов о заточении сына и засадил его в Венсенскую тюрьму за разгульное поведение, которое, при некоторой снисходительности, можно было бы исправить.

Но если в этом тяжелом заточении страсть Мирабо к свободе еще больше разгорелась, то оно отнюдь не превратило его в заурядного бунтаря, который жаждет все сокрушить из мести; напротив, он серьезно размышлял о социальных условиях при новом порядке.

В письмах, пылающих чувственной страстью, которые он писал из Венсенна «своей возлюбленной» Софи, жене судьи Монье, он говорил ей иногда:

«Мы должны остерегаться восхвалять адюльтер и превращать нашу свободную любовь, находящую оправдание в исключительных обстоятельствах, в принцип общества»¹.

Даже в своих увлечениях и легкомысленном образе жизни Мирабо сохранял чувство меры, и его гордость, подсказывавшая ему, что судьба его будет исключительной, как и его гений, помогла ему подчинить собственные заблуждения идеалу общественной жизни. Расточительность Мирабо, его беспечность в материальных вопросах, суровость отца, — все это заставляло его влезать в долги, их унизительное бремя удручало его; но, дойдя до крайней нужды и даже нищеты, он спасал себя необычайно напряженной работой, и это возрождало всю его гордость.

Его статьи и книги, его красноречивое эссе о деспотизме, его письма о Бисетре, его дипломатические мемуары, его памфлет против спекуляции уже сделали его знаменитым, когда в предвыборной борьбе в Провансе обнаружился во всем блеске великолепный гений Мирабо².

Он стал поистине народным трибуном, громившим дворянство; и когда от селенья к селению повсюду читали его беспощадные слова, обращенные к аристократии: «Когда последний из Гракхов пал от меча патрициев, он бросил в солнце горсть пыли и из этой пыли родился Марий», — то казалось, что небо Прованса — продолжение римского неба и что великий клич античного форуа звенит в нем; души провансальцев были взволнованы до самых глубин, где они соприкасались с республиканским прошлым.

Однако над всеми этими вспышками страсти, над этими грозными воспоминаниями мысль Мирабо вдруг взмывала высоко вверх, дабы развить идею об упорядоченном и сильном обществе, где королевская власть будет основой основ всех свобод. И подобно тому как удары молнии озаряли небосвод, так и взрывы страсти трибуна оставляли в умах просветление.

Он вступил в Национальное собрание с искренним желанием внести свой вклад не столько как оратор, сколько как государственный деятель, и направлять ход событий.

Он хотел и в своих глазах и в глазах истории искупить беспорядочность своей прежней жизни, основав незыблемый порядок.

Он знал с первых дней Революции, что она может дойти до уничтожения королевской власти, и был убежден, что без регулирующей деятельности преобразованной королевской власти Франция быстро докатится или до буржуазной олигархии, или до военного деспотизма. Он был самым истинным роялистом во всем Национальном собрании и в то же время одним из самых великих демократов.

Хотя и воспитанный отцом в духе экономистов и физиократов, он никогда не делал из земельной собственности и даже из любой собственности мерила социальной значимости. Идя гораздо дальше, чем Тюрго и даже Кондорсе, которые в своих проектах, касавшихся муниципальных и провинциальных собраний, признавали право голоса только за собственниками, он стоял за всеобщее избирательное право и в своей речи 30 января 1789 г., обращенной к Генеральным штатам Прованса, сказал³:

«Когда нация слишком многочисленна, чтобы ее можно было собрать в одном собрании, она создает их несколько, и люди из каждого отдельного собрания передают одному лицу право голосовать за них.

Всякий представитель, стало быть, является избранным; совокупность представителей и есть нация, и все те, кто не являются представителями, непременно должны быть избирателями, хотя бы потому, что они представлены. Основной принцип этого метода состоит, следовательно, в том, что представительство должно быть индивидуальным: и оно им будет, если в нации не останется ни одного индивидуума, который не был бы либо избирателем, либо избранным, поскольку все мы должны быть представлены.

Я знаю, что некоторые нации урезали этот принцип, предоставив право выбирать только собственникам, но и это уже важный шаг по пути к политическому равенству».

Итак, основой должна служить демократия: никто не должен быть исключен из числа граждан. И если короля следует сохра-

1. Письма к Софи помещены в III, IV и V томах «Œuvres de Mirabeau», опубликованных в 1826—1827 г. О женитьбе см. т. III, стр. 89.

2. «Essai sur le despotisme». Londres, 1775; «Doutes sur la liberté de l'Escaut réclamée par l'Empereur, sur les causes et sur les conséquences probables de cette réclamation». Londres, 1784; «Dénonciation de l'agiotage au roi et à l'Assemblée des notables...» S. l., 1787; «Suite de la dénonciation de l'agiotage...»

S. l., 1788; «A la nation provençale...» S. l. n.d.; «Avis au peuple marseillais...»; «Avis au peuple marseillais et à celui des villes voisines de Provence».

3. «Discours sur la représentation illégale de la nation provençale dans ses États actuels, et sur la nécessité de convoquer une assemblée générale des trois ordres, prononcée... dans la quatrième séance des États actuels de Provence, le 30 janvier 1789». Aix, 1789.

нить, если власть его должна полностью определяться и укрепляться законом, то лишь для того, чтобы король, стоящий выше интересов отдельных **каст** и категорий, был орудием демократии и стражем ее прав. ~~т.е.;~~

Без него, без этой власти, которая всегда может обратиться к нации, представители могли бы узурпировать всю власть и управлять страной исключительно в своих интересах.

Именно это имел в виду Мирабо, когда он повторял: «Власть короля — это достоинство народа».

В таком же духе была выдержана его речь в первые дни в Генеральных штатах, когда он воскликнул, что предпочел бы жить в Константинополе, нежели в стране, где король не имеет права вето.

Он себе представлял монархию в новом духе, он не рассматривал ее как власть божьей милостью, ни даже как власть традиционную: в его глазах она является первым из национальных институтов, и, исходя от народа, она будет законной лишь в той мере, в какой она ему служит.

«Король, глава общества, выдвигается только этим обществом и для него», — восклицает он в своем эссе о деспотизме. ~~т.е.;~~

Или в другом месте:

«Народ, которым Вы управляете, мог предоставить в Ваше распоряжение свои силы только ради его пользы или, что равнозначно, для поддержания общественной безопасности, как внутренней, так и внешней, и ради всех преимуществ, на которые он рассчитывал, когда учреждал охранительную власть; *Вы не отняли у него осуществление его прав; ибо он был самым сильным, прежде чем он создал из Вас хранителя своей силы.* Он сделал Вас могущественным ради величайшего своего блага. Выразимся еще яснее: он Вам платит, и платит очень дорого, ибо он надеется, что Вы вернете ему больше, нежели он на Вас потратил.

Одним словом, *Вы его первый слуга на жалованье* [эти слова подчеркнуты самим Мирабо] и больше ничего; отсюда, согласно естественному праву, вытекает, что мы вправе увольнять того, кому мы платим, если он плохо служит нам».

Дерзкие слова, которые он почти дословно повторит в самом Собрании, когда король явится туда угрожать рождающейся Революции! Любопытное применение принципов общественного договора и неотъемлемого естественного права к теории королевской власти!

Вооруженный таким образом, Мирабо мог ставить королевской власти условия: он мог заставить ее служить Революции, способствовать национальному движению, но он мог в то же время обратиться к нации и заклинать ее уважать в обновленной королевской власти свое создание и гарантию своего развития. Именно этому примирению, если мне позволено так выразиться, этому синтезу демократии и королевской власти, этому учрежде-

нию королевской демократии и отдал Мирабо в те два года своей общественной деятельности всю свою огромную энергию и весь свой гений.

Прежде всего он попытался разъяснить и внушить свою идею Неккеру, Монморену, Лафайету и Малуэ; Малуэ понял наполовину, разглядев, как бы при вспышке молнии, обширный план революционной реконструкции Мирабо, но не занялся им всерьез.

В своих мемуарах ¹ он рассказывает в том, что проявил слишком мало интереса к попытке великого трибуна; остальные делали вид, что усматривают в его настойчивых демаршах не более как неугомонное честолюбие или даже корыстный расчет. Они его оттолкнули, они его оскорбили, но он не дал себя обескуражить.

Как только он смог, как только ему удалось, через графа Ламарка и архиепископа Тулузского ², связаться с двором (его первое послание помечено 1 июня 1790 г.) ³, он пытался склонить короля и королеву к мысли, что в самом развитии Революции они обретут не только спасение, но и силу. Пусть они служат ей без задних мыслей; пусть они видят в ней свое дело в такой же мере, как и дело народа, и они получают законную и действительную власть, намного превышающую произвольную власть королей, считающих себя абсолютными властителями. Революция, отменяя привилегии провинций, цехов, городов, сословий, уничтожает бесчисленные препятствия, которые старый порядок воздвиг на пути осуществления королевской власти; она расчищает почву и дает королевской власти наиболее единую, наиболее широкую базу — единую жизнь великого народа.

Нация в лице своих представителей разработает закон, король будет управлять на основе этого закона; но, поскольку интересы королевской власти будут отныне тождественны интересам нации, то сообразовываться с национальной волей в том, что есть в ней существенного и значительного, означает для королевской власти не умаление ее авторитета, но, наоборот, проявление ее могущества.

А потому король может с легким сердцем согласиться на уничтожение старой феодальной системы, которая связывала его в такой же мере, в какой она порабощала народы. И пусть он не

1. Мемуары Малуэ были опубликованы в 1868 г. в Париже в двух томах.

2. Ламарк, граф, де (1753—1834) — генерал-майор, депутат дворянства от бальяжа Кенуа; душеприказчик Мирабо; в 1793 г. поступил на службу Австрии. Фонтанж

(1744—1806) — архиепископ Тулузский, депутат духовенства от Тулузского сенешальства.

3. Согласно Жоржу Лефевру («La Révolution française»), первое послание Мирабо, переданное двору, было написано 10 мая 1790 г.

останавливает Революцию на полпути: незавершенная, она уни-
зит его; доведенная до конца — возвеличит.

Пусть будут распроданы все церковные имущества и пусть
произведут эмиссию ассигнатов, широкую, смелую, обильную,
с тем, чтобы навсегда освободить Революцию и короля от всех
финансовых забот.

Пусть будет создан таким путем новый народ собственников,
который предохранит новый строй одновременно и от насиль-
ственного возвращения старого порядка и от демагогической
неустойчивости. Всю старую армию следует распустить.

Тем самым будет упрочена Революция, но восстановлена также
дисциплина; аристократический характер военачальников, их
контрреволюционный дух вызывают волнения среди солдат
и в какой-то мере их оправдывают. Новые офицеры новой армии
будут преданы Революции, которая их выдвинула, и, сильные
именно своей революционной лояльностью, они скоро смогут
привить армии навыки дисциплины.

Стало быть, король не спасет королевскую власть, если будет
отступать или колебаться, а спасет, только идя революционным
путем, столь же быстро, столь же далеко и еще более сознательно,
нежели сама Революция. Вот что Мирабо решил доказать двору,
вот в чем хотел убедить его. И он вложил в это начинание столько
гения, столько умения, столько упорства и страсти, что, читая
его великолепные послания, иногда думаешь, что оно ему удастся.
Во всяком случае, не испытываешь ощущения, что предаешься
ребяческой игре ума, когда задаешься вопросом, что бы случилось,
какой оборот приняла бы история, если бы Мирабо на самом деле
убедил и увлек за собой короля.

Он был, я думаю, единственным деятелем Революции, который
строил в уме гипотезу, способную на какой-то момент стать реаль-
ностью. Потому что он действовал с необычайным напряжением
мысли и воли в период, когда ход событий еще не определился
и когда казалось, что мощные индивидуальные импульсы могут
его обусловить.

Если бы мечта Мирабо сбылась, если бы Людовик XVI оказал
Революции доверие и сам внушил ей доверие к себе, если бы он
стал королем Революции, не было бы разрыва между современной
Францией и ее вековыми традициями. Революция не была бы
вынуждена из-за измены короля и иностранной агрессии прибег-
нуть к крайним и насильственным мерам. Она, что самое глав-
ное, не была бы принуждена к тем колоссальным военным уси-
лиям, из которых в конечном счете родилась наполеоновская дик-
татура.

Выходит, что план Мирабо предохранил бы Францию от цеза-
ризма и от «военного порабощения, самого унижительного из
всех»¹. Он предохранил бы ее и от господства буржуазной олигар-
хии, и цензовый режим Луи Филиппа был бы столь же невозмо-

жен. как и военный режим Наполеона. Несмотря на разделение
граждан на активных и пассивных, Революция сразу дала право
голоса более чем 4 млн. избирателей, а королевская власть, соглас-
но намерениям Мирабо, ввела бы всеобщее избирательное право,
дабы воплотить в себе силу всего народа.

Итак, только монархия, одновременно традиционная, совре-
менная, парламентарная и демократическая, могла бы сверху
упорядочить и стимулировать движение великого свободного
народа. Правда, она не в силах была бы остановить экономи-
ческую эволюцию. Она не могла бы помешать росту антагонизма
между капиталом и пролетариатом внутри индустриального
общества; но, привыкнув уже с большой революционной отвагой
освобождаться от пут прошлого и координировать свои действия
с действиями новых сил, она могла бы постепенно приблизиться
к рабочему классу и споспешествовать его движению. Силы, рас-
траченные Францией на периодические революции и чудовищные
военные расходы, можно было бы употребить целиком на прочное
и мирное развитие самой страны.

Вот какие перспективы открыл для мысли гений Мирабо,
и поначалу отнестись к ним с сочувствием. Но кто знает,
возможно, несмотря на все бури и страдания, судьба револю-
ционной Франции, какой она сложилась волей истории, ока-
залась более благоприятной и для самой Франции и для всего
мира?

Конечно, борьба не на жизнь, а на смерть, которую Революция
вела против сил старого порядка и против самой королевской
власти, довела ее до отчаянных кризисов и приступов деспотии;
но она породила и необычайную экзальтацию свободы; пламя Рево-
люции пронизало, так сказать, Францию до мозга костей, и идея
Республики, идея всемирного освобождения человечества прорва-
ла кольцо прежней замкнутости сердец.

Чтобы выволить Революцию из отчаянного положения, следо-
вало привлечь к ней силы народа, и мыслители еще до того, как
экономические условия сделали возможным появление организо-
ванного пролетариата, задались вопросом о том, какое будущее
ждет пролетариев; мысль Кондорсе проделала с 1789 по 1793 г.
огромный путь.

Сам народ, который ход событий всколыхнул до самых глубин.
смутно сознавал, что республика должна была стать источником
«всеобщего счастья», и последние монтаньяры без особого возму-
щения и страха встретили появление на их левом фланге Бабефа
и Буонаротти; коммунизм был как бы кульминацией республи-
канского накала, и раскаленная революционная атмосфера Фран-

1. См.: A. Sorel. Les plans poli-
tiques de Mirabeau. — «Annales de

l'École libre des Sciences politique-
es», 1886, № 1.

ции помогла всему европейскому пролетариату раньше созреть. Разве это не лучшая компенсация за потрясения, от которых Мирабо хотел уберечь Францию?

И еще его план был химерическим, так как он предполагал, что король старого порядка может всей душой и без всякой задней мысли пойти вместе с Революцией. Прежде всего, сам Мирабо не пользовался достаточным моральным авторитетом в глазах короля, чтобы побудить его примкнуть без оглядки к Революции. Увы! Он сам подорвал этот авторитет, согласившись получать пенсию от короля. Он, конечно, не продался двору, как о нем говорили, ибо он никогда не менял свой политический курс и фактически тратил большую часть получаемых им денег на подготовку плана создания революционной королевской власти, который был сотворен его свободным умом; но, несмотря на все, эта ежемесячная субсидия в 6 тыс. франков унижала его достоинство.

Больно читать коротенькую записочку Людовика XVI, в которой он говорит об этом великом человеке как об интригане, которому он очень дорого платит; приняв или даже испросив эту ежемесячную помощь от короля, Мирабо заранее ослабил воздействие своих советов на короля. Долги угнетали его; он боролся с немилыми денежными затруднениями и, чтобы успокоить свою втайне раненную гордость, он уверял себя, что, освободившись от мучивших его забот, он мог целиком отдать свои силы Революции. Тщетная софистика! Ибо он сам подорвал уважение, в котором столь нуждался.

Кроме того, если бы Мирабо был даже более свободен и безупречен, все равно за ним не пошли бы; не по силам то было одному человеку, сколь бы он ни был гениален, разорвать бесчисленные путы, сковывавшие мысли Людовика XVI и его волю. Мирабо прекрасно это чувствовал, потому он и хотел форсировать события, отважившись на отчаянный шаг. Он хотел, так сказать, завладеть особой короля и увлечь его за собой в решительное предприятие, где им предстояло либо победить, либо погибнуть вместе. Навязчивая идея, владевшая им с октября 1789 г., состояла в том, что король должен оставить Париж; но он не должен отправиться на восток, он не должен приближаться к границам, ибо было бы несчастьем, если бы у народа создалось впечатление, что король хочет покинуть Францию и Революцию, присоединиться к эмигрантам и призвать на помощь Европу.

Ему следует поехать на запад, в Руан; оттуда он отправит манифест о своем полном присоединении к Революции. Он скажет Франции, что хочет довериться ей. Он призовет к себе Национальное собрание и объяснит, что покинул Париж только для того, чтобы избавить себя и само Собрание от давления слепой силы.

Он создаст министерство, искренне воодушевленное духом

Революции, и, двигаясь от города к городу, соберет вокруг себя все силы нации и заставит провести, если это понадобится, новые выборы.

Смелый план, автор которого рисковал своей головой, а может быть, и головой короля! Но какой противоречивый план! Ибо, если королевская власть надеялась обрести свою силу в доверии страны, зачем же такой акт недоверия по отношению к столице? Зачем бежать и тем самым обвинять Париж? Королю, которому не принадлежит Париж, не принадлежит ничего, и по какому праву он полагает, что Париж не поддержит, как остальная Франция, короля, искренне преданного Революции?

Кстати, что будет делать король, если Париж, которому было выражено такое недоверие, восстанет? Что он будет делать, если Собрание не решится оторваться от народных сил столицы и всецело отдаться на милость короля с его советчиком Мирабо? Придется двинуть против Парижа полки, то есть снова начать под именем и под флагом Революции контрреволюционное наступление. Все силы старого порядка, несмотря на возражения короля, подстрекали бы, окружали бы его, вновь подчинили бы его своему влиянию, а Мирабо, вскоре удаленный из Королевского совета, годился бы только на то, чтобы придать какую-то видимость революционности новому государственному перевороту, затеянному силами старого порядка.

Я объясняю себе эту глубочайшую ошибку, примешавшуюся к великой мысли, только болезненно нетерпеливым честолюбием и гордостью, а также скрытым отчаянием от невозможности когда-либо побудить короля встать на сторону Революции законными и неторопливыми действиями.

Мирабо охватывал гнев при мысли, что люди, подобные Неккеру или Лафайету, которых он считал посредственностями, обладали властью. Он ставил им в вину то, что они не были наделены даром предвидения и жили сегодняшним днем, довольствуясь своей пустой популярностью. И может быть, увозя Людовика XVI из Парижа, он хотел нанести решительный удар влиянию Лафайета, стража короля. Но, главное, он думал, что если король однажды подарит его доверием и последует его совету уехать из Парижа, то он навсегда свяжет себя.

Таким образом, конспиративный азарт туманил мысль Мирабо, и можно утверждать, что ряд лет он ходил по краю пропасти; не знаю, чему следует больше удивляться: мощи мысли человека, который, храня в душе такую тайну, смог тем не менее дать могучий толчок Революции, или же заблуждениям великого, лихорадочно возбужденного ума, который вообразил, что одним внезапным и смелым ударом можно изменить ход судьбы.

ПАРТИИ В СОБРАНИИ

Нет, в тот момент не существовало гения такого всеобъемлющего и могучего, который был бы в силах один овладеть смутными силами рождавшейся в муках Революции и упорядочить их; резкие взлеты мысли Мирабо как бы терялись в пустоте. Вернемся же к животрепещущей и многообразной действительности. На скамьях правых в Собрании я не вижу ни одного выдающегося политического мыслителя. Аббат Мори и Казалес¹; в первом соединились церковная риторика и большая непринужденность в обращении с людьми, во втором — горячий южный темперамент и зажигательный дар речи, но оба они лишь ораторы сопротивления. Никакого плана действий, никаких видов на будущее нет в их речах; в октябре 1789 г., пока не возник религиозный вопрос, у контрреволюции еще не было ни устойчивости, ни опоры.

У представителей центра в умах царил полнейшая путаница. Мунье после событий 5—6 октября считал, что Революция потеряла правильное направление, и хотел обратиться с призывом к провинциям против того, что он называл тиранией Парижа². Он покинул Собрание и отправился в Дофине, где несколько месяцев назад был так популярен.

Это решение было продиктовано в значительной мере его личной обидой. Он принадлежал к числу тех умеренных, высокомерных и бессильных, которые желали навязать событиям строго определенные формы согласно их разумению и которые глумились над опередившей их действительностью или проклинали ее. Он жестоко страдал от того, что не играл в Национальном собрании той решающей роли, какую играл в Штатах Дофине.

Там, еще молодой, но уже отличавшийся ранней серьезностью и обладавший несколько сухой точностью мысли, он выдвигал решительные идеи; он воображал, со свойственной ему наивной гордостью, что так же легко поведет за собой всю революционную Францию.

Однако с первых же дней в огромном шумном Собрании зазвучали слова, более впечатляющие, нежели его собственные. Очевидно, первые успехи красноречия Мирабо испортили Мунье настроение.

«Я отмечаю, — сказал он однажды с горечью в Генеральных штатах, — что несколько дней назад я внес предложение, которое только что провел г-н Мирабо».

И когда после 14 июля встал вопрос об ответственности министров, когда Мунье, убежденный сторонник английской конституции, заявил, что английский министерский режим является единственным пороком этой конституции, который и погубил Англию, Мирабо ответил с убийственной иронией:

«И на каком же градусе широты погиб этот пресловутый остров?»

Нанесенная тщеславию этого сурового государственного деятеля рана так никогда и не зажила. Точно так же были отвергнуты и его основные проекты: он хотел бы введения английской двухпалатной системы, с более широкими prerogative короля и с большей независимостью министров от законодательной власти³. Меж тем была одобрена однопалатная система, а вето король получил только приостанавливающее.

Нрав его ожесточился, и даже здоровье пошатнулось. В его рассказе о своей общественной жизни и о причинах, побудивших его уехать, который он написал после октябрьских событий, чувствуется болезненное раздражение и смятенность истощенной нервной системы.

Он тщетно пытался организовать в Дофине модерантистское движение в масштабе провинции. Такого рода раскол пошел бы на пользу только контрреволюции, и друзья Мунье не посмели за ним последовать. Возникло даже федеративное революционное движение в целях борьбы с ним.

Вскоре гнев против него возрос: он отправил в Национальное собрание свое заявление об отставке и, наконец, отбыл в изгнание в Англию, где написал угрюмую посредственную книгу о причинах, которые, на его взгляд, помешали французскому народу возвыситься до свободы⁴. Книга его лишена блеска и даже желчной риторики Бёрка. Мунье опускается в ней до того, что сожалеет о революционном движении.

«Когда видишь, — говорит он, — злоешие события, последовавшие за разоблачением дефицита, сожалеешь, что эта опасная тайна не была сохранена».

Стало быть, не хватало лишь более ловкого Калонна? Вот до какого ребячества может дойти раздосадованный модерантизм; Мунье еще постарается обвинить Мирабо в организации октябрьских событий. Обвинение это, несомненно, ложно и просто дико. Даже Марат в своих разоблачениях, нередко легкомысленных и даже бредовых, не превзойдет в безрассудстве «серьезного и мудрого» Мунье, ослепленного обидой и ненавистью. Мирабо с заслуженным презрением отзовется «о жалком беглеце».

1. Мори (1746—1817) — депутат духовенства от Перонского генерал-губернаторства, эмигрировал в 1791 г., с 1794 г. кардинал, с 1810 г. глава Парижской епархии, смещен после первой Реставрации.
2. «Exposé de la conduite de M. Mounier dans l'Assemblée nationale, et des motifs de son retour en Dauphiné». Paris, 1789.

3. О политическом поражении Мунье см.: J. Egret. La Révolution des notables... p. 481.

4. «Recherches sur les causes qui ont empêché les Français de devenir libres, et sur les moyens qui leur restent pour acquérir la liberté». Genève, 1792, 2 vol.

Малуэ, депутат от Риома — человек совсем другого склада. Умеренный, как и Мунье, он гораздо более бескорыстен и более тверд. Он долго занимал важные административные должности в Тулонском арсенале и на Гвиане; у него был ясный, уравновешенный и прямой ум. Порой в его словах слышался как бы отзвук воспоминаний о величественных картинах моря или гор Оверни:

«Произвол деспота — это угроза для свободы подданных, как плывущая на горизонте туча».

Но он обычно больше отличался в своих действиях постоянством, чем широтой взглядов. Он поносил правых или умеренных, вроде Мунье, которые, охваченные страхом или отвращением, дезертировали. Он хотел бы удерживать их и произвести что-то вроде концентрации умеренных правой и левой; в скором будущем он попытается основать Клуб беспристрастных. Он бы с удовольствием свел Революцию к оздоровлению королевских финансов и к установлению национального контроля над финансами. Но у него не хватало умения обращаться с людьми; как исполнительный администратор он не мог преодолеть своего предубеждения против Мирабо: он не разглядел вовремя, какая громадная органическая сила таилась в этом человеке. Впрочем, чего он мог добиться?

Не было иного средства сделать Революцию более умеренной, кроме как привлечь к ней короля.

Думается, что Малуэ не понял необходимости воздействовать на двор; он, во всяком случае, никогда не воздействовал на него. Итак, его сопротивление движению было одновременно и упорным и тщетным. Но в своей жизни по крайней мере он не руководствовался побуждениями уязвленного тщеславия.

Левая Учредительного собрания в огромном своем большинстве и не помышляла ни о каких насильственных и крайних мерах. Можно даже сказать, что, помимо нескольких весьма общих принципов, ей был чужд дух системы. Депутаты левой читали Жан Жака; они им восхищались и не возражали, когда его превозносили в Собрании.

На первых заседаниях Саль отзывается о Руссо как о величайшем философе века.

Креньер, высказываясь по вопросу о вето, ссылается на «Общественный договор», делая из него чуть ли не анархистские выводы¹. Каждый индивидуум, по его мнению, должен иметь право вето; он может не подчиняться законам, с которыми лично не согласен. Но Учредительное собрание не только не дошло до таких крайних и парадоксальных заключений, оно вообще остерегалось полной демократии, как опасной химеры. Но зато в своем стремлении обеспечить верховную власть нации и преобладание буржуазии левая Собрания была готова на все; и двор, с его преступным и безумным сопротивлением, мог завести ее очень

далеко. В таких людях, как Ле Шапелье, Туре, Рабо де Сент-Этьенн, ненависть к старому порядку, произволу министров, заносчивости аристократов, феодальному угнетению и религиозной нетерпимости была непримирима. Они без колебаний пойдут на экспроприацию церковной собственности и ограничение исполнительной власти короля, чтобы спасти Революцию и обеспечить ее финансовое положение. Склоняясь к умеренной революции, они готовы, если понадобится, пойти на революцию насильственную.

Но они готовы, с другой стороны, и сдерживать движение, если оно в какой-то момент станет угрожать политическому господству и собственности буржуазии. Они недостаточно глубоко прониклись идеями демократии, чтобы широко распахнуть двери Революции для сил нарождающегося пролетариата.

Они воспользуются, при необходимости, его помощью, но ими постоянно будет владеть мысль о том, что его надо сдерживать и даже подавлять.

Между левой и крайней левой стояла небольшая группа Александра Ламета, Барнава и Адриена Дюпора. Их прозвали триумвиратом, и Мирабо, ненавидевший их отчасти из-за их влияния, но главным образом потому, что они подрывали королевскую власть, называл их в своих письмах «триумгезатом» [«триумплутами»].

По правде говоря, у них не было очень четких принципов. Они были не более демократичны, нежели вся левая в целом. Как и она, они хотели сохранить королевскую власть. Как и у нее, у них был чисто буржуазный взгляд на собственность, но они были смелее и скорее отважились бы в своей погоне за популярностью подрывать ту самую королевскую власть, которую хотели, однако, сохранить.

Сколь смутным было тогда сознание рабочего класса, доказывает тот факт, что он долгое время высказывал необычайную симпатию к Барнаву, Ламету и Дюпору, которые, однако, отличались от остальных членов Собрания только своей тактикой.

Братья Ламеты, Александр и Шарль, по рождению принадлежали к придворным кругам.

Их мать получала королевскую пенсию; Ферзен в своих письмах сообщает, что видел ее на больших маневрах, которыми командовал в Бретани маршал де Брольи и куда была допущена только высшая знать. Блестящие, очень храбрые, владеющие изысканной и гибкой речью, оба Ламета искупали свое аристократическое происхождение революционным пылом: пылом искренним, но неглубоким.

Мемуары Ламета и впрямь не блещут богатством мысли и да-

1. Креньер (1744—?) — негоциант, депутат третьего сословия от Вандомского баляжа.

же чувств¹. Можно подумать, что в эти великие годы их души не пережили большого потрясения. У Дюпора был более глубокий ум и его концепция правосудия превосходна: суд присяжных, отмена смертной казни².

Более убежденный демократ, нежели Ламеты и Барнав, он поддерживал требование всеобщего избирательного права; и невольно спрашиваешь себя, как этот авторитетный юрист мог столь тесно связать себя с элегантными, но несколько легкомысленными Ламетами, с красноречивым, но изменчивым Барнавом. Он, безусловно, мечтал о роли, более великой, чем та, какую могла ему дать специальность юриста, и, связав себя со столь блестящими личностями, надеялся обеспечить себе более широкие средства воздействия. Люди, у которых сила выражения не соответствует силе мысли, избирают порой, чтобы проявить себя, рискованных посредников.

Барнав — одна из любопытнейших личностей той эпохи³: ему было всего 27 лет, когда его делегировали в Генеральные штаты, и он был полон мечтаний. Он как бы предвосхищает некоторые черты Стендаля, который тоже был уроженцем Дофине: упорное честолюбие, любовь к чтению и склонность к мечтательности, постоянное стремление утвердиться во враждебном или насмешливом мире, непрестанный анализ своих способностей и возможностей.

Он вел нечто вроде дневника своей жизни и вносил туда самые мелкие наблюдения, относящиеся к его здоровью, настроению духа. Он довольно тонко чувствовал литературу; верно оценивал могучую силу видения Гёте и Руссо; он говорил о Мирабо, что тот «сохранил еще внешние атрибуты страсти», и я думаю, что в его словах проявилась глубокая проницательность: могучий трибун даже тогда, когда кипение страстей и жизни в нем поутихло, умел возрождать их в своих речах; бурлящие потоки юности иссякли, но они еще гремели в последних отголосках красноречия.

Барнав очень рано, как свидетельствуют о том его рукописи, старался сочетать солидное буржуазное образование с аристократическим изяществом. Он являет собой один из первых примеров того честолюбивого поколения, которое втихомолку накапливало внутреннюю силу, чтобы потом внезапно вспыхнуть над миром, и, как ни странно покажется такое сравнение, как бы ни были несоизмеримы масштабы этих двух личностей, этих двух судеб, Барнав читал «Вертера» почти так, как Бонапарт читал Оссиана.

Но Барнава, когда он столкнулся с необъятным бурлящим миром, не поддерживала никакая твердая мысль: г-н Фаге сказал, что его красноречие было «великолепным». Я же тщетно ищу это великолепие: он легко комбинировал и располагал свои идеи; он владел искусством мгновенных и изобретательных импровизаций и этим не раз становился опасным даже для Мирабо, но

у него не было сколько-нибудь хорошо продуманного плана действий и никакого пыла страсти; даже струившийся в душе его источник гордости и мечтаний никогда не находил выхода в речах.

В сущности, его гордость в юношеские годы представляла собой лишь затаенное тщеславие, которое предвкушает заранее ожидаемые победы. Опыненный некоторыми успехами в роли трибуна и лестью друзей, он совершил не один необдуманный поступок. Он позволил Ламетам, имевшим крупные владения на Сан-Доминго, вовлечь себя в опасности колониальной политики. Он очертя голову ринулся в схватки между белыми и цветными и отстаивал для колоний ограничительную политику, мало вязавшуюся с его квазидемократическими повадками, которые он иногда выставлял напоказ. Несколько позднее, когда Барнав привез из Варенна королевскую семью, он не устоял перед романтическим очарованием и тщеславными соблазнами, которые сулила ему эта странная авантюра, от которой Стендаль, наверное, был бы без ума. Он весьма опрометчиво взял на себя роль советника королевы⁴ и завязал с двором тайные переговоры, свидетельства которых были захвачены 10 августа в Тюильри; еще через год он погиб на эшафоте, после мрачного заточения и моральной агонии, когда его сильно изнемогшая душа уже не могла вынести тяжести ударов судьбы.

Какой контраст с Робеспьером? Последний, тоже очень сосредоточенный, тщательно заботящийся о своем достоинстве и о своей внешности, обладал твердостью идей и упорством воли, почти

1. Ламет Александр, барон, де (1760—1829) — представитель от дворянства Перонского губернского правления, он написал «Histoire de l'Assemblée constituante» (Paris, 1828—1829, 2 vol.). Ламет Шарль, граф, де (1757—1832) — представитель от дворянства Аррасского губернского правления; Ламет Теодор, граф, де (1756—1854) — депутат Законодательного собрания, оставил свои мемуары, которые были опубликованы Э. Вельвером только в 1913 г. Жорес, несомненно, намекает на сочинение Александра Ламета «История Учредительного собрания».
2. О Дюпоре (1759—1798), депутате от дворянства города Парижа, см.: G. Michon. Essai sur le parti feuillant. Adrien Duport. Paris, 1924; См. его сочинения: «Opinion sur les jurés en matière civile et criminelle...» Paris, 1790;

«Opinion sur la peine de mort...» Paris s. d. [1791].

3. О Барнаве (1761—1793) см.: Miss E. D. Bradby. The life of Barnave. Oxford, 1915, 2 vol. Адвокат при Гренобльском парламенте, член Штатов Дофине, которые собрались в Визиле в 1788 г.; депутат третьего сословия от Дофине в Генеральных штатах, Барнав был одним из вождей партии патриотов. После бегства в Варенн он пытался укрепить власть короля. Его последующая переписка с королем послужила причиной его ареста во времена террора; он был гильотинирован 28 ноября 1793 г. Его «Œuvres...» были изданы Беранже де Ла Дромом (Paris, 1843, 2 vol.).
4. «Marie-Antoinette et Barnave. Correspondance», publiée par A. Söderhjelm, Paris, 1935.

непобедимыми. Вместе с Бюзо, Приёром, Рёдерером, Дюбуа-Крансе и Салем¹ он образовал крайнюю левую Собрания; но ему в гораздо большей степени, нежели его ближайшим соседям, были свойственны постоянство и последовательность. Малуэ сделал одно весьма проницательное замечание: «В левой Собрания было всего два человека, которые никогда не были демагогами: Мирабо и Робеспьер». Он хотел этим сказать, что они руководствовались своей идеей и развивали свои планы, не склоняясь перед капризами толпы и мимолетными настроениями общественного мнения.

Робеспьер был одержим одной идеей: нация суверенна; но этой одной идее он следовал без колебаний, без ограничений, до самых крайних выводов из нее. Не то чтобы он был убежденным республиканцем, напротив, он был монархистом, но не был расположен ни на йоту жертвовать правами нации ради королевской власти: он терпел короля лишь в той мере, в какой тот считался с верховной властью нации.

Робеспьер никоим образом не был ни социалистом, ни коммунистом; самый смелый шаг, на который он отважился в 1789 г. в социальной области, заключался в том, что он потребовал изъятия у сеньоров узурпированных ими общинных земель и восстановления лугов и лесов, место которых после раздела заняли посевы зерновых.

Но для того чтобы нация была суверенной, необходимо, чтобы все составляющие ее индивидуумы, как бы они ни были бедны, обладали частицей этой суверенности. Отсюда и вытекает демократическая тенденция его политики. Более того, именно бедняки или, во всяком случае, классы скромных тружеников, ремесленники, мелкие собственники не имеют кастовых интересов, которые противоречили бы Революции. У дворян, у богатых буржуа может возникнуть соблазн урезать суверенность нации, чтобы создать гарантии для своих привилегий или своих богатств.

У народа, собственно говоря, нет никаких интересов, которые противоречили бы интересам нации; вот почему, по мысли Робеспьера, суверенитет нации очень скоро превращается в суверенитет народа. Часто говорили, что он употреблял слово «народ» в очень расплывчатом смысле, и это верно. Слово «пролетариат», как мы его понимаем сегодня, имеет самый точный смысл: оно обозначает совокупность людей, которые живут своим трудом и которые могут работать, только используя капитал, принадлежащий другим. На политическом языке и в экономических условиях французского общества 1789 г. слово «народ» еще не могло иметь такого точного значения: его временами применяли к самым разным категориям населения; но была одна неизменная черта: народ для Робеспьера представлял собой при каждом кризисе Революции совокупность граждан, у которых не было интереса ограничивать суверенитет нации и препятствовать его полному осуществлению.

Тем самым сквозь его чисто демократическую политику начинает проглядывать политика классовая, еще очень неопределенная, как и сами очертания классов в ту эпоху.

Робеспьер много читал Жан Жака и проникся его идеями, но было бы несправедливо утверждать, что он рабски ему следовал. Руссо представлял себе демократию как идеал, неосуществимый в больших государствах. Робеспьер отвергал такого рода социальный пессимизм. Он считал, что такая великая нация, как Франция, может стать демократией, но при одном условии, что она осуществит более сильную концентрацию власти, чем в мелких республиках. Он не был, следовательно, ни утопистом, ни фразером, он был непреклонным теоретиком национального суверенитета и демократии.

С самых первых дней, когда его напряженная мысль и резкие слова еще не встречали ни достаточного доверия, ни даже внимания, он занял в Собрании очень четкую позицию, отказав королю в праве на приостанавливающее вето, возражая против разделения граждан на активных и пассивных, без конца предупреждая нацию, чтобы она опасалась заговоров аристократии и не обескураживала пришедшие в движение народные силы суровым модерантизмом.

Вначале он был очень одинок; но, несмотря на это, у него были две сильные точки опоры. С одной стороны, интриги и заговоры двора заставили Собрание прибегнуть к помощи народа. Именно народ 14 июля помешал попытке государственного переворота, и опять-таки народ 5 октября заставил короля санкционировать Декларацию прав человека.

Кроме того, большинство членов Учредительного собрания также читали Жан Жака. Идея «Общественного договора», идея суверенитета нации, демократии владела и ими, но они не осмеливались целиком претворить эту идею в закон: с одной стороны, они оберегали королевскую традицию, с другой — вновь приобретенные привилегии буржуазии. Но им пришлось провозгласить Декларацию прав человека, а этот революционный идеализм обладал неопровержимой логикой. С каждым новым конфликтом между Революцией и ее врагами бережное отношение членов Учредительного собрания к прошлому или же попустительское с их стороны эгоизму буржуа становилось все более противоречивым и все более неосуществимым; Робеспьер занял позицию впереди Революции, но на том пути, по которому Революция дол-

1. Бюзо (1760—1794) — адвокат, депутат третьего сословия от баляжа Эврё. Приёр (1756—1827) — адвокат, депутат третьего сословия от баляжа Шалон на Марне. Рёдерер (1754—1835) — судья в

парламенте, депутат третьего сословия от города Мец. Дюбуа-Крансе (1747—1814) — депутат третьего сословия от баляжа Витри-ле-Франсуа.

жна была пойти, он был на пути, который идеалы XVIII в. начертали для умов.

Но в конце 1789 г. и в начале 1790 г. Собрание, с его довольно пестрым составом, было неспособно к радикальным решениям. Якобинский клуб, обосновавшийся на улице Сент-Оноре, рядом с залом Манежа, где заседало Собрание, тоже состоял из очень разнородных, хотя и исключительно буржуазных элементов: он не мог дать Собранию мощного и ясного импульса.

Итак, можно было заранее с уверенностью утверждать, что Собрание приступит к разработке органических законов в умеренно революционном духе, прибегая к предосторожностям и всякого рода компромиссам, и только необходимость, главным образом финансовый дефицит и продовольственные затруднения, толкнув его на смелые и решительные меры.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДНИ

Библиографическая справка

Об истории Генеральных штатов и Учредительного национального собрания см.: Albert Mathiez. *La Révolution française*, t. I: «La chute de la royauté». Paris, 1922; Georges Lefebvre. *Quatre-vingt-neuf*. Paris, 1939; F. Braesch. *L'Année cruciale*. Paris, 1941; J. Flammermont. *Le second ministère Necker — «Revue historique»*, t. XCVI, 1891, p. 1—67 (заканчивается кануном заседания 23 июня); J. Egret. *La Révolution des notables*. Mounier et les Monarchiens 1789. Paris, 1950

Генеральные штаты. См.: «Recueil de documents relatifs aux séances des Etats généraux. Mai—Juin 1789» (под редакцией Жоржа Лефевра и Анны Терруан). Т. premier, I: «Les Préliminaires. La séance du 5 mai». Paris, 1953.

Клятва в Зале для игры в мяч. См.: A. Aulard. *Le serment du Jeu de Paume*. — «Études et leçons

sur la Révolution française», 1re série, Paris, 1893; A. Brette. *Le Serment du Jeu de Paume Facsimilé du texte et des signatures* Paris, 1893 (с исчерпывающим введением).

Королевское заседание 23 июня 1789 г. См.: «Recueil de documents relatifs aux séances des Etats généraux. Mai—juin 1789» (под редакцией Жоржа Лефевра). Т. premier, II: «La séance du 23 juin». Paris, 1962 (с исчерпывающим введением).

Призыв к солдатам. См.: P. Caron. *La tentative de contre-révolution, juin—juillet 1789 — «Revue d'histoire moderne»*, 1906, p. 5, 649, 14 июля. См. ниже библиографическую справку и дополнительные замечания, с. 459.

Великий страх. Общии обзор см.: G. Lefebvre. *La Grande Peur de 1789*, Paris, 1932; 2e éd., 1956, с библиографической справкой.

О собственно аграрных волнениях см.: F. Mourlot. *La Fin de l'Ancien Régime dans la généralité de Caen*. Paris, 1913; G. Le-

febvre. Les Paysans du Nord., p. 358. См. также: Ph. Sagnac et P. Caron. Les Comités des droits féodaux et de législation et l'abolition du régime seigneurial. 1789—1793. Paris, 1907; P. De Vaissières. Lettres d'aristocrates. Paris, 1907; F. Evrard. Les paysans du Mâconnais et les brigandages de juillet 1789.—«Annales de Bourgogne», 1947, p. 7, 97.

По вопросу о Великом страхе, к библиографическим указаниям, сделанным Жоржем Лефевром в упомянутом выше произведении, следует добавить, в частности: H. Diné. La Grande Peur dans la généralité de Poitiers. Paris, 1951, и документы, опубликованные в «Annales historiques de la Révolution française», 1957, p. 121; 1958, p. 72; 1959, p. 162; 1960, p. 198, 309.

Ночь 4 августа. По этому вопросу не существует исчерпывающего исследования. Следует обращаться к общим историям Французской революции или же к трудам, посвященным 1789 г., указанным на с. 457. Об «отмене» феодального порядка см. ниже, с. 464.

Декларация прав. Прежде всего следует обратиться к трудам общего характера: Ph. Sagnac. La Législation civile de la Révolution. Paris, 1898; A. Aulard. Histoire politique de la Révolution. Paris, 1901; J. Godechot. Les Institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. Paris, 1951. Более конкретный материал см.: L. Walch. La Déclaration des Droits de l'homme et du citoyen et l'Assemblée constituante. Travaux préparatoires. Paris, 1903.

Относительно влияния англо-саксонских Деклараций, в частности, Декларации, принятой в 1776 г.

представителями Виргинии, то есть проблемы, которой Жорес не касается вовсе, отсылаем к полемике, имевшей место в начале XX в. См.: G. Jellinek. Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte. Leipzig, 1896; автор этой работы приходит к заключению, что Декларация 1789 г. не содержит ничего оригинального, что она просто присвоила христианскую идею, выраженную немецким протестантизмом. Е. Бутми возразил ему (E. Boutmy. La Déclaration des Droits de l'homme et du citoyen et M. Jellinek. — «Annales des sciences politiques», t. XVII, 1902, p. 415); Елинек ответил в свою очередь («Revue du droit public», t. XVIII, 1902, p. 385). Шинар недавно разрешил этот спор, основываясь на точном сличении текстов. Члены Учредительного собрания, а вслед за ними и Бутми, располагали только виргинским проектом от 1 июня 1776 г., состоящим из 16 статей, в то время как Елинек ссылаясь на текст, принятый 12 июня и состоявший из 18 статей («Yearbook of the American philosophical society», 1948, p. 88; см.: «Annales historiques de la Révolution française», 1950, p. 288; его же: «Notes on the American origins of the Déclaration des Droits de l'homme et du citoyen». — «Proceedings of the American philosophical society», 1954, p. 383). Как заметил Жорж Лефевр («La Révolution française», p. 164), сопоставление текстов, несмотря на то, что оно представляет определенный интерес, не может разрешить проблемы происхождения. Философское движение было интернациональным, во Франции оно приобрело свои особые черты. Если оставить в стороне философское значение Деклараций, то нельзя отрицать,

что интересы и образ мыслей буржуазии оказали свое влияние на формулирование прав. Совершенно очевидно, что и без англо-саксонских образцов французская буржуазия способна была составить свою Декларацию. См. также: J. E. G. ret. La Révolution des notables. Mounier et les monarchiens, 1789.

Сентябрьский кризис. См.: J. E. G. ret. La Révolution des notables. Mounier et les monarchiens, 1789.

14 ИЮЛЯ

Библиографическая справка

На тему о 14 июля основным документированным трудом остается книга: J. Flammernont. La Journée du 14 juillet 1789. Paris, 1892; см. также: P. Chauvet. 1789. L'Insurrection parisienne et la prise de la Bastille. Paris, 1946; более поздним синтезом является труд J. Godechot. 14 juillet 1789. La prise de la Bastille. Paris, 1965, серия «Trente journées qui ont fait la France». См., кроме того: R. Farge. Un épisode de la journée du 12 juillet 1789. Camille Desmoulins au jardin du Palais-Royal. — «Annales révolutionnaires», 1914, p. 646, отдельный оттиск в 1916 г.; A. Mathiez. Les capitalistes et la prise de la Bastille. — «Annales historiques de la Révolution française», 1926, p. 578; J. Durieux. Les Vainqueurs de la Bastille. Paris, 1911; G. Rudé. La composition sociale des insurrections parisiennes de 1789 à 1791. — «Annales historiques de la Révolution française», 1952, p. 256; его же: «The Crowd in the French Revolution». Oxford, 1959; А. Д. Люблинская. Бастилия и ее архив. — «Фран-

В этом труде в основном освещается провал революции notableй.

Октябрьские события. См. в основном (хотя это и не исчерпывающий обзор): Albert Mathiez. Étude critique sur les journées des 5 et 6 octobre. — «Revue historique», t. LXVII, 1898, p. 241; t. LXVIII, 1898, p. 258; t. LXIX, 1899, p. 41.

цузский ежегодник. 1958», М., 1959, стр. 104.

Труды Жоржа Лефевра и Эрнеста Лабруса внесли, в частности, важный вклад в изучение народной революции в июле 1789 г. Страницы, которые Жорес посвятил 14 июля, могут быть дополнены, с одной стороны, справкой об экономическом кризисе, с другой — сведениями о революционном мышлении.

1. *Экономический кризис.* За расцветом производства, длившимся до 1778 г. (великолепие Людовика XV), последовал период упадка Людовика XVI: трудности, порожденные, как обычно в традиционной экономике, превратностями сельского хозяйства. Сокращение доходов от виноградарства, падение цен на зерно и, наконец, в 1785 г. кризис в скотоводстве вследствие засухи — все это снизило покупательную способность сельского населения. А оно-то и составляло основные массы потребителей; промышленному производству, в свою очередь, был нанесен урон; торговый договор между Англией и Францией, заключенный в 1786 г., еще больше осложнил положение, усилив конкуренцию; безработица приняла широкий характер в горо-

дах и тех сельских местностях, где была развита сельскохозяйственная промышленность.

Итак, народные массы встретили 1788 г. в тяжелых условиях. Недород в 1788 г. был катастрофическим, цена на хлеб поднялась: в начале июля 1789 г. она составляла 4 су за фунт в Париже, где правительство поддерживало эту цену путем субсидий, зато в ряде областей она достигла 8 су; наемные труженики считали, что фунт хлеба должен был стоить не дороже 2 су, поскольку хлеб был самой насущной их пищей, а заработок их колебался от 20 до 40 су. Жизнь народных масс все более ухудшалась, вскоре их настиг голод. Жорес настаивал на процветании королевства, чтобы объяснить растущую силу буржуазии. Но это процветание не шло на пользу в равной мере всем социальным категориям: вздорожание увеличивало доходы крупных собственников и буржуазии, но не влекло за собой пропорционального повышения заработной платы.

Народные массы деревни и города возлагали на правительство и господствующие классы ответственность за свои несчастья, тяжесть платежей, чрезмерные налоги на потребление и ввозные пошлины, отчисление от урожая в пользу собирателей десятины и сеньоров, которых они обвиняли в скупке и в игре на повышение. Так постепенно утверждался революционный образ мыслей. По мере приближения 1789 г. бунты все более учащались: беспорядки на рынках, нападения на подводы с зерном. Эти волнения были особенно грозными в деревне, доведенной до отчаяния двойной эксплуатацией — феодальной и фискальной. К концу марта 1789 г.

аграрное восстание стало назревать в Провансе, в апреле — в районе Гап, в мае — в Пикардии и Камбрези. Одновременно нищенство, бич местного населения, все больше распространялось, делая деревню беззащитной, увеличивая страх перед «разбойниками». В Париже 28 апреля 1789 г. Сент-Антуанское предместье восстало и разгромило мануфактуру Ревельона и Анрио. В этой обстановке всеобщего голода и неуверенности и были подготовлены, а затем созданы Генеральные штаты.

Библиографические указания. — См. в основном уже упомянутые труды К. Э. Лабруса (с. 193). Следует познакомиться также с: L. Cahen. Une nouvelle interprétation du traité franco-anglais de 1786—1787. — «Revue historique», t. CLXXXV, 1939, p. 257. Для знакомства с положением в отдельных районах см.: P. Dardel. Crises et faillites à Rouen et dans la Haute-Normandie, de 1740 à l'an V. — «Revue d'histoire économique et sociale», 1948, p. 53; M. Lacoste. La Crise agricole dans le département de la Meurthe à la fin de L'Ancien Régime et au début de la Révolution. Paris, 1951 (диссертация, напечатанная на машинке); P. De Saint-Jacob. Les Paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de L'Ancien Régime. 1960, p. 435, 492.

2. *Революционное мышление.* В атмосфере трудностей, обрушившихся на народные массы, созыв Генеральных штатов вызвал большое волнение; как подчеркивал Жорж Лефевр, это событие было воспринято как «добрая весть», провозвестница лучших времен. То была «великая надежда», которую разделяло все третье сословие, включая буржуазию. «Но у людей из на-

рода [эта надежда] придавала Революции характер, можно сказать, мифический, причем миф этот воспринимался как комплекс идей о будущем, бывших источником инициативы и энергии. В этом смысле вначале ее можно было сравнивать с некоторыми религиозными движениями в пору их зарождения, в которых бедняки охотно видели возвращение рая на земле» (G. Lefebvre. La Révolution française. 3-e éd., 1963, p. 138). Народ ожидал от своего доброго короля облегчения своих тягот; тотчас же после выборов, опережая предполагаемые намерения короля, многие крестьяне решили не платить более ни десятины, ни феодальных платежей и повинностей. Революционное мышление постепенно укреплялось.

Оппозиция аристократии против увеличения вдвое числа представителей от третьего сословия, а затем против поголовного голосования, ее длительное сопротивление внутри Генеральных штатов убедили третье сословие в том, что дворяне будут с ожесточением защищать свои привилегии. Они возмущались за оружие, призовут войска... страх перед дворянами удваивал страх перед «разбойниками»... Или, иначе говоря, оба эти страха слились воедино, объединяя последствия экономического кризиса с последствиями созыва Генеральных штатов. Так родился «заговор аристократов», в который поверило все третье сословие; неспособное анализировать экономическую конъюнктуру, оно возлагало ответственность за кризис на королевскую власть (но не на короля) и на аристократию. И это было не лишено правдоподобия: свобода торговли хлебом, введенная Бриенном, благоприятствовала спе-

куляции, как содействовали ей и феодальные поборы с урожая, а также манипуляции с продовольственными запасами. С другой стороны, двор и аристократия твердо решили не терпеть дольше неподчинения третьего сословия, призы к солдатам доказал это очень скоро: заговор аристократов стал реальностью.

Страх перед «разбойниками», страх перед заговором аристократов не только порождал повсеместно панику, но и толкал кое-кого на сопротивление. Революционный образ мыслей противопоставил страху защитную реакцию. Наиболее сознательные элементы третьего сословия организовались: так, в Париже *выборщики* Генеральных штатов в июле образовали тайный муниципалитет, дублировавший тот, который заседал в ратуше. Вскоре они создали буржуазную милицию, ставившую перед собой двойную цель: оказывать в случае надобности сопротивление королевским войскам, но и держать народ в узде. Таким образом, всеобщее вооружение последовало за страхом: оно, в свою очередь, породило карающую волю: надо лишить могущества врагов народа, надо их покарать. Отсюда и незаконные аресты и массовые избиения.

Страх, защитная реакция, карающая воля составили, по словам Жоржа Лефевра, три основных аспекта революционного мышления, которое утвердилось в июле 1789 г. и которое до самого 1793 г. являлось одной из движущих сил развития истории.

Библиографические указания. — См. в основном труды Жоржа Лефевра: «La Grande Peur de 1789», Paris, 1932; «Foules révolutionnaires», напечатано в «La Foule», пуб-

ликации Международного центра синтеза (1934), перепечатано затем в «Études sur la Révolution française», 2 éd., 1963, p. 371. См., кроме того: J. Belin. La Logique d'une idée-force. L'idée d'utilité sociale pendant la Révolution française. 1789—1792. Paris, 1939; F. Brunot. Le mysticisme dans le langage de la Révolution.—«Les Cahiers rationalistes», 1935, № 38; G. Rudé. The motive of popular insurrection in Paris during the French Revolution.—«The Bulletin of the Institute of historical research», vol. XXVI, 1953, p. 53.

3. *Муниципальная революция.* Жорес совершенно не касается этого важного аспекта истории июля 1789 г. Всеобъемлющей работы по данной проблеме, разумеется, не было; однако локальные исследования могли дать Жоресу в ту пору, когда он писал свою книгу, много примеров.

Провинции, поддерживая переписку со своими депутатами, с такой же тревогой следили за борьбой третьего сословия с привилегированными, как и столица. Отставка Неккера вызвала там такое же волнение, как и в Париже. Весть о взятии Бастилии достигла провинций, в зависимости от дальности расстояния, между 16 и 19 июля; она ускорила развитие движения, которое уже зарождалось в некоторых городах с первых дней месяца. *Муниципальная революция* фактически распространилась в течение месяца, с начала июля, например в Руане, в результате продовольственных волнений, и до августа, как, например, в Оше или Бурже. В Дижоне она вспыхнула при известии об отставке Неккера, в Монтбане — когда узнали о взятии Бастилии.

Муниципальная революция была более или менее полной в разных городах, и формы ее весьма разнообразны. В некоторых городах она была полной: в Страсбурге старый муниципалитет был смещен силой; в Дижоне, Памье старые муниципалитеты были сохранены, но в составе комитета, где они оказались в меньшинстве. В Бордо власть муниципалитета была сведена «до уровня полиции», а комитет взял на себя ответственность за все важные вопросы. В других городах муниципальная революция была частичной: прежние власти существовали наряду с революционными, так было в некоторых городах Нормандии, где преобладала забота о будущем. В этой двойственности порою находило отражение столкновение различных элементов, поскольку ни одна из групп не в силах была одержать решительную победу: социальные противоречия в Меде, в Нанси; в Монтбане и Ниме социальные противоречия дополнялись религиозными между католиками и протестантами; в Лиможе столкнулись интересы отдельных личностей. В иных городах муниципальная революция была неполной: так было в Лионе, в Труа, где за победой патриотов в июле последовало контраступление поборников старого порядка. И наконец, в отдельных городах и вовсе не произошло муниципальной революции, то ли потому, что старые муниципалитеты пользовались доверием патриотов, как в Тулузе, то ли находили поддержку армии и судов, как в Эксе. Это различие форм зависело от различия в структуре муниципалитетов, а также от существовавших там социальных противоречий. Во

Фландрии движение это не получило широкого распространения, там произошел раскол внутри третьего сословия: требования буржуазии носили политический характер, а требования народных масс — социальный, причем те и другие не совпали по времени. В целом муниципальная революция слабо проявилась на севере и на юге, то есть в районах, где в городах преобладало буржуазное влияние или же у власти стояли консулаты, имевшие прочные коммунальные традиции.

В таких же разнообразных формах происходило создание национальной буржуазной гвардии, существовавшее муниципальной революции. Чаще всего новые муниципальные комитеты старались, подражая муниципалитету Парижа, организовать буржуазную гвардию для поддержания порядка. Иногда старый муниципалитет создавал национальную гвардию, которая, оказавшись более патриотичной, настаивала на организации комитета: так было в Анжере. В Тулузе национальная гвардия была создана, хотя там муниципальная революция вовсе не имела места; в Альби гвардия была лишь новой формой милиции, существовавшей еще при старом порядке.

Каковы бы ни были формы этой муниципальной революции, результаты ее повсюду оказались идентичными: королевская власть испарилась, централизация исчезла, почти все интенданты покинули свои посты, взимание налогов приостановилось. По словам одного из современников, «нет больше ни короля, ни парламента, ни армии, ни полиции». Новые муниципалитеты унаследовали власть прежних. Местная автономия, долго терпевшая

притеснения от абсолютизма, обрела свободу действий, муниципальная жизнь забила ключом. Франция была муниципализирована.

Следует подчеркнуть социальный характер муниципальной революции во многих областях страны. Причиной ее были недостаток или дороговизна продуктов. Городское население ожидало отмены косвенных налогов и строгой регламентации торговли хлебом. В Ренне новый муниципалитет сразу занялся розыском тайных запасов зерна. В Кане, чтобы успокоить ярость народа, муниципальные служащие приказали понизить цену на хлеб, но приняли меры предосторожности, создав буржуазную гвардию. В Понтуазе хлебный бунт был приостановлен полком, прибывшим из Парижа; в Пуасси взбунтовавшийся народ схватил одного фермера, заподозренного в скупке, и спасла его только депутация от Национального собрания; в Сен-Жермен-ан-Ле был убит мельник. Во Фландрии были разгромлены таможенные конторы. В Вердене 26 июля народ поджег налоговые заставы и угрожал тем же некоторым домам, в которых, как подозревали, спрятаны запасы зерна; губернатор призвал буржуазию создать городскую милицию для поддержания порядка, но пришлось пойти на снижение цены на хлеб. Маршал де Брольи, следовавший в эмиграцию, попал сюда в самый разгар беспорядков; с большим трудом, лишь с помощью войск гарнизона, он избежал народного гнева.

Страх перед заговором аристократов, действительно, сгустил атмосферу в провинциях. Любое движение казалось подозрительным, был установлен надзор за любым транс-

портом, экипажи обыскивались. На границах ходили слухи о вторжении. Тревожное ожидание нависло над всей страной. Вскоре родился Великий страх.

Библиографические указания. — По вопросу о муниципальной революции не существует всеобъемлющего труда. См. в основном: D. Ligoü. A propos de la révolution municipale. — «Revue d'histoire

économique et sociale», 1960. Необходимо познакомиться с историей региональных и местных движений. См., например: F. Mourlot. La Fin de l'Ancien Régime dans la généralité de Caen. 1913; L. Dubreuil. Le comité permanent d'Évreux. — «Annales révolutionnaires», 1920, p. 372; H. Millot. Le Comité permanent de Dijon. Dijon, 1925.

НОЧЬ 4 АВГУСТА И «ОТМЕНА» ФЕОДАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Феодальный порядок отнюдь не был полностью уничтожен в ночь 4 августа. Правда, земля, как и люди, была освобождена от всякой зависимости и свобода собственности была провозглашена (см. далее, с. 513). Но декреты от 5—11 августа 1789 г., оформившие принятые ночью 4 августа принципиальные решения, если и отменили десятину, если и уничтожили дворянские привилегии и иерархию фьефов с их особой юрисдикцией и, в частности, право первородства, все же провели различие между правами, «связанными с личным и реальным мэнмортом, с личной зависимостью», которые были отменены без возмещения, и «всеми прочими», которые были объявлены подлежащими выкупу. Это различие было подтверждено Мерленом из Дуэ в законе об осуществлении выкупа феодальных прав, изданном 15 марта 1790 г.

Droits de féodalité dominante — это те, которые можно было рассматривать, как узурпированные в ущерб государственной власти, или же уступленные ею, или захваченные силой. Все эти права отменялись без возмещения: почетные права, право суда,

права мэнморта и серваж, пошлыны, лично-наследственные барщины, баналитеты, дорожные сборы, «право рынка», право охоты и рыбной ловли, содержание голубятен и кроличьих садков. Кроме того, были отменены *триажи*, проведенные в течение последних 30 лет на общинных землях в пользу сеньоров.

Droits de féodalité contractante — это те, которые можно было рассматривать как проистекающие из заключенных в прошлом договоров между сеньором-собственником и крестьянами-держателями и потому представляющие собой эквивалент первоначальной уступки земли. Эти права были объявлены подлежащими выкупу: ежегодные платежи, ценз, шампары и ренты, пошлина, взимаемая при переходе земли в другие руки, на наследство. Сумма выкупа была установлена 3 мая 1790 г. в размере, в 20 раз превышающем годовой доход для денежных повинностей, в 25 раз для натуральных повинностей и пропорционально их значительности для казуальных прав. Выкуп был строго индивидуальным. Предварительно крестьянин еще должен был погасить все недоимки за последние 30 лет.

Сеньор не был обязан представлять документы («титутлы»), подтверждающие его права, если он мог доказать самый факт владения в течение 30 лет. Очень скоро выяснилось, что мелкие крестьяне не в силах освободиться при столь кабальных условиях выкупа, тем более, что никакая система кредита не была предусмотрена, дабы облегчить эту операцию. Освободить свои земли могли только крестьяне зажиточные или же собственники, которые не обрабатывали сами свою землю. Причем эти последние, безусловно, должны были попытаться свалить бремя выкупа на своих арендаторов и пользователей. Декрет от 11 марта 1791 г. повернул отмену десятины к выгоде собственника: фермер обязан был выплатить возмещение деньгами, а пользователь — соответствующую часть из своего урожая. Понятно, что такая концепция отмены феодальных прав была выгодна только буржуазии и крестьянам-собственникам, но не могла удовлетворить основную массу крестьян. Недовольство перерастало в брожение, нередко в жакерии. Окончательное уничтожение феодального порядка было осуществлено монтаньярским Конвентом, законом от 17 июля 1793 г.

Библиографические указания. — См.: Ph. Sagnac. La Législation civile de la Révolution. Paris, 1898; Ph. Sagnac et P. Caron. Les Comités des droits féodaux et de législation et l'abolition du régime seigneurial, 1789—1793. Paris, 1907; documents; A. Aulard. La Révolution et la féodalité. Paris, 1919; M. Garaud. Histoire générale du droit privé français (de 1789 à 1804), т. II: «La Révolution et la propriété foncière». Paris, 1959. Для знакомства с положением на местах см.: A. Ferradou. Le Rachat des droits féodaux dans la Gironde, 1790—1793. Paris, 1928; J. Millot. L'Abolition des droits seigneuriaux dans le département du Doubs et la région comtoise. Besançon, 1941. Относительно уничтожения десятины см.: M. Marion. La Dîme ecclésiastique en France au XVIIIe siècle et sa suppression. Paris, 1912. О ее пережитках см.: P. Massé. Survivances de la dîme dans la région de Bonneuil—Matours aux XVIIIe et XIXe siècles (1790—1834). — «Annales historiques de la Révolution française», 1958, p. 1—30; его же: «Survivances des droits féodaux dans l'Ouest (1793 — 1802)». — Ibid., 1965, p. 270—298.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ЗАКОНЫ

Мы уже знаем, что при организации власти Учредительное собрание стремилось достигнуть равновесия и примирения. Оно провозгласило, что закон может быть лишь выражением воли нации, представленной единой палатой, но сохранило исторически сложившуюся королевскую власть. Оно предоставило королю право вето в течение срока деятельности двух Законодательных собраний; оно передало ему неограниченное право назначения министров и устачовило для него цивильный лист в 25 млн.—мощное средство подкупа и тайного влияния.

Когда в мае 1790 г. начались горячие дебаты о праве объявления войны, они, по существу, шли впустую. Отстаивая прерогативу короля, Мирабо не посчитался с негодованием восставшего на миг народа, а Барнав, хотевший закрепить инициативу объявления войны за Законодательным собранием, снискал продолжительные рукоплескания. Но это был чисто словесный спор. С тех пор как существовали две власти, и та и другая обладали грозной возможностью вызвать войну. Какой-нибудь тайный маневр короля мог привести иностранных солдат на землю Франции, каково бы ни было мнение Собрания; а вызывающее поведение Собрания по отношению к королям Европы могло поднять против революционной Франции всех тиранов мира, какова бы ни была воля ее монарха. Но когда Мирабо, нападая на Барнава, сказал ему: «Всякий закон становится законом только тогда, когда его санкционировал король; а вы хотите, чтобы самый решающий акт в жизни нации — объявление войны — мог обойтись без санкции короля?» — Барнав ничего не смог ему возразить, и Мирабо добился от Революции первых уступок монархии.

Собрание полагало, что оно вышло из положения, решив, что война будет объявляться Собранием, но при санкции короля. Для людей, собравшихся в Тюильри, это было явно иллюзорной победой. Ибо, если бы король тайно обратился к иностранным державам за помощью, то разве Собрание не было бы вынуждено объявить войну вторгнувшемуся захватчику? И к чему бы свелась мнимая инициатива нации? И наоборот, если бы королям Европы объявило войну Собрание, разве мог бы король, отказав в санкции, подставить невооруженную Францию под удар врага? Но все это было чистой теорией, абстрактной комбинацией полномочий. Насколько искусственными были все эти построения, доказывает то, что в мае месяце, во время дискуссии, Бриссо в своей газете «Патриот франсэ» утверждал: «Только Собрание должно иметь право объявлять войну, так как тогда у нас будут гарантии мира, ибо нация гораздо менее, чем государи, склонна воевать». И это утверждал тот самый Бриссо, который два года спустя будет побуждать революционную Францию взять на себя инициативу войны против всех государей Европы. Когда дело касается столь важного, столь решающего факта, как война, конституционные установления не выдерживают напора событий и силы страстей.

В действительности для Революции существовала только одна гарантия мира: полное и искреннее согласие между Революцией и королем. В случае несогласия или просто взаимного недоверия мир будет нарушен обеими сторонами. Ему будут угрожать интриги короля, ищущего за границей точку опоры против Революции, к которой он питает отвращение и страх. Ему будет угрожать также и нетерпение нации, стремящейся посредством войны разорвать сеть предательства, которой ее опутывают, и, бросив в этот водоворот короля, либо, наконец, связать его с Революцией, либо свергнуть его с помощью великого кризиса.

Двусмысленное решение, принятое Собранием, было лишь новым свидетельством его бессилия сразу установить логичный и простой порядок. Оно безмолвно сочетало, пожалуй, противоречивые элементы; и, несомненно, оно само ожидало, чтобы вечно живая и суверенная действительность произнесла его опытам свой приговор. Впрочем, как еще могло оно поступить в тот момент?

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

При организации законодательной власти Учредительное собрание тоже приняло систему, промежуточную между буржуазной олигархией и чистой демократией. В октябре и декабре 1789 г. оно определило условия, дающие право избирать и быть избранным. Именно здесь и возникает пресловутое различие между *пассивными* гражданами, которые имеют право на покровительство общего закона, но не допускаются к созданию закона, и *активными* гражданами, которые одни допускаются к избранию законодателей. Тот, кто не имел никакого имущества или чье имущество не достигало определенного минимума, считался неспособным участвовать в законодательной деятельности, потому ли, что его нищета давала основания предполагать невежество, потому ли, что считали, что он может легко попасть в зависимость или быть подкуплен, потому ли, что боялись влияния неимущих на управление страной. Существовало три категории активных граждан: 1) чтобы быть избирателем первого разряда, то есть чтобы обладать правом голоса в первичных собраниях, необходимо было достигнуть двадцатипятилетнего возраста, жить в течение года на одном месте, не быть слугой на жалованье и платить налог в размере трехдневного заработка; 2) чтобы быть выбранным в избирательное собрание, то есть в собрание, избираемое первичным собранием и выбирающее депутатов, надо было платить налог в размере не менее десятидневной заработной платы, принятой в данной местности; 3) наконец, чтобы быть выбранным в Национальное собрание, необходимо было платить «прямой налог в размере одной марки серебра (около 50 ливров) и, кроме того, владеть какой-нибудь земельной собственностью».

Повторяю, эта система так же далека от узкой цензовой системы Луи Филиппа, при которой правом голоса пользовалось только 200 тыс. человек, как и от всеобщего избирательного права. Когда приступили к выборам в Законодательное собрание, то, согласно принятому Учредительным собранием закону, право участвовать в первичных собраниях получили 4 298 360 граждан. По-видимому, это составляло немного более половины граждан, достигших 25 лет. Я сравнивал для нескольких департаментов и округов, в частности для округов департамента Эро, число избирателей, которое при том же населении дало бы всеобщее избирательное право, и установил, что более трети граждан было лишено права голоса.

Вопрос о всеобщем избирательном праве, можно сказать, ни на минуту серьезно не ставился перед Учредительным собранием. Прежде всего вопрос о праве избирать и вопрос о праве быть избранным не обсуждались отдельно, и законодателей, очевидно, некоторое время занимал только вопрос о праве быть избранным. По-видимому, члены Учредительного собрания даже, так сказать, не подозревали о проблеме всеобщего избирательного права, и система, лишавшая избирательного права почти половину населения Франции, казалась им гарантией точного и полного выражения воли нации. Многочисленный бедный люд был так далеко, где-то внизу, даже для революционных буржуа, что операция лишения его гражданских прав прошла почти незамеченной.

Я уже приводил слова Лалли-Толандаля; Мунье, выступивший 4 сентября 1789 г. от имени Конституционного комитета, выразился следующим образом: «При определении достоинств, коими должны обладать граждане, дабы иметь право избирать и быть избранными в палату представителей, комитет был вынужден сделать выбор между двумя неудобствами, которые по видимости нарушают индивидуальную свободу. *Совершенно очевидно*, что всех без разбора граждан нельзя включить в число избирателей и в число избираемых; это означало бы рисковать доверить судьбу государства неопытным людям, которые его быстро приведут к гибели. Поэтому надо было либо ограничить число избирателей и предоставить им право выбирать кого угодно, либо предоставить избирательное право всем гражданам и установить для них порядок, дабы руководить ими при выборе своих представителей. Первое решение противоречило бы принципам значительно больше. Все граждане имеют право влиять на управление страной, по крайней мере посредством голосования, представительство должно их приблизить к нему. Если вы требуете от избирателей достоинств, которые ограничивают их число, то вы сделаете всех исключенных из числа избирателей чуждыми своему отечеству и равнодушными к его свободе. Эти соображения и побудили комитет предложить включить в число избирателей

всех тех, кто уплатит прямой налог в размере трехдневной заработной платы. Полагая, что избиратели выбирают не только в своих интересах, но и в интересах всей страны, комитет признал целесообразным объявить обладающими правом быть избранными только тех, кто владеет земельной собственностью. Это — дань уважения к собственности, которая дополняет достоинство гражданина. Это — еще одно средство внушить любовь к деревне; это — основание предполагать, что представитель не терпит нужды. Это очень слабо стеснит свободу выбора, так как каждый человек, которого по его знаниям и добродетелям сочтут достойным доверия какого-либо округа, легко сможет приобрести какую-нибудь земельную собственность, поскольку ее стоимость не определена.

Итак, Мунье создает гарантии, требуя, чтобы избираемый владел земельной собственностью, и заявляет, что при соблюдении этой предосторожности можно предоставить право голоса всем гражданам. По-видимому, он полагает, что этот проект включает всех граждан в число избирателей. Он даже заявляет, что противоречило бы принципам и было бы опасно лишать граждан избирательного права, то есть отечества. Мунье говорит так, словно проект, по которому он является докладчиком, устанавливает всеобщее избирательное право. С некоторым недоумением задаешь себе вопрос, как мог он таким образом охарактеризовать избирательный закон, лишивший около половины граждан Франции права голоса. Его речь не только не была прервана протестами, ропотом, напротив, многочисленные ораторы, выступавшие после него по его докладу, не сделали ни малейшего намека по поводу права быть избирателем и избранным. Все говорили о *вето*, о санкциях, никто не возражал против той части проекта, которая отказывала в гражданских правах более чем 3 млн. бедных французов.

В заседании 7 сентября Сиейес произнес проникновенную речь¹. Он указал, насколько современный индустриализм поглощает все силы человека и изматывает его, как мало досуга оставляет он гражданам для просвещения, и в заключение сказал, что этим измученным людям все же нельзя отказывать в избирательном праве. «Современные европейские народы, — сказал он, — весьма мало походят на древние народы. Среди нас речь идет только о торговле, земледелии, фабриках и т. п. Стремление к богатству как бы превращает все государства Европы в одну огромную мастерскую; в них гораздо больше думают о производстве и потреблении, чем о счастье. Поэтому и нынешние политические системы основаны исключительно на труде; производительные способности человека — это все; почти никто не умеет использовать его нравственные способности, которые тем не менее могли бы стать самым плодотворным источником истинных наслаждений. Поэтому мы вынуждены видеть в большинстве людей

только рабочую машину. Однако вы не можете отказать в звании гражданина и в гражданских правах этой массе необразованных людей, целиком поглощенных своим подневольным трудом. Раз они должны повиноваться закону точно так же, как и вы, они должны точно так же, как и вы, участвовать в его создании. Участие это должно быть равным».

Нет сомнения, что такие слова показались бы промышленной буржуазии времен Луи Филиппа до странности смелыми и ниспровергающими основы. Они показывают, каким поразительным чувством реальности и экономического развития современных ему государств обладал человек, которого так охотно называют «метафизиком».

ПАССИВНЫЕ И АКТИВНЫЕ ГРАЖДАНЕ

На первый взгляд кажется, что эти слова трудно примирить с решительными речами, какие произнес Сиейес, выступая со своим изложением принципов в Собрании несколькими неделями раньше, а именно 20 июля². Он недвусмысленно оправдывает разделение граждан на активных и пассивных, и у меня даже возникает вопрос, не сам ли он ввел эти термины в политический словарь Революции. «Все жители страны должны пользоваться в ней правами *пассивного* гражданина; все они имеют право на защиту своей личности, своей собственности, своей свободы и пр.; но не все имеют право на *активное* участие в формировании общественных властей; не все жители — *активные граждане*. Женщины, во всяком случае в их настоящем положении, дети, иностранцы, а также и те, кто ничем не содействует поддержанию общественных институтов, не должны оказывать активное влияние на общественные дела. Все могут пользоваться выгодами общества, но только те, кто содействует поддержанию общественных институтов, суть настоящие акционеры великого общественного предприятия. Они одни — истинные активные граждане, истинные члены ассоциации».

Неосторожные слова, ибо, если акционерами общественного предприятия являются только граждане, содействующие поддержанию общественных институтов уплатой налога, то каждый поймет, что им надлежало бы дать долю влияния, пропорциональную стоимости их пая, то есть размеру их состояния, выявляемому уплачиваемым налогом.

Сиейес, очевидно, несогласен с таким выводом, раз он заяв-

1. «Archives parlementaires», t. VIII, p. 592. 2. «Archives parlementaires», t. VIII, p. 256.

ляет, что участие всех граждан в формировании общественных властей должно быть равным; и в общем не представляется невозможным согласовать слова, сказанные им 20 июля, со словами, сказанными им 7 сентября. Сиейес не намерен лишать избирательного права в целом, как класс, всех работающих по найму, находящихся в зависимом положении, бесчисленных рабочих мануфактур, поденщиков. Он отдает себе отчет в их зависимом положении и уже в своей знаменитой брошюре «Что такое третье сословие?» указывает, что только изменения в имущественных отношениях обеспечат свободное участие в выборах всем труженикам, арендаторам и рабочим, находящимся в зависимости от крупных собственников.

Он указывает также и на прискорбное невежество, на которое индустриальный строй, развивающийся с каждым днем, все более и более обрекает современного пролетария: но отказать в избирательном праве всем этим производительным силам, всем «рабочим машинам» означало бы отказать в избирательном праве самому современному обществу, которое является не чем иным, как совокупностью производительных сил и огромной рабочей машиной.

И действительно, проект положения об избирательном праве, требующий уплаты налога в размере трехдневного заработка, допускает к участию в выборах значительное число ремесленников и рабочих, занятых на мануфактурах. Остальные, ничем или почти ничем не содействующие поддержанию общественных институтов, для Сиейеса, по-видимому, не существуют; он без особых усилий вообразил себе, что предоставляет гражданские права всем. Но совершенно ясно, что этот великий логик мог сохранять такую иллюзию только при условии, что он не слишком вдумывался в те выводы, которые вытекали из его собственной мысли.

И никто в Собрании, никто в стране не требует от него полной искренности по отношению к самому себе. Никто его не спрашивает: «По какому праву Вы не допускаете к участию в выборах тысячи людей, которые, хотя и не содействуют внесением налога или уплатой определенной суммы налога поддержанию общественных институтов, тем не менее содействуют их поддержанию как производительная сила? По какому праву Вы устанавливаете трехдневный заработок как предел, ниже которого вклад гражданина и сам гражданин признаются как бы несуществующими?» Поистине, только потому, что со стороны бедноты не было предъявлено никаких настоячивых требований, Сиейес мог почитать за согласующиеся между собой свою речь от 20 июля и свою речь от 7 сентября. Но софистические построения, посредством которых он уклонялся от проблемы, неизбежно должны будут рассеяться в тот день, когда проблема действительно будет поставлена.

Отныне уже чувствуется какая-то неустойчивость и фальшь в политической системе, посредством которой Учредительное собрание, лишая политических прав значительное число пролетариев, притязает на то, что оно уважает права человека, права всех людей. Здесь налицо не знаю уж какая, интеллектуальная уловка, которая не выдержит натиска событий и народных сил. Но в 1789 г., даже после 14 июля, даже после октябрьских дней, сознание пролетариев еще слишком неясно, а их силы слишком слабы, чтобы разоблачить странные софизмы Учредительного собрания.

Также и 29 сентября 1789 г., когда Туре от имени нового Конституционного комитета делает доклад об основах представительства и преподносит с трибуны законодательную формулу, создающую граждан активных и граждан пассивных, она не вызывает никакого немедленного протеста, никакой попытки ее отвергнуть; даже крайне левая хранит молчание. Ни Петион, ни даже Робеспьер не произнесли ни слова¹. По-видимому, они колебались.

20 октября, когда на повестке дня стоит обсуждение порядка представительства в муниципальных, провинциальных и национальных собраниях, дебаты были краткими и убогими. Один только де Монлозье, член правой, выступает против деления граждан на активных и пассивных².

Кроется ли в этом какой-нибудь политический замысел? Мишле, по-видимому, полагает, что правые в Учредительном собрании хотели предоставить избирательное право массе бедняков, людей зависимых, на которых дворяне и священники еще имели большое влияние и которые были бы послушной избирательной клиентелой реакции³. Может быть, мысль эта действительно и приходила кому-нибудь в голову. Но выступления одного Монлозье, который в своей собственной партии всегда слыл одиноким *чужаком*, было недостаточно, чтобы изложить план и, тем более, чтобы его осуществить.

Это происходило 20 октября, а после событий 5 и 6 октября ряды правых в Учредительном собрании сильно поредели: их просьбы о выдаче паспортов все учащаются, и они гораздо больше думают о своей личной безопасности, чем вынашивают коварные замыслы привлечь пролетариев на свою сторону. Осуществить

-
1. Действительно, в этот день не последовало никакого выступления Робеспьера. Он выступит только 22 октября 1789 г. по вопросу о праве голоса и 29 октября по вопросу о праве быть избранным («Discours», t. VI, p. 130, 133).
 2. «Archives parlementaires», t. IX, p. 469.
 3. Michelet, Histoire de la Révolution française, III, chap. III (édition G. Walter, t. I, p. 317).

столь смелый замысел, если бы они возымели его, они поручили бы Мори, или Казалесу, или какому-нибудь другому известному оратору, а не Монлозье, личности несколько странной и не имевшей большого веса.

Важнейший вопрос об отчуждении церковных имуществ был остро поставлен еще 10 октября в речи революционного епископа Отёнского Талейрана, и в тот момент им, несомненно, были заняты все умы, все боевые силы правой и церкви. Правда, призыв, обращенный к беднякам, к пролетариям, мог бы показаться церкви ловким отвлекающим маневром, но он был отнюдь не безопасен. Ибо если часть бедного люда, главным образом в деревне, могла стать политической опорой сеньора и приходского священника, то городские пролетарии, уже многочисленные и проявившие большой пыл, еще более ускорили бы ход Революции, и в октябре духовенство, несмотря на свои опасения, еще не было готово пойти на такую опасную игру и прибегнуть к столь отчаянным средствам.

Впрочем, наибольший ущерб наносила дворянству и вообще богатым классам статья, лишавшая права голоса домашнюю прислугу. Однако, учитывая состояние умов и настроения тех дней в 1789 г., само дворянство не посмело бы выступить против этой статьи, не обнаружив слишком явно намерения повести на выборы свою рабоплебную челядь. Наконец, и сам Монлозье вовсе не требовал всеобщего избирательного права. В своей речи он сказал в заключение:

«Каждый гражданин является активным в государстве, когда дело касается прав всех граждан. Комитет смуцало огромное число голосующих в первичных собраниях. От этого излишка можно было бы легко избавиться, считая гражданами только глав семейств. Тогда отпал бы вопрос о возрасте, необходимом для участия в первичных собраниях, так как каждый женатый мужчина был бы признан главой семьи и был бы гражданином, раз он дает людей государству. Таким образом, холостяки были бы исключены из первичных собраний...»

Эти странные ухищрения, лишавшие всех холостяков права голоса, поистине не могут сойти за первое предложение всеобщего избирательного права. Депутат от Берри Легран, который так своевременно склонил Генеральные штаты к решению именоваться Национальным собранием, сделал по поводу этого важнейшего вопроса об активных и пассивных гражданах всего лишь одно очень короткое, но весьма двусмысленное замечание¹:

«Уплаты налога следует требовать от участников первичных собраний только как доказательства принадлежности к числу местных граждан; бедность есть право, и каков бы ни был налог, он должен быть достаточен для осуществления гражданских прав».

Отлично! И слова «бедность есть право» человечны и довольно выразительны. Но к чему клонит это замечание? Если дело касается только того, чтобы установить, что гражданин действительно принадлежит к числу местных жителей, то для этого совершенно достаточно условия проживания на одном месте в течение года. И 20 октября дискуссия сводится именно к этому.

Внезапно выступает Робеспьер, но не для того, чтобы облегчить свою совесть, не для того, чтобы во имя Общественного договора протестовать против системы, прикрепляющей граждан к городу, уроженцами которого они не являются, напротив, он требует, чтобы дебаты по этому вопросу были прерваны и чтобы подумали о более неотложных делах — о мятежном пастырском послании епископа Трегье, о беспорядках в Ренне².

Только 22 октября крайне левые в Собрании вмешиваются в дебаты и выдвигают кое-какие краткие возражения против проекта. Это отнюдь не решительное сражение, и можно сказать, что ораторы говорят без большой веры, во всяком случае, без всякой настойчивости.

Аббат Грегуар говорит, «что он опасается аристократии богатых; он отстаивает права бедных; по его мнению, чтобы выбирать или быть избранным в первичном собрании, достаточно быть добрым гражданином, обладать здравым смыслом и сердцем француза»³. Протест Дюпора был более решительным и энергичным; ему, наконец, пришлось в голову сослаться на Декларацию прав человека⁴:

«Вам предстоит решить один из важнейших вопросов. Вы должны установить, кому вы предоставите и кому вы откажете в звании гражданина. Эта статья считает, что состоянию предстает собой кое-что, тогда как, согласно естественному праву, оно ничто. Она противоречит Декларации прав. Вы требуете уплаты личного налога, но будет ли налог такого рода существовать всегда? Ведь законодательство или какие-нибудь экономические явления могут изменить условия, которые вы установите».

Дюпор внес предложение, которое предусматривало иной порядок представительства; в приложенной к этому предложению мотивировочной части он опять протестовал против лишения бедных права голоса. Но из нее видно, что и он не требовал прямого всеобщего избирательного права, прямого избрания законодательных властей всеми гражданами. Он допускает всеобщее избирательное право только при двухступенной системе выборов; все

1. «Archives parlementaires», t. IX, p. 470.

2. Robespierre. Discours, t. VI., p. 117.

3. «Archives parlementaires», t. IX,

p. 479; Buchez et Roux, t. III, p. 212.

4. «Archives parlementaires», t. IX, p. 474; Buchez et Roux,

t. III, p. 212.

население каждого кантона выбирает первичное собрание, которое выбирает законодателей. Приведу, однако, наиболее сильные места в его речи:

«При всех наших политических расчетах, господа, нам следует почаще думать о человечности и нравственности; они составляют как основу всех полезных для общества совокупностей, так и фундамент всех упорядоченных привязанностей. Вспомним чересчур скоро забытый великий принцип, утверждающий, что всякое правительство устанавливается для народа, то есть для самого многочисленного класса общества; его цель — счастье народа; поэтому необходимо, чтобы народ, насколько возможно, влиял на средства, при помощи которых оно создается. Было бы желательнее, чтобы во Франции народ мог сам избирать своих представителей, то есть людей, у которых нет иных обязанностей, как заботиться о его интересах, иных достоинств, как энергично отстаивать их.

На народ клеветают, отказывая ему в достоинствах, необходимых для избрания общественных деятелей. Напротив, таланты и добродетели, украшающие человечество, не могут развиваться, не оказывая влияния на народ: он как бы та цель, к которой стремятся справедливость, великодушные, человечность...

Есть одно стремление, в котором сходятся чувствительные и стойкие сердца; я имею в виду благородное и возвышенное стремление возратить народу его права и улучшить участь сельского населения. Народ будет счастливее, если живущие рядом с ним богатые люди будут гуманнее, справедливее, великодушнее, если они будут вынуждены искать его расположения и добиваться его уважения. А они будут вынуждены искать его расположения и добиваться его уважения, если их политическое существование, места, которые им позволяют играть роль в обществе, будут даваться им народом и являться наградой за их усилия добиться его любви.

Пусть наша конституция, господа, имеет народную основу, пусть ее главные положения имеют в виду постоянные интересы народа; как и все другие конституции, она довольно быстро приобретет тенденцию благоприятствовать богатым и влиятельным людям. В наших современных обществах у народа нет времени узнать свои права; заботу об их защите он перекладывает на богатых и продолжает работать, чтобы доставлять им средства к жизни. Если бы все, чего мы достигли, свелось только к замене одной аристократии другой, если бы я увидел, как гибнут надежды, ради которых я пожертвовал своим покоем, своим положением, своим состоянием и, быть может, еще большим...

Да, это сильные слова; это решительное утверждение демократа; в нем слышится какое-то печальное предчувствие грядущего господства буржуазной олигархии. Это отзвук слов Жан

Жака: «Все законы оборачиваются к выгоде богатых», и это как бы первое усилие изменить посредством полной политической демократии тенденцию экономических и социальных сил к неравенству.

В тот час, когда революционная буржуазия, очень гордая своим могуществом, своим богатством, своими деяниями, лишила миллионы бедняков гражданских прав, идеализм XVIII в. дал несчастному пролетариату точку опоры, которая поможет ему подняться. Но как слабо еще было все это! Слова Дюпора теряются в пустоте; ему даже не удается оживить прения. Даже Робеспьер, если судить по довольно краткому протоколу его речи, остался холоден, и речь его была заунывна¹.

«Все граждане, кем бы они ни были,— сказал он,— имеют право притязать на все степени представительства. Это более всего соответствует Декларации прав, которая требует уничтожения всех привилегий, всех различий, всех изъятий. Конституция устанавливает, что носителем верховной власти является народ, все составляющие его люди. Поэтому каждый человек имеет право содействовать принятию закона, который обязателен для него, и участвовать в управлении общественными делами, которые являются и его делами. В противном случае неверно, что все люди равны в правах, что каждый человек — гражданин.

Если тот, кто платит налог в размере однодневного заработка, имеет меньше прав, чем тот, кто платит налог в размере трехдневного заработка, то человек, который платит налог в размере десятидневного заработка, имеет больше прав, чем платящий налог, равный трехдневной заработной плате; следовательно, тот, кто имеет ренту 100 тыс. ливров, имеет в сто раз больше прав, чем тот, кто имеет всего 1000 ливров дохода. Из всех ваших декретов вытекает, что каждый гражданин имеет право участвовать в законодательной деятельности, а следовательно, и право избираться и быть избранным, каково бы ни было его состояние».

Эти рассуждения неопровержимы, но весьма абстрактны; Робеспьер, словно борясь против проекта только ради того, чтобы собить форму, не дал себе труда подвергнуть анализу и опровергнуть политические соображения, побудившие огромное большинство Собрания установить различие между активными и пассивными гражданами. После него депутат Дефермон (следует назвать всех депутатов, тотчас же выступивших в защиту всеобщего избирательного права) произнес несколько слов в том же духе²:

1. Robespierre. Discours, t. VI, p. 130. Жюрес следует тексту, приведенному в «Point du jour» — газете Барера, и воспроизведенному в «Moniteur», t. II, p. 81.

2. «Archives parlementaires», t. IX, p. 479. Дефермон (1752—1831), прокурор Реннского парламента, уполномоченный Штатов Бретани, депутат от третьего сословия Реннского сенешальства.

«Общество не должно быть подчинено собственникам, иначе возникла бы аристократия богатых, которых меньше, чем бедных. И как могли бы последние подчиняться законам, в установлении которых они не участвовали?..»

И это все. Каков будет ответ Демёнье, докладчика от комитета? ¹ Он ответил в нескольких словах, как обыкновенно бывает, когда вопрос решен заранее.

«Не требуя никакого налога,— сказал он,— допуская в первичные собрания нищих, ибо они не платят государству никакого налога, неужели можно при этом полагать, что они устоят перед попытками подкупить их? Исключение бедных, о котором столько говорилось, совсем не преднамеренно: оно побудит ремесленников к соревнованию, и это еще будет наименьшей выгодой, которую администрация сможет извлечь из этого».

Затем указанная статья была принята. Безусловно, неправильно и глупо было бы сравнивать эти слова Демёнье со знаменитым призывом Гизо: «*Обогащайтесь!*» При Луи Филиппе ценз был очень высок. Напротив, [в дни Революции] ограниченный трехдневной заработной платой, он был очень низок. Но соображения, какие привел Демёнье, несколько не убедительны. Нищие? Если внушала опасения их крайняя зависимость, то легко было бы посредством специального постановления лишить права голоса всех, кто постоянно жил на благотворительность. А ремесленники? Заявляя, что ценз послужил бы для них стимулом, Демёнье тем самым признает, что многие из них не удовлетворяли требованиям закона. Но по какому праву их исключают и в чьих интересах?

Здесь опять-таки больше всего меня поражает, как мало значения придавало этому вопросу Учредительное собрание, как кратки и убоги были прения. Никому даже не приходит в голову спросить, какое число пассивных граждан будет, таким образом, лишено избирательного права. Можно сказать, что даже наиболее демократически настроенные депутаты не считают эти низшие слои нации, прозябающие где-то внизу, под буржуазным классом и классом зажиточных ремесленников, живой действительностью...

Об этом равнодушии особенно ярко свидетельствует одна любопытная деталь. В начале того же заседания 22 октября депутация «цветных» — *собственников из французских колоний* потребовала во имя Декларации прав человека и гражданина равенства в политических правах с белыми ².

Говоривший от их имени делегат Жоли пылко заявил ³:

«Они требуют прав человека и гражданина, этих неотъемлемых прав, основанных на естественном праве и на общественном договоре, прав, которые вы столь торжественно признали и столь незыблемо утвердили, когда в качестве основы конституции вы установили, «что все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах; что закон есть выражение общей воли; что

все граждане имеют право лично или же через своих представителей участвовать в разработке законов».

И председатель Фрето им ответил ⁴:

«*Ни одной части нации не придется тщетно требовать свои права у Собрания; те, кого морские просторы или предрассудки, касающиеся различия в происхождении, как бы отдаляют от его [Собрания] взоров, приблизят к нему чувства человечности, присущие всем его решениям и вдохновляющие все его усилия*».

А через полчаса Собрание почти единогласно лишило права голоса неимущих белых пролетариев. Пропасть, еще отделявшая в этот момент буржуазную Революцию от беднейшего пролетариата, была глубже морской бездны.

Расстояние, отделявшее беднейших рабочих Франции от Собрания, было больше расстояния, отделявшего его от «цветных» собственников колоний.

МАРКА СЕРЕБРА

29 октября, когда обсуждался вопрос о лишении права быть избранным, прения шли так же вяло, чувствовалось то же принятое заранее почти всем Собранием решение не заходить так далеко, как того требовала логика демократии ⁵; чувствовалось то же равнодушные народа, который вчера роптал и негодовал по поводу *вето*, а завтра будет роптать по поводу права заключения мира и объявления войны, но который на этот раз не осаждаст Собрания своими требованиями; он не возмущается даже тогда, когда его превращают в пассивную толпу, когда его лишают избирательных прав, когда ему закрывают доступ к национальному представительству.

Однако на этот раз предложенная статья была действительно ужасной: Конституционный комитет требовал уплаты налога в одну марку серебра для получения права быть избранным в Национальное собрание. Марка серебра, то есть 50 ливров, была такой суммой налога, которая исключала из Национального собрания не только пролетариев, но и большую часть мелких собственников и значительную часть самой буржуазии. Пети-

1. «Archives parlementaires», t. IX, p. 479. Демёнье (1751—1814) — королевский цензор, секретарь графа Прованского, депутат третьего сословия от города Парижа.

2. Archives parlementaires», t. IX, p. 476; «Moniteur», t. II, p. 80.

3. Речь идет о де Жоли (1756—

1837) — адвокат, секретаре городского совета в 1789 г., министре юстиции в 1792 г.

4. Фрето де Сен-Жюст (1754—1794) — судья из Парижского парламента, депутат дворянства от Меленского бальяжа.

5. «Archives parlementaires», t. IX, p. 598.

он де Вильнёв первым выступил против этой статьи, но с какой нерешительностью! На какие уступки идя! ¹

«Я долго пребывал в сомнении относительно того, — заявил он, — должен ли представитель платить прямой налог. С одной стороны, я говорил себе, что каждый гражданин должен обладать гражданскими правами; с другой стороны, раз народ стар и развращен, я считал возможным признать известную необходимость в исключении, предложенном вашим Конституционным комитетом.

non, s'il faut.

Однако мне кажется, что оно заходит слишком далеко: оно должно было бы ограничиться одними требованиями для избирателей... Раз вы уже очистили свои первичные собрания, раз вы уже определили, кто может быть избирателем, раз вы уже признали их способными сделать правильный выбор, то я спрашиваю вас, следует ли вам мешать этому выбору, следует ли вам в некотором роде лишать их того доверия, какое вы оказали им».

Итак, Петион, принадлежавший к крайне левой, согласен на введение ценза для избирателей; он считает чистой исклечение беднейших, которых не допускают к участию в первичных собраниях, и только потому, что Собрание произвело отсев избирателей, он полагает излишними ограничения для права быть избранным: ценз, установленный для избирателей, делает бесполезным установление ценза для избираемых. И его возражения, в которых не было ничего принципиального, оказались единственными.

Прения, к тому же весьма краткие, касались только формы ценза. Правые, те, кого можно было бы назвать аграриями, хотели положить в основу политических прав земельную собственность. Докладчик Демёнье возражал против этого ².

«Поправка, — сказал он, — требующая наличия земельной собственности, не соответствует ни духу ваших прежних декретов, ни справедливости. Англичане, правда, следуют этому обычаю, но сами жалуются на него. Комитет полагает, что, потребовав уплаты налога в одну марку серебра, он сделал все, что должен был сделать. Уплата такого налога свидетельствует о достаточной состоятельности, не допускающей злокозненных предположений, будто законодатели более или менее доступны подкупу».

Но правые были очень заинтересованы в том, чтобы настоять на владении земельной собственностью: это условие устранило бы всех тех небогатых городских буржуа, всех тех легистов, всех тех дельцов, всех тех торговцев, которые свободно могли уплатить из своих доходов 50 ливров налога, но не располагали свободными капиталами для приобретения в деревне сколько-нибудь ценной недвижимости.

Это устранило бы значительную часть революционной буржуазии городов, и тогда бы возросло консервативное влияние землевладельцев, дворян, буржуа — владельцев земельных рент.

Выступил Казалес и определил весьма четко разногласия между землевладельцами и теми, кого в книгах, газетах и с трибуны уже именовали «капиталистами».

«В конечном счете, — воскликнул он, — раз все налоги ложатся на землевладельцев, то справедливо ли было бы призывать тех, кто не владеет ничем, чтобы они устанавливали, сколько должны платить собственники!»

Негоциант — гражданин всего мира и может перенести свою собственность в любое место, где он обретет мир и счастье. Землевладелец прикован к земле; он может жить только на ней; поэтому он должен обладать всеми средствами поддерживать, защищать и делать эту жизнь счастливой. Исходя из этих соображений, я требую, чтобы было установлено условие владения земельной собственностью, приносящей 1200 ливров дохода ³.

Землевладельцы уже обвиняли владельцев движимой собственности в космополитизме. На протяжении столетия мы будем без конца сталкиваться с этим спором. Барер де Вьёзак ответил Казалесу и одновременно комитету ⁴. Уже в данном случае, следуя своему гибкому образу действий, который обеспечит его политическую карьеру, он предлагает промежуточное решение.

«Самое неблагоприятное, что вы можете сделать, — сказал он, — это принять декрет, согласно которому необходимо будет владеть земельной собственностью, приносящей 1200 ливров дохода, чтобы иметь право быть избранным; это означало бы подтвердить распускаемую против вас повсюду нелепую клевету, будто вы стремитесь установить новую аристократию на обломках всех прежних».

Вы поставлены перед двумя крайностями. Если вы допустите только землевладельцев — вы нарушите права других граждан, одинаково заинтересованных в установлении законов. А если вы допустите людей, не имеющих никакой собственности, — вы доверите государство и установление налогов людям, менее привя-

1. «Archives parlementaires», t. IX, p. 598; Buchez et Roux, t. III, p. 240. Марка — вес восьми унций; она служила для взвешивания золота и серебра. Марка серебра — количество серебра, весящее одну марку; стоимость ее менялась в разное время. К концу старого порядка марка серебра стоила около 50 ливров.

2. «Archives parlementaires», t. IX, p. 598; Buchez et Roux, t. III, p. 241.

3. «Archives parlementaires», t. IX, p. 598; Buchez et Roux, t. III, p. 242.

4. «Archives parlementaires», t. IX, p. 598. Бертран Барер (1755—1841) — адвокат Тулузского парламента, советник сенешальства Бигор, депутат третьего сословия от Тарбского сенешальства, будущий член Конвента и Комитета общественного спасения. О Barere см.: L. Gershoy, Bertrand Barère, a reluctant terrorist. Princeton, 1962.

занным к отечеству. Наконец, если вы потребуете установления такого большого налога, как марка серебра, то вы удалите из Национального собрания две трети жителей королевства. Что будет с художниками, литераторами, полезными людьми, посвятившими себя просветительной деятельности, и столь ценным, столь необходимым классом земледельцев, которого никогда нельзя упускать из виду в конституции земледельческой страны? Не значит ли это явно предпочесть им аристократию богачей?»

Итак, Барер протестует против слишком высокого ценза для получения права быть избранным не от имени пролетариев, не от имени рабочих, они уже исключены из числа избирателей.

Барер протестует от имени скромных земледельцев-собственников и от имени тех, кого мы теперь называли бы интеллигенцией. Когда восстают против «аристократии богачей», то это делается еще в интересах буржуазии, и не следует усматривать в этих проявлениях Революции что-либо социалистическое, как это очень часто делают и как это сделал Лихтенбергер, несмотря на всю его осторожность¹. Речь Барера — разительный пример тому.

Он закончил свою речь требованием считать достаточной для получения права быть избранным уплату налога в размере тридцатидневной заработной платы. Это был все еще очень высокий ценз.

Но Собрание не пожелало отстать от своего комитета; оно даже пошло дальше: не только одобрило налог в размере марки серебра, то есть крупной суммы в 50 ливров, но и приняло поправку, которая требовала *дополнительного* владения «какой-нибудь земельной собственностью». Мирабо и Приёр тщетно требовали, чтобы всякий ценз был отклонен и чтобы единственным необходимым условием было доверие избирателей². Однако ни тот, ни другой не настаивали твердо на этом предложении, и ничтожное выступление Мирабо подчеркивало одновременно и его присутствие, и его молчание.

Так были определены Учредительным собранием основы представительства. Несмотря на почти всеобщее равнодушие страны к вопросу о всеобщем избирательном праве и к условиям, необходимым для получения права выбирать и права быть избранным, статья о марке серебра вызвала довольно сильное смятение, так как она наносила ущерб немалой части самой буржуазии.

Лустало в «Революсьон де Пари» и Камиль Демулен в «Революсьон де Франс э де Брабан» резко протестовали против нее. Демулен писал в третьем номере своей газеты:

«В столице все единодушно осуждают декрет о марке серебра; вскоре то же самое будет и в провинциях. Он устанавливает во Франции аристократическое правление, и это наиболее крупная победа, одержанная в Национальном собрании дурными гра-

жданами. Чтобы понять всю нелепость этого декрета, достаточно сказать, что Жан Жак Руссо, Корнель, Мабли не могли бы быть избранными...

А вы, презренные попы? Лукавые и тупые бонзы, как не понимаете вы, что ваш бог не имел бы права быть избранным? Иисуса Христа, которого вы с кафедр и с трибун величаете богом, вы только что отшвырнули в толпу сброда. И вы хотите, чтобы я уважал вас, вас — священнослужителей бога-пролетария, который не был бы даже *активным гражданином*! Уважайте же бедность, которую он облагородил.

Но что вы хотите сказать этим столь часто повторяемым словом *активный гражданин*? Активные граждане — это те, кто взял Бастилию, те, кто поднимает новь на полях, тогда как праздное духовенство и придворные бездельники, несмотря на огромные размеры своих владений, всего лишь хилые растения, как та бесплодная смоковница из вашего евангелия, которую надо бросить в огонь.

Мое глубокое уважение к святым декретам Национального собрания известно. Я говорю так вольно об этом декрете только потому, что не считаю его декретом. Я уже отметил это в «Лантерн» и не устану это повторять.

В Национальном собрании 600 членов, у которых не больше права, чем у меня, заседать там. Необходимо, без сомнения, чтобы духовенство и дворянство имели такое же количество представителей, как и остальные граждане: по одному на 20 тыс. Численность духовенства и дворянства достигает 300 тыс. лиц.

Итак, из 600 надо выбрать 15 представителей. Мне кажется яснее дня, что остальные не имеют права принимать решения и их следует отправить с депутатских мест на галереи для публики. Им можно предоставить разве что совещательный голос.

Те, кто провел декрет о марке серебра, почти все находятся в числе этих шестисот.

И он добавил с нарочитой, несколько безрассудной резкостью, которая, будь его слова восприняты всерьез, очень огорчила бы его:

«Если бы после заседания 10 млн. французов, не пользующихся правом быть избранными, или их представители в Париже,

1. A. L i c h t e n b e r g e r. Le Socialisme et la Révolution française. Étude sur les idées socialistes en France de 1789 à 1796. Paris, 1899.

2. «Archives parlementaires», t. IX, p. 599: B u c h e z e t R o u x, t. III, p. 243. Приёр: «Замените марку серебра доверием». Мирабо потребовал утверждения поправ-

ки Приёра, «потому что, на мой взгляд, она одна принципиальна». На том и ограничились оба эти выступления. Речь идет о Приёре из департамента Марна (1756—1827), депутате третьего сословия от баляжа Шалон на Марне, будущим члене Конвента и Комитета общественного спасения.

люди из Сент-Антуанского предместья, набросились на господ Рено де Сента, Мори и Малуэ с компанией, если бы они им сказали: «Вы только что вышвырнули нас из общества, так как вы были сильнее в зале, а мы в свою очередь вышвыриваем вас из числа живых, так как мы сильнее на улице; вы обрекли нас на гражданскую смерть, а мы убьем вас физически», — то, я спрашиваю Мори, который неплохо рассуждает, когда хочет: разве народ совершил бы несправедливость? И если Мори не ответит мне, что возмездие было справедливым, то он солжет самому себе.

Когда больше не существует справедливости, когда немногие угнетают многих, то я не знаю на земле иного закона, как закон возмездия».

Слова очень резкие, но пустые, даже звучащие несколько фальшиво. Прежде всего, явно неверно, что постановление о марке серебра и вообще о цензе, дающем право быть избранным, было принято исключительно или даже главным образом голосами правых.

При голосовании 29 октября, действительно, произошла известная путаница; она была вызвана формой принятой поправки, в которой говорилось и о марке серебра и о земельной собственности. Тотчас же после голосования раздались многочисленные протесты. Мирабо воскликнул: «Из-за такой постановки вопроса только что приняли дурной закон»¹.

Ламет заявил: «Выступая против аристократии, вы подготовили ее возрождение, и ваш декрет утверждает существование денежной аристократии. Вы не могли поставить богатство выше справедливости; нельзя поступаться принципом, когда на этом принципе основан выбор людей».

Гара тоже протестовал: «Вы под шумок провели декрет, который создает аристократию богатых».

Но я замечу, что, по сути дела, протесты были направлены главным образом против безусловной формы декрета и, в частности, против исключения *папенькиных сынков*, которые, если они жили с отцом и не платили личного налога, лишались права голоса. Итак, возражения раздавались главным образом в защиту интересов семей средней буржуазии и собственников-земледельцев.

В этом шуме не слышно голоса пролетариата, лишенного гражданских прав. Робкий тон речей Барера и Петиона ясно доказывает, что даже у левых вовсе не было намерения предоставить всем право быть избранными без всякого ценза. Вопреки сопротивлению правых, они сумели отвергнуть значительным большинством голосов двухпалатную систему и безусловное *вето*. Если бы они этого хотели, они также смогли бы вопреки сопротивлению правых, вопреки Мори и даже Малуэ отвергнуть ценз для избирателей и ценз для избираемых. И пусть не ссылаются на то, что 29 октября произошла неожиданность. Ламет потребовал

нового обсуждения через несколько дней. Гара² напомнил, что во время этой сессии было принято среди шума двадцать декретов, которые «затем были исправлены в спокойной обстановке». Впрочем, Собрание постановило «оставить все вопросы в таком состоянии и отложить их до следующего понедельника, 2 ноября». И действительно, вопрос вновь обсуждался во вторник, 3 ноября³. Но в этот день никто вновь не открыл широких прений, никто не протестовал от огромной массы тружеников, обреченных на своего рода политическую пассивность. Протокол, воспроизведенный в «Archives parlementaires», отличается крайней сухостью, словно речь шла о вопросе, не представлявшем интереса; из краткого отчета о заседании 5 ноября, напечатанного в «Революсьон де Пари», видно, что снова рассматривался только вопрос о «папенькиных сынках». Впрочем, в конце концов Собрание объявило, что оно признает «правильно и окончательно принятыми все уже одобренные декреты» о праве быть избранным. Следовательно, никакой неожиданности не было, и, несмотря на некоторый шум, левая Собрания добровольно согласилась на ограничение права голоса и права быть избранным. Может быть, она была совсем не прочь (насколько возможно разгадать тайну чужой совести) приписать ловкому маневру или слишком большому влиянию правых ход, который нарушал строгое соблюдение принципов и торжественно провозглашенные права человека, но отвечал известным инстинктам буржуазной осторожности.

Даже бурное негодование Камиля Демулена было ограниченным и весьма запоздалым. Pamфлетисту следовало бы возмутиться первым же проявлением цензового и олигархического духа, когда миллионы пролетариев лишены были права голоса. Ведь, в конечном счете, отстранение от участия в выборах миллионов бедняков было куда серьезнее, чем определение условий для получения права быть избранным.

Какое имеет значение для бедняков, не имеющих права голоса, невозможность избрания бедняков? Напротив, если бы они имели право голоса, они нашли бы средство выразить свое мнение и отстаивать свои интересы даже при посредстве представителя, платившего марку серебра. Ценз, ограничивавший право быть избранным, задевал только часть революционной буржуазии; он был стеснителен для каких-нибудь нескольких тысяч человек —

1. «Archives parlementaires», t. IX, p. 599, 600.

2. Гара (1749—1833) — адвокат при парламенте, депутат третьего сословия от бальяжа Юстариц, министр юстиции, сменивший на этом посту Дантона в 1792 г., министр

внутренних дел в 1793 г., депутат Совета пятисот после 18 фрюктидора, затем Совета старейшин, член Института Франции с 1803 г., граф Империи в 1808 г.

3. «Archives parlementaires», t. IX, p. 653.

«художников, литераторов», интеллигентов без состояния. Ценз, ограничивавший право голоса, лишал гражданских прав миллионы производителей; и гнев Камилля Демулена носил в некотором смысле такой же буржуазный и олигархичный характер, как и голосование Собрания.

Но что мог бы он ответить, если бы, заимствуя его резкую риторику, миллионы бедняков, лишенные права голоса, сказали бы тем, кто их устранил: «Вы нас убили как граждан, мы же вас убьем физически»? Да, что мог бы он им сказать? Ведь он был бы одним из тех, кому народ имел бы право нанести удар. Ибо в начале Революции Демулен тоже требовал, чтобы народ был лишен политических прав. Когда Генеральные штаты столкнулись с вопросом, каким должно быть голосование — поголовным или посословным, он написал брошюру в форме диалога, в которой дворянство спрашивает общины¹: «Но если вы безоговорочно признаете закон большинства, закон числа, то какая у вас гарантия, что большинство, возможно, избранное людьми без собственности, не уничтожит собственность?»

И общины отвечают: прежде всего право собственности есть естественное и высшее право; оно выше всех решений большинства; и затем, речь идет вовсе не о том, чтобы допустить тех, кто ничем не владеет, образовать большинство. Более того, республиканец вроде Сервия Туллия, каким был тогда Камилль Демулен, соглашался допустить бедняков к голосованию в последней центурии, где, по римскому праву, масса пролетариев пользовалась смеотворным правом голоса, совершенно не соответствовавшим ее численности.

Произносить фразы об убийстве (правда, тотчас же смягченные несколькими осторожными словами) в связи с одобрением меры, нарушавшей интересы всего лишь нескольких журналистов, и молчать, когда вся бедная часть нации как бы подвергалась отлучению, — какое поистине странное легкомыслие и странный эгоизм!

Лустало, рассудительный и демократически настроенный, так же непосредствен, хотя и более осторожен. Он тоже решительно протестует против марки серебра²: «Разве их надежды [добрых граждан] не рухнули, когда они узнали, что для того, чтобы стать депутатом Национального собрания, надо владеть какой-нибудь земельной собственностью и платить налог в размере марки серебра? Ведь это аристократия богатых, освященная национальным декретом... Одним росчерком пера две трети нации лишаются возможности представлять нацию: таким образом, этим двум третям предлагают отдавать предпочтение своим интересам, а не интересам отечества, не считаться с общественным мнением, насмехаться над ним. Исполнение обязанностей гражданина в первичных и вторичных собраниях может быть лишь ступенью к достижению возможности стать представителем нации, и эти

обязанности, хотя они почетны и сами по себе, оказываются лишенными в значительной мере своей привлекательности для всех тех, кто не платит налога в одну марку серебра.

С момента провозглашения конституции не рождается уз, достаточно прочных, дабы слить воедино все частные воли во имя достижения общей цели. Общественный дух не возникнет, и патриотизм угаснет в колыбели. Может быть, над моим предсказанием будут смеяться, но не пройдет и десяти лет, как эта статья приведет нас под иго деспотизма или же вызовет революцию, которая будет иметь своей целью *аграрный закон*... Неужели автор «Общественного договора», хотя он в течение двадцати лет живет на одном месте, не имел бы права быть избранным?

Неужели наши нынешние наиболее достойные депутаты не смогут быть избранными?

Неужели эта лучшая часть граждан, обладающая небольшим достатком, при всех своих талантах, при своей любви к научным занятиям и глубоким исследованиям, не сможет быть избрана?»

И после долгих рассуждений на эту тему он говорит в заключение: «Хотя этот закон имеет почти одни недостатки, не содержа решительно ничего полезного, что могло бы их возместить, его будет трудно пересмотреть в Законодательных собраниях следующих созывов, в состав которых войдут *депутаты, платящие налог в размере марки серебра*; эти собрания не согласятся уничтожить свою собственную аристократию; хорошо еще, если налог в одну марку серебра не будут увеличивать из сессии в сессию и если вместо феодальной аристократии не будет установлена полная олигархия».

Прекрасно, но эти протесты, очевидно, не носили ни демократического, ни народного характера; в итоге, если воспользоваться выражением, употребительным при Луи Филиппе, Лустало и Демулен ограничиваются требованием включить в число имеющих право быть избранными «дееспособных» людей³; «интеллектуальная» буржуазия требует для себя места рядом с имущей буржуазией.

У Лустало, как и у Камилля Демулена, я не вижу никакого протеста против ограничения избирательного права. Однако, судя по одной любопытной фразе Лустало, которая, кажется, никогда не приводилась, он как будто испытывал некоторые сомнения. Но к каким странным и, если можно так выразиться,

1. Речь идет о брошюре: «La France libre», появившейся в 1789 г. BN, 8° Lb⁹⁹ 1685, imp. in-8°, 75 p.
2. «Les Révolutions de Paris», № 17. События с 31 октября по 7 ноября 1789 г.
3. Как отмечает Жорес, термина

«capacités» нет в политическом лексиконе Революции. Литтре считает еще его неологизмом. Дееспособные («capacités») — это лица, способные в силу своего образования или положения пользоваться политическими правами.

невольно лицемерным выводам приходит он! В том же номере, несколькими страницами ниже приведенного места, в котором говорится о марке серебра, он рассматривает вопрос о том, каким образом могут быть сформированы в коммунах избирательные собрания. Он выставляет весьма демократическое требование, чтобы эти собрания выбирали представителей прямым голосованием, не создавая промежуточного собрания выборщиков.

Но вот трудность: следует ли допускать бедняков на эти общие собрания коммуны? Ответ таков: *«Ни один гражданин, по закону, не должен быть лишен права голоса, но важно, чтобы фактически все пролетарии, все граждане, которые могут легко поддаться на подкуп, были его лишены. Во всяком случае, так бывало в Древнем Риме в центуриатных комициях, и этого можно так же легко достигнуть посредством умелого выбора мест, куда граждане должны являться для участия в собраниях, которые должны непосредственно избирать депутатов».*

Итак, Лустало хочет, дабы сохранить в неприкосновенности принципы, чтобы все граждане, даже самые бедные, были теоретически избирателями, но, выбрав такие места для устройства собраний, куда они не смогут явиться, можно будет фактически лишить их возможности голосовать.

Ничто лучше не доказывает смятения умов демократической революционной буржуазии, чем это наивное и открыто выставленное напоказ мошенничество. Она была в тисках строгих абстрактных принципов и смутного страха, с которым не могла совладать. Ничто также лучше не доказывает, в каком подчиненном положении находился еще пролетариат.

Газета Лустало была очень распространена. В некоторые бурные дни продавалось до 200 тыс. экземпляров. И Лустало не боится раскрыть перед пролетариями хитрость, к какой он предлагает прибегнуть, чтобы фактически устранить их от голосования, несмотря на признание за ними этого права. Либо пролетарии не читали газет, не интересовались ни событиями, ни идеями и действительно были пассивными гражданами, либо, если они читали их, их считали неспособными возмутиться против подобных уловок. Рассчитывали на своего рода социальную приниженность пролетариев, на их неуверенность в своих силах и на их готовность покориться.

ЧУВСТВА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БУРЖУАЗИИ

Каковы были в этом вопросе об избирательном праве подлинные чувства революционной буржуазии? Я полагаю, что было бы преувеличением и преждевременно приписывать ей вполне определенное чувство классовой неприязни к пролетариату. Как пролетариат еще не обладал вполне определенной силой как класс,

так и буржуазия еще не питала к нему классового недоверия. Буржуазия не настолько опасалась пролетариев, не имевших ни своего идеала, ни организации, чтобы систематически лишать их избирательного права. Поэтому и условие уплаты налога в размере трехдневного заработка открывало значительному числу ремесленников и даже простых наемных тружеников доступ к гражданским правам. Права голоса был лишен не самый пролетариат, а, если можно так выразиться, низшие слои пролетариата того времени.

Мне кажется, что такую позицию Учредительного собрания можно объяснить тремя главными причинами. Во-первых, не подлежит сомнению, что буржуазия, не испытывая определенного классового чувства страха, ощущала известную тревогу перед толпами бедняков.

Она не поддержала Малуэ, который с первых месяцев Революции хотел основать консервативную буржуазную партию, партию собственников; но она с готовностью допускала к разработке законов и к выбору законодателей только людей с доложением, плативших «внушительную» сумму налога.

В своем демократизме она доходила до предоставления гражданских прав ремесленникам; с большим трудом она соглашалась предоставить их поденщику, наемному труженику без прочной социальной базы. Она хотела, чтобы новый порядок опирался на довольно широкую и твердую основу, состоящую из буржуазии, мелкой буржуазии, ремесленников, зажиточных рабочих и крестьян — мелких собственников. Она думала примирить, таким образом, равенство с элементарными гарантиями социального мира.

Во-вторых, революционные буржуа действительно имели некоторые основания опасаться, что бедняки превратятся в послушную избирательную клиентелу знати и монахов, богатых дворян и богатых аббатов. Тюрго, столь справедливый, столь склонный к преобразованиям и столь человечный в своем управлении Лимузен¹, не раз сталкивался с сопротивлением невежественных и зависимых пролетариев, которых восстанавливали против него привилегированные. И в опубликованном им проекте обра-

1. А. Р. Ж. Тюрго (1727—1784) — в 1761 г. был назначен интендантом Лиможского податного округа; оставался там до своего назначения контролером финансов в 1774 г. Он заменил натуральную барщину денежным платежом, явившимся дополнением к талле; ввел применение принципа добровольного зачисления в армию; организовал

благотворительные бюро. «Le Mémoire sur les municipalités» («Мемуар о муниципалитетах») составил для Тюрго в 1775 г. Дюпон де Немур; он был впервые напечатан в 1787 г. под названием: «Œuvres posthumes de M. Turgot, ou Mémoire de M. Turgot, sur les administrations provinciales». Lausanne, 1787.

зования выборных муниципальных органов он ясно говорит, что если он лишил бедняков права голоса, то только потому, что они находятся в руках у сеньоров и помешали бы всякому прогрессу. Тюрго был искренен, и я думаю, что не один член Учредительного собрания разделял его взгляды.

В Бретани, в то время как промышленная буржуазия, юристы, студенты боролись с огромным революционным пылом, дворяне мобилизовали своих лакеев, батраков, всю свою раболопную челядь, весь несчастный пролетариат, мало отличавшийся от этой челяди, всех деревенских нищих, которые, прочитав на пороге замка «Отче наш», получали свой кусок черного хлеба, а затем пускали в ход дубинки против молодых буржуа Нанта и Ренна.

Руками этих «пролетариев» была пролита кровь бретонских революционеров. В своей газете «Сантинель дю пёпл» Вольней очень образно говорит об этих поработанных народных силах, которые направили против освободительной Революции¹:

«Мы вынуждены в вас стрелять, чтобы вас освободить, так же как для освобождения пленников, угнанных пиратами, приходится обстреливать ядрами корабль, на котором их увозят».

И мы вскоре увидим, что именно люди из народа, издольщики, саботье, сельские рабочие подадут сигнал к широкому восстанию в Вандее. Следовательно, буржуазия была права, опасаясь, как бы беднейший пролетариат, или по крайней мере часть этого пролетариата, не стал вследствие своего зависимого положения и своей несознательности орудием контрреволюции. И она не доверяла этой темной толпе не только как имущий класс, но и как класс революционный. Без сомнения, у нее были двойные опасения: она боялась, во-первых, что анархический пролетариат может посягнуть на собственность, а во-вторых, что поработанный пролетариат может поставить под угрозу Революцию. И было бы серьезной ошибкой приписывать буржуазии в отношении пролетариев точный расчет, которого у нее в 1789 г. совсем не было.

Наконец, поскольку Революция была подготовлена философской мыслью XVIII в., «прогрессом просвещения», у революционеров и в мыслях не было непосредственно привлечь к своему делу эту совершенно невежественную часть народа.

Таковы, несомненно, главные причины, побудившие Учредительное собрание установить различие между активными и пассивными гражданами. И если подумать, что несколькими месяцами ранее, когда Генеральные штаты еще не были созваны, народ был бесправен и безгласен, если подумать, что даже при выборах в Генеральные штаты 300 тыс. привилегированных, принадлежавших к духовенству и дворянству, имели столько же представителей, сколько вся остальная нация, и что последняя была, таким образом, отчасти обречена на пассивность, то Учредительное собрание, отменяя сословные различия и смешивая

дворян и духовенство со всей массой избирателей, призвав к участию в выборах 4 млн. человек, могло полагать, что оно действительно предоставило право голоса всей нации. Да и народ не придавал в тот момент достаточного значения праву голоса, чтобы потребовать у революционной буржуазии всеобщего избирательного права.

Мы вскоре увидим, сколь малое число активных избирателей приняло участие в различных выборах 1790 г. Более того, даже после 10 августа, даже когда для выборов в Конвент было установлено всеобщее избирательное право, в них приняла участие едва пятая часть всех избирателей.

Следовательно, в 1789—1790 гг. не существовало народного течения, которое могло бы преодолеть колебания буржуазных революционеров. Если после 10 августа было установлено всеобщее избирательное право, то это произошло совсем не потому, что народ более энергично требовал предоставления ему права голоса, а потому, что его революционная роль в событиях 20 июня и 10 августа сделала его решающей силой, и вполне естественно было превратить эту реальную силу в силу законную.

Кроме того, для национальной войны, какую начинала Революция, ей необходимо было увлечь, воодушевить все элементы страны, и она непосредственно приобщала их к осуществлению верховной власти, чтобы втянуть их непосредственно в войну.

Это была всеобщая мобилизация избирателей, подготавливавшая и предвещавшая всеобщую мобилизацию солдат.

Итак, без всякой экономической эволюции, которая привела бы к изменению классовых отношений, только в силу политического и национального движения Революция перешла от ограниченного избирательного права, установленного Учредительным собранием, к всеобщему избирательному праву, установленному при выборах в Конвент.

После 10 августа Законодательное собрание вовсе не считало, что оно отстает от классовых позиций революционной буржуазии: оно лишь более тесно связывало пролетариев с буржуазной Революцией. Впрочем, пассивные граждане 1789—1792 гг. отнюдь не считали себя принесенными в жертву; они не питали никакой вражды и никакой зависти к активным гражданам из третьего сословия, напротив, они считали своими естественными представителями наиболее «патриотически настроенных» из них.

Я не могу здесь воспроизвести любопытный эстамп из музея Карнавала, так как он цветной. На нем изображен пышно разодетый дворянин, рядом с ним с одной стороны — активный гра-

1. Вольней, Шасбёф, де (1757—1820) — «буржуа», живший в Анжере, депутат третьего сословия от Анжерского сенешальства. Вы-

шло всего шесть номеров «La Sentinelle du peuple» — с 22 по 28 октября 1789 г. BN, 8° Lc² 2287.

жданин, а с другой — пассивный; активный гражданин, крестьянин с лопатой, говорит дворянину: «Уж не думаешь ли ты, что у меня, если я беден, нет тех же прав, что у тебя?» Пассивный гражданин вмешивается в поддержку активного и говорит с негодованием: «Скоро ли будет конец всему этому?» Так, с точки зрения Революции, активный и пассивный граждане, если они оба принадлежали к третьему сословию, составляли одну и ту же партию. Среди 4 млн избирателей было достаточно бедняков, чтобы беднота не чувствовала себя грубо отстраненной.

Этим и объясняется, что вопрос о всеобщем избирательном праве не вставал серьезно перед Революцией, пока не разразился великий кризис, порожденный войной.

Вот в каком духе понимали члены Учредительного собрания организацию волеизъявления нации. Какую систему избрали они для этого? Они разделили Францию на департаменты, департаменты — на дистрикты, дистрикты — на коммуны.

ДЕПАРТАМЕНТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Им казалось опасным взять за основу административной организации старые провинции. Во-первых, поскольку в них пришлось бы создать административные органы, следовало опасаться, как бы провинциальные собрания не приобрели чрезмерной власти и не воспротивились общей воле нации. Попытка сопротивления, предпринятая Мунье в Дофине, мятеж парламента Бретани — все указывало Собранию на необходимость разбить административную систему, существовавшую при старом порядке. Впрочем, старый порядок и сам предусматривал несколько систем административного деления. В 1789 г. имелось 35 провинций, 33 королевских административных округа (*généralités*), 175 больших балъежей (старинные феодальные судебные и административные округа), 13 парламентов, 38 военных губернаторств, 142 диоцеза.

Такой беспорядок и нагромождение избавляли Учредительное собрание от необходимости принять уже готовую систему. С другой стороны, если бы избрали такое деление, как на провинции, то каждый округ оказался бы чересчур большим. Как созвать в главном городе обширной провинции собрания выборщиков, которые должны избрать депутатов в Национальное собрание? Следовательно, надо было установить новую систему округов, менее обширных, чем провинции. И Собрание решило разделить Францию приблизительно на 80 департаментов. Изучив этот вопрос, Собрание остановилось на числе 83.

Эта идея не была нова: еще лейтенант полиции * д'Аржансон в своих мемуарах доказывал необходимость деления Франции на

* Высшее должностное лицо, возглавлявшее полицию в Париже

и в крупных городах Франции.—
Прим. ред.

департаменты¹. По мысли членов Учредительного собрания, округ должен был иметь такие размеры, чтобы все жители департамента могли в один день попасть в его главный город.

Так, благодаря легкости связи окраин с центром установилась действительная общность существования. Но Учредительное собрание вовсе не имело в виду разделить территорию страны чисто геометрически. Оно очень считалось с привычками населения, со старым провинциальным делением, и границы департаментов были установлены в результате полюбовного соглашения между самими депутатами.

Созданный таким образом департамент посылал своих депутатов в Национальное собрание. В каждом кантоне активные граждане собирались в одном или нескольких первичных собраниях, причем в каждом из них должно было участвовать не больше 650 граждан. Эти первичные собрания назначали выборщиков из расчета по одному на 100 активных граждан, и избранные, таким образом, выборщики направлялись в главный город департамента и там выбирали депутата в Национальное собрание.

Число депутатов, избираемых от каждого департамента, зависело от трех условий: территории, населения и размеров суммы, вносимой жителями департамента в качестве прямых налогов. Учредительное собрание прежде всего хотело обеспечить все департаменты, даже наименее населенные и самые бедные, определенным *минимумом* представительства. Ему казалось, что если слишком слабо будут представлены департаменты с редким и бедным населением (такие, как Бордоские ланды), то забота нации не будет проявляться по отношению к тем районам, которые нуждаются в ней больше всего.

Поэтому Собрание постановило, что одна треть депутатов будет избираться соответственно размерам территории, а поскольку размеры всех департаментов должны были быть приблизительно одинаковыми, то каждый из них получал право избрать трех депутатов. Это число, помноженное на число департаментов, должно было составить одну треть Собрания.

Но было бы несправедливо и неразумно не обеспечить прямого представительства от самого населения и не поставить в какой-то мере в зависимость число депутатов от числа активных граждан каждого департамента.

Поэтому вторая треть общего числа депутатов должна была избираться в соответствии с численностью населения. Отметим, что избирать депутатов в соответствии с численностью населения или в соответствии с числом активных граждан — одно и то же, так как активные граждане составляли фактически во всех департаментах приблизительно шестую часть всего населения; взять ли за основу распределения численность населения или число активных граждан, результат получается одинаковый.

Итак, было решено разделить общую численность населения Франции на столько частей, сколько должно было быть депутатов во второй трети, то есть приблизительно на 240. И каждый департамент будет иметь право на избрание в эту вторую треть столько депутатов, сколько на него приходится частей, полученных при таком делении.

Казалось бы, такого представительства в соответствии с территорией и населением должно было бы быть достаточно, ибо, как признал сам Тарже в своей важной речи 11 ноября 1789 г., плотность населения является вообще результатом и признаком богатства².

Следовательно, устанавливая число избираемых пропорционально численности населения значит до некоторой степени устанавливать его пропорционально общему богатству департамента.

Но, по мнению Учредительного собрания, при определении числа депутатов надо принимать в расчет богатство департамента, устанавливаемое и измеряемое суммой уплачиваемых налогов, и Собрание решило, что последняя треть депутатов будет избираться в соответствии с вносимой департаментом суммой прямых налогов. Всю сумму прямых налоговых поступлений надо разделить на число депутатов этой последней трети, то есть приблизительно на 240, и на каждый департамент придется из последней трети столько депутатов, сколько он выплачивает этих налоговых долей.

Некоторые члены Учредительного собрания возражали, что это опять-таки благоприятствовало бы «аристократии богатей». Я думаю, что они ошибались, так как именно в районах, где были сосредоточены богатства, находилось наибольшее число рабочих, имевших такой достаток, что они могли бы платить налог в размере трехдневного заработка и быть избирателями. Как раз самые богатые районы и были наиболее пламенными очагами Революции, и поскольку бедные районы уже были поставлены в благоприятные условия благодаря избранию первой трети представительства в соответствии с территорией, то та треть, которая избиралась в соответствии с суммой уплачиваемого налога, только восстанавливала равновесие.

Поэтому меня не удивляет, что в итоге система, введенная Учредительным собранием, установила представительство в соот-

1. Граф д'Аржансон (1696—1764) — глава полиции, затем военный министр с 1743 г. Жорес спутал здесь графа д'Аржансона с его братом маркизом (1694—1757), который был министром иностранных дел и действительно оставил мемуары.

2. Тарже (1733—1806) — бывший адвокат в парламенте, член Французской академии, депутат третьего сословия от Парижской округи.

ветствии с численностью населения, сохранив за наименее населенными и наименее богатыми департаментами минимум представительства. Срок полномочий всех избранных таким способом депутатов составлял два года.¹

Итак, депутаты Национального собрания избирались посредством департаментских выборов. Но это отнюдь не было голосованием «по спискам». Созванное в главном городе департамента собрание выборщиков избирало каждого депутата в отдельности. Таким образом, выборы были департаментскими и индивидуальными.

Но департамент представлял собой не только избирательный округ для избрания депутатов. Он представлял собой также административный округ, и каждый из дистриктов (или округов), на которые был разделен департамент, в свою очередь был подчиненным административным округом.

Существовали департаментские административные собрания и окружные административные собрания (дистрикта). Департаментские собрания имеют некоторое сходство с тем, что в наше время называют генеральными советами, а собрания дистрикта — с тем, что теперь называют окружными советами. Но различие между административными учреждениями, созданными Учредительным собранием, и нынешними очень велико. Прежде всего, была иная система выборов. Теперь каждый член генерального совета избирается кантоном. Согласно закону от 22 декабря 1789 г., всех членов административного собрания избирало общее собрание выборщиков, созываемое в главном городе департамента; выборы, ныне кантональные, были тогда департаментскими. Одно и то же собрание выборщиков избирало и администраторов департамента, и депутатов Законодательного корпуса.

Избрав сначала депутатов, оно избирало администраторов департамента; затем выборщики, возвратившись в свои дистрикты, составляли в главном городе дистрикта избирательное собрание для выборов администрации дистрикта. Все эти административные собрания обновлялись наполовину каждые два года.

Но наиболее резкое различие между системой тех дней и системой нынешней состоит в том, что наряду с этими различными собраниями — департамента и дистрикта — не существовало никаких представителей центральной власти, никаких «чиновников», назначаемых королем. Департаментская исполнительная власть была такой же выборной, как и власть, выносившая решения. «Администрация каждого департамента будет разделяться на две секции. Одна, под названием *департаментского совета*, будет ежегодно собираться на сессию, чтобы устанавливать правила для каждого отдела администрации и определять программу работ и общие расходы департамента; эта сессия сможет длиться шесть недель при первом созыве и не более месяца при следующих.

Вторая секция, под названием *департаментской директории*, будет действовать постоянно и заниматься текущими делами; ежегодно она будет представлять департаментскому совету отчет о своей деятельности, который будет печататься и тем самым становиться гласным.

Члены каждой департаментской администрации изберут в конце первой сессии из своего состава 8 человек, которые составят директорию; каждые два года они будут обновлять ее в половинном составе; остальные 28 членов образуют департаментский совет¹.

Итак, департаментское собрание состояло из 36 выборных членов; они избирали из своего состава 8 человек, составлявших департаментскую директорию, то есть исполнительную власть. При каждой администрации департамента непременно имелся генеральный прокурор-синдик. Но последний, довольно неясные полномочия которого, по-видимому, состояли главным образом в том, чтобы напоминать членам собрания о правах граждан и общих интересах нации, избирался департаментским собранием выборщиков.

Следовательно, все три административных органа власти департамента — власть, выносившая решения, или департаментский совет, исполнительная власть, или департаментская директория, и власть, которую можно было бы назвать властью предохраняющей, или генеральный прокурор-синдик, — были выборными; можно даже сказать, что они избирались одними и теми же выборщиками, поскольку даже члены директории, прежде чем быть избранными своими коллегами для выполнения этих особых обязанностей, получали от собрания выборщиков общие административные полномочия.

Таким же образом формировалось собрание дистрикта (окружное) из 12 членов, которое делилось на две секции, одну из 8 человек — *совет дистрикта* и вторую из 4 человек — *директорию дистрикта*. При собрании дистрикта состоял выборный прокурор-синдик, так же как генеральный прокурор-синдик состоял при департаментском собрании.

Если, помимо этого, принять во внимание, что в муниципалитетах, о которых теперь пойдет речь, все органы власти тоже были выборными, то окажется, что в этой всеобъемлющей административной организации новой Франции нигде не было места для уполномоченных центральной власти. Ни король, ни Национальное собрание не назначали ни одного административного чиновника, и связь с жизнью нации и согласованность деятельности всех этих местных выборных властей с действиями центральной

1. Жорес вольно цитирует здесь статьи 20—23 раздела II («О формировании и организации адми-

нистративных собраний») декрета от 22 декабря 1789 г.

власти могла установиться только благодаря предполагаемой общности мыслей и воли.

Мне представляется совершенно бесцельным абстрактно спорить о ценности этой административной системы. Радикалы-«автономисты» ее превозносят, централисты, «правительственные деятели», ее осуждают, считая, что она привела Революцию к анархии. Но изолировать эту систему, чтобы о ней судить, от исторических условий, в которых она была создана и в которых она действовала, — значит совершать странную методологическую ошибку.

Для того чтобы подобная организация могла возникнуть и устоять, понадобилось три главных условия. Прежде всего, крайнее недоверие законодателя к центральной власти. Если бы король с самого начала не предал и не старался подавить Революцию, если бы Учредительное собрание не находило, что было смертельной опасностью передать часть административной власти королевским уполномоченным и лицам, находившимся под покровительством двора, возможно, оно отвело бы в административной системе какое-нибудь место для королевской власти.

Так же, как посредством приостанавливающего *вето* оно попыталось примирить верховную власть нации с королевской властью, оно придумало бы какую-нибудь административную комбинацию, примиряющую принципы выборности с централизацией власти. Например, оно могло бы решить, что генеральный прокурор-синдик должен назначаться королем по списку кандидатов, представляемому собранием выборщиков, или могло бы предоставить этому генеральному прокурору-синдику некое право приостанавливающего *вето*. Но двор был врагом; королевская власть внушала более чем обоснованное недоверие к себе; Учредительное собрание не могло и помыслить о том, чтобы предоставить контрреволюции хотя бы часть революционного аппарата.

Во-вторых, для того чтобы эта административная система могла утвердиться, исполнительная власть, которой еще и не доверяли, должна была быть настолько слаба, чтобы согласиться отойти на второй план, а именно таково и было положение Людовика XVI после 14 июля и октябрьских дней.

Наконец, надо было, чтобы центральная власть, какова бы она ни была, не вела ожесточенной борьбы, которая требует огромной концентрации всех сил и полного единства действий. В 1790—1791 гг. имело место как раз некоторое ослабление напряжения. Контрреволюция организует свои силы, но еще не выступает открыто, и можно надеяться, что Революция совершится мирно. Напротив, как только началась ожесточенная борьба, Конвент был вынужден установить строгую правительственную и административную централизацию и посредством депутатов, посылаемых с миссией, взять в свои руки всю власть.

Итак, административная система Учредительного собрания свидетельствует одновременно о его крайнем недоверии к королю и о беспредельной вере в естественное и мирное развитие Революции. Она также свидетельствует о том, что пролетариат не внушал членам Учредительного собрания ни малейшего классового беспокойства. Если бы буржуазия боялась за свои экономические привилегии, то она, несмотря на такие предосторожности, как ценз для избирателей и для избираемых, не отдала бы на усмотрение 4 млн. активных граждан всю администрацию страны; не передала бы департаментов, дистриктов, коммун, без надлежащего контроля и противовеса, без регулирования из центра, в руки массы ремесленников и крестьян.

То, что революционная буржуазия предоставила исключительно превратностям выборов Париж, Нант, Лион, Марсель, Сент-Этьенн, передала исключительно выборным органам не только всю административную власть, но, как мы увидим, и всю судебную и всю церковную власть, говорило, очевидно, о том, что она была совершенно уверена в своей силе и в своем праве. Это устройство свидетельствует о том, что между буржуазией и пролетариатом еще не возникло классовой борьбы и даже классового недоверия.

Следовательно, административная система Учредительного собрания могла отвечать потребностям лишь очень короткого исторического периода. Но в течение этого периода, длившегося с 1789 до конца 1792 г., она оказала Революции и Франции огромную услугу. Она оградила страну от контрреволюционных действий королевской власти. Она приучила граждан в департаментах и коммунах к самоуправлению и, таким образом, еще до возникновения Республики способствовала республиканскому воспитанию нации; бегство в Варенн и события 10 августа привели бы Францию в полное смятение, если бы у нее уже не появилось привычки обходиться без короля в важных делах своей повседневной жизни. Наконец, эта административная система выдвинула сотни тысяч преданных людей, выборных должностных лиц и, таким образом, создала чрезвычайно прочную революционную сеть, против которой тщетно боролись силы прошлого.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Решающее значение имело особенно муниципальное устройство. Прежде всего оно приводило в движение и, если можно так выразиться, в трепет все клетки, все фибры общественного организма. И в самом деле, во Франции было 44 тыс. муниципалитетов. Сиейес хотел бы, чтобы число коммун было невелико, и само Учредительное собрание к концу срока своих полномочий, пересмотрев конституцию, предполагало сократить их число под тем предлогом, что их чрезвычайная многочисленность благоприятствовала «анархии» и делала невозможным всякое общее начинание.

В действительности, невозможно было уничтожить местную жизнь старых приходов и деревенских общин. Ее надо было видоизменить, воодушевить, возвысив до свободы. Именно это в декабре 1789 г. и сделало Учредительное собрание. Благоприятствуя, таким образом, действию народных сил, оно нисколько не способствовало «непосредственной анархии», как пишет Тэн, а наоборот, способствовало непосредственному управлению. Именно непрерывная и неусыпная деятельность бесчисленных муниципалитетов заменила собой неизбежно обреченную на бессилие исполнительную власть, поддержала порядок, покарала или предупредила заговоры, обеспечила, создав общественные мастерские, жизнь бедняков и усилила позиции Революции в стране.

Ниже приводятся основные статьи из текста декрета, касающегося муниципальной организации.

«Статья 1. Ныне существующие в каждом городе, поселке, приходе и общине муниципалитеты под названием городской

думы, мэрии, магистрата (échevinats), консулата и вообще под любым иным наименованием, упраздняются и отменяются; однако ныне находящиеся на службе муниципальные должностные лица будут продолжать выполнять свои обязанности, пока они не будут заменены.

Статья 2. Должностные лица и члены нынешних муниципалитетов будут заменены путем выборов.

Статья 3. Права представления, назначения или утверждения и право председательствовать или присутствовать на муниципальных собраниях, на каковые притязают или каковые осуществляют в силу владения определенными землями, исполнения функций правителя провинции или города, в силу сана епископа или архиепископа и вообще на любом другом основании, — отменяются.

Статья 4. Глава всякого муниципального органа будет именоваться мэром.

Статья 5. Все активные граждане каждого города, поселка, прихода или общины смогут участвовать в выборах муниципалитета.

Статья 6. В общинах с числом жителей менее 4 тыс. активные граждане соберутся на одно собрание, в общинах с числом жителей от 4 тыс. до 8 тыс. — на два собрания, в коммунах с числом жителей от 8 тыс. до 12 тыс. — на три собрания и так далее.

Статья 7. Собрания не могут организовываться по ремеслам, профессиям или корпорациям, а только по кварталам или округам».

Итак, при организации муниципальной власти было уничтожено все то, что осталось от феодальной или корпоративной власти. Ни сеньоры, ни архиепископы, ни главы корпораций не могут более назначать муниципальных должностных лиц или по праву присутствовать на муниципальных собраниях. Буржуазная муниципальная олигархия тоже была упразднена, исчезают такие исконные институты, как совет синдиков (la jurade) в Бордо и консулат в Лионе.

Например, в Лионе имелось 19 нотаблей, представлявших¹: один — капитул Сен-Жан, один — остальное духовенство, один — дворянство, один — гражданский и уголовный суд, один — казначеев Франции, один — суд финансово-податного округа, один — корпорацию нотариусов, один — корпорацию прокуроров, пять — коммерсантов, четыре — корпорации ремесел; эти 19 нотаблей избирали 4 эшевенот и составляли список из 3 кандидатов-дворян, из которых король назначал главу муниципального совета.²

1. Ввиду обширности библиографии по революционному периоду Лиона трудно установить источник, которым пользовался Жорес. Укажем здесь в основном M. Wahl Les premières années de la

Révolution à Lyon, 1788—1792. Paris, 1894 (работа, которой Жорес уже пользовался), S. Chailétu, Lyon en 1789... Lyon, 1898.

В большей части крупных городов действовали аналогичные системы.

Все это беспорядочное нагромождение пережитков старого порядка и буржуазных элементов рухнуло под первыми же ударами Революции, и когда говорят, что революция была «буржуазной», то в это нужно внести ясность. Она не была совершена буржуазной олигархией; наоборот, она была совершена против буржуазной олигархии, связавшей себя со старым порядком. И революционная буржуазия была достаточно уверена в силе своих богатств, в своей просвещенности, в своей предприимчивости, чтобы без страха смешаться с огромной массой третьего сословия.

Даже ограничение числа активных граждан явилось в то время мерой предосторожности, предпринятой в интересах скорее Революции, нежели самой буржуазии.

И в самом деле, налог в сумме трехдневного заработка в данной местности, который надо было уплатить, чтобы стать активным гражданином и избирателем, и десятидневного заработка, который надо было уплатить, чтобы получить право быть избранным на муниципальную должность, был весьма низок в очень многих коммунах: в Лионе, например, сумма дневного заработка была установлена в 10 су. Следовательно, достаточно было уплатить 30 су налога, чтобы стать избирателем, и 5 ливров — чтобы получить право быть избранным.

В Лионе правом быть избранными пользовались 4450 граждан. В целом муниципальным движением руководила богатая и революционная буржуазия, оно не было узкобуржуазным в том смысле, который это выражение обрело впоследствии в результате классовой борьбы. И голосование происходило не по корпорациям, а по кварталам. Все активные граждане независимо от их профессии и имущественного положения собирались вместе. Различные кварталы представляли собой не более, чем избирательные участки, и результаты голосования сводились воедино. Внутри коммуны никакие барьеры, никакие преграды не препятствовали взаимодействию сил, пламенному бурлению жизни.

Мэра выбирали не муниципальные должностные лица, как это предусматривает современный закон, а непосредственно активные граждане.

«Статья 16. Мэры всегда будут избираться абсолютным большинством голосов. Если первое голосование не даст такого большинства, то надо будет произвести вторичное голосование, а если и оно не даст его, то третье голосование, при котором надо будет сделать выбор только между двумя гражданами, собравшими наибольшее число голосов при предыдущем голосовании; наконец, если при этом третьем голосовании число голосов, поданных за каждого из них, окажется равным, то следует отдать предпочтение старшему по возрасту».

Итак, мэр получал свои полномочия прямо от народа. Другие

муниципальные должностные лица тоже избирались активными гражданами прямым голосованием по списку.

Как мы видим, муниципальные выборы не многостепенные в отличие от выборов депутатов в Национальное собрание или от выборов администрации департаментов и дистриктов. В муниципальной системе активные граждане не избирают сначала известного числа выборщиков, которые участвуют в окончательных выборах.

Активные граждане избирают членов муниципального совета сразу, прямым голосованием. Таким же образом они выбирают, кроме мэра и муниципальных должностных лиц, *прокурора коммуны*, не имеющего решающего голоса, но представляющего перед муниципалитетом интересы местной общины. Он в некотором роде защитник (адвокат) граждан в их взаимоотношениях с муниципалитетом.

Наконец, активные граждане еще избирают нотаблей голосованием по списку относительным большинством голосов, причем число нотаблей должно быть вдвое больше числа муниципальных должностных лиц. Вместе с членами муниципалитета эти нотабли образуют *генеральный совет коммуны* и созываются только для решения важных дел.

Такое привлечение нотаблей объясняется очень малым числом членов муниципальных органов в малых коммунах. «В городах, поселках, приходах и общинах с населением от 500 до 3 тыс. человек должно быть 3 члена муниципалитета с мэром включительно; при населении от 3 тыс. до 10 тыс. — 9; при населении от 10 тыс. до 25 тыс. — 12; при населении от 25 тыс. до 100 тыс. — 15; при населении более 100 тыс. — 21».

Таким образом, в самых малых коммунах число администраторов, с нотаблями включительно, равнялось девяти. Можно полагать, что в общем не менее миллиона граждан было призвано к активной деятельности в муниципалитетах. Сразу после уничтожения старого порядка это была поразительная мобилизация энергии людей.

Каковы были функции упомянутых административных органов? На департаментские собрания возлагалась раскладка налогов между дистриктами, которые раскладывали их между коммунами. Кроме того, департаментские собрания следили за тем, чтобы муниципалитеты соблюдали общие законы.

Что касается муниципальных органов (статья 49 и следующие), то они должны были выполнять функции двоякого рода: одни, входящие в компетенцию муниципальной власти, и другие, входящие в компетенцию общей государственной администрации, но возложенные ею на муниципалитеты.

«Статья 50. Функции, входящие в компетенцию муниципальной власти, действующей под контролем и надзором административных собраний:

ведать общественными имуществами и доходами городов, поселков, приходов и общин;

ведать местными расходами и погашать те, которые должны уплачиваться из общественных средств;

руководить общественными работами, возложенными на общину, и организовывать их;

управлять учреждениями, принадлежащими коммуне, содержащимися на ее средства или предназначенными, в частности, для нужд граждан, из которых она состоит;

обеспечивать жителям преимущества, доставляемые хорошою полицией, а именно чистоту, хорошие санитарные условия и спокойствие на улицах, в общественных местах и зданиях.

Статья 51. Функции, составляющие компетенцию общей администрации и могущие быть переданы муниципальным органам для их осуществления под контролем административных собраний:

раскладка прямых налогов между гражданами, составляющими общину,

взимание налогов;

внесение этих налоговых сумм в кассы дистрикта или департамента;

непосредственное руководство общественными работами, находящимися в ведении муниципалитета;

непосредственное управление общепользовными общественными учреждениями;

надзор за сохранностью общественной собственности и принятие необходимых для этого мер;

непосредственная проверка работ по ремонту или восстановлению церквей, домов священников и всего прочего, относящегося к публичному отправлению религиозного культа.

Статья 52. Для выполнения функций, находящихся в ведении муниципальных органов или переданных им, они пользуются правом, в случае надобности, прибегать к помощи национальной гвардии и других сил общественного порядка.

Статья 54. Генеральный совет коммуны, состоящий как из членов муниципалитета, так и из нотаблей, будет созываться во всех случаях, когда муниципальная администрация сочтет это уместным, и его созыв для нее обязателен, если дело будет касаться решения следующих вопросов:

о приобретении или отчуждении недвижимости;

о чрезвычайных налогах для покрытия местных расходов;

о займах;

о предпринимаемых работах;

об использовании средств от продаж взысканий и поступлений;

о процессах, возбуждаемых общиной;

то же относительно процессов, возбужденных против общины, когда оспаривается по существу правовая сторона дела».

Вот еще две статьи, регулирующие взаимоотношения муниципалитетов и департаментских административных органов:

«Статья 55. Муниципальные органы будут полностью подчинены администрации департамента и дистрикта во всем, что будет касаться функций, которые они должны будут выполнять по поручению общей администрации

Статья 56. Что касается выполнения функций, входящих в компетенцию муниципальной власти, то все решения, для принятия которых необходим созыв генерального совета коммуны, смогут выполняться только после одобрения главы департаментской администрации или департаментской директории, которое будет даваться в случае надобности по уведомлении главы администрации или директории дистрикта».

Таковы наиболее существенные особенности муниципального законодательства; не следует заблуждаться относительно смысла слова *нотабли*: эти нотабли нисколько не были похожи на тех, кого позже называли «людьми, обложенными наибольшим налогом»; для того чтобы стать нотаблем, так же как и для того, чтобы стать членом муниципалитета, было достаточно платить налог в размере десятидневного заработка.

Это законодательство как таковое давало муниципалитетам огромную административную власть. Несмотря на опеку департаментских административных органов, впрочем тоже выборных, муниципальные органы действовали очень энергично.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ЗАКОНЫ

Нам представляется необходимым напомнить здесь основные черты политической организации, установленной Конституцией 1791 г., организации, которую уничтожило народное восстание 10 августа 1792 г. Новые политические институты не имели иной цели, как обеспечить мирное господство победившей буржуазии, оградив его от возврата аристократии и абсолютной монархии, равно как и от всякой попытки освобождения со стороны народа.

Политическая реформа была предпринята в июле 1789 г. 7 июля был сформирован комитет из 30 членов для подготовки новой конституции. 26 августа была принята Декларация прав, в октябре — ряд статей, в декабре — система выборов. В течение лета 1790 г. выявилась необходимость некоторых изменений. В августе 1791 г. приступили к обсуждению окончательного текста, и он был, наконец, принят 3 сентября: это была Конституция 1791 г. Она либеральна, ибо на развалинах абсолютизма устанавливала национальный суверенитет, она буржуазна, ибо обеспечивала господство имущих классов.

Исполнительная власть могла быть облечена только в форму монархии: тогда никто не представлял себе иначе большое государство. 22 сентября 1789 г. Учредительное собрание объявило своим декретом, что «образ правления во Франции — монархический». Но когда понадобилось определить полномочия короля, оно их, как только было возможно, ограничило, но все-таки побоялось окончательно обезоружить короля перед лицом требований народа. Статья, принятая 22 сентября, хотя и устанавливала монархический образ правления, утверждала: «Во Франции нет власти выше власти закона; король правит только на основании закона и вправе требовать повиновения только на основании закона». Воля короля не имеет более силы закона. На следующий день, 23 сентября, Собрание сделало новую попытку еще больше подчинить королевскую власть нации, то есть буржуазии: все виды власти исходят, по существу, от нации и могут исходить только от нее; законодательная власть принадлежит Национальному собранию. Но власть монарха должна быть доста-

точно сильной, чтобы оградить буржуазию от всяких посягательств народа. В этом смысле большинство Собрания уже высказалось за *приостанавливающее вето* (11 сентября 1789 г.): вето позволяло королю пресечь всякую попытку демократического законодательства; но как приостанавливающее вето оно в конечном счете оставляло окончательное решение за Собранием, на тот случай, если бы король захотел совершить поворот к абсолютизму или, как ему советовал Мирабо, опереться на народ, дабы избавиться от опеки буржуазного Собрания. Если, с другой стороны, Собрание отвергло 10 сентября учреждение верхней палаты, то только потому, что оно хотело устранить преданное монархии дворянство. Королю было отказано в праве роспуска Законодательного собрания, дабы сделать его бессильным перед лицом буржуазии, господствующей в законодательном корпусе, заседания которого были объявлены непрерывными.

После октябрьских дней Национальное собрание продолжало разрушать традиционный институт монархии. Декрет от 8 октября 1789 г. изменил титул «*король Франции и Наварры*» на титул «*король французов*»; 10 октября, не смея решительно отрицать божественный характер монархии, Учредительное собрание декретировало, что отныне король будет именоваться *Людовик, милостью божией и в силу конституционного закона государства король французов*. Это подчинение короля закону, устанавливаемому законодательным корпусом, который сам представляет буржуазию, еще более явно обнаружилось в статьях, принятых 9 ноября 1789 г., о представлении и утверждении законов и форме

их обнародования. Законодательное собрание должно было представлять свои декреты королю либо каждый в отдельности по мере их принятия либо все вместе по окончании каждой сессии. Согласие короля должно было быть зарегистрировано на каждом декрете в виде формулы: *король согласен и приведет в исполнение*; а приостанавливающий отказ в виде формулы: *король рассмотрит*. Формула обнародования законов ясно показывала главенство законодательной власти над исполнительной; *Национальное собрание декретировало, и мы желаем и приказываем следующее...*

Обреченный на бессилие в центральном правительстве, король также бессильен и в органах местной администрации. Закон от 22 декабря 1789 г. о новой департаментской организации уничтожил всех агентов исполнительной власти в новых административных округах. Между администрацией департамента и исполнительной властью нет больше посредников. Функции интендантов и их субделегатов были упразднены, как только члены департаментской администрации приступили к исполнению своих обязанностей.

Этот *король французов*, наследственный, но подчиненный конституции, которой он приносит присягу, является не более, чем чиновником с окладом в 25 млн. по гражданскому листу. Он сохраняет право назначать министров, но не из состава Собрания. Он ничего не может предпринять без их подписи. Это обязательное условие лишает его всякой возможности принимать самостоятельные решения и ставит в зависимость от его совета; король не несет никакой ответственности. Он назначает высших чиновников, послов и гене-

ралов, руководит дипломатией, но он не вправе объявлять войну или подписывать договоры без предварительного согласия Собрания. Центральная администрация насчитывает шесть министров (внутренних дел, юстиции, военного, военно-морского флота, иностранных дел, государственных налогов); прежние советы исчезли. Собрание может предъявлять министрам обвинения; они отчитываются перед ним, оставляя свой пост. Вопреки теории разделения властей, король благодаря своему праву приостанавливающего вето сохраняет часть законодательной власти; но это его право не распространяется ни на конституционные, ни на финансовые законы.

Законодательная власть принадлежит однопалатному собранию, избираемому на два года посредством цензовых двухстепенных выборов — Национальному законодательному собранию, состоящему из 745 депутатов. Постоянно действующее, неприкосновенное и нераспускаемое Собрание господствует над монархией. Оно обладает законодательной инициативой. Оно имеет право надзора за деятельностью министров, против которых может быть возбуждено дело в Национальном Верховном суде по обвинению в преступлениях «против национальной безопасности и конституции». Собрание контролирует внешнюю политику при посредстве своего Дипломатического комитета; оно принимает постановления о военных контингентах. Собрание обладает верховной властью в области финансов, король не вправе ни распоряжаться фондами, ни даже предлагать бюджет. Собираясь на законном основании, без созыва королем в первый понедельник мая месяца,

само назначая место своих заседаний и продолжительность своих сессий, Собрание не зависит от короля, который не вправе распустить его. Оно может даже обойти вето короля, обратившись непосредственно к народу посредством прокламации. Под внешне монархической формой фактическая власть находилась в руках цензовой буржуазии, денежных нотаблей.

Библиографические указания. — В целом о деятельности Учредительного собрания см.: A. Aulard. Histoire politique de la Révolution française. Paris, 1901; J. Godechot. Les Institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. Paris, 1951. О принципах 1789 г. и их применении см.: Ph. Sagnac. La Législation civile de la Révolution. Paris, 1898; M. Garaud. Histoire générale du droit privé français (de 1789 à 1804). Т. I: «La Révolution et l'égalité civile». Paris, 1953. Об организации управления см.: A. Mathiez. La Révolution française et la théorie de la dictature. — «Revue historique», t. CLXI, 1929, p. 304—315; P. Duclos. La Notion de constitution dans l'œuvre de l'Assemblée constituante de 1789. Paris, 1932; M. Deslans. Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à 1870. Т. I: «De la fin de l'Ancien Régime à la chute de l'Empire, 1789—1815». Paris, 1932.

О создании департаментов имеется ряд монографий. См.: Ch. Porée. Formation du département de l'Yonne. Paris, 1905; D. Jouany. La Formation du département du Morbihan. Vannes, 1920; J.-E. Gerock. La formation des départements du Rhin en 1789. — «Revue d'Alsace», 1925, p. 193—212; M. Paugre. Le département

de l'Aube. Son origine et ses transformations jusqu'en l'an VIII. — «Mémoires de la Société de l'Aube», 1928, p. 119—182 (отдельный тираж, Troyes, 1928); L. Merle. La Formation territoriale du département des Deux-Sèvres. Niort, 1938; E. Desgranges. La Formation territoriale du département de la Haute-Vienne, 1789—an X. Paris, 1942; L. Desgraves. La Formation territoriale du département du Lot-et-Garonne. Nérac, 1956; Mlle Arfaut. La formation du département du Loir-et-Cher. — «Annales historiques de la Révolution française», 1957, p. 34—49; P. Levéel. Le Partage de la généralité de Tours et la délimitation du département d'Indre-et-Loire. 1789—1790. Tours, 1964; J. Bricaud. L'Administration du département d'Ille-et-Vilaine au début de la Révolution, 1790—1791. Rennes, 1965.

Говоря об организационных законах, Жорес совершенно не упоминает ни о судебной реформе (за исключением краткой ссылки), ни о налоговой реформе.

Судебная реформа была проведена в том же духе, что и административная реформа. Бесчисленные особые юрисдикции, существовавшие при старом порядке, были отменены: их место заняла новая иерархия судов, основанных на национальном суверенитете и одинаковых для всех граждан. Новая судебная организация старалась оградить свободу личности; отсюда целый ряд гарантий в пользу обвиняемого: слушание дела в суде через 24 часа после ареста, гласный суд, непременно участие адвоката. Применение принципа национального суверенитета привело к выборности судей и учреждению института присяжных. Была

прекращена практика продажи должностей. Судей избирали из числа юристов с ученой степенью, и они отправляли правосудие от имени нации. Граждан призывали высказывать свое мнение с точки зрения фактов, тогда как судьи должны были принимать решения с точки зрения права; однако институт присяжных был организован только для рассмотрения уголовных дел.

В области гражданского права декретом от 16 августа 1790 г. Учредительное собрание ввело, заимствуя английский термин, *мировой суд* в каждом кантоне. Мировые судьи, избираемые на два года первичными собраниями из числа активных граждан, выносят окончательное решение по всем тяжбам на сумму, не превышающую 50 ливров, и как суд первой инстанции — по тяжбам на сумму не выше 100 ливров. Закон еще уделял значительное место арбитражу, обязательно, в частности, при разборе всех семейных дел. Хотя организовать эти мировые суды часто бывало трудно, это тем не менее было очень удачным решением вопроса, и мировые суды оказались одним из наиболее прочных творений Учредительного собрания. Вышестоящим судом был *суд дистрикта*, образуемый из пяти судей, избираемых на 6 лет избирательным собранием дистрикта, и прокурора, назначаемого королем. Он разбирал апелляции по приговорам мировых судей; его компетенция суда последней инстанции ограничивалась тяжбами на сумму менее 100 ливров, а по тяжбам на более высокую сумму его решения могли быть обжалованы в апелляционном порядке. Но специального апелляционного суда не существовало: суды дистрикта выполняли

функции апелляционного суда один по отношению к другому.

В области уголовного судопроизводства законами от 20 января, 19 июля и 16 сентября 1791 г. были учреждены три степени юрисдикции. В коммуне мелкие правонарушения разбирались простым полицейским судом, состоявшим из муниципальных должностных лиц. В кантонах дела разбирал уголовный полицейский суд в составе мирового судьи и двух приюдомов. В главном городе департамента имелся *уголовный суд*. Он состоял из председателя и трех судей, избираемых департаментским избирательным собранием; кроме того, в него входили общественный обвинитель, на чьей обязанности было руководство судебным преследованием, и королевский комиссар, который должен был требовать применения того или иного наказания. Обвинительное жюри (восемь присяжных, назначаемых по жребию на основании ранее составленного списка) выносило решение о том, имеются ли основания возбуждать судебное преследование; судебное жюри (двенадцать присяжных) выносило решение о вменяемости в вину деянию; присяжных привлекали из числа активных граждан. Приговор суда не подлежал апелляции. 25 сентября 1791 г. Учредительное собрание приняло Уголовный кодекс, отменявший все *мнимые преступления* (ересь, оскорбление величества...) и устанавливавший три рода правонарушений (муниципальные правонарушения, уголовные правонарушения, правонарушения и преступления, влекущие за собой наказания по приговору суда и наказания, связанные с поражением в правах). Предусмотренные кодексом наказания, «строго и явно необходи-

мые», были личными и одинаковыми для всех.

На вершине судебной иерархии находилось два национальных суда. *Кассационный суд*, созданный на основании закона от 27 ноября 1790 г. и избираемый из расчета по одному судье от каждого департамента, мог аннулировать решения различных судов, но он рассматривал лишь формальные нарушения судебной процедуры и законов; касировавшиеся судебные решения передавались для нового разбирательства другому суду той же инстанции. Компетенции *Национального Верховного суда*, учрежденного 10 мая 1791 г., подлежали правонарушения со стороны министров и высших должностных лиц, а также преступления против безопасности государства.

Эта судебная организация, стройная и разумная, была независима от короля; хотя правосудие и вершилось, как и прежде, его именем, оно стало делом нации. Но фактически судебная власть, как и власть политическая и власть административная, находилась в руках цензовой буржуазии.

Библиографические указания.— См.: E d. S e l i g m a n. La Justice en France pendant la Révolution. T. I. Paris, 1920; A. M a t e r. L'histoire juridique de la Révolution.— «Annales révolutionnaires» 1919, p. 429—458; J. L u c a s d e P e s l o u a n. Histoire de la juridiction administrative sous la Révolution et l'Empire. Dijon, 1907. О работе новых судов см.: A. G r i v e l. La Justice civile dans le district de Montpellier en 1790—1791. Montpellier, 1928; H. T h o m a s. Le Tribunal criminel de la Meurthe sous la Révolution. Nancy, 1937; J. L. D e b a u v e. La Justice révolutionnaire

dans le Morbihan. 1790—1795. Paris, 1965.

Налоговая реформа была основана на тех же общих принципах, что и другие организационные законы. Это было равенство всех перед налогообложением, разумная раскладка налогов, одинаковая по всей стране и пропорциональная средствам, личная и ежегодная. Налоговая система, введенная Учредительным собранием, принесла беспорное облегчение массе налогоплательщиков. Косвенные налоги были отменены, кроме регистрационных пошлин, необходимых для установления налогообложения земельной и движимой собственности, гербового и таможенного сборов.

Новая налоговая система предусматривала три больших прямых налога. *Поземельный налог*, введенный 23 ноября 1790 г., на доходы от земельной собственности: согласно принципу физиократов, это был главный налог. Но источник поземельного налога требовал составления национального кадастра, ибо только он мог бы позволить осуществить действительно равномерное распределение налогов, то есть справедливое распределение налогового бремени между департаментами, коммунами и налогоплательщиками. Собрание ограничилось определением суммы налога, которую обязан был внести каждый департамент, исходя из суммы прежних налогов, причем коммунальные реестры были составлены на основании заявлений налогоплательщиков. *Налогом с движимого имущества*, установленным 13 января 1791 г., облагался доход, о котором свидетельствовала квартирная плата или стоимость наемного жилища. *Торгово-промышленным налогом*, установлен-

ный 2 марта 1791 г., облагались доходы от торговли или от промышленного производства. Раскладка этих разнообразных налогов, предоставляемая коммуна, вызывала недовольство; чаще всего коммуны не имели ни возможности, ни даже желания тщательно заниматься этим неблагоприятным делом. Способ, состоявший в том, чтобы делать раскладку на основании прежних двадцатин с поправками, вызывал сильное недовольство; в частности, оказалось, что бремя налога на движимое имущество ложилось главным образом на жителей деревни и мало задевало городскую буржуазию.

Новая система взимания налогов усугубила эти неудобства. Взимание налогов было возложено на муниципалитеты: закон не предусматривал специальной финансовой администрации. В дистрикте в руках у выборного сборщика были сосредоточены все фонды, тогда как в департаменте генеральный казначей производил выдачи по указанию Национального казначейства. Высший орган — Национальное казначейство, организованное в марте 1791 г., в составе шести комиссаров, назначаемых королем, выдавало средства на покрытие расходов министерств.

Эта фискальная организация, простая и стройная, сохранялась в своих основных чертах в течение всего XIX в. Но в тот момент, когда она была введена, она способствовала усилению финансового кризиса. Внедрение новой системы требовало времени; между тем, прежние налоги были отменены с 1 января 1791 г., когда едва был установлен поземельный налог, а налог на движимое имущество и торгово-промышленный вообще еще не были введены.

Поступление установленного 6 октября 1789 г. патриотического взноса в размере четвертой части дохода тоже могло начаться не скоро. Займы, выпущенные Неккером (на 30 млн. из 4,5% — 9 августа и на 80 млн. из 5% — 27 августа 1789 г.), ничего не дали. Однако государственные долг рос вследствие платежей по займам духовенства, торговым обязательствам, а вскоре и пенсий духовенству и расходов на отправление культа. Казна оставалась пустой, государство перебивалось со дня на день благодаря авансам «Кэсс д'эсkomt».

Финансовый кризис заставил Учредительное собрание предпринять две важнейшие меры, углубившие социальную революцию: приступить к продаже церковных имуществ и выпустить бумажные деньги — ассигнаты.

Библиографические указания. — См.: R. Stourm. Les Finances de l'Ancien Régime et de la Révolution. Paris, 1885, 2 vol.; Ch. Gomet. Les Causes financières de la Révolution. Paris, 1892—1893, 2 vol.; Ch. Gomet. Histoire financière de l'Assemblée constituante. Paris, 1896—1897, 2 vol.; M. Marion.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Любопытно, что Жорес не уделяет внимания экономическим мероприятиям Учредительного собрания и утверждению экономического либерализма.

В Декларации прав от 26 августа 1789 г. вообще не упоминается экономика; это объясняется, несомненно, тем, что представителям буржуазии в Учредительном собрании экономическая свобода казалась

Histoire financière de la France depuis 1715. T. II. Paris, 1919.

История финансов получила новое освещение в следующих работах: F. Graesch. Finances et monnaies révolutionnaires. 1er fasc.: «Les exercices budgétaires de 1790 et 1791 d'après les comptes du Trésor». Nancy, 1934; R. Schnerb. Les Contributions directes à l'époque de la Révolution dans le département du Puy-de-Dôme. 1933; R. Schnerb. Recueil de textes et de tableaux relatifs à la patente à l'époque de la Révolution dans le département du Puy-de-Dôme. Paris, 1933; «La Péréquation fiscale de l'Assemblée constituante». Clermont-Ferrand, 1936; M.-L. Masson-Wehrung. Les impositions dans le département de la Meurthe au début de la Révolution.—«Annales de l'Est», 1961, № 2. О патриотическом взносе см.: R. Brouillard. Les Impositions extraordinaires sur le revenu pendant la Révolution. Bordeaux, 1910; A. Boidin. La Contribution patriotique en Lorraine. Nancy, 1910; P. Hugues. Histoire de la contribution patriotique dans le Bas-Languedoc. Paris, 1919.

чем-то само собой разумеющимся, но также, вероятно, тем, что народные массы по-прежнему крепко держались старой системы регламентации и таксации, которая до некоторой степени гарантировала их существование. Противоречивая двойственность экономической структуры старого порядка противопоставляла традиционной мелкой торговле и ремеслу промышленные предприятия

нового типа. Если капиталистическая буржуазия требовала экономической свободы, то народным слоям было присуще антикапиталистическое мышление. Экономический кризис, возникший в связи с плохим урожаем 1788 г., завершил фазу *упадка*, которая началась десятью годами ранее, и явился элементом, разъединившим третье сословие и неблагоприятно сказавшимся на формировании единого национального сознания. Свобода торговли хлебом, декретированная в 1787 г. Бриенном и отмененная на короткое время Неккером, если и способствовала увеличению производства зерна, по-видимому, была выгодна главным образом имущим слоям, буржуазии; народ терпел от нее ущерб. Он изобличал сеньоров и получателей десятины, обвиняя их в скупке; вскоре ему пришлось взяться за торговцев хлебом, за мельников, а затем и за булочников. Солидарность третьего сословия была под угрозой. Продовольственный вопрос с его глубокими отголосками (свобода экономики или контроль за экономикой, свобода прибыли или право на существование?) оказал влияние на то представление о нации, какое себе составили различные социальные категории в ходе Революции. Но экономический либерализм отвечал интересам капиталистической буржуазии; он был само собой разумеющимся.

Свобода собственности вытекала из отмены феодального порядка, совершившейся в ночь 4 августа. О формах этой отмены см. выше, с. 464. Утвердилось новое понятие собственности, вскоре включенное в число естественных и неотъемлемых прав человека — собственности в буржуазном смысле слова. Сво-

бодная, индивидуальная, полная, которой можно пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению, как то допускало римское право, собственность не имеет иных границ, кроме права собственности другого человека и в меньшей степени общественных интересов. Это буржуазная концепция, противоречащая не только феодальной концепции собственности, отягченной повинностями в пользу сеньора, но и концепции коллективной собственности на общинные земли и частной собственности, отягченной сервитутами в пользу деревенской общины.

Свобода землепользования вытекала из права собственности, признанного во всей его полноте. Победой *аграрного индивидуализма* завершалась долгая социальная и правовая эволюция, которая вела к распаду старой общинной аграрной системы; землевладелец, освобожденный от принудительного севооборота, может свободно обрабатывать свои поля, может огораживать их по своему усмотрению, может уничтожать паровые поля. Но когда докладчик от комитета Эрто де Ламервиль потребовал *свободы полей*, что привело бы к отмене права выпаса скота на сжатых полях, противоречившего «естественному и конституционному праву собственности», то Учредительное собрание отказалось от этой радикальной меры. Разумеется, на искусственные луга это право не распространялось. Но аграрный кодекс, окончательно принятый 27 сентября 1791 г., воздержался от того, чтобы сделать все выводы из установленных принципов: огораживать участки разрешалось, но право выпаса на сжатых полях и право прогона сохранялись, если они были основаны на

каких-либо документах или на обычае. Так, в течение значительной части XIX в. наряду с новым индивидуалистическим правом и новыми методами ведения сельского хозяйства уживалась старая аграрная система и традиционная деревенская община.

Свобода производства, уже установленная в земледелии благодаря свободе обработки земли, приняла общий характер в результате отмены корпораций и монополий. Это произошло не без колебаний со стороны буржуазии в Учредительном собрании, настолько различные и противоречивые интересы прикрывал этот институт. Теоретическая отмена корпоративных привилегий была декретирована в ночь 4 августа: «Все особые привилегии провинций, княжеств, городов, корпораций и общин бесспоротно отменяются». Но в принятом в окончательной форме декрете от 11 августа 1789 г. речь шла уже только об «особых привилегиях провинций, княжеств, местностей, кантонов, городов и общин жителей»; корпораций декрет не упомянул. Пришлось ждать еще более полутора лет. При обсуждении торгово-промышленного налога докладчик от Комитета государственных налогов д'Аллард, один из бывших, связал все проблемы: корпорация, как и монополия, является фактором дороговизны жизни; это исключительная привилегия, которую, следовательно, надо отменить. Закон от 2 марта 1791 г., так называемый закон д'Алларда, уничтожил корпорации, цеховые советы и институт мастеров, но также и привилегированные мануфактуры. Таким образом, были освобождены капиталистические производительные силы и был провозглашен свободный доступ для всех к тому, чтобы стать

хозяевами. Свобода производства была еще увеличена благодаря упразднению торговых палат — органов оптовой торговли, уничтожению промышленной регламентации, клейма и контроля и, наконец, инспекции мануфактур. Только закон конкуренции, закон предложения и спроса должен был управлять производством, ценами и заработной платой.

Свобода труда при такой системе неразрывно связана со свободой предпринимательства: рынок труда должен быть таким же свободным, как и рынок производства (о запрещении коалиций и стачек законом *Ле Шапелье* от 14 июня 1791 г. см. далее, т. I., ч. II. с. 219).

Остается вопрос о свободе торговли. С 29 августа 1789 г. торговля хлебом вновь обрела свободу, которую ей предоставил Бренин, правда, за исключением свободы экспорта; 18 сентября были введены свободные цены на хлеб. Мало-помалу свободный обмен внутри страны, имевший как экономическое, так и фискальное значение, наладился благодаря отмене габели (21 марта 1790 г.), внутренних пошлин и таможен (31 октября 1790 г.), городских ввозных пошлин и, наконец, обложения продажи товаров (2 марта 1791 г.); таким образом, почти полностью исчезали налоги на потребление, уже ранее осужденные физиократами философами; но это увеличение покупательной способности масс вскоре было сведено на нет повышением цен. Национальный рынок оказался объединенным благодаря исчезновению внутренних таможен, контроля, которого требовали габель и обложение продажи товаров, благодаря отмене дорожных пошлин, объявленных выкупаемыми, наконец, благодаря *отодвиганию застав*, когда были, наконец,

включены Эльзас и Лотарингия, находившиеся фактически на положении иностранных, что привело к совпадению таможенных границ с политическими границами. Свободу торговли дополнила свобода финансовой и банковской деятельности: рынок ценных бумаг стал таким же свободным, как и товарный рынок, что благоприятствовало развитию финансового капитала.

Свобода внешней торговли была установлена с отменой привилегий торговых компаний. Ост-Индская компания была восстановлена в 1785 г.: она пользовалась монопольным правом торговли в районах, расположенных за мысом Доброй Надежды. К удовлетворению представителей портов и оптовой экспортной торговли, которые вели наступление против привилегий этой компании, Учредительное собрание 3 апреля 1790 г. отменило ее монополию. Свобода торговли с Сенегалом была установлена 18 января 1791 г. Марсель утратил свои привилегии в торговле с Левантом и берберийскими странами 22 июля 1791 г. Но торговый либерализм буржуа — членов Учредительного собрания капитулировал перед опасностями иностранной конкуренции; это служит еще одним доказательством реализма деятелей 1789 г. Национальному производству было предоставлено таможенное покровительство. Правда, оно было умеренным, так как Собрание в принятом им 22 марта 1791 г. таможенном тарифе предусматривало запретительные пошлины лишь для небольшого числа товаров, как на ввоз, например, некоторых текстильных изделий, так и на вывоз для некоторых видов сырья, а главным образом для зерна. Более того, в колониальной торговле Собрание

сохранило систему *исключительного права*: колонии могли торговать только с метрополией (тариф от 18 марта 1791 г.).

Столь сильно было давление группы, представлявшей колониальные интересы, которая уже добилась сохранения рабства и отказа в политических правах людям с цветной кожей (о колониальном вопросе см. далее, т. I, ч. II).

Итак, традиционная экономическая система была разрушена. Несомненно, буржуазия еще до 1789 г. господствовала в сфере производства и обмена. Но принцип *laissez-faire, laissez-passer* (принцип свободы предпринимательства) извлек из экономической деятельности от препятствий, связанных с существованием привилегий и монополий. Капиталистическое производство родилось и начало развиваться еще в рамках феодальной системы собственности. Теперь эти рамки были разбиты. Буржуазия, представленная в Учредительном собрании, ускорила эволюцию, освободив экономику.

Библиографические указания. — См. сборники законодательных и административных текстов и документов, опубликованные Комиссией по разысканию и публикации документов, касающихся экономической истории Революции, комиссией, основанной Жоресом в 1903 г.: F. Gerbaux et Ch. Schmidt. Procès-verbaux des Comités d'agriculture et de commerce de la Constituante, de la Législative et de la Convention. Paris, 1906—1910, 4 vol., tables, 1937; Ph. Sagnac et P. Caron. Les Comités des droits féodaux et de législation et l'abolition du régime seigneurial, 1789—1793. Paris, 1907; C. Bloch et A. Tuetey. Procès-verbaux du Comité de mendi-

cité de la Constituante. Paris, 1911.

О сельском хозяйстве и крестьянах см.: G. L e f e b v r e. La place de la Révolution dans l'histoire agraire de la France.—«Annales d'histoire économique et sociale», 1929, p. 506—523, а также «La Révolution française et les paysans».—«Annales historiques de la Révolution française», 1933, p. 97—128, перепечатано в: «Études sur la Révolution française». Paris, 1954; 2e éd., 1963, p. 338—367; ег о ж е: «Les Paysans du Nord pendant la Révolution française». Lille, 1924. Об издольщине и аренде см.: G. L e f e b v r e. Questions agraires au temps de la Terreur. Strasbourg, 1932; 2e éd., La Roche-sur-Yon, 1954. О коллективных правах см.: M. B l o c h. La lutte pour l'individualisme agraire dans la France du XVIIIe siècle.—«Annales d'Histoire économique et sociale», 1930, p. 329—383, et 541—556. О технических проблемах см. следующие работы О. Фесту: O. F e s t u. L'Agriculture pendant la Révolution française. Les conditions de production et de récolte des céréales, 1789—1815. Paris, 1947; «L'Agriculture pendant la Révolution française. L'utilisation des jachères, 1789—1815». Paris, 1950; «L'Agriculture pendant la Révolution française. Les journaux d'agriculture et le progrès agricole, 1789—an VIII». Paris, 1950; «Les Délits ruraux et leur répression sous la Révolution et le Consulat. Étude d'histoire économique». Paris, 1956.

О торговле, промышленности и тружениках, работающих по найму, см.: E. L e v a s s e u r. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie

de 1789 à nos jours. Paris, 1859—1867, 2 vol.; 2e éd., 1903—1904 (дополненное и исправленное); ег о ж е: «Histoire du commerce en France». Paris, 1912; Ch.-H. P o u t h a s. La Constituante et la classe ouvrière.—«Annales révolutionnaires», 1911, p. 153—182; E. B. T a r p e. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Соч., т. II, изд. АН СССР, М., 1957. J. L e t a c o n n o u x. Le Comité des députés extraordinaires des manufactures et du commerce et l'oeuvre économique de la Constituante.—«Annales révolutionnaires», 1913, p. 149—208; P. R e y n o a r d. Les Ouvriers des manufactures nationales pendant la Révolution. Paris, 1917; P. C h a u v e t. Les Ouvriers du livre en France de 1789 à la constitution de la Fédération du livre. Paris, 1956.

По продовольственному вопросу см.: Ch. P o r é e. Les Subsistances dans l'Yonne et particulièrement dans le district d'Auxerre pendant la Révolution. Auxerre, 1903; введение Ж. Лефевра (G. Lefebvre) к т. I «Documents relatifs à l'histoire des subsistances dans le district de Bergues, 1789-an V.» Lille, 1913—1921, 2 vol.; G a s t o n - M a r t i n. La Politique nantaise des subsistances sous la Constituante et la Législative. Paris, 1924; G. S a n g n i e r. La Crise du blé à Arras à la fin du XVIIIe siècle, 1788—1796. Fontenay-le-Comte, 1943; R. W e r n e r. L'Approvisionnement en pain de la population du Bas-Rhin et de l'armée du Rhin pendant la Révolution, 1789—1797. Strasbourg—Paris, 1951; G. L e f e b v r e. Études orléanaises. T. II: «Subsistances et maximum, 1789 -an IV». Paris, 1963.